

ИСТОРИЯ
ЮРИДИЧЕСКОЙ
МЫСЛИ
РОССИИ

История — наставница жизни.

Т. ЦИЦЕРОН

*Только благодаря наличию справедливости
человек человеку Бог, а не волк.*

Ф. БЭКОН

*Бог создал человека животным, получившим
приказание стать человеком.*

ВАСИЛИЙ ВЕЛИКИЙ

*Уважение к минувшему — вот черта,
отличающая образованность от дикости.*

А. ПУШКИН

Истинная защитница России — это история.

Ф. ТЮТЧЕВ

Н.М. АЗАРКИН

ИСТОРИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ МЫСЛИ РОССИИ

КУРС
ЛЕКЦИЙ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1999

УДК 340(091)(470+571)(075.8)

ББК 67.3

А 35

Азаркин Н.М.

А35 История юридической мысли России: Курс лекций. — М.: Юрид. лит., 1999. — 528 с.

ISBN 5-7260-0931-2

Курс лекций написан в соответствии с программой истории политических и правовых учений, предлагаемой для изучения в Московской государственной юридической академии. По структуре и содержанию этот курс является самостоятельным и может занять присущее ему место в новой системе юридического образования, ориентированного на подготовку специалистов высокой квалификации, глубоко знающих историю своего Отечества.

Автор отходит от крайностей общественно-формационного анализа юридической мысли России, излагает ее как органическую часть самобытной цивилизации, ведущей более тысячи лет идейный поиск юстиции и соответствующих ей политико-правовых норм и учреждений, форм и типов Русского государства и права.

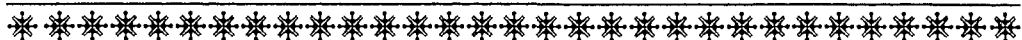
Для студентов, аспирантов и преподавателей юридических вузов и факультетов, а также для читателей, интересующихся вопросами истории российской политической и правовой мысли.

ISBN 5-7260-0931-2

УДК 340(091)(470+571)(075.8)

ББК 67.3

©Издательство "Юридическая литература"
Администрации Президента Российской Федерации, 1999

ВВОДНАЯ
ЛЕКЦИЯ.

Роль и задачи истории юриспруденции России в системе юридического образования. Предмет, метод, структура курса

Вашему вниманию представляются лекции по истории юриспруденции России — курсу, который ранее самостоятельно никогда не преподавался в нашей стране и которого пока еще нет в учебных планах нынешних юридических школ. Сейчас он является составной частью другого курса — истории политических учений (чаще его именуют историей политических и правовых учений). Под таким названием он входит в список юридических наук системы ВАК.

Однако, подчеркиваю, юридическая мысль России никогда не излагалась студентам отдельно. До революции 1917 года — в силу недостатка юристов, специализирующихся по истории юриспруденции Отечества, засилья европоцентристских подходов к праву, общей атмосферы правового нигилизма в стране. После революции 1917 года юридическая мысль нашей страны не могла излагаться студентам-юристам в силу того, что между императорской и советской Россией образовалась идеологическая пропасть и подходы к праву признавались только марксистские. Неуверенные попытки создать самостоятельный курс лекций по истории политических учений России со стороны отдельных юристов-энтузиастов, таких, как В.С. Покровский, в период борьбы с космополитизмом (до и после смерти Сталина, в 50-е годы) закончились безрезультатно. История юридических учений России так и не обрела самостоятельность как учебная дисциплина и осталась в недрах истории политических учений, которая после “хрущевской оттепели” окончательно утвердила свой статус в системе юридического образования Отечества, хотя с общей “дискриминацией” этого курса мы не распрощались и по сей день.

Все течет, все меняется. Думается, пришла пора поднять значимость не только курса истории политических учений, но и его неразрывной части — истории юриспруденции России. Для этого есть целый ряд причин. Мы все больше склоняемся к признанию органической целостности белой и красной России, постепенно преодолеваем недооценку юридико-теоретического наследия наших предков, которые фактически сформировали самостоятельную политико-правовую культуру, не говоря о правопонимании, жизненно необходимом для формирования нового типа русского юриста. Патриотическое правосознание уже витает в воздухе, и его оформление без знания российских юридических древностей невозможно. Наличие в учебных планах курса истории государства и права Рос-

сии играет определенную роль в этом процессе, но это знание буквы закона, “мертвого права”.

Нужен самостоятельный курс истории юриспруденции России. Тем более что дух закона, правовая мысль никогда не умирают, они откладываются в этажах народной и профессиональной памяти, передаются в генах и традициях, а главное, фиксируются в теоретических произведениях мыслителей и юристов. В основе истории юриспруденции России лежит дух закона, мысль о праве и государстве нашей страны, взятая в ее исторической эволюции. Более того, это то правопонимание, которое прошло испытания временем и потому стало составной частью культурного наследия российского юриста.

Автор далек от мысли о том, что он один, без усилий и поддержки других коллег осилит создание нового по своей сути курса в системе юридического образования. Но кто-то должен начать, положить первый камень в основание истории юриспруденции России. Определенные заделы для создания этого курса есть. Я не говорю о дореволюционных историко-правовых работах, работах современных историков и юристов по теоретико-юридическим вопросам. Их много, пруд пруди. Есть, например, упомянутый курс лекций В.С. Покровского, книга “История политических и правовых учений России XI—XX вв.”, подготовленная и изданная И.А. Исаевым и Н.М. Золотухиной в издательстве “Юрист” в 1995 году. Мною в МГЮА не только читается курс лекций по истории политических учений, в том числе и России, но и в течение года ведется спецкурс под названием “История юриспруденции России”. Дело остается за “малым” — внедрить этот курс как самостоятельный в Госстандарты по юридическому образованию, подготовить преподавательские кадры и вооружить будущих юристов учебниками, курсами лекций и учебными пособиями, посвященными историко-теоретической проблематике российской юриспруденции. Определенную часть этой задачи и будет решать данный курс лекций.

Сразу оговорюсь, что название — “История юридической мысли России” — не носит принципиального характера, автор не собирается “открывать Америку”. Курс, без сомнения, является составной частью всемирной истории политико-правовой мысли, которая преподавалась в нашей стране до 1917 года под грифом “История политических учений” (общий курс под таким названием издан профессором Московского университета Б.Н. Чичериным в 1872 году), затем — “История философии права” (курсы лекций в Москве профессора П.И. Новгородцева, в Санкт-Петербурге профессора Н.М. Коркунова). После 1917 года эта дисциплина называлась по-разному: “История политических учений”, “История учений о государстве и праве”, “История политических и правовых учений”. Во всех случаях смены грифа предмет и содержание курса во многом оставались неизменными, хотя акценты в изложении мысли сменялись. Смена “вывесок” говорила лишь о том, что произошли очередное переосмысление накопленного политико-правового знания, его дифференциация, в гуманитарных науках поставлены новые задачи с учетом запросов времени.

Мы живем в период крутой ломки советской государственности. Насколько эта ломка оправдана — разговор особый. Но не подлежит сомнению та гуманитарная цель, которая поставлена перед страной и ее юристами: создание не просто нового государства, а правового государства. Отсюда и важность “смены лозунгов”, задач, акцентов. Из трех ключевых, неразрывно связанных друг с другом, основных категорий курса — “политика”, “государство”, “право” — сегодня

важно сделать акцент на последней, а именно на “праве” и тех явлениях, что с ним связаны. В современной России право должно стать целью, а политика и государство — средствами ее достижения.

Кстати, этот акцент уже сделали специалисты по теории государства и права, которые оперативно, в спешном порядке сменили свои грифы-флаги: кто просто переименовал местами слагаемые категории, назвав свой курс “Теория права и государства”; кто стал на позиции своеобразного “развода” категорий, назвав свой курс “Общая теория права”.

В литературе высказывалось предположение о том, что в юридических вузах нужно преподавать не историю политических и правовых учений, а только историю правовых учений. Наша позиция заключается в том, чтобы в названии “История юридической мысли России” подчеркнуть тесную, неразрывную связь между ключевыми категориями курса, прочно увязав их синтетической категорией “юриспруденция”. И политика, и государство, и право везде и всегда, а в России особенно, находили свое оправдание и высшую цель в справедливости. Термин же “юриспруденция”, хотя сейчас его понимают как совокупность юридических наук, изначально нес в себе высокий пафос поиска и утверждения справедливого (юридического) на земле. Принадлежит он, как и многие другие правовые понятия, древним римлянам и трактовался ими как юридическое делание, как искусство добра и справедливости, тогда как позитивное право (*lex*), политика, государство были лишь средствами, инструментами этого высокого юридического ремесла (*jus*).

Новый “флаг” курса связан, как я сказал выше, и с дифференциацией гуманитарных наук, имеющих общий объект, включающий в себя политику, государство, право. В последнее время бурными темпами развивается политология, которая в советские времена была составной частью единой марксистско-ленинской философии. Сегодня у нас, а за рубежом уже с начала XX века она заявила о своей самостоятельности и о том, что она имеет свою историю под названием “история политических учений”. Кстати, нынешние, даже учебные, курсы политологии имеют параграфы или разделы по истории политических учений. Это также заставило автора и в названии, и в содержании “Истории юридической мысли России” четче отразить правоведческую проблематику.

Последний аргумент для обоснования названия курса — субъективный. И название, и особенно содержание курса в той или иной степени зависят от юридических убеждений лектора. Как назвать курс — это его субъективное право. Ранее мы всячески замалчивали человеческий фактор, а если и упоминали о нем, то только через призму принципа партийности в науке. Этого принципа для обоснований позиций автора явно недостаточно, и наши учебники и лекционные курсы как бы теряли свое лицо. Жесткий идеологический диктат и вовсе их обезличивал. Ныне можно открыто излагать свои идейно-юридические позиции.

Существует два типа правопонимания: легистский и юридический. Согласно первому, право сводится к приказу государства, к принудительно-властным установлениям, к формальным источникам позитивного права (законам, указам, постановлениям и др.), т.е. к закону (в собирательном смысле слова — к тому, что официально наделено в данное время и в данном месте властно-принудительной силой).

Для второго, напротив, характерна та или иная версия различения права и закона (позитивного права). При этом под правом (в той или иной форме) имеется в виду нечто объективное, не зависящее от воли, усмотрения или произвола

законоустанавливающей (государственной) власти, т.е. определенное, отличное от других социальное явление со своей объективной природой и своей спецификой. Этот второй тип правопонимания мне ближе.

Кстати, он ближе и отечественной традиции, где жажда безусловной справедливости является стержневой линией духовных исканий, стремлений русского человека. Само слово “справедливость” в нашем языке синоним слова “право” (правда, правый). Россия тем и отличается от Запада, что постоянно искала “правду-справедливость”, которая одновременно означает и “истину”, и “моральное и естественное право”, и путь подлинной свободы для достижения “вселенского братства”. Применительно к России проблема “правды-справедливости” (юриспруденции) чаще всего связывается с адекватным выражением “русской идеи”.

Это и предопределило в конечном счете название курса, чем прямо заявлено, что все вопросы развития государственной правовой мысли России трактуются с позиций юридического правопонимания, в рамках которого стержневой проблемой является “путь к праву”, к “правде-справедливости”.

Все, что было сказано о необходимости “суверенитета” истории юриспруденции России в системе юридического образования, подтверждает высокую миссию этой дисциплины в становлении культурного юриста. Для вящей убедительности приведу еще аргументы, и заодно положим краеугольный камень в методологию курса.

Для истинного движения, не на словах, а на деле, к юридической государственности нужны граждане и правители (юристы. — *Н.А.*) нового типа. Их неотъемлемая черта — “шестое чувство”, чувство времени (истории), позволяющее сделать принципиальный нравственный выбор: ради чего жить? в чем смысл профессионального делания? кому служить? Правде или маммоне, как вопрошал Христос две тысячи лет тому назад. Только “шестое чувство” позволяет глубоко понять наше земное предназначение, долг юриста, судьбу каждого в процессе преодоления издержек того времени, которое выпало на нашу долю.

Черта эта — не подарок судьбы или природы, не изначальные, врожденные “права человека”, а то, что мы обретаем подвижничеством, трудом, усилием своей воли, юридическим самосовершенствованием с момента рождения и до гробовой доски. Черта эта сродни искусству титанов и богов.

Древние греки, наследие которых до сих пор “сохраняет значение нормы и недостижимого образца”, в том числе и в сфере правовой культуры, полагали, что их бог Хронос (время) — властелин мира и символ жизни. Его власть безмерна, безгранична, ведь ему подчиняется все живое. Хронос — самый жадный из богов, регулярно пожирающий собственных детей. Власть этого бога — власть смерти, поэтому Хронос часто выступает символом смерти. Сверхзадача богов и людей — победить Хроноса. Богам это удалось, они, как повествует античный миф, перехитрили Хроноса, освободились от его власти и обрели бессмертие.

Люди же привыкли считать время, гнаться за ним, поклоняться ему, не замечая, как превращаются все больше в его рабов. Однако Хронос уничтожает все, даже самые великие достижения. Более того, с тех пор, как человек начал поклоняться времени, он все чаще теряет себя, теряет смысл своего бытия. Современного человека не покидает чувство бессмысленности жизни и бесцельности истории. Эта бесприютность и ощущение заброшенности связаны с утратой важнейших параметров правосознания, имевшихся в культурах прошлого. За последние сто—двести лет, когда гуманитарные науки, в том числе и юриспруден-

ция, связали свои достижения с линейной концепцией времени и с идеей прогресса, произошел процесс выпадения у людей целых пластов ментальности, причем именно тех, которые традиционно выступали ее фундаментом и были ориентированы на юридическое в человеке, его окультуривание, сбережение и безопасность. Эти потери привели к кризису правосознания, утрате устойчивых юридических убеждений, навыков правомерного поведения, к своеобразному духовно-правовому и “энергетическому” истощению (имеются в виду энерго-потребительные, смысловые ресурсы людских душ. — Н.А.).

Выход из культурно-нигилистического, губительного лабиринта один — дать бой безжалостному врагу всего справедливого, разумного, доброго, вечного, гуманного — Хроносу, найти и возродить утраченные формы гармонии нашей жизни. Это можно осуществить лишь через идейно-правовое обращение к времени путем его аксиологического (ценностного) наполнения духовным опытом традиционных культур.

Естественно, роль истории юриспруденции в этом сражении — ключевая. В ее арсеналах имеется множество концепций, которые видели в человеке существо, характеризующееся, в отличие от животных, не только разумом, осознанием времени, но и стремлением к его преодолению, т.е. обладающее в самом себе идеей вечности. Более того, в ее недрах и происходит та “великая борьба вечности со временем”, великое противление власти времени, о которой много писал великий русский юрист Н.А. Бердяев, подводя итог думам о справедливости накануне смерти после окончания Второй мировой войны.

Он же охарактеризовал эту борьбу как “обратное плавание”, или движение, противоположное стреле времени, а сущность правовой культуры как постоянное возвращение к своим корням, истокам, признание высочайшей ценности родного прошлого, соотнесение всей последующей истории с ее начальным периодом. Способность сопоставлять разные периоды юриспруденции и осуществлять их оценку выражается и в стремлении к высокому эталону, который другой наш соотечественник — юрист П.И. Новгородцев назвал “общественным идеалом”. Правовая культура в таких учениях — система ценностей и смыслов, преодолевающих ход времени, борьба сил правопорядка и космоса с силами дезорганизации и хаоса.

Современной наукой установлено, что на разных уровнях вселенной время имеет разный смысл. В неживой природе время — символ разрушения и беспорядка, влекущего к гибели все сущее (термодинамический закон). В живой природе, напротив, наблюдается тенденция борьбы с несущей смерть стрелой времени. Эволюционистские концепции развития природы описывают эту тенденцию в терминах самоорганизации биологических систем, куда включается и человек; однако живые организмы явно не успевают за хаосом Хроноса, так как рост энтропии превышает рост приспособляемости и вследствие этого многие биологические виды обречены на вымирание, перед которым бессильна даже “Красная книга”. Угроза существует и людям в виде глобальных кризисов — экологического и других, а также в виде опасности локальных и термоядерных войн за сферы жизнеобеспечения планеты (сырье, территорию, нефть, золото и т.д.).

Правда, человечество создало искусственные механизмы “борьбы со временем” (или с ростом энтропии), куда включаются такие институты защиты жизни, как семья, общество, церковь, государство, международные союзы государств и т.д. Эти институты имеют различные системы безопасности, сохранения жизни на Земле. Но и они с их высоким антиэнтропийным потенциалом не

способны до конца побороть разрушительное, хаотическое и произвольное направление времени, и борьба сил организации и порядка с силами дезорганизации и хаоса пока обречена на неудачу.

Остается единственный способ “преодоления времени”, известный еще древности, — аксиологический. Многие мыслители (включая Платона, Аристотеля, Канта), у которых не человек, а Бог есть “мера всех вещей”, считали, что юридические (духовные) ценности могли бы, говоря современным языком, не только противостоять энтропийным процессам, но и в каком-то смысле побеждать время. В их числе был один из основателей русского космизма Н.Ф. Федоров, посягнувший в “Философии общего дела” на “закон падения” как совокупность деструктивных причин, совпадающих с действием Хроноса, которое воспринималось им как символ произвола, разрушения и дезорганизации, связанных со слепыми силами природы.

Борьба против произвола, правонарушений, противодействие злу жизни — это борьба юристов и граждан прежде всего с горизонтальным ходом времени, с историческим (политическим) процессом. Ее конечной целью является превращение социального мира в целесообразный и творчески регулируемый (правовой, ноосферу. — Н.А.). В этом противостоянии права (разума, справедливости, целесообразности) и произвола (слепых сил природы, зла, ведущих к дезорганизации и хаосу) “разум и жизнь должны вести не к равновесию, а к превышению дохода над расходом, к победе жизни над смертью, к совершенному устранению расхода, смерти”.

По Федорову, хронологические (историко-темпоральные) представления имеют невременной источник, т.е. идея времени возникает сначала в правосознании людей из идеи вечности. В работе “Горизонтальное положение и вертикальное — смерть и жизнь” он утверждал, что представления о времени вторичны, тогда как представления о вечности изначальны и более существенны для юриспруденции. Идеи вечности заложены уже в вертикальном положении человека, в чем для него заключен глубокий духовный смысл: “Что такое вертикальное положение? Не есть ли оно уже восстание человека против природы, обращение взора от земли к небу? Здесь начало тех представлений, из которых произошла идея Бога” (от себя добавим — и мысли о праве тоже). С тем, что человек осознает себя в вечности (космосе), Федоров связывает принципиальное отличие человека от материальной природы — его способность не разрушать, а созидать. Горизонталь же времени в виде земной истории олицетворяет для него растущую дезорганизацию, господство сил разрушения и истребления.

Этот ученый не только ввел понятие горизонтального (политического) и вертикального (юридического) мышления, что само по себе немало. Ему принадлежит идея об ограниченности политического мышления. Именно с вертикальным мышлением он связывает духовно-правовые начала сострадания, совести, стыда, чести, что в кантовской юриспруденции с ее поисками “самого дорогого, что есть у Бога на земле” еще раньше получило формулу категорического императива, лежащего в основе правовой культуры.

Аксиологический метод борьбы с Хроносом связан не столько с политическим процессом, сколько с юридическим — с волей каждого человека, его совестью. В правосознании людей должен свершиться переворот, направленный против абсолютизации политического (горизонтального) времени, которое рационализм ложно отождествил с высшей ценностью. Абсолютизация настоящего,

“жизни одним днем”, когда “после нас — хоть потоп”, ведет к девальвации правового (духовного) начала в человеке как юридическом существе, являющемся смыслом и центром космоса.

Источник смысла и мерило гуманных ценностей, согласно такой прогрессистской логике истории, оказались перенесенными в будущее, что привело к правовому нигилизму. Достаточно в этой связи напомнить наши многолетние апелляции к коммунистическому будущему в период социалистической государственности, а теперь вот нас все более одолевает мечта скорее попасть в “рыночный рай”. Однако правосознание, отрицающее прошлое и жертвующее настоящим ради будущего, не может иметь и будущего, а взгляд на время только как на современную политику ведет в своих крайних формах к отрицанию всякого времени, т.е. к уничтожению и истории, и правовой культуры. Пожертвовав вечностью ради политического времени, рационализм и основанные на нем политико-правовые теории неизбежно приводят к уничтожению самого времени, еще раз доказывая, что юридический смысл жизни обретается только при объединении горизонтального мышления с вертикальным. Чтобы увидеть “космос истории”, необходимо сойти со ступеней прогресса (в том числе и в диалектико-материалистической версии), превращающего настоящее в средство для будущего. Нужно провести вертикальную коррекцию современного правосознания.

Внедрение в правосознание россиян вертикального (юридического) мышления, и особенно у студентов-юристов, которые в недалеком будущем пополняют национальную элиту России, — архиважная задача, от решения которой зависит судьба нашего этноса, его сбережение и сохранение в вечности. Простых и быстрых рекомендаций для ее решения тоже нет, ибо вся нынешняя наука, в том числе и юриспруденция, развивается прежде всего в рамках горизонтального исчисления времени, воспроизводя в тех или иных вариантах рациональную идею прогресса. В конечном счете для ее решения понадобится еще один коренной переворот в гуманитарных науках, адекватный тому, который состоялся при переходе от средних веков к новому времени, от теологического к юридическому, а по сути, легистскому мировоззрению, ибо основным его источником права стал закон, а ключевая категория “права человека” сплошь и рядом трактовалась в контексте политических процессов. В итоге если в средневековье юриспруденция стала служанкой теологии, то сегодня — политики. Без комментариев ясно, где зло — наименьшее.

Некоторые контуры коррекции правосознания с горизонтали на вертикаль времени представляются следующими. Во-первых, архиважно повернуться лицом к своему прошлому, к истории отечественной юриспруденции. Прекратить с высоты настоящего третировать прошлое; по мере возможности, скорее преодолеть нелюбимую для нас характеристику “иванов, не помнящих родства”. Если мы не можем находить и усваивать в собственной истории богатый и поучительный опыт, то нужно хотя бы замолчать по поводу слов и дел наших предков, перестать втягивать их в нынешние политические разборки. Нам нужно глубоко уяснить, что современное государство — это общность не только живых, но и мертвых поколений. Регулирующим постулатом в этом случае должна стать мудрая античная юридическая заповедь: “О мертвых — либо хорошо, либо ничего!” На любой памятник независимо от его политического содержания или ис-

торическую реликвию законом необходимо установить иммунитет на бессрочную сохранность.

Во-вторых, в центр новой системы юридического образования необходимо поставить духовно-правовые (историко-теоретические) курсы (теорию государства и права, философию права, социологию права, судебную этику), и прежде всего историю юриспруденции. В арсенале последней в сравнении с рационализмом накоплены иные типы правопонимания, где проблемы права рассматривались в вертикальной перспективе, исходя не только из буквы, но и духа законов.

Приведу пример. В нашем правоведении утвердилась точка зрения, согласно которой в самый продолжительный период жизни людей, в первобытном обществе, вообще не было права. А версии о “золотом веке” людей родового строя называются мифами, легендами, сказками, интерпретируются как ненаучные, вымышленные, свидетельствующие о неполноценности, дикости варваров по сравнению с цивилизацией.

Однако именно первобытные люди, имея в своих головах замешенное на седах мифах вертикальное мышление, жили в полном согласии с правом как выражением справедливости и вечности. Во многом синергетически они были мудрее и духовно сильнее нас — ведь их сознание было теоретическим, способным ощутить присутствие жизни в каждом мгновении. Вглядываясь в первобытную культуру, невольно поражаешься тому непоколебимому, неписаному, персонафицированному, сохранявшемуся из поколения в поколение порядку, отражающему гармонию вселенной и содержащему такие перлы юридического, которые в логических категориях описывали экзистенциалисты нашего века или художественно Ф.М. Достоевский в прошлом. Дикарю родового строя, в отличие от дикарей современной цивилизации, никогда бы не пришла на ум деструктивная мысль Раскольникова: “Тварь я дрожащая или право имею?”, навеянная политической практикой сапога Наполеона, “железом и кровью” Бисмарка, кайзеровщиной и фашизмом родины Канта с их циничным стремлением “перетряхнуть все”, “разрушить до основания” старый мир и старый свет, чтобы утвердить “новый мир” и “новый свет”, где право есть сила.

Древние благоговейно относились к прошлому, катастрофического разрыва между словом и делом, противоречий в социальной регуляции между правами и обязанностями у них не было, раскола в правосознании тоже. Культ предков и связанное с ним представление об индивидуальном бессмертии — главная опора их правосознания. Человек умирает физически, но о нем остается память; какую память каждый оставит после себя — это необычайно важно для него самого и окружающих. Память — та духовно-правовая энергия, которая обеспечивает бессмертие человека. Худшее наказание — если имя забудут после смерти. Это посмертное наказание для ранее жившего, а те, кто забыл его, в свою очередь наказываются пожизненно, ведь душа умершего, согласно верованиям, в этом случае возмущается и причиняет вред живым. Поэтому живущие, опасаясь несчастий, делают все возможное, чтобы избежать забвения предков.

Юстиция у древних — способ темпоральной регуляции их жизни (недаром первыми памятниками права стали агрокалендари), а время — аспект правопорядка во вселенной, где человек — ее органическая частица. Гесиод, современник Гомера, в своей работе “Труды и дни” делит историю, как живую, на возрасты. “Золотой век” — детство людей. “Серебряный век” — возраст юности. “Бронзовый век” — век зрелости, бурной деятельности, войн и соответствующих стра-

стей. Когда наступит “железный век”, не будет юности и зрелости, люди будут рождаться стариками. Это и другие нарушения естественного темпорального порядка будут сопровождаться уничтожением правомерного поведения и законности, приведут к произволу, к ситуации, когда “от зла избавленья не будет”. Правовой и темпоральный порядок связаны неразрывно, поэтому будущее хуже прошлого.

Политическое (горизонтальное) время — символ беспорядка (произвола), поскольку с этим временем увеличивается хаос во вселенной. Люди же — ее частицы, и потому среди них ухудшается правовая культура. У Софокла время все перепутывает в жизни, гасит, истребляет и портит.

Безмерное, превышше чисел время
Скрывает явь и раскрывает тайны.
Всего ждать можно... Время сокрушает
И клятв ужасных мощь, и силу духа.

Герои Софокла, имея вертикальное (юридическое) мышление, борются с текучестью и хаосом горизонтальной перспективы за свою самотождественность (мы бы сказали, за автономию, права человека. — Н.А.), стараясь сохранить свое “я”. Подлинное несчастье для них — оставить свой путь, изменить себе, запятнать свое доброе имя:

Нет, и в бедственной жизни
Чистый сердцем пятнать не захочет
Доброе имя свое.

Поэтому для меня кощунственны потуги К. Поппера найти в античном правосознании истоки тоталитаризма, чтобы обосновать свою концепцию открытого общества и открытой политики. Тоталитарное мышление — родимое пятно индустриальных государств, порожденное атеизмом и рациональными науками, в поле зрения которых оказались лишь позитивный опыт и факты, исследованные в горизонтальной перспективе. Человек в таких трактовках, несмотря на пиетет по отношению к его правам, свободе, гуманизму, под предлогом исключения всего ненаучного, иррационального, метафизического, идеологического из науки лишается юридического, единственно возвышающего его до Божества вертикального сознания, превращается в “штифтик”, деталь механического Левиафана, становится до боли похожим на “одномерного человека” Г. Маркузе в обществе потребления, Великого инквизитора Достоевского или персонажей зверофермы Д. Оруэлла, чуждого всего святого, что еще сохранилось в технотронном мире, поступающего по бессердечному, легистскому, “железному” правилу “что не запрещено законом, то дозволено”. Почти как у Федора Михайловича, вопрошающего: “Если Бога нет, то все дозволено?”

Человек в условиях технотронной рационализации теряет не только время, но как бы невольно и свое субъективное право: достоинство, ум, честь, совесть. Налицо даже унифицированный и одномерный жаргон, когда говорят языком газеты, рекламы, закрепляющим за словами те значения, которые служат интересам существующей политической системы. Этот широкий набор информационных штампов, дополненный одномерным искусством радио, кино, телевидения, позволяет завуалировать содержание облекаемых в них политических формул, манипулировать правосознанием; демагогия и ложь становятся основными методами управления. Создается рынок стандартных товаров духовного производства для сплочения всех членов одномерного социума. Научно-техни-

ческая революция облегчает решение этой проблемы, создавая все новых живых роботов-потребителей с заданным менталитетом для открытой политики, покорно плывущих в быстротечном океане исторического времени.

Древний же человек, в отличие от одномерного, современного, мог противостоять Хроносу, опираясь на свое юридическое кредо вертикали сознания. Совершая, несмотря на лишения бренного бытия, правомерные поступки, он сохранял и передавал эстафету “живой жизни” потомкам “неведомого далека”. Мы же, со своим “голым” разумом, прозябаем под дамокловым мечом глобальных кризисов и задаемся роковым гамлетовским вопросом “быть или не быть?”, дополненным на российской почве двумя исконно нашими: “кто виноват?” и “что делать?” Сегодня же во весь рост встает и чисто правовой вопрос — иск от наследников: “Что мы оставим после себя нашим детям-потомкам?” С таким вопиющим пониманием времени, а значит, отчасти и сущности права, ориентированным на сегодняшний день, в лучшем случае завтрашний с его формулой “после нас — хоть потоп”, трудно будет нынешнему поколению преодолеть кризисные явления в Российском государстве. Ведь хаос в материи космоса по существу запрограммирован, если не произойдет духовно-правового, божественного взлета людей. Вопрос заключается лишь в том, когда наступит апокалипсис... Для поколения, живущего не по праву, не по справедливости и не стремящегося к вечности, он не за горами.

И, наконец, последнее. Необходимо прекратить всякую конфронтацию правовой науки с религией, так как в ее недрах сохранилось много ценных постулатов и норм, ориентирующих людей на вертикальное мышление. Богоборчество и воинствующий материализм не лучшее средство для уяснения правовых истин. В истории юриспруденции именно на основе религиозно-философских (идеалистических) представлений о добре и зле, о правом и неправом, о справедливости и несправедливости формировалась и развивалась юридическая идея как духовное свойство *homo sapiens*.

Переход от конфронтации нашей науки с православием и другими религиями к сотрудничеству на принципе дополнительности позволит вырвать правоведение из среды политических интересов, прекратить использовать его в качестве служанки политики, ориентированной на горизонталь времени. В скором будущем этот процесс не удастся довести до конца, так как повсюду у нас “в ногу со временем”, с рационализмом светских концепций государства основным источником права признан закон, а это мера, как известно, политическая. Да и правоведы — люди, а не боги и потому тоже подвержены разрушительному влиянию Хроноса. Главное же в процессе сближения религии и юриспруденции то, что и у нас, и у последующих поколений юристов не будет убита вера в российское право и надежда, которая, как известно, умирает последней.

Систематическое преподавание истории юриспруденции России — великолепная школа формирования юриста XXI века, глубоких профессиональных навыков, души его. Эта школа представляет собой сплав юридических знаний, убежденности и практических навыков. Только в этой школе студенты обретут вышеназванное шестое чувство — “чувство времени”, а вместе с тем и понимание преемственности юридических знаний о политике, государстве, праве. Только в ней для них станут очевидны диалектика духа и буквы закона в правоведении, неразрывная взаимосвязь истории, теории и практики. Это позво-

лит увязать в единое целое юридические курсы общетеоретического и отраслевого профилей.

Важно еще раз подчеркнуть, что у истории юриспруденции России громадный юридико-воспитательный потенциал. Этот курс может предстать перед учащейся молодежью как поучительное собрание примеров гражданской доблести, мужества в отстаивании идеалов гуманизма, права, справедливости, бескорыстного служения нашему профессиональному долгу (достаточно вспомнить о судьбах Илариона, Владимира Мономаха, Н.Г. Чернышевского, И.А. Ильина и др.). “Неподкупный Робеспьер” станет тогда не исключением в истории, а ее правилом. Правилom, возведенным в кодекс корпоративной чести культурного юриста России XXI века.

Курс и его тематика обретают особое звучание в условиях нарастающего культурного обмена и контактов с различными цивилизациями Земли, когда так важно сохранить бережное отношение к юридико-культурному наследию наших отцов и дедов.

И последнее. История юриспруденции России будет органично влиять на политико-правовую культуру Отечества. Длительное время она формировалась под воздействием марксизма. В трагически сложных условиях формирования демократического правосознания и демократических институтов резко, без каких-либо тональностей обозначились два основных подхода к их оценке — либо примитивно-ортодоксальная трактовка, либо тотальное отрицание. Это ведет к радикализации юридической культуры. Ведь она не только совокупность определенных идей, но одновременно и политико-правовая практика.

Российские юристы стоят перед непростой задачей — навсегда избавиться от комплекса фетишизации марксизма, но одновременно и от его примитивизации. Фактически это будет означать кардинальное изменение прежних подходов. Марксизм не может быть монопольной юридической теорией конца XX века, но как идейное течение в форме идеи о справедливости он продолжает воздействовать на умы людей. Пока в стране и в мире существуют богатые и бедные, идеал справедливости как совокупный юридический идеал всегда будет составлять часть политико-правовой культуры. В решении этой непростой задачи не последнюю роль будет играть курс русской юриспруденции, который вовлекает в политико-правовой арсенал не только “искание правды”, но и иные отечественные юридические думы.

Сегодня в нашей политико-правовой действительности идеологическая борьба свелась, по сути, к столкновению двух мировоззрений, каждое из которых жестко мотивирует модели поведения граждан. Первое несет на себе печать индивидуализма и эгоизма, пропаганду обогащения, неожиданного успеха, бездуховности и аморальности, господства силы. Основа такого взгляда на мир — европоцентризм, или отождествление Запада с ложно понятым прогрессом, на фоне которого все остальные народы причисляются к отсталым. Трансформируясь в политику и право, этот взгляд создает определенные типы мышления и поведения, имеющие целью сломать или вновь и вновь радикально перестраивать Российское государство, что ведет к отказу от стабилизации и национального возрождения России в качестве сильной державы. Мировоззренческая база новой политико-правовой культуры сводится к смене идеологии в отрыве от отечественной традиции.

Формулой согласия, по нашему мнению, может стать культурный диалог с Западом, на основе патриотизма, смыкающегося с вечным, фундаментальным архетипом российского правосознания — архетипом державности вместе с идеалом справедливости. Второе мировоззрение являет собой коллективистский правовой идеал. Его все более полное и адекватное запросам времени воплощение становятся условием самосохранения и выживания народа и государства.

Национальная юридическая традиция, к сожалению, не входит в каждого из нас с молоком матери. Она, как и все на этом свете, может быть усвоена в процессе учебы, а затем в процессе выполнения своего профессионального долга — юридического служения Отчизне. Первым шагом в этом многотрудном деле будет усвоение студентом-юристом истории юриспруденции России.

Данный курс не только расширяет кругозор, но и дает аргументы и ориентиры при оценке современных политико-правовых программ, необходимых для справедливого решения проблем Отечества в XXI веке.

История юриспруденции России, как и любая другая дисциплина, имеет свой предмет. Это политико-правовые учения нашей страны, взятые в их генезисе, историческом развитии и связи с современностью. Предмет курса воплотил в себе процесс юридического познания и идейных поисков народа с длинной и богатой поучительным опытом историй, в которой ярко выразились своеобразные черты национального правового мышления.

Русская юриспруденция — важнейший источник для всестороннего понимания становления истории нашего Отечества. Она развивалась в тесном взаимодействии с другими формами общественного сознания, и потому без ее уяснения невозможно уяснить историю нашего народа. Русская юриспруденция органично связана с народным движением “за лучшую долю, землю и волю”, поэтому помимо научных достижений она включает в себя высокую гражданственность, пафос преобразования русской земли и беззаветное искание путей к достижению общественной справедливости.

Юридический процесс, отображаемый в курсе лекций, охватывает тысячелетний путь отечественного государства к правде. Русская юриспруденция рассматривается в развитии, в смене и борьбе политико-правовых школ, олицетворяющих ее основные направления. Начав с самых ранних представлений о правде в древней Руси, автор доводит изложение до конца XX века, т.е. до того времени, когда в истории нашей страны начались новые времена, обусловленные резкими перестроечными и рыночными шагами нынешних реформаторов России.

В курсе прослеживается развитие собственно политико-правовых идей. Но поскольку по различным причинам юриспруденция в России не всегда выступала, если можно так выразиться, в чистом виде, а часто проявлялась через другие формы общественного сознания, постольку автор вынужден был освещать и иные взгляды, в частности философские, этические и особенно политические, так как в сфере сознания четких границ между ними нет. Например, в средневековой Руси юриспруденция была зачастую неразрывной частью теологических концепций.

Однако в процессе чтения лекций мы всегда будем помнить о предмете курса, стараться не выходить за его рамки, иначе и без того обширный по объему курс станет безбрежным и растечется по всему древу русской общественной мысли. Для этого, кстати, существуют и научные предпосылки, так как вплоть

до конца XIX — начала XX века дифференциации нашей юридической мысли от истории общественной мысли не существовало. Свидетельством тому являются дореволюционные курсы истории отечественной мысли, излагавшиеся под грифом “общественной мысли”. Иллюстрацией может служить знаменитый курс В.Г. Плеханова, к сожалению, оставшийся недописанным. Он так и называется: “История русской общественной мысли”.

Правда, в это же время издаются первые университетские курсы по истории политических учений (истории философии права), где, к сожалению, отечественной юриспруденции места не нашлось. Приятным исключением является учебник по истории философии права профессора Н.М. Коркунова, где впервые анализируется русская юридическая мысль начиная с середины XVIII века, когда основной фигурой юридической мысли являлся С.Е. Десницкий. Но и Коркунов лишь “пробегают” по историко-юридической мысли России, связывая ее начало со второй половиной XVIII века, когда в стране возникли юридическая наука и образование. Это весьма важно для правопонимания, но вовсе не доказывает, что в России до Десницкого отсутствовала юриспруденция. Мысль о праве и справедливости так же стара, как этот мир, она родилась вместе с рождением русского народа и его государственности в IX веке.

История русской юриспруденции является одной из составных частей всемирной истории политической и правовой мысли, и потому по методологическим основаниям она не имеет принципиальных отличий от других историко-юридических наук, хотя, как и история правоведения любого другого народа, должна учитывать не только общие закономерности политико-правового процесса, но и специфические национальные черты, вытекающие из своеобразия исторического развития нашей страны. Такой подход определяется тем, что общий ход мировой юриспруденции синтезирует в себе параллельно развивающиеся, перекрещивающиеся и взаимно дополняемые разновидности национального правосознания. Иными словами, общий юридический процесс не совпадает с частным, т.е. национальным, развитием, но невозможен помимо этого частного развития. С другой стороны, всякое частное содержит в себе черты всеобщего. А это значит, что всемирная история юриспруденции вбирает в себя наиболее существенные элементы национального правопонимания и опускает детали и частности, несущественные в масштабе общечеловеческих познавательных результатов, но чрезвычайно важные в масштабах той или иной страны.

Следовательно, при построении курсов всемирной и русской истории юриспруденции должны применяться различные критерии. Так, воспроизведение истории русской юриспруденции трудно представить без освещения взглядов Даниила Заточника, Пересветова, Посошкова, декабристов и других мыслителей. В условиях России они оказали заметное влияние на поиск справедливого идеала — каждый в свою эпоху. Их теории составляют важные звенья в общей цепи, без которых в истории нашей юриспруденции неизбежно возникли бы логические пробелы. Напротив, в курсе всемирной истории юриспруденции названные имена необязательны и даже излишни, потому что они не представляют узловых пунктов в развитии мировой юриспруденции и в этом смысле с ними не связаны глубокие сдвиги в правовой науке. С другой стороны, роль таких русских мыслителей, как, например, западники и славянофилы, Плеханов, Достоевский, Ленин, Бердяев, выходит за рамки национального значения, и всемирная юриспруденция не может о них молчать.

История юриспруденции России принадлежит к числу общественных наук и, как все они, опирается на их методологию, согласно которой духовная жизнь является отражением общественного бытия. Юридическая мысль в своем движении отражает социально-экономические условия жизни народов, классовые противоречия, культуру, а также выступает в качестве теоретического обобщения правовых знаний в каждую историческую эпоху.

Как наука история юриспруденции изучает развитие юридических идей, отражающих во времени уровень познания наиболее общих законов в государстве и праве. Но так как с древнейших времен государство было классовым, то юриспруденция всегда составляла теоретическую основу двух подходов — правящего и управляемого, господствующих и подчиненных, эксплуататоров и эксплуатируемых. Отсюда берут свое начало легизм и юридизм, этатизм и анархизм, консерватизм и демократизм и их борьба в юриспруденции. В разные периоды они сочетались в многообразных комбинациях, воплощались в различные юридические построения, но никогда не исчезали полностью. Это были своеобразные единство и борьба противоположностей в юриспруденции, где политико-правовые линии взаимно опосредовались и взаимно обогащались, ибо, критикуя друг друга, представители каждой линии расширяют и углубляют юридическую проблематику, оттачивают аргументацию, совершенствуют способы доказательств и методологию, по-своему перерабатывают и обобщают политико-правовые идеи и данные отраслевых юридических наук. Поэтому историю юриспруденции России нельзя свести только к официальной или только к оппозиционной юриспруденции. Все намного сложнее. Нужно видеть борьбу различных линий в истории юриспруденции, это необходимо для лучшего усвоения всего богатства русской юридической мысли при помощи ее типологии.

Отражая в своей эволюции идеологические позиции поколений и впитывая в себя достижения иных общественных и отраслевых юридических наук, правовая мысль вместе с тем обладает относительной самостоятельностью и имеет собственную внутреннюю логику, что выражается в преемственной связи следующих друг за другом теорий, в специфической, по-своему “вечной” проблематике, сохраняющейся на протяжении всей истории России, в собственных закономерностях и внутренних пружинах правопонимания. Поэтому история нашей юриспруденции не может ограничиться фиксированием хронологической последовательности юридических идей и линий. Она не сводится также к тому, чему учил каждый мыслитель, взятый в отдельности, хотя портретный метод, как можно заметить в ходе изложения курса, активно нами используется. Для историко-правовой мысли важно прежде всего проанализировать преемственную связь по существу, а именно показать, как каждое учение вытекает из предшествовавшего или рождается в борьбе с ним, как прокладывает дорогу последующему, выявив вместе с тем, что нового оно вносит в познание политики, государства, права, законодательства. Без раскрытия преемственности и внутренней логики в истории юриспруденции России не видно ее движения, она превращается в конгломерат познавательных результатов на каждом этапе развития страны.

Одним из важнейших требований современной методологии, имеющих прямое отношение к истории юриспруденции России, является строгое следование принципу историзма, на котором строятся как сам анализ теорий прошлого, так и критерии их оценки. Именно этот принцип помогает избежать субъективизма, односторонности при оценке того или иного учения. Хотя оценка бывших уче-

ний, естественно, предполагает соотношение их с современными представлениями, без чего было бы невозможно установить их место в историко-юридическом процессе накопления знаний и степень их научности. Однако деятелей юриспруденции Отечества следует оценивать не по тому, чего они не дали (с учетом нашего уровня правовых знаний), а по тому, что они дали нового в сравнении со своими предшественниками и современниками и какое распространение, какое политико-правовое звучание имели их взгляды в свое время.

Принцип историзма нужно учитывать особенно в тех случаях, когда отечественная мысль не оформилась в учения и переплелась с другими социальными идеями и явлениями. Ведь каждому видному правоведу присущи индивидуальные черты и особенности: выдвижение на первый план тех или иных вопросов, способы их решения, правосознание, характер аргументации. Иначе говоря, для каждого мыслителя характерна внутренняя логика, познать которую можно только с учетом принципа историзма. Нужно всегда помнить аксиому Гегеля, высказанную им в “Философии права”, что юрист — “сын своего времени”, и с ее учетом подходить к осмыслению того или иного политико-правового учения.

С учетом вышесказанного о различении политического и юридического мышления (горизонтали и вертикали времени) мы различаем и два принципа историзма. Первый принцип связан с анализом политико-правовых событий и фактов в рамках линейной концепции прогресса (горизонтали времени). Второй — с тем же анализом, но уже с вертикальным (юридическим) видением — с позиций вечности, защиты “правовой природы вещей”, сохранения жизни на Земле и достойного места на ней российского этноса, его государства и права.

В этом случае мы поневоле уходим в сферу сердца, иррациональную сферу, где разума недостаточно, его нужно дополнять анализом через призму нашего профессионального кредо — борьбы за справедливость. Такой анализ приобретает ярко выраженный этико-правовой, идеалистический вид, но это вовсе не значит, как утверждают чересчур трезвые отцы рационалистической версии прав человека и правового государства, что вертикальный (юридический) историзм ненаучен, чреват мистикой, “пережитками прошлого” и “всяческой иной чертовщиной”. Мистика в юриспруденции может быть связана не только с иррациональными началами, но и сверхрациональными — божественными. Ведь вопрос бытия и небытия Бога современной наукой, даже на ее физическом направлении, где она достигла высших результатов, окончательно не снят с повестки дня. Да и обычный здравый смысл подсказывает, что сводить природу человека лишь к разуму — значит обеднять ее. Человек — величайшая загадка природы, а не живой робот, и говорить о нем только как о разумном существе — значит исследовать его в рамках политики, на сегодняшний день — открытой политики, неизбежно ведущей к выводу о “конце истории”, который недавно провозгласил соратник К. Поппера японский либерал Фукуяма. Не слишком ли рано хороним человечество, господа? А самое главное, без веры, без надежды, без любви, без мечты, без фантазии, наконец, никогда не было и не будет искажения истины, а значит, и правды. Сим победиши!

Важным методологическим приемом истории юриспруденции России является периодизация как фактор ее систематизации, типологии. Русская политико-правовая мысль, как уже говорилось, имеет тысячелетнюю историю, с XI по XX век включительно. В ней можно выделить ряд периодов, в пределах которых юриспруденция отличается определенной устойчивостью, известным едино-

образом, изменяясь в более или менее незначительных масштабах, без существенных качественных сдвигов в отношении общих познавательных результатов.

Эти периоды следующие:

1. Юриспруденция Киевской Руси (IX — XIII века).
2. Юриспруденция Московской Руси (XIV — XVII века).
3. Юриспруденция России XVII века.
4. Юриспруденция России XVIII века.
5. Юриспруденция России первой половины XIX века.
6. Юриспруденция пореформенной России.
7. Юриспруденция России начала XX века (до 1917 г.).
8. Юриспруденция Советской России и русских эмигрантов (до 1991 г.).

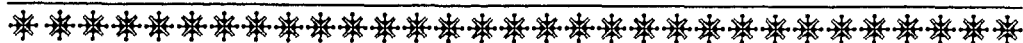
Эта периодизация охватывает весь процесс развития отечественной юриспруденции, прослеживает логику ее движения, намечает узловые пункты и фиксирует познавательные итоги восхождения от одного периода к другому. Она и положена в основу построения настоящей книги — курса лекций.

Отдавая свои лекции на суд студентов, автор сознает, что он далеко не полно воспроизводит все богатство русской юридической мысли, над изучением которой в нашей стране работало, к сожалению, мало ученых-юристов. Но автор хотел бы надеяться, что его версия “Истории юридической мысли России” внесет свою лепту в решение этой ответственной и почетной задачи.

ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ

ЮРИДИЧЕСКАЯ
МЫСЛЬ
КИЕВСКОЙ
и
МОСКОВСКОЙ
РУСИ

РАЗДЕЛ I

ДРЕВНЕРУССКАЯ ЮРИСПРУДЕНЦИЯ IX — XIII ВЕКОВ

ЛЕКЦИЯ 1. **Общая характеристика.**

“Слово о законе и благодати” Илариона

Сегодня юриспруденция как форма общественного сознания значительно дифференцировалась от других форм — религии, философии, морали и даже политики. При проекции же в прошлое границы этой глубоко специализировавшейся мысли сливаются с границами других сфер духовной деятельности. Поэтому нынешнему юристу приходится как бы искусственно вычленять то, что в IX—XIII веках было составной частью единой духовной культуры Киевской Руси. “Повесть временных лет” или знаменитое “Слово о полку Игореве” являются наследием, а в науке — предметом исследования не только филолога, лингвиста, историка, но и правоведа. И если в изучении древнерусских памятников, за исключением “Русской правды” и других нормативных источников, роль юристов пока еще скромная, то это только потому, что такова была раскладка идеологических и научных сил в Отечестве.

Юристы позже других ученых, только после 1861 года начали изучать юридические древности России с позиций образовавшихся кафедр истории государства и права на юридических факультетах. Начали с того, что лежало на поверхности: с нормативного материала древнерусского законодательства. Юридическая же мысль изучалась эпизодически, ее исследование держалось на энтузиазме того или иного ученого.

Ситуация не изменилась к лучшему и тогда, когда юристам стали преподавать историю политических учений (историю философии права). В основных до-революционных учебниках по этому курсу, даже в пятитомном издании Б.Н. Чичерина, о юриспруденции России не упоминалось. После 1917 года в силу идейно-политических причин, засилия марксизма в идеологии курс истории политических учений вообще не преподавался, и ситуация с ним выправилась только после смерти Сталина. В 50-е годы издан учебник по истории политических учений под редакцией С.Ф. Кечекьяна, где ряд глав, подготовленных энтузиастом историко-правовой мысли нашей страны В.С. Покровским, были посвящены отечественной юриспруденции.

Что касается научных разработок о Киевской Руси представителей других гуманитарных наук, то их всегда было много. Их авторы — имена мирового масштаба. Достаточно назвать С.М. Соловьева или В.О. Ключевского до революции, после — Б.Д. Грекова, М.Н. Тихомирова, Д.С. Лихачева. Беда лишь в том, что идейно-юридические исследования ими специально не проводились, яв-

ляясь той или иной частью иного гуманитарного знания. Конечно, было бы наивно ожидать, что вместо юристов кто-то другой, например филологи или философы, серьезно примется за этот труд. Варягов в серьезной науке, в отличие от политики, не бывает.

Юриспруденция Древней Руси отражала жизнь восточных славян в IX—XIII веках. Этот период ознаменовался разложением первобытно-общинного строя и постепенным переходом к государственному и феодальному обществу. Быстро росли города, усиленно развивались ремесла, ширились связи с другими странами.

Объединение восточнославянских племен привело к образованию древнерусской народности и раннефеодального государства — Киевской Руси. Этот процесс был сопряжен с социальной дифференциацией и возникновением противоречий между княжеско-боярской верхушкой и обложенным данью населением, которое постепенно становилось феодально-зависимым. Сплочение русских земель под властью Киева оказалось нестойким. Шла междоусобная борьба за великокняжеский престол, ослабившая центральную власть и приведшая в XII веке к раздробленности государства.

Правоведческая мысль отразила и внешние условия существования Киевского государства, вынужденного постоянно отстаивать свои рубежи. Оно оказалось как бы между двух огней: с одной стороны, постоянные набеги кочевников с востока и юга (печенеги, половцы, монголы), с другой — агрессия немецких, шведских, датских, польских, венгерских феодалов с севера и запада. Нашествие монголов во главе с Батыем не получило должного отпора в раздробленных русских княжествах. Русь утратила независимость. Но героическая борьба русского народа ослабила орду Батия, заставила их отказаться от захватнических планов в Западной Европе, вернуться в волжские степи, организовав там свое государство — Золотую Орду. Русский народ сохранил свою государственность, а зависимость выражалась прежде всего в тяжелой дани, которой ханы обложили Русь. Однако уже в середине XIII века по русским городам прошла волна антиордынских выступлений. С возвышением Москвы на Руси начались объединительные процессы.

Большое влияние на идеи государства и права оказало культурное развитие страны: переход от язычества к христианству при князе Владимире, взаимодействие народной (деревенской) и городской культуры, былинный эпос, зарождение письменности, летописания и литературы, налаживание культурных связей с другими странами, особенно Византией — хранительницей христианских и античных ценностей.

Значительным экономическим и культурным подъемом отмечено правление великого киевского князя Ярослава Мудрого (1019—1054). Он предпринял ряд серьезных мероприятий по укреплению суверенитета Русского государства. С его именем связана первая запись древнерусского права — *Русская Правда*. Ярослав ввел церковный Устав, который наряду с византийскими канонами содержал славянские обычаи и нормы. Он собирал вокруг себя переводчиков и писателей, которые ознакомили русских людей с текстами Аристотеля, Платона и других античных мыслителей.

Расцвет книжной образованности в середине XI века стимулировал рост национального самосознания и складывание юридической мысли. В центре официальной идеологии стояли проблемы происхождения государства, легитимности

правлящей династии, наилучшей формы правления. Обсуждались и отношения между князьями, соотношение светской и духовной властей, внешняя политика, исследовалась взаимосвязь между такими понятиями, как *истина, правда, закон*, что свидетельствует о серьезных достижениях в области политико-правовой культуры.

Противовесом феодальной мысли стали идеи народных утопий. Их основными источниками являлись “отреченные книги”, которые православная церковь считала духовно вредными для народа. В этих книгах, дающих демократическую версию христианства в тесной связи с язычеством и эпосом, представлен народный идеал правды — мечты о справедливости и совершенном состоянии общества. Народ мечтал о том, чтобы защитить и вернуть на землю правду, умалявшуюся по мере укрепления феодальных отношений, вернуться к демократизму, свойственному общинному и родовому строю. Государство и церковь вели активную борьбу с древними народными идеалами, отождествляя их с язычеством.

Древнерусская мысль имеет оригинальную структуру и форму. Юридический аспект не выделен в самостоятельную сферу, ключом к его пониманию является символика священного писания. Все юридические категории воплощались в религиозно-образную и знаковую системы. Средневековому человеку этот язык был понятен. Религиозно-символическое мышление, в свете которого в летописях и других памятниках излагались политические и правовые идеи, было для той поры исторически необходимой формой отображения действительности.

Сквозь канву богословских построений весьма четко проглядывают оценки историко-юридических событий, данные, как правило, не от авторского имени, а от лица признанных в христианской литературе авторитетов, а иногда и просто путем подбора цитат из источников.

Понимание своеобразия древнерусской юриспруденции XI—XIII веков может быть достигнуто лишь в том случае, если мы сумеем “вписать” ее в общую картину мирового юридического развития, если мы рассмотрим ее в контексте тех реалий, которыми характеризуется движение всей правовой мысли, и выявим, какие стороны и моменты этого движения преобладали в процессе становления отечественной юриспруденции.

Формы движения правового знания являются составной частью процессов научно-теоретического изучения и ценностно-мировоззренческого освоения мира, неразрывное единство которых придает юриспруденции внутреннюю активность и жизненность, выделяя целостное понимание этой формы общественного сознания из других форм. В реальной истории юриспруденция — в зависимости от социальных запросов той или иной эпохи — выступала на первый план культурного развития то в своем теоретическом, то в ценностном облике. И если древнерусская юриспруденция у своих истоков не создала обширных теоретических систем, то, как нам представляется, именно с аксиологической стороны связано ее непреходящее значение.

Древнерусская юриспруденция — это обсуждение и утверждение ценностей права, свободы, равенства, братства, гармонии, и в этом своем содержании она движется в русле мировой юридической традиции и представляет тот же тип правопонимания, какой существовал в Индии, Китае, Греции, выявившись в “Ведах” и упанишадах, “И-цзине”, а также в античной мысли с поисками смысла и назначения юридического в мире. Ключевое понятие древнерусской юриспруденции — “правда” имеет ряд сходных значений с древнеримским “jus” и

древнеиндийской “дхармой”. Это такие значения, как справедливость, добродетель, долг, закон, правосудие, религиозная цель и некоторые другие. Правосознание Киевской Руси — синтез общечеловеческой и древнерусской юридической мысли. Оно — образец осмысления истории всего человечества и Руси как движения к справедливости и правде.

В последние годы обострились дискуссии о своеобразии юридического процесса в Киевской Руси. В некоторых исследованиях наблюдается тенденция к тому, чтобы “скроить” его по образцу западной либо византийской патристики и схоластики. Такому подходу недостает, на наш взгляд, глубины конкретно-правового анализа, он является следствием абсолютизации роли христианства в юридической литературе.

Дело в том, что Новый Завет, другие источники христианства не были единственными в тогдашней Руси. Они подверглись оригинальной обработке и дополнениям русскими летописцами. Юриспруденция Киевской Руси складывалась на заре феодализма в противоречивой идейной ситуации. Здесь еще ни одно направление, ни одно течение окончательно не оформилось, твердо не определилось; идет непрерывная борьба между старым и новым, своим и чужим, религиозным и светским, небесным и земным, христианским и мифологическим.

Последнее особенно важно иметь в виду при анализе всей древнерусской юриспруденции. Мифологическое правосознание было, по существу, полярным христианскому. У славян коллективное начало преобладало над индивидуальным, подчиняло его себе. Нормы поведения задавались традицией и ритуалом. Согласно мифам в событиях усматривалась власть рока, преобразовавшего хаотичность в определенный порядок. Процветал культ предков, запечатленный в родовых преданиях. Жизнь рассматривалась как длящаяся вечность, где не были четко разграничены прошлое и будущее, предшествующие и последующие события. И те и другие были одинаково актуальны для настоящего, как бы сформулированы в нем. Кроме того, родоплеменное общество не знало неравенства и осуждало его, оно строилось на патриархальных отношениях общинного коммунизма.

Чисто внешне древнерусская юриспруденция принимала форму, которая типологически соответствовала средневековым канонам, общим для всех стран православного региона. В этом проявлял себя статический компонент духовно-правовой жизни эпохи. Последний, однако, дополнялся динамическим содержанием, которое привносилось социальной средой, индивидуальностью мыслителей, особенностями политической обстановки, национального психического склада и, что самое существенное в данном случае, воздействием двоеверного правосознания, проявлявшегося хоть и в разной мере, но практически во всех сферах тогдашней Руси.

Тезис этот особенно справедлив в отношении “Слова о Законе и Благодати” Илариона, первого юридического памятника Киевской Руси. Оно было составлено Иларионом, первым киевским митрополитом русского происхождения, еще до его возведения в сан и, по всей вероятности, оказалось существенным для принятия Ярославом решения поставить Илариона во главе русской Церкви. Произнесено это “Слово” в день Пасхи 1049 года, совпавший с праздником Благовещения, когда в Киеве было большое торжество. Кроме церковного самого любимого на Руси праздника киевляне отмечали окончание постройки креп-

кой стены вокруг стольного города с ее знаменитыми Золотыми воротами. Теперь нелегко будет врагам нападать на Киев, ставший крепостью. Будет где отсидеться жителям и откуда витязям отражать нападения. К этому времени Киев увеличился, по сравнению с годами правления Владимира, в шесть раз, иностранцы говорили, что в нем “более четырехсот церквей и восемь рынков, народу же несметное количество”.

Город был великолепен, иностранцы восхищались им, киевляне им гордились. В тот день Десятинная церковь была полна народу, на хорах размещалась семья князя Ярослава; были, может быть, и три его дочери Ярославны, будущие королевы: Франции — Анна, Норвегии — Елизавета, Венгрии — Анастасия. Были там, наверное, и принцы норвежские, шведские, знатные варяги и русичи дружины, лучшие люди Киева.

После богослужения пресвитер княжеской церкви пригородного села Берестово произнес вместо проповеди “Слово о Законе и Благодати”, прославляющее русское христианство и его “апостола” Владимира. Тема этого первого юридического памятника — равноправие народов. Иларион противопоставил Ветхий Завет с его законом, утверждающим привилегированное положение иудейского народа, Новому Завету с благодатью, одинаково распространяемой на все народы, принявшие христианство.

Полемически же “Слово” направлено против попыток Византии подчинить Русь своей гегемонии. По придворному царьградскому этикету, киевский великий князь приравнивался к стольнику (официанту) при трапезе (столе) императора, русская митрополия числилась как одна из самых “молодых” и стояла на 69-м месте среди других митрополий, находившихся под влиянием константинопольского православного патриарха. Такое положение было оскорбительно для киевских князей, начиная с Владимира Святого, считавших себя самодержцами и надевавшихся получить автокефалию от Византии, без всякого политического подчинения как государству, так и церкви.

Иларион — одна из самых интригующих и выдающихся фигур во всей русской юриспруденции. Откуда он явился на исторической сцене? Есть догадки, что из Тмутаракани. Самое загадочное неизвестно точно — что с ним стало после того, как он через четыре года пребывания на митрополичьей кафедре исчез, так как уже в 1055 году в Киеве появляется греческий митрополит из Константинополя — Ефрем. Похоже, Ярослав пожертвовал Иларионом для нормализации отношений с Византией, за это его сын Всеволод породнился с императорским домом — женился на греческой царевне из семьи Мономаха, а внук Ярослава, сын Всеволода, стал именоваться по матери Владимиром Мономахом. О нем речь будет позже.

После ухода Илариона из митрополии летописная деятельность переносится в Печерский монастырь, где, по мнению ряда ученых, сосредоточивается оппозиция к власти греческого митрополита. Отсюда соблазнительно было бы заключить, что именно Иларион положил начало всему русскому книжному делу и летописанию, а не только был автором замечательного “Слова”. Крупнейший знаток древнерусской книжности М.Д. Приселков, например, считает, что после ухода из митрополитов Иларион постригся в Киево-Печерский монастырь и принял схиму под именем Никона. До этого (1054 г.) о Никоне ничего не известно, после этого года ничего не известно об Иларионе.

Блестящий стиль изложения, почти песенный, глубина мысли, выдающаяся эрудиция, позволяющая говорить о знакомстве автора "Слова" с памятниками не только византийской, болгарской, чешской, но и западноевропейских культур, — все это дает право характеризовать Илариона как выдающуюся личность даже среди тех, кто "преизобильно насытились сладостью книжной" и составляли круг книжников Ярослава Мудрого. Но и этим значимость творчества Илариона не исчерпывается. Он не просто один из ранних ретрансляторов достижений современной ему мировой культуры на отечественную почву, но и оригинальный мыслитель. Иларион — первый известный нам деятель, сделавший предметом своих размышлений судьбы Руси и всего человечества, пытавшийся вскрыть основные тенденции их взаимодействия и развития. Созданное им "Слово" в последующей отечественной традиции приобретает значение прообраза, на который равняются, во всяком случае до XVII века включительно. Свидетельство тому — свыше пятидесяти списков "Слова", дошедших до наших дней.

Уже сама общая схема построения "Слова", задающая движение мысли от проблем всемирной истории к уяснению места в ней земли Русской, а отсюда — к оценке деятельности Владимира Крестителя и, наконец, характеристике современной Илариону государственности, воспроизводит типичную для наших средневековых книжников устремленность от абстрактных схем к злободневным вопросам государства и права. Абстрактная всемирно-историческая схема и злоба дня образуют как бы полярные потенциалы напряженности, между которыми и совершается процесс движения оригинального юридического уопостроения.

Представляется показательным сравнение "Слова" с тем взглядом на всемирную историю, который был выработан тогдашним западноевропейским авторитетом Августином в "Граде Божием". Обращаясь к современному ему государству и праву, Августин преисполнен скепсиса в их оценке. Оптимизм у отца римской церкви сопряжен лишь с чаянием грядущей победы "града небесного". Но это дело далекого будущего. А пока история рисуется ему как картина мучительного странствия "града Божьего" между нечестивыми, непримиримой борьбы, которую ведет "град Божий" с теми, кто, как пишет он, "полагает славу свою в самом себе", а не в Боге.

Иларион же как раз и принадлежит к тем, кто "полагает славу свою в самом себе", в своем времени, которому он и воздает вдохновенную хвалу. Глубокий оптимизм его адресован к тем "новым людям" и "новым временам", которые, по убеждению пресвитера, уже наступили.

В основе истории, по Илариону, лежит противоборство Закона и Благодати. Закон противоположен Благодати как "свет луны солнцу воссиявшему", как холод ночной солнечному теплу. Закон оправдывает, но не спасает. Благодать не оправдывает, но спасает, даруя спасение в веках грядущих. Закон — это "стен" (тьнь), Благодать — истина. Закон — это рабство, Благодать — свобода.

По сути, утверждается новый тип правопонимания, отличный от иудейского и языческого. Его воплощение в жизни русичей — цель деятельности Русского, государства, глава которого является "причастником" и "наследником" Христа до его нового пришествия на Землю. Эта высокая миссия должна быть исполнена в соответствии с юридическими принципами, изложенными в Новом Завете. Что касается божественной воли, выраженной в Ветхом Завете, то она уже утратила юридическую силу на Руси после принятия христианства. Закон опре-

делает поступки людей на той ступени, когда они еще не постигли истину. Его цель — “приготовление к истине и Благодати”, ибо человечество, как скверный сосуд, сначала должно быть омыто водою — Законом, а затем уже станет способным принять “млеко Благодати”. Закон — предтеча и слуга Благодати, истины, правды. Он не делает людей свободными, ибо заложенное в его природе рабское исполнение внешних предписаний не есть свобода. Только познание истины предоставляет человеку свободу в выборе своего поведения.

Симпатии Илариона на стороне истины, способной сделать свободными всех людей на Земле, превращая их постепенно в сообщество равноправных христианских народов. Однако Закон и истина не противопоставляются друг другу — истина воспринимается человечеством благодаря Закону, а не вопреки ему, утверждает Иларион, ссылаясь при этом на положения новозаветного учения о том, что Иисус пришел в мир не для того, чтобы нарушить закон, а напротив, чтобы исполнить его.

Высшая цель управления государством — обеспечение интересов всех подданных. Великий князь как христианский государь обязан неустанно творить милостыню и быть щедрым, помнить о болящих, вдовах и сиротах. Правосудие совершается только по закону, но милостиво. “Мало казни, много милуй”. Кроме жестких мер принудительного характера Иларион советует применять и правовое воздействие в форме помилования, так как суровое наказание противно самой природе человека.

В христианском духе изложена и внешняя функция Русского государства — сохранение мира. Князь обязан заботиться о мире и не развязывать кровопролитные войны, которые могут печально кончиться для русского народа. Ни на свой, ни на чужой народ не следует “попускать скорби и глада и напрасных смертей, огня, потопления”. Божественный промысел должен обеспечить мир. А князь, реализуя его, должен предотвращать войны, организовав хорошее внутреннее управление страной.

Произведение Илариона — по существу первый памятник древнерусской письменности, утверждающий величие и единство понятий язык *Русский*, земля *Русская*, которые вводятся в юридическую культуру Иларионом впервые. Существенно не только утверждение Иларионом идеи целостности Русского государства, что соответствовало сдвигам этнического правосознания, совершавшимся в начале XI века под воздействием социально-экономических процессов. Важно убеждение автора “Слова” в величии его Родины, “яже ведома и слышима есть всеми четырьмя концы земли”. Тем самым Иларион стремится вписать свой народ, путь, им пройденный, в контекст истории человечества. Торжество Благодати заключается во всемирном характере этого высшего этапа истории, где свободно утверждают себя “все языки”. Зависти, как ложному началу, господствующему на стадии Закона и стремящемуся утвердить избранничество одного народа, Иларион противопоставляет “щедрость” Благодати, равно сияющей во всех концах Земли.

Все народы, по Илариону, как бы воспроизводят в своей истории ступени всемирного развития. Однако величие удела русского народа видится ему в том, что, будучи “новым”, он не просто “исполняет” историю. В его предназначении “сбывается” то, что символически запечатлено в ветхозаветной истории. Этот мотив, несомненно, питался актуальными потребностями современной Илариону жизни, в частности коллизиями во взаимоотношениях Руси и Византии, Руси и

Хазарии. Во имя утверждения величия земли Русской подчас приносятся в жертву соображения конфессионального порядка. В “Слове” также немало мест, где в соответствии с духом христианства всячески осуждается родоплеменная “суета языческого обмана”, “тьма служения бесам” и т.п.

Проклятия, однако, адресуемые многобожию и язычникам, забываются, когда возникает необходимость воздать хвалу княжескому роду. Дед Владимира Святого — язычник “старый Игорь”, отец Владимира — язычник “славный Святослав” превозносятся как великие русские герои, ибо в годы своего правления мужеством и храбростью прославились во многих странах и победами и доблестью поминаются и прославляются, так как не в худой и неведомой стране правила, но в Русской, что ведома и слышима всеми четырьмя концами земли.

Иларион явно предпочел обоснование политико-правовых целей “на злобу дня” соображениям религиозного порядка. В дальнейшем это станет лейтмотивом древнерусской книжности. Его наследники превратят эти мысли в культ княжеского рода, чтобы создать духовные предпосылки против распада государства, для предотвращения распрей и повышения обороноспособности перед лицом внешних врагов. Во время Илариона эти задачи не приобрели еще такой острой направленности. Но не менее важна была политическая цель — утвердить величие земли Русской и правящего на ней рода перед лицом гегемонистских претензий Византии и других государств. Стремясь возвеличить свое время, Иларион превозносит властителей “земли Русской” Владимира и Ярослава. А это побуждает его воздать хвалу их предшественникам, утвердившим славу правящего рода. Нынешние князья славны потому, что от славных родились, благородны потому, что происходят от благородных.

Насколько чужда эта тенденция христианской догме, можно судить хотя бы на основании ее сопоставления с утверждением одного из отцов церкви Василия Великого, считавшего, что, характеризуя выдающихся деятелей, не следует “доискиваться земных их отечеств, когда о настоящем их граде можно домыслиться”. Им является “град мучеников”, “град Божий”.

Обращенный к земному отечеству, Иларион стремится здесь, на Земле, вскрыть причину происхождения Руси. Она осмысливается им как процесс, осуществляемый хотя и согласно предначертанию “свыше”, однако реальными, земными усилиями. Вот почему логично завершающей изложение в “Слове” оказывается тема идеального князя — делателя государства, что находит выражение в хвале Владимиру и Ярославу. Не случайно в ряду достоинств, которыми наделен носитель этого идеала — Владимир, первое место отводится разуму. Величие Владимира в том, что разум его “выше разума земных мудрецов”. Юридическое развитие представляется Илариону в виде вдохновляющей картины торжества света разума над тьмой невежества. Принятие христианства на Руси воспринимается им как акт прежде всего интеллектуальный. Благодаря деятельности Владимира, считает Иларион, народ Русской земли был приведен “в разум истинный”, в нем воссиял “свет разума”. Характерно, что обретение правосознания связывается с просвещением, с письменным словом. Язык “неразумного” идолопоклонника — косноязычный, разъясняет Иларион, “ясно же” славить Бога может лишь просвещенный христианин. А поэтому высшим качеством правителя считается высокоразвитый интеллект.

Любопытно обоснование этого тезиса. Многие видевшие Христа, наблюдавшие его чудеса, в том числе иные цари и владыки, не уверовали в него. Влади-

мир же не видел ни Христа, ни апостолов, не наблюдал их чудеса, но уверовал. Что же тогда помогло язычнику-князю постичь величие Божества? Ответ однозначен — он “только благим смыслом и острым умом уразумел, что есть Бог един — Творец невидимым и видимым, небесным и земным и что послал Он в мир, спасения ради, возлюбленного Сына Своего. И, о том помыслив, вошел в святую купель”.

Принятие христианства — разумное дело, оно служит просвещению народа. Поэтому идеальный правитель — это человек, не только наделенный острым умом, но и способный передать обретенное знание истины несведущим, это просветитель, учитель. Владимир велик, считает Иларион, тем, что он, услышав голос Бога, “не словами подтвердил сказанное, но дела свершил”, он “учитель и наставник” народа своего. Продолжение дела Владимира сыном его Ярославом видится Илариону в создании “дома премудрости” — храма, посвященного Софии и мыслимого в качестве образа правопорядка, в котором властвует разумное начало.

Истинный глава государства выступает воплощением единства слова и дела. Он не только поучает других о правомерной жизни, но и сам живет по правде, открывшейся ему. Величие Владимира усматривается в том, что его “щедроты и милостыни (милости) и ныне в человецех поминаемы суть”, он доблестен, крепок и силен, умело владеет мечом, защищая родную землю, он “друже правде, смыслу место (вместилище), милостыни гнездо”. К числу достоинств Владимира Иларион присовокупляет его благоверие, заботу о процветании церкви и ее служителей. Покорив свое царство Богу, Владимир советуется с епископами о том, как установить порядок в новоокрещенном народе, заботится о расширении православия, украшает землю церквями и монастырями, подавляя врагов веры. Сколь разительно контрастирует этот образ с представлением о кесарях как по преимуществу о шайке бандитов, которое развивал Августин, убежденный, что справедливости нет нигде, кроме той “республики”, основатель и правитель которой Христос, той “республики”, что именуется “градом Божиим”.

В этом — отражение реальной ситуации взаимоотношений светской и духовной властей в Западной Европе и на Руси. В древнерусском государстве церковь не подчинялась целиком власти князя (как у византийских императоров), но и не соперничала с нею (как у римских пап). Она находилась по отношению к государству в положении духовного вассала и духовника одновременно, эти связи двух властей чаще именуют симфонией.

Отражение такой своеобразной ситуации, которая накладывала существенный отпечаток на развитие древнерусской юриспруденции, мы обнаруживаем впервые в “Слове о Законе и Благодати”, которое и в этом выступает прообразом выразительной тенденции, прослеживаемой в древнерусских летописях, “Поучении” Владимира Мономаха, ряде других памятников права Киевской Руси.

ЛЕКЦИЯ 2. “Повесть временных лет”. Владимир Мономах

Второй крупнейший памятник Киевской Руси — “Повесть временных лет” составлена около 1113 года. Ее автор Нестор — монах Киево-Печерского монастыря. Юношей он стал иноком, однако высоких церковных чинов не достиг, оставаясь всю жизнь дьяконом. Им были написаны также жития Феодосия Печерского, Бориса и Глеба.

Печерский монастырь — общерусский духовный центр, в котором вынашивались идеи самостоятельности отечественной церкви, защиты ее от константинопольского патриарха и римского папы. После разделения (схизмы) церквей не только Византия, но и римская курия усилили свои попытки укрепиться в Киевской Руси, начатые еще при Владимире Святославовиче. Дало о себе знать и прежнее политическое соперничество с Византией, с ее теорией Второго Рима, согласно которой церковь и империя находились в тесном союзе и возглавлялись божественным самодержцем, носителем как светской, так и духовной власти. Эта теория имела целью создание единого вселенского православного государства. Каждый покоренный империей народ непременно принимал православие, равно как каждый вновь крещенный народ должен был войти в состав Византии и утратить свой суверенитет.

Не отрекаясь от православия, в монастыре защищали идеи единства и независимости крещеной Руси. Делалось это путем канонизации русских святых, пропаганды отечественной традиции (жития великих князей), поддержки их политики как старейших, т.е. первых на Руси, способных отстоять ее независимость от внешних врагов и прекратить междоусобные войны удельных князей.

В основе юриспруденции Нестора лежит идея противоборства Бога и сатаны, добра и зла, правды и кривды. Мир полон бесов — слуг дьявола, которые на все “злое посылаемы бывают”. Им сродни правонарушители, “злые люди” (“зол человек”). Из-за таких людей умножаются в государстве правонарушения, злые без страха нарушают юридические заповеди, забывают “целование креста”. За это их Бог наказывает войнами, казнями, различными бедами. Последние насылает Бог и на неправедных властелинов: “Ибо если князья справедливы, то много согрешений прощается стране той; если же злы и лживы, то еще большее зло посылает Бог на ту страну, потому что князь — глава земли”. Отсюда сам собою следовал вывод: выпавшие на долю Руси несчастья — “межусобицы многие и нашествие врагов” — кара Бога за “зловерье” и “лукавство” подданных и правителей. Но Бог милостив: он казнит “землю” и тем самым приводит ее к юстиции.

Возложив всю ответственность за бедствия Руси на ее князей, “Повесть временных лет” со всей определенностью констатирует: Божье “блюденье” и покровительство “лепее” княжеского, человеческого. Божье “блюденье”, защита — причина всякого успеха. Оно необходимо и простому человеку, и князю. Никто не может обойтись без него. Заслужить же расположение просто — надо избегать “бесовского наученья” и не нарушать христианских заповедей. Бог всегда на стороне благочестивого князя. Он может истребить его врагов, как племя обров; может вселить в них “страх великий”, как в половцев на Сутени, когда “ужас охватил их при виде русских витязей, стали они сонными, а их лошади — медленными”; может, наконец, напустить на них своих воинственных ангелов, как это случилось на реке Сальнице в 1111 году, когда “чужеземные враги”, “невидимо” избиваемые ими, убежали с поля боя. Так Нестор закладывает первый камень в основание теократической концепции “богоугодного властелина”, ставшей ведущей в эпоху удельной раздробленности. Проблема соотношения светской и духовной власти здесь решается в пользу последней. По мере углубления династического сепаратизма, когда все более очевидной становится неспособность киевских князей удерживать за собой прежнее единовластие, церковь проникается централистскими тенденциями.

Что означает быть благочестивым князем? Ответ печерского книжника прост: строить свои отношения с удельными князьями на основе принципа династического княжения. Суть его — “пусть каждый владеет отчиной своей”. Библейское обоснование принципа дано уже в самом начале “Повести временных лет”. После потопа трое сыновей Ноя — Сим, Хам, Иафет, бросив жребий, разделили землю. Последнему достались славянские земли. При этом каждый, чтобы не вступать в долю братьев, жил в своей части. “Повесть временных лет” не только санкционировала удельно-династическое княжение, но и объявляла его единственно богоустановленной формой правления.

В нашей литературе неоднократно отмечалось, что целью составителя “Повести” была борьба за единство Киевского государства, желание доказать всеми имеющимися средствами необходимость единения князей. Такое заключение, несомненно, верно, но оно нуждается в важном дополнении, а именно: центром сплочения древнерусских князей летописец признает не великокняжескую власть, а церковь. Лишь “духовное водительство”, по мнению Нестора, позволит вывести страну из того кризиса, к которому ее привело стремление того или иного князя к верховенству. Он последовательный противник светского единодержавства, и это видно из его отношения к канонизации русских святых.

В предыдущей лекции рассказывалось о тех усилиях, которые Ярослав Мудрый предпринял для канонизации своего отца Владимира Святославича. Однако в то время церковь воспротивилась намерению великого князя, предложив канонизировать взамен крестителя Руси “боголюбивых” Бориса и Глеба. Это были младшие сыновья Владимира, “равноапостольного” государя. После его смерти их убил родной брат Святополк, незаконно занявший престол, предназначавшийся Борису. Последний в это время оборонял Киев от печенегов. Дружина советовала ему: “Пойди, сядь в Киеве на отчий княжеский стол — ведь все воины в твоих руках”, но он отказался. “Услышав это, воины разошлись от него”. Борис, по словам Нестора, решил оставить все как есть и предаться воле Всевышнего: “Если он кровь мою прольет и на убийство мое решится, буду мучеником перед Господом моим. Не воспротивлюсь я, ибо написано: “Бог гордым противится, а смиренным дает благодать”. И в послании апостола сказано: “Кто говорит “я люблю Бога”, а брата своего ненавидит, тот лжец”. Так же мыслил и поступил Глеб. Нестор всячески возвеличивает поступок братьев. Они, с его точки зрения, выбрали самый достойный путь — во всем положились на Бога. Святополк и без них принял небесную кару. Они же спасли душу, явив себя “столпами правоты”.

Плачевна судьба Святополка Окаянного, нарушившего завет отца своего Владимира Святославича княжить всем родом и начавшего злокозненно думать: “Перебью всех своих братьев и стану один владеть Русскою землею”. Первыми его жертвами стали Борис и Глеб, а затем еще один родной брат — Святослав, князь древлянский. Однако Святополка победил Ярослав, и тот “бежал к ляхам”. Оттуда он привел на Русь войска Польского короля Болислава и с их помощью вновь захватил Киев. Но опять торжество Святополка было недолгим: “И пошел Ярослав на Святополка, и бежал Святополк к печенегам”. Но и они не смогли помочь Окаянному: разгромил Ярослав и печенегов. И остался Святополк при своих злодеяниях и в болезнях, так как, “когда бежал он, напал на него бес, и расслаби все члены его, и не мог он сидеть на коне, и несли его на носилках”. Умер он на чужбине, вдали от Родины, закопан в неизвестной яме, от

которой исходил “ужасный смрад”. Заключается эта история важной сентенцией: “Все это Бог явил в поучение князьям русским, чтобы если еще раз совершат такое же, уже слышав обо всем этом, то такую же казнь примут и даже еще большую той, потому что совершат такое злое убийство, уже зная обо всем этом”. Разумеется, Нестор осуждает в данном случае не только убийство Святополком своих братьев, но и то, что целью его было единодержавство.

Культу Бориса и Глеба Нестор придает широчайшее значение. С ним связано торжество Русской земли над кознями дьявола, пытающегося посеять раздоры среди князей. Распри князей-братьев (а все они потомки одного родоначальника — Рюрика), на взгляд летописца, это последняя надежда дьявола воспрепятствовать торжеству справедливости в мире. Однако Борис и Глеб собственной смертью защитили Русь от покушений дьявола, показали всем князьям пример братолюбия и “покорения” старшему в роде.

Ранее было сказано, что “Повесть” составлялась в период усиления сепаратистских тенденций и разгоравшихся междоусобиц. Поэтому автор дает рекомендации для их преодоления и сохранения единства Русской земли. Делается это при помощи легенды о том, что лишь род киевских князей восходит к варяжскому князю Рюрику, призванному славянами в целях установления “порядка”, которого не было в их земле.

Нестор являлся первым норманистом в русской юриспруденции. Он утверждал варяжское происхождение княжеского рода и самого названия Руси. Чем же объяснить, что летописец, столь последовательно стремившийся утвердить божественное предназначение русского народа во всемирной истории, был склонен выводить и название Руси, и княжеский род из-за моря — от варягов?

Эта легенда о призвании братьев-варягов складывалась постепенно и искусственно. Она служила целью борьбы с княжескими усобицами, утверждая собою идею единства княжеского рода, что равнялось по тем временам идее единства государства. Более того, в то время эта легенда была одним из атрибутов суверенитета Руси от вмешательства извне Царьграда. Нестор воспринял легенду о призвании варягов из предшествующей Печерской летописи как важнейшую в древнерусской истории. Естественно, что он связал с ней и свое объяснение названия Руси. Нестор не мог предвидеть, какие политические выгоды сделают из нее в дальнейшем сторонники теории самостоятельного возникновения Руси.

С точки зрения греков, Русское государство было обязано своим возникновением им. Легитимная власть явилась на Русь лишь после ее крещения и была неразрывно связана с церковью. Вот с этой-то точкой зрения и боролись печерские летописцы. Она представляла собой ущемление суверенитета молодого государства, поскольку ее яростно отстаивали назначаемые из Царьграда митрополиты-греки.

Печерские же монахи вели с их провизантийской политикой идейную борьбу и, отстаивая общерусские интересы, обратились к норманистской теории, утверждая прямо противоположную точку зрения на генезис отечественной государственности — не с византийского юга, а со скандинавского севера. Русское государство, считали они, образовалось до принятия христианства и, следовательно, было независимо от церкви; независимость же от церкви означала прежде всего независимость от митрополита-грека. К такой независимости настойчиво стремился и сам Киево-Печерский монастырь. Кстати, теория иностранного проис-

хождения правящих родов в средневековье была стойкой традицией, позволяющей обосновать институт феодального сюзеренитета-вассалитета. Например, во Франции вплоть до XVI века ходила версия о происхождении ее королей из рода героя Троянской войны Гектора. Немцы многие из своих династий считали вышедшими из Рима, швейцарцы — от скандинавов, итальянцы — от германцев и т.д.

Нестор не сводит государство к структурному элементу — аппарату. Для него намного важнее обосновать политико-национальный и территориальный элементы. Знаменательно, что летописанию Нестор дает такой подзаголовок: “Вот повести минувших лет, откуда пошла Русская земля; кто в Киеве стал первым княжить и как возникла Русская земля”.

До сообщения версии о призвании варягов Нестор, связывая русскую историю с мировой, стремится доказать, что наш народ не без роду и племени, что он имеет свою историю и божественное предназначение. Просто и наглядно дает летописец географическое описание Руси, путей, связывающих ее с другими странами, заканчивая его легендой о трех братьях — основателях Киева — Кие, Щеке и Хориве.

Затем Нестор переходит к рассказу о постепенном политическом обособлении русских племен: полян, древлян, дреговичей, словен и половчан; перечисляет соседние русским племена: весь на Белозере, мерю на Ростовском озере и на Клещине, мудрому у устья Оки. Упоминание других народностей вынуждает Нестора дать точный перечень славянских народов, населяющих Русь, а также неславянских, платящих дань русским и входящих в политический союз Руси. К последним относятся чудь, меря, весь, мурома, черемисы, мордва, пермь, печора, ямь, литва, зимигола, корсь, нарова, либь.

Упомянув еще несколько славянских племен, не вошедших в прежние перечисления, — радимичей, вятичей, угличей, тиверцев, Нестор переходит к описанию обычного права славянских племен, населяющих Русскую землю. Это описание подчинено единому принципу: каждая народность и каждое племя имеет свой “закон” и свой “нрав”, переданный им от отцов их. Свой обзор обычного права Нестор заканчивает краткой характеристикой обычаев главных врагов Руси — половцев и отмечает преимущества славянского правопонимания как более высокого. Нестор считает русских цивилизованным и культурным народом.

Перед рассказом о призвании варягов в 862 году Нестор одной строкой сообщает об изгнании славянами варягов и об отказе платить им дань, об их междоусобных войнах, где “встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом”. Это и привело наших предков к решению: “Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по закону”. “И пошли за море, к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные — норманны и англы, а еще иные готландцы, — вот так и эти. Сказали руси чудь, славяне, кривичи и весь: “Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами”.

Возможно, так оно и было. Варяжские витязи и после приглашались на Русь для выполнения прежде всего военных функций, функций охраны пригласившего их народа от внешних нападений, в том числе и от нападений своих соплеменников. Однако это совсем не означает, что русская государственность была создана варягами. Они “влились” в уклад и строй жизни славян, приняли их язык, обычное право, верования.

Описывая различные события и участие, какое принимали в них князья, Нестор рисует нам два типа правителей — праведный князь и неправедный. Существенной чертой праведного князя является его любовь к правде, под которой понимается забота о правосудии и управлении: “Если же какая-нибудь страна станет угодной Богу, то ставит ей Бог цесаря или князя праведного, любящего справедливость и закон, и дарует властителя и судью, судящего суд”. Об Иза-славе Ярославиче с большой симпатией говорится, что он “муж красив видом и телом велик, незлобив нравом, ложь ненавидел, любя правду”.

Неправедный князь — наказание Бога за правонарушения народа. Неправедного князя Нестор изображает юным, любящим “пить вино под звуки гуслей вместе с молодыми советниками”. Эта мысль подкрепляется словами пророка Исая: “Отнимет Господь у Иерусалима крепкого исполина и храброго мужа и судью, и пророка, и смиренного старца, и дивного советника, и мудрого художника, и разумного, живущего по закону. И дам им юношу князя, и обидчика поставлю обладать ими”.

Летописец много говорит о советниках князей. Противоправные поступки последних он склонен объяснять влиянием злых советников, которые чаще бывают молодыми, чем старыми. Его запись 1093 года о престарелом Всеволоде Ярославиче типична: “И стал он любить образ мысли младших, советуясь с ними, они же стали наущать его, чтобы он отверг дружину свою старшую, и люди не могли добиться правды княжой, начали эти молодые грабить и продавать людей, а князь о том не знал из-за болезней своих”. Здесь впервые просматривается учение о тиране, которое затем активно разрабатывалось в нашей юриспруденции. Его основные черты: 1) тираном может оказаться князь, лично добродетельный, не извлекающий для себя никакой выгоды от угнетения народа, 2) перемена в правлении происходит из-за борьбы вокруг трона партий советников, 3) захватив власть, любимцы князя грабят народ и вообще обогащаются за его счет, 4) они же захватывают правосудие, народ и негде найти на них управы.

Сравните со взглядами Макиавелли, для которого тиран тот, кто не останавливается ни перед какими преступлениями и принимает в них непосредственное участие. Летописец же видит вину неправедного князя в том, что он избрал дурных советников и слишком им доверился, а участия в противоправных действиях, от которых страдает народ, он не принимает. Такой взгляд имеет как библейские, так и жизненные корни.

Эти корни определяют и решение Нестором проблемы юридической ответственности, в частности пределов повиновения правителю. Если неправедный князь получает власть от Бога так же, как и праведный, то по отношению к нему народ не имеет права на восстание. Все князья несут ответственность только перед Богом. Он потребует у каждого ответа “за погубленные души христианские”. Где ожидает неправедного князя Божья кара — в этой жизни или в той, на этот счет летописец не определился. Святополк Окаянный был наказан после смерти, и это должно стать назиданием для других князей. От могилы Окаянного исходит “смерд ужасен”, а кровь, пролитую Олегом и Борисом, “взыщет Бог с них, и ответ дадут они за погубленные души христианские”. В тирании Нестор видит проявление божественного наказания, хотя и порицает ее, наставляя князей на соблюдение правовых заповедей.

Система юридических понятий предстает в “Повести” ярко и законченно: лихо (зло, пакость) — добро; погиль (вражда, мятеж) — тишина; нелю-

бовь — любовь; лесь (неправда, ложь) — правда; нужда — воля; хула — хвала. Особый акцент сделан на правде, добре, любви. У всех юридических понятий имеется общая цель — сохранить и укрепить “тишину” как справедливый политический режим, где отсутствуют ссоры, вражда, социальные волнения, беспорядки, войны.

Чаше других Нестор использует понятие *правда* (“правду деяти на сем свете”, “в правду суд судити” и особенно не изменять крестному целованию). Это понятие наполнено для него конкретным жизненным содержанием, т.е. стоит в одном ряду с такими важнейшими реалиями, как крестное целование, суд и т.д. Знаменательно в этом плане название нашего главного юридического памятника — “Русская Правда”.

И соответственно противоположный смысл придается понятию *неправда* (*неправду учинить*): “Мне еси учинил неправду, а себе еси погубил”. Неправда здесь поставлена в один ряд со словом *погубить* (“а город погубил весь, из-за новгородской неправды, ведь они дают клятву на кресте и сразу же ее нарушают”).

Мысли о правде (и неправде — кривде) пришли из христианских книг. Противопоставление пути праведного и неправедного — одно из главных, например, в “Псалтири”, где речь идет о духовной истине. Соответственно противопоставляются понятия *правда* — *грех*, *праведник* — *грешник*. В апокрифах есть интересный образ, где правда как бы олицетворяется (одухотворяется). В “Беседе трех святителей” читаем: “Что есть: стоит бел щит, а на нем сидит сокол, и прилетела злая сова и отгнала сокола? Бел щит — свет сей, а на нем сидит сокол — то есть правда; а прилетела злая сова — то есть кривда, и отгнала правду, а лжа — кривда осталась”.

Придя из переводной книжности, важнейшее понятие нашей юриспруденции — *правда* стало широко распространенным даже в быту (встречается в берестяных грамотах XIV века). У Нестора оно приобрело особый смысл, либо отражая истинность конкретной прожитой жизни человека (“правду деяти на сем свете”, “в правду суд судити”), либо представляя собой утверждение правды в конфликтных ситуациях почти всегда с реально драматическими подробностями. Это может быть ссора между сыном и отцом (“всех нас старей отец твой, но с нами не умеет жити”), захват дома, волости, сына, брата. “Путь в правду ходить” — это нечто противоположное “тяже”, “извету” (лести). Неправда — это погибель. Иными словами, на Руси понятие *правда* теряет обобщенный смысл праведности (противопоставления греховности), как в переводных книгах. В сложной, коварной (неправой) жизни XII века слово *правда* приобретает особый оттенок единственной юридической ценности, которая близко связана с крестоцеловальными преступлениями, тяжбами, извещениями (обвинениями), постоянно противопоставляется им как идеал юридического в людских отношениях.

Другой правовой и не менее многозначной категорией является *любовь*. Летописец посвящает ей очень яркое эмоциональное отступление, в котором любовь предстает как основа всего живущего, некая всеобщая связь. “В любви все свершается, любовью грехи прощаются, ради любви Господь сошел на Землю и позволил себя распять на кресте, взяв грехи наши на себя, чтобы прогнать бесов ненависти; ради любви мученики проливали кровь...” Или такие тезисы: “И отправил послов в Доростол, ибо там находился цесарь, говоря так: “Хочу иметь с тобою прочный мир и любовь”; “Всего более хранить в себе любовь ко всем

меньшим и старшим покорность и послушание, старшим же к меньшим проявлять любовь и наставлять их..."; "Владимир был полон любви: любовь он имел и к митрополитам, и к епископам, и к игуменам, особенно любил монашеский чин... кормил и поил, как мать детей своих".

Любовь предстает здесь праведной, всемогущей, живой энергией, лежащей в основе бытия, — очевидно, поэтому так страстно и апеллирует к ней летописец. (Эти представления отразились также в частом употреблении наречия *любо* при принятии решений в Народном вече или на съездах князей.) Впрочем, таким же сильным представлялось Нестору и зло, а особенно "зол человек". "Правонарушитель, задумывая проступок или преступление, изобретательнее чертей, так как последние Бога боятся, а "зол человек" ни Бога не боится, ни людей не стыдится; черти страшатся креста Господнего, а правонарушитель его не страшится". "Зол человек" злее черта, и черт того не замышляет, что замышляет правонарушитель".

К числу юридических относится и понятие *добро творить*.

Примеры летописных сюжетов со словом *добро* многочисленны: "Таковы суть главы договора... и станем любить друг друга от всей души и по всей доброй воле..."; "... ими поручено возобновить старый мир, нарушенный уже много лет ненавидящим добро и враждолюбом дьяволом, и утвердить любовь между греками и русскими"; "И пусть на добро Игорь, великий князь, сохранит любовь эту верную, да не нарушится она до тех пор, пока солнце сияет и весь мир стоит, в нынешние времена и во все будущие"; "И выбрал из них мужей добрых, умных и храбрых и роздал им города..."; "Вот что сказал Соломон... о добрых женах: "Дороже она многоценного камня". И еще: "...откроются очи ваши и будете, как Бог, ведать добро и зло". Подобных сентенций Нестором рассыпано в "Повести" видимо-невидимо, поэтому я и отсылаю тех, кто заинтересовался, к самостоятельному поиску. Сегодня для этого есть все условия, так как "лед тронулся": в издательстве "Наука" с 1997 года выпускают двадцатитомник переводов древнерусской книжности "Литература древней Руси". Уже вышло 5 книг, которые хронологически охватывают всю нашу средневековую мысль.

Итак, *правда, любовь, добро* в представлении Нестора были важнейшими юридическими понятиями. С ними связана богатая цепь ассоциаций, почерпнутых из разных сфер жизни (суд, рати, пути, тяжи, ссоры, крестоцелования). Они стали расхожими, широко понятыми выражениями, которые могли прояснить многие конкретные кровавые, запутанные события русской жизни XI—XII веков с их нарушениями клятв, предательствами, беззаконием. Во всех трагических и сложных случаях — и в осуждении преступления крестоцелования, и в призывах к миролюбию — Нестор апеллировал сочетаниями со словами *правда, любовь, добро*. Массовая распространенность их и, возможно, разговорное употребление выражались также в том, что каждому из этих существенных соответствовали наречия *право, любо, добро*, очень распространенные и придававшие убедительность речам в летописи.

Интересно, что представления о должном, о праведной жизни человека, ее юридических ценностях и идеалах тоже полностью ассоциировались со словами *правда, любовь, добро* и *тишина*. Других летописцев почти не употребляет. Выразительная сила, заключающаяся в таком веском использовании немногих слов,

была, очевидно, огромной и достаточной для убеждения людей и разрешения их споров.

В "Повесть временных лет" органической частью вошли произведения Владимира Мономаха: "Поучение к детям", "Письмо двоюродному брату Олегу Черниговскому", "Автобиография". В них Мономах затрагивает большой круг вопросов: устанавливает объем власти великого князя киевского, определяет его взаимоотношения с вассальными князьями, касается форм взаимодействия церкви и государства, разрабатывает критерии, с помощью которых необходимо производить оценку правомерности как самой верховной власти, так и лиц, ее осуществляющих. Основное внимание уделяется идее укрепления государственного единства, подчиненности интересов отдельных княжеств задачам и целям всей Русской земли.

Достижение этих целей Владимир Мономах связывал с авторитетом великокняжеской власти, подорванным всем ходом правления его предшественника князя Святослава Изяславича. Его правление привело к резкой социальной поляризации, вызванной усилением ростовщичества и вследствие этого разорением и закабалением торгово-ремесленных слоев. После смерти Святослава стихийно вспыхнуло восстание городских низов. "Киевляне же, — читаем в летописи под 1113 годом, — разграбили дворец Путяты, тысяцкого, разгромили дома евреев-ростовщиков. И послали гонцов киевляне к Владимиру (Мономаху), сказавших: "Князь! Приезжай в Киев! Если ты не приедешь, то знай, что произойдет много преступлений: тогда не только Путятин двор или дворы сотских и дворы жидов будут разгромлены народом, но пойдут и на вдову покойного князя, твою невестку, и на всех бояр и на монастыри!" Услышав это, Владимир поехал в Киев".

Исходным тезисом укрепления древнерусского государства Мономах взял принцип, сформулированный на первом съезде князей в Любече (1097 г.): "Каждый да держит свою отчину" с правом старшинства великого князя Киевского. Мономах отчетливо понимал, что новому принципу общего владения Русской землей необходимо придать легитимность. Это было тем более необходимо, что сразу же вслед за Любечским съездом вновь начались кровавые раздоры князей. Пришлось в острой борьбе отстаивать новую идею. Поэтому наряду с пропагандой культа Бориса и Глеба, поощрением летописания Мономах сам включился в защиту своих юридических ценностей.

С особенной энергией он призывал соблюдать крестоцелование. Это был не простой призыв к честности, а установление правовой сути системы: ведь целует крест не только побежденный победителю, но и сюзерен своим вассалам, а вассалы — ему; все князья — это постоянно договаривающиеся стороны. На контрактных условиях пытался Мономах организовать совместные походы князей против половцев, выступая за активную оборону Русской земли и осуждая раздоры. Договорные отношения лежали и в основе упорядочения феодальной эксплуатации, ограничения прав князей в пользу смердов, простых тружеников.

Повод, по которому написано "Поучение к детям", отмечен самим Мономахом: к нему пришли послы его братьев с предложением выступить против князей Ростиславичей и выгнать их из отчины. Владимир Мономах опечалился этими желаниями нарушить новый порядок, раскрыл Псалтирь, нашел в ней утешение, а затем написал свое "Поучение" — к детям и к "иным, кто его услышит". Под этими "иными" Мономах явно разумел всех русских князей. Именно к ним

обращены "Поучение" и другие примыкающие к нему "списания". Он учит в своем "Поучении" и военному искусству, и искусству управления землей, призывает отложить обиды, не нарушать крестного целования, довольствоваться своим уделом, не доверять тиунам — слугам.

В основе доктрины Мономаха лежат общенациональные правовые ценности и человеколюбивые начала христианства. Гарантом этих начал в деятельности государства, считал он, должна стать сама личность князя, для которого правда, честь, слава, долг и трудолюбие — наиважнейшие качества. Правда — это справедливость князя при осуществлении им правосудия. Мономах советовал князю судить лично и "по правде". Во-первых, правда равнозначна закону, поэтому оправдывать означает судить по закону. Далее, правда выражает идею защиты "убогого" человека — смерда, вдовицы, сироты и т.п. ("И не давайте сильным губить человека"). Наконец, в понятие правды вносилось и представление о недопустимости смертной казни: "Ни правого, ни виновного не убивайте, не повелевайте убить его", даже если кто по тяжести своих деяний и заслуживает смерти ("если и будет повинен смерти"). Любой человек, согласно Мономаху, имеет право на тот срок жизни, который ему отпущен Богом; казнь же человека, убийство его есть преступление перед Богом.

В этом вопросе духовная власть придерживалась иных взглядов. Еще при крестителе Руси церковь санкционировала смертную казнь "за разбой". В летописи под 996 годом читаем: "Жил же Владимир (после принятия христианства. — Н.А.) в страхе Божьем, а разбой увеличивались, и сказали тогда епископы ему: "Видишь, стало много разбойников, почему их не казнишь?" Он же им ответил: "Боюсь греха". Они же ему возразили: "Ты поставлен Богом для казни злых, а добрым — на помилование. Нужно казнить разбойника, но сначала допросить его". Стало быть, Мономах имел то воззрение на смертную казнь, которого придерживался первоначально Владимир Святославич и от которого он отошел по требованию церкви.

Другой аспект правды — это междукняжеские отношения. Здесь данный термин соотносится с принципом добро, который обязывает князей предвидеть губительные последствия вражды друг с другом. Эта вражда нарушает тишину, порождает войны, а войны несут разорение смерду, ослабляют Русскую землю. Таким образом, забота о благе подданных и определяет сущность добра. Мономах считал, что нет споров, которые нельзя было бы разрешить добром. Пусть недовольные князья напишут "грамоту с правдой", и спор будет разрешен тихо, мирно, без кровопролития. Не личные мотивы и желания, а интересы всей страны — вот что должно определять политику. Сознывая опасность удельной формулы "каждый да держит свою отчину", он дополняет ее содержание словами "с этого времени мы едины сердцем и защищаем землю Русскую", позволявшими ему балансировать между дроблением и стремлением к единству, сдерживать сепаратизм.

Юриспруденция Мономаха противостояла некоторым идеям киево-греческих иерархов, их целям. "Поучение" отводило духовенству почетное, но явно подчиненное место. Князю следует чтить "епископов, попов, игуменов", принимать от них благословение и любить их, писал Мономах. Но он не допускал и мысли о возможности выхода духовной власти за пределы своей компетенции, ее участия в делах государства. Определяя круг лиц, обеспеченных княжеским почитанием, Мономах не называет ни митрополита, ни кого-либо из монашествующих старцев.

Согласно “Поучению” сила князя — не в “духовном водительстве”, а в его собственном знании, постоянном учении. “Что умеете хорошего, то не забывайте, а чего не умеете, тому учитесь, — советовал Мономах. — Как отец мой, дома сидя, знал пять языков, оттого и честь от других стран. Ленисть ведь всему мать: что кто умеет, то забудет, а чего не умеет, тому не научится”.

Князь, по Мономаху, — мужественный, отважный военачальник. Повествуя о своей жизни, он прежде всего перечисляет 83 “великих” и значительно большее число “малых” походов, осуществленных за годы правления. Идеал владыки, каким он видится Мономаху, — это не только, да и не столько преданный церкви христианин, сколько распорядительный деятель, озабоченный судьбами своей страны, судья, вотчинник-феодал, отец семейства, а главное — воин, не боящийся смерти в бою: “Самое почетное, если муж пал на войне, умирали так лучшие из предков наших”. С этим связан характерный культ “мужского дела”, которым считались война и охота. Смысл собственной жизни Мономах усматривает в “путях” (походах) и “ловах” (охоте), в которых ему довелось принимать участие. В соответствии с этим он резюмирует в “Поучении”: “Смерти, дети, не боясь, ни войны, ни зверя, дело мужское исполняйте как вам Бог предписывает. Ибо если я от войны, и от зверя, и от воды, и от падения с коня уберегся, то никто из вас не может повредить себя и быть убитым, пока не будет от Бога повелено. А если случится смерть, то ни отец, ни мать, ни братья не могут отнять от нее; но если и хорошее дело — остерегаться самому, то Божие сбережение лучше человеческого”. Эти же два вышеназванных княжеских дела составляют “труд” князя. Сочетание в понятии княжеского “труда” войны и охоты чрезвычайно показательны. Боевая жизнь значима сама по себе как арена, на которой демонстрируются рыцарские добродетели. Поэтому последствия военного похода не имеют решающего значения. Война действительно уравнивается с охотой, ибо важность ее оценивается не в ракурсе общественно значимых последствий, а как “труд”, в котором можно проявить и воспитать в себе качества, необходимые для “мужского дела”, то есть для защиты Родины.

ЛЕКЦИЯ 3. “Слово о Полку Игореве” и “Моление Даниила Заточника”

Княжение Владимира Мономаха и его сына Мстислава было последней попыткой сохранения единого государства на основе великокняжеского старшинства в Киеве. С середины XII века власть фактически переходит к боярству, на стороне которого выступают и духовные феодалы. Постепенно утверждается система дуумвирата — одновременного соправительства двух великих князей в Киеве и Владимире. В кровавых усобицах, интригах и заговорах великокняжеские фигуры мелькали, как в калейдоскопе. За 30 лет (1146—1176) на престоле сменилось 28 князей, некоторые из них умирали своей смертью, других убивали, травили ядом или выгоняли из столицы спустя месяц или даже через несколько часов (от утра до обеда) после вокняжения.

Одновременно с этим все более безудержным становится половецкий натиск. Ослабление усобиц и подавление боярского самоуправства превращаются в жизненную необходимость для Руси. Поэтому идея ее единства, собирания не уми-

рает в самые мрачные времена феодального сепаратизма. В народном правосознании (былинах) беспощадно клеймится “измена” удельных владетелей, обосновывается идея служения их общерусским интересам, а значит, киевскому князю:

... Владимир-князь, стольно-киевский!
Как у тебя слуги есть пограбители,
Нисколько не стоят да за Киев-град,
Как все у тебя были да изменщики.

Дело борцов за консолидацию Руси продолжает жить не только в национальном правосознании, но и в трудах книжников. Более того, тема сплочения русских земель перед лицом внешних врагов приобретает особый пафос. Такова главная мысль “Слова о полку Игореве” — самого знаменитого памятника древнерусской литературы (конец XII века). Неизвестный автор защищает традиционные государственно-правовые идеалы: независимость русской земли, подчинение старшему в роде князю, оборона Отечества, укрепление его международного престижа, осуждение завоевательной политики. Он напоминает князьям об их обязанности обеспечить народу мирную жизнь.

Идея тишины, единства, отсутствия беспорядка, как мы видели при юридическом анализе “Повести временных лет”, была присуща и летописанию. Однако в “Слове о полку Игореве” ее трактовка стала иной, скорее демократической, чем официальной, поскольку летописание насаждалось сверху с учетом интересов господствующих слоев Киевской Руси. “Слово” же — памятник синкретической правовой культуры, оно свободно от догматических понятий и созвучно народному эпосу. Оно было близко и понятно самым широким слоям общества.

Хотя “Слово” и является памятником книжной культуры, в нем не содержится выпадов против язычества и совершенно отсутствуют черты какого-либо возвеличивания и пропаганды христианства. На фоне других памятников письменности “Слово о полку Игореве” выделяется особым образным строем. Давно замечено, что многие понятия и образы “Слова” никак не могут быть выведены и объяснены из христианского миропонимания. Автор пользуется мифологическим арсеналом для выражения своих мыслей без всяких оговорок, так, чтобы его юридический идеал стал понятен даже общиннику-смерду.

Сюжетом “Слова” стал поход Игоря Святославича (1151 — 1202), князя Новгород-Северского, в степь и его поражение в битве с половцами. Сюжет я излагать не стану, так как он входит в предмет изучения средней школы, а вот о тех юридических выводах, к которым пришел неизвестный древнерусский поэт, скажу.

Для автора “Слова” не вызывает сомнений пагубность удельно-правового принципа “отчины”. Этот принцип (обычай) он считает причиной княжеского междоусобия: “...ибо сказал брат брату: “Это мое, а то мое же”. И стали князья про малое “это великое” молвить и сами себе беды ковать; а поганые со всех сторон приходили с победами на землю Русскую”. Вражда князей, их несогласие между собой в вопросах “тишины” оборачиваются против них же самих, приносят беды их близким. С поражающим воображение реализмом, проникновением в трагизм ситуации автор “Слова” живописует: “Жены русские восплакались, причитая: “Уже нам своих милых лад ни в мысли помыслить, ни думою сдумать, ни очами увидеть, а злата и серебра и в руках не подержать!

И застонал, братья, Киев в горе, а Чернигов от напастей. Тоска разлилась по Русской земле, печаль потоками потекла по земле Русской”.

Древнерусский поэт с осуждением относится к тем князьям, для которых слава в ее рыцарской интерпретации как личной доблести дороже блага Отечества. Он противник любых захватнических походов. Игорь и Всеволод поплатились именно за то, что “несправедливо пролили кровь поганую”. Врагам надо давать отпор, если они сами нападают на Русскую землю; но победить их можно, лишь “вспомнив славу прадедов”, т.е. сплотившись вокруг Киева, верно служа великому князю.

В “Слове о полку Игореве” происходит соединение идеи единовластия с самым широким толкованием понятия Русской земли. Оно уже не ограничивается у автора пределами одного Киева, как это было у других мыслителей эпохи удельных княжеств, а включает в себя все русские земли. В этом находит свое яркое выражение рост патриотического правосознания.

В непосредственной сопряженности с юридическими идеалами “Слова” находится и его концепция русской государственности. Подобно Илариону создатель поэмы мыслил категориями прошлого и настоящего, противопоставляя и соотнося их друг с другом. Прошлое на Руси для него было всегда актуально; в нем он искал причины тех явлений, которые составляли реалии современной ему действительности. Хронологическая глубина русской истории, охваченной в “Слове”, — почти два столетия, “от старого Владимира до нынешнего Игоря”. Кроме того, автор держал в памяти еще и “век Трояна”, и “время Бусово” — древность дохристианскую, языческую, благодаря чему его концепция государства и права патриархальна и архаична.

Церковные летописцы, оценивая поход Игоря, руководствовались теорией “казней Божьих”, специально приспособленной к трактовке подобных событий (“Все это Божье наказание за грехи наши”). В отличие от них, автор “Слова” ни при каких обстоятельствах не покидал пределов славянской традиции, не ощущал потребности в обращении к божественному промыслу.

Настоящее, каким бы оно ни было славным или печальным, он осмысливал исключительно в ракурсе прошлого, избегая при этом односторонней героизации последнего, изображения его в виде идеального “золотого века”, что в значительной мере было присуще Илариону. Однако Иларион иначе писать не мог. Он жил в период расцвета раннефеодальной монархии, подготовленного всем ходом развития древнерусской государственности. История представляла его взору однородной, движущейся в основном по восходящей линии, лишенной каких-либо внутренних противоречий и несообразностей. Он знал одно: настоящее соответствует прошлому, которое величественно и прекрасно, а стало быть, верность прошлому — предпосылка жизненности и значимости Киевского государства. При такой гармонической соотнесенности прошлого и настоящего юриспруденция Илариона, естественно, могла быть только оптимистической.

Напротив, автор “Слова”, живший в совершенно иных условиях, неизбежно должен был проникнуться иными оценками удельных порядков. Полное крушение “тишины” и единства Руси, бессмысленные и нескончаемые распри между князьями, ослаблявшие силы русского народа накануне грозных и трагических испытаний, — вот с чем ему пришлось столкнуться в действительности, вот каковы события, современником и участником которых ему довелось стать. Это настоящее, на первый взгляд, не имело ничего общего с прежними временами,

являлось их фатальным отрицанием. Казалось бы, древнерусский поэт самой историей обрекался на пессимистическое мировосприятие. Но, к чести его, он усмотрел и в удельном настоящем глубокие корни прошлого, осознав само прошлое как противоречивое и неоднозначное. Тем самым становилась возможной и двойственная оценка прошлого: с одной стороны, позитивная, восторженно-поэтическая (“пел хвалу старым князьям, а потом стал молодым петь”), а с другой — негативная, резко критическая, вызванная пониманием прошлого как “первые времена усобиц”.

Подобный подход к прошлому теперь исключал христианский провиденциализм, ибо все хорошее и все дурное в государстве и праве автор выводил из деяний самих людей, из их социальной, мирской активности. Зато это вполне уживалось с установками славяно-русского язычества, ставившего богов и людей в равное положение по отношению к единому Космосу, единой боготворимой матери — Природе. Именно гармония языческого космоса выступает предпосылкой тишины и единства великой и многострадальной Руси.

Автор “Слова” мог выразить общерусское стремление к тишине и единству, только обратившись к языческой юриспруденции. Можно даже сказать, что он сознательно принимал традиционные верования, становился язычником по убеждению. Оттого в его поэме и нет никакой церковности, она вся сплетена из элементов анимизма и фетишизма, одухотворяет и одушевляет явления природы. Автор населял мир одаренными божественной силой существами, соединял их узами родства с людьми и животными. В этом мире отсутствует резкая грань между природой и человеком, все живет единой жизнью — разумно и целесообразно. Человек силен природой, природа мудра человеком. Их нельзя разделить, они вечны и необходимы друг другу. Возрождая языческое правопонимание, автор “Слова” восстанавливал “веру в сей наш мир”, веру, которая несла с собой представление о ценности земного, возвышала человека, одухотворяла, а значит, и юридизировала его бранные дела и поступки, утверждала достоинство, субъективное право каждого в настоящей, а не после смерти, будущей жизни, к которой учили апеллировать ортодоксы церкви. В этом признании права на жизнь и тишину сегодня состояла главная заслуга гениального древнерусского книжника.

Под Русской землей и Русью в XII веке, в пору феодальной раздробленности, очень часто имелась в виду лишь Киевская земля и соседние с ней земли. “Пойти на Русь” часто означало отправиться в Киев. Переяславль-Южный, в отличие от Переяславля-Залесского, назывался Переяславлем-Русским. В Новгороде дорога в Киев носила название “русского пути”. Такое сужение понятия Руси пределами Киевского княжества было типичным следствием удельной раздробленности, когда только один Киев мог претендовать на представительство всей Руси в целом.

Однако для автора “Слова о полку Игореве” понятие Русской земли не ограничивается пределами Киевского княжества. Он включает в состав Руси Владимиро-Суздальское и Владимиро-Волынское княжества, Новгород Великий и Тмутарокань. Последнее особенно интересно: в число русских земель включаются и те, политическая самостоятельность которых была утрачена ко второй половине XII века. Так, река Дон, на которой находились кочевья половцев, но где имелись и многочисленные русские поселения, для автора “Слова” — русская река. Дон зовет князя Игоря “на победу”. Донец помогает Игорю во время его бегства. Славу Игорю Святославичу по его возвращении в Киев поют

девицы “на Дунай”, где тоже имелись русские поселения. Там же слышен и плач Ярославны. Даже полоцкое княжество, которое в XII веке постоянно противопоставлялось остальной Русской земле, введено им в круг русских княжеств. Автор “Слова” наряду со всеми русскими князьями обращается и к полоцким князьям с призывом защищать Русскую землю. Следовательно, полоцкая земля для него тоже земля Русская.

Представление о Русской земле как о единой территории отчетливо дает себя знать и в тех случаях, когда автор говорит об обороне ее границ. Южные враги Руси половцы для него главные враги, но не единственные. Он говорит о победах Всеволода Суздальского на Волге, т.е. над волжскими булгарами, о войне полоцких князей против литовцев, о начале Галицкой земли на Дунае. Границы Русской земли в его представлении — одно целое.

Автор “Слова” мыслит единство древнерусского государства не в виде прекрасного идеала союзных отношений всех русских князей на основе их доброй воли и не в виде летописной идеи соблюдения родственных отношений между князьями. Он не отрицает правоотношений князей, но настаивает на необходимости соблюдения ими определенных обязательств в этих феодальных отношениях, долга перед Родиной, а не на их правах самостоятельности. Он осуждает послушание Игоря и Всеволода по отношению к их “отцу” — киевскому князю Святославу и призывает быть ему верным, но не во имя соблюдения феодальных принципов, а во имя интересов всей Русской земли в целом.

Вопреки исторической действительности — слабости киевского князя Святослава Всеволодовича, автор “Слова” рисует его могущественным и “грозным”. На самом деле Святослав “грозным” не был: он владел только Киевом, деля свою власть с Рюриком, владевшим остальными киевскими городами. Святослав был одним из слабейших князей, когда-либо княживших в Киеве.

Но не следует думать, что перед нами обычная придворная лесть. Автор “Слова” выдвигает киевского князя в первые ряды русских князей только потому, что Киев все еще мыслится им как центр Русской земли — если не реальный, то во всяком случае идеальный. Он не видит возможности образования нового центра Руси на северо-востоке. Поэтому киевский князь для него по-прежнему глава всех русских князей, а в строгом и безусловном выполнении вассальных обязательств по отношению к слабейшему киевскому “столу” — одно из противоядий против феодальных усобиц, одно из средств сохранения единства Руси. Святослав наделяется идеальными свойствами главы русских князей: он “грозный” и “великий”. Слово “великий”, часто употреблявшееся по отношению к главному из князей, как раз в это время перешло в титул князей владимирских: название “великого князя” присвоил себе Всеволод Большое Гнездо, претендуя на старшинство среди всех русских князей. Слово же “грозный” часто сопутствовало до XVII века официальному титулованию старейших русских князей, хотя само в титул и не перешло (оно стало только прозвищем, при этом подчеркивающим юридические качества сильной власти, Ивана III и Ивана IV). Слово “гроза” как синоним силы и могущества княжеской власти часто употреблялось в XIII веке. Для автора “Слова” “грозный” киевский князь — представление идеальное, а не реальное. При этом, что особенно интересно, для него дороги все притязания русских князей на Киев. Нет сомнения в том, что он считает Святослава, силу которого гиперболизирует, “законным киев-

ским князем. Итак, единство Русской земли мыслится автором "Слова" с центром в Киеве. Это единство возглавляется киевским князем.

Обращаясь с призывом встать на защиту Русской земли, автор "Слова" в образах разных князей отражает собирательный образ сильного, могущественного князя — сильного войском ("многового"), сильного судом ("суды ряда до Дуная"), вселяющего страх пограничным с Русью странам ("Ты ведь можешь Волгу веслами расплескать, а Дон шлемами вычерпать"; "подпер Венгерские горы своими железными полками, заступив королю путь, затворив Дунаю ворота"), распространяющего свою власть на громадную территорию с центром в Киеве, славную в других странах ("тут немцы и венецианцы, тут греки и моравы поют славу Святославу"). Перед нами образ князя, воплощающего собой идею сильной княжеской власти, с помощью которой должно осуществиться единение Русской земли.

Впоследствии этот же самый образ "грозного" великого князя породит "Слово о гибели земли Русской", отразится в Житии Александра Невского, в "Молении Даниила Заточника" и в других произведениях XIII века. Но в них за этим образом не будет стоять "грозный" великий князь киевский, не будет упомянут и Киев как центр Руси. Перемещение центра Руси на северо-восток и падение значения киевского стола станут слишком явными.

Однако автор "Слова о полку Игореве" все же сумел заметить идею сильной княжеской власти в ее жизненном осуществлении на том самом северо-востоке Руси, чьих притязаний стать новым центром Русской земли он еще не хотел признавать. Конечно, эта идея не слилась у него с идеей единовластия. Для этого еще не было реальной почвы. Автор "Слова" видит своего сильного и могущественного русского великого князя действующим совместно со всеми остальными князьями, но в подчеркивании вассальных обязанностей остальных князей нельзя не видеть некоторых намеков на идею единовластия киевского князя.

Единство Руси, повторяю, мыслится автором "Слова" не в виде прекрасного идеала союзных отношений всех русских князей на основе их доброй воли, и не в виде летописной идеи необходимости соблюдения добрых родственных отношений (все князья — "братья", "единого деда внуки"), и не в виде идеи единовластия, а в виде союза русских князей на основе строгого выполнения феодальных обязательств по отношению к сильному и "грозному" киевскому князю.

Обращаясь с призывом к князьям встать на защиту Русской земли, автор "Слова" исходит из их реальных возможностей, оценивает те их качества, которые позволяют им быть действительно полезными в обороне раннефеодального государства. И в данном случае автор "Слова" выступает как реальный политик. По существу, он дал слепок современного ему состояния Руси.

К началу XIII века центр русской жизни перемещается из Киева во Владимир. Здесь появляется "Моление Даниила Заточника" (1229), где развиваются идеи "Слова" об укреплении сильной княжеской власти, способной преодолеть внутренние раздоры и подготовить страну к обороне от нашествия Батыя.

Этот памятник — детективная история для ученых, которые уже более ста лет не могут установить, послужило ли поводом к написанию "Моления" действительное происшествие или же описываемые в нем злоключения автора, преследуемого, нестроенного и не находящего себе места в жизни, являются лишь литературным приемом, дающим возможность оценить политико-юридическую

ситуацию Владимирской Руси. Не ясен вопрос и о самой личности автора: кто он был, к какой социальной среде принадлежал и взгляды каких политических сил выражал. Да и вообще существовал ли Даниил как реальное лицо, или же это псевдоним.

Оригинал "Моления Даниила Заточника" до нас не дошел. Имеющиеся в распоряжении ученых списки подразделяются на две основные редакции. Одну из них, обычно называемую "Словом Даниила Заточника", большинство исследователей относит к XII веку, другую ("Моление Даниила Заточника") — к XIII веку. Однако вопрос о соотношении обеих редакций до настоящего времени еще окончательно не решен: ряд исследователей обеих указанных редакций считает более древней именно редакцию "Моления" (XII век). Решение вопроса затрудняется тем, что все рукописи обеих редакций дошли до нас в списках XVI—XVIII веков, то есть отделены от своего оригинала на 300—500 лет и содержат позднейшие напластования, мешающие точности изучения.

Сюжет произведения Даниила Заточника в обеих редакциях сводится к мольбе о том, чтобы князь, к кому адресовано послание, спас автора от нищеты и извлек его из того жалкого состояния, в которое он, человек разумный и начитанный, незаслуженно попал.

Бывший слуга князя или дружинник, притом уже не "отрок", а "муж", у которого "отрочество" было за спиной, а "уность" (молодость) еще не прошла, Даниил оказался "как дерево при дороге: многие обрубают ему ветви и в огонь кидают; так и я всеми обижаем, ибо не огражден страхом грозы твоей, князь". Словно "трава чахлая, растущая под стеною, на которую ни солнце не сияет, ни дождь не дождит". Жизнь повернулась к нему своей оборотной стороной, иными глазами пришлось ему взглянуть на нее и различить в ней то, чего не видишь, проделывая свой путь по накатанному. Отсюда трещина в мироощущении, настороженность и недоверие к жизни.

Почему отвернулись от Даниила друзья и ближние? Потому, что он "не предложил им трапезы с многоразличными яствами". Более того — "многие ведь дружат со мной, опуская руку со мною в блюдо, а в несчастье ведут себя как враги, помогая даже сбить меня с ног; очами плачут со мной, а в душе смеются надо мною". Отсюда вывод: "Поэтому не верь другу и не надейся на брата".

В изгнании Даниил лишен всего, он нищий. Он теперь может сказать про себя: "Лучше смерть, нежели продолжать жить в нищете". Может быть, впервые теперь перед ним встала проблема "богатых" и "бедных", поставленная на заре феодализации, с ее "резонимством" (ростовщичеством), порабощением и закабалением всяческих "сирот". Призывая в руководство себе мудрость Соломонову ("Ни богатства, ни бедности не дай мне, Господи: если же буду богат — гордостью вознесусь, если же буду беден — задумаю воровство или разбой"), Даниил просит князя своего избавить его от нищеты ("пусти тучу на землю убожества моего"), потому что познал связанное с ней унижение. "Богат муж везде знаем — и на чужбине друзей имеет, а бедный и на родине ненавидим ходит; богатый заговорит — все замолчат и после вознесут речь его до облаков, а бедный заговорит — все на него закричат". По одежке протягивай ножки: "чьи одежды богаты, тех речь чтима".

Не идти же ему от его нищеты воровать. С одной стороны, "если бы красть умел, то тебе не жаловался", а с другой — "девица губит красу свою распутством, а деятель свое мужество воровством". Это — достойный быть отмеченным

двоящийся еще взгляд на воровство как на искусство, которое могло бы разрешить житейскую проблему Даниила, если бы он им владел, и в то же время как на акт, несовместимый с достоинством свободного человека ("мужа"). У него остается один путь — взмолиться к княжеской милости. "Моление", как видим, выражается в притчах, частью извлеченных из Священного Писания, творений отцов церкви, частью — из устной народной традиции.

Князь — центральная фигура памятника; к нему обращены взоры не только автора послания, но вообще всех подданных, он — их опора и надежда, их защитник от бед и напастей. Сравнивая себя с "травой чахлой", на которую ни солнце не сияет, ни дождь не идет, или с придорожным сухим деревом, которое "многие обрубают... и в огонь кидают", жалуясь на то, что все его обижают, Даниил Заточник видит защиту только в князе, который "как высоким забором" (по второй редакции) или "деятельностью властной" (по первой) может оградить его страхом "грозы своей". Князь всех, особенно вдов и сирот, избавляет от горести и печали. Как солнце, он согревает всех людей своей милостью. Князь — источник богатства и славы своих подданных. Широкой рукой он раздает людям золото и серебро, и казна его не истощается. Автор призывает его и впредь проявлять такую великодушную щедрость: "Да не будет, княже мой, господине, рука твоя согнута на подаяние неимущим: ибо ни чашею моря не расчерпать, ни милостыней дома твоего не истощить". Подобно тому как дорогая ткань "расшита множеством шелков и прекрасна", так и князь "честен и славен по всем странам множеством слуг". Князь — единственный и настоящий глава своих людей, только им и держится город.

"Славно со смельчаком коней пасти, так и с хорошим князем в бой идти. Часто из-за беспорядка полки погибают. Видел я: огромен зверь, а головы нет; так же и множество полков без мудрого князя". "Гусли ведь настраиваются перстами, — говорится в другом изречении. — А тело скрепляется жилами; дуб удерживается множеством корней; так же и град наш — твоею властью". Из всего этого (особенно во второй редакции) вытекает праведный образ князя, источающего обильные блага: "Княже мой, господине! Дай же мне лицеереть тебя, ибо голос твой сладок и образ твой прекрасен; мед источают уста твои, и послание твое — как сад с плодами".

Итак, в обеих редакциях (подчас даже в сходных выражениях) превозносятся могучее государство и возвеличивается фигура князя — всеобщего защитника и радателя, являющегося воплощением тишины, правды и порядка. Однако его приближенные — тиуны скрывают от народа "княжью правду", безобразничают и своевольничают. Поэтому князь не должен доверять своим тиунам, его обязанность — самому вникать во все дела, самому единолично возглавлять все управление. Только таким путем можно избежать "беспорядка" в государстве, от которого, по выражению Даниила Заточника, "полки погибают". Первая редакция содержит резкий выпад против тиунов — слуг князя, разоряющих и "угнетающих" народ: "Не имей себе двора близ царева двора и не держи села близ княжьего села: тиун его как огонь, на осине разложенный, и рядовичи его как искры. Если от огня убережешься, то от искр не сможешь уберечься и прожжешь одежду". Предостережение это, вероятно, читалось еще в более древнем, чем первая редакция, архетипе "Слова" Даниила Заточника или заимствовано из источника, восходящего к XI веку, когда шел энергичный процесс фео-

дализации и безжалостные тиуны жестоко обходились со свободным населением, имевшим несчастье оказаться по соседству с владениями князя.

Во второй редакции этого места уже нет: в XIII веке феодальные отношения пронизывали собой всю жизнь, захваты свободных земель уже не производили прежнего ошеломляющего впечатления, и вопрос о них потерял свою злободневность. Зато во второй редакции появились новые мотивы, вызванные некоторыми переменами в самом господствующем классе.

Наряду с горожанами, которые повсюду на Руси поддерживали княжескую власть против крупных бояр — феодалов, к ней льнули дворяне, находившиеся в непосредственной зависимости от князя и видевшие в нем свою надежную опору. В описываемое время крупные бояре-землевладельцы были заинтересованы в непрерывных удельных раздорах, в результате которых они рассчитывали расширить свои владения. Дворяне, находившиеся в вассальной зависимости от крупных землевладельцев, не играли в этих раздорах самостоятельной роли, их обходили при дележе земельной добычи, и, следовательно, они не могли проявлять такую же заинтересованность в междоусобных драках, как крупные землевладельцы. Последние, кроме того, были достаточно сильны и обладали необходимой вооруженной силой, чтобы держать в повиновении крестьянство. Дворяне этим не обладали и для обуздания эксплуатируемого населения нуждались в сильном государстве. Именно княжеская власть могла обеспечить какой-то порядок и спокойствие в стране, все более необходимые членам так называемой “младшей дружины” по мере того, как они обзаводились крестьянами.

В первой редакции окружающие князя “думцы” подразделяются на добрых и лихих; первые приносят пользу, а вторые — зло. Во второй редакции автор послания выступает против “думцев” вообще, независимо от того, добрые ли они или лихие, и выдвигает ставшую впоследствии, в XVI веке, столь излюбленной идею о том, что князь сам должен владеть государством: “Не корабль топят человеки, но ветер; тако же и ты, княже, не сам владеши, в печаль введут тя думцы твои”.

Добиваясь снова службы у князя, Заточник не ссылается на знатность своего происхождения, которой он похвастать не может, а, напротив, в нескольких местах (во второй редакции) подчеркивает, что он раб князя и сын рабы его. Эти слова не следует понимать буквально, и не только потому, что, будучи заимствованы из Псалтири, они являлись распространенным литературным выражением, а еще и потому, что этими словами автор послания как бы отмежевывался от спесивых вельмож, стремившихся захватить должности лишь в силу своей знатности. Даниил, добиваясь службы, выдвигал на первый план только свои личные достоинства — начитанность и разум. Автор послания признает даже, что он не очень храбр и его нельзя использовать как воина, зато он “в словесех крепок” и может быть полезен своими советами.

Подчеркивая важное значение для князя разумных слуг, Даниил Заточник в то же время советует князю привлекать к себе возможно больше храбрых слуг, или воинов. Такие советы мы находим и в первой редакции, где, между прочим, приводится известный библейский рассказ о похвале царя Иезекии перед посланцами вавилонскими, и во второй редакции, где также повторяется рассказ об этом, но идеи проводятся гораздо более последовательно. Призывы к щедрости,

довольно расплывчатые в первой редакции, во второй редакции определенно связаны с необходимостью привлекать этим со всех сторон возможно большее количество воинов.

В первой редакции автор советует князю раздавать свое золото и серебро “людям”, но для какой цели — неизвестно. Судя по духу и содержанию первой редакции, речь идет об обычной милостыне, которую князь должен раздавать щедрой рукой. Не то во второй редакции: здесь автор призывает употребить княжескую щедрость уже на определенную цель — на привлечение храбрых и сильных воинов, составляющих опору княжеской власти. Характерно, что во второй редакции говорится уже не просто о слуге — рыбе, удерживаемой неводом князя, а о множестве рыб — слуг. Этим как бы подчеркивается необходимость для князя собрать возможно больше воинов. Для этой цели автор “Моления” советует князю не ограничиваться собиранием слуг из своей области, а привлекать их и из чужих областей.

Князь силен и грозен именно множеством воинов. В первой редакции о княжеской “грозе” говорится там, где Даниил Заточник жалуется, что все его обижают, поскольку он не огражден “страхом грозы” княжеской. Но здесь этот термин применен как синоним княжеской власти, и ничего не говорится о том, какая же сила придает этой власти характер “грозы”. Таковую конкретизацию мы находим во второй редакции. “Орел птица царь над всеми птицами, — пишет автор “Моления”, — а осетр над рыбами, а лев над зверми, а ты, князь, над переславцами. Лев рыкнет, кто не уstraшитcя; а ты, княже, скажешь, кто не убоится. Так же как змей страшен свистанием своим, так и ты, княже наш, *грозен множеством воинов*” (курсив мой. — Н.А.).

Приведенные наблюдения над текстом дают основание характеризовать это произведение (во второй редакции) как памятник ранней дворянской направленности, где в зачаточной форме встречаются уже те требования, которые позднее, политически окрепнув, дворянство заявило полным голосом. Кстати, автор второй редакции прямо причисляет себя к дворянам, которым, по его мнению, больше всего подобает пользоваться княжеской милостью, например: “Всякому дворянину иметь честь и милость у князя”. Он предпочитает служить у князя в дерюге, чем в пурпурном платье у боярина.

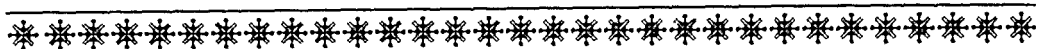
Итак, сильная княжеская власть — стержень всего произведения. Князь должен управлять крепко и справедливо, иметь при себе “думцев” и опираться в своей деятельности на их совет. Задача заключается в правильном подборе людей. Советники князя должны быть умны, мудры, не допускать в своих действиях беззакония. Необязательно брать старых и опытных, ибо дело не в опыте, а в уме. Князю необходимо хорошее и многочисленное войско, чтобы не допустить покорения своей собственной земли, одним своим существованием оно будет действовать устрашающе на завоевателей. Это войско должно быть руководимо мудрыми людьми, ибо только полки мудрых сильны. Полки безумных храбры, но не храбростью, а умом достигается победа.

Силовые методы в деятельности князя Даниил величает “царскою грозой”. Они должны быть направлены на укрепление суверенитета государства, стабильности публично-правовой жизни, внутреннего порядка и внешней безопасности. “Грозная” власть восстанавливает нарушенную справедливость и пресекает беззаконие.

Даниил сохраняет древнерусскую ориентацию на тишину и мир. Для него мир и мудрая политика предпочтительнее храбрости, возможности решать все дела силой. Среди качеств праведного князя выделяются забота о подданных, обеспечение условий для их благосостояния: “Земля дает обильный урожай, деревья фрукты, а ты нам, князь, богатство и радость”.

В “Молении” осуждается боярское самоуправство, которое незаконно и несправедливо порождает в стране неурядицы. Князь должен быть гарантом безопасности и сохранности имущества подданных от произвола княжеских слуг, бояр. Боярское засилье ведет к ослаблению государства. Поддержка сильной великокняжеской власти, осуждение своеволия боярства призваны были способствовать объединению земель в едином государстве. Главное же, князь — защитник Родины от внешних врагов, и не случайно “Моление” заканчивается похвалой князю, соединенной с мольбой к Богу о защите Руси от врагов: “...силу князю нашему укрепи; ленивости лиши; вложи ярость боязливому в сердце. Не дай же, Господи, в плен землю нашу тем, кто не знает Бога, да не придут чужеземцы: “Где их Бог?” Бог же наш на небеси и на земли. Подай же князю, Господи, Самсонову силу, храбрость Александрову, Иосифа разум, Соломона мудрость, Давидову хитрость, умножь людей, подвластных под его державою, и прославит тебя вся страна и всякая душа человеческая”.

РАЗДЕЛ II

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ МОСКОВСКОЙ РУСИ

ЛЕКЦИЯ 1. **Общая характеристика. Теория “Москва — Третий Рим”**

Важнейшими социально-политическими явлениями XIV—XVI веков стали: постепенный экономический подъем; развитие феодальных отношений вширь и вглубь; закрепощение крестьян и в связи с ним усиление сопротивления народных масс; объединение русских земель вокруг Москвы и превращение Московского княжества в Российское государство; междоусобная борьба феодальных группировок; княжеско-боярская оппозиция объединительному процессу; свержение монголо-татарского ига и формирование многонационального государства; складывание на основе древнерусской народности трех братских народностей: великорусской (русской), украинской и белорусской; формирование российской культуры на основе роста национального самосознания.

Становление юриспруденции Московской Руси приходится на эпоху Ренессанса — величайшего переворота во всемирной истории. Его содержанием стал крах кулачного права феодально-вотчинной системы управления, прикрытой флером христианских догм, и переход к национальным государствам. Эти преобразования сопровождались на Западе невиданным падением духовного авторитета церкви и возникновением нового мировоззрения, где в центре всех представлений о праве стоит человек, а не Бог.

Отвергая христианские каноны политико-юридической жизни, якобы угодной Богу, гуманистическая юриспруденция “реабилитировала” человека со всеми его страстями и стремлениями, высветила в нем могучие силы, идущие от разума, возвысила и укрепила правосознание личности, впервые открывшей для себя собственный мир — мир творца, а не “твари” (творения). На смену покорно молящейся пастве приходит идеал человека, превыше всего ценящего свободу, раскрепощенного во всех сферах его бытия. Ратуя за просвещение, мечтая о грандиозных переменах и великих открытиях, люди эпохи Возрождения почти все живут в самой гуще интересов своего времени, принимают живое участие в практической борьбе за реализацию своих идеалов.

Это был общий процесс, протекавший не только в странах Западной Европы, но и на Руси. Однако длительное время ученые за рубежом, признавая наличие ренессансных процессов на Руси, относили их исключительно к западнорусским землям. Московская же Русь, по словам французского ученого де Воллана, “отрезанная от Западной Европы Литвою, которая не пускала в Россию даже мастеров... отставала на целые столетия от своих западных соседей. Не

следует забывать, что эпоха Возрождения, уже обогатившая Европу расцветом искусства и науки, ничем не отразилась на развитии России”.

Таких невежественных суждений в мировой литературе — тьма. Пожалуй, ни у одного народа так не обеднялось прошлое, как у русского. И делалось это сознательно, на протяжении веков, с того самого момента, когда Россия, сбросив тяжкое ярмо ордынского ига, вновь возвестила о своем бытии изумленной Европе. Западный мир, почти забывший о существовании некогда могущественной Киевской державы, воспринял возвышение Московии скорее как некий географический казус, нежели политическую реальность, и предпринял все, чтобы с самого начала лишить ее легитимности. “Европа, — заметил однажды А.С. Пушкин, — в отношении к России всегда была столь же невежественна, сколь и неблагодарна”.

Уже в первых сочинениях иностранцев, рассуждавших о Руси, преобладала стихия уничтожения московитов. Так, Г. Штаден, родом вестфалец, искатель приключений, занесенный судьбой в те годы в Москву, писал: “В Русской земле не знают и не употребляют ни латинского, ни европейского, ни греческого ни митрополит, ни епископы, монахи или священники, ни князья или бояре, ни дьяки или подьячие”. Ему вторил К. Ульфельд, состоявший в 1575 году датским посланником в Москве: “Ученых людей там нет ни одного”. Надо ли удивляться после этого, что Джон Мильтон, знаменитый английский политик XVII века, без тени сомнения заявлял о русских: “Они невежественны и не допускают ученых среди себя”.

Подобные суждения времен Ивана Грозного без всякой критики были восприняты рядом наших писателей. На Руси, утверждал, например, Гавриил Бужинский (XVIII век), “не было писателей и поэтов, не имелось философов, даже философии имя не слышалось”. В XIX веке уничижительную оценку Московии дал П. Чаадаев, заявив, что у нас “нет индивидуального, на что могла бы опереться наша мысль”. По его мнению, “исторический опыт для нас не существует; поколения и века протекали без пользы для нас”. Чаадаевские оценки расцветали затем пышным цветом в трудах многих западников, вплоть до наших дней.

Сегодня, однако, не подлежит сомнению, что в Московской Руси шли глубокие духовные процессы, масштабность которых не уступает Западу. Вектор же их был обращен не к античным ценностям, а к национальным древностям юриспруденции Киевской Руси.

И не надо считать, что обращение к “своей античности”, как утверждает советский историк Б.В. Сапунов, “вскоре приобрело черты особого консерватизма, сыгравшего отрицательную роль в развитии... русской культуры XVI—XVII веков”. И что древнекиевское духовное наследие является полным антиподом эллинизму, представляя собой сплошное православие, возрождение которого в московский период только приостановило наметившуюся секуляризацию русской юриспруденции.

Не погружаясь полностью в нескончаемый спор о роли православия в становлении русских юридических ценностей, подчеркнем здесь, что юриспруденция Киевской Руси питалась не только христианской, но и языческой правовой традицией. Ярким свидетельством тому является правопонимание автора “Слова о полку Игореве”. Народные массы впитали в себя и христианскую, и языческую традицию, мирясь с первой постольку, поскольку распространение ее “бе... с

властью съпряжено" (Иларион). И Перун, и Христос не избежали взаимного влияния в умах русских. Это заметили и прозорливые современники. По свидетельству римского кардинала Д'Эли (начало XV века), "русские в такой степени сблизили свое христианство с язычеством, что трудно было сказать, что преобладало в образовавшейся смеси: христианство ли, принявшее в себя языческие начала, или язычество, поглотившее христианское вероучение". По существу, возникла своеобразная синкретическая политико-правовая культура, замешенная на разнообразном духовном материале. Кстати, в ней хотя и ограниченно, но тем не менее достаточно осязаемо присутствовала и античная мысль, проникавшая на Русь не только в составе переводной патристики, но и благодаря самостоятельным усилиям московских книжников. Церковь всячески боролась с этой мыслью, называя ее "двоеверной", "бесовской", но все же она жила и питала родники всех внутривосточных схваток и оппозиционных еретических движений. Она же и определила облик русского Ренессанса с установкой на секуляризацию, политико-юридическое переосмысление догматов теологического мировоззрения.

Итак, ошибочность суждений о Московской Руси как нетипичном для Ренессанса регионе очевидна со многих точек зрения. Иное дело, что наш Ренессанс не совпадал ни по целям, ни по форме с аналогичными течениями в Западной Европе. Но ведь и там он не везде был одинаковым, и это, в частности, отразилось в различных его наименованиях у немцев, итальянцев, французов. В эпоху становления национальных государств речь может идти только о национальном Возрождении, причем понимаемом как эпоха становления национальной политико-правовой культуры.

Развитие ренессансной юриспруденции — во многом следствие тех баталий, которые вели московские князья для собирания Руси. Сам по себе этот процесс был непростым, и правителям, начиная с Дмитрия Ивановича Донского, приходилось выдерживать мощное противодействие со стороны как родового боярства, так и церкви. В среде духовенства ходило убеждение, что на Руси есть только один царь, — византийский император, никто другой не может стать выше его по значению. И когда князь Василий Дмитриевич заявил: "Мы имеем церковь, а не царя", — это тотчас дошло до константинопольского патриарха Антония. В своей грамоте князю (1393) он писал: "С огорчением слышу еще, что твоим благородием сказаны некоторые слова и о высочайшем и святом самодержце — царе. Говорят, ты не позволяешь митрополиту поминать божественное имя царя в диптихах, то есть хочешь дела совершенно невозможного, и говоришь: "Мы де имеем церковь, а царя не имеем и знать не хотим". Это нехорошо. Святой царь занимает высокое место в церкви; он не то что другие поместные князья и государи".

Московским князьям было крайне важно ограничить политическую роль духовных феодалов, заручиться поддержкой хотя бы части священства. Ситуация начала изменяться в пользу светской власти после заключения в 1439 году на Флорентийском соборе унии между православной и католической церквями на условии признания главенства папского престола (уния была отвергнута как византийским, так и русским народом) и особенно после захвата турками Константинополя в 1453 году. Политико-правовой анализ этих событий с позиций интересов Москвы был дан в теории "Москва — Третий Рим" инока Филофея — старца Псковской Елизарьевской пустыни.

Делу подчинения духовных феодалов государству помогали настроения в самой церкви. Рост числа монастырей и усиление церковной эксплуатации вызвали в массах широкие еретические выступления.

В середине XIV века в Новгородско-Псковской земле возникает ересь стригольников. Происхождение этого названия точно не установлено. Некоторые связывают его с ремесленными специальностями (стрижка сукна, цирюльничество), другие — с особым обрядом посвящения (специфическая стрижка). Сердцевину этой ереси составляла критика симонии — продажи церковных должностей. О попах и монахах стригольники отзывались как о поставленных “на мзде”. На этом основании они отказывались от церковных обрядов и таинств.

Помимо стригольников в Московской Руси с конца XV века активизируют свою деятельность жидовствующие. Данное название шло от веры в богодуховность исключительно Ветхого Завета, о Новом Завете они говорили “зловредно, желая Троицу утаить” (Иосиф Волоцкий).

Среди отступивших в эту веру было много “от попов, и от дьяков, и от простых людей”. Участвовали в движении и высокопоставленные лица, вроде московского дьяка посольского приказа Федора Курицына и его брата Ивана Волка, а также купца Семена Кленова.

И стригольники, и жидовствующие, судя по всему, чувствовали себя на первых порах свободно, пользуясь покровительством великого князя. Известно, например, что Иван III знал, которую ересь держал протопоп Анисий и которую Федор Курицын. Да и сам он, случалось, клялся “землей, небом и Богом сильным”, что противоречило заповедям христианства. Наиболее радикальной религиозной формой тогдашних ересей стало “Новое учение” Феодосия Косого.

Таким образом, ситуация оказывалась не очень благоприятной для православия, необходимо было срочно принимать меры к исправлению положения. Одна часть духовенства думала сделать это путем коренной реформы церковной жизни, ограничения и вообще упразднения монастырского стяжания. Ее главной целью оставалось ограждение церкви от великокняжеской власти, сохранение прежних удельно-династических традиций русской государственности. На этой почве сформировалось учение (юриспруденция) Нила Сорского, которое развило идейно-правовые взгляды Феодосия Печерского на соотношение духовной и светской властей (верховенство духовной власти над светской).

Другая часть духовенства, ориентированная на создание самостоятельной русской церкви, выступила в поддержку государственной централизации, возродив “софийские” политико-правовые идеалы Илариона, Владимира Мономаха. Это были так называемые стяжатели во главе со знаменитым Иосифом Волоцким. Но, выразив готовность стать на сторону великокняжеской власти, они требовали от нее гарантии в сфере защиты вотчинных прав монастырей, неприкосновенности церковной собственности. С ними и связало свою судьбу московское единодержавие.

Борьба с удельными князьями и боярами то затухала, то разгоралась вновь на протяжении всей истории Московской Руси, вплоть до конца XVII века. Однако классическую идейно-юридическую форму она получила в XVI веке в трудах царя Ивана Грозного и князя Курбского, полемика между которыми велась не только религиозными, но и светскими аргументами. Самостоятельным направлением русской юриспруденции этого же периода стала продворянская доктрина И.С. Пересветова.

Теория “Москва — Третий Рим”, официальная теория Московской Руси, свою окончательную формулировку получила в посланиях Филофея к псковскому наместнику и великим князьям Василию и Ивану. О себе Филофей сообщал, что он “человек сельский, учился буквам, а эллинских борзостей не слышал, а риторских астрономий не читал, ни с мудрыми философами в беседе не бывал”.

Современники же были о нем высокого мнения. В заметке неизвестного автора сообщается, что “тот старец не выходил из монастыря” и был высокообразованным человеком (“премудрости словес знаем”). Мыслитель XVI века Федор Карпов в послании к Филофею отмечал наличие у старца не только обширных знаний, но и писательского дара: сочинения Филофея написаны “мировым словом и риторским разумом”. Сам Филофей косвенно соглашается с ним, заявляя, что он с удовольствием “забыл свои тяжкие грехи и к словесной сласти пришел”. Неизвестный биограф отмечает также принципиальность Филофея, благодаря которой он “много раз проявлял смелость по отношению к государю... также и боярам и наместникам псковским и обличал их в mnogой неправде и насилии, не боясь смерти. Великий же князь и вельможи его, видя его смелость и отсутствие страха смерти, не раз хотели против него сотворить злое”. Филофей, начиная Послание к псковскому наместнику Михаилу Мунехину, также сообщает о себе, что Божьей милостью “сильным пишет правду”. Свою теорию он сформулировал в основном в посланиях к “властям предрежащим” — Мунехину, великим князьям Василию Ивановичу и Ивану Васильевичу.

Автор с горечью констатировал, что псковичи терпят унижения “от меньших и безродных” московских наместников и их слуг, но советовал не противопоставлять собственные невзгоды общегосударственным интересам, а поддерживать Москву в ее усилиях по созданию единого государства. Главная цель теории — доказательство закономерного возвышения Москвы и легитимности власти великого князя Московского как главы всей Русской земли. Для обоснования этой цели Филофей формулирует теолого-историческую концепцию государственности, стимулом для которой послужило завоевание турками Византии в 1453 году.

История человечества — это возникновение, развитие и упадок мировых царств в соответствии с волей Бога. Первое мировое царство — Древний Рим — пало из-за своего язычества. Второе мировое царство — Византия — погибло из-за унии с католической церковью. Бог наказал Византию, и Константинополь был завоеван турками. Третий Рим — Москва. Центр православия будет стоять до скончания мира, ибо Русское государство избрано по воле провидения для сохранения и защиты православия.

Сохранившая верность православию Россия не только осталась невредима, но, напротив, явно набрала силу, сбросила татарское иго, успешно обороняет свои границы, возрос ее международный авторитет. Слава и могущество христианского Рима и особенно Византии не исчезли бесследно, они вновь возродились в России.

Теория Филофея носит не безусловный характер. Осуществление предначертанной цели — “два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти” — он видит в будущей судьбе Москвы и считает, что оно возможно лишь при совершенно определенных условиях устройства державы. Основное из этих условий — организация государства на христианских началах, чтобы Бог постоянно пребывал на Русской земле. В тексте послания к Московскому князю Василию

Ивановичу приведен в связи с этим стих из псалма: “Вот покой мой во веки веков, как пожелал я того”. Смысл его тот, что при исполнении заповедей Господь не покинет это место, в данном случае страну, а постоянное пребывание Господа с народом и страной — залог духовной чистоты и благоденствия.

Здесь же даются практические рекомендации. Одна из них — милость и щедрость по отношению к обиженным. “Утеши плачущих и вопиющих день и ночь, обиженных из рук обидящих”, — пишет старец. — “Не обижай, говорил Господь, меньших, верящих в меня, ибо очами их смотрит всегда Отец мой, который на небесах”.

Филофей дает еще три заповеди (три условия), соблюдение которых необходимо для правильного устройства государства. Первая — возлагать упование не на злато и серебро, но на Бога. Вторая заповедь старца Филофея — восполнить вдовствующие епископские кафедры и не обижать церкви и монастыри. И третья — искоренить содомский грех.

Обстоятельства сложились так, что “все христианские царства слились в одно твое”. Это только данность, только условие, которое есть. Но будет ли Москва Третьим Римом, окажется ли Москва местом, где Господь устами пророка Давида сможет сказать: “Здесь покой мой, из века в век, здесь буду жить, как хотел когда-то”? Судьба Третьего Рима зависит от того, насколько будет услышан правителем земли Русской — московским князем Василием призыв следовать и исполнять заветы тех, кто уже на деле, в жизни эти заветы осуществил, т.е. устроил всю жизнь во всем ее многообразии на основах христианской веры. И старец рекомендует программу, восходящую в своей основе к деятельности Владимира и Ярослава, к которым в качестве образцов для подражания он отсылает своего адресата. Филофей обращается к Василию так: “Не преступай, царю, заповеди, которые положили твои прадеды... блаженный святой Владимир, и великий богоубранный Ярослав, и прочие блаженные святые, их корень и до тебя”.

Большой интерес представляет призыв старца следовать заветам князей Владимира и Ярослава и продолжать ту традицию, которую они заложили в устройство древнерусского государства. Особенно поразительно, что программа действий, рекомендованная им великому князю московскому, почти полностью совпадает, с одной стороны, с той деятельностью великих князей киевских Владимира и Ярослава по организации государственной и народной жизни, которая известна по “Повести временных лет” и другим, более ранним источникам, и, с другой — с осмыслением этой деятельности митрополитом Иларионом в “Слове о Законе и Благодати”.

Основываясь на исторической традиции, Филофей доказывает легитимность единой для всей Русской земли московской власти. В послании великому князю Василию Ивановичу он воспроизводит его древнейшее родословие, указывая, что править ему следует по заповедям великих предков. Великий князь — наместник Бога и его слуга, “сердце царю в руке Божией”, он “высокостолпнейший государь и самодержец, боговенчаный христианский царь”, “веры содержатель” и “соблюдатель христоименитых людей”. На царя лежит непреложная обязанность заботиться о своих подданных, а для этого ему необходимо содержать свое царствие “со страхом Божиим”. “Скипетр в руке” обязывает быть грозным властелином над своими подданными, ибо “который царь не властвует над подвластными его”, тот не избегнет суровой Божьей кары и его государство

может постичь землетрясение (“трус”), или наводнение (“море потопа”), или голод (“земля пожре”).

Царь должен быть строг ко всем, кто отступает от “правды”, поскольку он — слуга Божий, поставленный в наказание согрешающим, творящим обиду и преступления. Однако он заботлив и справедлив в отношении своих подданных. Он обязан проявлять полную заботу о “малых сих”.

Высокое представление о царской власти подтверждается требованием безоговорочного подчинения ей со стороны подданных. Они обязаны “государю... верою служить и правдою и покорением”. Филофей утверждает, что все подданные принимают обет перед государем и обязаны волю его “творить и заповеди его хранить во всем”, и не только в действиях и словах, но даже и в мыслях у них не должно возникать осуждения поступков государя: “да не внидет в сердце тебе всяко слово и помышление лукаво или к Богу неблагодарение или на государя хулен помысл”. Если и придется кому-либо понапрасну терпеть “царское великое наказание”, то возможно только выразить свою печаль “горьким стенанием и истинным покаянием”.

В обязанность государю вменяется забота о подданных и о церквях и монастырях, ибо он “браздодержатель святых Божьих церквей, престол всех, и епископии, и приходов, и всего христианского исполнение...”

Церковь Филофей представляет как одно из ведомств государства, поэтому он возлагает на царя заботы по борьбе с ересями, назначению епископов, искоренению недостатков в православии, содержанию церквей и монастырей.

Проблема соотношения светской и духовной властей решена старцем посредством увеличения объема светской власти и ограничения духовной, ее полного подчинения светским правителям, но с сохранением за духовными владыками права “говорить правду” царям.

Светская власть должна осуществляться в законных формах. Филофей советует царю жить праведно, наблюдая за тем, чтобы и подданные жили по закону и заповедям.

Законы государства — это лишь часть “правды”, поддерживаемая силой власти, они основаны на божественных заповедях, которые через них и реализуются. Тем самым Филофей не выделяет право как самостоятельный социальный регулятор.

Беззаконием Филофей считает всякое безнравственное деяние, независимо от того, указано ли оно в источниках права. Любое аморальное действие — нарушение “правды”, которое наказуемо по воле провидения. Если кто пострадал, то восстановление справедливости ожидается прежде всего от небесных сил.

Теория “Москва — Третий Рим” не раз использовалась зарубежьем для обоснования якобы агрессивных планов России по созданию всемирного православного государства. Однако это не подтверждается текстом. Православие, по Филофею, это истинная вера, обеспечивающая человеку путь к спасению, а государству — к процветанию. Но мы нигде не увидим не только никаких призывов к захвату других государств с целью обращения их в православие и присоединения к Московскому государству, но даже призыва к другим людям, не исповедующим православие, переходить в эту веру. Распространению доктрины “Москва — Третий Рим” весьма содействовали те надежды, которые возлагали на московское правительство поработенные турками народы православного Востока. В этом смысле теория Филофея прогнозировала освободительные тенденции.

Рассуждая о войне и мире, Филофей продолжает сложившуюся традицию осуждения войны. Так, в одном из своих ранних произведений (послании к Мунехину) он просит Бога избавить человечество прежде всего от “всякого гнева, скорби и пленения и напрасныя смерти”, а правителей считает обязанными своими действиями обеспечить людям сохранность их имущества (“живот”), и жизни (“дыхания”), и “мир всем”. Такой державе, где все обозначенные категории пребывают в сохранности, “слава в бесконечныя веки”.

В посланиях к Василию Ивановичу и Ивану Васильевичу Филофей рассматривает “брань” как торжество антихриста. “Бог же мира любит и долголетия и здравия”. Поэтому Ивану Васильевичу в его царствование он желает “мир от века и до века”. Война может быть ниспослана народу только за грехи (так было, например, в граде Константина, который отступил от “правды”). Самое большое зло, которое, по мнению Филофея, может причинить антихрист человечеству, — это войны, способные погубить не только отдельных людей, но и все государство в целом. Поэтому нет оснований понимать утверждение Филофея, что все государства христианской веры “снидошася” (сошлись) в русском царстве, как программу завоевания этих царств. Это скорее утверждение авторитета Московской Руси на международной арене.

Филофей одним из первых мыслителей отразил итоги объединения русских земель вокруг Москвы. В дальнейшем его теория превратилась в “крылатую”, столь общепотребительна она стала. Москву называли “богохранимым преименитым царствующим градом, третьим Римом, благочестием цветущим”.

Теория “Москва — Третий Рим” получила со временем художественное воплощение. Ей была посвящена стенная роспись Золотой палаты Кремлевского дворца (не сохранилась), собора Смоленской Богоматери Новодевичьего монастыря, а также общая программа росписи Успенского собора Московского Кремля, и особенно икона “Апокалипсис”. Эта программа оказалась тесно связанной с сюжетом, который имел большое значение в системе образов, утверждавших после падения ордынского ига единство, целостность и независимость Русского государства: образ Богоматери соотносился с образом освобожденной матери-Родины.

ЛЕКЦИЯ 2. **Нестяжатели и иосифляне**

Нестяжатели и иосифляне — юридико-политические течения начала XVI века. В это время весьма острым оказался вопрос о церковном, и особенно монастырском, землевладении. Государство, стремясь ослабить мощь владык церкви, неоднократно ставило вопрос о передаче монастырских земель в его руки. Это была третья часть удобной для сельского хозяйства земли, которую хотели использовать для раздачи за службу в виде поместий. Идею секуляризации активно поддерживало зарождающееся дворянство, некоторые обедневшие слои боярства, монастырское и черносошное крестьянство.

Сторонники отторжения от церкви ее земельных богатств и лишения ее права владения землями, обрабатываемыми подневольным крестьянским трудом, стали называться “нестяжателями”. Сдерживая хозяйственные аппетиты служителей алтаря, они в то же время выступали за самостоятельность церкви в духовной сфере, за невмешательство государства в сугубо религиозные вопросы.

Приверженцы сохранения существующей церковной системы с ее экономическим могуществом первоначально назывались стяжателями, а впоследствии стали более известны как “иосифляне” — по имени их идеолога Иосифа Волоцкого, игумена Волоколамского монастыря.

Разграничение этих течений в юриспруденции весьма условно, так как и то, и другое ставило перед собой одну цель — усовершенствование светской и духовной властей. Но пути и средства достижения этой цели предлагались разные, что и послужило причиной разногласий. По вопросам централизации между иосифлянами и нестяжателями споров не было, оба направления выступали за объединение русских земель и создание единого государства, защищающего правду.

Основоположник учения нестяжателей Нил Сорский (1453—1508) происходил из дворянского рода Майковых. В юности он жил в Москве, занимался перепиской богослужебных книг. Позже принял монашеский постриг. Для своего времени это был широко образованный человек, знаток византийской церковной литературы, которую он изучал, в частности, во время поездки в 1489 году в Палестину, Стамбул и на Афон. По возвращении Нил Сорский, преисполненный жажды духовного подвига, покинув прежнюю обитель, основал собственный скит на реке Соре близ Кирилло-Белозерского монастыря. После него остались “Предание и устав” — сочинение, посвященное вопросам монашеского самоусовершенствования, и послания к разным лицам.

Главные помыслы Нила Сорского были направлены на реформу монашества как духовного института. Из трех видов иноческого жительства — отшельничества, скитничества и общежития — он признавал только “средний путь”: жить вместе с небольшим числом братии. Этот путь, с его точки зрения, во-первых, облегчал “устройство” монахов, во-вторых, позволял им помогать друг другу в борьбе с бесами и страстями.

Нил Сорский совершенно определенно полагал, что все необходимое для себя монахи должны приобретать от трудов своих, не рассчитывая на дары или милостыни. Лишь в случае крайней нужды они могут принимать немного милостыни, излишней же всячески чуждаться. При таком взгляде на скитничество, естественно, не могло быть и речи о монастырском землевладении: последнее оказывалось источником опасной иноческой гордыни, влечения к мирской славе.

Несмотря на свое скитническое уединение, Нил Сорский активно участвовал в политической борьбе, жил общими интересами своего времени. На церковном Соборе 1503 года, созванном по инициативе великого князя Василия III, он выдвинул проект секуляризации монастырских земель, продиктованный всем духом его учения. Однако этот проект был выдвинут не столько в интересах централизованного государства, сколько для укрепления церкви: автор надеялся таким образом вывести ее из орбиты светского влияния, добиться обособления от великокняжеской власти. Будучи субъективно направлен против централизации, имея значительную анархическую тенденцию, объективно этот проект отвечал интересам государства, ослабляя главного феодала Руси — церковь.

В трактовке политико-юридических проблем Нил Сорский исходит из разумной природы человека, отягощенной страстями. Их восемь: чревоугодничество, блуд, сребролюбие, гнев, печаль, уныние, тщеславие и гордость. Особой критике он подвергает страсть сребролюбия. Оно “отвне естества” и появляется только в результате неправильно организованной жизни, когда богатству (накопле-

нию имуществ) воздаются почести и уважение. Сребролюбие породило гибельный для людей порок — стяжание, и задача праведных заключается в рациональном (разумном) его преодолении.

Человек, считает Нил Сорский, наделен свободой воли. Но эта свобода не означает простое следование своим “хотениям”, напротив, она должна обуславливать такое поведение, когда все “добрые и благолепные делания” творятся “с рассуждением”, а поступок определяется выбором, основанным на личном опыте и знаниях. У послушного чужой воле, действующего без рассуждения, и “доброе на злое бывает”. Следовательно, разумная оценка всех действий является обязательной. Слепо следовать чужой воле совсем не похвально. Напротив, ум должен быть открыт для знаний: “почаще заставляя уши слышать и глаза видеть везде”.

Нил Сорский призывает, уважая чужое мнение, не следовать слепо за авторитетами, критически осмысливать их доводы. Он обосновывал тем самым личную ответственность за свои действия. Поступки должны быть плодом глубокого раздумья, ибо “без мудрования” не всегда можно различить правду и кривду.

Если человек очевидно уклоняется от правого пути, то все равно “не подобает же на таковых речами наскакивать, ни поносить, ни укорять, но оставить их с Богом: Бог силен и сам исправит их”. Не следует “смотреть на недостатки ближнего”, лучше “плакать о своих грехах”, не полезен здесь и укор (“и не упрекай человека ни в каком грехе”). Лишь чтение “необманной” литературы и дружеская доверительная беседа с мудрым наставником могут помочь человеку стать на правильный путь.

Юридически позиция Нила Сорского по вопросу об ответственности исключала государственное вмешательство вообще и уж тем паче в такой резкой форме, как применение уголовного преследования и наказания вплоть до смертной казни.

Разрешая проблему ответственности, нестяжатели затронули вопрос взаимоотношения церковной и светской властей. Нил Сорский предпринимает попытку определить сферы их действия, а также методы и способы реализации ими своих властных полномочий. Деятельность церкви ограничена у него только духовной областью, в которой абсолютно и принципиально неприменимы государственные меры воздействия на людей. Эти позиции и были определяющими в его отношении к еретическому движению и формам его преследования.

Но, рассматривая вопрос о реальном преследовании еретиков, которое уже имело место в государстве, Нил Сорский попытался смягчить насколько возможно формы этого преследования и ограничить число лиц, подлежащих наказанию. Так, он считал, что не надо преследовать тех, кто открыто не проповедует своих убеждений, или тех, кто раскаялся. Здесь он прямо ставит вопрос о недопустимости преследования человека за убеждения. Никто до него не говорил об этом, и не скоро еще после него этот вопрос будет сформулирован и высказан как правовое требование.

Нилу Сорскому пришлось не только излагать свои взгляды теоретически, но и позаботиться об их реализации. Вполне обоснованными кажутся нам утверждения ряда исследователей о том, что Собор 1490 года не вынес решения о смертных казнях еретикам, как того требовали “обличители”, именно благодаря влиянию учителя Нила Сорского старца Паисия Ярославова, самого Нила Сорского и митрополита Зосимы.

Тем, что в России преследования за веру никогда не принимали такого характера, как в католических странах, она немало обязана Нилу Сорскому, его сторонникам и последователям, которые со рвением доказывали невозможность применения смертной казни за вероотступничество. Смертную казнь за религиозные убеждения нестяжатели рассматривали как отступление от основных постулатов православного вероучения. И хотя в споре о формах воздействия на еретиков они проиграли (Собор 1504 года приговорил еретиков к смерти), влияние нестяжателей на формирование гуманного правосознания несомненно. Казни еретиков носили единичный характер и распространения не получили.

Сама постановка вопроса об обязательности для каждого человека (не только монаха) “умного делания” в виде совершенствования своей души при помощи безмолвия, молитвы, созерцания будила совесть, приводила к развитию способности мыслить и рассуждать, а следовательно, критически воспринимать существующую действительность. Этический подход к рассмотрению любого вопроса противопоставлялся авторитарному методу рассуждений. Предлагалось бороться с произволом только духовным оружием, побеждая грех и зло благостью и кротостью. И это было ново для тех времен.

Нил Сорский одним из первых практически утверждал свободу воли вместо безрассудного следования общепринятым авторитетам. Он вменял в обязанность каждому христианину анализировать писания святых мужей и подвижников, прежде чем пользоваться ими в качестве примера. Основываясь на постулате “умного делания”, сорский подвижник заложил основу рационального отношения ко всем писаниям (“писаний много, но не все Божественную волю содержат”).

Традиции Нила Сорского продолжены Вассианом Патрикеевым — представителем княжеского рода, насильно постриженным в монахи в 1499 году после разгрома княжеско-боярской оппозиции великим князем Иваном III и сосланным в Кирилло-Белозерский монастырь. Там он познакомился с “великим старцем” и стал его ревностным последователем. После десяти лет опалы, примерно с 1510 года Вассиан обосновался в Симоновом монастыре — родовой обители семьи Патрикеевых. Ему удалось восстановить близкие отношения с Василием III в период увлечения царя планами секуляризации церковных земель.

В Симоновом монастыре Патрикеев пишет все свои публицистические произведения. Их пронизывает, по существу, одна главная тема — отрицание вотчинных прав монастырей, которое он обосновывал евангельскими заповедями, примерами из жизни древних святых, канонической аргументацией, ссылками на постановления церковных соборов. Так возникла его знаменитая Кормчая книга, послужившая нестяжателям мощным оружием против иосифлян.

Интерес Вассиана к нестяжательским идеям никогда не был самодовлеющим. Он обратился к ним только из политических соображений, имея в виду дискредитацию своих противников — иосифлян, в особенности их учения о “богоустановленности” самодержавия, которое стало идеологической опорой объединительной политики Московского государства. Полемицируя с иосифлянством, Вассиан выделял в нем наиболее уязвимые моменты: сребролюбие и славолубие, положение монастырских крестьян и отношение к еретикам. Иосифляне, писал он, омрачили “очеса разумная” и потому “недобре мудрствуют” о заповедях Христа: “Если бы с духовным мудрствованием и умным прилежанием прочли бы заповеди, то давно бы все исправили”. Согласно Вассиану, иночество есть подражание “бесплотных жительству” и “отказ от естества ради Бога”.

Призывая монахов вслед за Нилом Сорским “безмолствовать и рукоделием своим и трудом питаться”, он вместе с тем монашеское отречение от мира трактовал как отказ от “гражданства” вообще. “Небесному царю мы должны быть ратниками, — рассуждал князь-инок, — мы же, гордыней охваченные, мудствуем, где же царь наш. Гражданство, говорю вам, наше на небесах есть. Да не останемся в земных оковах”. Следовательно, отрицание Вассианом земного гражданства было обусловлено его неприятием государства вообще ради небесного служения монахов.

Страстно выступая против духовного стяжания, ратуя за ликвидацию вотчинных прав церкви, Вассиан прекрасно понимал, что для достижения этой цели одной полемики недостаточно. Церковные иерархи никогда не откажутся добровольно от своих богатств и привилегий. Сломить их сопротивление может только сильная великокняжеская власть. Поэтому Вассиан “учил” великого князя “у монастырей села... отнимать и у мирских церквей”. Требование секуляризации земель, к проведению которой Вассиан стремился склонить великого князя, являлось естественным завершением его концепции.

Ставя вопрос о ликвидации всего церковного землевладения (исключая земли соборных епископских церквей), Вассиан основной огонь направлял, однако, против вотчинных прав монастырей. Это объяснялось, с одной стороны, причинами субъективными: Вассиан был иноком и желал прежде всего поднятия духовного авторитета монастырей; а с другой — причинами объективными: подавляющая часть церковных земель находилась в руках монастырей, и решение вопроса о монастырском землевладении определяло в значительной степени судьбу церковного землевладения в целом.

Однако с программой секуляризации Вассиан выступил не сразу. В своем первом произведении, посвященном осуждению монастырского стяжания, — первоначальной редакции “Собрания некоего старца” Вассиан лишь обосновывал необходимость нестяжательности монастырей, не ставя вопроса о путях ликвидации монастырского землевладения. В “Слове ответном”, написанном уже после возвращения из монастыря (очевидно, в начале второго десятилетия XVI века), вопрос о монастырском и церковном землевладении Вассиан рассматривал уже более широко: он бичевал стяжательскую деятельность не только иноков, но и белого духовенства (архиереев).

Вместе с тем в “Слове ответном” Вассиан высказал еще одну мысль, являющуюся логической предпосылкой для формулировки требования секуляризации. Вассиан возражал Иосифу, утверждавшему, что никто, даже “венец носящий”, не имеет права поднимать руку на церковное и монастырское имущество, так как источником его является милостыня (“вклады по душе”). Вассиан же призывал не отказывать князьям брать из монастырей сделанных ими вкладов. Тем самым подвергался сомнению провозглашавшийся иосифлянами принцип неприкосновенности церковной собственности и, в частности, положение о том, что даже “венец носящий” не может посягать на имущество, принадлежащее церкви.

Логическим выводом из этого положения должно было явиться утверждение права светской власти распоряжаться церковным имуществом и отбирать его. Но этот вывод Вассиан сделал позже. Лишь в “Прении с Иосифом” (написано около 1515 года) он заявил со всей определенностью: “...советую великому князю конфисковать у монастырей села и приходских церквей”.

То обстоятельство, что требование секуляризации Вассиан сформулировал сравнительно поздно, может быть объяснено двумя причинами: во-первых, тем, что только к этому времени у самого Вассиана окончательно созрело убеждение в том, что ликвидировать вотчинные права церкви может лишь государственная власть, и, во-вторых, тем, что именно в эти годы влияние Вассиана на великого князя упрочилось и он счел возможным открыто выступить с программой секуляризации.

Политически заостренным был подход нестяжателя и к защите смердов. Резко осуждая бесчеловечную эксплуатацию крестьян в монастырских вотчинах, Патрикеев писал о монахах, подразумевая при этом иосифлян: "Мы же, охваченные жадностью и сребролюбием, всячески притесняем братьев наших в селах, обкладываем высокими податями и процентами при займах, а милость к ним нигде не проявляем; а когда они не могут отдать долг, лишаем их имущества, отнимаем коров их и лошадей, самих же с женами и детьми ссылаем подальше от своих владений, как скверных, а некоторых даже отдаем на расправу княжеской власти".

Спору нет, картина монастырского произвола, крестьянской нужды и бесправия нарисована Вассианом талантливо, ярко, с глубоким знанием реальной ситуации. Но, "радея" о монастырских смердах, он в то же время оставался совершенно равнодушен к судьбам остального крестьянства. "Крестьянский вопрос" имел для него чисто пропагандистское значение и не выходил за рамки антииосифлянской полемики. Показ эксплуатации монастырских крестьян скорее нужен был Вассиану как один из вопиющих примеров стяжательской деятельности монастырей и отступления иноков от их обетов.

Вассиан много думал о судьбах еретиков. Этому вопросу целиком посвящено его раннее произведение "Ответ кирилловских старцев на послание Иосифа Волоцкого о наказании еретиков" и написанный им для Кормчей книги трактат "Слово о еретиках". Этому вопросу он касается также в "Слове ответном" и в "Прении с Иосифом". Во всех названных произведениях иосифлянской точки зрения, заключавшейся в требовании беспощадных казней еретиков, Вассиан противопоставляет иное, более справедливое отношение к еретикам.

Уже в "Ответе кирилловских старцев" Вассиан категорически выступает против смертных казней еретиков, которых требовал Иосиф в одном из своих посланий. Старцы Кириллова монастыря и все заволжские старцы, от имени которых написан ответ, "решили, что идеи старца Иосифа противоречат божественному праву, по которому нужно некающихся еретиков и ненаказанных заточать в тюрьму, а кающихся еретиков и свою ересь проклинающих Церковь Божию должно простить". Таким образом, ратуя за полное прощение покаявшихся еретиков, Вассиан даже по отношению к непокаявшимся ограничивался только требованием заточения их. Свой призыв гуманно относиться к еретикам Вассиан основывал на Евангелии с его заповедью любви и милосердия: "Ради грешный Сын Божий воплотился, старался найти и спасти погибших", и далее: "...нам же в новой благодати явления Господь Христос предписал любовный союз, по которому нельзя судить брата брата".

Наиболее полно свое отношение к еретикам Вассиан излагает в "Слове о еретиках" и в "Прении с Иосифом". Оба произведения были написаны им во время работы над Кормчей книгой, поэтому свою прежнюю аргументацию — выдержки из Евангелия, исторические примеры — он дополняет в них обра-

нием к “святым правилам” Кормчей книги. Он по-прежнему требует четкого разделения еретиков на покаявшихся и упорствующих. Еретиков, покаявшихся “волею и неволею” (в последнем случае имеется в виду покаяние в результате мер принуждения), следует прощать и принимать в лоно церкви, “ибо так велят святые правила”. Митрополиты, епископы и другие церковные чины должны стремиться обращать еретиков к покаянию; тех же пастырей, которые этого не делают, святые правила “извреци (изринуть) повелевают” (т.е. отрешить от сана). Еретиков же непокаявшихся святителям и всему священному собору надлежит проклинать, а царям и князьям — заточать и казнить. Однако под казнями, которым должны подвергать непокаявшихся еретиков светские власти, Вассиан понимал легкие наказания, а не тяжкие — смертные казни; для обозначения последних он употреблял термины “убивать”, “смерти предавать”. “Если кто требует, перенося нормы ветхого закона на Христов новый закон, казнить еретиков лютыми казнями и убивать, то мы против этого...”

Стяжатели (иосифляне) отрицали секуляризацию монастырских земель, оправдывали церковное богатство необходимостью защиты веры в Бога. При этом личное нестяжание монахов признавалось. Глава этого течения Иосиф Волоцкий (1439 — 1515) родился в семье небогатого дворянина. В двадцатилетнем возрасте Иосиф принял постриг в Боровском монастыре. В 1479 году он покинул его и на землях удельного князя Бориса Волоцкого основал Волоколамский монастырь, в котором игуменствовал, проводя самостоятельную политическую линию.

В 1507 году Иосиф порвал с удельным волоцким князем и перевел свою обитель под великокняжеский патронат. В этот период складываются его личные отношения с великим князем, которые нашли отражение в его литературной деятельности.

Иосиф Волоцкий, борясь за чистоту православия с еретическими учениями, особенно с ересью жидовствующих, одновременно выступал против злоупотреблений великокняжеской власти в вопросах секуляризации. К ним Иосиф относится критически, формулируя понятие личного стяжания, отличное от понятия правового статуса монастырей. Тот, кто вступает в стены обители, должен отречься от “всякия вещи” и не иметь власти ни над чем. Это единственное неперемненное условие, при котором монах может “во общем житии спастися”. Сам Иосиф одевался как нищий, так что никто не мог отличить в нем настоятеля. Образцом для волоколамского игумена являлся Сергей Радонежский, основатель самого авторитетного в Московском государстве монастыря. На него он не раз ссылался, моделируя идеальный образ служения: “... толико нищету и нестяжание имаху, как во обители Блаженного Сергия”.

Однако проповедь личного нестяжания Иосиф Волоцкий умело сочетал с признанием права монастырей на владение вотчинами и эксплуатацию чужого труда. Согласно его конструкции, все монастырское богатство принадлежит самому монастырю — и ничего монахам. Богатство монастыря должно умножаться повседневно благодаря четко проводимому в жизнь принципу стяжания. Все службы совершаются возмездно, “даром священник ни одной обедни, ни панихиды не служит”. Всякий, кто постригается в чернецы, обязан давать монастырю “по своей силе”. Богатства, принадлежащие духовным корпорациям, охраняются со всей строгостью уголовного закона.

Оправданием существования монастырских стяжаний служит их употребление на “благие дела”: “Надобно ведь церковные здания строить и приумножать святые иконы, и святые сосуды, и книги, и ризы, и братство кормить, и поить, и одевать, и обувать, и иные всякие нужды исполнять, и нищим и странникам и мимо ходящим давать и кормить”. Это и есть причина, по которой монастырь имеет в собственности землю и села, обложенные повинностями.

Право монастыря на “стяжание” защищается Иосифом Волоцким весьма последовательно. Справедливые законы налагают проклятье на тех, кто обижает “святые Божьи церкви и монастыри... творящие подобное подвергаются анафеме”. В этой связи он обосновывает приоритет духовной власти над светской, уточняя природу последней. Как религиозный мыслитель он исходит в понимании сущности власти из божественной воли, но ведь обладатель власти на земле — лишь человек, такой же грешник, как и другие. Кроме того, он равен всем людям, над которыми его возвышают лишь данные ему властные полномочия. Юридические выводы из этих посылок делаются в тираноборческом духе: власть должна быть ограничена законными пределами, и сам властитель, подобно другим людям, если он совершает ошибки при реализации своих prerogatives, обязан нести за них ответственность.

К тому же царь властвует лишь над телами людей; та же часть нашего существа, в которой каждый человек равен Господу, то есть его душа, подчиняется лишь Богу, а не царским повелениям. Царь может “благодетельствовати и мучити телесно, а не душевне”.

Ошибки правителя способны погубить не только его самого, но и весь русский народ: “за государево согрешение Бог всю землю казнит”. Поэтому в целях сохранения государства не следует повиноваться противоправным приказам. Власть неоспорима только в том случае, если властитель может личные страсти подчинить основной задаче — обеспечению наибольшего блага наибольшему числу подданных. Если же он, будучи поставлен Царем небесным над людьми, сам “охвачен страстями и грехами, сребролюбием, гневом, лукавством, неправдой, гордостью и яростью, а опаснее всего — ересью, то таковой царь не Божий слуга, но дьявол” и ему можно не только не покоряться, но и оказать сопротивление. Преступный царь, который не заботится “о своих подданных”, “не царь есть, но мучитель”.

Иосиф Волоцкий одним из первых в средневековье начал обсуждать личность правителя с позиций критики действий венценосной персоны. Это привело его к мысли о возможности суда того или иного правителя как злого царя-тирана. Царь не должен забывать, что он не первое лицо в государстве, ибо “церкви подобает поклоняться паче, нежели царям или князьям”. Ставя определенные ограничения царской власти и налагая на нее обязанности по поддержанию интересов церкви, Иосиф пытался сохранить за духовной властью решающую роль в государстве. Более того, у светской власти есть обязательства по отношению к духовной. Эти идеи отражали высокий статус духовной власти и ее право на широкое вмешательство в дела государства.

После Соборов 1503—1504 годов, когда секуляризационной политике великого князя объединенными силами высших церковных иерархов был дан отпор и великий князь переориентировался в своих действиях на прочный союз с церковью, а значит, и с главенствующими в ней иосифлянскими кругами, линия Иосифа Волоцкого начала постепенно изменяться. Политическая атмосфера ста-

ла иной, влияние “стяжательской” партии явно усилилось. Сам великий князь продемонстрировал свою заинтересованность в дружбе с церковью. В соответствии с новыми условиями Иосиф ставит перед собой теперь другие цели — возвысить фигуру самодержца и доказать его суверенитет.

Не отрекаясь от мысли, что “царь естеством подобен всем человекам”, Иосиф делает акцент на его божественном избранничестве по воле Всевышнего. Это лишает подданных права судить суверена, который “скупетр царствия приял от Бога”; сакрализует великокняжескую персону. Но и в этом случае правитель связан в своих действиях божественными заповедями и законодательством. Образцом для праведного правителя назван император Константин Великий — большой авторитет в православии.

Тем самым Иосиф Волоцкий переосмысливает теорию о превосходстве священства над царством, подчиняет церковь государству. Теократичность царской персоны служит одновременно обоснованием и ее властных prerogatives, где право на восстание заменяется “смирением и мольбой”, которые только и смогут наставить властителя на путь истинный.

По отношению к еретикам Иосиф занимает жесткую позицию. Он предпринял попытку доказать, что еретическое инакомыслие (“разньство”) — это преступление не только или, вернее, не столько против церкви, сколько против государства, поэтому и преследоваться оно должно его силами и средствами. Иосиф обосновывает первенствующее значение государства, поручая ему защиту церкви всеми силами, которыми оно располагает. Поэтому преследование еретиков также возлагается на государство в лице его чиновников. В “Просветителе” Иосиф Волоцкий специально рассматривает вопрос об обязанностях властей преследовать еретиков. Главный атрибут государственной власти — карающий меч — должен быть обращен прежде всего на службу церкви. Это одна из форм правомерной реализации верховной власти, точнее, форма выполнения ее обязанностей по охране благочестия и правопорядка в стране, которые, в свою очередь, охраняют государство от гибели.

По мнению Иосифа, совсем не меньший грех, нежели убийство, неверие “в единосущную Троицу”. И ответственность за него должна быть как и за уголовное преступление: тюремное заключение, смертная казнь и конфискация имущества. Даже заточение еретиков в монастырь кажется Иосифу недостаточной мерой: “Не в монастыри заточить их, а казнить смертными казнями публично...” Причем суровому наказанию подлежат не только сами “мудрствующие лукаво”, но и те люди, которые не донесли властям на еретика: “...казням лютым предавать не только еретиков и отступников, но и православных, знавших о еретиках или отступниках и не сообщивших о них судам”.

Государственная власть обязана разыскивать скрывающихся еретиков и при расследовании их “преступлений” применять систему хитрых “уголовно-розыскных мер”, для того чтобы “скрывающихся еретиков... найти, допросить и казнить”. Именно эти действия и имел в виду Иосиф, когда просил Ивана III послать по всем городам с “обыском”. Термин “обыск” понимается Иосифом в смысле применения к делам о еретиках той формы процесса, которая согласно Судебнику 1497 года предусматривала расследование наиболее важных дел, полностью возложенных на государственных чиновников. Причем проведение “обыска”, по мысли Иосифа, должно быть организовано не только “премудро”, но и

“с прехыщрением”, а иногда даже с коварством. В качестве правомерной основы таких действий приводятся примеры из Священной истории.

Властитель хотя и имеет человеческую природу, но он по божественному избранию возведен на престол и поэтому не должен руководствоваться обычной моралью в делах “о сих коварствах и прехыщрениях”. Ссылками на туманные рассуждения о божественной воле, которая одна знает, “что творит или повелевает что творит”, он теоретически открывает возможность оправдания самого жестокого произвола в крайних формах его реализации. Здесь его позиция противоречива и непоследовательна. Ради преследования еретиков Иосиф отступает от принципа подчинения властей “правде” — закону. В качестве оправдания подобной практики он приводит примеры из истории, в которых действуют различные “благочестивые цари”, не останавливающиеся перед любыми пытками: “изрезывание языков”, “нанесение двести ран ремнем” и т.п. В шкале наказаний центральное место занимает смертная казнь.

В истории отечественной юриспруденции роль Иосифа Волоцкого весьма заметна. Он одним из первых предложил решение вопроса о происхождении и употреблении государственной власти, отделив понятие “употребление власти” (“реализацию”) от понятия “происхождение власти”, предоставив, таким образом, объективную возможность критики действий венценосной персоны не как носителя божественной воли, а как ее исполнителя.

Иосифом было сказано новое слово самой постановкой вопроса о царе — злодее и мучителе, о царе “незаконном”, а также теоретически обосновано право на оказание сопротивления такому властителю. Это была критика власти справа, в чем и состоит ее принципиальное отличие от решения аналогичной проблемы на Западе, где критические выступления носили явно выраженный демократический характер. Но в целом иосифлянство оказало прогрессивное влияние на процесс формирования русского правосознания.

Субъективно Иосиф вводил сумму определенных критериев, ограничивающих светскую власть в пользу духовной (как Фома Аквинский), поэтому критика действий верховного правителя, неправомерных с точки зрения основных теоретических постулатов его учения, и рассматривается современной наукой как критика справа. Но утверждение в юриспруденции возможности оказания сопротивления законному властителю само по себе было той почвой, на которой впоследствии стали подвергаться критике тиранические формы и методы правления.

Напротив, в области разработки правовых представлений и их реализации в государственной практике роль Иосифа, несомненно, была негативной, поскольку его взгляды послужили в дальнейшем обоснованием положения о возможности преследования за такую форму вины, как голый умысел, и подготовили общественное мнение к законодательному оформлению всех видов нарушений церковной практики и теории как политических преступлений, требующих жесткой санкции закона.

ЛЕКЦИЯ 3. Полемика Ивана Грозного и Андрея Курбского

К середине XVI века уже не подвергались сомнению идеи собирания русских земель вокруг Москвы, и дискуссия переместилась в иную плоскость — к вопросам о сущности и формах государства. Единодержавие никем не оспарива-

лось, но одни мыслители считали, что помогать царю в управлении страной должны чуть ли не все сословия (сословно-представительная монархия), другие — только ограниченный круг верных людей (раннефеодальная монархия с Боярской думой), третьи всю полноту власти вручали царю (абсолютная монархия). Эти формы и методы управления страной на практике были продемонстрированы в царствование Ивана IV Грозного (1530—1584).

Боярское правление Иван наблюдал в раннем возрасте до венчания на царство в 1547 году. Став в три года (после смерти отца) великим Московским князем, этот талантливый, живой, одаренный, рано осиротевший ребенок оказался в центре политических интриг, целью которых была борьба за реальную власть в государстве. Кому он был дорог, кто заботился о его судьбе, щадил его чувства, развивал склонности и благородные порывы? Истинными правителями страны после смерти матери Ивана были семейные кланы князей Шуйских и Бельских, и они не берегли его самолюбия. Более того, стремились продемонстрировать важность и бесспорность жесткой силы. Частые разногласия между собой они решали на глазах Ивана ссорами и драками. Побеждал не умнейший, радеющий за общее дело, а могущественный, приводящий к решению свою точку зрения.

Юному Ивану бояре подчиняться не желали. Многие из них были не менее, чем он, родовиты и богаты, но, главное, они обладали опытом и авторитетом. Страной фактически правила Боярская дума. Но в ней не было единства. Ухудшается внешнеполитическое положение государства, активизируются татары, бунтуют крестьяне и горожане, растет преступность, действующие законы не защищают от “лихих людей”, меняются временщики, стоящие рядом с тронем малолетнего Ивана. Правда, периодически он показывает свой норов, не уступая в жесткости никому и наводя страх на подданных.

Сословно-представительные методы нашли свою реализацию в правительстве “Избранной рады” и деятельности Собора 1549 года, который даже получил название “Собор примирения”. Прогрессивные реформы, принятие Судебника 1550 года в качестве основного закона в стране, решение ряда церковных вопросов — вехи сословно-представительного правления. Несомненно, что все это принесло большую пользу для развития Русского государства, способствовало его процветанию в середине XVI века, заложило основы для крупных внешнеполитических акций, значительно поднявших международный престиж Руси.

Очевидно, что в это время Иван IV разделял взгляды руководителей “Избранной рады” на управление государством и действовал в полном согласии с ними. Успехи на международной арене и во внутриполитической жизни страны очень поднимали престиж царской власти. Иван Грозный постепенно окончательно уверовал в свою исключительность и “богоизбранность” и не пожелал иметь около себя советников-соправителей. В 1560 году правительство “Избранной рады” пало, чуть позже была учреждена опричнина. Иван IV стал единодержавным правителем. В своих посланиях он изложил собственные взгляды на характер и пределы государственной власти. Это была практика и теория абсолютизма.

Царю чрезвычайно понравилась выдвинутая иноком Филофеем формула “Москва — Третий Рим”. Получалось, что Русь — самая великая православная держава во всем христианском мире, наследница двух первых Римов. Кроме того, “Просветитель” Иосифа Волоцкого с его теорией божественного суверенитета царской власти стал для Грозного настольной книгой. Главным же источником абсолютистских взглядов царя были воспоминания о правлении “Избранной рады”

во главе с Адашевым и Сильвестром. Все это сделало теперь царя сторонником "православного истинного христианского самодержавства". Он настойчиво проводит мысль о том, что Бог поручил ему "владети" царством и его "строити", т.е. быть владыкой над подданными и направлять свою власть на государственное устройство. От повиновения правителю зависит могущество страны. "Если одному царю не повинуются подданные, то никогда не перестанут междоусобные ссоры..." Грозный категорически утверждал, что "Российская земля управляется... своими государями, а не судьями, воеводами, должностными лицами".

Себя Иван Грозный стал считать потомком римских императоров, поскольку выводил свою родословную от легендарного Пруса, брата римского императора Августа. Это позволяло русскому царю ставить себя значительно выше многих европейских государей, получавших власть в результате выборов (в Польше, Швеции и др.).

Для доказательства божественного происхождения своей власти царь Иван активно использовал Священное Писание, в собственном понимании и толковании. Так, из послания апостола Павла он взял утверждение о том, что нет власти не от Бога, "всякая душа да повинуется властям", тот, кто противится власти — противится самому Богу, измена царю — измена вере.

Считая себя богоизбранным, Иван IV полагал, что Бог отдал ему "под власть" не только тела подданных, но и их души. Этим он хотел соединить в своих руках и светскую власть, и церковную. Истинно православный царь, по его мнению, это непременно самодержец, которому Бог отдал все царство: "А русские самодержцы изначала сами владеют своим государством, а не их бояре и вельможи". Только у безбожных народов цари слушают своих подданных.

Из посланий Ивана IV следует, что он ни с кем не хочет делиться властью, считая себя единодержавным владыкой Русской земли. Поэтому в его государстве решать что-либо может только он сам, да и само государство держится только на нем, а не на судьях, воеводах, должностных лицах. Этим царь полностью отвергает идею сословно-представительной монархии и провозглашает абсолютную монархию. С раздражением пишет он о временах "Избранной рады", поскольку считает, что она лишила его царской власти. Ее руководители все делали по своей воле, "царю ни в чем не давали воли, даже в житейских делах". Очевидно, что руководители "рады" хотели сделать царя слугой народа и государства, заставляли подчиняться законам и выполнять свои обязанности, т.е. в реальной жизни воплощать идеальный образ правителя, представленный в сочинениях публицистов. Это, по мнению Ивана IV, ущемляло его права самодержца, он не хотел никому подчиняться: "До сих пор русские властители ни от кого не подвергались допросу, могли по своей воле жаловать и казнить своих подданных".

Сильвестра и Адашева Грозный обвинил в "похищении" государственной власти, что стало причиной всех бедствий, обрушившихся на Русь. Ибо всякая попытка бояр и вельмож захватить политическое руководство ("мимо царей царствами владети") ведет к усобицам и чревата опасностью для целостности государства. Оправдывая свои жестокости и казни, Грозный писал А. Курбскому: "Или ты думаешь добродетельно правление вместо царя невежественными попами или преступными боярами? Подобное противно разуму и совести, ежели будут править против Бога желающие зла люди, не так ли? Наибольшая опасность для государства, когда им правят попы".

Иван IV отвергает какие-либо рамки для себя и считает, что сам может решать, когда быть кротким, когда жестоким. Добрым, в его понимании, следует являть милосердие и кротость, злым — жестокость и расправы. И только он сам будет решать, кому что. Для устрашения злодеев будет носить меч и править “с грозой”. Этим самым он объявлял себя высшим судьей в государстве. Своих подданных он считал рабами, данными ему от Бога, и по отношению к ним допускал полный произвол: “Мы вольны награждать своих холопов, вольны и казнить... Все подданные рабы своего царя и даны ему во владение самим Богом”.

Видя в себе богоизбранника, Иван IV заявлял: “И поэтому помимо Божьей милости, милости Богородицы и всех Святых не нуждаемся ни в каких наставлениях от людей, ибо невозможно, властвуя над множеством народа, добиваться наставлений от других”. Он не отделял себя от власти и считал только себя ее носителем. Раз Бог дал ему власть, значит, именно он ее достоин, поскольку всякая власть — от Бога. Поэтому измена царю может считаться изменой вере и христианству. Это является самым страшным преступлением и жестоко наказывается.

Идея власти, выдвигаемая Иваном IV, фактически узаконивала самоуправство и самоволие царя, не желавшего видеть никаких ограничений для своей власти и отстаивавшего “вольное царское самодержавство”. Она шла вразрез с мнением большинства мыслителей XVI века. Этого царь Иван не мог не знать, поскольку именно к нему были обращены многие из их сочинений. Только насильственными мерами мог он реализовать в жизни свои идеи. Такой мерой стал опричинный террор. В нем на практике осуществлялись самоуправство и самовластие царя. Казни и пытки, лишение имущества многих неповинных людей стали обычным явлением внутренней жизни страны.

Теорию симфонии властей Иван IV полностью отрицает, выступая сторонником разделения светской и духовной властей с четким разграничением сферы действия каждой из них. “Одно дело, — заявляет он, — священническая власть, иное дело царское правление”, ибо “одно дело — спасать свою душу, а другое — заботиться о телах и душах многих людей”. Отказ от традиционного отношения к данной проблеме вытекает из последовательно проводимого Грозным принципа неограниченности царской власти — ее он не хотел делить ни с кем, даже с наместниками Бога. Возвеличивая значение царской власти, он сакрализировал ее, настаивает на непосредственной связи царя с Богом, минуя церковь. Церковь может быть использована государством только как инструмент, усиливающий своим авторитетом теократический ореол светской власти.

Природа святительской власти и царского правления, по Грозному, существенно различны. Священники, спасая души верующих, могут быть наказываемы за свои мирские “прегрешения”. Царь же, напротив, заботится о благе всех своих подданных, действуя и страхом, и запрещением, и обузданием. Его нельзя обвинять в преступлениях, бесчестить. “А подобает ли царю, — вопрошал Грозный, — бьющему царя в щеку подставлять другую? Если это правильная заповедь, то как же царь государством будет управлять, если сам честь потеряет? Священнику это правило подходит, различать поэтому нужно царство от священства”. Грозный не признавал религиозных преступлений равносильными политическим. Он решительно выступал против властных амбиций ду-

ховенства: "Не подобает священникам решать государственные дела". Иностранные наблюдатели отмечали несравненно большую на Руси, чем на Западе, веротерпимость.

Характерно, что Иван Грозный был глубоко возмущен Варфоломеевской ночью, этой ужасающей резней гугенотов во Франции в 1572 году. Он писал императору Максимилиану II: "Христианским государем нужно скорбеть, что такое бесчеловечие французский король над стольким народом учинил и столько крови без ума пролил". Напомним, что по этому же самому поводу Филипп II Испанский принес французскому королю Карлу IX свои горячие поздравления.

В этих рассуждениях московского самодержца отчетливо проступает тенденция к секуляризации политики, выведению ее из-под церковной опеки. Руководствуясь идеей божественности самодержавия, он с полным основанием настаивал на неприменимости к царю каких бы то ни было ограничений, в том числе евангельских. Заповеди Христа нужны не для "русских обладателей", кои суть помазанники Божии и вольны в делах своих и поступках, а для тех, кто "презрел" мир и ищет загробного воздаяния. Таким образом, Грозный прилагал к сфере государства и права доктрину "двух истин".

В посланиях царя важное место занимает также тезис о наследственности власти московского государя. Возведя свою родословную к великому князю Владимиру Святославичу, просветившему всю Русскую землю святым крещением, и назвав своими прямыми предшественниками Владимира Мономаха, Александра Невского, Дмитрия Донского, Иван Грозный заявлял: "Мы же хвалим за преблагую Его (Бога. — Н.А.) милость, снизошедшую до нас, которая не позволила пролить кровь соотечественников, а тем более покориться иному государству при воцарении. Она произошла по воле Бога и с благословения предков. Мы родились в царском достоинстве, воспитались и взойшли на престол царский Божьим повелением и с благословения своих родителей, а не по чужой воле".

Свои мысли о московском самодержавии, сформулированные им большей частью в полемике с А. Курбским, Грозный использовал в дипломатической практике, борясь против пренебрежительного отношения западно-европейских правителей к Русскому государству.

Так, обращаясь к шведскому королю Иоганну III, отец которого Густав Ваза происходил не из королевского рода и вступил на шведский престол после свержения власти Дании над Швецией, он писал: "А то правда истинная, а не ложь, что ты из простого рода, а не государственного". Иронизируя над тем, что "советники от всей земли" у него были "в товарищах", а сам он "у них на положении старосты в волости", Грозный добавлял: "И тебе потому нельзя равняться с великими государями: в великих государствах таких обычаев не имеется".

В насмешливом тоне обращался он и к английской королеве Елизавете, подчеркивая ее зависимость от сословий и особенно от купеческого: "... мы ожидали, что ты на своем государстве государыня и сама управляешь и заботишься о благе государства... А у тебя мимо тебя подданные управляют, и не просто подданные, но купцы..." О себе он с гордостью говорил: "Я родился и вырос по Божьей воле для владения государством".

Грозный — одна из самых сложных и противоречивых фигур в отечественной юриспруденции. Человек гениальной политической интуиции и чудовищной

жестокости, трезвого расчета и необузданных страстей, великий радетьель земли Русской и ее дерзкий поработитель, — он отразил противоречия самой эпохи, мятущейся и яростной, эпохи падения средневековья и зарождения нового времени. Умом он жил в будущем, сердцем же прикипел к прошлому. Он расстался с набожностью, осмеивал попов и монахов, не возвеличивал божественное, утвердив в качестве Бога себя, самодержца. История вынесла ему справедливую оценку устами Феофана Прокоповича: Грозный “прежнюю силу российскую, раздором умерщвленную, союзом воскресил и оживил”.

Естественно, что слова и дела царя вызывали широкое недовольство. Характерным примером является выступление митрополита Филиппа Кольчева против опричнины. Оно закончилось острым конфликтом церковного деятеля с царем и гибелью митрополита.

В открытую полемику с царем с тираноборческих позиций вступил Андрей Курбский (1528—1583). Он происходил из рода смоленско-ярославских князей. До опричнины был близок к Ивану Грозному, занимал высшие административные и военные посты, входил в “Избранную раду”, участвовал в Казанских походах 1545—1552 годов. После падения правительства А.Ф. Адашева Курбский сохранил свое положение при царе, который назначил его главой русских войск в Прибалтике во время Ливонской войны. Однако 30 апреля 1564 года Курбский бежал за границу к литовцам.

В том же году он направил Ивану IV послание, в котором обвинил его в жестокости и неоправданных казнях, положившее начало известной переписке между Курбским и царем. В 1673 году Курбский написал “Историю о великом князе Московском” — политический манифест тех представителей боярства, которые выступали за сохранение их авторитета в рамках сословно-представительной монархии, против абсолютистских тенденций Ивана Грозного.

Отмечая божественное происхождение светской власти, Курбский видит ее назначение в справедливом и мирном управлении державою на благо всех подданных и праведном (правосудном) разрешении всех дел.

Далее он развивает идеи Иосифа Волоцкого и Максима Грека о царях-мучителях и тиранах. По его мнению, “грубый, необученный и эгоистичный” человек недостойн быть царем, хотя и получил власть от Бога и по наследству. Таким недостойным человеком Курбский считал именно Ивана IV. Его правление он назвал “безбожным и беззаконным”, ведущим страну к гибели. Только свержение царя может предотвратить роковой конец.

На первом этапе правления Грозного, когда царская власть была ограничена “мудрым советом” (“Избранной радой”), отмечает Курбский, государство процветало. После падения правительства Адашева и опричной реформы царская власть отклонилась от возложенной на нее высшей воли, впала в “безбожие”, “беззаконие”, а сам режим опричнины стал “пожаром лютой”, Когда царь находился под влиянием добрых и “правдосоветующих” бояр, его деятельность способствовала процветанию Отечества. Когда же он стал самоуправствовать и ввел опричнину, то “пожар лютой по всей земле Русской возгорелся” и началось ее опустошение, сокрушилось благочестие и “преизобилова-лась злость”.

Курбский указывает на множество отрицательных сторон опричного периода правления Ивана IV: главное — беззаконие, при котором появились жестокие и несправедливые законы, исчезли справедливый суд и защита, отвергнуты “зако-

ны и уставы святыя". Беззаконие порождает "кровопролитие неповинных", оже-сточает одних людей против других.

От неправды и тиранического режима страдали не только бояре, но и весь русский народ. Купцы и землевладельцы — от налогов, мздоимства и казнокрадства, опричников, крестьяне разорялись и снимались с земли. Иные свободные люди продали своих детей в рабство, другие в отчаянии кончили жизнь самоубийством. Военский чин также пришел в упадок из-за репрессий против искусных полководцев и воевод. Чиновничество стало исполнять свой долг недобросовестно, посты на царской службе замещались клеветниками и доносчиками. В их среде процветало взяточничество и грабительство в отношении лиц, обращавшихся за защитой своих интересов.

Курбский выступает против заочного осуждения и принципа объективного вменения, характеризуя такую практику как "кровопролитие неповинных". Он возражает против форм внесудебной расправы, жестоких наказаний, считая, что смертная казнь должна применяться только к нераскаявшимся преступникам.

Оперируя традиционными категориями правды, справедливости и закона, опальный князь довольно четко показывает, что закон, принятый государственной властью, отнюдь не всегда надлежит воспринимать как право и оказывать ему полное послушание, ибо он по своему содержанию может не соответствовать тем критериям, которые должны характеризовать юридические установления высшей власти. Только разумные веления и справедливые действия могут быть восприняты всем народом как предписания, которые надо обязательно выполнять.

Причину "искривления" в правильном управлении государством Курбский видит в приближении к царю "злых советников", при участии которых установлена жестокая опричнина. В своем трактате он выступил как решительный защитник сословной монархии. Царь, с его точки зрения, должен править государством "не токмо по совету всехъ синглитов, но и всенародне". Неограниченное самодержавие противоречит сущности христианского вероучения: самодержец подобен "древнему отступнику" — сатане, забывшему, что "сотворение есть", и возомнившему себя богоравным по мудрости. Свой взгляд на "христианского царя" беглый боярин достаточно полно выразил в следующих словах: "Царь же, хотя и поставлен Богом на царство, умения им управлять не получил, поэтому нужно прислушиваться к советам не только своих помощников, но и подданных, так как духовная истина дается не по богатству внешнему и по силе царства, но по правости душевной..." К этим идеям опального князя восходит вся позднейшая традиция русского либерализма.

Курбский — один из первых, кто обосновывал "правление знающих" в просвещенной Московской Руси. Некоторые, негодовав, утверждают, что "не нужно... книг много читать, так как от них человека одолевают сомнения, а некоторые даже в ересь впадают". "Откуда темнота такая нам?" — с возмущением спрашивал он. Из-за негативного отношения к наукам, из-за культа "богодарованной", нерассуждающей веры, что есть следствие забвения "преданий" отцов церкви, отступления от их "заветов". "... Древние учителя наши, — пояснял он, — во всем были научены и искусны, как в учениях философских, так и в священных писаниях... А мы неискусны и ленимся учиться узнавать о неведомом, сохраняя гордость, и только начнем учиться, так сразу мним, что уже все

умеет, поэтому и неверно понимаем написанное в книгах, а у сведущих ни спросить, ни поучиться не хотим; лежим в постели, ленью и невежеством охваченные...”

Мечтая о развитии умственной жизни не только духовной, но и светской, Курбский принимал деятельное участие в культурно-просветительном кружке волынских феодалов, куда входили, в частности, князья Константин Острожский и Михаил Оболенский, старец Артемий и его ученик Марк Сарыгозин, первопечатник Иван Федоров. Чтобы иметь возможность изучать “разумы высочайших древних мужей”, он, кроме греческого, “потщахся латинскому языку приучиться”. Курбский переводил на славянский язык сочинения многих отцов и учителей церкви, в том числе Иоанна Дамаскина. Все это свидетельствует о ренессансно-гуманистической направленности творчества опального князя.

Позиция Курбского в целом противоречива. Его критика деспотизма Ивана Грозного отчасти справедлива, хотя в ней видна и недооценка необходимости сильной царской власти, которая тогда могла быть установлена лишь путем ограничения боярских притязаний и спеси. В недавнем прошлом Курбского объявили выразителем интересов реакционного боярства, противодействующего объединению русских земель под эгидой Москвы. Пафос тираноборства в его сочинениях игнорировался. Затем появилась тенденция идеализировать Курбского, представить его в качестве борца за ограничение царской власти и наделение широкими полномочиями представительных органов, едва ли не как предтечу идей народовластия. При этом забывают о политической подоплеке “привлекательных” требований Курбского, о борьбе между царем и боярами. Критика “тирана” велась Курбским с позиций прошлого, а не будущего. Он стремился объективно вернуть или сохранить уходящий строй отдельного сепаратизма, легальной основой которого были prerogatives Боярской думы, где заседали местные князья с такими же, а может, и большими родовыми правами Рюриковичей на великокняжеский престол, чем у московского государя. Это неизбежно вело к внутривластной борьбе в Кремле. Что касается апелляции Курбского к идеям соборной монархии, то они не стали ведущими в той полемике, которая разгорелась между князем и царем, да и не преследовали цель отказа русского боярства от своих кровных прав на власть в государстве. Царь же, считал Курбский, учреждая в чрезвычайном порядке опричнину, допустил произвол и за это должен быть осужден “судом истории”.

Но все же Грозный прозорливо заметил те “подводные” камни, о которые неминуемо разбился бы государственный корабль, если бы не утвердился суверенитет верховной власти и принцип компетентного правления взамен родового. А самое главное, оппонент Курбского его легистским притязаниям с непредсказуемыми последствиями в будущем противопоставлял необходимость дальнейшего сплочения земли Русской. Это не может служить оправданием его злоупотреблений властью, подозрительности, коварства. Но опыт истории свидетельствует, что и в других странах собирание земли в единое государство осуществлялось средствами, далекими от добродетели. Достаточно напомнить учения Макиавелли или Бодена. Одностороннее осуждение Курбского в послевоенной отечественной литературе едва ли верно заменять его некритическим восхвалением.

ЛЕКЦИЯ 4. Иван Пересветов

Более соответствующие духу времени проекты преобразования государства выдвигал передовой русский писатель-публицист середины XVI века Иван Семенович Пересветов. У него идея связанности царя законом и правдой сочетается с признанием необходимости покончить с произволом бояр и построить систему управления на новых началах, опираясь на служилое дворянство и другие податные сословия.

В русской юриспруденции идейное наследие Пересветова составляет одну из содержательных и ярких страниц. Об этом, в частности, свидетельствует богатство историографической традиции, посвященной изучению его творчества. А.А. Зимин, автор фундаментального исследования “И.С. Пересветов и его современники”, опубликованного в 1958 году, насчитывает 243 работы, появившиеся с 1821 по 1958 год, в которых содержатся те или иные характеристики сочинений Пересветова. Эти работы отражают как поступательный ход научного исследования его сочинений, так и разнообразие подходов и точек зрения исследователей.

Выходец из Литвы И.С. Пересветов возводил свою родословную к герою Куликовской битвы Пересвету. Он служил в отрядах польско-литовских войск, а в 1539 году перешел на службу к московскому князю.

Правительство малолетнего Ивана IV пожаловало ему поместье и разрешило организовать мастерскую по выделке особых (“македонского образца”) щитов. Но это предприятие не имело успеха. Пересветов тяжело пострадал от боярского своеволия, даже потерял землю в тяжбе с соседями-боярами. Десятилетние “хождения по мукам” убедили его в необходимости коренных государственных преобразований. Попытки же обратиться с жалобой на произвол бояр непосредственно к самому царю успехом не увенчались. Однако в сентябре 1549 года, после открытия Земского собора из представителей всех сословий, знаменовавшего собой начало реформ, Пересветову удалось встретиться с Иваном Грозным и передать ему две челобитные (малую и большую) с проектами различных государственных и социальных преобразований, а также свое публицистическое сочинение “Сказание о Магмет-султани и царе Константине”.

В творчестве Пересветова, хотя он долго жил за границей, прослеживаются глубинные связи с русской и особенно народной юриспруденцией. Конечно, политик, чутко вслушивающийся в свое время, не мог остаться равнодушным и к виденному, слышанному, пережитому в годы своих заграничных странствий. Его ссылки на волошского воеводу, на латинских и греческих “дохтуров” — не только политический прием, но и сознательное обращение к чужому, но общепольному опыту. Как и Максим Грек, печаловавшийся о судьбе приезжих иностранцев, Пересветов с прямой обидой пишет: “Нас, государь, приезжих людей, не любят”. У Пересветова свое отношение к идеям “латынской” и “турской”, западной и восточной мудрости — во всех случаях он обращается к “философской мудрости”, к “правде”, достоянием каких бы языков она ни являлась. Это был смелый выход за ревниво оберегаемые господствующей церковью, особенно иосифлянской, идейно-юридические границы. Но это новаторство опиралось на русскую традицию, идущую от Илариона.

В центре внимания Пересветова — соотношение между “правдой” и “верой” и критика последней. Область “веры”, отражавшая в идеологии теперь всю со-

вокупность правовых ценностей феодалов, все больше переставала быть “ничейной полосой”. “Вера” становилась аренной апологетики, толковалась, внушалась и защищалась церковью — священным атрибутом феодального государства. “Правда” же, противопоставляемая ей Пересветовым, принимает форму религиозного свободомыслия, не всегда доходившего до открытого еретизма, но неминуемо к нему тяготеющего.

Какова была “вера”, обличаемая Пересветовым в его сочинениях? Формально-обрядовая, лицемерная! Он считал, что принимающие монашеский обет люди совмещают его с гордостью и братоненавистничеством; придя в церковь, они отбивают поклоны, исчерпывая этим свою веру. Это вера, равнодушная к страданиям человека: “образа”, “святые” и “чудотворные” забрызганы слезами и кровью “мира сего, рода христианского”. Обличения Пересветова имеют в виду всю церковь и всю ее иерархию, но в центре мишени — монашество, причем Пересветов заявляет себя сторонником общежительного монашества как осуществляющего на деле образ жизни, заповеданный Христом: “А если приняли обет общей жизни для Меня, то брат брата возлюби как самого себя”. Так сказал “глас с небес от Бога”. И тот же “глас” вторично обращается к “общежительной теме”. “А поучение Мое святое напишите да разошлите настоятелям общежитий братий... да чтоб братолюбие было всегда промежду вас...”

Общее житие и “братолюбство” привлекали Пересветова в качестве идеальной правовой нормы, которой, однако, он не придавал всеобщего и обязательного значения, разве лишь значение примера, подаваемого монашеством прочему “христианскому” роду. Он не разделял отношения своих современников-еретиков к институту церкви и монашества, не отвергал сами по себе иконы, святых, мощи и т.п., в чем еретики усматривали идолопоклонство. Но и для него иконы, забрызганные слезами и кровью, — не иконы; храмы, в которых кланяются, “как трава на ветру”, — не храмы; святые православия, чуждого страданиям народа, — не святые.

“Глас с небес” со всей прямоотой разъяснил Пересветову, что такая церковь и такая вера Богу не нужны, им осуждены. Надолго? Сроки не определены: “... доколе будет Мое святое милосердие опять во Иерусалиме и во Цареграде”. Итак, не в принципе, а лишь сейчас иконы — кумиры, а храмы — капища, в отличие от того, что проповедовал современник Пересветова Феодосий Косой, а до него новгородские, псковские, московские, тверские еретики. Бог глух к такой церкви, но чуток к страдающему человеку: “Да та же неповинная кровь и слезы столпом ко Господу Богу на небо с великою жалобой шли”. “Столпу” слез и крови Бог равно отворяет небо, как и огненному столпу своей святости, исшедшему от земли. Оставшиеся церковь и вера бездушны и тем самым мертвы.

Грань, отделяющая Пересветова от еретиков, заключается в том, что для них святинею является внутренний мир самого человека как “храма Божьего”. Позиция Пересветова в этом кардинальном вопросе не закрывала выходы и в область еретических понятий о вере. Всецело на сторону индивидуалистической концепции — реформационной концепции веры — он тем не менее не перешел. Другой мир идейных ценностей оставался для него значимым — он сполна выразился в его представлении об отшествии Святого Духа от православной церкви и веры во время осады турками Царьграда. Ушла правда, с ней и Святой Дух. Это представление близко народному варианту христианства, каковой и

был христианством земной правды: земля Божья, труд благословен участием в нем Христа и апостолов, порабощение — дело дьявола. Вряд ли эти бесхитростные представления устраивали Пересветова. Знал он много больше, чем простые люди, толковавшие Евангелие на свой крестьянский лад, больше понимал, дальше видел, но имел в виду не народные интересы.

Другой ведущей категорией юриспруденции Пересветова стала свобода воли человека как соответствующее ему и достойное его состояние. Он, однако, тверже в отрицательном определении свободы воли, чем в положительном, то есть тверже в осуждении несвободы, порабощенности. Речь идет не о взглядах Пересветова на положение тех или иных социальных групп и всех их вместе в “земле” и “царстве”, а о его позиции в идейном споре времени вокруг проблемы свободного внутренне и внешне человека. Для ее решения Пересветов употребляет категорию “сердце”. Трудно перечислить, сколько раз упоминает он “сердце” по ходу своих рассуждений.

Патриарх Анастасий, моля Бога, плачет “сердечными слезами”. Царьградские святители в лучшую пору существования Царьграда “сердечными слезами своими Бога на помощь призывали” и даже “сердцем Бога видели”. “Небесный голос” обращается к патриарху: “Да если бы не разлил ныне сердечных слез...” Магмет-султан “до скончания веку своего Бога в сердцах держал...” Своим пашам Магмет-Султан внушает: “Правда и чистота, братия, се бе сердечная радость Богу”. Литовские “мудрые философы” предсказывают, что в русском царстве “христиане познают, что правда Богу любя и сердечная радость”. С надеждой обращается Пересветов к царю: “...правду во царстве своем введешь, и Богу сердечную радость воздашь”.

Понятия о правде и сердце у Пересветова связаны. Сердце и есть правда, стучащая в груди человека. Сердце у него — это не просто “тело” сердца, аместилище жизненных сил, в правде же их средоточие: она сердце сердца. И что наиболее существенно: сердце — движущая сила поведения и деятельности человека. Мы имеем в виду понятие Пересветова о “возвращении сердца”, неоднократно им повторяемое. Магмет-султан “возрастил сердце войску своему”. Он поощряет своих воинов на “возвращение сердца, чтобы и каждый впредь себе чести добывал и имя славное”. Петр, воевода волошский, рекомендует “сердца возвращать воинникам” и т.д.

Исходя из этих юридических категорий, Пересветов предлагает принципы государственного реформирования: власть монополизирована царем, руководствующимся в своей деятельности правдой; сохраняется и упрочивается институт “воинников” — стражей правды, уподобляющихся небесному воинству, окружающему Царя небесного. Все виды неволи упраздняются. Создаются центральные органы управления: военный, судебный, финансовый. Первый представлен воинниками, соответственно организованными, вооруженными и по заслугам оплачиваемыми и поощряемыми; второй — специальными лицами, отличающимися мудростью, справедливостью, личным доверием царя, им и избранными; третий — уполномоченными царя, собирающими налоги в центре и на местах, из чего составляется казна государства. Расходная часть бюджета идет на удовлетворение исключительно общегосударственных нужд. Царь — верховный казначей казны, принадлежащей “земле” и “царству”. Вооруженная опора царя правды — “воинники” от несения судебных и налоговых функций устранины. Видимо, так лучше для правды.

Все население трудовое, и труд его “праведный”, т.е. производимый собственными руками, чему служит примером сам царь. На страже правды стоят, впрочем, не одни воины. При царе существуют государственные контролеры, ревизующие действия судей и сборщиков налогов. Сословное разделение остается: с одной стороны, воины (и вельможи, чьи привилегии и функции явно урезаны), с другой — трудовое население, несущее преимущественно общегосударственные тяготы, однако посильные, поскольку “неправедные” прибыли исключены. Собственность условная. Земля принадлежит царю, который распоряжается ею, следуя правде. Под общегосударственный контроль поставлена и деятельность купечества: размеры цен установлены царем, и любые злоупотребления в области торговли пресекаются.

Деятельность церкви не простирается на область государственных дел. Внешнеобрядовый элемент культа умерен, а исповедуемая вера должна удовлетворять условию, что выше правды в Божественном Писании ничего нет. Такая вера распространена на сердце верующего, на внутренний мир его. Именно в этом направлении духовенство обслуживает религиозные потребности верующих, чем и оправдывает свое назначение. Наиболее последовательные верующие те, кто посвящают себя целиком служению вере — правде, объединяются в общительные монастыри и подают всему населению царства пример братолюбия.

Такова идеальная проекция реальных реформ, предложенных Пересветовым. В ней, считал он, снималась бы диспропорция между катастрофой, постигшей “неправедное” греческое царство, и “правдой” конкретных предложений автора. Масштаб, назначенный Пересветовым своим предложениям, — быть (ни больше ни меньше!) “образцом жития света сего”. “Образец жития света сего” — это и есть, в предельном идеале, правда “земли” и “царства”, которой Пересветов отдал и силу ума, и жар сердца.

Сочинения Пересветова свидетельствуют об активизации дворянства, его стремлении занять место, постепенно утрачиваемое боярами и удельными князьями. Оставаясь верным принципу ограничения самодержавия, он вместе с тем делал акцент на необходимости “грозы”, усиления трона верными слугами. Следовательно, “гроза” — это способ восстановления правды (закона), попорченной боярами и вельможами. Бояре, утверждал Пересветов, повинны во всех обидах и порабощениях, чинимых в государстве. В подтверждение своей правоты он ссылаясь на правление последнего византийского императора Константина, который “вельможам своим волю дал и сердце им веселил, они же о том радовались и нечисто свое богатство собирали, а земля и царство плакали и в бедах купались”. Если царь кроток и смирен, то царство его скудеет, и наоборот: если он грозен и мудр, то царство его расширяется и слава о нем растет по всем землям. С явными намеками на Московскую Русь Пересветов писал: “Которая земля порабощена, в той земле все зло сотворяется: татьба, разбой, обида, всему царству оскудение великое”. В таком царстве, добавлял книжник, “люди не храбры и к бою против недруга не смелы: порабощенный бо человек сраму не боится, а чести себе не добывает”.

Обращаясь к царю с советами по поводу управления страной, Пересветов постоянно использует исторический опыт Византии. Для него очевидно, что именно Русь становится наследницей Второго Рима. Об этом говорят предсказания “латынских философов и дохтуры”. Именно к Руси и ее славному царю — “мудрому воитнику” Ивану IV обратилась Божья любовь.

Но Пересветов хочет предостеречь русского царя от ошибок византийских правителей. Причину падения Византии — оплота православия он видит в том, что в стране царили злодеяния и беззакония со стороны вельмож: “Злодеяния и беззакония их может прекратить мощная верховная власть, способная побороть гордыню их сердец и волю к власти”. Он как бы проводит параллель между последним византийским императором Константином и Иваном Грозным: оба остались после смерти отца малолетними детьми, оба страдали в детстве от произвола и самоуправства бояр и вельмож. Но Константин и в зрелом возрасте не смог избавиться от “злостроительных вельмож”, которые отвращали его от воинских дел, от управления страной по правде и справедливости: “От произвола и заговоров клик, от слез и от крови подданных богатели вельможи его. Они уничтожили праведный суд, судили по мзде... Они окружили царя Константина склоками и покорили его великим лукавством своим и казнями дьявольскими прельстили, мудрость его и счастье укротили, и лик его царский принизили своими лстивыми склоками”. Это привело к тому, что Бог разгневался на Византию и отдал ее в руки турок, которые хоть были неверным народом, но управляли государством по справедливым законам.

Турецкий султан Магмет — идеальный государь. Всю полноту власти он сосредоточил в своих руках, но править стал “со своею верной думой”. Руководством для него стали служить законы, которые он списал с христианских книг — “мудрость и праведных суд”.

Пересветов подробно разбирает вопрос о государственном устройстве, созданном султаном: все подати собирались неким выборным мудрым человеком и передавались в казну, потом из нее выплачивалось жалованье судьям, вельможам, воинству, “кто чего достоин”. Для управления городами рассылались верные паши и судьи, их деятельность регулярно проверялась султаном, с провинившихся сдирали кожу. Такое грозное правление помогло султану навести в стране порядок. По мнению Пересветова, “не мочно царю без грозы быти...”

Важным новшеством, введенным Магметом, по мнению Пересветова, было то, что при нем все служили вольно. Он дал всем равные возможности достичь славы и почестей, поскольку награждал не по родовитости, а за верную службу и храбрость. Султан сам имел множество обязанностей. Например, для своих личных нужд он сам зарабатывал деньги и не тратил казну, был хорошим воином и защищал свое Отечество в боях с недругами, берег своих воинов и любил, “аки отец детей своих”, не проводил время с “прелестниками” и лукавыми вельможами, а думал об “управе в царстве своем”.

Идеальным правителем, считал автор, является тот царь, который сосредоточивает в своих руках всю полноту власти, но при этом пользуется мудрыми советами верных людей — “верной думой”. Царь должен назначать судей, воевод, окружать себя храбрыми “воинниками”, по службе награждать их и возвышать. В управлении страной он обязан руководствоваться “Божьими законами”, “Божьей правдой”. Султан Магмет исполнял множество обязанностей: был воином, содержал войско для защиты страны, организовывал справедливый суд, собирал подати и т.д. Поэтому хотя он и был полновластным правителем страны, но только в рамках законов. Как и другие публицисты, Пересветов не допускал возможность самоуправства и самовольства со стороны царя.

Для обоснования своих идей Пересветов обращается к “естественным правам” человека и прежде всего к своеобразно толкуемым им “вольностям”. “... Бог не велел друг друга поработать. Бог сотворил человека самовластным и повелел ему быть самому себе владыкой, а не рабом. Мы же берем человека в работу и запи-сываем его навеки”. Эта несправедливость является источником пороков.

Пересветов обосновывает свою идею свободы, в частности, такой легендой. Дьявол искусил Адама и после изгнания из рая, взяв с него “запись”, забрал его в неволю; Бог сжалился над Адамом и изорвал “запись”, дав тем самым по-нять, что всякий закабаляющий человека служит дьяволу. Из ряда соображений следует важнейший практический вывод: необходимо освободить кабальных хо-лопов. Но, выступая против кабальной зависимости, в которую нередко попадал и мелкий служилый люд, дворянский идеолог отнюдь не борется против закрепощения крестьян.

Наряду с такой “свободой” Пересветов пропагандирует известного рода “ра-венство”: “Братие, все есмь дети Адамовы”. Он так расценивал людей: “Кто верно служит и против недруга мочно стоит, тот и лутчей будет”, то есть дело не в аристократическом происхождении, а в способностях и практической деяте-льности человека.

Таким образом, в середине XVI века мы наталкиваемся на мотивы “естест-венных прав” человека, “самовластия” и “равенства”, близкие к мотивам гума-нистов Западной Европы того же и даже более позднего времени. В том же на-правлении идут мысли Пересветова о религиозной терпимости. По его мнению, правда важнее веры: “Коли правды нет, то и всего нет”. “Не веру Бог любит, но правду”.

ЛЕКЦИЯ 5. Русские еретики

Русские ереси являлись одной из форм оппозиции феодализму. Их юриди-ческим содержанием был протест народных масс против эксплуатации. Этот протест принимал религиозную оболочку и направлялся против православной церкви в силу специфики той эпохи.

Церковь занимала привилегированное положение, являясь крупнейшим фео-далом. В ее собственности находилась значительная часть всех обрабатываемых земель. Церковная иерархия как бы повторяла сословную структуру общества. В то же время церковь была носителем господствующей во всех областях умст-венной жизни религиозно-юридической мысли, которая освящала своим автори-тетом существовавшие отношения. Церковь являлась наивысшим обобщением и санкцией существующего феодального строя. Неудивительно, что при этих усло-виях выступления против феодализма часто принимали форму богословских ере-сей, ибо для того, чтобы возможно было нападать на общественные отношения, с них нужно было совлечь покров святости.

Ереси были известны на Руси с первых веков утверждения в ней христиан-ства. Уже “Устав князя Владимира” (XII в.) и “Святитель” (XIII в.) упомина-ют наряду с другими категориями преступников и еретиков. Однако выступле-ния первых еретиков не получили, похоже, широкого резонанса в государстве: вплоть до XIV века источники не содержат прямых известий о сколько-нибудь значительных еретических движениях на Руси.

По-видимому, они стали реальностью лишь в XIV—XV веках в формах ереси стригольников и новгородско-московской ереси XV — начала XVI века. Их появление было обусловлено социально-экономическими сдвигами, происходившими на Руси, — развитием ремесла и торговли, ростом городов, распространением товарно-денежных отношений и обострением классовой борьбы. При этом государственно-правовые перемены связывались с идеей преобразования церкви и ее институтов. Это были зачатки Реформации, развивавшейся в то же время в Западной Европе. Однако в России она не приобрела такого размаха и не увенчалась успехом.

Первоначально еретические движения на Руси ориентировались на союз с властью в борьбе с церковью, поддерживали объединительный процесс, шедший параллельно с укреплением великокняжеской власти, и только в XVI веке Феофан Косой поймет, что и “попы”, и “власти” едины в своих угнетательских устремлениях в отношении русского народа.

Стригольничество сначала возникло в Новгороде, затем распространилось на Псков. Критиковалось нехристианское поведение служителей церкви: их пьянство, жадность, обжорство, а самое главное — институт симонии, когда духовные должности и совершение обрядов продавались. В дальнейшем стригольники стали отрицать церковную структуру, требуя полного уничтожения вселенского собора, “патриархов и митрополитов и весь чин, который ставился по мзде”. Служить Богу может каждый человек, считали они, а пастырем (учителем) может стать любой, обладающий христианским знанием и желанием учить других.

Острой критике подвергалось стяжательство среди духовенства, выдвигались требования ликвидации монастырей и монашества как ведущих паразитический образ жизни, несовместимый с евангельскими заповедями. В этом случае еретики, как и нестяжатели, объективно подрывали социально-экономический статус церкви, а следовательно, и ее политическое влияние.

Теоретическая основа их требований — идеи раннехристианского коммунизма. Стригольники достигли большой обличительной силы в критике существующих порядков (церковных и светских), но позитивные разработки идеальной модели государственного устройства воссоздавались ими лишь в общих чертах. В целом их учение, выражавшее оппозицию не только церковной организации, но и феодальному государству, представляло собой новую и в какой-то мере рубежную ступень в развитии русской юриспруденции, ибо в основных своих положениях оно развенчивало господствующую официальную доктрину.

Церковь усмотрела большую опасность в стригольнической ереси, получившей значительное распространение и втянувшей в свою орбиту большое число людей, принадлежащих к различным общественным кругам. В обсуждении поставленных стригольниками проблем участвовали и иноки, и миряне.

Еретики же “во многие грады и веси разошлись и во всех градах и весех умножались”. На них было организовано гонение. В 1375 году новгородские еретики, главным образом их предводители — ересиархи, были казнены.

Однако ересь не погибла. Мотивы новгородской ереси стригольников возобновились в так называемой ереси жидовствующих, получившей на Руси большое распространение. Ересь жидовствующих возникла в то время, когда Новгород уже перестал быть самоуправляющейся феодальной республикой, а стал частью

единого государства, чем и объясняется ее общерусский характер, почти лишенный сепаратистских элементов. Новая волна еретических движений возникает в разгар споров о монастырском землевладении. Еретики активно включаются в разрешение этой проблемы, заняв наиболее радикальную и последовательную позицию. Неразрешенность острых социальных конфликтов и является причиной остроты идейной преемственности, которая наблюдается между ересями стригольников и жидовствующих, обосновывающих свои положения ссылаками на Ветхий Завет.

Именно московские еретики поставили вопрос о реформации церкви, полном уничтожении ее владельческих прав и ликвидации монашества как института, хотя в разрешении социальных проблем это направление было менее радикальным.

Благосклонное отношение к нему со стороны великого князя Московского Ивана III являлось наилучшим свидетельством тому, что в какой-то мере политико-юридическая программа ереси более соответствовала задачам великого князя, нежели официальная линия правящей церкви.

Юридическим идеалом наиболее радикально настроенных жидовствующих, как и стригольников, была все та же раннехристианская община.

Еретическое движение было подавлено. Новгородские еретики предстали перед церковным Собором 1490 года, который приговорил их только к позорящим наказаниям (извержение из сана, отлучение от церкви, анафема). Впоследствии церковь сумела добиться помощи государственных органов в преследовании и изобличении еретиков, поскольку она настаивала на квалификации еретичества как уголовного преступления, направленного против государства. Лица, заподозренные в причастности к нему, должны были преследоваться "по градскому закону" и судиться "по царскому суду". Уже на церковном Соборе 1504 года "градский закон" и "царский суд" явили себя во всей строгости. На сей раз были применены смертная казнь, членовредительские наказания, тюремное заключение и ссылка. Но, несмотря на полный разгром еретического движения, основные вопросы, вызвавшие к жизни эти учения, продолжали волновать русское общество.

Новая волна еретического движения прокатилась во второй половине XVI века, когда повсеместно ухудшилось положение трудящихся масс из-за неудач во внутренней политике Ивана Грозного. Возникшее в этот период учение Феодосия Косого являлось как бы обобщением предшествующей еретической мысли, завершающим этапом всего русского реформационного движения.

Феодосий, будучи холопом, бежал от своего господина из Москвы на Белоозеро, где постригся в монахи. Обосновавшись затем на Новоозере, в 1551 году начал пропагандировать созданное им так называемое "новое учение". В 1553 году привлечен к уголовной ответственности по делу Матвея Башкина и заключен в один из московских монастырей, но бежал в Литву. О его идеях стало известно из трудов его "обличителя" Зиновия Отенского.

Зиновий называет его рабом и холопом, отмечая, что его учение обращено к низам общества. Косой пытался "новым учением" именно "нищете своей изобрети поможение". Это была крестьянско-плебейская ересь, рассчитанная на холопов, крестьян, низшее духовенство, посадских людей, обещавшая им волю, равенство, правду, отмену всех форм угнетения человека. Церковь обо-

сновывала незыблемость такого миропорядка, при котором одни богатеют, а другие беднеют. Косой доказывал порочность и несправедливость подобного порядка вещей и вскрывал его полную несовместимость с христианским учением, Божественным разумом и доводами разума человеческого. Современный ему правопорядок он рассматривал не как данный Богом, а как существующий вопреки его воле.

Создание такого учения под силу человеку не только мужественному, но мыслящему и образованному. Приверженцы “нового учения” опровергали утверждение Зиновия о невежестве Косого. Они доказывали, что Косой — книжник, образованный человек, который умеет толковать темные и неясные места Священного Писания и творений древних мыслителей, разъясняя их скрытый и подчас неясный для неискушенного человека смысл. Свое учение Косой, по-видимому, излагал доступно и не в результате примитивизации материи, а в силу глубокого проникновения в исследуемые вопросы, умения приблизить их к современности вообще и собеседнику лично, помочь ему осознать свое место и роль в нынешней, а не загробной жизни. В этом смысле он открывал ему и содержание толкуемых текстов: люди понимали его и принимали справедливость его суждений, оценивая само учение как новое слово по сравнению со всем ранее известным.

Основой юриспруденции Косого является его трактовка догматов христианства. Как известно, главный догмат этой религии — учение о Троице, где объясняются правоотношения Бога Отца, Сына и Святого Духа. Церковь требовала усвоения этого догмата посредством веры, а любое размышление над ним преследовалось. Предписывалось “всякому человеку, — как писал И. Волоцкий в “Просветителе”, — веровати во Отца и Сына и Святаго Духа — едино Божество...”

Троичный догмат вызывал серьезную критику в еретических учениях. Самой уязвимой его частью был вопрос о происхождении людей и их связи с Богом. Та или иная трактовка этого вопроса давала возможность строить теории о сотворенности человека или его самобытности, наличии у него изначально свободной воли или, напротив, только послушания, реализующегося в подчинении чужой воле (Бога — царя — господина — отца — мужа). Подводя к рассмотрению догмата с рационалистических позиций, еретики прежде всего искали возможности теоретического обоснования правомерности самостоятельной реализации человеком своей воли.

Косой вообще не воспринимал традиционное положение о троичности Божества. Одну из главных величин троицы — Иисуса Христа — он лишал божественной сущности (полностью разрушая этим сам догмат) и рассматривал его только как человека, рожденного по естественным законам, как и все люди, и создавшего свое “новое учение” — Новый Завет, имеющий свою юриспруденцию. Иисус Христос воспринимался Феодосием как мудрейший философ — наставник людей (“един есть наш наставник”), обучающий их правильной, истинной организации жизни.

Продолжая эту линию, Косой считал и человека не “тварным” созданием, а таким же естественным продуктом природы, как и все другие ее произведения. Человек, по его учению, самобытен: он рождается, живет и умирает по законам природы, регулирующим его жизнь, болезни и смерть. Здесь Феодосий практически сформулировал понятие естественного закона, который в

своей реализации воплощает божественные истины в жизни природы и человека. Этому закону Косой отдает предпочтение перед всеми видами государственных законов.

В истории русской юридической мысли постановка вопроса о естественном законе и о его приоритете по сравнению с законами государства встречается впервые, и она, конечно, пробивает брешь в господствующем теологическом мировоззрении, расчищая дорогу для формирования естественно-правовой доктрины, которая впоследствии вообще сбросит религиозную оболочку. У Косого основные элементы этой доктрины уже наметились. Как правило, за постановкой вопроса о естественном законе неизбежно следовало и требование соблюдения естественных прав человека, формулируемое обычно в учении о прирожденных правах. Налицествует оно и у Косого. Есть у него и другой необходимый элемент естественно-правовой теории — “разум” как источник права и средство для их приобретения.

У Косого выкристаллизовывается правовая система, состоящая из закона божественного, продиктованного божественной волей и получившего свое буквальное воплощение в Библии (он имеет в виду Ветхий Завет, особенно Пятикнижие); закона естественного как регулятора жизни всего органического мира; закона положительного (“гражданского”) как совокупности норм, созданных государством и регулирующих отношения людей в современном обществе. Божественные и естественные законы — первичны, законы гражданские — вторичны, их юридическая сила зависит от соответствия их божественным и естественным законам. С этих позиций Феодосий критикует тогдашние “гражданские” законы, которые имеют своим источником не божественную волю, а “человеческие предания” и целью которых является сохранение несправедливого порядка вещей, обеспечивающего одним бедность и несвободу, другим — богатство и свободу.

Специфика юриспруденции Косого и в том, что он широко использует категорию “духовный разум”, которая выделяет человека из мира животных и делает его “сыном Божиим”. При помощи этой категории человек оценивает окружающий мир и свои собственные поступки в нем, познает правду. Когда же она раскроется для людей, то они будут знать, какими путями добывать себе свободу — самое естественное и необходимое из всех прав человека. Люди, познавшие правду, называются “духовными братьями” и “чадами”. “Духовный разум” выступает в качестве единственного руководителя свободной воли человека.

В средневековой Руси спор о свободе воли стал краеугольным в юриспруденции. Еще нестяжатели делали из проблемы свободы воли далеко идущие выводы, отстаивая право на самоволие и воспринимая наличие свободы воли как возможность выбора линии поведения, как личную ответственность за свои поступки, контролируемые только собственным разумом (“рассуждением”), знанием и опытом. Концепция свободы воли предполагала автономную оценку каждым отдельным человеком всех поступков, а “самодейственность” давала возможность определения своего поведения.

Духовный разум и свободную волю Косой объявлял главными качествами человека, которые по своей природе несовместимы с несвободой, являющейся величайшей несправедливостью, не оправданной ни человеческим естеством, ни божественными законами. Противопоставление божественного авторитета “чело-

веческому преданию” являлось у него средневековой формой непризнания и отвержения всех отношений, основанных на политическом насилии. Опираясь на эти исходные посылы своего учения, Косой дает критику существующих государства, церкви, права.

Вслед за отрицанием божественной природы Христа Косой, следуя логике, отрицает почитание Богородицы (один из основных догматов в христианстве), и все “страсти Господни” — им просто нет места в системе Косого, поскольку он отвергал сам тезис о возможности искупительной жертвы Христа, принесенной ради спасения человечества. Человек должен заботиться о себе сам, располагая мужеством и духовным разумом; кроме таких же, как он, людей, никто ему в этом помочь не сможет — таков естественный закон жизни. Поклонения достойны только один Бог (Саваоф). Государству, церкви и их авторитетам не следует поклоняться. Все авторитеты, кроме божественного, могут быть подвергнуты сомнению. Косой отрицал поклонение иконам, кресту, святым мученикам, отцам церкви, не верил в чудеса и в таинства перевоплощения и воскресения. Особенно возражал он против почитания покойников.

Само общение с Богом — дело глубоко духовное и интимное, не требующее никаких внешних аксессуаров, считал он. Все формы, в которых в современном обществе существуют взаимоотношения человека с Богом, ложны. Исходя из этих посылок, Косой отвергает церковную организацию как таковую, объявляя ложными все виды ее деятельности. Церковь не нужна, поскольку каждый человек способен сам общаться с Богом. Духовенство, по мнению Косого, глубоко безнравственно. Священнослужители все (попы и епископы) “прилежат” лишь внешнеобрядовой стороне учения Христа — “пению и канонам”, но самую главную и нужную людям заповедь — “великую заповедь любви” — не соблюдают. “Живут попы и епископы не по Евангелию, учат лжи, берут взятки, едят и пьют много и по Евангелию не учат...” Не видно в них “ни мира, ни кротости... но раздвоение и распри и ревность обретаются”, и царствует среди них “плотское мудрование — и се самое в игуменах, епископах с митрополитом”. Из этих посылок вытекал вывод об упразднении всей церковной организации, во-первых, как не предусмотренной Священным Писанием, а во-вторых, как корыстолюбивой, ложной и бесполезной. Монашество тоже не основано на Писании: откуда явилось монашество?

Религиозно-правовой идеал Косого предполагает простые формы общения лиц, обладающих “духовным разумом”, встречающихся в обычных “жилищных домах”, где нет “болванных” предметов, не творятся молебны, нет поклонов. Бог сам в сердцах верующих читает их чаянья. Так понимает Косой продолжение евангельских традиций. Идеализация нравов апостольской церкви — характерная черта русской реформационной мысли, она получила у Косого наиболее четкое завершение.

Итак, Косой полностью отвергает церковь как организацию духовной власти. Каково же его отношение к государственной (“земской”) власти? Косой видел классовую сущность духовной и светской властей, заявляя, что “в церквях попы учат... земских властей бояться и платить им дань”. Церковь и государство выступают вместе против свободы, осуществляя насилие над людьми, подвергают их жестоким формам эксплуатации. Поэтому он выступал за их бойкот с анархистских позиций юридического понимания справедливости.

Раннехристианские правовые идеи Косого полностью определили и его представления о наилучшем устройстве человеческого общества. Подобно всем идеологам плебейского направления ересей, Косой требовал восстановления апостольского равенства в отношениях между членами религиозной общины, а также признания этого равенства в качестве нормы и для гражданских отношений. Из "равенства сынов Божиих" Косой выводил гражданское равенство и прежде всего необходимость свободы для всех людей, а что касается равенства имуществ, то здесь он опередил как своих современников, так и западных реформаторов, которые, по словам Ф. Энгельса, требовали "отчасти даже равенства имуществ". Косой же настаивал на социалистическом идеале, т.е. полной общности имуществ. Этот вывод логически вытекал из развития Феодосием основных положений нестяжательства как юридической доктрины. Если в свое время нестяжательство впитало определенные еретические идеи (как уже говорилось, движение стригольников, требовавших секуляризации церковных владений, возникло в XIV веке), то впоследствии "нестяжательские" теоретические положения стали базой для развития антифеодалных направлений мысли. Феодосий Косой — прямой продолжатель и последователь идей Нила Сорского, сумевшего с их помощью выразить интересы низших слоев русского общества.

В политическом плане, по-видимому, он моделирует идеал самоуправляющейся общины в противовес монархическому принципу организации власти. Этот вывод наиболее последовательно вытекает из всех положений мыслителя, в которых рассматривается правовой статус человека в обществе.

РАЗДЕЛ III

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ РОССИИ XVII ВЕКА

ЛЕКЦИЯ 1. **Общая характеристика. Царь Алексей Михайлович и его окружение**

XVII век — начало постепенной, противоречивой и подчас незаметной трансформации средневековой Руси в Россию Нового времени. В экономической сфере шел процесс укрепления феодально-крепостнических отношений, завершившийся оформлением общегосударственной системы крепостного права в Соборном Уложении 1649 года. Но, с другой стороны, зарождаются раннебуржуазные элементы, ведущие к складыванию всероссийского рынка, на базе которого окончательно преодолеваются “живые следы прежней автономии” (Ленин). Происходит фактическое слияние всех областей, земель и княжеств в единое целое.

Активно протекали процессы взаимодействия россиян с украинцами и белорусами, с народностями Поволжья и Сибири. Бурно разворачивалось освоение новых земель, где складывалось многочисленное черносошное крестьянство и казачество.

На усиление эксплуатации и крепостничества угнетенные классы ответили рядом мощных антифеодальных выступлений, переходящих в городские восстания и крестьянские войны. Царствование Алексея Михайловича (1645—1676) называют “бунташным временем”.

Господствующий класс отреагировал на народные движения консолидацией вокруг царского престола. Боярство прекращает междоусобную борьбу, не противопоставляет себя самодержавию, заключает союз с дворянством. Активно поддерживает царя и купечество в лице Никитниковых, Строгановых, Шориных, Светенниковых, которые выступали торговыми агентами казны и советниками царя по финансовым делам. Тем самым создаются условия для формирования абсолютизма в России.

Государство рассматриваемого периода — сословно-представительная монархия, приобретающая постепенно черты абсолютизма. Для первой половины XVII века, в условиях ослабления централизованного государства, характерна ведущая роль Земских соборов в решении общерусских вопросов. Во второй половине XVII века верх берет абсолютистская тенденция, что зримо выразилось в двух взаимосвязанных процессах — падении или уменьшении роли структур, ограничивающих царскую власть, и расширении роли царя в решении вопросов, относившихся к прерогативам верховной власти. В это время прекращается созыв Земских соборов, изменяется состав Боярской думы и

уменьшается ее роль в законотворчестве, реформируется приказная система, ослабляется политическое значение церкви и наблюдается вмешательство светской власти в дела духовные.

Единственной серьезной оппозицией абсолютизму оставалась возглавляемая патриархом Никоном церковь, которая, однако, ослабла после церковных реформ и раскола и вынуждена была подчиниться светской власти.

Из проблем внешней политики, оставивших след в правопонимании того периода, важно отметить обеспечение безопасности от нашествий врагов и восстановление государственного единства русских земель, преодоление последствий династического кризиса ("самозванства") Смутного времени, воссоединение Украины с Россией, укрепление международного авторитета и связей России с другими странами.

В духовной сфере важную роль играют становление единой национальной культуры и неразрывно связанный с этим кризис средневековой религиозно-феодалной идеологии, утверждение мирских, светских начал. Внедрение книгопечатания демократизировало круг лиц, к которым обращались авторы юридических трактатов. Последние вынуждены были учитывать вкусы и мирские интересы своих читателей.

Борьба культуры Московской Руси и ученой культуры барокко, проникающей в Россию из европейских стран, была той почвой, на которой складывалась российская цивилизация XVIII века. Юридическая мысль стала отражением вышеназванных исторических процессов. В ее недрах формируются абсолютистское и крестьянское (казаческое) политико-правовые направления, выражающие интересы основных классов тогдашней России. В ходе церковной реформы оформились никонианские и старообрядческие концепции.

Абсолютистское направление, представителями которого были царь Алексей Михайлович и его придворное окружение в лице Юрия Крижанича, А.Л. Ордин-Нащокина, Симеона Полоцкого, возникло как реакция на "расцаревщину" — падение авторитета царской власти в народной среде, на самозванство, когда низы пришли к мысли о возможности борьбы с властью, хотя и в той же монархической оболочке.

Алексей Михайлович не создал стройных произведений, но своей практикой (Приказ тайных дел) и высказываниями возрождал теорию "Москва — Третий Рим" в ее абсолютистской трактовке. Идеалом для царя в этом отношении был Иван IV.

Решая проблему происхождения и сущности государства, он исходил из двух посылок: 1) царская власть имеет божественное происхождение; 2) царская власть характеризуется преемственной передачей в роде российских "скипетродержавцев". Данные послышки пошатнулись с прекращением династии Рюриковичей, но Романовы, взойдя на престол, попытались восстановить прежние представления о богоизбранном государе, получающем власть от своих прародителей. Эти представления были восприняты Алексеем и развиты в его письмах и речах. Царь был убежден в том, что он поставлен от Бога, "чтобы беспомощным помогать", что Бог благословил его "править и судить людей своих на востоке, и на западе, и на юге, и на севере по справедливости".

Таким образом, царь — сила, которая осуществляет божественную волю на земле, а источник царской власти — сам Бог. "Мы не своею силою или мно-

вооруженным воинством укрепляемся, но Божиею помощию", — писал царь. Поэтому все государственные дела Алексей Михайлович считал и делами Божьими и часто их отождествлял. Так, ругая князя Ромодановского за неисполнение государственного приказа, царь писал: "... и сам ты... изменник и самого истинного сатаны сын... Перед кем лукавствуешь? Самого Христа ведаешь ли...? Кто лествью его почитает и кто пред государем своим лукавыми делами дни свои провождает?..."

Идея о наследственности власти династии Романовых от Рюриковичей была сформулирована и разработана придворными идеологами еще в период правления Михаила Федоровича. Алексей был воспитан в духе данной идеи и безоговорочно воспринял ее. В различных обращениях к подданным и речах во время придворных церемоний царь пытался утвердить и развить эту идею.

Впервые это произошло сразу же при поставлении Алексея Михайловича на царство. В своей речи царь излагал последовательность смены государей на русском престоле, особо останавливаясь на таких персонах, как князь Рюрик, родоначальник русских царей, Владимир Святославич — креститель Руси, Владимир Мономах, воспринявший превысочайшую честь и царский венец от греческих царей, и царь Федор Иоаннович, которого Алексей называл своим дедом. Проследившая период Смуты и избрание на царство на Земском Соборе 1613 года Михаила Федоровича, Алексей Михайлович особо подчеркивал факт "благословения царством" сына своего, то есть последнюю волю царя Михаила. Мысль эта должна была убедить всех в законности вступления Алексея на престол и опровергнуть слухи о подменном государе.

Сам чин поставления на царство был составлен таким образом, что формулировку династической власти, данную царем, закреплял и тем самым утверждал именем Бога патриарх, заканчивая свою речь словами: "И возрасти Господь семя ваше государское во век грядущий и в род и род в неискончаемые веки на Российском царстве".

Рассматривая преемственность своей власти от Рюриковичей, Алексей Михайлович был убежден в собственной ответственности за несправедливые поступки своих предков. В целях укрепления новой династии ему представлялось лучшим выходом признать грехи предшественников, замолить их и таким образом снять грех со всего царского рода. Шагом в этом направлении стала грамота Алексея Михайловича к мощам митрополита Филиппа (Колычева), смерть которого считалась на совести Ивана Грозного. Царь писал по случаю торжественного перенесения святых мощей из Соловецкого монастыря в Москву в 1652 году: "Молю тебя и желаю тебе прийти сюда, чтобы разрешить согрешения прадеда нашего царя... Иоанна... ибо твое на него негодование как бы и нас сообщниками творит его злобы".

На протяжении своей жизни Алексей Михайлович неоднозначно относился к факту покаяния за грех предка. Известно, что он обвиняет Никона в том, что тот был инициатором подобного шага царя, который сам Алексей Михайлович к концу своего царствования расценивал как позор и бесчестье. Но оценки, данные человеком тому или иному поступку, в разные периоды его жизни не всегда совпадают. За время правления Алексея Михайловича положение царской власти усилилось, что повлияло и на осознание царем своего статуса. И то, что было добровольно совершено и оправдано в начальный период правления, казалось ошибкой после. Вряд ли царь Алексей в 1652 году, когда писалась грамо-

та, не был убежден в ее необходимости и не разделял позиций, в ней изложенных. В этот период снять грех, лежавший на династии, можно было только "приклонив честь царства... честным мощам" и "повиновав" к молению Филиппа всю власть царскую.

Во второй половине XVII века стало принято объявлять наследника царя, как только его старший сын достигал совершеннолетия. Происходило объявление в праздник Нового года, то есть 1 сентября. Царь сам представлял наследника приближенным. Церемония объявления освящалась патриархом и происходила на Красной площади при большом стечении народа. В обращении по сему случаю царя к подданным высказывалась мысль о том, что "пристало нам сына своего... всемогущему Богу дать в послужание", чем еще раз подчеркивалась мысль: "все государевы дела — дела Божьи". Идея же династической наследственности власти утверждалась самим фактом подобной церемонии.

Романовы считали себя защитниками вселенского православия. Данную идею отразил "Чин поставления на царство царя Алексея Михайловича", который отнес время преемственности монархического венца от греческих царей к периоду Владимира Мономаха. В один из праздников Пасхи царь Алексей говорил греческим купцам, явившимся его поздравить: "Просите своих священников молити за меня и просить Бога, чтобы мой меч мог рассеять выю моих врагов". Своим же подданным царь сообщал: "Если Богу будет угодно, я принесу в жертву свои войско, казну, и даже кровь свою для их избавления". В данном случае речь шла о православных, находившихся под мусульманским игом. В период войны с Польшей перед русскими военачальниками царь ставил задачу "святыя Божия церкви очищать, православных христиан освобождать". Средства же для достижения этой цели царь изложил в собственноручной грамоте к князю Трубецкому: "А сперва посылать листы, что б сдавались, будь есть белорусы, а будет ляхи будут в городах, а не похотят креститься, и их сечь, и белорусов сечь".

Сама идея о русском царе — защитнике вселенского православия не могла быть осуществлена без унификации обрядности русской и других православных церквей. Реформа Никона была задумана в целях единения православия. Для самого Алексея Михайловича, который был воспитан своим дедом патриархом Филаретом в грекофильских традициях, идея единения московской церкви с греческой стала главной идеей его царствования.

Размышления о вере и церкви для Алексея Михайловича не носили отвлеченного характера. Одной из важнейших задач царской власти он считал обязанность печься не только о государстве, но "еже есть общий мир церкви и здраву веру крепко соблюдать и хранить". Вмешательство царя в дела церкви закрепил и свод законов — Соборное Уложение 1649 года, рассмотрев преступления против церкви в законодательстве. Царь активно вытеснял идею о церкви как посреднице между ним и Богом. В целом взгляды Алексея Михайловича на отношения государства и церкви развивались в русле подчинения духовной власти светской, до конца не завершеного в допетровской России.

Алексей Михайлович исходил из идеи служения государю, в которой отразилось усиление царской власти. Но поскольку процесс перерастания сословной монархии в абсолютную при нем завершен не был, то государственная служба

рассматривалась как служба государю, в отличие от петровского времени, когда она характеризовалась как служба царю и Отечеству.

Идея служения государю была четко сформулирована в Соборном Уложении 1649 года. Люди всяких чинов, находящиеся на государственной службе, рассматривались как “делающие государево дело”, то есть взявшие на себя часть функций самого правителя, носители частицы его суверенной власти, воли и чести. Поэтому их ответственность за исполнение порученного дела считалась ответственностью перед царем за сохранение его непогрешимости, а всякое нарушение служебных обязанностей рассматривалось как нанесение урона царскому статусу и царской чести.

Теперь все подданные царя считались его слугами, но все они занимали разное место в государстве. Каждое из сословий являлось носителем определенных прав, обязанностей и традиций, передаваемых по наследству. Разные сословия по-разному восприняли расширение царских прерогатив. Ослабление родового начала в государстве и становление принципа пригодности к службе не могло не вызвать негативную реакцию со стороны боярства. Это привело к постановке вопроса о “царской власти и боярской чести”.

Алексей Михайлович не отрицал, что боярская честь природная и вечная. Богом освящен тот порядок, что царь имеет право ее даровать, а боярин принять. Но все же главное, по мнению царя, заключалось в том, что по воле Божией “чин государский пребывает над вами (боярами), следовательно, все бояре — холопы царя и их главная обязанность в исполнении царских решений, потому что кроме воли Божьей боярская честь зависит и от милости царя, а милость эта соизмеряется со службой государю. На первый план в царских рассуждениях выходила проблема качества государственной службы, а не родословные того или иного должностного лица, его близость к семье Романовых.

В Соборном Уложении правовому статусу царя посвящена особая глава “О государственной чести”, которая не делала никакого различия между преступлениями против государства и действиями, направленными против личности государя: и те, и другие подпадали под одно понятие — “государева дела и слова”. Человек, состоящий на государственной службе, рисовался как “на всякое дело уготованный”, добропорядочный христианин и верный сын монархии. Алексей Михайлович к этим чертам присовокупил новые, сформулировав основные требования к подданному. Первое — полная самоотдача при исполнении дела, радость о его успехе, личная заинтересованность в лучшем исполнении, в том, чтобы “работать всем сердцем”. Второе — нести службу государю так, чтобы своими действиями не раздражать царя или, по выражению самого Алексея Михайловича, “не озлоблять его к людям”. Для подтверждения справедливости этого требования царь ссылался на Аристотеля, который “всем государем велит выбирать такова человека, который бы государя к людям примирял, а не озлоблял”.

Еще одно требование царя к людям, состоящим на государственной службе, заключалось в соблюдении субординации, в том, чтобы “начальники робят держали в руках”, а “подчиненные пред ними были вежливы”. По мнению Алексея Михайловича, начальники ответственны за подчиненных. Они на то и поставлены, чтобы “над своими ... смотреть и от воровства и от всякого дурна их унимать” за милость Божью и за государево жалованье. В ряде писем царь требо-

вал от начальников постоянно контролировать своих людей. Так Петр Арбенев — руководитель детей боярских, несущих охрану царских хором, по мнению Алексея Михайловича, должен был “сам почаству их (охранников) днем и ночью смотреть, таки все тут...”

Для царя являлось тяжелейшим проступком и страшным человеческим пороком неисполнение служебного долга. По его мнению, оно должно было наказываться самым серьезным образом. Когда охранник царских хором однажды отлучился, царь велел его “насмерть сечь батогами”. В итоге идеальный человек на службе государя должен был сочетать в себе, по мнению Алексея Михайловича, христианские добродетели с максимальной заботой о благе царя, с полной самоотдачей при исполнении его воли.

Есть смысл рассмотреть окружение Алексея Михайловича, которое воплощало собой его принципы государственной службы. Выделим сначала дьяка Федора Грибоедова (? — 1673) с его “Историей о царях и великих князьях земли Русской”, где обосновывается преемственность царей династии Романовых от династии Рюриковичей. В ней особенно подчеркивалось, что царь Михаил приходился внучатым племянником первой жене Ивана Грозного Анастасии Романовне, чем доказывались кровные связи Романовых со старой династией. Иван IV был объявлен “прадедом” царя Алексея Михайловича. В окончательной редакции “Истории” было выброшено замечание, имевшееся в первоначальном варианте, о пресечении “царского корени” со смертью Федора Ивановича. Ф. Грибоедов перенес старую концепцию Степенной книги эпохи Ивана Грозного на династию Романовых и установил непрерывную династическую линию от князя Владимира Святославича, “сродника Августа, кесаря Римского”, до царей из дома Романовых. Традиционные доводы религиозного и легитимистского порядка в пользу неограниченной власти монарха были дополнены идеей “всеобщей справедливости”, “общего блага” как цели государства.

Мысль о благе всех подданных как цели самодержавного правления последовательно проводил Ю. Крижанич (1618—1683). Он получил богословское образование в Загребе, Болонье, Риме. По национальности Крижанич был хорватом. До прибытия в Россию много путешествовал по Европе. Будучи священником-миссионером, выступал за унию православной и католической церквей и на этой основе за “славянское единство”. Главную роль в сплочении славян Крижанич отводил России, которую посетил впервые в 1647 году.

Крижанич обладал энциклопедическими знаниями; его сочинения (из которых большинство было опубликовано лишь в XIX веке) включают трактаты по философии, политэкономии, историографии, музыке. Писатель объяснял развитие общества с провиденческих позиций, полагая, однако, что божественный промысел определяет лишь коренные повороты в истории. Всемирную историю он понимал как процесс, в ходе которого одни народы приходят в упадок, а другие достигают расцвета.

Крижанич предпринял попытку создания “общеславянского языка” и использовал его в своих книгах. Он был среди первых, кто подверг критике летописные сведения о призвании варягов на Русь, показал тенденциозность современных ему иностранных сочинений о России.

Свое главное произведение — “Политика” Крижанич создал в Тобольске, куда он был сослан в 1661 году по не установленной историками причине. В этом произведении он писал: “Долг короля обеспечить благочестие, справедли-

вость, покой и изобилие... веру, суд, мир и дешевизну. Эти вещи каждый король должен обеспечить своему народу, и для этого Бог поставил его королем". Следуя Аристотелю, Крижанич делит формы правления на три правильные ("совершенное самовластво", то есть неограниченная монархия, боярское правление и "общевластво", или посадское правление, то есть республика) и три неправильные, представляющие собой извращенные варианты первых. "Самовластву" противостоит тирания, боярскому правлению — олигархия и "общевластву" — анархия.

Наилучшая форма — "совершенное самовластво". Именно эту форму предпочитали мудрые "еллинские философы" и святые отцы. Она обеспечивает наличие справедливости в государстве, согласие в народе, сохранение покоя в стране и, главное, представляет собой подобие власти Божьей на земле. "Самовластво — самое древнее на свете и самое крепкое правление". "Всякий истинный король является в своем королевстве вторым после Бога самовладцем и наместником". Таким представляется Крижаничу правление "нашего царя, государя и великого князя Алексея Михайловича всея Великой, и Малой, и Белой Руси самодержца, которое потому безмерно уважаемо, удачно и счастливо, что в нем имеется совершенное самовластво".

Идея "общего блага" в условиях неограниченной власти, способной вырождаться в тиранию, могла быть реализована только при наличии идеального правителя. Многие при абсолютизме зависят от личности государя, его мудрости. Этими проблемами интересовался **Симеон Полоцкий** (1629—1680). Его биография — яркий пример сближения славянских народов в XVII веке. Деятель книжной культуры братских украинского и белорусского народов становится выразителем русской патриотической идеи. Родился Симеон в Белоруссии, в городе Полоцке, учился в Киево-Могилянской коллегии, по окончании которой отправился для завершения образования в одну из наиболее знаменитых в то время польских иезуитских коллегий — Виленскую. Затем он возвращается в Полоцк, где принимает монашество под именем Симеона. В 1656 году, когда Полоцк был освобожден русскими войсками от польско-шляхетской власти, Симеон приветствовал приезд в этот город царя Алексея Михайловича, написав "Метры (стихи) на пришествие великого государя царя Алексея Михайловича", в которых выразил стремление к воссоединению белорусского народа с русским народом в едином государстве.

После нового захвата Полоцка в 1661 году польскими войсками Симеон навсегда переселяется в Москву, где его знания и поэтический талант могли иметь плодотворное применение.

В Москве он сразу получил место учителя латинского языка в школе Спаского монастыря. Его педагогический дар вскоре стал известен царю Алексею Михайловичу, который в 1667 году пригласил Симеона в наставники к своим детям.

Велики заслуги Симеона Полоцкого в открытии первого высшего учебного заведения в России — Славяно-греко-латинской академии. Его просветительская деятельность связана и с организацией в 1678 году типографии в Кремле, которая с разрешения царя Федора Алексеевича была отдана в полное распоряжение Симеона. В ней он успел напечатать свой "рифмованный" перевод "Псалтири царя и пророка Давида", ставший затем весьма популярным у рус-

ских читателей. По словам М.В. Ломоносова, “Рифмованная псалтирь” Симеона Полоцкого, по которой он учился, стала для него “вратами учености”.

Монарх, по Симеону, должен быть образованным человеком и всегда стремиться к приобретению знаний из книг и бесед с “премудрыми людьми”. Особенно полезно царю читать книги и “по их примеру живот (жизнь) свой править”. Царю необходимо не только просвещаться самому, но и просвещать свой народ, ибо “мало правды царю мудру быти, а подчиненных мудрости лишити”. Идея Платона о правлении философов как о наилучшей форме организации верховной власти представляется ему совершенной. В торжественной речи, обращенной к Алексею Михайловичу перед церковным Собором 1666 года, он прямо воспроизводит слова Платона: “Блаженно царство, в нем же цари философовствуют или философы царствуют”.

Монарх обязан заботиться о своих подданных, “аки отец или мати за свои дети”. Беспощадность с его стороны допустима только по отношению к мятежникам.

Симеон проводит различие между царем и тираном. “Кто есть царь и кто тиран хошети знати, Аристотеля книги потщись читати. Он разнствие сие полагает. Царь подданным прибытков желает. Тиран паче прижитий хочет себе”.

Идея “общего блага” для всех подданных приобрела характер государственной программы в деятельности **А.Л. Ордин-Нащокина** (1605—1680). Родился он в семье псковского дворянина, получил для того времени хорошее образование (изучал математику, риторику, иностранные языки). С 1622 года был на “полковой службе” в Пскове, а с 40-х годов привлечен к дипломатической службе. В 1650 году пытался предотвратить восстание в Пскове, а когда оно началось, бежал, опасаясь гнева восставших, в Москву и активно содействовал его подавлению.

Ордин-Нащокин — активный участник войн России в Прибалтике за выход к Балтийскому морю. Во время русско-польской и русско-шведской войн он участвовал в штурме Витебска (1654), походе на Динабург (1655), совершил рейд под Динамунде и в Ригу. В 1656 году подписал договор о дружбе и союзе с Курляндией, завязал отношения с Бранденбургом. В 1658 году вел переговоры со шведами, завершившиеся подписанием перемирия. В 1662—1666 годах участвовал в переговорах с Польшей и подписал Андрусовское перемирие 1667 года. В 1665 году Ордин-Нащокин был воеводой Пскова, в 1667 году назначен главой Посольского приказа.

Мероприятия, проведенные по инициативе Ордин-Нащокина, в значительной мере учитывали интересы русского купечества. Составленный им Новоторговый устав вытеснил западноевропейских купцов с внутреннего рынка, разрешив им торговать только в пограничных пунктах и запретив розничную торговлю. Система покровительственных пошлин регулировала ввоз товаров и имела целью достижение активного баланса во внешней торговле. Это была первая модель политики меркантилизма в России, содействовавшая развитию торговли.

Ордин-Нащокин, будучи воеводой в Пскове, пытался провести там реформу городского управления, смысл которой состоял в ограничении власти воевод и передаче части их административных и судебных правомочий в руки органа самоуправления, избранного из числа “лучших” посадских людей. Чтобы содейст-

водить частному предпринимательству, он считал необходимым устройство кредитных учреждений.

Исторически прогрессивными были внешнеполитические взгляды Ордин-Нащокина, длительное время руководившего Посольским приказом. Исходя из общероссийских интересов, он выступал за установление мирных, добрососедских отношений с соседними славянскими странами в целях борьбы со Швецией, проводившей экспансионистскую политику в Прибалтике. Однако время для осуществления программы Нащокина еще не наступило, так как абсолютизм на практике еще не утвердился: серьезным препятствием служила позиция духовной иерархии, отклонившейся от сути православия. Да и те, кто верил искренно, не желали приоритета царской власти над духовной, идущего вразрез со Святым Писанием и национальной традицией симфонии двух властей.

ЛЕКЦИЯ 2. Православная концепция власти патриарха Никона

Царь Алексей Михайлович занимался проблемами не только светского характера, но и церковными. В данный период церковь не была подчинена государству, поэтому не существовало органа, полностью осуществлявшего управление ею, каким в свое время станет Синод при Петре Великом. Но принцип вмешательства светской власти в дела духовные при Алексее проявлялся явно и был закреплен в Соборном Уложении.

Соборное Уложение ущемило церковь в политико-юридическом отношении. Статья 42 главы XVII о вотчинах пресекала рост церковного землевладения. Статья 1 главы XIII закрепила учреждение Монастырского приказа — светского органа, предназначенного для разбора гражданских и наименее важных уголовных дел в отношении духовных лиц всех рангов, вплоть до митрополитов, и их людей и крестьян. В ведение Монастырского приказа передавались все церковные и монастырские земли. В целом создание приказа ознаменовало усиление государственного контроля над церковью. Уложение явилось первым светским кодексом, в котором были подробно разработаны, определены и поставлены на первое место составы преступных деяний против религии.

Усиление вмешательства в дела церкви вызвало в церковной среде оппозицию абсолютистским тенденциям. Имея большие земельные богатства, широкий иммунитет, административные и судебные привилегии, православная церковь не хотела отказаться от огромного влияния на ход государственных дел, которое она приобрела в Смутное время и в первые годы царствования Романовых. Протест русской церкви в лице патриарха Никона идейно оформился в православную концепцию власти.

Никон (1605—1681) был родом из Нижегородского уезда, сыном мордовского крестьянина. В 19 лет стал священником в своем селе. В 1635 году ушел в Соловецкий монастырь и постригся в монахи. В 1646 году Никон стал архимандритом Новоспасского монастыря в Москве и Новгородским митрополитом, примкнул здесь к влиятельному Кружку ревнителей благочестия.

Это был блестящий проповедник, жесткий и властный администратор, расчетливый и прижимистый вотчинник, вкрадчивый придворный. Круг интересов Никона не замыкался в чисто религиозной области. Мирские дела увлека-

ли этого честолюбивого человека не в меньшей степени. Облеченный в 1652 году в сан патриарха, он единолично решал многие вопросы внутренней и внешней политики правительства. Карьере Никона содействовал царь Алексей Михайлович.

Избрание Никона патриархом и речь, произнесенная им по этому поводу в Успенском соборе, — первая попытка Никона отстоять права духовной власти. Он несколько раз отказывал царю в принятии сана под предлогом своей якобы неразумности, неспособности пасти Христово стадо. Тогда царь, по его собственному свидетельству, “приклонился к земли и припадале со всем народом, со слезами молиша нас, яко да будем начало пастырем”.

Наконец, Никон уступил мольбам царя и народа стать патриархом, но только при известных условиях. Он обратился к царю, боярам, духовенству и всему народу с речью, в которой заявил, что мы, русские, “святое Евангелие и вещания святых апостолов и святых отцов, и всех вселенских семи соборов святых отцов правила, и царския законы, и церковные догматы от православных греческих церквей и святых вселенских патриархов приняли, почему и называемся христианами”. Но на деле мы не исполняем ни заповедей евангельских, ни правил апостолов и святых отцов, ни законов благочестивых греческих царей. Поэтому, говорил Никон, если хотите, чтобы я был у вас патриархом, “то дадите слово ваше и сотворите обет во святой соборной и апостольской церкви пред Господом и Спасителем нашим Иисусом Христом, и пред святым Евангелием, и пред пречистою Богородицею, и пред святыми его ангелами, и пред всеми святыми: держать будете евангельские Христовы догматы, и правила святых апостолов и святых отцов, и благочестивых царей законы сохраните. Аще обещаете неложно и нас послушати во всем, яко начальника и пастыря и отца краснейшего, елико вам возвещать буду о догматах Божиих и о правилах, и сего ради, по желанию и прошению вашему, не могу отрекаться от великого архиерейства”. Эта необычная речь Никона, по его словам, “усердно и с любовью” принята была всем миром, и царь со всем собором “пред святым Евангелием и пред святыми и многочисленными иконами вся, елика глаголахом, обещая сохранити непреложно”. И только после этого Никон окончательно выразил согласие быть патриархом Московским и всея Руси.

Во всей этой процедуре публичной клятвы “послушати во всем” нового патриарха сквозила особая цель: реформировать отношение светской власти к духовной так, чтобы в лице главным образом патриарха освободить духовную власть от подчинения власти светской, поставить власть патриарха во всех духовных делах независимо от подавляющей ее царской власти, сделать ее автономной и даже больше — поставить ее выше царской власти во всех церковных делах. Вот, собственно, почему при своем избрании на патриаршество Никон и требовал, чтобы царь, бояре и весь народ дали ему публичную торжественную клятву, что они будут соблюдать все заповеди Божии и по всем делам веры и церкви будут слушать его, Никона, “яко начальника и пастыря и отца краснейшего”.

Кстати, замысел Никона проявился еще до его патриаршества, когда он был новгородским митрополитом. Это сказалось в факте перенесения Никоном мощей митрополита Филиппа, замученного царем Грозным, из Соловецкого монастыря в Москву, причем он хотел заставить светскую власть публично и всенародно покаяться в гонениях, которые она нанесла власти духовной. Это как не-

льзя более подтверждается характером молебной царской грамоты к мощам Филиппа, в которой царь желает пришествия святителя в Москву, “чтобы разрешить согрешение прадеда нашего, царя и великого князя Иоанна, совершенное против тебя нерассудно завистью и несдержанною яростью”.

Став патриархом, Никон активно участвовал в решении государственных дел, склоняя царя к прекращению войны с Польшей и выступая за соперничество со Швецией в Прибалтике. Неудача в борьбе за выход к морю была поставлена патриарху в вину, что привело к острому конфликту царя и Никона. В основе конфликта лежали абсолютистские притязания Алексея Михайловича.

6 июля 1658 года в Москве принимали грузинского царевича Теймураза. На подобных приемах присутствие патриарха считалось обязательным и в силу исконных обычаев Русского государства, и из надлежащего почтения к церкви и ее архипастырю. Но в этот раз Никона не пригласили. Это было неслыханным оскорблением, первым признаком того, что царская власть дошла до такого состояния, когда кажется, что в государственных делах можно обойтись и без церкви. При торжественном въезде царевича в Кремль князь Б. Хитрово грубо оскорбил патриаршего боярина князя Д. Мещерского (дважды ударил по голове). Никон незамедлительно написал царю требование о наказании виновного. Царь письменно ответил, что разберется позже. Никон вторично написал, чтобы разобрался сейчас. Царь передал, что лично увидится с Никоном. Но видеться не изволил.

8 июля был праздник Казанской иконы Божьей Матери, на котором прежде царь всегда присутствовал при патриаршем служении со всем своим синклитом. По обычаю, от патриарха ходили приглашать царя к вечерне, потом к утрени, потом к литургии. Но царь не пришел.

10 июля, в праздник Ризы Господней, также ждали царя в Успенском соборе, где он всегда молился в этот день в прежние годы. Его пригласили к вечерне, потом к утрени. Царь не пришел. После утрени к патриарху явился от царя князь Юрий Ромодановский и сказал: “Царское величество на тебя гневен, потому и к заутрени не пришел и не велел ждать его к литургии”. Затем князь прибавил от имени государя: “Ты пренебрег царское величество и пишешься великим государем, а у нас один великий государь — царь”, он “повелел... чтоб впредь ты не писался и не назывался великим государем, и почитать тебя впредь не будет”.

В таких обстоятельствах Никон принял решение оставить кафедру и уехать из Москвы, обратившись к народу со своим словом. Он сказал, что царь гневен на него, так что даже не приходит “в собрание церковное”. Это, очевидно, происходит от того, что он, Никон, является недостойным патриархом, не сумел пасти свою паству как подобает, и потому он решил уйти от управления церковью. “От сего времени не буду вам патриархом”, — заключил Никон.

Подробно причины своего ухода Никон идейно обосновал в огромном труде “Возражение или разорение смиренного Никона, Божией милостию Патриарха, против вопросов боярина Симеона Стрешнева, еже написа Газскому митрополиту Паисию Лигариду и на ответы Паисеевы”. Вот что он писал: “Царь при избрании нас на патриаршество дал клятвенное обещание перед Богом и всеми святыми хранить непреложно заповеди Евангелия, святых апостолов и святых отцов, и пока пребывал в своем обещании, повинуюсь Святой Церкви, мы терпели. А когда царь изменил своему обещанию и на нас положил гнев неправед-

но, мы 10 июля, совершив во Святой Церкви божественную литургию и засвидетельствовав перед Богом и всеми святыми о напрасном государевом гневе, вышли, по заповеди евангельской, из града Москвы, отрясли прах от ног наших и тогда же письменно известили царя, что уходим ради его несправедливого гнева и что он даст за все ответ перед Богом. Кто же укорит меня, что поступил вопреки воле Божией и не по правде, и какое тут отречение?" Далее в этом же труде, возражая на 17-й вопрос, где говорилось, что святители могут покидать на время свои престолы только ввиду военного нападения, патриарх пишет: "Не больше ли войны — гнев царский? Из Москвы я отошел не без ведома царя: царь знал, что гневается на меня без правды. И от него приходили ко мне... и я им говорил, что иду из Москвы от немилосердия государя, пусть ему будет просторнее без меня, а то, гневаясь на меня, он не ходит в церковь, не исполняет своих обещаний, данных при нашем избрании на Патриаршество, отнял себе суд церковный, велел судить нас самих и всех архиереев и духовный чин приказным людям".

В вопросах Стрешнева к Паисию Лигариду центральной была проблема взаимоотношения церковной и царской власти вообще и в церковных делах в особенности (вопросы 24, 25). Следует заметить, что Стрешнев здесь явился выразителем идей и настроений правящего сословия России. Он стремился не только угодить царю, но вполне искренне высказывал сложившиеся представления своего класса. В ответах Паисия Лигарида отчетливо видно также не только подобострастие к русскому самодержцу — "милостынедаателю", но и выражение цезарепапистских взглядов определенной части византийской иерархии времен упадка империи. Никон же в своих возражениях выступает не только от себя. Он как бы представляет древних греческих святителей, русские православные традиции. В этой полемике получал очередное решение очень древний спор об образе сочетания власти мирской (царской) и власти духовной (церковной) в православном государстве.

Основные идеи противников Никона сводились к следующему:

1. "Самое главное радение царя — это радение о Церкви, потому что никогда не укрепятся дела царские, пока не укрепятся дела матери его — Церкви" (П. Лигарид). Это утверждение настолько соответствовало взглядам самого Алексея Михайловича, что он почти в точности повторил его как свою собственную мысль в письме к Антиохийскому патриарху.

2. Православный царь "поручает" патриарху "досматривать всякие судьбы церковные" и "дарует" ему различные привилегии, какие даровал Константин Великий папе Сильвестру (С. Стрешнев). Но эти привилегии патриарх должен принимать "с осторожностью", чтобы они не "надмили" его. Царь может отобрать данные патриарху "привилегии", если тот "окажется неблагодарным" (П. Лигарид).

3. Царь имеет право через поставленных на то чиновников судить по мирским делам все духовенство (С. Стрешнев).

4. Царь "может ставить архимандритов и всякие церковные власти — это одна из царских привилегий, и у всех народов обычай — царю раздавать должности, для чего и орел царский пишется двуглавым, расширяющим достоинство царя — духовное и мирское" (П. Лигарид).

Патриарх Никон, опровергая эти положения, высказывал следующие идеи:

1. Радение о церкви и управление ее делами не принадлежат царю. В числе чинов церкви, которые дал ей Бог, нет царя. "... Царю дано устроить только то, что на земле, большей власти он не имеет. А престол священства на небеси: что связывает священник на земле, то связывается на небеси. Он стоит между Богом и людьми и от Бога низводит нам милости, а от нас возводит к Богу молитвы и примиряет нас с Богом. Поэтому и цари помазуются священнической рукою, а не священники — царскою, и благословляют самую главу царскую... меньший от большего благословляется. Глава Церкви — Христос, а царь не есть и не может быть главою Церкви, но только одним из ее членов, потому и не может действовать в Церкви". "Священство преболе царства есть", т.е. сан священства в церкви выше сана царского.

2. Царь не может "поручать" патриарху управлять церковью, ибо "не от царей приемлется начало священства, но от священства на царство помазуются", и в этом отношении "священство гораздо больше царства". Определенные права церкви в государстве установлены со времен Константина благочестивыми царями греческими, а у нас на Руси подтверждены и дополнены церковным законодательством святого Владимира, грамотами великих князей и царей. Царь, не совершая смертного греха, не может отбирать или упразднить эти привилегии.

3. Царь не имеет права через своих чиновников судить священное сословие. Такого правила нет в святых канонах. Царь не может также поставлять епископов и других священных лиц.

4. По мнению Никона, есть две крайности во взглядах на царский и архиерейский сан. Иные думают, что царь выше и важнее, поскольку царская власть исходит от Бога и не царь платит подати архиерею, но архиерей — царю, царь ограждает и защищает мечом своим все государство, творит суд и расправу, чего архиереям не дозволено. Другие, напротив, полагают, что архиерей выше царя, так как власти архиерейской поручил Бог ключи царства небесного и дал силу вязать и решать на земле, т.е. обладать духовной властью, тогда как царь обладает только властью мирской и "вещами временными".

Обе крайности, однако, должны найти примирение, по словам Никона, в следующем решении. "Солнце светит днем, как архиерей душам. А меньшее светило — месяц, заимствующий свет от солнца, светит ночью, т.е. для тела; так и царь приемлет помазание и венчание (на царство) от архиереев, по принятии которых становится уже совершенным светилом". Такова разница между этими двумя лицами во всем христианстве. "Архиерейская власть во дни, то есть над душами, а царская — в вещах мира сего". Царский меч должен быть готов на врагов веры православной. Оборонять и защищать духовенство от всякой неправды и насилия обязаны мирские власти. "Мирские нуждаются в духовных для душевного спасения, духовные в мирских — для обороны". В этом отношении "царь и архиерей не выше один другого, но каждый имеет власть от Бога. В вещах же духовных архиерей великий выше царя, и каждый человек православный должен быть в послушании патриарху, как отцу в вере православной, ибо ему вверена православная церковь". Вот в этой, чисто духовной области "священство преболе царства есть".

Во взглядах Никона, таким образом, ясная православная позиция, совершенно чуждая каких-либо теократических притязаний, основанная на здравом христианском представлении об устройстве мира и человеческого существа, где ду-

ховное и мирское находятся в неразрывном единстве и гармонии при главенстве духовного начала, которое, однако, не означает лишения мирского должной самостоятельности и значимости в Боге — Творце всего. Профессор М.В. Зызыкин метко обозначил такую позицию как “свято-отеческо-русскую”.

Говоря о превосходстве священного сана над саном царским, Никон отнюдь не толкует это в том смысле, что царь при решении дел должен подчиняться архиерею, что государственная власть есть как бы орудие в руках церкви. Никон категорически настаивает только на том, что в делах церковных “священство преболе царства”. В царстве же земном, “вещах временных” царь имеет от Бога всю полноту власти действовать на благо страны и веры, как подобает государю, со всей ответственной самостоятельностью. Переворачивать такой богоустановленный порядок вещей и возносить царскую власть над властью церковной в делах церковных — значит подрывать и опрокидывать коренные устои естественной жизни общества, обрекать на гибель саму же царскую власть.

Более того, царства процветают и твердо стоят только до тех пор, пока в них почитается священство. Если же оно перестает почитаться, с государствами происходят страшные катастрофы, и, в конце концов, если государство не исправится в этом отношении, оно окончательно погибает, как это показывает пример Византии, как этому учит и наша собственная история, когда у нас низвергли патриарха Иова и еще при его жизни незаконно поставили нового патриарха Гермогена, вследствие чего наступило у нас страшное Смутное время, едва окончательно не сгубившее Московское государство. Это произошло потому, что, по мнению Никона, все христианство, вся Христова церковь заключается, собственно, в высокочтимом и всеми, особенно царством, убажваемом архиерействе и по преимуществу в патриархе — отце и начальнике самого духовенства, так как патриарх есть живой и одушевленный образ Христа.

Само собою разумеется, что так высоко самим Богом поставленное священство, а тем более его глава — патриарх никак не могут быть подчинены царству, а только Богу и его законам. Эти законы святы, неизменны, вечны, обязательны для всех и вовсе не зависят от царств, а потому переделывать, изменять в чем-либо, нарушать их и отступать от них государство не может, оно должно им и их представителю и охранителю — патриарху подчиняться безусловно, так как противление им есть противление воле небес, великое нечестие, величайшее зло, влекущее за собою гибель государства. Патриарх как высший представитель и охранитель всякого святого, не только в церкви, но и в государстве, есть поэтому обязательный контролер и всей государственной жизни. Любое нарушение божественных законов или уклонение от них должно вызывать со стороны патриарха обличения, даже если они будут направлены против самого царя. Так поступать патриарх должен не только в интересах церкви, но и интересах царя и государства. Никон в своем “Возражении”, как и во всей своей борьбе, выступает и как пламенный исповедник должной самостоятельности церкви, и как защитник правильно понятых интересов государства.

Особое внимание было уделено Никоном в этом труде Соборному Уложению 1649 года в части церковных дел. Патриарх напомнил о том, что царь приказал главному составителю Уложения князю Одоевскому и его помощникам — князьям Прозоровскому и Волконскому и дьякам Леонтьеву и Гри-

боедову написать “статьи из правил святых апостолов и святых отцов, из градских законов греческих царей и из разных узаконений прежних русских царей и великих князей” и на этом основании составить новый свод законов России — Уложение. Но составители не исполнили приказа. “Князь Никита Иванович Одоевский — человек прегордый, — писал Никон, — страха Божия в сердце не имеет, правил апостольских и отеческих никогда не читал и не разумеет, и враг всякой истины; а товарищи его люди простые, Божественного Писания несведущие, дьяки же — это заведомые враги Божии и дневные разбойники, без всякой пощады губящие людей Божиих”. “Князь Одоевский со товарищи все солгал, ничего не выписал из правил святых апостолов и святых отцов и из законов греческих царей, но написал все новое, чуждое Православия”.

Никон назвал Уложение “беззаконной книгой”, “проклятым законоположением”, а вошедшие в него законы — “бесовскими, поставленными по совету антихриста”. Он призывал духовенство не признавать мирской суд, открыто “поплевать и проклясть веления их и законы”. Обвиняя царя во вмешательстве в духовные дела и в ограблении церкви, он писал Константинопольскому патриарху: “Ныне бывает все царским хотением... егда повелит царь быть собору, тогда бывает, и кого велит избрати и поставити архиереем — избирают и поставляют; и кого велит судити и обсуждати, и они судят, и обсуждают, и отлучают”. Никон категорически отрицает вмешательство царя в дела церкви, считает незаконным светский суд над духовенством.

Состояние дел в православной России наводит Никона на тревожные мысли: “Не пришло ли ныне отступление от Святого Евангелия и от предания святых апостолов и святых отцов? Не явился ли человек греха, сын погибели?.. Какой же больше погибели, когда, оставив закон и заповеди Божии, предпочли предания человеческие, то есть Уложенную книгу, полную горести и лести? Антихрист приготовит и иных многих, как тебя, писатель лжи, и тебе подобных (это в адрес Одоевского. — *Н.А.*). Он сядет во храме Божиим не в одном Иерусалиме, но повсюду в церквах, то есть примет власть над всеми церквами и церковными пастырями, на которых ты, отступник, по действию сатаны написал суд творить простым людям...”

В своем “Возражении” патриарх Никон доходит до самых гневных обличений Алексея Михайловича. “Царь... не исполнил ни в чем своих обетов перед Богом, — писал он, — почему недостойн входить в церковь и должен всю жизнь свою каяться, а сподобиться святого причастия может только перед своею смертью. Он клятвоотступник и трижды нарушил свои обеты, заданные при крещении его, при помазании на царство и при избрании (Никона. — *Н.А.*) на патриарший престол”. Таким образом, Никон публично заявил о том, что законодательство о церкви является уже не христианским, русский царь преступен и подлежит церковному наказанию и что в России началась апостасия — отступление власти от Бога и Евангелия. С таким выводом патриарха Никона вполне согласны и английский исследователь этой темы Пальмер, и профессор Зызыкин.

Угрожающие признаки такого отступления особенно проявились в неудачной попытке Алексея Михайловича самостоятельно решить вопрос о новом патриархе и о судьбе Никона. В 1660 году по царской инициативе был созван Поместный Собор русской церкви для выборов нового патриарха. Никона не пригласи-

ли, а лишь поставили в известность об этом и попросили “благословения” на выборы нового главы церкви. Патриарх ответил, что хотя он добровольно оставил правление и давно изъявил согласие на избрание другого патриарха, но это избрание должно состояться с его, Никона, участием. Он возглавит хиротонию, простится со всеми, освободит архиереев от клятвы присяги не желать иного патриарха, кроме него. “А на то, чтобы избрать нового патриарха без меня, я не благословляю”, — заявил он. Тогда по указанию царя Собор занялся вопросом о судьбе самого Никона. При этом патриарха и на сей раз не только не пригласили, но даже не предложили представить объяснения, почему он оставил правление; ограничились только сбором “сказок” о том, что он ушел от дел “самовольно”, о чем и заявил сам 10 июля 1658 г.

Благодаря усилиям объективно настроенных архиереев и духовенства во главе с иеромонахом Епифанием Славинецким, очень убедительно выступавшим против низложения Никона, Собор не вынес никакого осуждения патриарху. Ничего другого, кроме общих канонических рекомендаций о выборах нового патриарха на место ушедшего, Собор выработать не мог. Без участия живого, не осужденного главы церкви, каковым продолжал оставаться Никон, Собор вообще не имел законной силы.

Между тем события развивались в сторону все большего обострения внутренней обстановки в стране. Уход Никона от правления, естественно, оживил его давних противников в церковной реформе. Царь вместо того, чтобы проявить последовательность и твердость в отношении к этим людям, решил заигрывать с ними, надеясь, может быть, что, примирив их с собою как с противником Никона, он сделает их и единомышленниками. В свою очередь и сторонники старых обрядов старались заручиться расположением Алексея Михайловича, утверждая безусловный приоритет царской власти во всех церковных делах.

В Сибирь в 1660 году была послана грамота с разрешением Аввакуму вернуться в Москву. В 1663 году он прибыл в столицу. Деятельность сторонников старых обрядов настолько оживилась, что к ним стали примыкать значительные народные массы. 21 декабря 1662 года Алексей Михайлович в указе об обращении по делу Никона к четырем Вселенским патриархам вынужден был признать, что “ныне в народе многое размышление и соблазн, а в иных местах и расколы”. При этом царь прямо связывал это явление с тем, что Никон ушел от правления церковью, “нерадит о ее вдовстве” и не исправляет “несогласия церковного пения и службы литургии и иных церковных вин (дел)”. Это было первым официальным свидетельством о начинающемся расколе в русской церкви. Церковный раскол, таким образом, явился прямым результатом распри царской и церковной властей и начался вслед за нею, хотя некоторые идейные основы его сложились ранее у противников обрядовых исправлений Никона.

В 1666 году взгляды Никона были осуждены церковным собором. Но его юридические идеи не раз возрождались в выступлениях иерархов церкви. Так, будущий патриарх Новгородский митрополит Иоаким в 1672 году говорил в своем поучении пастве, что “духовный начальник много важнее светского”, что духовная власть так отличается от светской и настолько выше ее, как душа отличается от тела, и настолько она выше его, как небо от земли.

ЛЕКЦИЯ 3. Старообрядчество. Протопоп Аввакум

В предыдущей лекции показано, как неоднозначно была воспринята и сама церковная реформа, и ее результаты. Высокая социальная напряженность привела к расколу русской церкви — крупнейшему явлению идейной жизни XVII столетия. Раскол имел свои предпосылки как общего, так и частного плана. Он возник в специфических условиях — на переломном этапе русской юриспруденции.

Россия к тому времени представляла собой страну с богатой историей. Не все происходило гладко, русский путь не был усыпан розами, но важен результат, а результат был: Россия стала огромным централизованным государством, занимавшим место между Востоком и Западом, и не только вследствие ее географического положения, но и в цивилизационно-юридическом смысле. Она была культурно-национальным образованием, корни которого уходили в Древнюю Русь. Это была культура во многом восточная, ибо формировалась под влиянием восточных народов и Византии, но в то же время принципиально западная, потому что была христианской. Такая двойственность русской культуры, а также то обстоятельство, что это была культура многочисленного и древнего народа, обуславливали ее самобытность, а в XVII веке во многом определяли отношение к западному и восточному влияниям (уже не только в области культуры). В частности, сложилась такая ситуация, когда Россия смогла не только усвоить христианство, но и придать ему национальный характер.

Особенность русского православия заключалась в том, что оно выступало с претензиями быть не только частной, но и всеобщей религией. Этому способствовали политические условия: Россия стала крупнейшим славянским государством, и ее претензии на главенствующую роль в греко-славянском православном мире были не лишены реальных оснований. Идея главенства России над славянским Востоком к этому времени была не нова, эту идею развивал в XVI веке старец Псковской Елизарьевской пустыни Филофей, но возможности реализации ее тогда и в XVII веке резко различались. Достаточно сказать, что в этот период к России были присоединены Украина и Белоруссия.

Раскол в русской церкви и обществе происходил в то время, когда в Западной Европе утверждались новые политические отношения, когда в социально-экономическом и культурно-научном развитии она ушла далеко вперед по сравнению с Россией и Востоком вообще. В этих условиях неизбежной была экспансия Запада на Восток, заложенная в самой природе утверждавшихся в Западной Европе отношений. В какой-то мере на ситуации в России сказывалось и влияние раскола западной церкви (Реформация).

К числу общих предпосылок раскола следует отнести также сложившиеся в России к тому времени социально-экономические отношения. Имеются в виду введение крепостного права и подвижки внутри господствующего класса, т.е. борьба бояр и дворянства за политическое и экономическое господство. По свидетельству историков, к концу XVII века положение различных слоев российского населения было настолько неудовлетворительным, что социальный взрыв становился неминуемым, недовольство стало всеобщим. В связи с вышеперечисленными фактами, приведенными в свое время также историком Н.Г. Устряловым,

Н.А. Добролюбов справедливо характеризовал положение России накануне петровских преобразований: "В народной жизни того времени оказались такие раны, такие болезни, такой хаос, который явно показывает, что и в самой сущности организма есть где-то повреждение, препятствующее правильности физиологических отправлений... невежество и суеверие господствовали во всех слоях общества... самовластие и лихоимство господствовали в подробностях управления... Внутри все было расстроено, искажено, перепутано, лишено всякой чести и справедливости. Все было натянуто до того, что нужно было — или разом выйти из старой колеи и броситься на новую дорогу или ждать страшного, беспорядочного взрыва, предвестием которого служило все царствование Алексея Михайловича".

Однако неверно было бы видеть эти противоречия и неравенство только в конце века; кризис начал складываться уже в середине его. Это была реальная питательная почва раскола, основа его выхода за пределы церковных и монастырских стен, в отличие от таких церковно-реформаторских движений прошлого, как, например, нестяжательство.

Церковный раскол XVII века на Руси — явление исключительно интересное, во многом совершенно уникальное. Показав контрасты, накопившиеся за столетия в духовной и политической жизни Руси, раскол навсегда разделил русскую юриспруденцию на "дониконовскую" и "послениконовскую". И именно в этих противоречиях с необыкновенной четкостью и трагизмом проявились многие духовные силы Руси, высветились цели и идеалы, ради которых она жила на протяжении всей своей истории: стяжания вечного царства Божия, нового небесного Иерусалима, стремление к которому всегда было необыкновенно сильно в русском народе. В этой связи напомним только одну фразу из "Преступления и наказания" Ф.М. Достоевского: "Так вы все-таки верите в Новый Иерусалим?" — Верую, — твердо ответил Раскольников..."

Официальное начало разрушения старой веры — 1653 год, с началом реформ Никона. При всей бесспорности этой даты нам представляется, что в идейном плане ее следует перенести минимум на полтора столетия назад — в конец XV — начало XVI века, к тем временам, когда Русь стала осознавать себя наследницей и правопреемницей Византии, когда в плоть и кровь русского народа входит теория Филофея "два Рима пали, третий стоит, а четвертому не бывать". Именно с этого времени на Руси формируется представление о "самодостаточности" нашего православия, о Руси как единственной хранительнице истинной веры в ее изначальном виде.

У вождя старообрядцев Аввакума много высказываний на эту тему, они недвусмысленны и не требуют дополнительных толкований. Поэтому приведу лишь одно — из сцены суда над ним: "Последнее слово со мною говорили: что-де ты упрям, Аввакум? Вся-де наша Палестина — и сербы, и албанцы, и волохи, и римляне, и ляхи — все-де тремя перстами крестятся, один-де ты стоишь в своем упорстве и крестишься пятью перстами! Так-де не подобает. И я им отвечал, о Христе помня: "Вселенские учителя! Рим давно упал и лежит не вставая, и ляхи с ним же погибли, став в конце концов врагами христианам. Да и у вас православие не ожило от насилия... турецкого Магмета, и рассчитывать на вас нельзя, немощны стали. А поэтому впредь приезжайте к нам учиться".

Проблема “старой веры” является логическим продолжением и развитием теории “Москва — Третий Рим”. Поэтому в центре юриспруденции Аввакума стоит Русь, ее прошлое, ее настоящее, ее будущее. И эта чисто историческая проблема решается через призму правой веры, через призму исполнения Русью ее роли как носителя правды во всей ее божественной чистоте. Для многих современников Аввакума проблема преемственности “Византия — Москва” сводилась к преемственности атрибутики, каковой, в частности, является двуглавый византийский орел на печатях московских государей. Протопоп смотрит на проблему глубже, выдвигая на первый план преемственность юридических начал раннего христианства.

Социальной основой старообрядчества были крестьяне, посадские и служилые люди, а также тесно связанное с народом низшее белое духовенство. Защитники старой веры — прямые наследники нестяжателей и еретиков XIV—XVI веков. Они развивали еретические идеи в новых исторических условиях, выдвигая народные требования. Старообрядчество выделяется своей обличительной линией: сатирическому осмеянию подвергались иерархия церкви и высшие чины светской власти, а также безнравственность в мирской жизни.

Идейный вдохновитель старообрядцев протопоп Аввакум (1620—1682) — земляк Никона родился в селе Григорове Нижегородского уезда в семье священника. Рано потеряв отца, Аввакум воспитывался матерью, рано женился. В 20-летнем возрасте он был поставлен в дьяконы, а через два года — в священники. Фанатик по характеру, он принялся энергично исправлять нравы своей паствы, чем сразу же навлек на себя общее неудовольствие. Непреклонный и неуступчивый, Аввакум особенно не ладил с начальством. В результате ему пришлось оставить родное село и перебраться с семьей в Москву искать защиты. В Москве он сблизился с Кружком ревнителей благочестия, познакомился с Никоном, царским духовником Иваном Нероновым, который представил его царю.

В 1652 году Аввакум был поставлен протопопом в г. Юрьевце, где он также перессорился со всеми, требуя строгого благочестия. Большая толпа мужиков и баб, вытащив его на улицу из дому, била батогами, топтала ногами, угрожала ему смертью. Аввакум опять уехал в Москву.

Но и в столице его ждали большие неприятности. Сделавшись патриархом, Никон энергично начал проводить церковную реформу. Когда Аввакум увидел это, у него, по его же собственным словам, “сердце озябло и ноги задрожали”. Он решительно выступил против реформы и против Никона. За это Аввакума сначала посадили “на цепь”, потом сослали вместе с семьей в Тобольск и, наконец, в Даурию (Восточная Сибирь). В 1663 году царь, стремясь примирить протопопа с официальной церковью, вызвал его в Москву, но Аввакум не отказался от своих убеждений и продолжал настойчивую борьбу с церковными нововведениями. В челобитной царю он обвинил Никона в ереси. Вдохновенные выступления против Никона привлекли к нему многочисленных сторонников, в том числе из среды знатного боярства (боярыня Ф.П. Морозова и др.).

В 1664 году Аввакум был сослан в Мезень, а в 1666 году его опять вызвали в Москву: царь еще не потерял надежды приручить “огнепального” протопопа. Перед церковным Собором 1666 года его десять недель уговаривали поправить раскол. Когда же это не удалось, протопопа расстригли, предали ана-

феме и в 1667 году сослали в Пустозерский острог. На это Аввакум ответил преданием анафеме своих судей и непризнанием суда Собора.

Его единомышленникам — “распопу Лазарю и Елифанию, что был старец” — устроили публичную казнь: урезали языки. Всех троих поселили в “тюрьме крепкой”, окруженной “тыном вострым в длину и поперек по десять сажень”. Внутри ограды для узников были построены четыре избы, поскольку к ним присоединили еще сибирского протопопа Никифора, а в апреле 1668 года и пятого узника — “раздьякона Федьку”.

Вожди раскольников и здесь не прекращали борьбы, рассылая “грамоты” своим единомышленникам. За это Лазарю, Елифанию и Федору опять “урезали” языки и отсекали по одной руке. Относительно Аввакума было приказано “вместо смертной казни учинить сруб в землю и, сделав окошко, давать хлеб и воду”. Проведя в сыром земляном срубе 15 лет, Аввакум написал свои главные произведения — “Книгу бесед”, “Книгу толкований”, “Житие” и др., всего 64 произведения, высоко оцененные потомками за глубокую народность, “пламенную и страстную речь бойца” против насилия и жестокости как светских, так и в особенности церковных властей. “Только раз в омертвелую словесность как буря ворвался живой, мужицкий, полнокровный голос. Это были гениальные “Житие” и “Послания” бунтаря, неистового протопопа Аввакума”, — писал А.Н. Толстой.

Популярность протопопа была так велика, что в распространении его сочинений участвовала даже тюремная стража. В 1682 году по царскому указу вместе с тремя другими узниками “за великие на царский дом хулы” Аввакума сожгли на площади в Пустозерске.

Первым к месту казни шел протопоп Аввакум, широко и истово осеняя себя двуперстным крестным знаменiem. За ним, подталкиваемые стрельцами, тихо брели его союзники — инок Елифанний, молодой еще дьякон Федор и священник Лазарь. Все трое были безъязыкие, искалеченные в пытках. На площади их ждал новенький сруб, терпко пахнувший хвоей и смолой. Они знали об уготованном им “огненном крещении” и не испытывали страха. Когда-то Аввакум писал: “А в огне том нужно малое время потерпеть — не успеешь глазом моргнуть, так душа и выступит! Разве тебе не понятно? Боишься печи той? Дерзай, плюнь на нее, не бойсь. До печи той страх — а как в нее вошел, тогда и забыл все. Когда же загорится, ты увидишь Христа и ангельские силы с ним”. Теперь настал и их черед “увидеть Христа”... Что же привело Аввакума и его союзников к столь страшной пустозерской казни? Их слова и дела, одним словом, убеждения в защиту русской правды и “старой веры”.

Аввакум первым поставил вопрос об отношении России и Запада как политико-правовой. Он, можно сказать, дал толчок постановке этого вопроса, получившего наиболее полную и всестороннюю разработку в споре западников и славянофилов. Конечно, предшественники у Аввакума были. Это Филофей и Андрей Курбский. Однако у них речь шла о сопоставлении России и Европы, о необходимости приобщения России к европейской цивилизации либо подчеркивалась чистота христианской веры, сохранившаяся еще от Рима (“Москва — Третий Рим”).

У Аввакума это соотношение приобрело характер противопоставления, причем он дал оценку Западу (в том числе и грекам), подчеркивая не только

чистоту православия на Руси, но прежде всего истинность того толкования, которое оно здесь получило. Проводится сравнение как толкований, так и жизненных принципов. По Аввакуму, русское благочестие рождено и учением, и русским опытом, отсюда следует твердость принципов нашей веры. Греческая и латинская церкви — “блядины дети”, “немцы русские”. Дело в том, что для Аввакума падение в вере неразрывно связано с падением всех духовных принципов. Поэтому и происходит отрицание (не принижение) Запада и греческого Востока. Этим во многом объясняется народность, точнее — русскость Аввакума, русскость не только по природе, но и по убеждению. Эта русскость, несомненно, была положительным явлением в правосознании народа, так как противопоставление шло по вопросу, важнее которого не было в тогдашней юриспруденции. Отсутствие чувства национальной самобытности в сознании, широкое наступление иных культур могли препятствовать консолидации правопонимания русского народа, привести к его размытию и нивелировке.

Далее Аввакум поднял и в какой-то мере решил ряд вопросов, относящихся к положению церкви и православной религии в России. Эти вопросы тоже ставились до него. Решались они по-разному: то в духе организационного совершенствования и подавления ересей (например, деятельность иосифлян), то в духе нравственного совершенствования церкви и очищения ее от мирских пороков (несвяжатели, стригильники и др.). Аввакум поставил вопрос о совершенствовании церкви в плоскости, можно сказать, ее демократизации, возвращения русской церкви истинного евангельского духа, когда она никак не отделяла себя от верующих, жила их нуждами и надеждами. Поэтому вопрос о демократизации церкви приобретает у Аввакума как бы два аспекта — внешний и внутренний.

В рамках первого аспекта Аввакум ставит вопрос о допущении к участию в управлении делами церкви различных степеней деятелей церкви, главное — проявивших себя на ниве благочестия. Он выступает как сторонник соборности в делах управления церковью, но не в том смысле, как это имело место на тогдашних соборах русской церкви, когда, по его словам, “собаки-патриархи” засуживали любого несогласного с ними. Аввакум не приемлет тот дух, который попытался внедрить в русскую церковь Никон, велевший титуловать себя “великий государь” и насаждавший авторитарность, местничество и жесткость в управлении.

Аввакум затронул и другую сторону внешней деятельности церкви — ее отношения с государством, отношения царя и церкви. Вопрос очень важный и тяжелый не только для русской мысли. В России с XVI века не все складывалось гладко в этих отношениях, и реформа церкви неизбежно затрагивала эту проблему. Шло наступление государства на автономию церкви. Церковь была не только носителем идей, но и крупным собственником. Поэтому отношения церкви и государства заключали в себе источник постоянных трений. Становление абсолютизма заставляло ответить на вопрос: каким быть новому государству? Аввакум отвечал на него в духе, соответствующем его демократическим устремлениям: церковь не над государством, а в государстве, и русский царь не может уstraняться от решения принципиальных вопросов церковной жизни. За деяния Никона, за его нововведения несет прямую ответственность царь Алексей Михайлович. Аввакум понимал государство как теократию, в нем государственная и

религиозная сферы не разделены, а едины. Шатания и гибель в вере влекут за собой смуту в государстве, а бездействие либо содействие ереси со стороны царской власти — большой грех. Поэтому, утверждал Аввакум, царь Алексей Михайлович попал в ад.

Однако в теократическом государстве власть государя (и святителя) только освящается, но она не святая. Это очень важный момент. Аввакум посвятил много времени разоблачению попыток царя заручиться такой святостью в земной жизни. Он указывал на пример легендарного царя Навуходоносора, превращенного за свою гордыню в быка. Претензия на святость со стороны царя лишает его и его подданных праведной опоры. Аввакум видел различие между Царством небесным, провозглашенным в Евангелии, и царством земным. Надо сказать, что он не был чужд реализма в понимании тяжелейшего положения русского простого люда. Сам Аввакум был жертвой царского насилия, и признать святость царя и государственной власти значило для него впасть в непримиримое противоречие со своим учением.

Идеи раскола в трактовке Аввакума имели юридико-анархистский характер, что и нашло прямое выражение в действиях раскольников. Этот характер идей Аввакума наиболее полно показывает глубокую связь раннего раскола с движением народных масс России. Аввакума с его проповедью можно сравнить со Степаном Разиным, это две стороны одного явления, а именно неустроенности и бедствий русских людей на переломе истории. В этом свете, думается, не были случайными столкновения Аввакума со светскими властями (лопатинским начальником, воеводой Пашковым, Шереметевым, самим царем Алексеем Михайловичем). Это была одна из первых в России попыток правовой оценки новой государственной власти, а критерии такой оценки были первоначально даны Евангелием и принципами Кружка ревнителей благочестия. В дальнейшем Аввакум углубляет эти критерии за счет обращения к гуманизму, к человеку, к своим личным страданиям, вере и надеждам. Аввакум пытается вернуть церковь к истинному благочестию, а оно заключается в ее возврате на почву евангельских принципов не по форме, а по существу. Церковь создавалась бедными людьми, поэтому она и должна служить в первую очередь им. Отступление от этого принципа привело к искажению сущности церкви. Поэтому идею ее совершенствования Аввакум сопровождал критикой существующей церкви, продолжая традиции еретических течений в русском средневековом обществе. В конфликте Аввакума заключалась трагическая развязка: кто-то должен был погибнуть — либо он, либо существующая церковь. Выступление Аввакума, как и все подобные выступления противников реформы церкви, было утопичным и заранее обреченным на неудачу, однако его деятельность представляла собой яркое пятно во всей критике официальной церкви от XIV до XIX столетия. По крайней мере Хомяков, Достоевский, Лев Толстой в своем понимании истинного православия были значительно ближе к раскольнику Аввакуму, чем к Филарету или Иоанну Кронштадтскому.

Борьба Аввакума за демократизацию церкви нашла выражение и в его попытке приблизить религию к жизни своих современников путем доступного разъяснения и толкования Священного Писания. Если учесть сложность церковного языка, слабую грамотность населения, то стремление Аввакума дать доступное народу истолкование библейских текстов и религиозных книг имело огромное значение в идейной борьбе эпохи. Аввакум продолжает лучшие тради-

ции древнерусской юриспруденции (Иларион, Кирилл Туровский и др.). Как и его предшественники, он являлся, несомненно, религиозным мыслителем, однако религиозность Аввакума носила неканонический характер. Ему было чуждо отвлеченно-схоластическое мышление, приемы которого утверждались и в более раннее время (Зиновий Отенский, Максим Грек), и в его времена (Елифаний Славинецкий, Симеон Полоцкий, Лазарь Баранович и др.). Аввакуму была присуща если не материализация богословских понятий и символов, то по крайней мере их реальное истолкование. Жизненный опыт народа, здравый смысл и разум человека, то, что впоследствии получило название ренессансного гуманизма, постоянно присутствуют в толкованиях Аввакума.

Библия для Аввакума — закон жизни, обобщение справедливых отношений, и именно это придает ей характер вечности и правды, а не чудо, не внешняя сторона религии. Однако такое объяснение библейских текстов не исключает чуда, мистического восприятия действительности, иначе Аввакум не был бы сыном своего времени, да и предмет не тот. Однако его мистицизм рождается на почве внутренней религиозности, на признании свободы воли и равенства всех людей перед Богом, на основе подвижнического образа жизни. Аввакум, например, описывает, как к нему являлся Христос, как с ним разговаривали ангелы или сатана. Много места уделено описанию чудес, происходивших с ним или свершенных им, и это не литературные образы или приемы. Дело в том, что стезя “истинной веры” через чувство, через углубление личного восприятия Христовой правды до непосредственного слияния с ней во внутреннем мире человека и в его деяниях неизбежно должна была приводить к мистике, к предпочтению чувства разуму, веры науке. Аввакум постоянно подчеркивал, что он грамоты и наук “блядских” не знает, призывал не учить так, как Платон и Пифагор, Аристотель и Диоген. Их учения чреватые гордыней, когда “осуетишася своими умышленьми, уподобятся Богу своею мудростью... во ад угодиша”. Он был противником “внешней мудрости” и светского образования. Для такой позиции, кроме соображений внедрения истинного благочестия, глубокой веры, Аввакум находил основания и в особенностях тогдашних наук. Они были “латинскими” по своему происхождению, и их распространение в России могло привести к падению православия, что, как уже было сказано, чрезвычайно беспокоило Аввакума и его сторонников. Науки отрицались не по практическим результатам, не по каким-либо теоретическим соображениям, а в силу их прозаической направленности и антихристианских целей.

Право Аввакум понимает в религиозном плане. Если говорить о теоретических предпосылках его позиции, то их можно увидеть в требовании строгого следования евангельским заповедям. В своих беседах и толкованиях Аввакум постоянно ссылался на Евангелие, приводил многочисленные примеры из священных текстов. Это типичная для средневековых богословов черта, и, может быть, с этой стороны Аввакум не оригинален. Оригинален он тем, что основания права ищет не просто в вере, а именно в истинной вере. Вера, а не фарисейство служит основой правомерного поведения человека.

Благочестие и достоинство оказываются непрерывно взаимосвязанными категориями справедливости, и, таким образом, вопрос о праве становится вопросом не только теоретическим, но прежде всего жизненным. Благочестие предполагает не только религиозное рвение и подвиги, хотя и это не исключается. Известен случай, когда самому Аввакуму пришлось бороться с искушениями плоти,

положа руку на огонь свечи. Правопонимание Аввакума сопряжено с молитвой, поклонами (до нескольких сот), бдениями и чтением книг, оно предполагает постоянное общение с Богом. Здесь он очень близок Нилу Сорскому с его теологической трактовкой естественных прав человека. И если Аввакум борется с распушенностью, с языческими обычаями и игрищами, то борется не от своего лица, а от имени Бога. Поэтому поведение тогдашнего русского духовенства совсем не подходило под юридические принципы Аввакума. Однако, будучи схожим в подходе к христианской правде с Нилом Сорским, Аввакум отличался от него тем, что отвергал аскетизм, умерщвление плоти и тому подобные духовные подвиги. Спасение человека — не в углублении в себя, не в “умной молитве”, а в его правомерных поступках, в его отношении к другим людям и к долгу относительно государства. “Бог не словес хочет наших, а дел” — юридическое кредо Аввакума.

Правовая идеология раскола имела ярко выраженный антииндивидуалистический характер. Человек своими поступками спасает свою душу только на пути искреннего служения Богу, что требует гармонии государственного и личного в поступках. Человек спасает себя, спасая других. Жизнь Аввакума и его сподвижников является тому примером. Деятельность его, как бы ее исторически ни оценивать, — это не только пример ревностного исполнения долга священнослужителя, но и, прежде всего, гражданский подвиг.

В мире идет постоянная борьба между добром и злом, силами Христа и антихриста, правдой и ложью. Тогда это было общепринятой аксиомой. Однако позиция Аввакума отличалась от взглядов многих его современников, которые говорили об Апокалипсисе, тем более что, по предсказаниям, антихрист должен был прийти в 1666 году. Отдельные вожди раскола видели антихриста в Никоне. Аввакум же считал Никона только предтечей антихриста. И он совсем не полагал, что в мире победит зло, а, наоборот, считал, что борьба Зверя (“Вавилонской блудницы”) не может закончиться победой над Божьей церковью, потому что эта борьба идет в сердце каждого человека, а человек изначально добр вследствие искупительной жертвы Бога Иисуса Христа. Ведь борются не Христос и антихрист сами по себе. В каждом из нас борются силы Христа и антихриста, и поле их борьбы — сердце человеческое. Силы Христа есть то, что соединяет людей в любви, благочестии и добродетели. А потому подвиг на стезе благочестия — это служение и Богу, и людям одновременно. Для Аввакума истинная церковь — не совокупность служителей и церковного имущества, не определенный порядок культа, а земное отражение духа и учения Христа. Догматизм Аввакума в данном вопросе чрезвычайно последователен, поэтому на его основе и стало возможно выработать правовые критерии, которые оказались применимы не только к отдельным лицам, но и ко всей русской жизни.

Понимание реальной связи общего и отдельного в сфере права позволило Аввакуму поставить в центр своих размышлений не только проблему церкви, но и прежде всего проблему человека. Этим он отличается от наших ранних реформаторов — стригольников, которые тоже пытались поставить в центр юриспруденции личность. Стригольники в духе раннего номинализма общее видели лишь в единичном, они переносили центр тяжести исключительно на человека, для них истинная церковь — сумма индивидуальных добродетелей. В отличие от такого правового номинализма Аввакум не только видит общее в отдельном, но и придает самостоятельный статус общему в виде истинной церкви.

Человек в юриспруденции Аввакума играет основную роль, как и церковь Христова. Реальный человек воплощает в себе единство права и произвола, божественного и земного, поэтому человек для него не смиренный раб Божий, а полноправный представитель Бога на земле. “Все в мире наделано для человеков”, — говорил Аввакум. Однако таковым человек является только в том случае, когда он в церкви, когда его дела освящены поиском правды, лишь тогда он личность. Все преходяще — и богатство, и здоровье, и радости, и мучения, незыблемой должна быть только правая вера, причем вера, основанная на новозаветных законах, а не фанатичная, вера как органический синтез чувства и разума, вытекающая из Священного Писания.

Для Аввакума стал возможным глубокий реализм в понимании жизни своих единомышленников, людей, неколебимо твердых в вере. В послании “О трех исповедниках слово плачевное” по случаю гибели Ф.П. Морозовой, Е.П. Урусовой и М.Г. Даниловой читаем: “Увы, чудеса! О преславное! Ужаснись небо, и ад сдвинься с основания земли! Ибо эти три девы непорочные считаются мертвыми, и в бесчестном худом гробе полагаются, сами вмещают в себя весь мир”. В изображении Аввакума его сподвижники — это не отвлеченные образы святых православной церкви, а живые люди, которые благодаря своему духовному подвижничеству возвышаются над толпой, над миром. На таких людях, по Аввакуму, и стоит мир. Своим подвигом они принадлежат не только себе, но и церкви, и миру в целом.

Протопоп Аввакум открыто осуждал порядки, при которых “смирненные и маленькие” люди подвергаются угнетению со стороны больших, критиковал такие пороки, как сребролюбие, немилосердие, чревоугодие, распространившиеся не только среди мирских, но и среди духовных начальников. Равенство всех людей на земле он считал единственно угодным Богу земным состоянием, ибо “Бог землю общей сотворил... день равно всем светит, и солнце сияет равно, чтобы друг друга любя жили, как в едином доме”. Только личный труд является средством правоверного существования.

Аввакум не соглашался с абсолютистской трактовкой власти и ее носителя — царя. Светская власть — исторически преходящий институт: настанет день, когда “Бог уничтожит всякое начальство и всякую власть и силу”. Царя он рассматривает как ставленника божественного промысла, одновременно подчеркивая его человеческую природу, в силу которой он, как и все люди, только “раб Божий” (а не Бог), возвышающийся над людьми врученным ему “скипетром царствия”.

Аввакум прямо говорит о недовольстве в русском обществе царем и его политикой, называя Алексея Михайловича “безумным царишкой”, который может похвалиться перед народом только “топором да виселицей”. Протопоп осуждает царя за то, что тот “восхочет стать Богом”, т.е. за чрезмерное возвеличивание царской персоны и узурпацию всей верховной власти. Весьма характерны слова, обращенные к царю Алексею Михайловичу: “Видишь ли, самодержавче? Ты владеешь на свободе одною Русскою землею, а мне Сын Божий покорил за темничное сидение и небо и землю; ты, от здешнего своего царства в вечный свой дом пойдя, только возьмешь гроб и саван, я же, присуждением вашим, не сподоблюсь савана и гроба, но нагие кости мои псами и птицами небесными растерзаны будут и по земле влачimy; так добро и любезно мне на земле лежать и светом одетом и небом прикрытым быть; небо мое, земля моя, свет мой

и вся тварь — Бог мне дал...” Далее Аввакум описывал, как к нему явились ангел, Богородица и Христос “с силами многими”. Христос “сказал мне: не бойся, я с тобою”.

Раскольники критиковали абсолютистские тенденции, явно набравшие силу в период царствования Алексея Михайловича, и выступали против жесткой регламентации всех сторон общественной и политической жизни. Их юридический идеал строился на принципе соборности в организации церковного и государственного управления. Они настаивали на обязательности включения в состав церковных соборов представителей низшего белого духовенства и мирян, разрешения всех церковных дел соборным большинством. Эта схема переносилась ими и на организацию светской власти.

Основой русского справедливого общества, по мнению старообрядцев, должна стать община, базирующаяся на раннехристианских ценностях: правде, вере, истине, любви, общности имущества, братстве, равенстве, всеобщности труда, осуждении богатства и частной собственности.

Расколуучители призывали бежать из “чужой земли”, находящейся под властью царя-антихриста, в “свое отечество”. Эти призывы стали популярными в народе. Люди массами шли за учителями раскола, покидали посады и деревни, уходили в далекие леса на север, за Волгу и там основывали раскольничьи общины — скиты, надеясь найти избавление от несправедливой жизни. Это был единственный способ спасения.

Раннехристианские идеи старообрядцев определили и мистические стороны их учения, особенно в плане возрождения эсхатологии и мессианизма. Расколуучители неоднократно назначали дату второго пришествия Христа, призванного покарать грешников “чужой земли” и установить справедливый порядок на всей Русской земле. Настроения ожидания скорого пришествия мессии сочетались с призывами к терпению, фанатичной приверженностью старине и осуждением всего нового вообще, принципиальным отрицанием всего иноземного.

Раскол был враждебен светской культуре и знанию, в среде раскольников развивались изуверские секты и направления вроде скопцов. Сотни и тысячи раскольников подвергли себя мучительному “огненному крещению” — самосожжению. Раскол уводил народные массы от активной борьбы, направлял их протест в русло мистики, фанатизма, аскетизма, религиозной экзальтации.

ЛЕКЦИЯ 4. **Народная юридическая мысль.** **Степан Разин**

XVII век демонстрирует процессы ускоренной демократизации юридической мысли, складывания народной платформы в понимании государства и права. Они объясняются как минимум двумя факторами. Первый — социально-политический. Именно тогда крепостная эксплуатация достигла невиданной до тех пор силы; завершился процесс оформления крепостного права в общегосударственном масштабе. В это же время продолжалась широкая раздача земель служилому дворянству. Боярством предпринимались активные попытки отвоевать позиции, утраченные в эпоху реформ Ивана Грозного. И то и другое сопровождалось превращением многих групп крестьян (служилых и кабалных холопов, черносошных, крестьян недавно колонизованных окраин — так называемых

“украинных” и “полесских” земель Поволжья) в крепостных, сгоном крестьян с “черных земель”, которыми они пользовались по традиции, значительным расширением барской запашки, ростом оброков и т.п.

Стремление феодалов охватить “крепостью” все слои крестьянства в сочетании с общим усилением эксплуатации, постепенной и полной отменой права “выхода” (т.е. смены сюзерена) оказало огромное влияние на развитие правосознания народа. Утратив надежду на “хорошего господина”, к которому можно уйти, заплатив прежнему “плохому” “пожитые”, т.е. вырваться из кабального холопства, рассчитавшись с долгами, низы обратились к протесту и вольнодумству. События 1612 года, распри, народные восстания и крестьянская война под предводительством Степана Разина (1670—1671) — все это оказало неизгладимое влияние на русское демократическое правосознание.

Другой фактор — технический. Печатные издания оказались серьезными конкурентами рукописных книг. В дальнейшем широкий размах книгопечатания подготовил выход юридической мысли за пределы класса феодалов. И все это имело далеко идущие последствия. Крестьяне и посадские люди не только читали книги, но и сами в той или иной форме выражали свои думы, настроения, свое правопонимание. В процессе стихийного протеста народных масс против крепостничества пробуждалась и формировалась их юридическая мысль. Наиболее отчетливо народное правопонимание выражалось в форме социальных настроений, общественном мнении масс, находя выход прежде всего в богатом по содержанию и многообразном по жанрам фольклоре. На основе фольклора, являющегося своего рода энциклопедией, сокровищницей правового опыта, знаний и художественных достижений широких масс, представляется возможным составить более или менее четкое представление о правосознании народа. Творчество его проникнуто страстной верой в силу человеческого разума и конечную победу правды над кривдой. Признание фольклора своего рода обобщением опыта, сгустками народной мудрости — это и есть свидетельство его значения в отечественной юриспруденции.

Ведущей темой демократической юриспруденции в XVII веке выступает идея борьбы народа за свои права. При ее раскрытии дана глубокая критика отдельных сторон существующего государства. Народ критикует пристрастность сословного приказно-воеводского суда, взяточничество (“На поклеп денег не напасться”). Характерна в этом отношении “Повесть о Шемякином суде”. Народ высказал свое отрицательное отношение к внутридворцовой борьбе за власть, преследовавшей узкокорыстные цели отдельных групп феодальной верхушки.

Народ критикует и духовных феодалов, их образ жизни, лицемерие. Гротескное изображение монастырской жизни в наиболее обобщенном виде дано в “Калязинской челобитной”, “Повести о Карпе Сутулове” и других произведениях антиклерикального фольклора, в яркой форме запечатлевших свободомыслие народа, стремление к свободе личности, стихийно-материалистические взгляды народа, его повседневную борьбу за духовное и социальное раскрепощение.

Критикуя существующий политико-правовой строй, пытаясь сделать определенные юридические обобщения, народ вырабатывал собственные представления о целях и задачах государства. Герой “Повести о Горе-Злосчасти”, представляющей собой высшее достижение народной поэзии XVII века, знал,

что в человеческой природе заложено непреодолимое стремление к счастью, к лучшей, достойной человека жизни. В целом ряде повестей ("Калязинская чело-битная" и др.) право простого человека на земные радости резко противопоставляется проповедуемому церковниками лицемерному аскетизму. В фольклоре выпукло выступает крестьянский здравый смысл — качество, повсеместно присущее мужику, который не только у нас, а во всем мире является практиком и реалистом.

У народных масс многие представления о лучшей жизни связывались преимущественно с хорошим царем. Это был так называемый наивный монархизм крестьян, сохраняющийся по сей день. Можно говорить о их наивной вере и в других представителей светской и духовной власти. На тех представителей власти, от которых они особенно страдали, крестьяне искали управу у людей починовнее, повлиятельнее и посильнее. Известная слабость, историческая ограниченность народного правопонимания объясняются забитостью, темнотой крестьянства, веками воспитанными в нем предрассудками. Эта ограниченность и находит свое выражение в наивном монархизме, отсутствии достаточно четких представлений о будущем.

Критикуя существующие политико-правовые порядки, народ проявляет себя настоящим патриотом. И совершенно не случайно так много демократических произведений посвящено, например, борьбе за Азов — славной героической странице русской истории, многовековой борьбе со шведской экспансией и т.д.

Высокие представления о будущем государстве, справедливости вырабатывались и в процессе развития еретического движения, выражавшегося в XVII веке главным образом в форме сектантства и старообрядчества. При всех имевших место различиях оба эти направления еретической мысли абсолютно солидарны в критике официальной церкви и ее догм. Проповедуемый в ранних сектах мотив "воздержания" выражал горячий протест против существовавшей монополии правящего класса на богатство и роскошь. Астетизм сектантов совпадал с крестьянским представлением о равенстве. Это особенно импонировало настроениям тех элементов крестьянства, которые втягивались в товарно-денежные отношения.

Народная юридическая платформа формировалась в рамках эпического творчества, где отчетливо проявлялось осознание необходимости борьбы с внутренними и внешними врагами Руси. Возникая в процессе исторических событий, народные песни и былины отразили грандиозную социальную и национальную борьбу русского народа. Главный их образ — образ Москвы как символа всего Русского государства. Каждый вариант эпического произведения отражает веки борьбы за укрепление национальной государственности, показывает тревогу народа за свою страну и его желание отстоять целостность и независимость Родины.

Первым эпическим произведением XVII века является "Песня об убиении царевича Димитрия и воцарении Бориса Годунова". Она начинается с горестного восклицания о том, что в Угличе убили царевича. И следствием этого является Божье наказание — воцарение Гришки Отрепьева. Здесь не сказано, кто убил царевича, но вполне явно подчеркнуто, что именно это убийство — причина всех зол, случившихся в начале XVII века. Несчастье постигло государство, настало "смутное время". Горе выражено в "Песне" с предельным лаконизмом и исключительным мастерством. Оно как наводящий ужас крик, вырвавшийся из

потрясенной и отчаявшейся души, отражает страх за настоящее и будущее страны, доводя до сознания слушателя невозвратимую потерю былой стабильности государства.

Убийство Дмитрия объясняется тем, что "Россиюшка" досталась "злодейским рукам, боярам-господам". Из них сумела выделиться одна "буйная голова" — Борис Годунов, который своим окружением, всей средой был подготовлен для совершения злодейского дела. Здесь уже отразилось понимание народом того положения, что засилье бояр приводит государство на грань катастрофы.

Свое отношение к событиям периода смуты народ выразил и в многочисленных произведениях о самозванцах. Они преследовали цель доказать простому народу и казакам, что не было царевича Дмитрия, что вместо него на троне был Гришка Отрепьев, ставленник польско-литовских феодалов. Такая политическая направленность эпоса о самозванцах вполне очевидна, если вспомнить, что юридическим лозунгом восставших, руководимых Болотниковым, был лозунг "за царя Дмитрия".

Ни одно из произведений о самозванцах не было записано среди той части населения, которая состояла из беглого люда, оседавшего на Юге, в казачьих районах. И это вполне понятно. Казачество поддерживало самозванцев и верило в них как в "истинных" и "законных" царей. Казаки, именовавшиеся "ворами" в официальных бумагах боярства и земства, не могли признать "ворами" и разбойниками ни себя, ни тем более тех царей и царевичей, которых они поддерживали. Борясь за свою свободу, они вполне законно считали себя носителями самых справедливых идей. Такое убеждение, как говорят исторические песни последующего времени, осталось у населения Юга и в то время, когда на престоле оказался Михаил Романов. Почти все время царствования этого правителя южное казачество не признавало его, так как не участвовало в его избрании. Несомненно, и во время царствования Михаила казаки мечтали об "истинном", "законном" царе.

Казаки оправдывали свои действия, выдвигая идею борьбы "за царя Дмитрия". Они объясняли свою веру в возможность чудесного спасения царевича Дмитрия от смерти в исторических песнях о Грозном и его сыне Федоре, тоже спасшемся чудом. Когда разгневанный царь велит Малюте Скуратову казнить сына Федора Ивановича, царевича спасает его дядя Никита Романович, вырвав его из рук палача и поставив на его место своего молодого слугу. Таким образом, царевич, которому угрожала смерть, спасен через подстановку другого лица, что впоследствии и обнаруживается. Конечно, мотив этот напоминает подобные же подмены в сказках, но в данном случае его появление в исторической песне могло быть вызвано народной молвой о подобной подмене, совершившейся в царской семье. Лжедмитрий и его сторонники усердно распускали в народе слухи, что вместо обреченного на смерть Борисом царевича Дмитрия в Угличе был зарезан другой мальчик (слуга Дмитрия или иерейский сын), с которым царевич по настоянию его врача (немца Симона) обменялся платьем. Слуга был зарезан злодеями, направленными Борисом, а Дмитрий спасся бегством. Так сам Лжедмитрий передавал обстоятельства своего спасения, так объявили в народе официально, та же молва дошла до иностранных писателей-современников.

Резкие формы борьбы Ивана Грозного с боярством, энергичная перегруппировка земельной собственности, деформация традиционных сословных перегородок, совершавшиеся как бы единоличной волей, создавали иллюзию способности царской власти не только регулировать феодальные отношения, но и вводить или отменять эксплуатацию или ту или иную форму этих отношений. По мере развития процесса централизации царь все более представлялся народным массам силой, стоящей над классами и их взаимоотношениями. Этому же способствовала и политика церкви, окружавшая царя и царский престол ореолом святости, поддерживавшая версию божественного избранничества царского рода. Все это породило множество легенд о “возвращающихся” царях (царевичах) — избавителях.

Легенды — это устные народные рассказы политико-правового характера, повествующие о событиях или явлениях, которые воспринимались авторами как продолжающиеся в современности. В демократическом правосознании всегда существовали такие легенды с образами народных заступников: хороший царь типа Ивана Грозного, благородный разбойник типа воронежского Сидорки, справедливый боярин типа Никиты Романовича из “Песни о гневе Грозного на сына”, Христос или Святой Николай из народных религиозных легенд, богатырь типа Ильи Муромца, освобождающий черниговцев от татарской осады, и др. Политико-юридическое содержание этих образов весьма различно. И все же у них есть одна общая черта — эпизодический характер заступничества. Юридически значимые поступки, которые совершают герои легенд, не разрушают и не создают новые правоотношения.

Иное дело легенды XVII века, особенно об “избавителях”, которые ожидают народом, которые должны изменить жизнь народа, состояние государства и господствующие в нем эксплуататорские отношения феодалов и крестьян. Такие легенды были двух типов: религиозно-мессианские легенды о спасителях и легенды политико-юридического характера о “возвращающихся” царях (царевичах) — избавителях. Для студентов-юристов важно знать содержание легенд второго типа.

В основе их сюжетов лежит типичная схема: 1. Избавитель намерен осуществить политико-юридические преобразования (освободить крестьян или внести существенные изменения в их права). 2. Отстранение избавителя: бояре (дворяне)-крепостники свергают царя-избавителя и хотят его убить. 3. Чудесное спасение избавителя (он совершает побег из заточения). 4. Избавитель скрывается, странствует по Руси. 5. Встречи с избавителем или получение от него вестей (избавитель рассылает указы “золотой строчкой”). 6. Правящий царь пытается помешать избавителю осуществить его намерения (предлагает компромисс, который избавителем отвергается). 7. Возвращение избавителя (он явится тогда, когда восставшие войдут в Москву). 8. Узнавание избавителя (по “царским отметинам” на теле). 9. Воздарение избавителя и отмена им крепостного права (превращает крепостных крестьян в государевых и облегчает повинности). 10. Пожалование ближайших сторонников. Наказание изменников, незаконного царя, придворных, дворян и т.д.

Для XVII века характерно появление в народном правосознании легенд о “далеких землях”. Окончательное закрепощение крестьян и экономическое наступление помещиков на крестьянское хозяйство и земли устремило массы недовольных крестьян за пределы территорий, освоенных феодальным государством. Необык-

новенно быстрое заселение опустевших было пространств Дикого поля, формирование донского, терского и уральского казачества, быстрое освоение Заволжья и Южного Приуралья, завершение колонизации Европейского севера, наконец, не имеющие precedентов в мировой истории “прохождение” Сибири от Урала до Тихого океана менее чем за одно столетие (1581—1648), главным образом вольными, стихийными, мужицкими колонистами, — все эти факты могут быть объяснены только стремлением русского народа столь своеобразным способом избавиться от все усиливавшегося феодального гнета. Выход крестьян на вольные земли и был тем фактором, который породил легенды о “далеких землях”.

Это были рассказы о существовании за пределами освоенных земель (в Сибири, на Дальнем Востоке, в Монголии, Китае, на Курилах, Сахалине, в Японии) каких-то чудесно богатых и вместе с тем вольных, далеких от “начальства” мест. Один из таких рассказов — легенда о богатой Даурии, где живут бородатые люди, похожие на русских. Они ходят в “азямах” и “куяках збуриных”, живут “дворами”, “хлеб у них, и лошади, и скот, и свиньи, и куры есть, и вино курят, и ткут, и прядут со всего с обычая русского”. В довершение всего, “и про серебро-де сказывали, что у тех бородатых людей, у даур, есть, и те-де будто дауры русских людей желают видеть для того, что называются им братьями”. В сочетании со слухами о необыкновенном богатстве Даурии, ее казацко-общинной жизни эта легенда привлекала множество беглецов и переселенцев в “далекие земли”. Документы отмечают, что в 1653 году Хабаров ехал с Амурского в Москву в камчатском платье и по дороге хвалил Даурию и “подговаривал, чтоб шли в ту богатую землю всякие люди”.

Народная юриспруденция достигла своего высшего развития в казачьей среде, ставшей ядром народных движений и крестьянских войн. В истории нашего Отечества есть темы, к которым никогда не угасает интерес. Сколько бы книг, публикаций им ни посвящалось, люди разных возрастов и поколений, вкусов и увлечений ждут нового слова на эти темы, потому что они поистине неисчерпаемы. К их числу относится и описание величайшей в феодальную эпоху битвы народных масс России за землю и волю — крестьянской войны 1667—1671 годов, возглавленной Степаном Тимофеевичем Разиным.

Еще звучали выстрелы со стен Астраханского кремля, бушевали ожесточенные схватки тогдашних “белых” и “красных”, а первый ее летописец уже тайно писал свои листы, чтобы спустя восемь лет составить об этих событиях летописное сказание. Это был сын боярский Петр Алексеев Золотарев, служивший у астраханского митрополита Иосифа, казненного разинцами. В написанном им сказании (“Золотаревском летописце”) он излил свою ненависть к восставшим, накопленную за полтора года тревожной жизни в захваченной разинцами Астрахани, но в то же время и запечатлел свидетельство очевидца об этом “бунташном” времени.

С тех пор о Разине написано море страниц, его образ входит в нашу жизнь с детства вместе со школьными учебниками, со старинными песнями и преданиями, с названиями и переименованиями улиц, со знаменитой суриковской картиной, с книгами Пушкина, Костомарова, Шукшина.

Разин (1630—1671) — выходец из семьи зажиточного казака. Отец его, Тимофей Разя, был близок к казацкой верхушке Дона. Разин много ходил по России, был членом посольства в Москву и к вождям калмыцких племен, участвовал в качестве атамана в набегах на крымских татар.

В то время донское казачество делилось на два враждовавших лагеря. “Низовые”, “домовитые” казаки составляли зажиточную верхушку, а “верховые”, “голутвенные” казаки (голытьба), жившие в верховьях Дона, являлись в большинстве недавними беглыми крестьянами и занимали несравненно более низкое положение. Последние подвергались эксплуатации со стороны “домовитых” казаков, ссужавших их деньгами и снаряжением для военных походов за долю в будущей добыче.

Жизнь Разина круто изменилась, когда он порвал с казацкой верхушкой и возглавил гольтьбу в Кагальнике (верховье Дона), организовав Каспийский поход 1667—1669 годов, не санкционированный войсковым кругом. В этот период Степан предстает не только как казацкий атаман, но и как человек, не побоявшийся бросить дерзкий вызов властям, защитник обиженных и угнетенных, предводитель, стремящийся сохранить за собой постоянную военную силу и расколовший, по существу, Дон на два враждебных лагеря.

Популярность Разина росла с каждым днем. Голутвенному казачеству импонировали его смелость, удаль и находчивость, его победы, захват колоссальной добычи. Астраханские низы бурно приветствовали разодетых казаков, восторженно глядели на сделанные из дорогих персидских тканей паруса разинских стругов. Но главное, что потрясло народ при известиях о первом разинском походе, это факты расправы с представителями властей, разгромы правительственных войск.

Божакom мятежного крестьянства Разин становится в 1670 — 1671 годах, во время второго похода на Волгу, который превратился в мощную крестьянскую войну, охватившую Поволжье и ряд других районов России. По методам действий Степан по-прежнему оставался казацким атаманом, но его движение приобрело крестьянский, антикрепостнический характер. Примечательна следующая речь Разина перед восставшими астраханскими стрельцами и простым народом у трупов “начальных людей”: “За дело, братцы! Ныне отмстите тиранам, которые до сих пор держали вас в неволе хуже, чем турки или язычники. Я пришел дать вам всем свободу и избавление, вы будете моими братьями и детьми, и вам будет так хорошо, как и мне, будьте только мужественными и оставайтесь верны”. После этих слов “каждый готов был идти за него на смерть, и все крикнули в один голос: “Многая лета нашему батьке! Пусть он победит всех бояр, князей и все подневольные страны!” (В.И. Бубанов).

Объявив всеобщую мобилизацию дворян, царь смог нанести поражение восставшим под Симбирском (4 октября 1670 года), а Разин, получивший ранение, ушел на Дон и, укрепившись в Кагальницком городке, стал собирать силы для нового похода. Однако в апреле 1671 года “домовитые” казаки захватили и сожгли этот городок. Разин был взят в плен и привезен в Черкасск, а затем в Москву, где был казнен на плахе возле Лобного места. В своих “прелестных грамотах” Разин обращался к “опальным” и “кабальным” и всяким “бездомным людям”, обещая дать им волю и землю и призывая всех “выводить мирских кровопивцев”. В “прелестных письмах” разинского лагеря неоднократно сообщалось о намерениях “всем чорным людям дать свободу”. Существенной чертой этой войны явились призывы к нерусским народностям, которых агитировали принять участие в военных действиях против властей.

В представлениях Разина о желаемой политической организации сказалось влияние порядков донского станичного казачьего круга. На захваченной территории

власть оформлялась по типу организации казачьих военных единиц на базе станичных круговых собраний. Все органы царской администрации уничтожались, вводилось выборное самоуправление. Он не воспользовался обычной формой самозванства и не объявил себя даже близким к "царскому кореню". В данном случае избавителем народа от угнетения и несправедливости был сам Степан Разин в собственном обличье.

Разинцам была близка идея равенства. Об этом свидетельствуют не только решение всех сложных вопросов на кругу, но и разделы захваченного имущества поровну. Однако при решении проблем организации верховной власти в среде восставших сохранялся наивный монархизм. Разин полагал, что он борется не с царем, а с его неверными слугами, он призывал "послужить государю", "идти на Русь против государевых неприятелей, изменников". Разинцы распространяли слух, что сын Алексея Михайловича, царевич Алексей, умерший в 1670 году, жив, ему удалось спастись от гнева отца и злых бояр и он сам находится среди восставших. Повстанцы имели струг, покрытый красным бархатом, на котором якобы плыл сам царевич Алексей. Такое же агитационное воздействие имел и другой струг, обитый черным бархатом, на котором будто бы находился опальный патриарх Никон.

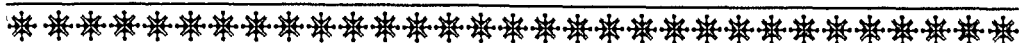
Поддержанию и укреплению процаристских настроений крестьян способствовала довольно гибкая политика верховной власти, создавшая иллюзию своеобразного "патриархального демократизма" самодержавия. При столкновениях населения с местными властями царская власть иногда карала наиболее ретивых лихоимцев и притеснителей. Такие факты запоминались надолго и создавали представление о справедливости царской власти. В народе говорили: "Жалует царь, да не жалует псарь".

ЧАСТЬ
ВТОРАЯ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ
ИМПЕРАТОРСКОЙ
РОССИИ

РАЗДЕЛ I

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ РОССИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

ЛЕКЦИЯ 1. Общая характеристика. Петр I

Юриспруденция России первой половины XVIII века развивалась под знаком петровских реформ, в результате которых завершился длительный процесс экономической и политической централизации страны. Абсолютизм утвердился как средство укрепления крепостнического порядка, консолидации в единый класс — сословие боярства, дворянства и бюрократии.

Обычно абсолютная монархия возникала в Европе в переходные периоды, когда старые феодальные сословия приходили в упадок, а из средневекового сословия горожан формировался современный класс буржуазии и ни одна из бо-
рющихся сторон не могла взять верх над другой.

Особенность российского абсолютизма заключалась в том, что он утверждался на прочной крепостнической основе, при слабости торгово-промышленных кругов, еще неспособных решительно отстаивать свои интересы. Для укрепления государства и защиты национальных интересов на международной арене самодержавие брало их под свою опеку, проводило меры, благоприятствующие их развитию (приобщение к европейскому рынку благодаря выходу к морю, политика меркантилизма), не посягая при этом на позиции земельных магнатов.

Вплоть до начала XVIII века в русской юриспруденции господствовало религиозное мировоззрение. Борьба классов и выдвигаемые в ходе ее политико-правовые требования находили выражение на языке библейских текстов, а развивающаяся наука о справедливости избирала компромиссные по отношению к богословию формы учения о раздельном познании истин божественных и человеческих. Теперь же богословие стало препятствием на пути прогрессивного развития правовой культуры. Оно не только ревниво отстаивало представление о неподвижности Земли как центра Вселенной, но и обосновывало неизменность средневекового правопорядка и тем самым имело явную политическую направленность. Схоласты монополизировали область познания и превратили все науки, находящиеся за пределами богословской догматики, во вспомогательные дисциплины, в служанок одной царицы — теологии. Служебную роль выполняла и юриспруденция, развитие которой проходило в основном за счет ассимиляции русского обычного права с христианскими концепциями.

Перелом наступил в эпоху Петра I, когда его преобразования положили начало светским науке и образованию, что подорвало идеологическое влияние церкви на юридическую мысль. Кроме того, обучение русских людей за границей,

путешествия дворянской молодежи с целью повышения образования значительно расширили культурные горизонты русского общества, способствовали быстрому проникновению в его ученые круги гуманистических и рационалистических взглядов раннебуржуазных мыслителей Западной Европы: Г. Гроция, Т. Гоббса, С. Пуфендорфа, Х. Вольфа и др.

У истоков светской юриспруденции России стояли сам Петр I и его ближайший сподвижник Феофан Прокопович. Светскую, весьма оригинальную альтернативу дальнейшей преобразовательной деятельности императора предлагал Иван Посошков.

Петр I не оставил потомкам специальных политико-юридических трактатов, его идеи о государстве и праве рассыпаны в эпистолярном наследии, обширном российском законодательстве первой четверти XVIII века, многогранной преобразовательной деятельности. С трудами западных ученых-юристов он познакомился лишь на склоне лет, после того как трактат Пуфендорфа "О должности человека и гражданина" был переведен на русский язык архимандритом Троице-Сергиева монастыря Гавриилом. Последний вспоминал, что царь "при собраниях же сенаторов, и в царских своих палатах, и на ассамблеях в домах сенаторских оные первые десять глав прочтенные похвалял и всего автора ее Пуфендорфа мудрым именовал юриспетом (законодателем)". Петру, несомненно, импонировала мысль Пуфендорфа, которой он независимо от правоведа руководствовался в своей жизни: "Кто на других что налагает, тое и сам ко оным творити должен".

Мимолетной, на свадьбе сына Алексея с вольфенбюттельской принцессой Шарлоттой-Христиной-Софией в Торгау, была встреча Петра I с немецким юристом, философом и математиком Г.-В. Лейбницем, который впоследствии писал: "Я ездил в Торгау не столько для того, чтобы посмотреть на свадебное торжество, сколько для того, чтобы видеть замечательного русского царя. Замечательны дарования этого великого государя". Далее в беседе с царем Лейбниц якобы уподобил государственный механизм механизму часов и посоветовал Петру, "что государство можно привести в цветущее состояние только посредством учреждения хороших коллегий, ибо как в часах одно колесо приводится в движение другим, так и в великой государственной машине одна коллегия должна приводить в движение другую, и если все устроено с точной соразмерностью и гармонией, то стрелка жизни непременно будет показывать стране счастливые часы".

Других свидетельств о прямом влиянии на юридические взгляды Петра I ученых-юристов нет. Как и многие другие сферы науки, Петр I юриспруденцию осваивал самообразованием, путем проб и ошибок, практическим участием в формировании нового Российского государства.

Петр I был послушным сыном своего времени, мерно отсчитывавшего переход от теологического к юридическому мировоззрению. Еще в ранней юности царь почувствовал эту тенденцию и в своих письмах, указах, распоряжениях стал различать российское патриархальное общество и новое Российское государство как механизм властного принуждения, который люди создают искусственно и путем вынужденной переуступки ему части своих естественных прав. Оно, как и многие другие творения рук человеческих, лишь имитирует природу.

В силу патриархальности и отсталости российского общества Петр не видел в нем надежного партнера для своей преобразовательной деятельности и потому не углублялся в анализ взаимоотношений общества и государства, сохраняя на вооружении теологический довод о богоустановленности царской власти, ее широких правах и бесправии подданных. Одновременно вырисовываются черты такого общественного договора, где все члены общества обязаны служить государству, а государство обязано обеспечить "всеобщее благо" общества на базе существующих законов как выражение "фортеции правды". Так, в манифесте от 16 апреля 1700 года Петр заявлял: "С самого вступления нашего на престол все старания и намерения клонились к тому, как бы сим государством управлять таким образом, чтобы все подданные наши попечением о всеобщем благе более и более приходили в лучшее и благополучнейшее состояние".

Сам царь жил и работал в двух ипостасях: как гражданин, член российского общества, он вместе с соотечественниками служил государству; как государь пекся о благе своих подданных. К Петру в полной мере может быть применен знаменитый афоризм французского короля Людовика XIV: "Государство — это я". Он исходил в своей деятельности из представления о неограниченном характере власти абсолютного монарха. "Его величество, — сказано в "Уставе воинском", — есть самодержавный монарх, который никому на свете в своих делах ответа дать не должен, но силу и власть имеет свои государства и земли, яко христианский государь, по своей воле и благомнению управлять".

Абсолютный монарх, получивший власть от Бога, — олицетворение государства. Его главная обязанность, по Петру I, — забота об общем благе, осуществляемая через систему государственных учреждений; издание нормативных актов, регламентирующих все стороны жизни общества и его членов. При этом любые меры самодержавия истолковывались как направленные на обеспечение общего блага и государственного интереса. Обе эти цели достигались как за счет деятельности самого монарха, так и благодаря служению государству каждого подданного. Польза государства ставилась Петром неизмеримо выше интересов отдельных членов общества. Отсюда понимание общего блага при ближайшем рассмотрении оборачивалось государственным интересом, на фоне которого частный интерес отходил на второй план, а каждый подданный воспринимался как раб государя и государства.

К проявлениям заботы об общем благе практически относились любые действия монарха, ибо считалось, что вся его деятельность подчинена этой цели. Петр заявлял, что государь способен обеспечить благо и "беспечалие" всех подданных, но реальность находилась в полном противоречии с этими декларациями: интересы подданных были подчинены государственной пользе, а продворянская внутренняя политика правительства Петра I не учитывала блага податных сословий. Вся тяжесть преобразований, направленных на укрепление дворянской империи, легла на плечи низших сословий, особенно крестьянства, а общим результатом этих преобразований в политике оказалось создание чиновничье-дворянского полицейского государства.

Из многих привычных символов петровской эпохи нужно особо выделить корабль под парусами со шкипером на мостике. Помните, у Пушкина: "Сей шкипер был тот шкипер славный, кем наша двинулась земля, кто придал мощно

бег державный рулю родного корабля". Корабль и для самого Петра — символ организованной, рассчитанной до дюйма структуры, материальное воплощение человеческой мысли, сложного движения по воле разумного человека. Более того, корабль — это модель идеального государства, лучшая из организаций, придуманных человеком в извечной борьбе со свирепой стихией. За этим символом корабля-государства скрывался целый пласт юридической культуры XVII века, называемый рационализмом, в числе творцов которого Бэкон, Гассенди, Локк, Лейбниц. Новые концепции этих ученых утверждали, что наука, опытное знание есть вернейшее средство господства человека над силами природы, что государство — чисто человеческое установление, которое разумный человек может изменять по собственному усмотрению, совершенствовать в зависимости от целей, которые он перед собой ставит.

Государство строят как дом, утверждал Гоббс. Как корабль, добавил бы Петр I. Идея о человеческой, а не только богоданной природе государства порождала представление о том, что государство — это и есть тот идеальный инструмент преобразования общества, воспитания добродетельного подданного, идеальный институт, с помощью которого можно достичь всеобщего блага — желанной, но постоянно уходящей, как линия горизонта, цели человечества. Совершенствование общества возможно лишь с помощью организации и законов — рычагов государства. Совершенствуя право, добиваясь с помощью учреждений реализации законов, можно достичь всеобщего процветания. Петр, как отмечено ранее, был лично знаком с Лейбницем, хорошо знал труды Г. Гроция и С. Пуфендорфа. Книгу последнего "О должности человека и гражданина" царь приказал перевести на русский язык. Без учета всех этих обстоятельств трудно дать адекватную оценку юриспруденции Петра I, его личности как царя-реформатора.

При идеальном правлении все граждане, включая монарха, служат государству со знанием дела, серьезно, с полной отдачей сил, с подчинением частных интересов интересам государственным, с готовностью жертвовать жизнью для достижения поставленной цели. В письме царя митрополиту Рязанскому Стефану (Яворскому) с театра военных действий со шведами подчеркнуто: "Мы здесь не только трудов, но и живота своего за Церковь и Отечество жалеть не будем". Петр имел полное право написать своему сыну уже после того, как отгремели важнейшие сражения Северной войны, когда позади остались Нарва и Лесная, Полтава и Гангут: "За мое Отечество и людей живота своего не жалел и не жалею, то како могу тебя непотребного пожалеть?"

Петр I ввел порядок, согласно которому продвижение по службе ставилось в зависимость от способностей и личных заслуг дворянина. Царь не делал исключения и для себя, получая чины за умелое руководство боевыми действиями и участие в победных сражениях. Петр, как пишет он сам, "сначала был барабанщиком, потом солдатом, проходил звания сии не словом, но самым делом".

При Петре впервые в истории русской юриспруденции государство и государь различаются, верховная власть утрачивает свои вотчинные свойства и становится политическим институтом. Царь говорит о государстве как о деле, ему врученном, рассматривает самодержавную власть как сугубо государственное право, а не как право частное, вотчинное. Он говорит о том, что за деньги, которые идут из казны на содержание царского двора, придется ему дать ответ.

Те же деньги, которые он получает за службу в качестве капитана-бомбардира, он считает личными и может расходовать их по своему усмотрению.

Во всех письмах царь говорит о своей службе. Любовь к Отечеству у него органически связана со службой, долгом, обязанностью. Наиболее, пожалуй, сильно смысл и цель своего служения Петр выразил в обращении к армии перед Полтавской битвой. "Воины! Вот пришел час, который решит судьбу Отечества. И так не думайте, что вы готовитесь сражаться за Петра: вы идете сражаться за государство, Петру врученное, за род свой, за Отечество... а о Петре знайте, что ему жизнь его не дорога, только бы жила Россия в блаженстве, славе для благосостояния вашего".

Лично участвуя в сражении в центре битвы и выйдя из него с простреленной шляпой, с простреленным мундиром и с пулей в седле, Петр не говорит о себе. Все свои успехи он относит за счет героизма "сынов Отечества", а "виктория" дарована ему "через неописанную храбрость наших солдат", которые, имея любовь к Отечеству, "не щадили жизни своей и на тысячу смертей устремлялись безбоязненно". Обращаясь к воинам-победителям, полководец говорит: "Храбрые дела ваши никогда не будут забыты потомками". Бросая первую горсть земли на могилу погибших воинов и трижды низко поклонившись их праху, Петр обращается к ним с трогательными словами: "Храбрые воины, за благочестие, Отечество и род свой души свои положившие!.. Спешествуйте мне в праведном оружии против врагов Отечества и благочестия..."

Отход от средневековых принципов вотчинной монархии выразился и в том, что формирование структур государства Петр I осуществлял, отказываясь постепенно от принципа родовитости в пользу компетентности. И здесь он личным примером демонстрировал "высшему дворянству, чтобы и оно трудом домогалось знакомства с военным делом, не воображая, как, по-видимому, воображало себя прежде, что можно родиться полководцем, как родиться дворянином или князем".

Образование и глубокие знания нужны, по мнению Петра I, в любом деле. Отсюда указы, предписывающие детям попов и дьяков учиться в греческих и латинских школах. Необученных запрещалось помещать "на отцовы места" либо использовать на другой службе, за исключением солдатской. Более того, один из указов предусматривал принудительное обучение: "А которые в учении быть не похотят, тех отдавать в школы и неволею и учить их в надежде лучшего священства".

Службу дворян в военном и гражданском деле Петр I связал с их новой обязанностью — долгом учиться, овладевать знаниями, в равной мере необходимыми артиллеристу, фортификатору, медику, геодезисту.

Учебные заведения тех времен напоминали казарму, а учащиеся — рекрутов. Контингент учащихся школ и академий, выпускавших специалистов высшей квалификации, комплектовался из дворянских недорослей принудительно, причем чем родовитее был дворянин, тем с меньшей охотой он расставался со своим отпрыском.

Современник отметил, что "в целой обширной России не было ни одной знатной фамилии, которая бы не обязалась выслать в эту академию сына или другого родственника от 10-ти до 18-летнего возраста" (речь идет об учрежденной в 1715 году морской академии, куда в соответствии с указом надлежало

было высылать детей “знатных особ” от 10 лет и старше). Школа, готовящая канцелярских служащих для коллегий, тоже комплектовалась принудительно из дворянских детей.

Царь сам учился у передовых стран Европы и заставлял учиться своих подданных, но он был далек от того, чтобы преклоняться перед Западом и оставаться всегда на положении ученика. Он верил в силы своего государства и народа и надеялся, что через несколько лет Россия встанет на один уровень с образованными странами и будет великой, сильной и независимой державой. Не случайно он говорил вице-канцлеру барону О.И. Остерману: “Нам нужна Европа на 10—15 лет, после чего мы повернемся к ней задом”.

Займствуя у европейских народов знания и навыки, Петр I вместе с тем критиковал и высмеивал сутяжничество и сребролюбие, характерные для купцов и чиновников западноевропейских государств. Знания и навыки приобретались русскими для того, чтобы сделать Россию самостоятельной и сильной. Незадолго перед смертью в кругу приближенных Петр говорил: “Да будет отныне в России все русское”.

Экстремальная обстановка после поражения под Нарвой в 1700 году с потерей артиллерии вызвала потребность перевооружить и увеличить армию, определила характер, темпы и специфику промышленного роста и, шире, всю экономическую политику Петра. В ее основу легла идея руководящей роли государства в жизни общества вообще и в экономике в частности. Обладая огромными финансовыми и материальными ресурсами, монопольным правом пользоваться землей и ее недрами, не считаясь при этом с владельческими правами различных сословий, государство взяло на себя инициативу необходимой в тех условиях индустриализации. Исходя из четко осознаваемых интересов и целей, государство задействовало все, что было связано с производством и сбытом продукции. В созданной за короткое время государственной промышленности отработывались принципы и приемы управления экономикой, характерные для последующих лет и незнакомые России предшествующей поры.

Проводя свои реформы, внедряя новшества, Петр часто прибегал к принудительным мерам, что характеризует его концепцию государства как полицейскую. Он сам это признавал и оправдывал следующей формулировкой: “Наш народ как дети, которые, не желая учиться, никогда за азбуку не примутся, если их учитель не заставляет, которым сперва досадно кажется, но когда выучатся, потом благодарят...”

Правительство Петра вникает во все сферы российской жизни, разрабатывает более совершенные способы труда в промышленности, в сельском хозяйстве, указывает, как ткать полотна, как обрабатывать шерсть, как делать юфть, как ухаживать за скотом, как убирать хлеб с поля, как строить суда и как на них плавать, как лечиться на минеральных водах, как хоронить усопших, как строить ассамблеи, как переводить книги, как учиться в школах, как сократить тунеядство монахов, ликвидировать попрошайничество и т.д. и т.п.

Даже личная жизнь подданных подвергается опеке, отеческой заботе. Петр издает указы о том, как надо делать сени, потолки в избах, какие строить строения в селах и в городах, как крыть крышу черепицей, даже издается дважды указ о том, как употреблять мох при новостройках. Печатаются большими тиражами специальные книги — “Приклады, яко пишутся комплименты разные” и “Юности честное зерцало”, где рекомендуются приличные виды обращения и

поведения. В книге "Юности честное зерцало" рекомендуются русскому барину более светские формы поведения.

В полидейском государстве Петр I активно использовал насилие, меры принуждения для реализации своих указов. Да и время, в которое он жил, не оставляло ему никаких надежд на возможность гуманных методов правления. Здесь уместно напомнить навеянный Макиавелли тезис иезуитов "цель оправдывает средства". Не терпящий возражений и не привыкший встречать препятствий на своем пути, царь расправлялся с врагами теми средствами, какие существовали в ту эпоху.

Сам Петр с жаром говорил об этом среди приближенных: "Знаю, что меня считают тираном. Иностранцы говорят, что я повелеваю рабами. Это неправда: не знают всех обстоятельств. Я повелеваю подданными, повинующимися моим указам; эти указы содержат в себе пользу, а не вред государству. Надобно знать, как управлять народом. Английская вольность здесь не у места, как к стене горох. Честный и разумный человек, усмотревший что-либо вредное или придумавший что полезное, может говорить мне прямо без боязни. Вы сами тому свидетели. Полезное я рад слушать и от последнего подданного. Доступ ко мне свободен, лишь бы не отнимали у меня времени бездельем".

Важно показать и другую сторону в воззрениях Петра на методы правления — его гуманизм. Мы не мыслим в какой-либо мере обойти или предать забвению жестокость царя. Мы хотим лишь показать, что Петр в тех исторических условиях, в каких ему приходилось жить и действовать против непримиримых врагов, употреблял лишь те средства борьбы, которые были выработаны до него и которыми пользовались и после него. Он не был более жестоким, чем его современники, а тем более предшественники. Жестокость его бросается в глаза лишь потому, что ее проявлял он, Петр, а не его "тишайший" отец как бы по контрасту, и еще потому, что жестокие меры расправы при Петре получили более массовый характер. Это объясняется тем, что в период реформ и переломов врагов оказывается всегда численно больше, чем в обычное время. Известно, что преобразователь в течение всей своей жизни шел по раскаленной почве, имел врагов даже в своей семье (жена, сестра и сын). Петр в кругу своих любимцев часто говорил, что он страдает за Отечество, желает ему только полезного, но враги всячески мешают и делают "демонские пакости".

По свидетельству приближенных, Петр I сам по себе не отличался жестоким нравом. Так, токарь Андрей Нартов, относившийся к кругу приближенных царя, писал, что в Петре не было жестокосердия, что он был снисходителен к "слабостям человеческим", "уязвляем горестями" и применявшиеся им наказания вызывались крайней необходимостью, как мера предотвращения большего зла. По словам Нартова, Петр прибегал к наказаниям только в крайних случаях. Он много терпел разных горестей, но всегда был снисходителен к слабым. Имея же дело с "замерзлыми душами" и с "замерзлыми обычностями", Петр сам часто говорил, что их упрямство нельзя ничем искоренить, кроме "жесточи".

Гуманизм Петровых слов и дел ярко выступает в его заботах об общей пользе и всенародном достатке. Прекрасно зная характер своих чиновников, их стремление нажиться за счет простого народа и государственной казны, Петр в течение всей своей жизни вел непримиримую борьбу с расхитителями государст-

венной казны и с любителями нажиться за чужой счет. В специальной инструкции воеводам, затем губернаторам Петр указывает, чтобы они под страхом жестокого наказания никаких налогов самовольно на крестьян не накладывали. В именном указе от 29 февраля 1712 года, объявленном из Сената, говорится, чтобы "во всех губерниях губернаторам сверх настоящих доходов, которые из приказов и канцелярий присланы, никаких сборов вновь собою без ведома правительствующего Сената не накладывать".

Затем воеводы и губернаторы обязывались иметь надлежащее старание о том, чтобы никто "мужикам обид не чинил", "чтобы никому насилия и грабежа чинено не было", а воровство и всякие разбои и преступления "весьма бы были прекращены", виновники же по достоинству наказаны. Воеводы также обязывались стараться, чтобы "подданные от чужих и посторонних людей ни в чем не были обижены".

В наказе, данном вновь назначенному в Нерчинск воеводой Николаеву, говорится: "Нерчинскому воеводе Ивану Николаеву наказывается, чтобы начальствовали смирно и непорочно и нашего великого государя казне никаким доходам не коснулись", а также торговых и вообще всех тамошних людей "никого бы ничем не обижали", чтобы люди шли ему на службу "не в неволю, а в почесть".

В специальном указе на Юстиц-коллегию Петр требует от прокурорских и судебных органов, чтобы они решали дела правильно, без волокиты и напрасных убытков челобитчикам. "А наипаче же призирать бедных людей, самое его царское величество всемилосердным защитителем есть и взыскателем обид от насильствующих, несмотря ни на какое лицо".

Кроме "жесточи" Петр часто прибегал к убеждению, стараясь воздействовать на совесть человека, говоря, что никакое воздаяние не приводит людей к добру так, как "любление чести" и сознание своего собственного достоинства, и никакое взыскание и наказание так людей не страшит, как лишение чести. Каждый подданный должен так служить, "как сие честным людям и подданным его величества пристойно и принадлежит, и они в том пред Богом и его величеством и пред всем честным светом и собственною своею совестью ответ дать могут".

Весьма примечательно, что меры принуждения в ходе реализации реформ получали законную форму. Петр верил во всемогущую роль "добрых порядков", под которыми подразумевались тщательно составленные законы и надлежащим образом устроенные учреждения, задача которых состояла в наблюдении за претворением законов в жизнь. Эту мысль в разных вариантах царь повторял многократно, начиная от лаконичного повеления чиновникам блюсти уставы, "яко первое и главное дело", до более пространных повелений, с рассуждениями относительно значения законодательства в жизни государства. Например: "Глава же всему, дабы должность свою и наши указы в памяти имели и до завтра не откладывали, ибо как может государство управлено быть, егда указы действительны не будут, понеже презрение указов ничем рознится с изменою". Или: "Ничто так ко управлению государства не нужно, как крепкое хранение прав гражданских, ибо напрасно законы писать, когда их не хранить или ими играть как в карты, прибирая масть к масти". Указы объявлялись "фортецией правды", а их нарушители уподоблялись людям, которые под нее "тщатся всякие мины чинить".

Сравнение чиновников, нарушивших указы, с изменниками не было случайным. Лучшими Петру представлялись учреждения, уподобленные казарме, а служители учреждений — военным чинам, с такой же неукоснительностью выполняющим указы, как солдаты и офицеры выполняют военные уставы. В именном указе, изданном за год до смерти, Петр предписывал хранить Гражданские регламенты “так крепко во всем, как Воинский регламент”, а спустя несколько месяцев Сенат слово в слово повторил указ царя, считавшего, что эффект может быть достигнут лишь в том случае, если чиновники коллегий и губернских учреждений, а также канцелярские служители будут читать соответствующие их должности параграфы регламентов, “как то чинится для всегдашнего вразумления в должности чтением и ведением их воинских артикулов”.

Петр стоял у истоков российской бюрократии, введя в регламент структуры и штаты государственных учреждений. Как в часовом механизме все винтики и колесики подогнаны друг к другу, находятся в сцеплении и взаимодействии, так и в государственном механизме, считал он, должна быть установлена четкая система соподчинения учреждений и разделения функций между ними. Все это вело к специализации труда чиновников и дроблению их обязанностей.

Генеральный регламент, изданный Петром в 1720 году, — средоточие бюрократической мудрости. Он определил по крайней мере три исходных положения бюрократической системы. Во-первых, установил строгую подчиненность нижестоящих учреждений вышестоящим. Учел и исключительную ситуацию, когда Сенат повелевает коллегии выполнять указ, который, по мнению коллегии, “высокому интересу противен”. В этом случае коллегия, задержав исполнение указа, письменно извещает Сенат о своих сомнениях. Если Сенат опять-таки письменно подтвердит свой указ, то коллегия обязана и выполнить его, и обязательно донести об этом царю.

Генеральный регламент, во-вторых, возвел документ (бумагу) в ранг всемогущего божества. Все инстанции сверху донизу и снизу доверху сносятся между собой письменно, “ибо как в Сенате, так и в коллегиях словесные указы никогда отправлены быть не надлежат”. В этой формуле изложена суть бюрократических порядков, бумага превращена в полновластного хозяина положения. Именно поэтому Генеральный регламент уделил громадное внимание судьбам бумаги, ее плутанию по закоулкам учреждения от момента поступления до выхода из него. Бумаготворчеством в коллегии занималось низшее звено бюрократии — технические исполнители.

Третье положение Генерального регламента состояло в определении обязанностей канцелярских служащих: секретаря, нотариуса, актуариуса, регистратора. Пунктуальное их соблюдение обеспечивало быстрое и беспрепятственное продвижение бумаги по инстанциям.

Регламент простирает свои заботы не только на движение бумаг в коллегии, но и на интерьер палат, придавая им суровую простоту и торжественность, должную вызывать у вошедшего почтение и трепетное чувство робости. Стол покрыт “добрым сукном”. На нем находилось так называемое зеркало — усеченная треугольная пирамида, на каждой стороне которой помещался печатный текст одного из трех указов: от 17 апреля 1722 года “О хранении прав гражданских”, от 21 января 1724 года “О соблюдении благочиния в судебных местах” и от 22 января 1724 года “О важности государственных уставов”.

Помимо Генерального регламента к формированию бюрократической системы и определению ее статуса имели прямое отношение еще два регламента — Адмиралтейской коллегии и Синода, а также Табель о рангах.

Значение последнего документа состоит в том, что он унифицировал все чины империи на всех трех поприщах государственной службы (сухопутной, военно-морской и гражданской) — от прапорщика на военной и коллежского регистратора на гражданской до генерал-адмирала, фельдмаршала и канцлера. Табель обязывала всех служить и объявила службу единственным источником получения соответствующего ранга и его последующего повышения. “Мы до тех пор никому не повышаем ранга, пока он не проявит заслуги перед нами и Отечеством”.

Все 14 рангов, составляющих Табель, являлись ступенями служебной иерархии, по которым при надлежащем рвении и способностях мог продвигаться чиновник в любой области своей службы. Не менее важное значение имели пункты Табели о рангах, открывавшие доступ в ряды дворянства не только родовой, но и правящей бюрократии, а также лицам “подлого происхождения”. За первый офицерский чин на военной службе и VIII ранг на гражданской возводили в наследственное дворянство с его привилегиями. Происходило обюрокращивание дворянства и одворянивание бюрократии.

Подводя итоги рассуждениям Петра Великого об идеальном государстве, важно подчеркнуть, что он в совершенном аппарате видел средство против всех бед, которые проистекают из недостатков общества. Стоит организовать государство на разумных началах, как установится царство справедливости, все изменится к лучшему и в стране наступит время всеобщего благоденствия. Без сомнения, в таком подходе ярко проявились “юридические иллюзии” царя, характерные для правового сознания того времени. Одновременно это был и шаг вперед, так как в России начала утверждаться мысль о государстве как произведении рук человеческих, служащем не узкому кругу лиц, а всему обществу. Успешное функционирование этого института, считалось, во многом зависит от образованности и компетентности должностных лиц, включая государя.

ЛЕКЦИЯ 2. “Ученая дружина” Петра I

“Ученая дружина” Петра I — это риторическое определение сподвижников императора (или, как бы мы сегодня сказали, его “команды”), которые активно обсуждали, как строить Российское “регулярное” государство, и участвовали в этом строительстве. Кстати, эта метафора принадлежит одному из самых убежденных сторонников петровских реформ Феофану Прокоповичу (1681—1736). Юридические взгляды всех “птенцов гнезда Петрова” невозможно изложить в рамках одной лекции, поэтому остановимся на двух главных фигурах — упомянутом уже Феофане Прокоповиче и В.Н. Татищеве (1686—1750).

Начнем с политико-правовых идей церковного и общественного деятеля, писателя **Прокоповича**, так как он признанный идеолог и пропагандист преобразований, у которого наиболее страстно и систематически изложена концепция петровского абсолютизма в ряде речей и трактатов: “Слово о власти и чести царской” (1718), “Правда воли монаршей” (1722), “Духовный регламент” (1721) и др.

Прокопович был сыном киевского мелкого торговца. После смерти отца он жил с матерью в крайней нищете. Учился Феофан в Киево-Могилянском коллегииуме, где получил обычное схоластическое образование. Не удовлетворившись этим, Прокопович поехал совершенствоваться в науках “в чужие края”: учился сначала в польских школах (для чего даже принял униатство), затем в коллегииуме Святого Афанасия в Риме, специально созданном для греков и славян с целью воспитания из них прозелитов католицизма.

Однако Феофан не заразился “папским духом”, как сам он называл впоследствии католические пристрастия, которыми грешило большинство носителей южно-русской образованности. Наоборот, попав в самый центр римско-католического мира, он проникся симпатией к гуманистическим идеям Возрождения.

К 1704 году Феофан вернулся в Киев, снова принял православие, постригся в монахи и стал обучать слушателей в Киево-Могилянской академии. В 1706 году он произнес приветственную речь в честь приехавшего в Киев Петра; а в 1709, вскоре после Полтавской битвы, выступил снова в присутствии Петра с “Панегириком, или Словом о преславной над войсками свейскими победе”. С этого времени начинается сближение Феофана с царем. В 1711 году он находится при Петре в Прутском походе, затем назначается ректором академии в Киеве, а в 1715 году по вызову Петра переезжает в Петербург и возводится в сан епископа (позднее стал архиепископом и первенствующим членом Синода). Отныне Феофан делается одним из ближайших сподвижников Петра, прежде всего в делах церкви.

Феофан был горячим патриотом России, энергичным противником закостенелой и самодовольной старины, поэтому он страстно отстаивал необходимость петровских нововведений. Он решительно ополчался против тех иностранцев, которые кичились своим превосходством, презирая русский народ, “яко немощный и грубый”. Прекрасно владея несколькими языками, Прокопович, общаясь в России с иностранцами, демонстративно не употреблял никакого языка, кроме русского, и только в крайних случаях объяснялся на латинском как международном научном языке того времени. Феофан постоянно сетовал на пренебрежение современников к своему историческому прошлому, на то, что “столько славных деяний нашего Отечества” совершенно забыто: “едва что передано памяти потомства из того, что совершило оно до сих пор”. Сам Феофан не только изучал славянские древности, собирал исторические материалы, но и составил несколько работ по русской истории.

Основной трактат Прокоповича “Правда воли монаршей” не исчерпывается специальной темой о престолонаследии и содержит ряд важных вопросов об абсолютной монархии, так что произведение Феофана должно быть признано если не “краткой энциклопедией государственного права”, как его величал Ключевский, то во всяком случае юридическим трактатом общего характера, стремившимся подвести правовые основы под государство Петра Великого.

В начале этого трактата автор обращается к проблеме происхождения государства. Западноевропейская рационалистическая трактовка общественного договора переплетается здесь с религиозно-феодальной идейной традицией. Государство существовало не всегда, ему предшествовало естественное состояние, где были война и мир, любовь и ненависть, добро и зло. Человек, обладающий свободой воли, может творить и добро, и зло, хотя по своей воле он более склонен

к добру. “С стороны одной, велит нам природа любить себя и другому не делать того, что нам не любо, а с другой стороны, злоба рода развратного ведет к нарушению этого закона, поэтому всегда и везде желателен был страж, и защитник, и сильный поборник закона, то есть державная власть”.

Необходимость государства обосновывается задачей охраны естественных законов, вытекающих из инстинктивного стремления к сохранению жизни, продолжению человеческого рода. “Власть державная естественному закону есть нужна”, чтобы держать в узде злые страсти людей, защищать человеческое общежитие. Вместе с властью для сохранения естественных законов нужны гражданское право и юридические законы. Отрицать их необходимость для общества — значит желать “погибели человеческой”.

Утверждая, что “власть верховная от самого естества начало и вину приемлет”, Прокопович основой государства считает общественный договор, посредством которого народ, отрекаясь от своей воли, передает ее одному лицу — монарху. Однако народная воля, глас народа у него то же, что и “глас Божий”, “Божье мановение”, что обрекало народ на роль пассивной стороны при определении содержания договора. Народ выступает исключительно как субъект обязанностей и подчинения. Отдав свою волю монарху, он не может забрать ее у него даже в том случае, если монарх нарушает договор и не заботится об общей пользе.

Договор толкуется односторонне, он обязателен только для народа. Концепция договора приобретает ярко выраженный этатистский характер. Чернь, восставшая против власти, изображается Прокоповичем как темная и грубая стихийная сила. Он осуждает “безумных оных свободолюбцев”, “свирепый бунт донской и жестокий мятеж астраханский”.

Сущность государства — в верховенстве государственной власти, в суверенитете, который Прокопович обозначает понятием “величество”. Суверенитет — совокупность абсолютных прав верховной власти, которых, согласно Божьей воле, ни у кого нет больше в этом мире; это и законодательство, и суд в последней инстанции, выносящий никем не отменяемые повеления. Из этого определения вытекают признаки суверенитета:

1. Верховная власть — абсолютная власть, она не ограничена в своих действиях какими-либо иными видами власти (например, духовной), какими-либо условиями. Абсолютный характер власти предполагает, что ее носитель может пользоваться и распоряжаться ею безусловно, неограниченно, вплоть до того, что может передать эту власть любому лицу.

2. Верховная власть не связана законами, она — сама основной закон. “Раз называется верховной, высочайшей и крайней властью, то не может подчиняться законам человеческим; если бы подчинялась, то не была бы верховной, а ведь государи сами создают то, что гражданские уставы требуют, создают по своей воле, а не по принуждению”.

3. Верховная власть есть власть “безответственная”. Она ответственна лишь перед Богом и “никакому суду человеческому не подлежащая есть”; “... судящий бо другого не повинующийся уже есть, но властительствующий... повинующийся кому не может судить того, которому повинуются”.

4. Наконец, верховная власть “есть власть весьма неприкосновенная”. Однако, не будучи ограниченной никаким человеческим установлением, она подчинена

небу “и законам от Бога, в сердцах человеческих написанных, а также переданных Им в десяти заповедях”.

В зависимости от числа носителей суверенитета Феофан различает три “образа высочайшего правительства”, т.е. три формы правления. Это: 1) демократия, или “народодержавство”, где “главные всего Отечества дела управляются согласием всех жителей”; 2) аристократия — “когда не всем народом, но и не одного лица волею, но несколько избранных мужей сословием правится Отечество”; 3) монархия — “самодержавство, когда вся держава в руках единого лица держится”. Кроме этих трех основных форм, допускается существование и смешанных форм, производных из основных.

Цель трактата — юридически обосновать петровскую монархию — заставила Прокоповича отказаться от тщательного анализа аристократии и демократии как форм правления. Там, где он все же рассуждает о них, эти формы в основном критикуются. Аристократия олицетворяет собой распри в среде правящих, которые не могут между собою договориться, оставляют заботу об общем благе и “соглашаются на разорения Отечества”. Еще хуже обстоят дела у демократии, где “часты бывают мятежи и смуты народные”, а сама эта форма может существовать лишь в небольших государствах. При таких условиях России подходит лишь монархия, исследованием которой и занят в основном автор.

Сначала Прокопович делит все монархии на ограниченные и неограниченные. К первым относятся те монархии, “где при избрании первого монарха были приняты некие договоры по воле самого монарха или клятвою утвержденные, за неисполнение которых нужно отстранять монарха”. Феофан, не отрицая самой возможности такой монархии, считает, однако, ее весьма нецелесообразной. Такая монархия “не прямая была бы монархия, она бы подвергалась и непрестанным бедствиям (можно злым людям и добрые дела монарха толковать как зло), она во многом не соответствует своему названию”. Лучший “образ правления” для России — неограниченная монархия. “Единая таковая власть российскому народу и целости его хранителя и многих благ виновная” — этот аргумент Прокопович посчитал неопровержимым и потому перешел к иным основаниям для классификации монархий, деля их на наследственные и избирательные.

“В некоторых монархиях не наследный скипетр содержится, но по смерти монарха единого избирает народ монарха по согласию своему, несмотря на детей монарха умершаго”. “Другие же монархии — наследные, в которых по отце сын или по брате брат, иногда же по отце и дочь царствует: и таким образом в одном доме содержится скипетр, из рук в руки до сынов и внуков переходит, и если только пресечется линия крови самодержавной, тогда лишь с согласия народа избирается монарх новый. Таких монархий много было и прежде, и ныне они есть, между которыми числится преславная и процветающая ныне монархия Всероссийская”.

Установленному различию Прокопович уделяет большое внимание и с исчерпывающей подробностью останавливается на сравнительных достоинствах и недостатках каждого из названных видов монархии, стремясь извлечь из этого сопоставления лишний аргумент в пользу завещательного преемства престола. В пользу избирательной монархии, говорит Феофан, обыкновенно приводятся доводы: 1) в избирательной монархии устанавливается благородное соревнование

между детьми аристократического происхождения, могущими надеяться на избрание, в монархии же наследной этот стимул не действует; 2) монарх, восшедший на престол путем избрания, царствует "с кротостью", так как чувствует благодарность к народу, "столь высоко (его) вознесшему"; 3) в монархии избирательной на престол восходит лучший, в то время как в наследной качества монарха зависят от случая.

Однако против этих доводов в пользу наследственной монархии Прокопович выдвигает следующие "крепчайшие и множайшие" аргументы: 1) вопреки утверждениям сторонников избирательной монархии, "благородные дети в наследной монархии лучше, нежели в избирательной монархии, честным учениям предлежат", так как наследный монарх, не имея оснований, подобно избранному, опасаться, что после его смерти престол перейдет в чужие руки, всячески заботится об обучении подданных и не боится их конкуренции со своими детьми; 2) совершенно неправильно утверждение, будто избранный монарх справедливее последнего, так как "с низкого места высоко возведенные" забывают обыкновенно прежнюю свою "низость" и злоупотребляют необычной для них властью.

В наследных монархиях значительно реже, чем в избирательных, происходят мятежи и восстания, так как подданные, "ведая неотъемлемое державство" государя, не питают к нему зависти и "не имеют страсти". Избранный монарх не пользуется достаточным авторитетом у подданных, особенно у людей влиятельных. Напротив, в наследной монархии существует в народе "природный некий страх и говение к государю своему". Наследный монарх "о добром состоянии государства прилежно печется, яко о домашнем добре своем"; напротив, государь избранный заботится только о своем собственном доме, интересы которого не совпадают с интересами государства. В то время как в монархиях наследных преемник обыкновенно довершает дела своего предшественника и продолжает его политику, в монархиях избирательных такой преемственности не устанавливается. В монархиях избирательных преемство престола всегда сопровождается крупными нарушениями нормального течения государственной жизни, в то время как в наследных переход престола совершается безболезненно. Наконец, в избирательной монархии на престол обыкновенно вступает не лучший, а наиболее честолюбивый, избираемые и избирающие одинаково действуют не во имя общего блага, а руководствуясь собственными эгоистическими интересами; в монархии же наследной это явление не имеет места.

В наследной монархии имеется один крупный недостаток, на который постоянно указывают сторонники избирательной монархии: личные качества монарха зависят от случая, который иногда возводит на престол недостойного, отчего "бедно деется с государством". На трон может взойти неспособный к управлению государь, "злонравный", "нерадетельный", "яростию побеждаемый", "правды не ищущий", не имеющий навыков и знаний в политике, военном искусстве и не желающий их иметь. Этот недостаток, по Прокоповичу, может быть предотвращен "провидением" царствующего монарха. Последний еще при жизни получает право в завещании устранить опасного для дела монархии наследника, заменив его достойнейшим из своих сыновей или дочерей. Феофан допускал даже возможность усыновления государем иного, способного, честного юноши для передачи ему престола.

Несколько страниц своего произведения Прокопович посвятил историческим примерам, в которых рассказывал о выборе рядом монархов (Кир Персидский, Дарий, Ксеркс, Людовик Бородатый, князь Баварский, Филипп — король испанский) наследника престола не по первородству, а по достоинству. Кроме того, приводил также аргументы из Священного Писания: “Но всякий государь, наследием ли или избранием скипетр получивший, от Бога его приемлет. Богом бо цари царствуют и сильные пишут правду: от Господа дается держава и сила; владеет Всевышний царством человеческим и кому захочет, тому и передает их”. Но главные доводы Феофана — разум и естественное право.

Простой родитель, человек подвластный, по естественному праву имеет над своими детьми почти неограниченную власть, а в определении наследника и неограниченную, тем более имеет ее родитель-государь. Прокопович доказывал, что самодержавный монарх является государем не только подданных, но и своих детей: “...неотъемлемое от Бога право у родителей по отношению к своим детям, в том числе и у монарха, заставлять подчиняться их своей воле, как учит апостол в послании к римлянам”.

Трактат писался под свежим впечатлением борьбы с боярской оппозицией и заговором царевича Алексея, закончившимися трагической победой сторонников абсолютизма над поклонниками “старины”. Поэтому не случайно в произведении детально разъясняется необходимость для государя подбирать себе наследника, “невредливого” его делу, “не злонравного” Отечеству, не “зело скудоумного”, “не велми немоущного”.

Исходя из “дела царевича Алексея”, Прокопович полагает, что “самодержец как во всех делах, так и... в определении наследника на престол свой весьма волен и свободен есть”. Поэтому наследником не обязательно должен быть кровный родственник, но то лицо, которое, по мнению правящего монарха, сможет наилучшим образом продолжить его дело — защищать целостность Отечества и служить народной пользе. Это проявляется в обеспечении государственной безопасности, мира, внутреннего порядка, правосудия, благосостояния и просвещения граждан.

Прокопович понимает, что обеспечение народной пользы, так же как силы и мощи государства, связано с развитием производства. Он вменяет в обязанность верховной власти заботу “о постройке новых публичных дорог, о приуготовании к переправам мостов и пристаней”, о том, чтобы множились “у нас предивные рудокопные заводы, различные мастерства и художества, исправленное и умноженное купечество”. В основе всего этого должно лежать экономическое искусство, которое “сообщает правила ведения хозяйства”.

Много внимания при анализе обязанностей государя Прокопович уделяет необходимости организации школ, академий, библиотек, настаивает на всеобщности образования, требует исправления нравов, искоренения суеверий и невежества. Он защищает также свободное от давления церкви научное исследование, свободу совести и религиозную терпимость, равенство женщины, ее право на образование, занятие государственных должностей.

Без сомнения, такая трактовка обязанностей государя как мудрого правителя, философа на троне, который, управляя по законам разума, просветит народ, укрепит государство и выведет его на путь общеевропейского прогресса, в целом была идеалистична и утопична. Но для своего времени это был шаг вперед в

уяснении сущности государства, его функций, которые, без сомнения, во все времена включают в себя "общие дела", вытекающие из природы того или иного общества.

В "Духовном регламенте" Прокопович выступил с обоснованием церковной реформы, в результате которой были ликвидированы самостоятельность церкви как политической силы и параллелизм двух властей — царя и патриарха. Претензии церкви на широкие права в решении государственных вопросов категорически отвергались, доказывалась справедливость ликвидации патриаршества и учреждения Синода. Такой подход не только юридически подчинял церковь светскому государству, но и высвобождал духовную культуру России, науку, литературу, искусство из-под опеки православия.

Иную трактовку абсолютистской концепции дает дворянский идеолог Василий Никитич Татищев.

Это был аристократ-помещик, учившийся в Петровской артиллерийской и инженерной школе, ездивший не один раз за границу для обучения и по служебным делам, активный деятель реформы, служивший в берг- и мануфактур-коллегиях, потом управлявший горными заводами на Урале и, наконец, ставший астраханским губернатором.

Татищев был первым ученым-историком и географом России. Его "История Российская", впервые давшая сводку обширного числа документов и летописей, была издана после смерти автора, как и все остальные его произведения, например замечательный "Лексикон российской" (исторический, географический, политический и гражданский), доведенный до буквы "л".

Татищев всеми способами старался показать пользу науки и просвещения для государства, активно боролся с теми, кто считал народное невежество выгодным для власти. Такие мнения он называл "макиавеллическими плеведами", доказывая, что "незнание или глупость как самому себе, так малому и великому обществу вредительно и бедно", что "науки государству более пользы, чем буйство и невежество, принести могут", что науки необходимы не только дворянам, но и всему народу: "Я же рад и крестьян иметь умных и ученых".

Его взгляд на государство и право носит вполне светский характер и базируется на теории естественного права. Однако в вопросе о происхождении государства Татищев существенно дополняет идеи общественного договора историческими фактами, аргументами патриархальной теории и делает вывод, что государство — продукт естественного развития человечества.

Первым сообществом людей была семья, которая возникает "на основании договора самоизвольного и благорассудного". В семье для управления должна быть власть, основанная на "проворстве", "искусстве", силе, разуме. Муж от "естества" этими качествами одарен больше, поэтому он глава семьи, а жена есть его помощник.

По мере увеличения числа детей в семье, считал Татищев, возникает родовое сообщество. В нем родители обязаны (по закону естественному) своих детей вырастить и воспитать, а дети должны любить родителей, уважать и слушаться.

Дальнейший рост народонаселения привел к складыванию "домовного" сообщества, где один из мудрых и старейших людей получает власть для управления всем сообществом, а остальные обязуются прилежно исполнять все повеления старейшего, верно ему служить.

Необходимость обороны и защиты, рост экономических связей заставляют “домовные” сообщества сближаться и объединяться с другими, что приводит к образованию гражданского общества, созданию государства для всеобщей пользы. В “гражданстве” еще в большей степени, чем в “домовном” сообществе, необходимо управление, господство одних и подчинение других.

Суть власти на всех ступенях человеческого общежития одинакова. Это “узда неволи”, которую необходимо наложить для пользы свободного человека, ибо “без разума употребимое нерассудное своеволие вредительство есть”. “Узда неволи” может быть по природе, по своей воле, по принуждению.

Узда по природе основана на естественных законах и выражается во власти родителей над детьми, монарха над подданными. Будучи сторонником абсолютизма, Татищев уподоблял взаимоотношения отца с детьми отношениям монарха с его подданными, считая, что монарх, получивший власть с согласия всех подданных, должен заботиться о них, “яко отец о чадах и господин дома”.

Помимо монархии Татищев выделял иные формы правления, исходя из исторических фактов и античной традиции их классификации на правильные и неправильные. Выбор формы правления зависит от “состояния и обстоятельства каждого сообщества”, от “положения земель, пространства области и состояния народа”. В небольших государствах, где можно быстро собрать все взрослое население, полезнее быть демократии. В странах, безопасных от нападений внешних врагов (расположенных на островах и т.п.), вполне возможна аристократическая форма правления. Наконец, для обширных государств, которым грозит внешняя опасность, “самовластие или единовластие потребно”.

Для России лучшей формой правления является монархия, что доказывается как географическим фактором, так и печальным опытом феодальной раздробленности смутного времени, когда, по мнению Татищева, существовало аристократическое правление.

Правление Петра I Татищев считал идеальным. “Петр Великий... большую, нежели его предки, себе и государству самовластием честь, славу и пользу принес, как то весь свет может засвидетельствовать, и посему довольно всяк благоразсудный видеть может, насколько самовластное правительство у нас всех прочих полезнее, а прочие опасны”. Он не допускал мысли о каких-либо злоупотреблениях во вред государству, полагая, что монарх выбирает советников из людей благорассудных, прилежных и искусных. Будучи господином в своем доме, государь стремится управлять наилучшим образом, поскольку у него нет причин употреблять свой разум для разорения отчизны. Если же монарх ни сам пользы не разумеет, ни советы мудрых не принимает, нанося вред государству, то это не что иное, как Божье наказание.

Там, где Петр I утверждал этактистские подходы, не считаясь с интересами землевладельцев, Татищев высказывал критические замечания, направленные на расширение сословных привилегий дворянства, повышение его роли в управлении государством. “Дворянство... есть главный и честнейший стан государства, — писал он, — зане оно есть природное для обороны государства воинство и для расправы министерство или градоначальство”. Для реализации столь ответственной роли дворянство должно пользоваться исключительным правом вла-

дения земель и крестьянами, поэтому он не соглашался с петровским указом 1721 года, предоставившим промышленникам право приобретать деревни с крестьянами.

По мнению Татищева, представители бюрократии на местах наделены чрезмерной властью по отношению к дворянству. "Губернаторы и воеводы, надмерную над шляхетством власть имея, не токмо сами, но подъячим дают способ со шляхетством презрительно поступать и по своей воле их, когда хотят, употребляют и грабят". Такое положение должно быть ликвидировано путем предоставления дворянам больших возможностей для участия в деятельности местных органов власти.

Недостаток абсолютистского законодательства Татищев видел в том, что в нем не определены права и обязанности каждого сословия, а главное — не проведена четкая грань, отделяющая шляхетство от "подлости". "Для пристойности и доброго в народе, чтоб всяк свою должность знал", нужна "разность станов шляхетского, купечества и поселянства". В Петровской Табели о рангах, положительно оценивая бюрократический принцип личной заслуги, Татищев осуждал недооценку породы, знатности и предлагал затруднить доступ в дворянство выходцам из других сословий.

Татищев был против службы дворян в качестве солдат в негвардейских полках, выступал за сокращение сроков военной службы шляхетства. В его высказываниях явно сквозит тенденция к превращению дворян в замкнутое сословие, наделенное исключительными правами и привилегиями.

Дворянская ориентация Татищева стала более четкой в записке "Произвольное и согласное рассуждение и мнение собравшегося шляхетства русского о правлении государственном", дающей оценку событий 1730 года, связанных с попыткой высших должностных лиц (верховников) ограничить самодержавную власть Анны Иоанновны "кондициями" Верховного тайного совета. Он состоял почти полностью из представителей двух старинных родов — князей Голицыных и Долгоруких, которые, по мнению дворянства, могли со временем превратиться в тиранов и своими притеснениями ограничить права шляхетства.

В противовес планам верховников Татищев разрабатывает свой проект государственных преобразований, отстаивая абсолютную монархию и противопоставляя ей аристократию, которую, как он полагал, стремились ввести верховники. В проекте предлагалось создать при императрице для управления два правительства: высшее, или Сенат, в составе 21 человека, в которое должны были войти и все члены Верховного тайного совета, и нижнее численностью в 100 человек. Выборы членов высшего и нижнего правительств утверждаются императрицей.

Формально признавая, что законодательство "состоит единственно во власти монархической", Татищев, по существу, передает право подготовки законов высшему органу власти — Сенату.

Каждая из коллегий представляет свой законопроект "высшему правительству", которое "по довольном рассуждении", составив закон, представляет его на утверждение монарху.

В проекте предусматриваются новые льготы для дворян, состав которых уточняется государством. Старинное, родовитое дворянство вносится в одну книгу; новое, выслужившееся — в другую, за исключением тех, кто имеет жалованные грамоты. Службу дворянам начинать с 18 лет и "более 20 лет в вой-

ске служить не принуждать". В матросы и ремесленники дворян не записывать. Устроить шляхетские училища во всех городах. Указ 1714 года о единонаследии отменить.

Все это свидетельствует о желании Татищева расширить участие дворянства в управлении страной, удовлетворить его сословные притязания.

ЛЕКЦИЯ 3. **"О скудости и богатстве"** **Ивана Посошкова**

Иной вариант абсолютистской юриспруденции податного населения России, в первую очередь купечества, представлен в творчестве Ивана Тихоновича Посошкова (1652—1726). Выходец из дворцовых крестьян подмосковного села Покровское, Посошков благодаря своему таланту и энергии разбогател и стал купцом. К концу жизни у него был собственный винокуренный завод, дома в Новгороде и Петербурге, небольшое имение (250 десятин и более 80 крестьян).

Посошков имел литературные способности, знал древнерусскую письменность, о чем свидетельствуют его книга "Зеркало очевидное" (1698), направленная против раскола, а также "Завещание отеческое" (1720) — произведение религиозно-поучительного характера, предназначенное для его сына.

Посошков, этот поистине русский самородок, пытался давать советы Петру I даже в сфере военных реформ. Печальный исход битвы русских со шведами под Нарвой произвел на него сильное впечатление. Он пишет "Доношение об исправлении всех неисправ" (1700), где дает прямые указания на неполадки в воинском деле. А в записке "О ратном поведении" (1701) он советует царю отказаться от услуг иностранцев, офицеров-наемников, которые, по его мнению, недобросовестны, плохо обучают русских военному искусству: опираться нужно на русских людей, которые не хуже иностранцев, их только нужно найти и научить.

В "Книге о скудости и богатстве", адресованной лично Петру I, Посошков выступил с целостной программой углубления петровских реформ, "исправления всех неисправ", веря в то, что "вся наша великая Россия обновится как в духовности, так и в гражданстве, и не только одна царская казна наполнится, но и все население российское обогатится и прославится".

"Красная нить" этой программы — компетентное управление императора страной, исходящее из научных данных и осуществляющееся в интересах всего русского народа. Книга Посошкова — непрерывный диалог, спор ее автора с Петром I, попытка убедить царя в необходимости новых, более глубоких реформ. В ней он выступает как бы от имени крестьянина и ремесленника, купца и предпринимателя, представителя администрации и простого солдата. Поэтому при чтении трактата обращает на себя внимание своеобразная "полифония" юриспруденции. От главы к главе нарастает представление о непрерывной "инверсии" его представлений о государстве и праве.

Удивительно это "многоголосие" юридических идей. Часто создается впечатление, что Посошков вел записи того "многонародного совета" России, который он предлагал Петру I учредить, чтобы знать состояние дел в стране и с учетом этого принимать решения. Причем он старается воспроизвести в книге "вольный

голос” почти всех сословий и “чинов”, кроме поместного дворянства. Это некий “собор” идей, чаяний и пожеланий русского народа. Однако у этого “многоголосия” есть автор, который и произвел отбор “голосов”, написал для каждого из них особую “партию”, выражающую как общесословные, так и групповые интересы.

“Многояродный совет” Посошков хотел созвать для составления нового Уложения взамен Соборного Уложения 1649 года. “Как здания высокого без твердого основания не утвердить, так и правды совершенной без детального изложения никакими другими мерами утвердить невозможно, так как в нас неправда очень глубоко проникла”. Он был очень высокого мнения о роли права в жизни государства и считал, что для серьезной “переборки” дома — России царем-плотником необходимо создание нового законодательства — фундамента преобразований.

Предложения Посошкова относительно нового законодательства имели основания. С начала 1700 года работали специальные комиссии, которые должны были на базе Соборного Уложения 1649 года и новых правовых документов составить петровский свод законов. К 1720 году было подготовлено 4 тома законов, но новый кодекс не был утвержден.

При обосновании сущности государства Посошков активно использует российскую патриархальную традицию и православные подходы, когда объясняет, что власть предопределена свыше, что она богоизбрана и богоподобна, а отношения между людьми в государстве подобны отношениям родителей и детей, как это идет еще со времен праотца Адама. Вот одна из таких сентенций: “Мы монарха своего почитаем как Бога и честь его осмотнительно храним и волю его всеусердно исполняем”. Из подобных идей Посошков делал вывод о суверенитете царской власти. “Царь, — пишет он, — всесовершенный самодержец, в нашей земле волен наш монарх... Наш царь самодержавный повелитель, как чему повелит быть, тако и подобает тому быть неизменно, и нимало ни направо ни налево неподвижно; яко Бог всем светом владеет, так и царь в своей державе имеет власть”. Посошкову известны и другие формы правления, однако его симпатии на стороне самодержавия.

Патриархальная традиция отразилась у него наиболее четко в трактовке государства как большого дома, где у каждого свои определенные права и обязанности. Благополучие и процветание дома-государства зависят от согласия всех живущих в нем людей. Монарх — глава такого дома, отец “семьи сословий”. Как в семье все должно строиться на повиновении ее главе, так и в государстве все люди беспрекословно подчиняются царю.

Рядом с идеей общего блага как цели политической жизни автор ставит правду, имеющую божественную природу и потому обязательную для царя. В своей деятельности он должен руководствоваться правдой, заботиться “о снисхождении правды, егда правда в нас утвердится и твердо вкоренится, то не можно царству нашему Российскому не обогатиться и славою не возвыситься”.

Посошков пытается доказать Петру I, насколько важен поиск рациональных правовых решений для обновления государства и законодательства. “Больше вещественного богатства всем нам нужно заботиться о невестественном богатстве, то есть о истинной правде”. А когда эта правда — “невещественное богатство” найдена, крайне важно, чтоб ее поняли. Посошков как бы подводит Петра I к мысли, что “Книга о скудости и богатстве” есть не что иное, как “невеществен-

ное богатство" в руках реформатора и им необходимо воспользоваться для борьбы с неправдой в действиях властей, для наведения порядка в управлении страной. Идея "переборки" по бревнышку России-дома и возникающий образ царя-плотника очень важны в анализе взглядов Посошкова.

Соборы в истории России были нередки, но идея Посошкова созвать представителей от всего населения страны для составления нового Уложения в условиях абсолютной монархии (если вспомнить, что земские соборы фактически не собирались уже в период правления Алексея Михайловича) была революционной. К тому же Посошков предлагал созвать представителей от всей России не по сословному, а по технократическому принципу разделения труда в государстве: по 2—3 представителя от духовенства, администрации "высокого и низкого чина", дворянства и купечества, "фискалов", солдат и опытных крестьян из старост и сотских, "которые во всяких нуждах перебыли". Затем составленное Уложение необходимо "всем народом обсудить самым вольным голосом, а не под принуждением, чтобы в том Уложении как высокородным, так и низкородным, и как богатым, так и убогим, и как высокочинцам, так и низкочинцам, и самым земледельцам обиды бы и утеснения от незнания повседневного их бытия в том новоисправленном изложении не было".

Посошков призывал самодержца к диалогу с народом через его представителей. Он пытался убедить императора, что введение "народосоветия" не снижает роли "его величества самодержавия", но ради истинной правды следует прислушиваться к мнению представителей разных сословий, ведь "всяк рану свою в себе лучше чувствует". Царю нужно создать такую общественную ситуацию, при которой каждый, "ничего не опасаясь, подал бы ко исправлению" свои предложения. Подвергая сомнению принцип самодержавия в правотворчестве, Посошков заявляет, что "без многосоветия и без вольного голоса никакие дела невозможны, так как Бог никому во всяком деле одному совершенного разумения не дал..."

В "многонародном совете" должны быть представлены все "чины" государства, которые выразят в законах волю всех слоев общества (что радикально должно было изменить расстановку политических сил в пользу нарождающейся буржуазии).

Однако мыслитель не останавливается на полпути. Монархии, "замиряющей" сословия, необходимо быть не только юридической, но и политической силой. А для этого ей необходимо провести такие реформы, которые не только обогатят различные слои народа, но и создадут мощное государственное хозяйство, что еще больше поднимет авторитет монарха.

В рамках этих реформ Посошков, предлагая ослабить феодальные повинности в деревне (регламентация крестьянских повинностей, отмена подушной подати, введение крестьянской аренды земли у помещиков и т.д.), выступает как весьма своеобразный идеолог крестьянской монархии — не только патриархальной, но и самодержавной власти будущих зажиточных слоев города и деревни. Вековые мечты крестьян о народной монархии, без посредников между царем и народом, получили новые, совершенно неожиданные формы выражения. Они были поставлены на твердую почву экономического интереса и взаимной выгоды, так как благоприятные условия для развития крестьянских хозяйств будут "оплачены" налогами из возрастающего крестьянского "прибытка".

Абсолютизм должен создать условия для развития промышленности и торговли. При этом обращает на себя внимание настойчивая забота Посошкова о мелких промышленниках и “маломочных” купцах. Он считал, что государство должно покровительствовать не только мануфактуристам (“фабрикантам”), но и предприимчивым людям, изобретателям новых отраслей промышленности — “вымышленникам”. Причем эти люди не только должны иметь пожизненный патент на свой “промысел”, но и пользоваться такой поддержкой государства, которая с помощью субсидий превращала бы их мастерскую в мануфактуру. В дальнейшем государство должно организовать этим людям кредиты под их капиталы, чтобы “выращивать” крупные предприятия. Посошкова очень занимала идея “выращивания” государством крупных предприятий от “вымысла” нового дела через открытую форму цеховой организации ремесленного производства до небольших, а затем и крупных мануфактур.

Для Посошкова характерна острая критика феодально-крепостнических порядков с позиций здравого смысла. “Если кто захочет умными глазами посмотреть на житие наше православное российское и на все поведение и дела наши, то не узрит ни в одной какой-либо вещи здравого смысла”. С этих позиций обличаются волокита, мздоимство, взяточничество, произвол должностных лиц, использование власти в корыстных целях. В тюрьмах России сидит “много множество” людей без всякой вины и в них “без приговора судей... погибает”. Он привел пример, как один “сыщик”, обнаружив, что у двух плотников нет паспортов, арестовал их и направил в Новгород. Там судья посадил их в тюрьму, где через год один из них умер, а другой лишь через два года был освобожден под расписку. В другом примере рассказал о том, как он сам подвергся без всякого повода и причины недельному аресту по распоряжению князя Голицина. В конце же с негодованием заметил: “Я истинно удивляюсь, что у судей за нрав, если в тюрьму посадят, то держат лет по пяти-шести и больше без следствия”.

Сложилась атмосфера насилия в государстве, где “кто кого сможет, тот того и давит”, а бесправных и маломощных разоряют, где лихоходка взяточничества как ржавчина разъедает весь государственный аппарат, а указы не выполняются, дела разбираются медленно, где судьи боятся “сильных и ябедников” и угрожают им.

На ряде конкретных примеров Посошков показал, как дворяне не исполняли царских указов, уклонялись сами и скрывали своих сыновей от военной и гражданской службы, как взятками откупались от повинностей. При этом он в своей критике смело обличал не только рядовое дворянство, но и царедворцев, придворную камарилью, указывая, что представители последней вместо выполнения долга использовали свое высокое положение для устройства личных дел, для обогащения.

Посошков считал, что произвол дворян, царедворцев, чиновников и судей есть главная причина всех “неисправ” в государстве и оскудения Русской земли: “Разбоев и иного воровства происходит много и всяких обид людей не от чего иного, как только от неправого суда. И крестьяне, бросая свои дома, бегут от неправды, и Российская земля во многих местах запустела, и все от неправды, и от неверного решения, и какие бы убытки ни были, то все они от неправды”.

В трудах Посошкова изображены тяжкие последствия для страны крепостного права. Скудость государственной казны прямо пропорциональна нищете русского крестьянства, основной причиной которой автор считает помещичий

гнет, нещадную их эксплуатацию. Вот лишь один крик мужицкой души из книги "О скудости и богатстве": "Даже глаза не хотят видеть, как помещики на крестьян своих налагают невыносимые повинности, ибо есть такие бесчеловечные дворяне, что в работную пору не дают крестьянам своим единого дня, чтобы им на себя поработать. И всю пахотную и сенокосную пору отбирают у них; или что положено от крестьян оброку или столовых запасов забрав, затем еще требуют с них лишних поборов. И тем излишеством крестьянство в нищету пригоняют, и который крестьянин станет побогаче, то ему подати увеличат".

Посошков обличал не только крайности эксплуатации, но и крепостнические аргументы господ: "И за таким их порядком никогда крестьянин у такого помещика обогатиться не может, а многие дворяне говорят: "Крестьянину, мол, не давай обрасти, но стриги его, как овцу, догола". Смелые и яркие факты эксплуатации крестьянства дворянством, приведенные Посошковым, показывали, что главной причиной оскудения государства являлись дворяне: "И такое творя, царство опустошают, ибо так их обдирают, что у иных и козы не оставляют, и от нужды бедные, обобранные дома свои оставляют и бегут иные в понизовные места, иные ж в окраинные, а иные и в зарубежные, и там чужие места населяют, а свои делают пустыми".

Разящие стрелы были выпущены и в адрес церковников. Подобно другим представителям "ученой дружины", Посошков обличал темноту и невежество, пьянство и корыстолюбие православного духовенства. Эти пороки он считал главной причиной раскола и появления ересей, а также распространения среди русских людей иных вер. В доказательство падения авторитета православия он приводил факты о пустующих храмах. Например, он отмечал, что "в Великом Новгороде едва и сотая часть населения придерживается древнего благочестия... И так было до нынешнего 1723 года в церквах пусто, что и в недельный (воскресный. — Н.А.) день человек двух-трех настоящих прихожан не находилось".

Знаменательно его первое письмо к местоблюстителю патриаршего престола, митрополиту Яворскому с констатацией невежества и бескультурности духовных служителей: "...мы люди малоученые, но от настоятеля нашего ни о каком благом деле учения нам, детям духовным, ни на исповеди, ни в свободное время отнюдь не бывает, потому что и сам он ничего не разумеет, да и разуметь ему не по чему, и сам он от старших себе не научен есть, а в книгах наших славянских много нужных вещей и не напечатано, и всеконечно знать им не по чему". Характеризуя невежество православного духовенства, Посошков свои выводы подкреплял фактами: "Видел я в Москве пресвитера из знатного дому боярина Льва Кирилловича Нарышкина, что и татарке не мог дать толкового ответа на ее вопрос. Что же может говорить сельский поп, если на чем основана христианская вера не знает?"

Цитирование фактов неурядиц можно продолжать и продолжать. Их столько, что хватит не на одну лекцию. Главное то, что хотя критика язв и пороков тогдашней жизни русских была, несомненно, сильной стороной таланта Посошкова, но не менее глубокой была и его программа "исправления всех неисправ" в Российской державе. Она была направлена на дальнейшее развитие страны, в ней были высказаны самобытные мысли о мероприятиях по росту промышленности, процветанию торговли, предложен проект своеобразной крестьянской реформы (по ограничению крепостного права и помещичьего произвола),

выдвинут проект правовой реформы и принятия нового Уложения или Свода уложений, изложены требования к судопроизводству, просвещению народных масс и многое другое.

Трезвая сметка Посошкова лежит в основе идеи четкого разделения труда между сословиями в жизни государства, идущей еще от Платона. Дворянство должно заниматься воинской службой, а купечество — промышленностью и торговлей. Поэтому он настойчиво рекомендовал не допускать к торговле аристократию, не говоря о военных, крестьянах, духовенстве и чиновничестве. Если же представители последних вступят на стезю торговли, то они должны оставить свои прежние чины, звания, сословие и записаться в купечество. Этим мероприятием Посошков надеялся устранить конкуренцию купечеству во внутренней торговле, особенно со стороны дворянства. Он подчеркивал и государственные выгоды от осуществления этого мероприятия: “Когда торг будет дан русскому купечеству свободный, чтобы не только иночинцы, но и иноземцы им не мешали, то и пошлинный сбор станет высоким”.

Посошков развивал протекционистские идеи Нарышкина для поощрения отечественного и ограничения “заморского” купечества. Русские могут все производить сами, обеспечить своими товарами внутренний рынок. Более того, он считал, что с расширением отечественного производства русское купечество могло бы успешно конкурировать с иноземным на европейском рынке, справедливо утверждая: “Для нас хотя вовсе они товаров своих к нам возить не будут, мы можем прожить и без их товаров, а они без наших товаров и десяти лет прожить не могут”. Уже в царствование Елизаветы русская металлургическая промышленность вышла на европейский рынок как главный поставщик железа, а полотняные мануфактуры как поставщики парусного материала.

Подобными мероприятиями в интересах торгового класса Посошков стремился ликвидировать, с одной стороны, во внутренней торговле конкуренцию дворянства, а с другой — во внешней торговле отеснить иностранное купечество, ограничить его алчные аппетиты, что, по его мнению, привело бы к дальнейшему развитию в России промышленного производства и расцвету ее внутренней и внешней торговли, в которой первую скрипку играло бы российское купечество.

Много внимания Посошков уделил изменению статуса крестьян, прямо заявляя, что “крестьянам помещики не вековые владельцы... а прямой им владелец всероссийский самодержец”. Он выдвинул требование ограничить крепостническую эксплуатацию: “Ради пользы, думается мне, помещикам следует предписать, сколько оброка и барщины крестьянин им должен, установить подати так, чтобы помещику и государству заплатить и себя прокормить без нужды”. Если крестьянин все полностью выплатил помещику, то тот ничего больше с него не может требовать и должен дать ему возможность работать на себя. В случае когда помещик нарушает правила взимания налогов с крепостных, крестьянин может обратиться в суд. Суд же обязан такого помещика лишить земли и крестьян и отписать их на государя. Тогда “и самый ядовитый помещик сократит себя и крестьян разорять не станет”.

О всех мероприятиях государственно-правовой программы Посошкова в одной лекции сообщить невозможно. Поэтому закончу ее на правовой части, как наиболее интересной для будущих юристов. О правосудии Посошков отзывался очень высоко: “Я по своему мнению судное дело и управление судейское очень поставляю высоко, даже выше всех художеств, на свете сущих”. Он предложил

сделать царские законы доступными для населения путем сочинения новой “правосудной книги” с подлинным рассуждением “на всякие дела”. Цель книги — упростить законодательство, сделать его ясным, эффективным: “А если не принять для решения всяких дел нового изложения, то и правому суду быть невозможно, поскольку у всякого судьи свой ум и как кому понравится, так и судит, а надобно так поставить дело, чтоб и самый маломышленный судья мог судить по праву”.

Для этого важно провести кодификацию древних и действующих законов, т.е. собрать древние судебные Уложения, новоуставные статьи и указы, как печатные, так и письменные, по гражданскому и военному ведомствам, сделать выписки из приговоров по делам, на которые не давался ответ ни Уложением (очевидно, Посошков имел в виду Уложение царя Алексея Михайловича), ни “новоуказными статьями”. Затем нужно составить “новую правосудную книгу”, в которой бы “на всякие дела были указные статьи ясные с совершенным расположением”. Для составления такого нового свода законов Посошков считал целесообразным использовать все пригодное в русских условиях из иностранных судебныхников и уставов, как немецких, так и турецких и иных.

Посошков предложил ряд норм судебной этики, требуя от должностных лиц быть честными; решать дела о маловажных преступлениях быстро, не затягивать и разбор и серьезных преступлений. Он вменял в обязанность воеводам и судьям ежедневно знакомиться с вновь арестованными.

Если Татищев допускал преподношение подарков, то Посошков резко осуждал эту практику петровских учреждений, и особенно в судебных органах. Он писал: “А гостинцев у истцов и у ответчиков отнюдь не надлежит принимать, поскольку подарок заслепляет и мудрому очи. Если кто у кого примет подарки, то всячески ему будет способствовать, а на другого посягать, и дело уже никогда право и здраво рассуждено не будет, а на одну сторону криво. И по этой же причине не следует принимать почести вышестоящим судьям от нижестоящих, чтобы не согрешить в неправом рассуждении перед Богом и царем”.

Посошков сделал ряд предложений в процессуальном праве. Он советовал судье пытаться примирять истца и ответчика в начале процесса, рекомендовал ему хорошо знакомиться с материалами дознания и следствия, давать подробные рекомендации по порядку судебного разбирательства и выяснения на суде истины. За лжесвидетельство на суде по найму он предлагал смертную казнь, а по дружбе или по родственному чувству — клеймение и жестокое наказание. Особенно суров Посошков, когда ведет речь о суде над раскольниками, требуя для них смертного приговора. То же рекомендует суду и в отношении воров, рецидивистов и разбойников.

Посошков требовал прекратить судебную и приказную волокиту и выдвигал ряд мер для ее устранения. В частности, он рекомендовал сдельную оплату труда с подробной тарификацией цен за те или иные дела (купеческие, подрядные). По его мнению, это приведет к сохранению для государства нескольких десятков тысяч рублей казны. Кроме того, подьячие будут стараться подготовить и пропустить больше дел, а челобитчики не будут терять время и средства на длительное ожидание. Посошков считал необходимым, чтобы оплата не превратилась во взяточничество, “чтоб никто сверх указанного тарифа ни от какого дела сверх положенных заработанных денег никаких гостинцев не принимал бы”, для этого всем судьям и приказным “задать великий и жестокий страх”.

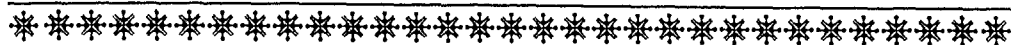
Реализация планов Посошкова привела бы к изменению в расстановке российских политических сил: ослабло бы дворянство и усилилась бы роль купечества и "фабрикантов", а также зажиточного крестьянства. В конечном итоге возможно было бы достижение паритета между дворянством и капиталистическими элементами. Да и дворянство, сдающее землю богатым крестьянам на условиях предпринимательской аренды, стало бы иным. Однако все это могло бы произойти, если бы абсолютизм, пойдя на уступки буржуазии, стал проводить определенный прокапиталистический курс внутренней политики. Подобная ориентация в какой-то мере выгодна абсолютистскому бюрократическому государству, поскольку в условиях равновесия сил дворянства и буржуазии власть получает большую самостоятельность действий.

Концепция новой монархии, опирающейся на богатый народ, проводится в учении Посошкова весьма последовательно. Мыслитель предполагал усиление роли государства в ходе осуществления реформ, считал это просто необходимым. "Точно так же, если земля сильно задернеет, и пока траву на ней огнем не выжгут, то не можно на ней пшеницы сеять, так и в народе злую застарелость силой надлежит истреблять".

Однако Петр I и Посошков по-разному понимали эту "злую застарелость". Реформы Петра были революцией в "верхах", они разрывали все связи со старой Русью. Посошков, напротив, предлагал царю учесть старые национальные традиции, мнения широких народных масс для серьезной "переборки" обветшавшего русского дома. Тем самым он сформулировал концепцию народной монархии без посредников между царем и народом, на базе взаимного экономического интереса и выгоды.

Антидворянский и антибюрократический смысл произведения Посошкова не остался незамеченным. 26 августа 1725 года он был арестован Тайной канцелярией и скончался в тюрьме.

РАЗДЕЛ II

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

ЛЕКЦИЯ 1. Общая характеристика. Екатерина II

Во второй половине XVIII века социально-экономическая и политическая жизнь России, вступившей в период позднего феодализма, была сложной и противоречивой. Все более заметное влияние на все сферы общества оказывал формирующийся капиталистический уклад, все явственнее проступали черты разложения феодально-крепостнических отношений.

Это был апогей политической силы и воли дворянства, отмеченный наивысшим крепостническим гнетом и его распространением на новые территории России. И, как всегда, высшая точка роста знаменуется началом падения, кризиса, что выразилось не только в экономических отношениях, но и в политико-юридических. Шли бурные процессы межсословной борьбы. Крестьянство усиленно сопротивлялось эксплуатации со стороны государства и помещиков. Купечество требовало узаконить свои права, в ряде случаев пытаясь приравнять их к дворянским. Дворянство стремилось получить новые права и привилегии, желая быть не только опорой самодержавия, не только объектом, с помощью которого достигается государственный интерес, но и полноправным субъектом управления государством, пользователем всех государственных благ. Отсюда — постоянная угроза взрыва прежних политико-правовых форм. Стабильность Российского государства постоянно нарушалась, ставила императоров и их окружение перед необходимостью череды реформ в целях укрепления своей власти с перспективой перехода от феодальной к буржуазной монархии.

Решающим результатом всех этих коллизий стала медленная, но неуклонная потеря дворянством своей ведущей роли и политической инициативы, о чем свидетельствовал переход пока небольшой, но весьма просвещенной его части на позиции защиты иных социальных слоев, и прежде всего крестьянства.

“Второе дыхание” дворянства в то время еще было возможно, но требовало значительных усилий не столько со стороны государства, которое в лице Екатерины II делало фактически все возможное, чтобы упрочить лидерство этого сословия в политической жизни, сколько самих дворян. Первое сословие должно было научиться не только говорить и одеваться по-французски, но и управлять страной с учетом прогрессивных буржуазных отношений, что означало бы отказ от полицейского государства и крепостного права. Для большинства российских дворян, как показала история, эта задача оказалась не по плечу.

И все же во второй половине XVIII века политико-юридические изменения произошли. Россия попыталась стать страной просвещенного абсолютизма, где самодержавие, оставаясь дворянским правительством, защитником и выразителем общих интересов господствующего класса, хотело выработать такую систему власти, которая отвечала бы насущным потребностям времени и позволила бы сохранить и усилить руководящую роль государства в политическом и юридическом процессах.

Противоречивость задач, стоящих перед самодержавием, породила и противоречивость его политико-правовых постулатов. В них было немало демагогии, показного либерализма, заигрывания с модным тогда французским просветительством. Но реальная основа просвещенного абсолютизма заключалась не в этом, а в попытке приспособить государственный строй к новым историческим условиям и сохранить за монархом главенствующую и руководящую роль.

Такая политика неизбежно порождала противоречия между самодержавием и различными дворянскими группировками. Самодержавие обладало относительной самостоятельностью, и его дворянские социальные опоры нисколько не устранили громадной независимости и самостоятельности царской власти и чиновников государственного аппарата. На характер политико-юридических процессов влияли европейские события и крупные внешнеполитические успехи.

Одновременно политические связи и противоречия России с Европой и странами Востока во весь рост поставили новые политико-юридические задачи, решать которые на старой феодальной основе было трудно. Без сомнения, проблема "Россия и Европа", обдумывать которую нашим соотечественникам пришлось не только в XIX, но и в XX столетии, берет свое начало в это время и обостряется в период французской революции и наполеоновских войн.

Специфика этого периода проявляется и в обострении социальных антагонизмов между различными сословиями феодального общества, и прежде всего классового антагонизма между крепостным крестьянством и дворянством. Его кульминацией явилась крестьянская война 1773—1775 годов.

Все эти обстоятельства и определили характер и особенности юриспруденции и идейной борьбы в России во второй половине XVIII века.

В теоретическом плане это время ознаменовалось значительными успехами в развитии русской политико-юридической мысли. Проявились и глубокие последствия петровских преобразований, и сближение с Европой, и влияние идейных течений, которые шли с Запада. Но в основе этих успехов лежали, бесспорно, те социально-экономические сдвиги, которые происходили в русской жизни.

Юридическая мысль в это время развивается бурно и плодотворно, происходит дифференциация правосознания. Наряду с консервативной, охранительной идеологией выделяется в особое направление антикрепостническая, просветительская мысль, которая открыто заявила о себе на конкурсе Вольного экономического общества (1766) и в ходе работы Уложенной комиссии (1767—1768). В русском просветительстве отразились передовые идеалы эпохи. В его рамках наряду с реформистскими складываются демократические и революционные тенденции, которые получили наиболее яркое выражение в творчестве А.Н. Радищева. Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в своих идеях и лозунгах обобщила все те представления о справедливом государстве и русской правде, которые сложились в народной памяти и фольклоре.

Продолжая защищать монархию, политическое и экономическое могущество дворянства, консервативная мысль вынуждена была приспосабливаться к новым

условиям и менять форму. Она облачилась в одежды просвещенного абсолютизма, который трактовался по-разному.

Выделяются два наиболее влиятельных течения консервативно-охранительной идеологии: *официальное* и *дворянско-оппозиционное* — своеобразный образец дворянского конституционализма, наделяющего всей полнотой гражданских прав лишь высшее сословие.

Официальный вариант теории просвещенного абсолютизма — весьма сложное по своим идейным корням явление. Наряду со средневековыми идеями божественного происхождения государственной власти, общего блага как цели деятельности мудрого монарха эта теория пыталась приспособить к потребностям самодержавия идеи западноевропейских просветителей, которые причудливо сочетались с теорией полицейского государства. Из тезиса о том, что трон занят просвещенным монархом, делался вывод о непогрешимости и полноте представлений государя об общем благе. Все проявления общественной самостоятельности должны были ограничиваться до предела. Политика просвещенного абсолютизма покровительствовала развитию промышленности и торговли, однако государство допускало становление буржуазных отношений лишь в той степени, в какой это было необходимо для сохранения главных устоев феодализма — дворянских привилегий собственности на землю.

Расцвет юриспруденции просвещенного абсолютизма в его официальной трактовке произошел в царствование Екатерины II (1729—1796). До занятия российского престола она перечитала много книг французских просветителей. Дать народу разумные и справедливые законы, которые обеспечат всеобщее благоденствие, — в этом любимые и почитаемые Екатериной авторы видели основную задачу просвещенного правителя страны. А она мечтала прослыть именно таким, просвещенным монархом. Новые законы должны были регулировать все сферы жизни, и в результате государство становилось правовым — “законной монархией”, где все совершается по букве писаного закона. Законом, и только им, должна ограничиваться и свобода граждан. Они, граждане, наделены определенными правами, обязанностями и привилегиями, в зависимости от принадлежности к тому или иному сословию.

Таков вкратце смысл теории, как ее понимала императрица. В том, что она применима к России, Екатерина не сомневалась, ибо была убеждена, что Россия — часть Европы и, следовательно, у нее общая с Европой судьба. “Россия есть европейская держава”, — писала она в 1766 году. Именно в приобщении России к Европе видела Екатерина прежде всего заслугу своего великого предшественника Петра I: “Перемены, которые в России предпринял Петр Великий, тем удобнее успех получили, что нравы, бывшие в то время, совсем не сходствовали с климатом и принесены были к нам смешением разных народов и завоеванием чуждых областей. Петр Первый, введя нравы и обычаи европейские в европейском народе, нашел тогда такие удобства, каких он и сам не ожидал”.

Однако это не означает, что императрица собиралась автоматически перенести просветительскую теорию на русскую почву. Возникшая на основе западноевропейских реалий теория была усвоена ею отнюдь не поверхностно и механически. Знакомая с политической историей крупнейших стран Европы, Екатерина не просто видела перед собой некие модели, но вполне ясно представляла процесс их складывания, а следовательно, могла оценить достаточно критично. Со-

чинения просветителей, выступавших с острой критикой архаичных порядков в своих странах, также должны были настроить ее на скептический лад.

Екатерина не раз говорила, что вновь вводимые законы должны быть “приноровлены” к обычаям народа и согласованы с уже существующим законодательством. Ко времени восшествия на престол она уже немало знала о стране, которой ей предстояло править. Став же императрицей, постаралась узнать еще больше. Ради этого Екатерина — первая после Петра — стала ездить по стране, много читала, изучала архивные документы, беседовала с людьми. Конечно, полученные сведения не отличались ни полнотой, ни достоверностью. Ведь, плыла ли она по Волге, путешествовала ли по Прибалтике, по западным губерниям, отправлялась ли в Крым или в Троице-Сергиеву лавру, Екатерина видела лишь то, что показывали ей местные власти, нередко только и умевшие, что пустить пыль в глаза начальству. Да и сама государыня, особенно в последние годы царствования, была рада обмануться, ведь так хотелось узреть реальные плоды своей деятельности. И все же она была достаточно умна, проницательна и пытлива, чтобы многое различить за тем, что позже стали называть “потемкинскими деревнями”.

О том, как Екатерина понимала разницу между теорией и практикой, свидетельствует ее знаменитый диалог с Дени Дидро. Когда великий француз приехал в Россию, императрица приняла его с глубочайшим почтением и вела с ним долгие разговоры, в значительной мере сводившиеся к монологам философа, почитавшего своим долгом наставлять императрицу в том, что и как ей надобно делать. Екатерина, казалось, внимала ему, но не спешила исполнять его советы. Когда же озадаченный Дидро увидел, что усилия его остаются втуне, и поинтересовался у государыни, почему она не бросается немедленно воплощать в жизнь его указания, Екатерина отвечала: “Вашими высокими идеями хорошо наполнять книги, действовать же по ним плохо. Составляя планы различных преобразований, вы забываете различие наших положений. Вы трудитесь на бумаге, которая все терпит, между тем как я, несчастная императрица, тружусь для простых смертных, которые чрезвычайно чувствительны и щекотливы”.

Еще ранее, во время путешествия по Волге в 1767 году, она писала Вольтеру, торопившему ее с изданием новых законов: “Подумайте только, что эти законы должны служить и для Европы, и для Азии; какое различие климата, жителей, привычек, понятий! Я теперь в Азии и вижу все своими глазами. Здесь 20 различных народов, один на другого не похожих. Однако ж необходимо шить каждому приличное платье. Легко положить общие начала, но частности? Ведь это целый особый мир; надобно его создать, сплотить, охранять”.

Если у Екатерины и был некий политический идеал, то это, несомненно, Петр Великий. Императрица не раз провозглашала себя продолжательницей его дела. Следовать заветам Петра, в ее понимании, значило продолжать линию на создание империи с сильной центральной властью, развитой экономикой, обеспечивающей материальный достаток подданных и удовлетворение военных потребностей государства, и с активной внешней политикой, позволяющей играть доминирующую роль на международной арене.

В соответствии с заветами Петра “правила” собственного царствования Екатерина формулировала в пяти пунктах:

“1. Нужно просвещать нацию, которой должен управлять.

2. Нужно ввести добрый порядок в государстве, поддерживать общество и заставить его соблюдать законы.
3. Нужно учредить в государстве хорошую и точную полицию.
4. Нужно способствовать расцвету государства и делать его изобильным.
5. Нужно сделать государство грозным в самом себе и внушающим уважение соседям”.

Екатерина мечтала быть равной Петру и таковой, видимо, себя ощущала. Заслугу его она видела в преодолении варварства, но ей хотелось превзойти царя-реформатора, а значит, следовало найти в его деяниях слабое место. Это было нетрудно, ведь начинавший все с самого начала Петр действовал больше по наитию, подчиняясь обстоятельствам. Он еще не знал тех истин, той теории, которыми владела Екатерина, и потому, как она считала, был жесток, склонен к насилию и правил при помощи страха и наказания. Эти его методы устарели, стали анахронизмом, а она, просвещенная государыня, может опереться на любовь и доверие подданных и быть справедливой и гуманной. Ей, продолжавшей начатое Петром, уже не приходилось ничего ломать и решать все проблемы “кавалерийским наскоком”, а представлялась возможность обдуманно, последовательно и не спеша создавать земной рай для своих подданных. “Я иных видов не имею, как наивысшее благополучие и славу Отечества моих подданных, какого б они звания ни были”, — пишет Екатерина в 1764 году князю А.А. Вяземскому, и можно не сомневаться, что пишет искренне, ибо это строки из секретной инструкции вновь назначаемому генерал-прокурору Сената, то есть из документа, в котором не было нужды лукавить.

Свои идеи просвещенного абсолютизма царица наиболее систематически изложила в труде “Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении нового Уложения” 1767 года. Это громоздкое сочинение скорее компиляция, чем оригинальное. Оно состоит из 22 глав и 655 статей, причем 469 статей, т.е. почти три четверти Наказа, заимствованы дословно или в виде пересказа из разных источников, среди которых выделяется “О духе законов” знаменитого французского юриста Ш. Монтескье. В нем она не устала повторять, что в своей работе над “Наказом” она руководствуется идеями просветителей, в частности Монтескье, “во благо двадцати миллионов людей”. Декларировалась забота о благе подданных и при созыве Уложенной комиссии, которая должна была составить “справедливые” законы. “Блаженство всех и каждого” — эти слова были выбиты на значке депутатов. На деле же Екатерина сделала счастливым лишь дворянство, а ее “Наказ” стал классическим образцом использования юридического мировоззрения для оправдания самодержавно-крепостнического строя.

Идеи Просвещения отразились в “Наказе” чисто внешне. В нем Екатерина II, по сути, выразила лишь сочувствие идеям века, но напроочь отвергла юридическую суть просветительства. Как справедливо отметил профессор О.А. Омельченко, “Наказ” — классический пример ориентирования новой правовой доктрины на старые идейные принципы регулярно-полицейского государства, где власть принимает на себя обязанность заботы о членах общества во всей полноте их общественных сцеплений. В “Наказе”, где обосновывались принципы феодально-абсолютистского государства, решительно отвергнута теория общественного договора с идеей народного суверенитета как не соответствовавшая прагматическому интересу Екатерины II.

Доминантой “Наказа” становится мысль о необходимости в России самодержавной монархии. “Всякое другое правление, — утверждала императрица, — не только было бы в России вредно, но и в конец разорительно”. Самодержавная монархия, традиционная для России форма правления, которой, по мнению Екатерины II, уже в силу этого надо отдать предпочтение, соответствует к тому же и естественному положению, природе страны, общественной потребности русского народа, отмечается в “Наказе”. Поэтому в России “пространное государство предполагает самодержавную власть в той особе, которая оным правит” (ст. 10), и никакая другая власть, а только “соединенная в его особе (самодержавного государя. — Н. А.) власть, не может действовать сходно со пространством столь великого государства” (ст. 9).

“Из географического положения и природы России, — говорится далее, — проистекает и неограниченность самодержавной власти. Монарх — источник всякой государственной и гражданской власти” (ст. 19). Только самодержавный монарх “определяет наказание” и имеет право издавать законы, потому что он единственный представляет “во своей особе все общество соединенное” и всю власть держит в своих руках (ст. 148). Наличие всей полноты власти в руках самодержца есть залог защиты всего общества и его жизнедеятельности (ст. 149).

Самодержавный монарх является не только издателем законов, но и их толкователем (ст. 151). Основным мотивом издания законов для государя служит его собственное благоизволение. Самодержавная власть неизбежно разрушится, если государь “переменит порядок вещей”, которому он должен неукоснительно следовать (ст. 511).

В духе консерватизма сформулирована статья 508 “Наказа” о предпочтительности существующей формы правления и порожденных ею институтов. Государство, считает Екатерина II, “может перемениться двумя способами”. Когда сохраняются и соблюдаются “начальные основания” государства, тогда перемены, происходящие в нем, приводят к исправлению недостатков и его упрочению. Если изменения ведут к потере “начальных оснований”, государство неизбежно разрушается. Екатерина II подчеркивает, что стремление к уничтожению зла может обернуться большими бедами, так как “зло есть неизлечимо, потому что оно в самом лекарстве зла находится” (ст. 507).

Существенно перерабатывается принцип разделения властей, провозглашенный и отстаиваемый просветителями. Монтескье, которого Екатерина, по ее же словам, “обобрала на пользу своей империи”, считал, что при монархическом правлении обязательно должны быть “посредствующие власти” — несменяемые, постоянно действующие правительственные коллегии, контролирующие законы и подчинение им монарха. Екатерина II говорит о “властях средних”, подчиненных верховной власти и зависящих от нее (ст. 18). Они лишь регистрируют изданные монархом указы и законы (ст. 25), а также докладывают ему о том, что тот или иной “указ противен Уложению, что он вреден тем, что нельзя по оному исполнить...” (ст.ст. 21, 24). Государственные органы (Сенат, коллегии и т.п.) “должны давать суд именем Государя и по законам”, превращаясь тем самым в чисто административно-бюрократические органы (ст. 99).

Целью государства императрица провозгласила обеспечение всеобщего блага, повторив положение идеологов абсолютизма, согласно которому монарх, олицетворяя государство, через соответствующие учреждения и законы обеспечивает

благо подданных. Достижение “блаженства всех и каждого” требует беспрекословного подчинения подданных законам. “Вольность, — пишет Екатерина II, — есть право все то делать, что законы дозволяют” (ст. 38). Государственная вольность отождествляется со спокойствием духа подданных, которые боялись бы одних законов (ст. 39). Общество, согласно “Наказу”, не может ограничивать власть самодержца, так как она, эта власть, действует “в пределах, ею же самой положенных” (ст. 512). Все ограничения власти монарха, управляющего “кротко и снисходительно”, должны носить исключительно этико-политический характер (ст.ст. 510—513).

В духе просветительской юриспруденции Екатерина различает естественные и положительные законы. Однако ей чуждо главное в этой теории — необходимость согласовывать законодательство “с природой человека”, что привело бы к ликвидации сословного строя, провозглашению юридического равенства граждан, принципов либерализма.

“Наказ” не предполагает существенного пересмотра действующего российского права. “Весьма худая политика, которая переделывает то законами, что надлежит переменять обычаями” (ст. 60). Екатерина допускает лишь путь медленных и постепенных реформ: “Законоположения должно применять к народному умствованию”, “Для введения лучших законов необходимо потребно умы людские к тому приуготовить”. Такими азбучными истинами она оправдывала свое нежелание пойти на принудительные перемены.

Императрица отказывается и от доктрины общественного договора в обосновании начал государственности. Вместо этого она обращается в ряде статей (1, 352 и др.) к божественным заповедям и рассуждениям об общем благе необязывающего характера. “Мы, — пишет она, — сотворены для нашего народа... Боже сохрани, чтобы после окончания сего законодательства был какой народ больше справедлив и, следовательно, больше процветающ на земле; намерение законов наших было бы не исполнено; несчастье, до которого я дожить не желаю” (ст. 520).

В “Наказе” много говорится о вольности и равенстве. Однако вольность трактуется как некая абстрактная категория, а равенство — как равные обязанности подданных перед самодержавной властью. Российская императрица, пришедшая к власти в результате дворцового переворота, была постоянно озабочена укреплением своей власти. Этому служило обоснование принципов неравного положения подданных в обществе. “Гражданское общество, так как и всякая вещь, требует известного порядка. Надлежит тут быть одним, которые правят и повелевают, а другим, которые повинуются” (ст. 250). Именно неравенство — основание покорности, “всеобщего послушания” верховной власти (ст. 250). Неравенство людей предопределено не только их особой ролью в государстве, но и различием их занятий. “Земледельцы живут в селах и деревнях и питают всякого состояния людей; и сей есть их жребий” (ст. 358). Мещане живут в городах и занимаются ремеслами, торговлей, искусством и наукой (ст. 359). Дворянство стоит выше земледельцев и мещан. Оно пользуется различными преимуществами, потому что дворяне “добродетельнее других, а притом и заслугами отличались” (ст. 361).

Каждое сословие занимает определенное место в государстве. На самом верху находятся дворяне, далее идет “средний род” людей. Все должны любить Отечество, быть верными и послушными государю, добронравными и трудолю-

бивыми. И самую последнюю ступень занимают люди “низкого рода”, которые должны повиноваться, и государь должен “состояние сих подвластных облегчать, сколько здравое разсуждение дозволяет” (ст. 252). Уравнения в состоянии различных сословий быть не может, потому что, когда “вкоренится умствование равенства, до самой крайности дошедшаго, и когда всяк хочет быть равным тому, который законно учрежден быть над ним начальником”, государство может разрушиться, так как будут повреждены сами его основания (ст. 503).

Единственное равенство, возможное в государстве, по мысли Екатерины II, это равенство перед уголовно-правовыми законами. Императрица в 34-й статье “Наказа” прямо говорит, что “равенство граждан состоит в том, чтобы все подвержены были тем же законам”. Казалось бы, Екатерина принимает просветительский тезис о юридическом равенстве, которое предполагает равное применение законов по отношению к каждому члену общества независимо от его положения. Именно так и рассуждал Дидро, когда в замечании на эту статью “Наказа” высказывал мысль о том, что “к этому бы следовало добавить — в равной мере”.

Однако императрица вовсе не предполагала такого понимания. Она отстаивала положение о том, что “различие чинов, поколения, состояния людей, установленное в единоначальном правлении, влечет за собою часто многие разделения в существе имения; а законы, относимые к установлению сей державы, могут умножить число сих разделений” (ст. 104). Если в государстве “есть разделение между особами”, то “есть также и преимущества особам, законами утвержденные”. “Преимущество особенное, — развивает свою мысль императрица, — законами утверждаемое, которое меньше всех прочих отягощает общество, есть сие: судиться перед одним правительством предпочтительнее, нежели перед другим” (ст. 110).

Итак, “Наказ” Екатерины II — один из вариантов консервативной юриспруденции. В политической сфере он предусматривал стабилизацию государственного порядка путем законодательной модернизации, допускаемой верховной властью, и путем регулирования ею всех сторон общественной жизни. Это отражало интересы самой власти, которая в тех условиях была единственной силой, способной обеспечить решение важнейших государственных задач. Интересы самодержавия совпадали с интересами (и в целом ряде случаев даже требованиями) его социальной опоры — дворянства. В правовой сфере политика просвещенного абсолютизма стабилизировала и укрепляла феодально-крепостнические порядки, пыталась через издание законов регулировать взаимоотношения подчиненных государству сословий при сохранении и закреплении прав дворянства как особо привилегированного сословия.

В своем стремлении сохранить абсолютизм и государственный порядок Екатерина II прибегала к методам законодательной регламентации и полицейскому регулированию жизни общества. Такое принуждение к “всеобщей добродетели” и “всеобщему послушанию” наталкивалось на сопротивление общества, и прежде всего дворянства, что несло в себе угрозу дестабилизации государственного порядка.

Не меньшую, а, вероятно, даже большую угрозу стабильности представляла нерешаемость (в силу приоритетов социальной политики, а порой и нежелания властей) острых социальных вопросов, и прежде всего крестьянского. Поэтому развитие социальных противоречий заставило усилить полицейские методы обеспечения тишины и порядка в государстве, что вело лишь к дальнейшему обо-

стрению разногласий между различными слоями общества, ослабляло позиции самодержавия и приближало его кризис.

Совершенно бесплодно, на наш взгляд, искать в политике Екатерины II буржуазные черты, элементы правительственного либерализма. Думается, что в юриспруденции российской императрицы движение вперед предполагалось и осуществлялось в рамках существующей феодально-абсолютистской системы. Екатерина II, проводя широкие преобразования, допускала развитие элементов, которые в конечном итоге вели к формированию буржуазных отношений, но допускала лишь постольку, поскольку они не меняли сложившегося социального устройства. Преобразования эти вписывались в крепостническую систему и были необходимы для решения важнейших задач, встававших перед феодальным государством.

Правда, в ряде статей декларировались принципы частной собственности, охраны прав личности, устранения вмешательства государства в частную жизнь граждан, необходимость беспристрастного суда и современных юридических процедур. Но эти принципы в конечном счете распространялись не на все условия, а только на дворянство, добившееся особых прав и привилегий с изданием жалованной грамоты.

На какое-то время Екатерине удалось убедить общественное мнение в своем искреннем желании обеспечить процветание России, построить жизнь на более гуманных началах. Но реальная практика правления “мудреца на троне”, “северной Семирамиды” скоро отрезвила и западноевропейских просветителей, и поверивших на первых порах Екатерине либерально настроенных дворян, оказавших ей поддержку в перевороте 1762 года в надежде найти в ней “просвещенную государыню”.

ЛЕКЦИЯ 2. **Дворянский конституционализм.** **М.М. Щербатов. Н.И. Панин**

Идеи дворянского конституционализма были порождены негативными явлениями в функционировании российского абсолютизма, созданного реформами Петра I. Внешне привлекательная идея служения общему благу на практике оборачивалась бесконтрольностью верховной власти, мелочной регламентацией жизни подданных, приматом государства над личностью.

В отдельные периоды власть монарха-самодержца становилась независимой даже от своей социальной опоры — дворянства и бюрократии. Степень отчуждения власти от общества по мере укрепления и развития абсолютизма в России лишь возрастала. В условиях нестабильности российского престола при ближайших преемниках Петра I политику определяли не слабые правители, а всемогущие фавориты, “случайные люди”. Их произвол, жажда власти и обогащения вызывали раздражение у верхушки дворянства, у тех, кто был связан с управлением и знал придворную жизнь. Недовольство разрешалось дворцовыми переворотами, в результате которых менялись монархи и их окружение, государственная же система оставалась прежней. Но были и попытки изменить (а точнее, усовершенствовать) ее путем ограничения самодержавной власти. В этих немногочисленных проявлениях юридической активности отдельными представителями русского дворянства коренится дворянский конституционализм.

Первые шаги на пути ограничения самодержавия были сделаны в январе — феврале 1730 года (“Кондиции” верховников) и объяснялись обстоятельствами вступления на престол Анны Иоанновны. В отечественной юриспруденции утвердилась оценка действий членов Верховного тайного совета как олигархической “затейки” верховников. И хотя этот взгляд отражал представления определенной части дворянского общества (само выражение принадлежало Феофану Прокоповичу), обращение к документам убеждает в том, что Дмитрий Голицын и его сторонники предприняли попытку ограничения самодержавия на определенных правовых началах.

С учреждением в 1726 году Верховного тайного совета, который действовал при таких слабых правителях, как Екатерина I и Петр II, появилась возможность изменить форму правления. На роль политического лидера в Верховном тайном совете открыто претендовал князь Голицын, обладавший государственным мышлением и большим опытом административного управления. Иностранные дипломаты называли его “республиканцем”, мечтавшим об “образе правления, подобном английскому”.

Верховный тайный совет не был союзом единомышленников, в нем были представлены разные мнения и настроения. Князья Долгорукие перед смертью Петра II составили от его имени подложное завещание в пользу “государыни-невесты”, т.е. княжны Долгорукой. Голицын же предложил кандидатуру Анны, племянницы Петра I, жившей за границей и слабо связанной с придворными группировками и с гвардией, которая, по его мнению, не помешает им “воли себе прибавить”. Вице-канцлер барон О.И. Остерман втайне оставался сторонником самодержавия. Идейный разброд проявился и в действиях верховников, в 1730 году приведших в конце концов к крушению конституционных замыслов.

Наиболее известным, но не главным документом, созданным Верховным тайным советом, являются “Кондиции” — условия, на которые приглашалась на российский престол Анна Иоанновна. Они содержали “пункты”, ограничивавшие власть монарха: без согласия Верховного тайного совета не объявлять войны и не заключать мира, не налагать новых податей, не утверждать бюджета, не возводить в чины выше полковника и соответствующего чина на гражданской службе, не делать назначений на придворные должности, без суда не отнимать жизни, чести и имения у шляхетства, не жаловать никому вотчин, не вступать в брак и не назначать наследника. Верховный тайный совет должен был состоять из восьми членов, которым подчинялись гвардия и армия.

Положения “Кондиций” вызвали недовольство дворянства. Если к ограничению произвола монарха многие относились сочувственно, то переход значительной части властных полномочий к Верховному тайному совету встретил открытое неприятие и сопротивление.

Помимо “Кондиций” в Верховном тайном совете были составлены и другие документы, которые более полно характеризуют намерения верховников. “Проект формы правления”, обращенный к российскому дворянству, мог бы лечь в основу будущей конституции.

Оставляя в целом сложившуюся структуру власти, “Проект” предусматривал усиление и разъяснял полномочия Верховного тайного совета. Последний должен был руководствоваться принципом “не персоны управляют законом, но закон управляет персонами, и не рассуждать ни о фамилиях, ниже о каких опасностях, токмо искать общей пользы без всякой страсти”. Основное внимание в

“Проекте” уделялось сословным правам и привилегиям шляхетства. Дворяне получали освобождение от службы в “подлых и нижних чинах”; для них создавались кадетские роты; отменялась конфискация имущества у семей тех дворян, которые попадали под суд. Купечеству были обещаны лишь свобода в торгах и податные льготы, предусматривалось также облегчение налогового бремени крестьян за счет сокращения государственных расходов.

В документе “Способы, которыми, как видится, порядочное, основательное и твердое можно сочинить и утвердить известное столь важное и полезное всему народу и государству дело” предлагалось создание выборного органа для подготовки законодательных проектов “к пользе Отечества”, определялся порядок обсуждения и прохождения таких проектов. Замыслы Голицына были более радикальны. Он допускал помимо Верховного тайного совета и расширенного состава Сената учреждение палаты шляхетства из 200 человек и палаты городских представителей. Осуществление даже только умеренных положений этих документов позволило бы изменить политико-юридический климат в России.

Уникальная возможность ограничения самодержавия не была реализована. Верховники допустили немало тактических просчетов и не смогли договориться с группой конституционно настроенных дворян. Последние, не дождавшись ответа на поданные в Верховный тайный совет проекты, обратились к Анне Иоанновне. Но вместо желаемого ограничения самодержавной власти получили ее полное восстановление. Английский посланник Рондо не без иронии заметил, что после 25 февраля 1730 года “по всей России три дня радовались утрате свободы, которою бы могли воспользоваться, если бы могли согласиться между собой”.

Кризис власти закончился. Наиболее активных деятелей (Голицына и Долгоруких) ждали в будущем опала и казни. Некоторые желания дворянства, касающиеся службы и распоряжения имуществом, были удовлетворены. Но самое главное — жизнь, положение, собственность — оставались по-прежнему во власти монарха и зависели от произвола фаворитов и чиновников.

Идеи Просвещения, взятые на вооружение Екатериной II, способствовали лишь косметическому ремонту российской государственности. Ее программа просвещенного абсолютизма по-прежнему ориентировалась на сохранение политической системы абсолютной монархии с неограниченной властью императора, что сохраняло угрозу деспотизма и непредсказуемости верховной власти даже для дворян. Это породило во второй половине XVIII века новые вспышки идей аристократического либерализма, типичным представителем которых стал князь М.М. Щербатов (1733—1790) — видный историк, публицист, государственный и общественный деятель.

Он получил разностороннее домашнее образование, с раннего детства был записан в гвардейский Семеновский полк. В 1762 году Щербатов вышел в отставку и был избран депутатом от ярославского дворянства в Уложенную комиссию. Именно комиссия послужила стимулом для развития его дарований оратора и политического бойца: он произносил речи, вносил предложения и стал лидером оппозиционного правительству родовитого дворянства.

Всю свою жизнь Щербатов очень много писал, но почти ничего из своих произведений не мог опубликовать. При жизни автора увидели свет только его исторические труды, в частности капитальная “История российская”, над которой он работал с середины 1760-х годов и которую не завершил, доведя изложение в написанных 15 книгах только до Смутного времени. Огромный объем

“Истории”, сухость изложения и тяжелый язык, перенасыщенность фактически справками и неумение объединить обширный и разнородный материал единством концепции привели к сравнительно малой популярности этого труда. Между тем Щербатов был первым ученым, исследовавшим множество архивных материалов и попытавшимся их осмыслить и систематизировать. Впоследствии Карамзин в своей “Истории государства Российского” во многом следовал его путем и в подборе материалов, и в их освещении.

Параллельно с работой над “Историей российской” Щербатов писал много статей, книг, записок публицистического характера, затрагивающих ряд существенных вопросов политического развития России. Все эти работы подверглись цензуре и не были изданы из-за резкой критики в адрес политики Екатерины II и лично императрицы.

Щербатов ненавидел бюрократизм, произвол, разврат, деспотизм российского правления. Он “окулял” всю деятельность Екатерины и ее правительства, безжалостно разоблачая мишуру и ложь просветительских фраз, искусно скрывавшую от наивных наблюдателей истинный характер “самодержавства”. Буйное красноречие Щербатова, его взволнованная речь, подчас неправильная, усложненная, но чрезвычайно сильная и живая, придают его памфлетам особую привлекательность.

Нападая на систему бюрократического правления и требуя реальной власти для дворянского самоуправления и его орудия — Сената, Щербатов разоблачал фальшивость тех “вольностей”, которые “даровала” Екатерина дворянству в Жалованной грамоте 1785 года. Еще раньше он раскрывал лицемерие екатерининского “Наказа”. Вопреки всем либеральным фразам, по его мнению, “наказ сей к деспотическому правлению ведет”. Порочная практика бюрократически-самодержавного режима послужила объектом обличения и в работе “О повреждении нравов в России”. Обвинительный пафос этой книги так велик, что он мог бы быть обращен и против феодализма как системы. Неслучайно это сочинение Герцен напечатал в “Колоколе” (1858) как документ, убийственный для чиновничьей монархии.

Щербатов — сторонник ограничения власти монарха “основательными законами”. Образование государства этот мыслитель связывал с заключением между народом и правителями общественного договора, по которому бы “люди уступили часть свободы и своих выгод, дабы другими частями безопасно пользоваться”. Общественный договор в России соблюдался в “старые добрые времена”, в период петровских преобразований, считал Щербатов. Современное ему правительство нарушило общественный договор, стало главным злом, средоточием всех бед России, подрывающим нравственные устои общества.

Единственную силу, способную дать отпор деспотизму, Щербатов видел в дворянстве, живущем по кодексу чести и от природы наделенном способностью управлять. Он допускал, что среди “неблагородных” могут встречаться талантливые и добродетельные люди, однако они “побудительных причин имеют меньше” и не получают надлежащего воспитания. Только “благородные” могут дать государству хороших офицеров и чиновников.

Свои планы политического переустройства России Щербатов изложил в сочинении “Путешествие в землю Офирскую”, написанном в популярном в XVIII веке жанре утопии. Офирское государство опирается на тщательно зафиксированную сословную организацию. На верху социальной лестницы стоит наследст-

венное дворянство, представляющее собой замкнутое сословие, доступ в которое для представителей других слоев общества возможен лишь в исключительных случаях. Дворянство обладает монопольным правом состоять на государственной службе, но в награду за это и правом владеть имениями, крепостными, обязанными платить оброк и выполнять барщину.

Верховная власть вручается императору, права которого ограничены дворянскими учреждениями и принципом законности. Законы готовит и принимает высшее правительство, разделенное на пять департаментов. Каждый департамент имеет в своем составе председателя, шесть судей, назначенных императором, и девять земских судей, избранных дворянами от 15 губерний, на которые разделено Офирское государство. При императоре образуется Верховный совет, состоящих из представителей дворянской знати.

В департаментах дела решаются в строгом соответствии с законом судьями и "законником". Последний наблюдает за тем, чтобы не было принято противоправное решение. В случае отклонения судей от требований закона "законник" должен убедить их исправить допущенную ошибку. Если разногласия между "законником" и судьями не будут преодолены, вопрос рассматривается императором или Верховным советом.

В целях исключения произвола со стороны должностных лиц Щербатов считал необходимым четко определить пределы их служебных полномочий, установить строгую ответственность за нарушение законодательства, научить уважать право, понимать то, что жить в обществе нельзя иначе как по законам, которые составляют основу общественного и личного благополучия.

Подобная позиция явно была направлена на ограничение абсолютизма, но она в тех условиях вела к подчинению императора и бюрократии воле высших аристократических кругов.

Известным идеологом дворянского конституционализма был граф Николай Иванович Панин (1718—1783) — видный государственный деятель.

Он начинал свою карьеру посланником в Дании в 1747 году, затем в Швеции. Панин видел, что в западных странах живетсЯ намного свободнее, нежели в России, "ввиду полного политического неустройства нашей земли", отсутствия ограничения самовластия монарха "фундаментальными законами".

Служба в Швеции стала для него хорошей политической школой, постижением искусства дипломатии, временем накопления знаний о шведской системе управления и законодательстве. В 1760 году Панин получил чин обер-гофмейстера и был назначен воспитателем наследника Павла Петровича, войдя в число наиболее близких к российскому трону придворных. С этого времени и почти до конца дней политическая карьера, личная жизнь, обязанности, вкусы, привязанности Панина определялись его положением при дворе.

"Придворность" как черту личности Панина отмечала княгиня Е.Р. Дашкова, принадлежавшая к верхушке петербургского общества. Она писала о нем как о человеке, который всю жизнь провел при дворе или в должности посланника. Немного старомодный, одевавшийся изысканно и носивший парик "в три локона", всем своим обликом походивший на придворного Людовика XIV, к тому же слабого здоровья и очень ценивший покой. Таким увидела юная княгиня 48-летнего Панина, когда он появился при дворе в 1760 году.

Любовь к спокойствию не помешала ему стать одним из активных участников переворота 1762 года, приведшего к власти Екатерину II. По официальной

версии, которую после случившегося распространял сам Панин, выгораживая Екатерину II, он был главным организатором переворота, руководил действиями братьев Орловых и других заговорщиков. Такая трактовка событий была записана со слов Панина его старым знакомым еще по Стокгольму — датским дипломатом А.Ф. фонASSEбургом. Но Панин умолчал в этом разговоре о главной цели, которую преследовал, вступая в ряды заговорщиков. По словам К.-К. Рюльера, атташе при французском посольстве в Петербурге, Панин высказывался за то, чтобы Екатерина была регентшей до совершеннолетия Павла. При этом он надеялся ограничить власть молодого государя, будучи его наставником. Эта идея носилась в воздухе: слишком призрачны были права на российский престол Екатерины. Дашкова, одна из активных участниц переворота 1762 года, обсуждая этот вопрос с Паниным, говорила: “Согласна с вами, что Екатерина не имеет права на трон и по требованиям закона императором должен быть провозглашен ее сын, а ей до его совершеннолетия следует быть регентшей”. Об этом знала и сама Екатерина, которая впоследствии писала, что “Панин хотел, чтоб это (переворот. — *Н.А.*) совершилось в пользу моего сына”. Замыслом Панина не суждено было сбыться. Екатерина II считала, что этому помешали братья Орловы. Дашкова же полагала, что “общество” в лице гвардейцев не было готово к восприятию этой идеи.

После прихода к власти Екатерины II положение Панина укрепилось. Императрица высоко ценила его заслуги и деловые качества: “...самый искусный, самый смысленный и самый ревностный человек при моем дворе”. Ему было доверено руководство внешней политикой России: с октября 1763 по 1781 год Панин стоял во главе Коллегии иностранных дел.

Идея ограничения абсолютной власти, которую Панину не удалось провести через регентство, была вновь высказана им в 1762 году, вскоре после переворота, в проекте “Манифеста об учреждении Императорского совета и разделении Сената на департаменты”. В сопровождавшем проект докладе Панин с горечью писал об управлении государством во времена Елизаветы Петровны, когда “случайные господа пределов не имели своим стремлениям и дальним видам; государственные — оставались без призрения; все было смешано; все наиважнейшие должности и службы были претворены в ранги и награждения любимцев и угодников, везде фавор и старшинство людей определяло; не было выбору способности и достоинству”. Другая причина российского неустройства заключалась в том, что “в производстве дел всегда действовала более сила персон, нежели власть мест государственных, и недоставало таких начальных оснований правительства, которые бы его (государства. — *Н.А.*) форму твердо сохранить могли”.

Поэтому Панин в целях ограждения верховной власти от ее возможных похитителей (“припадочных”, “случайных людей”) предлагал учредить Императорский совет как высший правительственный орган, в ведении которого находились бы все дела, подлежащие рассмотрению императора. В Совет должны были входить 6—8 человек, назначенных самим монархом. Статс-секретарям (или министрам) следовало докладывать членам Совета дела по четырем департаментам — иностранных дел, внутренних дел, военному и морскому. Окончательное решение по делам должно было выноситься государем после обсуждения на Совете и согласования с министром того департамента, которого они касались. Заседания Совета в присутствии императора предполагалось вести 5 раз в неделю. Императорский совет в панинском проекте — это орган, еще не

ограничивающий юридически власть монарха, но фактически на нее посягающий, ставящий определенные препятствия произволу фаворитов и частично гарантирующий от принятия кулуарных решений.

Проект об учреждении Императорского совета был подписан Екатериной II 28 декабря 1762 года, но не был обнародован. Императрица выжидала, выясняя, какие силы стоят за Паниным. Мнения о проекте не замедлили появиться. Из читавших документ наиболее категорически был настроен генерал-фельдцейхмейстер Н.П. Вильбоа, который увидел в нем стремление к ограничению власти монарха в пользу аристократии. Из его заключения следовало, что Императорский совет слишком приблизит подданного к государю, настолько, что у подданного может появиться желание разделить власть с государем. Невольно, писал он, возникают параллели с 1730 годом: те же 6—8 персон в Совете, те же обвинения в олигархических замыслах, тот же итог.

В начале 1763 года “Манифест” с подписью Екатерины II был ею порван. Идея легитимной монархии снова не прошла в России. Одни историки (С.М. Соловьев, Е.С. Шумигорский) считали: это произошло потому, что содержание проекта было оскорбительным для императрицы и рвавшегося к власти фаворита Орлова. Для этой точки зрения есть основания. О многолетней вражде Панина и Орлова, по иронии судьбы умерших в 1783 году друг за другом, Екатерина писала в письме Ф.-М. Гримму. Другие ученые (например, Н.Д. Чечулин) полагали, что Панин, составляя проект, действовал по желанию Екатерины II, поскольку вопрос о создании Высшего правительственного совета был поставлен еще при Петре III.

В литературе высказывалась также мысль, что совет, не созданный официально, все-таки существовал в качестве Комиссии о вольности дворянской (а затем Собрании при высочайшем дворе) до начала 1764 года, в период своеобразного “придворного равновесия”, пока власть Екатерины II не приобрела ярко выраженный авторитарный характер. Но взятые из панинского проекта Комиссия (Собрание) и Сенат, лишенный реформой 1763 года законодательной функции, хотя и поделенный на департаменты, не могли стать органами, координирующими и стабилизирующими государственное управление в России.

“Манифест” и сопровождавшие его бумаги будут найдены в кабинете Александра I Николаем I лишь в ноябре 1826 года, а опубликованы только в 1871 году. Саму же идею легитимной монархии скрыть уже было невозможно. Но, хотя проект потерпел неудачу, его автор не отказался от своих убеждений и даже на склоне лет попытался воплотить их в жизнь в так называемом конституционном проекте.

В 1781 году Панина вынудили уйти в отставку: поползли слухи, что его ближайшее окружение ко времени совершеннолетия Павла Петровича составило заговор с целью свергнуть Екатерину и возвести на престол ее сына, будто бы обязавшегося дать конституцию. Идейной основой этой конституции должно было стать “Рассуждение о неперменных законах” — политическое завещание Панина своему воспитаннику Павлу. В 1782 году перед смертью он продиктовал его Д.И. Фонфизину, а тот передал документ брату Никиты Панина Петру. Судьба “Рассуждения” также печальна: Петр Панин не решился доставить наследнику престола завещание своего брата, так как боялся физической расправы над собой и своей семьей. Он нашел, что осторожнее будет сохранить у себя опасный документ вплоть до того времени, когда наследник сделается государем.

Павел, став царем, не захотел обратить внимание на завещание Панина. Но оно сыграло свою роль в ином качестве: декабристы, ознакомившись с этим документом, использовали его как пропагандистский материал. Так дворянский либерал Панин вместе с просветителем Фонвизинным стали учителями дворянских революционеров.

“Рассуждение” Панина — один из важнейших документов, отражающих политико-правовые принципы либерально-дворянского течения. После 20 лет правления Екатерины II “Рассуждение” оценивает Россию как деспотическое государство, где престол зависит от толпы, права и преимущества “состояний” (сословий) не определены законом, “люди составляют собственность людей”, “народ пресмыкается во мраке глубочайшего невежества, носит безгласно бремя жестокого рабства”, а “верховное в нем правление есть бездушная машина, движимая произволом царя...” Все зло самодержавного правления Екатерины для Панина воплотилось в облике некоронованного тирана Потемкина.

Панин — сторонник ограниченной монархии, основанной на договоре, где государь должен править по “непременным”, или “фундаментальным”, законам, которые ни он сам, ни его подданные нарушать не могут. Законы должны для блага подданных обеспечить им права собственности, политической свободы, под которой понимается право делать все, “что позволено хотеть”, в соответствии с законами, определяющими права сословий — “преимущества состояний”.

Монархия без законов, утверждает Панин, неизбежно превращается в деспотическое государство, в котором господствует произвол одного человека, нет гарантий ни личной безопасности граждан, ни их собственности, нет правосудия, чины раздаются случайным людям. В таком государстве “алчное корыстолюбие довершает общее развращение. Головы занимаются одним промышленiem средств к обогащению. Кто может — грабит, кто не может — крадет...”; образ мыслей подданных становится “низок и презрителен”. Сам деспот также несвободен, поскольку зависит от своих любимцев. “Там есть государство, но нет Отечества, есть подданные, но нет граждан”.

Выход из такого положения один — расторгнуть “договор” с тираном посредством дворцового переворота, в результате которого был бы учрежден Верховный сенат. Большинство сенаторов должны избираться дворянством, меньшая часть несменяемых членов — назначаться короной. Сенат должен принимать законы, которые бы вступали в силу после утверждения императором, в чьих руках остается также исполнительная власть.

Ниже Сената предполагалось учредить в “иерархической постепенности” “дворянские собрания, губернские или областные и уездные, которым предоставлялось бы совещаться в общественных интересах и местных нуждах, представлять от них Сенату и предлагать ему новые законы”. В этих же собраниях должны выбираться сенатор и все чиновники местной администрации.

Единственным положением конституционного проекта, представлявшим угрозу интересам дворянства, было упоминание о необходимости постепенного освобождения крестьян и дворовых людей. В целом же проект Панина достраивал доверху систему дворянского самоуправления, уже существовавшего в масштабах уезда и губернии. Роль дворянства возрастала в ущерб полномочиям монарха и чиновничества. Но предложенная Паниным конституция не меняла классовой сущности государства — оно оставалось феодальным.

Вопреки своей либеральной оболочке дворянский конституционализм представлял собой консервативное движение в том смысле, что он был рассчитан на сохранение в России существовавших социально-экономических отношений, меняя лишь их политическую форму. В то же время политическая платформа Щербатова и Панина была прогрессивна, поскольку они стремились связать государство правом, "фундаментальными законами" в целях борьбы с произволом.

История распорядилась идеями дворянских конституционалистов по-своему. Со временем сословный аспект их планов отходил на задний план. Интерпретаторы и наследники первых сторонников конституции в России не замечали их дворянской ограниченности и эгоизма, но горячо поддерживали идеи борьбы с произволом. Пафос обуздания власти правом делает наследие дворянских конституционалистов привлекательным и для современного читателя.

ЛЕКЦИЯ 3. Юридические идеи русских просветителей

Активную борьбу с крепостническим государством и правом вело русское Просвещение — антифеодальная идеология эпохи кризиса крепостничества и зарождения буржуазных отношений. Русские просветители — прежде всего противники крепостного права. Они выступили со страстной критикой всех его институтов, помещичьего произвола, требуя законодательной регламентации крестьянских повинностей, расширения личных и имущественных прав крестьян. Осуществление требований и практических предложений просветителей открыло бы возможности для более быстрого развития капиталистических отношений, для серьезного смягчения крепостничества и ограничения сферы его действия.

Интересы крестьянства последовательно отстаивал **Алексей Яковлевич Поленов** (1738—1816) — солдатский сын, питомец университета при Академии наук в Петербурге, организованного М.В. Ломоносовым. Свое образование он продолжил за границей, стал юристом, а когда вернулся в Россию, занялся просветительской деятельностью, изучал отечественную историю, летописи, архивы. В 1768 году Поленов вместе с С.С. Башиловым издал вторую часть Никоновской летописи. В 1769 году он сделал перевод на русский язык "Размышлений о причинах величества римского народа и его упадка" Монтескье, в 1772 году — "О свойстве нравов человеческих" Феофраста.

В год возвращения из-за границы Поленов принял участие в конкурсе, объявленном Вольным экономическим обществом, куда представил свою работу "О крепостном состоянии крестьян в России".

Труд этот для своего времени явился целым событием. В нем Поленов, выдвигая свои предположения, подверг смелой критике многие стороны крепостного права, защищал интересы крестьян, намечал ряд практических мероприятий, способствующих, по его мнению, облегчению участи крепостных. О тягостном положении крестьян в России, о их бедственной нужде и о своеволии и наглости помещиков он с гневом писал: "Я не нахожу беднейших людей, как наших крестьян, которые, не имея ни малой от законов защиты, подвержены всевозможным не только в рассуждении имения, но и самой жизни обидам и претерпевают беспрестанные наглости, истязания и насилья, отчего неотменно должны они опуститься и прийти в сие преисполненное бедствий как для них самих, так и для всего общества состояние, в котором мы их теперь действительно видим".

При анализе правоотношений в стране Поленов исходил из того факта, что безграничная власть помещиков, немилосердная эксплуатация ими крестьян в высшей степени пагубно сказываются на развитии материальных и духовных сил страны. "Не без причины, — писал он, — многие славные люди утверждают, что конечное угнетение не только вредно для общества, но и опасно".

По чисто цензурным соображениям Поленов ссылался главным образом на древних греков, римлян, на недавние примеры, имевшие место в Польше, доказывая, как жестокое угнетение народа отрицательно сказывается на всей жизни страны, ввергает народ в отчаяние и подводит к "опасной для каждого общества крайности". Эти слова являлись серьезным предупреждением помещикам накануне грозных событий, которые назревали в России и которые вскоре разразились в форме крестьянской войны 1773—1775 годов. Подобно другим просветителям, Поленов не видел принципиальной разницы между крепостным правом и рабством, отождествляя их.

Поленов сочувствовал угнетенным крестьянам, скорбел о тяжелом положении крепостных. И хотя сам он не ставил вопрос о немедленном уничтожении крепостного права, но сурово осуждал произвол и беззаконие помещиков по отношению к крепостным, которые "питают их изобильно" и, "не имея сами почти ничего, снабжают других так щедро, которые, во все время своей жизни, не видя сами для себя никакой отрады, единственно упражняются в приумножении посторонней пользы".

Выступая в защиту обездоленных крестьян и доказывая необходимость устранения наиболее отвратительных сторон крепостного права и установления строгой регламентации отношений между крестьянами и помещиками, Поленов пытался убедить последних в том, что "наша жизнь, наша безопасность, все наши выгоды состоят в их (крепостных. — *Н.А.*) власти и неразрушимым союзом совокуплены с их состоянием"; что от крестьян же зависит и "защитение Отечества", и приумножение богатства страны.

Особенно сурово осуждал Поленов торговлю людьми, указывая на ее бесчеловечный, варварский характер, требуя или уничтожить этот торг, или путем законодательства внести строгий порядок в это дело. "Наши крестьяне, — писал он с негодованием, — печальным своим примером могут доказать, сколь пагубно конечное угнетение для людей. Итак, прежде всего должно помышлять, чтобы для славы народа и пользы общества вывести производимый человеческой кровью бесчестный торг".

Но, осуждая торговлю людьми, Поленов не ставил еще вопроса о полном ее запрете, видимо, полагая, что на подобное мероприятие помещики не согласятся. Вот почему он так усиленно доказывал, что в том случае, когда помещик прибегает к продаже, он "должен продавать все вместе, и землю и людей, а не разлучать родителей с детьми, братьев с сестрами, приятелей с приятелями; ибо, не упоминая о прочих несходствах, от сей продажи порознь переводится народ и земледелие в ужасный приходит упадок".

Поленов предложил путь к "ободрению и поправлению": предоставление русскому крестьянству права собственности в движимом и недвижимом имуществе. Только тогда мужик будет добросовестно работать, избавится от голода, осуществит "приумножение семьи" и даст детям "приличное воспитание". Сейчас же, лишенный всех "прав человечества", "он знает, что от своих трудов никакой пользы, кроме опасности, истязания и насильства не получит". "Конечное

угнетение крестьян не только вредно для общества, но и опасно". Поэтому крепостное право нужно ограничить законом. Мужики должны получить от помещика "довольно земли" для сеяния хлеба и пастбы скота, владеть ею и передавать по наследству. Подати и повинности в пользу казны должны составлять не более десятой части крестьянского дохода, а объем работы крестьян на помещика — один день в неделю.

Предложения Поленова по крестьянскому вопросу были непоследовательными, ограниченными. Выступая за облегчение положения крепостных, он еще не решался затронуть собственность помещиков, предлагая в интересах "благополучия общества" на первое место выдвинуть вопрос "об учреждении крестьянского воспитания", о сохранении и увеличении населения в стране. Это было одно из типичных просветительских требований, берущих свое начало в творчестве М.В. Ломоносова.

"Самое главное дело, — писал Поленов, — от которого зависит народное благополучие и с которым оно сопряжено неразлучным союзом, по несчастию, никогда нам на мысль не приходит. Мне кажется, что просветить народ учением, сохранить его здоровье чрез приобщение к трудолюбию и чрез телесные упражнения, поставить при помощи здравого нравоучения на путь добродетельной жизни — главные должны быть законов предметы... Почти невероятно кажется, сколь много воспитание способствует к благополучию каждого общества, и для того оно первое место здесь занять должно".

Поленов искренне верил, что путем просвещения и воспитания "можно преобразовать всякого человека, какого бы он состояния не был". В предуведомлении к книге Фридриха II "Рассуждение о причинах установления или уничтожения законов" (1769) Поленов, развивая просветительские идеи, настаивал на том, что науки, знания — истинный путь к общественному благополучию и процветанию. "Науки вообще упражняются в исследовании истины, дабы нам открыть прямой путь к приобретению постоянного благополучия; если находим иногда в них или недостаток, или злоупотребление, или излишество, то сие должно приписывать тесным пределам человеческого разума, страстям или другим каким порокам, а не злословить знания, коих превосходство и польза чрез столько веков засвидетельствованы".

Поленов считал необходимым завести сельские школы, с тем чтобы обучать грамоте в зимнее время крестьянских детей, снабдив их дешевыми учебниками. В больших деревнях "для сохранения здоровья, — считал Поленов, — нужно завести лекарей" с аптеками и недорогими лекарствами, улучшить гужевой транспорт, вести борьбу с пожарами, от которых сильно страдает крестьянство.

Поленов отдал дань и легистским иллюзиям своего века. Его сильно беспокоило отсутствие в стране каких-либо твердых и разумных законов. В связи с этим он высказывался за изменение, упорядочение и улучшение законодательства в России. Чтобы защитить крестьян от произвола помещиков, чиновников и судей, Поленов ратовал за учреждение в стране специальных крестьянских судов, которые без лишней волокиты и крючкотворства разбирали бы мужицкие дела и выносили по ним решения. Суды должны быть низшие и высшие, указывал просветитель.

Той же цели защиты интересов крестьян от жестоких притеснений и произвола помещиков были посвящены предложения Поленова относительно учреждения в стране "полиции, которая, по его мысли, должна была устранять причины,

порождающие “народное неблагополучие”. С этой целью он рекомендовал учредить полицию в городах и деревнях, наивно веря в то, что “она может по справедливости почесться за непоколебимую подпору народной безопасности”. Учитывая особенности того времени, Поленов очерчивал круг деятельности полиции в стране. От “полицейских служителей” требовалось держать в исправности дороги, следить за чистотой в деревнях, бороться с пожарами, с “врагами и разбойниками”, беречь леса, не допускать засорения рек и т.п. При этом Поленов был обеспокоен мыслью о том, чтобы в полицию не попали какие-либо проходимцы, чтобы в ней работали честные люди, с положительными душевными качествами.

В “предуведомлении” к книге “Рассуждение о причинах установления или уничтожения законов” Поленов воюет против тех, кто отрицал значение юриспруденции как науки, призванной “защитить безвинного от обид и насильствия”, покарать “злодея”, “доставить гражданам истинное благополучие”, “сохранить в обществе мир и тишину”.

Поленов, в отличие от апологетов самодержавия, искренне верит в силу закона и хорошего законодательства, направленных на защиту граждан от всякого рода притеснителей и злодеев.

Просветитель был искренне убежден, что выполнение его предложений приведет к общему благоденствию. Вместе с тем Поленов решительно выступал против “строгости”, “принуждения” и применения казней, так как “сие больше может служить к растравлению, нежели к исцелению ран”.

Последовательная критика крепостничества представлена в журналах “Труть”, а затем “Живописец”, издававшихся **Николаем Ивановичем Новиковым** (1744—1818) — писателем, журналистом, книгоиздателем. Учился Новиков в 1755—1760 годах в дворянской гимназии при Московском университете, затем служил солдатом в Измайловском гвардейском полку. В 1767 году он становится сотрудником Комиссии по составлению проекта нового Уложения. Именно в эти годы сложились его просветительские убеждения. Ужасы крепостного права в России привели его к мысли о необходимости борьбы с жестоким гнетом помещиков.

После роспуска Комиссии Новиков ушел в отставку (1769) и начал заниматься журналистикой, полемизируя с Екатериной II и ее журналом “Всякая всячина”. В споре с Екатериной II Новиков разоблачал затеянную ею политическую игру в просвещенного монарха, да так остро, что его журналы подверглись цензуре и были закрыты.

Новиков много сделал для развития отечественной культуры, ее защиты от иностранного влияния — галломании, боролся против преклонения дворянства перед иностранщиной. Он издал “Опыт исторического словаря о российских писателях” (1772), ряд памятников русской истории.

После подавления восстания Пугачева Новиков стал масоном. В Европе того времени масонские ложи представляли собой форму конспиративного протеста против политического гнета феодально-полицейских государств, попытку выйти из-под контроля официальной идеологии. Зачастую масоны создавали мистические утопии о прекрасных странах, управляемых высоконравственными людьми в соответствии с требованиями масонской религии, без бюрократии, подъячих, полицейщины, вельмож, произвола и мздоимства. В этих странах исчезнет нужда, не будет ни наемников, ни рабов, ни налогов; все будут учиться и жить мирно и возвышенно. Для этого нужно, чтобы все стали масонами-братьями и

очистились от скверны. В масонском раю нет ни церкви, ни законов. Это свободное объединение благочестивых людей, верующих в Бога, но не связанных официальными догмами и культами.

Вот такие полуанархистские мечтания охватили Новикова в годы реакции. К его чести, он не впал окончательно в маниловщину, хотя и разделял веру масонов в возможность нравственного перевоспитания людей, развращенных крепостничеством. Постепенно Новиков отстранился от мистических исканий "братьев" и стал использовать масонский орден и его денежные средства для просвещения народных масс, развернув широкую книгоиздательскую деятельность в рамках "Типографской компании".

Началось, по словам В.О. Ключевского, знаменитое "новиковское десятилетие" (1779—1789). Около третьей части всех книг, изданных за эти годы в России, приходится на долю новиковских типографий. Одновременно Новиков организовал книжную торговлю в 16 городах России, в Москве открыл библиотеку-читальню. На средства читателей журналов он основал две школы для детей разночинцев, бесплатную аптеку в Москве.

Деятельность масонов во главе с Новиковым не осталась незамеченной правительством, которое объявило многие изданные им книги "странными", исполненными "заблуждений". В 1787 году был издан указ о "запрещении в продажу всех книг, до святости касающихся, какие не в синодальной типографии печатаются". Этим указом изымалось из продажи большое число книг, изданных Новиковым. В дальнейшем усилиями правительства новиковские учреждения и типографии были разорены, а сам Новиков в 1792 году был арестован, а затем заключен в Шлиссельбургскую крепость. Екатерина якобы узнала, что Новиков через третьих лиц вел переговоры с будущим царем Павлом. Это и послужило поводом для того, чтобы расправиться с человеком, неудобным Екатерине уже более 20 лет и явно вызывавшим у нее страх.

Следствие вел сначала в Москве главнокомандующий А.А. Прозоровский, затем в Шлиссельбурге знаменитый "кнутобойца", тайный агент Екатерины С.И. Шешковский. Клеймо "кнутобойца" запечатлелось на нем в общественном мнении из-за искусного применения в ходе следствия кнута. пытки в России тогда были вроде как запрещены, но кнут разрешался, на "благотворительную" силу которого указывала сама "просвещенная" царица. Известно, что даже великосветские дамы за сплетни попадали под кнут Шешковского, у которого была выработана целая система бития для обретения "царицы доказательств" — признания. Допрос производился в камере со многими иконами. Когда раздавались стоны и раздирающие душу крики, следовательно-садист читал молитвы Иисусу и Божьей матери. Его ненавидели все, начиная с простых людей и кончая царедворцами.

Новиков без суда был приговорен к заключению в крепость на 15 лет.

При Павле I в 1796 году его освободили, но разрешения продолжать свое дело он не получил. Не увенчались успехом попытки Новикова вернуться к прежней деятельности и при Александре I. После освобождения, дряхлый, старый и сгорбленный, Новиков вернулся в свое родовое имение Авдотьино под Москвой и там прожил еще много лет без любимого дела, разбитый и униженный, погружаясь все более в масонскую мистику.

Эпиграф журнала "Трутенъ" "Они работают, а вы их труд ядите" стал лозунгом просветителей. Новиков публикует десятки словесных сатирических "портретов" — Змеяна, Недоума, Безрассуда, в которых без труда можно было

узнать идеологов консервативного направления. Он показывал, что все они ненавидят и презируют народ, видят в крестьянах рабов, рабочий скот, признают в отношениях с крестьянами только "строгость или паче зверство и жестокие побои".

Просветители решительно отвергали утверждения крепостников, что в бедности крестьян виноваты не помещики, а сами крестьяне из-за своей склонности к лени, пьянству и мотовству. "Что же и ленью, и пьянством, и мотовством обвиняют их, крестьян, то пускай, положим, и так, — говорил в Комиссии по составлению нового Уложения Я.П. Козельский (1728—1794). — Но я представляю трудолюбивую пчелу в пример: за что она трудится и кому прочит? Что она трудится часто не для себя, она того не предвидит... Крестьянин же чувственный человек, он понимает и вперед знает, что все, что бы ни было у него, то говорят, что не его, а помещиково... Он в сем насилии принужден и к себе недоброхотствовать, а оттого разве и пьянствовать, будучи в унынии, а не от лени... Лучше, кажется, по человеколюбию стараться возбуждать народ к работе вольной и нетомной, то он больший урок вырабатывать будет и не устанет, ежели однако неволею и удручением рабства..."

Яков Павлович Козельский, выходец из среды украинского служилого казначества, с детских лет видел эффективность свободного крестьянского труда. Свое образование получил при Петербургской академии наук, преподавал в Артиллерийской и инженерной школе математику и механику, затем много лет служил в Сенате.

В 1768 году он создал главный свой труд — "Философические предложения", где, борясь с теологией, схоластикой, пытался сформулировать основную цель философии как отыскание "правил", ведущих к общественному благополучию.

Козельский критиковал ханжескую мораль с ее лицемерным тезисом непротивления злу насилием, выступал убежденным противником всякого самовластия, правления по прихоти и капризу монарха, бичевал тунеядцев-помещиков, живущих за счет "чужого поту", угнетающих "людей, обществу полезных". Его идеалом было государство, в котором нет ни роскоши, ни нищеты, частная собственность имеет своей основой личный труд, но используется в интересах общества (как у Аристотеля или в раннехристианском учении). В государстве, считал он, труд обязателен для всех, люди друг другу помогают и уважают человеческое достоинство.

У Козельского имеется ряд теоретических заслуг перед отечественной юриспруденцией. Он стоит у истоков самостоятельной трактовки этой науки, выделяя юриспруденцию из сферы философского знания. Философию этот ученый делит на "философию теоретическую" и "философию поучительную", состоящую из политики и юриспруденции.

В предмет юриспруденции Козельский включает не только законодательство, но и естественное право. Юриспруденция есть знание всех возможных прав, подчеркивает он, и философы называют знание употребляемых на свете законов юриспруденцией несправедливо, лучше такое знание называть легиспруденцией, то есть знанием законов, а не юриспруденцией, то есть знанием права. Законы разнятся от прав потому, что законы хотя по большей части основаны на справедливости, но иные из них случаются основанными на несправедливости: например, закон дозволяет пленника продать, купить, сделать рабом и содержать его произвольным образом.

Нельзя не видеть в этой коллизии права и закона первой попытки критически подойти к системе действующего крепостнического права.

Очертив область юриспруденции как науки о достижении и познании того права, которое “не может по существу своему иметь в себе никакой несправедливости”, Козельский дает такое определение правовой науки: “Юриспруденция — знание всех возможных прав и неправостей”.

Среди юридических отраслей Козельский выделяет право натуральное как “правость, установленную в рассуждении человеческой природы”, право гражданское, “установленное в гражданах для спокойного их сожития и постоянного благополучия”, и “всемирное” (то есть международное. — Н. А.) право (или “правость”), “наблюдаемое ото всех вселенных народов в обхождении между собой”.

Козельский говорил и о военном праве. Считая войну величайшим злом, он отличает ведение бесчеловечной и незаконной войны от права народа на восстание и на защиту Родины: “Мне думается, что никто на свете не имеет права к войне, кроме таких людей, которые так обижены, что обида их стоит по справедливости и войн”.

В определении Козельским натурального закона легко заметить моменты, оправдывающие возможность самозащиты угнетаемого от угнетателя собственными силами, а также возможность побегов крестьян от помещиков-тиранов.

В высказываниях Козельского об юриспруденции как об особой области гуманитарного знания и в оригинальной трактовке им определения естественного права пробивается характерное для русских просветителей намерение противопоставить нормы естественного права нормам права положительного, то есть всей системе действующих законов екатерининского времени, и тем самым теоретически оправдать идеями естественного права возможность сопротивления крепостных крестьян, доведенных помещиками до отчаяния.

Понятие государства русский просветитель трактовал исходя из демократического понимания концепции общественного договора. Государство, “власть в обществе есть не что иное, как право повелительства над ним, основанное на праведном договоре, а сила в нем есть могущество производить все то в действо, что способствует его благополучию или неблагополучию”.

Споря с “господином Руссо”, Козельский считает появление государства шагом вперед в истории человечества. “Хотя через сию перемену, — поясняет он, — человек лишается многих натуральных выгод, однако на месте того приобретает другие великие качества, способности его беспрестанно возрастают, понятие распространяется, мысли делаются благороднее, и вся его душа возвышается до такой степени, что если бы злоупотребление нового сего состояния не сводило бы его часто ниже натурального, то должен бы он беспрестанно благословлять время, которое его вывело из того состояния и сделало из безумного и ограниченного животного разумным человеком”.

Будучи депутатом Комиссии по составлению нового Уложения, Козельский в своих выступлениях защищал крестьян от преследований помещиков и предостерегал последних о возможности и праве крестьян на восстание. В “Философических предложениях” читаем: “Хотя какое общество управляется самодержавной властью, однако из подчиненных ей властей некоторой не пристойно располагать благополучием и животом подчиненных ей людей... Некоторый автор пишет, что почтение обладателей к законам составляет их безопасность”.

Характерной чертой русского Просвещения была враждебность к самодержавию. Русские просветители показывали несостоятельность теории просвещенного абсолютизма в том виде, в каком она насаждалась Екатериной II, и, наоборот, поддерживали тот вариант этой теории, который выдвигали французские просветители. Последние надеялись, что “мудрый монарх” в союзе с независимыми от него политическими силами осуществит прогрессивные реформы, отменит сословные привилегии, а монархия станет конституционной.

Одним из наиболее непримиримых борцов с претензиями императрицы на репутацию просвещенной государыни был **Денис Иванович Фонвизин** (1745—1792) — русский писатель, “друг свободы”.

Он родился в стародворянской семье. Отец его был человеком петровского времени, чуждым грабительского ажиотажа, охватившего помещиков к середине века. Воспитание, полученное Фонвизинным, определило с самого начала его свободомыслие, недовольство деспотией, чиновничьей монархией. Учился он в той же дворянской гимназии при Московском университете, в которой учился и его ровесник Новиков, затем продолжал образование на философском факультете этого университета.

Фонвизин много лет служил в высшем государственном аппарате России, был секретарем руководителя Коллегии иностранных дел упомянутого уже нами Н.И. Панина, под воздействием которого окончательно сложилась его юриспруденция.

Д.И. Фонвизин мыслит более широкими категориями, чем Панин. Постепенно он отходит от дворянского конституционализма, видя, что русские помещики не смогут стать основой обновленного Российского государства, так как они не имели ни той культуры, ни тех традиций, о которых мечтал писатель. Отсюда его идеализация старины. Героя своего главного литературного произведения — комедии “Недоросль” (1781) он назвал Стародумом. Это просвещенный гуманист, патриот, борец против крепостного права и деспотизма. Важная веха в истории жизни Фонвизина — путешествие в 1770—1778 годах по Европе и довольно долгое пребывание во Франции. Его письма к П.И. Панину — брату его шефа составили “Записки первого путешествия” (опубликованные в 1800-х годах), где дана своеобразная юридическая оценка общенационального кризиса предреволюционной Франции.

В отличие от многих русских дворянских либералов, впервые посетивших Запад, Фонвизин не восхищался порядками, существовавшими в тогдашней Франции. Более того, он разглядел много проявлений деспотизма, роднивших Францию и Россию: произвол, неправосудие, нравственное разложение старых порядков, власть денег. “Первое право каждого француза есть вольность, — пишет он, — но истинное настоящее его состояние есть рабство; ибо бедный человек не может снискать своего пропитания иначе как рабскою работою; а если захочет пользоваться драгоценною вольностью, то должен умереть с голоду. Словом, вольность есть пустое имя, и право сильного остается правом превыше всех законов”. Франция не интересует Фонвизина сама по себе. Изучив ее, он надеется лучше понять Россию. Он убедился, что западный путь не дает счастья народу, здоровья государству. В этих его взглядах ряд исследователей видят славянофильские мотивы его творчества.

Однако Фонвизин вовсе не был чужд исканиям французских просветителей: большое влияние на него оказал Монтескье, его идеал умеренной формы правления, то есть монархии, ограниченной основными законами. Как и Монтескье, он ненавидел деспотию, “беззаконное самодержавие”. Воплощением деспотии служило

для него правительство Екатерины II и ее очередного любовника Потемкина. Фонвизин был посвящен во все планы Н.И. Панина по ограничению самовластия императрицы и после ухода последнего в отставку в 1782 году вышел на пенсию.

Фонвизин осуждал Дидро и Деламбера за то, что они прославляли Екатерину, и одобрял Руссо, который отвергал все попытки со стороны императрицы заигрывать с ним. По Фонвизину, в современной ему России “народ пресмыкается во мраке глубочайшего невежества, носит безгласно бремя жестокого рабства”, верховное правление здесь — “бездушная машина, движимая произволом государя”, государство управляется “вседневыми и часто друг другу противоречащими указами”, оно не имеет “никакого твердого законоположения”, дворянство “продается всякому подлецу, ограбившему Отечество”.

Подобно своим французским собратьям и вдохновителям, русские просветители верили во всеислие просвещения и видели путь к перестройке Российского государства в реформах, проводимых сверху. Однако признание первенствующей роли просвещения в поступательном развитии общества при пренебрежении другими методами преобразования заводило их в тупик. Просветители утверждали, что мудрые законы появляются только в образованном обществе, но в то же время указывали, что при существующих отношениях нельзя достигнуть высокой степени просвещения. В этом историческая ограниченность и слабость их позиции.

ЛЕКЦИЯ 4. **С.Е. Десницкий — первый русский профессор права**

Одной из знаменитых фигур русского просветительства является Семен Ефимович Десницкий (1740—1789). Будучи профессором юридического факультета Московского университета, он способствовал окончательному превращению отечественной юриспруденции в науку и учебную дисциплину.

Биографические сведения о нем весьма скудные, что связано с почти полной гибелью архива Московского университета в 1812 году. До сих пор не уточнен год рождения просветителя. Можно предположить, что он родился в начале 40-х годов. В списке студентов Глазговского университета, где обучался Десницкий, с его слов записано, что он второй сын Ефима Десницкого, гражданина г. Нежина. В “Сказке, какова подана в Герольдию о профессоре Десницком...” указывается, что он происходит из “малороссийских нежинских мещан”.

В 1759 году Десницкий был направлен в гимназию при Московском университете из Троицкой лаврской семинарии. Обращает на себя внимание состав учеников университетской гимназии. Одновременно с Десницким здесь учились будущие деятели русского просвещения Н.И. Новиков и Д.И. Фонвизин, ряд известных впоследствии ученых, поэтов, писателей, переводчиков и педагогов.

Студентом Московского университета Десницкий пробыл недолго. В 1760 году вместе с несколькими другими воспитанниками университета он был вызван куратором И.П. Шуваловым в Петербург для подготовки к поездке за границу. Занятия шли в доме Шувалова, а также в Академическом университете, где отъезжающие студенты изучали философию, физику и другие науки. В августе 1761 года Десницкий и его друг И.А. Третьяков выехали в Англию.

Отправляя Десницкого и Третьякова за границу, Шувалов, по-видимому, дал им лишь весьма общие указания о предстоящих занятиях, предоставив окон-

чательное решение вопроса об их устройстве на учебу русскому послу в Лондоне Д.А. Голицыну. Последний, "по совету господ англичан", в частности лорда-канцлера Англии Мэнсфилда, направил русских студентов в Глазговский университет, где они должны были обучаться "греческому языку, натуральной и нравоучительной философии, метафизике и математике".

Главными предметами занятий Десницкого за границей стали философия и юриспруденция. В его письме декану и членам правления Глазговского университета от 31 декабря 1761 года указывается, что он и Третьяков прошли курс у доктора Смита, а также в течение трех лет посещали "курс м-ра Миллара по гражданскому праву". Кроме того, они прослушали годовой курс химии у профессора Блекка, изучали математику и "купеческую арифметику". Занятия "купеческой арифметикой" вызвали недовольство в Москве. В сообщении Московского университета в Коллегию иностранных дел говорится, что, по мнению университетской конференции (так тогда именовался Ученый совет университета), они обучались правоведению "у такого учителя, который де ее только по практике знает, и для того все их учение признано... не весьма порядочным". В 1766 году Десницкий писал на родину, что "за слушание римских и британских законов и за чтение избранных английских книг" они с Третьяковым должны 25 фунтов стерлингов. Очевидно, русские студенты изучали также и английскую литературу.

Из всех университетских профессоров наибольшее влияние на правовопонимание Десницкого оказал Адам Смит — признанный ныне классик английской политической экономии.

31 декабря 1765 года Десницкий и Третьяков обратились к декану и членам правления университета с просьбой рассмотреть вопрос о том, не дает ли им "прохождение курса этики и юриспруденции у доктора Смита и трехлетнее посещение курса м-ра Миллара по гражданскому праву основание предложить себя в качестве кандидатов на степень доктора права и сдать экзамены, необходимые для получения этой степени". В тот же день просьба была рассмотрена. В протоколе заседания факультета записано: "Поступило прошение от Семена Десницкого и Джона Третьякова, магистров искусств, в котором они выражают желание выступить соискателями на степень доктора права. Мистеру Миллару надлежит проэкзаменовать их частным порядком и сообщить об их квалификации на следующем заседании факультета".

9 января "мистер Миллар доложил, что он проэкзаменовал мистера Семена Десницкого и мистера Джона Третьякова частным порядком и обнаружил, что они достаточно подготовлены для того, чтобы держать экзамен публично. В соответствии с этим на следующий четверг, 16 января, в три часа дня назначается собрание". В назначенный день соискатели держали публичный экзамен. "Собрание предложило им удалиться, после сего одобрило уровень знания права, продемонстрированный ими, и, попросив их вернуться, познакомило их со своим решением и предложило мистеру Джону Третьякову титул из Римского права о вызове в суд в качестве темы для диссертации, а мистеру Семену Десницкому — титул об обычных завещаниях".

8 февраля 1766 года Десницкий и Третьяков представили свои диссертации факультету. Декану факультета профессору Г. Мурхеду и профессору Д. Миллару было предложено ознакомиться с диссертациями и доложить о них на следующем заседании.

Как видно из протокола заседания факультета от 8 апреля, Мурхед и Миллар, ознакомившись с рукописями соискателей, “не нашли в них ничего неподобающего, что бы могло не дозволить их к печати”. Десницкому и Третьякову было разрешено их опубликовать.

В 1767 году Десницкий получил звание доктора гражданского и церковного права от Ученого совета университета г. Глазго. В России ему поручено было читать студентам “Римское право по институциям, с применением к русскому праву отдельных законов”. 5 мая 1768 года Десницкому присвоено звание экстраординарного профессора с правом участвовать в заседаниях университетской конференции. После шести лет успешной педагогической деятельности Десницкий получил звание ординарного профессора и с 1773 года занимал кафедру российского законовещения.

В большую политику Десницкий пришел, как и многие тогдашние мыслители, во время работы Уложенной комиссии в Москве. В марте 1768 года он направил Екатерине II “Представление об учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи”. Основные положения Десницкого оказались совершенно неприемлемыми для императрицы, и это сочинение было погребено в архивах. Однако Екатерина II использовала некоторые рекомендации Десницкого по вопросам финансов, составляя дополнения к “Наказу”.

Вторым теоретико-правовым произведением Десницкого стало “Слово о прямом и ближайшем способе к изучению юриспруденции”. Оно было произнесено в публичном собрании Московского университета в 1768 году и имело большой общественный резонанс. По существу, это был манифест только что родившегося передового направления в русской юриспруденции.

Важное значение имела работа Десницкого над переводом книги Блэкстона “Комментарии к английским законам”. В 1780—1782 годах были опубликованы первые три тома этого фундаментального труда выдающегося английского юриста с многочисленными примечаниями Десницкого. В 1787 году Десницкий подал в отставку, а в 1789 году умер.

Несколько слов нужно сказать о Десницком как о педагоге-юристе. Он и его друг Третьяков добились права читать свои лекции на русском языке вместо латинского, хотя куратор университета В. Адодуров решительно возражал против этого, “Оные лекции иметь им на латинском языке, равно как и прочие господа профессоры оные имеют, дабы не токмо они в том языке час от часу большую могли получить способность, но и прочие б господа профессоры удобнее о пользе и исправности оных рассуждать могли”, — писал он директору университета 23 июля 1767 года. Однако русские ученые продолжали настаивать на своем требовании и, очевидно, апеллировали к Екатерине II. Адодуров вынужден был отступить. 19 ноября он сообщил в Московский университет, что императрица “указать соизволила, что в университете пристойнее бы читать лекции на русском языке, а особливо юриспруденцию”. Кроме Десницкого и Третьякова право читать лекции по-русски получили медики Зыбелин и Вениаминов, а также философ Аничков. В “Московских ведомостях” появилось объявление: “С 1768 года в императорском Московском университете, для лучшего распространения в России наук, начались лекции во всех трех факультетах природными россиянами на российском языке, любители наук могут в те дни и часы слушать, которые оным в лекционном каталоге назначены”.

В своих лекциях Десницкий должен был знакомить студентов не только с римским, но и с русским правом. Последнее представляло значительные трудности, поскольку в то время русское право почти не было разработано. Кроме того, многие указы не были опубликованы и чиновники делали из них тайну. “Скрывать законы... есть обыкновение канцелярий российских, не говорю всех, но некоторых, как я уже и сам довольно опытом узнал”, — писал в 1768 году русский юрист Дильтей. Несмотря на это, Десницкий успешно справлялся со своими обязанностями. В 1770 году, как мы узнаем из каталога лекций, он читает курс римского права вместе с правом русским.

В отличие от большинства наших просветителей, Десницкий использует не столько рационалистический, сколько “способ исторический” познания государства и права. Изучая историю, он видит в ней основу понимания развития человеческого общества.

Для познания развития народов Десницкий использует этнографический материал, исторические исследования, например “Историю Англии” Давида Юма, летописи и правовые памятники России. У него мы находим стройную концепцию происхождения государства, основанную на материале сравнительно-исторических наблюдений и освещающую с разных сторон этот процесс. Несмотря на общий идеалистический подход к явлениям социально-политической жизни, для Десницкого характерна попытка положить в основу их понимания эволюцию материальных отношений. Ученый постулирует четыре состояния “рода человеческого”, из которых “первобытным почитается состояние народов, живущих ловлею зверей и питающихся плодами, саморождающимися на земле; вторым — состояние народов, живущих скотоводством, или пастушеское, третьим — хлебопашественное; четвертым и последним — коммерческое”. Переход к четвертому состоянию, по Десницкому, связан с появлением купечества. Он считал относящимися к четвертому состоянию не только большинство современных народов, но и древних римлян, европейские народы в эпоху средних веков.

Переход от одного состояния к другому Десницкий связывал с изменениями в семье, собственности, образе жизни и в быту. Так, переход к пастушескому состоянию вызван “заведением в собственность животных, или, иначе сказать, скотоводством и небольшим хозяйством”. Главную причину перехода к коммерческому состоянию Десницкий видел в том, что “художества и рукоделия” начали производиться “особливыми и нарочитыми мастерами”, и уж из этого он выводит появление купечества.

Необходимо заметить, что в термин “коммерция” русский просветитель вкладывал несколько иной смысл, чем вкладываем мы. Древние римляне говорили: “*Habere commercium cum Musis*” (иметь общение с музами). Здесь нельзя перевести: “Иметь торговлю с музами”. Как справедливо заметил российский исследователь В.С. Алексеев-Попов, в XVIII веке слово “коммерция” в значительной мере сохраняло свое первоначальное, более общее значение, свойственное латыни, т.е. означало всякие виды связей между людьми, потом уже — торговые отношения.

Дадим краткую характеристику социально-политической эволюции истории, по Десницкому. В период охоты и собирательства средства существования составлялись только мужчинами. Половые отношения были неупорядоченны, женщины находились в полном подчинении у мужчин. Русский просветитель указывает, что “у народов, живущих ловлею зверей, и самое употребление вещей бы-

вает по большей части неразделенное и общее всем. Ибо как они живут все в одной хижине или пещере, то оных жилищ имеют совокупное и нераздельное владение и употребление, и как они едят все вместе, то их и съестные припасы бывают всем общи, а по недостатку даже и самые одеяния у них, точно как и у наших крестьян, бывают носимы и обоим полом одинакие и нераздельные". Десницкий правильно понимает, что люди в этот период ведут крайне скудное, полуголодное существование и, следовательно, не может идти речи о накоплении. Совершенно правильно указывает Десницкий на крайнюю примитивность орудий труда в эту эпоху и на отсутствие торговли. В пастушеском состоянии появляется многоженство. Причиной этого изменения было то, пишет Десницкий, что "жены... для хозяйства оказались полезными". В хлебопашеском состоянии возрастает роль женщины в домоводстве и появляется моногамный брак; в коммерческом — супружеские отношения начинают регулироваться законами.

Проследивая возникновение и развитие частной собственности, Десницкий указывает, что на стадии охоты и собирательства "мы не видим такого ясного понятия о собственности, какое ныне примечается установленным между народами просвещеннейшими". В этом состоянии "употребление вещей бывает по большей части нераздельное и общее всем". Первые представления о собственности, по Десницкому, появляются в пастушеском состоянии, причем он ведет речь не об индивидуальной, а о коллективной собственности. В этом состоянии, замечает Десницкий, "совокупное и общественное владение не позволяет частному человеку отсуждать своего имения ни при жизни, ни при смерти". Частная собственность, полагал Десницкий, постепенно складывается в хлебопашеском и окончательно оформляется в коммерческом состоянии.

Картина, нарисованная мыслителем, не отражает реального хода исторического процесса. Так, совершенно неверно утверждение Десницкого о приниженном положении женщины в первобытном состоянии. Не прав Десницкий, когда утверждает, что с переходом к скотоводству складываются представления о коллективной собственности; по данным современной этнографии, здесь появляется частная собственность на движимое имущество. В работах просветителя имеются и другие ошибочные суждения. Тем не менее сама попытка подойти исторически к таким институтам, как семья и собственность, имела большое значение для юриспруденции. Излагая свою теорию происхождения государства, Десницкий на ряде примеров стремится показать, что "первобытные народы не имели законов и правительств". После перехода к хлебопашеству они заводят семейства и селения и ограждают себя стенами для защиты от неприятеля. В новых условиях "законы, права и правительства у них начали происходить". Однако возникновение "первоначальных правительств" не означает, по Десницкому, образования государства. Эти правительства "примечаются столько слабыми и неустроенными, что в оных судьи, кроме меднаторской или посредственнической, никакой другой почти силы, ни власти над частными людьми имеющими не доказываются", — замечает просветитель.

Более того, всем первоначальным государствам свойственно "феодалное правление" с введением "собственности в земле" и "баронских и маркграфских чиновначальств". Появление первоначальных государств не отвечало интересам народа, не было результатом добровольного соглашения всех членов общества. Сущностью этих государств была защита богатых. Богатые захватывают власть и используют ее в своих эгоистических интересах. Уже у варварских народов единствен-

но посредством богатства “начальники, как атаманы, делаются повелителями над своими согражданами и удерживают свое достоинство и власть над всеми”.

Чтобы в России, которая только вступила в коммерческое состояние, не произошло узурпации власти “сокровиществующими миллионщиками”, делающими законы “игрищем своих устремлений”, Десницкий предложил Екатерине II конституционный проект в “Представлении об учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи”.

Для борьбы с произволом Десницкий обособляет друг от друга наиболее важные государственные органы, от которых зависят “все почти чиновничьи положения и главное правление в государстве”, поставив их в тесные рамки закона. Он выделяет законодательную, судительную и наказательную власти, наделяет их соответствующей компетенцией, что в конечном счете ограничивало царскую власть, гарантировало естественные права всех сословий.

Законодательной властью наделяются Сенат и монарх, имеющий право абсолютного вето, что скрывало от цензуры антицаристскую направленность проекта. Сенат однопалатный, все члены его избирались на основе имущественного ценза от всех сословий в количестве 600—800 депутатов. Депутаты имели равные права, сами избирали председателя, определяли размеры подати и пошлин, контролировали деятельность всех коллегий и учреждений, ведали государственной казной, осуществляли отношения с другими странами, объявляли войну и заключали мирные договоры. Многочисленность Сената придавала ему дополнительный авторитет в глазах общественного мнения, с которым не мог не считаться император.

Еще большую независимость от монарха получала “судительная власть”. Хотя судей назначал император, в проекте последовательно проводился принцип их независимости и несменяемости. К тому же ограничивалось и право назначать судей, так как для них устанавливался образовательный ценз. Судьей мог стать только тот, кто сдал экзамен перед профессорами юридического факультета, а затем перед коллегией адвокатов. После сдачи экзаменов кандидат в судьи должен был не менее пяти лет практиковать в качестве адвоката. Монарх считался не вправе решать вопрос о судьбе нарушившего свой долг судьи, дело должен был разбирать Сенат, а государь только в случае подтверждения факта виновности судьи мог подвергнуть его “штрафу или наказанию”.

Квалифицированный состав судей, гласность суда и равенство всех перед законом, по проекту, позволяли судить “знатных и притом благородных дворян” и администраторов в случае нарушения ими законов. Дела в суде должны были рассматриваться с участием 15 присяжных, которые решали бы вопросы факта большинством голосов, а на основании их вердикта судьи решали бы вопросы права.

Предложенная Десницким судебная реформа имела в своей основе буржуазные принципы, направленные против сословно-административного суда в России, она вела к созданию самостоятельной, не зависящей от чиновничества “судительной власти”, способной при соответствующем соотношении политических сил положить предел “изменчивой воле одного”.

В компетенцию “наказательной власти” входило “спокойствие и тишину наблюдать в порученных себе местах”, т.е. воров, “разбойников и подобных сим в тюрьму брать”, осужденных “в тюрьме содержать и в приказанном судьями месте казнить”, собирать “подушное и пошлины из земельных владельцев”. На наказательную власть возлагались также противопожарные мероприятия.

Наказательная власть, по проекту Десницкого, находилась в руках воевод, назначаемых монархом. За воеводами устанавливался строгий судебный контроль. Жалобы на действия воевод должны были рассматриваться в Сенате, после чего воевода мог быть повергнут "произвольному монарха штрафу или наказанию".

Десницкий выступил против мелочной полицейской опеки над подданными и обосновал в "Представлении" идею необходимости широкого местного самоуправления. Вся полнота власти в городах, считал он, должна быть передана органу "гражданской власти", избираемому на основе имущественного ценза. Буржуазный по своим целям, орган "гражданской власти" должен ведать вексельными и другими финансовыми делами, сбором пошлин, контролировать торговлю, строго следить за благоустройством города, осуществлять "смотрение гражданской архитектуры".

Ряд интересных суждений существует у Десницкого по крестьянскому вопросу. Он считал, что крепостное право, отсутствие собственности на движимое и недвижимое имущество у крепостных является несправедливостью, тормозящей развитие производительности сельского хозяйства. Русский юрист высказывался за решительное улучшение благосостояния всех крестьян и в первую очередь крепостных. Он также настаивал на том, чтобы свободных крестьян, однодворцев, "пахотных солдат", жителей пограничных районов, чернососных, ясашных "никому не жаловать и никому не продавать". При этом Десницкий убеждал Комиссию точно указать, какие службы крестьяне повинны исправлять, какие платить подати, дать им "право чинить завещания" и т.д. Эти предложения Десницкого, несомненно, были направлены против самоуправства, которое творила Екатерина II, раздаривая десятки тысяч государственных крестьян своим фаворитам.

Что касается помещичьих, дворовых и экономических крестьян, то Десницкий считал, что их правовое положение надо улучшить, проводя, однако, все мероприятия по улучшению с крайней осторожностью. Уничтожение в России крепостного права Десницкий считал мерой еще преждевременной, способной привести к "нарушению спокойствия". В этом отношении Десницкий перекликался мыслями с Руссо относительно освобождения крестьян в Польше; тот предлагал, прежде чем освобождать крепостных, предварительно их просветить.

С просветительских позиций Десницкий выступил с осуждением крепостников, которые торговали крепостными оптом и в розницу, по произволу разлучали семьи, меняли крестьян на борзых собак и лошадей, проигрывали в карты. Это варварское отношение к крепостным, ставившее последних, по существу, в положение рабов, вызывало резкое возмущение и протест у всех русских просветителей, в том числе и у Десницкого.

Резкое осуждение вызывала у него сложившаяся в России система превращения крепостных в дворовых, когда помещики, преследуя личные выгоды, шли на любые злоупотребления. "В рассуждении дворовых людей, — заявлял Десницкий, — которые совсем принадлежат к нижнему роду потому, что они крепостные, вошли равномерно в частное домостроительство великие злоупотребления, кои нужно пресечь законами". Высказываясь за "хорошее законодательство", он настаивал на том, чтобы положить конец самоуправству помещиков, строго регламентировать отношения последних с крепостными и решающее слово по этому вопросу предоставить "миру", т.е. крестьянскому сходу. Одновременно мыслитель полагал, что крестьян, или "нижний род", надо обеспечить правом, состоящим "в утверждении навсегда свободы человеку, единожды оную от гос-

подина своего получившему, равномерно и его потомству с запрещением вступить снова в крепость”.

Как видим, юридические идеи просветителей, особенно в концепции Десницкого, существенным образом отличались от идей “дворянских либералов”. Они не имели яркой сословно-дворянской окраски. Просветители стремились ограничить самодержавие, выдвигая на первый план бессословный совещательный орган представительства и принцип законности в реализации властных полномочий всех государственных органов, в том числе и органов верховной власти.

ЛЕКЦИЯ 5. **Юриспруденция русского народа.** **Е.И. Пугачев**

Последняя четверть XVIII века отмечена, с одной стороны, значительным усилением дворянской диктатуры, законодательным оформлением сословного строя, усилением репрессий и цензуры, а с другой — самой мощной в истории России крестьянской войной. Это привело, как мы уже знаем, к идейной поляризации в отечественной юриспруденции, где наряду с охранительным лагерем начинает складываться оппозиционный лагерь в лице просветителей и первого русского революционера Радищева.

Параллельно с этим юридическим лагерем продолжает идейно существовать и совершенствоваться народная юриспруденция. Ряд ее типических черт мы описали при анализе средневековой еретической мысли и мирской народной юридической платформы в “бунташном” XVII веке. Сегодня закончим обсуждение этой обширной темы, так как юриспруденция народных движений XVIII века — высшая точка развития демократического направления в феодально-крепостнической России, следы которой закрепились в правосознании русского народа и фактически сохраняются по сей день.

Извечная беда всех историков русской политико-правовой мысли, изучающих взгляды угнетенных масс феодального общества, — это необычайная скудость источников, исходящих от непосредственных производителей материальных благ — крестьян и посадских людей. Классовое происхождение письменных источников периода феодализма наложило свой отпечаток на их содержание и в значительной степени предопределило методику их исследования. Для выявления источников, характеризующих взгляды эксплуатируемых феодальных масс, нам, как правило, приходится обращаться к материалам, исходящим из класса феодалов.

Это вовсе не означает, конечно, что эксплуатируемые сословия не принимали никакого участия в развитии правопонимания. Достаточно вспомнить берестяные грамоты, апокрифы, стреченные книги, “Слово о неправых учителях” дьякона Карпа и т.д., чтобы сделать вывод о том, что трудовой народ феодальной России стремился выразить свои идеи, стремления и чаяния в рукописной литературе. Однако даже в количественном отношении эти попытки никак не могут быть сопоставлены с общим потоком книжности, которая служила иным целям и иным классам.

Увы, только с XVII века в руки исследователей начинают поступать письменные источники, созданные трудовым народом, — прокламации (“прелестные листы”) восставших крестьян, произведения посадской литературы и некоторые другие сочинения. Но и они лишь после детального источниковедческого анализа могут быть использованы юристами. Таковы челобитные крестьян, созданные

в специфических условиях и не всегда объективно отражающие реальную действительность. Еще более сложны для анализа демократических идей "пыточные речи" и протоколы допросов, которые зачастую давали искаженную картину, служащую удовлетворению целей допрашивающих и не показывающую реально-го образа народного правосознания.

Может быть, по этой причине в нашей науке, особенно советского периода, безраздельно господствовало мнение, что крестьянство (русский народ) не способно выработать даже элементы политико-юридической идеологии. Такова, в частности, позиция академика М.В. Нечкиной. Один из ее главных доводов состоял в том, что "политического лозунга борьбы с самодержавием... крестьянское восстание не выдвигало и не могло выдвинуть". "Конечно, — поясняла эту мысль Нечкина, — восставшие крестьяне не хотели сохранить самодержавно-крепостнический строй, но по своей темноте они просто не имели возможности подняться до формулировок политического характера, относящихся к самодержавно-крепостническому строю".

Данная позиция вызывает несколько возражений. Во-первых, наличие монархических иллюзий вовсе не исключает существования народной юриспруденции, отрицающей правомерность сложившихся политических отношений, а также не исключает существования политических требований, направленных на установление демократических порядков в Русском государстве, которые имели непосредственное отношение к повседневной жизни крестьянства. Во-вторых, навязанный монархизм трудового люда, мечты о мужицком царе были выражением самостоятельной юридической установки, не имеющей точек соприкосновения с официальной юриспруденцией. Наконец, разбираемая позиция абсолютизирует стихийный характер крестьянских движений, хотя даже тогда, когда Нечкина ее обосновывала, был широко известен диалектический постулат о взаимосвязи стихийности и сознательности в сфере мышления. Сейчас же, когда активно обосновываются синергетические подходы в методологии юриспруденции, не подлежит сомнению, что и примитивные бунты выражали проявления сознательности, не говоря о крестьянских восстаниях и войнах, которыми также богат XVIII век.

Более точной представляется нам позиция, занимаемая Л.В. Черепнинным и рядом других ученых. "Крестьянские войны, — пишет, например, Черепнин, — характеризуются наличием прокламаций программного типа ("прелестных писем"), в которых повстанцы формулируют близкие им лозунги расправы с феодалами и представителями государственного аппарата, отобрания у них земельных владений, получения воли. Элементы сознательности, ростки идеологии пробиваются сквозь толщу стихийности. Все более осознанные формы приобретает мысль о том, что надо добиваться радикального изменения условий жизни, а не просто их улучшения. Если это даже "помыслы" и "чаяния", а не устойчивая система идей (для чего еще не настало время), то, овладев массами, они оказываются мощным двигателем в социальной борьбе".

Несомненный интерес для обоснования народного правосознания имеют суждения Е.В. Гутновой, опирающейся на материалы Западной Европы. В ее работах убедительно показано, что в ходе исторического развития происходит постепенное возрастание элементов идеологии в общественном сознании феодально-зависимого крестьянства. Она отмечает, что на ранних этапах феодализма у крестьян отсутствуют четко выраженные идеи. В поздний период развитого фе-

одализма (для Западной Европы — XIV—XV века) “в их среде появляется комплекс специфически крестьянских идей (о святости крестьянского труда, о равенстве сословий, у наиболее бедных слоев — о равенстве и даже общности имущества, о “добром короле” и его “дурных советниках” и др.), которые находят свое наиболее последовательное выражение в радикальных крестьянско-плебейских ересях”.

Как представляется, высказанные здесь предварительные замечания делают правомерной постановку вопроса о конкретных проявлениях элементов юриспруденции в сознании крестьянства на разных этапах развития освободительной борьбы.

Правосознание простого народа, идеи народной, крестьянской правды находили выражение в “отреченных книгах”, народных легендах, сочинениях крестьянских вольнодумцев, в челобитных, в указах и манифестах ставки Е.И. Пугачева. Правда не придумана народом, она — естественное порождение его трудовой жизни. Ее содержание связано прежде всего со стремлением передать землю тем, кто ее обрабатывает, с отрицанием и осуждением в той или иной форме эксплуатации человека человеком. Все повседневные вопросы крестьянской жизни “по правде” должны решаться с общего согласия на основе равенства.

При этом демократические идеи обычно сочетались с наивным монархизмом — мечтой о “мужицком царе”, защитнике народных интересов. Монархические иллюзии русского народа уживались с отрицанием политической реальности, стремлением утвердить демократические порядки самоуправления в повседневной жизни крестьянства.

Идеи крестьянской правды являлись самым устойчивым элементом правосознания русского крестьянства. В “отреченной книге” “Житие Андрея Юродивого” рассказывается о приходе к власти “царя от нищеты”, который властвует строго и в интересах народа. Он кладет конец войнам и освобождает людей труда и от страха войны, и от беззакония бояр, пресекаемого смертной казнью, и от податей, и от обид. Сословная структура общества сохраняется, поскольку бояре остаются и даже становятся еще более богатыми, но одновременно уничтожается нищета: золото лопатой рассыпается перед народом. Но, и осыпанный золотом, народ не перестает быть трудовым: оружие переплавляется в косы, серпы, плуги, чтобы ими “землю делати”.

В мечтах “о далеких землях”, “о золотом веке”, “об избавителях” русский народ выражал свой юридический идеал. Так, в легендах “о далеких землях” обобщена практика миграционного движения за пределы досягаемости со стороны государственной власти. В легендах “об избавителях” отстранение того или иного лица от престола объяснялось народной пользой, поддерживалось весьма своеобразное явление русской истории — “самозванство” как способ замены царя-угнетателя народным царем. В легендах “о золотом веке” путем противопоставления “старых добрых времен” существующей политической действительности формировалось критическое отношение к настоящему, возрождались традиционные вольности крестьянской общины, вечевого строя древнего Новгорода.

Челобитные — более развитая форма юриспруденции русского народа, связанная с активным сопротивлением феодальной эксплуатации. Это хорошо понимали идеологи просвещенной монархии. Князь М.М. Щербатов, возражая против предоставления крестьянам права жаловаться на помещиков, писал, что, получив такое право, крестьяне пойдут в суды целыми деревнями и в результате “к бунту преклонятся и на жизнь помещиков восстанут”. В 1767 году Екате-
ри-

на II издала указ "О быти помещичьим людям и крестьянам в повиновении и послушании у своих помещиков, и о неподавании челобитен в собственные ее величества руки". Тем самым императрица выступила против вековых обычаев русского народа. Она усмотрела в челобитных, многие из которых содержали просьбы о переводе крестьян в положение государственных, угрозу самодержавию. Некоторые челобитные, составленные на сходке всем крестьянским миром, по своему содержанию напоминали ультиматумы, с их подачи нередко начинались крестьянские волнения.

Важным документом, свидетельствующим о правосознании крестьянства, является "Плач холопов" — произведение неизвестного крепостного поэта-вольнодумца. Воспроизведя крестьянскую оценку Указа о вольности дворянства 1762 года, он осуждает дворян, которые "царю послужить ни один не хочет, лишь только у нас последнее точит". Осуждает автор также запрет для помещичьих, дворцовых, экономических, посессионных крестьян участвовать в работе Уложенной комиссии, что вызвало волнения среди крестьян. Он возмущается порядками, при которых "нами, как скотами, привыкли обладать", когда крестьянин не имеет собственности на плоды своего труда, не находит правды в суде, где процветает взяточничество. Корень всех зол крестьянский поэт видит в прозападной политике царей, в помещиках-иностранцах, которых раньше пускали в Россию для ее просвещения. Теперь же эти иностранцы "так нами владеют, что и говорить холопы не смеют".

Далее эти аспекты демократической юриспруденции я характеризовать не буду, поскольку они во многом перекликаются с тем, что было в правосознании народа в XVII веке. Постараюсь полнее показать фольклорные представления русского народа о государстве и праве, выраженные им в мудрых пословицах и хитроумных загадках, песнях — веселых и печальных, злых и насмешливых, в которых воспевал он вольную волю и оплакивал подневольное житье. В фольклоре народ создавал свой образ идеального царя — защитника народа и остро-сатирический образ толстопузого боярина или жадного попа, крючкотвора-судьи или бессердечного богатея.

Нельзя думать, что все устное поэтическое творчество трудового народа было лишь плодом досуга, развлечением. Да, мы найдем в народном творчестве много лукавых усмешек, беззлобных шуточных песен, скороговорок и веселых, беззаботных сказок. Да, фольклор был для народа той отдушиной, которая давала ему возможность унестись в мир волшебных мечтаний, в тридевятое царство, в тридесятое государство, в страну избытка и довольства, где среди кисельных берегов текут молочные реки. Но вместе с тем фольклор был проявлением и ума, и достоинства народа, тем самым клапаном, который выпускал накопившиеся в народе гнев и боль, который давал угнетенному люду возможность высмеять своих господ, показать свою правоту и ничтожность его классовых врагов и противников. "Социальная сущность фольклора, — справедливо писал В.Е. Гусев, — состоит в том, что он является духовным творчеством производителей материальных ценностей, непосредственным идеологическим обобщением их трудового опыта, их общественной практики, непосредственным выражением их мировоззрения, морали, эстетических вкусов". Одним словом, это была альтернативная картина взглядов на государство и право народных низов.

Не случайно с середины XVII века издается череда запретительных указов правительства и церкви, свидетельствующих о широком распространении фоль-

клора среди угнетенных слоев русского общества, как сельского, так и городского. Один из царских указов подобного рода сохранился в пересказе верхотурского воеводы Рафа Всеволожского. В своей "Памяти" приказчику Ирбитской слободы Г. Барыбину он пишет, что в Сибири "умножилось в людях во всяких пьянство и всякое мятежное бесовское действо, глумление и скоморошество... и загадки загадывают, и сказки сказывают небывалые..." Наказные "памяти" поручают приказчикам следить за крестьянами, чтобы они "скоморохов с домрами и с гуслими и с волынками и со всякими играми у себя не принимали".

Сложной была борьба крестьян за свои права, и трудовой народ прекрасно это осознавал — недаром так популярна была пословица "Бог высоко, а царь далеко". Бесправные по закону, задавленные нуждой и барским гнетом, крестьяне все же знали: "Сила и закон преступает"; варианты: "Нужда и закон ломляет"; "Где сила владеет, тут закон уступает". Особенно наглядно эта сторона фольклора проявлялась тогда, когда народ выступал в защиту своих прав всем миром. Осознание силы коллектива в борьбе за свои права — характерная черта крестьянского правосознания. "Мир — дело велико: как всем миром вздохнут, так и временщик издохнет", — говорили в народе. "Временщики родом велики, да недолговеки".

Тяжкую память оставили по себе многочисленные в XVIII веке фавориты и бироны русского престола, если народ утверждал: "Всякий временщик с корени широко зачнется, да скоро изведется". Как итоговое заключение звучит пословица, ставшая общенародной: "Мирская молва — что морская волна". Народ отмечал силу мира, единения.

Обобщенно звучит демократическая идея: "В мире вся суть". Весьма своеобразно оценивает пословица и такую ситуацию, когда беда для всего мира обращается прибылью для тех, кто этот мир угнетает: "Миру — беда, а воеводе — нажиток".

Призывы к единству, к сплочению сил, к согласованности действий чаще всего встречаются в прокламациях восставших крестьян. Так, широко известная прокламация 1670 года обращена ко всей "черни". Она призывает ее "заодно изменников выводить", зовет крестьян к единству ("в совет") с казаками и обращена ко всем "кабальным и опальным".

Выделение роли мира, общины, артели, столь характерное для крестьянского сознания, не означало, однако, отрицания роли атамана, главаря, руководителя: пословица специально отмечала "Атаманом артель крепка" или "Без матки пчелки — пропащие детки", "Без пастуха овцы — не стадо", "Погибнет пастырь — розыдутся овцы". Пословица идет и еще дальше, утверждая "Каков пастырь — таковы и овцы", "Рыба гниет с головы".

Призывы к единству, к совместным действиям как залогом счастливой жизни слышны в таких фразах: "У гурту и кулеш с кашею естся". Только общие усилия могут дать результат, одиночка обречен на поражение: "Две головни курятся, а одна — николи". Сила присуща только тем, кто объединяется: "Где стаи, там и сила". Тот, кто сообща борется за свои права, не боится и смерти: "На миру и смерть красна". Только сообща можно выполнить тяжелую, непосильную одиночке работу: "Где людей купа, не болит у пупа".

В крестьянской юриспруденции присутствовала вера в будущую справедливость. Именно эта вера и явилась истоком таких пословиц, как: "Мужик сер, а ум у него не черт съел", "Мужик — деревня: хоть серо, да збойливо", "Алтын

убогих прельщает, а Мартын богатых смущает”, “И перед нашими воротами солнце взойдет”, “Будет и на нашей улице праздник”.

Вера в свои силы, особенно в моменты острых политических потрясений, отобразилась в пословице “Мужик гол, а в руках у него — кол!” Потому-то и учила пословица “Грози богатому, так денежку даст”. Видимо, в среде восставших крестьян была создана пословица “Чей день — завтра, а наш — сегодня”. Крестьяне прекрасно осознавали и силу свободного слова, по-своему высоко оценивали его, приравнивая к обычному оружию восставших крестьян — рогатине: “Холопье слово — что рогатина”. Вожди народа широко пользовались “холопским словом” и рассылали прокламации с призывами к объединению и обещаниями свобод и привилегий крестьянству. Крестьянин-труженик остро чувствовал инородность всего, что связано с боярами, дворянами, господами, поэтому говорил: “Не от царей угнетение, а от любимцев царских”, “Боярская хворь — мужицкое здоровье”.

Конечно, не следует и переоценивать эти выражения социального протеста, видя в них чуть ли не революционность крестьянства как класса. Нет, и в XVII—XVIII веках, и позже крестьяне, оторванные и разобщенные, придерживавшиеся старинных форм хозяйства и жизни с их вековой неподвижностью и рутиной, жили в гораздо большей степени интересами своей семьи и общины, чем интересами класса. Патриархальность и ограниченность крестьянства как класса бесспорны. Выступления крестьян против дворянского государства были стихийны и бесплодны. Но они были! Крестьяне не только влачили “унылое состояние”, они, во-первых, трезво оценивали его, а во-вторых, выступали против него — и с рогатиной, и со словом.

К концу XVIII века в Россию стали проникать слухи о Французской революции. Интерес к ней был велик во всех слоях общества, в том числе и у крестьян. Сведения о Французской революции обсуждались, например, в селах Екатеринославщины и Полтавщины. Так, некий дьяк Романовский “разглашал между простолюдинами” сел этих губерний, что “во Франции все свободные”, и ждал времени, когда “и у нас” будет так же, т.е. кончится торговля крепостными, уничтожится принудительный труд.

Можно со всей определенностью сказать, что почти все фольклорные жанры того времени юридически окрашены и оппозиционны феодальному насилию. Присущие народному фольклору скорбные мотивы, оплакивание горькой доли крепостного люда приводили в итоге к тому, что скорбь не только рождала ненависть, но и заставляла крестьян искать новые пути в борьбе за лучшее будущее. Это хорошо видно на примере изученных К.В. Чистовым русских социально-утопических легенд, сопровождавших все крупные народные движения того периода. Важно отметить, что эти легенды вселяли веру в освобождение трудового народа, хотя и указывали фантастические пути его осуществления. Особенно яркие и выразительны социально-утопические легенды о царях-избавителях, бытовавшие среди участников крестьянской войны под предводительством Е.И. Пугачева. Конечно, идеологическая сущность этой войны не исчерпывалась социально-утопическими легендами. Требования “земли и воли”, отмеченные в многочисленных документах восставших, подкреплялись легендой о царе-избавителе, изложенной участником восстания Алексеем Горбуновым, в которой содержится призыв “Кровь за кровь!”.

Я остановился на наименее изученных памятниках фольклора — на пословицах, но круг источников для исследования правосознания русского крестьянства,

конечно, должен быть расширен. Манифесты Пугачева и его ставки, произведения литературы предпугачевского и послепугачевского времени (например, "Повесть об убогом человеке, како от диявола произведен царем", записанная крестьянином Пянтюковым в 1766 году), фольклор, прижизненный Пугачеву и послепугачевский — все это в той или иной мере дает материал для раскрытия темы.

Необходимо также отметить сочинения солдата Евфимия (1740?—1792), по некоторым источникам — крепостного переяславского помещика Мотовилова, основателя "бегунства" или странничества (одного из староверческих течений, имевшего распространение в крестьянской среде XVIII века). Евфимий был представителем той народной юриспруденции, которая была ориентирована на прошлое. Так, с еретических позиций он характеризовал Петра I, в ком видел антихриста, который "при описи разделил народ на разные чины и установил дань подушную, потом же и землю размежевал и купцов отделил... и этим разделением превратил его в язычников, которые друг на друга конфликтовали, межи как на границе с другими странами ставили, часто говоря "мое". Это слово "мое" Святой Златоуст называет скверным и проклятым: "Мое от диявола, говорил, идет; Бог же вам все общее дал". Иными словами, введение и частной собственности на землю, и подушной подати привело к раздроблению народа, и это дело антихристово, проклятое, скверное. Противоправное распределение материальных благ ведет к порче нравов, к ненависти, зависти, лжи, вражде и драке, говорит далее Евфимий. Частная собственность на землю — вот, по Евфимию, источник зла в мире.

Следует сказать и о том, что наряду с широко распространенной в крестьянской среде верой в "царя-батюшку", с царистскими иллюзиями мы встречаем в документах XVIII века и "непристойные речи" о лицах царской фамилии. О Петре I крестьяне прямо говорили: "Какой это царь, он не царь — мироедец". Такие "речи" звучали в Московском, Тульском, Переяслав-Рязанском, Тверском, Новгородском, Ярославском и других уездах.

В результате анализа сохранившихся до наших дней источников мы можем сделать вывод, что вопросы права и государства занимали видное место в воззрениях крестьянства на мир. Трезво оценивая реальную действительность, крестьяне остро чувствовали произвол и несправедливость, противопоставляли ей мирскую сплоченность и организованность, образное и яркое "холопье слово" в защиту правды.

Демократическое правопонимание нашло свое обобщенное выражение в указах и манифестах Е.И. Пугачева (1742—1775) — вождя крестьянской войны, донского казака из станицы Зимовейской. С детства он "боронил за отцом землю", в 17 лет начал казацкую службу, а через год женился.

Пугачев по праву мог говорить, что "по всей России чернь бедная терпит великие обиды и разорения", ибо он прошел большую часть своего жизненного пути как один из представителей многомиллионного трудового люда: "Где да где уж я не был и какой нужды не терпел! Был холоден и голоден, в тюрьмах сколько сидел — только одному Богу вестимо!" Поэтому он хорошо знал нужды, горести и чаяния крестьян и казаков, работных людей и "ясачных инородцев", а его манифесты и указы, написанные простым и образным языком, находили отклик в сердцах простых людей. С "черною бедной" Пугачева соединила судьба его как рядового казака. И эта же "чернь бедная" признавала его не только как Петра III, но и как "батюшку" крестьянского царя.

Пугачев в Манифесте 31 июля 1774 года “во всенародное известие” объявил: “Жалуем сим имянным указом... всех, находившихся прежде в крестьянстве и подданстве помещиков, быть верноподданными рабами собственной нашей короне, и награждаем древним крестом и молитвою, головами и бородами, вольностью и свободами и вечно казаками”. В нем содержится попытка логически осмыслить существующую действительность, выявить главных виновников угнетения и бесправия крестьянства. Такими виновниками объявляются не отдельные чиновники и дворяне, но все дворяне-крепостники в целом.

Россия после победы в крестьянской войне мыслилась Пугачевым как казачье государство во главе с монархом, “хорошим мужицким царем”. В самой формуле этого устройства содержалось крупное противоречие. Демократическое казачье начало общественного строя с казачьим крутом во главе противостоит монархическому правлению. Народ не знал иных форм государственной власти, кроме самодержавия, и лучших форм организации, чем казачество с его демократическими традициями. То и другое восставшие взяли за образец из современной им жизни России, но пытались наполнить эти формы антифеодальным и антикрепостническим содержанием. Здравая, но неосуществимая тогда идея заключалась в том, чтобы сильная государственная власть взаимодействовала с народом без посредников в лице помещиков и чиновничества.

Итак, юриспруденция трудового народа носила в основном утопический характер. Стихийное возмущение, гнев и разрушительные тенденции преобладали над созидательными моментами. Это и не могло быть иначе. Но в трагической форме “русского бунта” крестьянство продемонстрировало всю глубину кризиса крепостного права и необходимость его упразднения.

ЛЕКЦИЯ 6. Юриспруденция А.Н. Радищева

Александр Николаевич Радищев, крупнейший представитель юриспруденции России второй половины XVIII века, родился в 1749 году в деревне Верхнее Аблязово Кузнецкого уезда (ныне Пензенская область). “Начальное образование души” Радищев получил под руководством крепостных крестьян — няни Прасковьи Клементьевны и дядьки Петра Мамонтова, обучавшего мальчика грамоте. Отец Радищева, Николай Афанасьевич, богатый помещик, был образованным и гуманным человеком. Добрые отношения отца Радищева с его крепостными сказались в грозный “Пугачевский год”. Когда крестьянская война докатилась до имения Н.А. Радищева, он, вооружив своих дворовых людей, ушел с ними в лес, а своих младших детей — двоих сыновей и двух дочерей — раздал по мужицким семьям. Мужики так его любили, что не выдали, а жены их марили маленьким господам лица сажею, чтобы бунтовщики не догадались по белизне и нежности их лиц, что это не крестьянские дети. Ни один из тысячи душ не подумал донести на него. Такое отношение к крестьянам, их человеческому достоинству передано и сыну.

Образование Радищев получил блестящее: сначала он учился в Московском университете, затем в Петербургском пажеском корпусе, а в 1766 году его вместе с 11 другими молодыми дворянами отправили в Лейпцигский университет, где в течение пяти лет он занимался по программе юридического факультета.

В формировании мировоззрения Радищева большое значение имело знакомство с сочинениями французских просветителей: Вольтера, Гельвеция, Руссо, Мабли. Он также внимательно следил за развитием русской общественно-политической мысли, читал "Философские предложения" Я.П. Козельского, сатирические журналы Н.И. Новикова, где затрагивались темы бесчеловечности крепостного права, жестокости дворян, любви к Отечеству.

Первое публицистическое выступление Радищева состоялось после возвращения в 1771 году в Петербург, во время его работы в Сенате. Он перевел с французского книгу Г. Мабли "Размышления о греческой истории", снабдив этот перевод своими примечаниями.

По своим юридическим взглядам Радищев близок к когорте русских просветителей. Однако среди них он занимал особое место благодаря бескомпромиссному отрицанию демагогии "просвещенного абсолютизма" и скептическому отношению к реформам сверху. Такое видение проблемы приводило Радищева к выводу о возможности в России нового крестьянского восстания, которое низвергнет и самодержавие, и крепостное право. Бунт — не программа, а скорее прогноз Радищева, но он не относился к возможному бунту отрицательно, признавая его закономерность.

Готовность мириться с революционным насилием и демократизм, выразившийся в признании народного суверенитета, не укладываются в типичную систему идей русского просветительства. Уже в первой своей публикации (1773) — переводе "Размышления о греческой истории" Радищев, исходя из демократической трактовки общественного договора, сделал характерный вывод: "Самодержавство есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние". Люди никогда не должны предоставлять кому-либо над собой неограниченную власть, законы же должны устанавливаться и исполняться на пользу народа. Если же государь нарушает законы и допускает "неправосудие", то народ не только не обязан ему повиноваться, но должен судить его, и притом строже, чем обычного преступника.

В статье "Письмо другу, жительствующему в Тобольске" (1789) Радищев высоко оценивал преобразования Петра Великого, подчеркивая, что Петр был "мужем необыкновенным" и "название Великого заслужил правильно". Вместе с тем Радищев увидел и другую сторону "обновителя России": в его царствование народ "был объемлем ужасом беспредельной самодержавной власти", ибо Петр "истребил последние признаки дикой вольности своего Отечества". А ведь он мог бы "славнее быть" и Отечество наше высоко "вознести", если бы "утверждал вольность частную". Мог бы, но, с горечью замечает Радищев, "нет и до скончания мира примера, может быть, не будет, чтобы царь упустил добровольно что-либо из своей власти, сидя на престоле". Радищев полностью отвергает теорию просвещенного абсолютизма и порывает с верой просветителей в великодушие и мудрость монархов. Самодержавие возникло в результате узурпации, грубого нарушения общественного договора, что предоставляет народу право на восстание. Зло содержится в самом принципе монархии, который означает попрание элементарных прав человека, торжество произвола и насилия.

В "Путешествии из Петербурга в Москву" (1790) прозвучал призыв к уничтожению крепостничества. "Заклепанные в узы" крестьяне "в законе мертвы". Они лишены земли и права собственности, вынуждены работать на барщин-

не до шести дней в неделю, а то оказываются и в “дьявольской выдумке — мещанине”. Их истязают, ссылают на каторгу, “продают в оковах, как скот”. Чувовищная бесчеловечность помещиков доводит крестьян до того, что они убивают своих тиранов. У помещиков — “всесилие”, а у крестьян — лишь “немоцъ беззащитная”, так как “помещик в отношении крестьян есть законодатель, судья, исполнитель своего решения”. Надежды на нравственное воспитание помещиков, которые питали просветители, по мнению Радищева, бессмысленны. Крестьян освободит только гибель угнетателей. Приговором крепостникам звучали строки “Путешествия”: “Поток, загражденный в стремлении своем, тем сильнее становится, чем тверже находит противостояние. Прервав оплот единожды, ничто уже в различии его противиться ему не может. И чем медлительнее и упорнее мы были в разрешении их уз, тем стремительнее они будут во мщении своем... и ничего толико не желают, как освободиться от ига своих властителей... Они другого средства к тому не умыслили, как их умерщвление... Блудитесь!”

В формировании своего юридического идеала Радищев обращается к теории естественного права, центральной категорией которой было “естественное состояние”. Его представления об этом состоянии близки к взглядам Руссо, который полагал, что оно, быть может, никогда не существовало. Но использовать эту категорию нужно, чтобы мысленно представить людей вне государства.

Подобно Руссо, он постулирует в этом состоянии человека свободным:

Я в свет изшел и ты со мною;
На мышцах нет моих заклеп;
Свободною могу рукою
Прияти данный в пищу хлеб.
Стопы несy, где мне приятно;
Тому внимаю, что понятно;
Вещаю то, что мысляю я;
Любить могу и быть любимым;
Творю добро, могу быть чтимым;
Закон мой — воля есть моя.

Комментируя эту строфу в “Путешествии из Петербурга в Москву”, Радищев замечает: “Вот ее содержание: человек во всем от рождения свободен”. Он родится в мир равным во всем другому. “Все одинаковые имеем члены, все имеем разум и волю. Следственно, человек без отношения к обществу есть существо, ни от кого не зависящее в своих деяниях”.

Используя абстракцию естественного состояния, мысленно исследуя положение человека “без отношения к обществу”, Радищев, в отличие от Руссо, считает необходимым решить вопрос о том, в какой степени указанная абстракция соответствует реальной истории. В связи с этим он выступает против некоторых допущений, сделанных французским ученым.

Руссо полагал, что в естественном состоянии люди, как правило, должны жить в полной изоляции один от другого. По мнению нашего ученого, природа “на различиях полов основала... в человеке склонность к общежитию... В животных склонность сия временное имеет действие, но в человеке всегдашнее...”

Продолжая это рассуждение, русский мыслитель прямо критикует Руссо: “О Руссо! куда тебя завлекла чувствительность необъятная?”. Радищев снова возвращается к мысли об общественной природе человека в письме к А. Ворон-

цову от 3 июня 1795 года. "Человек есть существо общественное и созданное, чтобы жить в обществе себе подобных", — пишет он.

Для Руссо характерен индивидуализм и конфликт людей в естественном состоянии, особенно на его завершающей стадии. Напротив, Радищев представляет человека от природы политическим существом. Только в тесном взаимодействии людей друг с другом раскрываются их потенциальные способности, возможен прогресс. "Силы человеческия, дремавшия, уснувшия паче или поистине мертвыя в единственности, возпрянули в общественном сожитии, укрепилися взаимно, распространилися, возвысилися", — пишет Радищев.

В отличие от Руссо, русский ученый полагал, что уже в естественном состоянии человеку "вследствие его чувственного состава" свойственно внутреннее ощущение правого и неправого. Люди здесь следуют правилу "не делай того другому, чего не хочешь, чтобы тебе случилось". До появления собственности в обществе существовало единомыслие, и "закон ничто иное был, как собственное каждого к пользе общей побуждение, ничто иное, как природное почти стремление исполнять каждому свое желание; ибо каждой в особенности своей не инаго чего желал, как чего желали все, или, сказать точнее, никто не желал ничего в противность желанию всех".

Человеческое общество, по мнению Радищева, прошло "многие степени усовершенствования". Он справедливо полагал, что первым этапом развития общества был родовой строй. Так, характеризуя общественный строй бурятов к моменту похода Ермака в Сибирь, Радищев пишет, что они "пребывали в первенственном своем состоянии, разделенные на разные роды, из коих каждой повиновался избранному или наследному начальнику".

Появление государства Радищев относил ко времени перехода кочевых народов к земледелию. "Земледелие произвело раздел земли на области и государства, построило деревни и города, избрело ремесла, рукоделия, торговлю, устройство, законы, правления", — пишет Радищев.

Так же как и Руссо, Радищев связывает возникновение государства с появлением собственности. Воспроизводя известную мысль французского мыслителя, он замечает: "Как скоро сказал человек: сия пядень земли моя! — он пригвоздил себя к земле и отверз путь зверообразному самовластию, когда человек повелевает человеком". Однако сама теория происхождения государства у Радищева отличается от теории Руссо. По утверждению последнего, возникновение власти, судов и судебных уставов есть результат хитроумного плана богатых. В дальнейшем этот процесс принял регулярную форму и появилось государство.

Позиция, занятая Радищевым, иная. Он полагает, что "государство есть великая машина (машина. — Н.А.), коея цель есть блаженство граждан". Как правильно заметил С.А. Покровский, Радищев, "веря в разум народных масс, отвергал мысль о том, что они добровольно возложили на себя цепи". По мнению Радищева, государство возникает в результате молчаливого договора в целях защиты слабых и угнетенных. "Воззванные в общежитие всесильным гласом немощей и недостатков человеки скоро познали, что для обуздания наглости и дерзновения нужна была сократительная сила, которая, носяся поверх всего общественного союза, служила бы защитою, подпорою слабому, угнетенному, была бы против необузданности оплотом и преградою и бич гонению, посягнувшему на оскорбление союзного телеси", — пишет Радищев в рукописи "О добродете-

лях и награждениях". Аналогично излагается вопрос о происхождении государства в оде "Вольность":

Возникла обща власть в народе,
Соборной всех властей удел;
Ей общество во всем послушно,
Повсюду с ней единодушно;
Для пользы общей нет препон;
Во власти всех своей зрю долю,
Свою творю, творя всех волю;
Родился в обществе закон.

Радищев дал революционно-демократическую трактовку идей общественного договора, что позволило ему создать проект "народного правления", основой которого признавалась крестьянская община. В русских порядках Радищев нашел необходимые доводы для защиты своих эгалитаристских идей, основанных на теориях Руссо и Мабли.

Кроме того, обосновывая "народное правление", он опирается на факты русской истории. "Новгород имел народное правление... Народ в собрании своем на вече был истинный государь". По форме правления Новгород был республикой, вольным государством. "Хотя у них были князья, но мало имели власти. Вся сила правления заключалась в посадниках и тысяцких", — утверждает Радищев. Подчеркивая мощь и обширность древнего Новгорода, он выступал против утверждений, что республика может существовать лишь в малых государствах. "Собрание народа, об общих нуждах судящее", рассматривалось им "как древний институт, существующий с того, может быть, даже времени... как славяне начали жить в городах".

"Народное правление" устанавливается в результате революции. В своей оде "Вольность" он рисует восстание народа, который свергает царя и судит его, как лютейшего злодея и первейшего преступника, дерзнувшего нарушить волю народа-суверена и захватить верховную власть. Радищев видит слабые стороны стихийного крестьянского восстания, когда восставшие искали более "веселия мщенья", нежели "пользы от сотрясения уз", идя за самозванцем под лозунгом "истинного", "хорошего" царя. Борьба будет, по его мнению, тяжелой, долгой, но завершится победой народа. "Не мечта сие, но взор проникает густую завесу времени, от очей наших будущее скрывающую; я зрю сквозь целое столетие".

Народная республика будет строем равных людей, где "дух свободы ниву греет, бесслезно поле вмиг тучнеет, себе всяк сеет, себе жнет". По своему государственному устройству она мыслилась как унитарное объединение самоуправляющихся общин на основе вечевых сходок. Высшим государственным органом был Собор, где народ в "соборном своем лице" мог судить о "худом власти народной употреблении", Радищев считал, что ослабление единства государства способствует нарушениям законности, снижает эффективность общественного мнения, создает угрозу вольности. Народ в его республике постоянно надзирает за деятельностью должностных лиц, предупреждает их произвол, что создает предпосылки для сохранения свободы. В этом аспекте его идеи близки к учению Руссо о непосредственной демократии.

Проблемы права Радищевым решаются на основе естественно-правовой теории с учетом исторических особенностей России. Ученый показывает тесную связь естественного права, народного суверенитета и закона. Последний рассмат-

ривался как “извет общия воли”, как “извещение, в чем состоит общественное блаженство”. В основе закона должно лежать естественное право. “Закон положительный не истребляет, не должен истреблять и неможен всегда истребить закона естественного”, — пишет Радищев. Эта идея позволяет ему сделать вывод о естественных неотчуждаемых правах человека, к которым относится право на собственность, безопасность, волю, жизнь. В интересах общей пользы эти права могут быть ограничены, но не решением монарха, а лишь в случаях, предусмотренных положительным законом, отражающим общие интересы граждан.

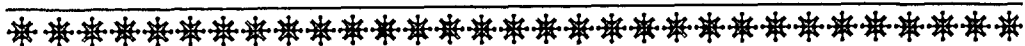
Второй тезис Радищева — отрицание юридической силы за законами, противоречащими естественному праву и основанными только на силе. Он выступает против тех “законоучителей”, которые предлагают иное решение проблемы, полемизируя: “Народы, говорят законоучители, находятся один в отношении другого в таком же положении, как человек находится в отношении другого, в естественном состоянии. Вопрос: в естественном состоянии человека какая суть его права? Ответ: взгляни на него. Он наг, алчущ, жаждающ. Все, что взять может на удовлетворение своих нужд, все присвоит. Если бы что тому воспрепятствовать захотело, он препятствие удалит, разрушит и приобретает желаемое. Вопрос: если на пути удовлетворения нуждам своим он обрящет подобного себе, если, например, двое, чувствуя голод, восхотят насытиться одним куском; кто из двух больше к приобретению имеет право? Ответ: кто сильнее”. Закрывая свое изложение взглядов “законоучителей”, Радищев с негодованием восклицает: “...неужели сие есть право естественное, неужели се основание права народного!”

Сила, творящая произвол, не может породить права. Действия Ивана III, ликвидировавшего политическую самостоятельность Новгорода, он считает противоправными. “Но на что право, когда решение заключается кровию народов?” — замечает по этому поводу Радищев. Закон, если он “основания не имеет в естественности”, по мнению Радищева, как закон вообще не существует.

Однако мыслитель не отрицает значения силы в деле осуществления права. Отсюда третий тезис Радищева, тесно связанный с его революционными убеждениями. Он последовательно настаивает на том, что основанные на естественном праве законы могут быть реализованы только тогда, когда они опираются на реальную силу. Весьма интересно теоретическое обоснование этого тезиса. По Радищеву, право вообще содержит “только возможность к деянию”. В естественном состоянии оно ощущается и существует лишь постольку, поскольку личность сама обладает достаточной силой, чтобы осуществить эту возможность. “Право естественное в естественном положении существует только по обстоятельствам действия и недействия”, — пишет Радищев. В общественном состоянии представления о праве расширяются. В принципе, личность теперь может рассчитывать на неограниченные возможности осуществления своих прав, т.е., говоря словами Радищева, “в общественном... положении естественное право заключает в себе всю возможность деяния и есть неограниченно”. Однако теория и практика часто вступают в противоречие. И в общественном состоянии личность не всегда располагает возможностью реализовать принадлежащие ей естественные права. “Примеры всех времен свидетельствуют, что право без силы было всегда в исполнении почитаемо пустым словом”, — подчеркивает мыслитель. Радищев отстаивает мысль о необходимости силой защищать свои субъективные права, революционными методами добиваться отмены законов, основанных на произволе власти.

В некотором противоречии с остальными произведениями Радищев в “Беседе о том, что есть сын Отечества”, продолжая критику действующего русского права, использует теологическую аргументацию. “Известно, — пишет он, — что человек существо свободное, поелику одарено умом, разумом и свободною волею; что свобода его состоит в избрании лучшего, что сие лучшее познает он и избирает посредством разума, постигает пособием ума и стремится всегда к прекрасному, величественному, высокому. Все сие обретает он в едином последовании естественным и откровенным законам, инако божественными называемым, и извлеченным от божественных, и естественным гражданским или общежительным”. Таким образом, основанием справедливости позитивного права Радищев объявляет соответствие этого права не только естественному закону, но и “божественному откровению”.

Публикация “Путешествия” переполнила чашу терпения Екатерины II. По ее личному указанию 30 июня 1790 года Радищев был арестован. Следствие вел уже упомянутый “кнутобойца” Шешковский, а 24 июля палата Петербургского уголовного суда приговорила Радищева к смерти. Но царица со свойственным ей лицемерием потребовала передачи дела. Радищева в более высокие инстанции — Сенат и Государственный совет, однако они оставили решение суда в силе. Трижды за три недели Радищеву выносили смертный приговор, наступило томительное ожидание казни. Но Екатерина II опять разыграла роль милостивой государыни и смертную казнь заменили ссылкой в Илимск на 10 лет. В 1796 году Павел I распорядился в числе других осужденных при его матери вернуть из ссылки и Радищева. По возвращении Радищев находился под надзором полиции. Позднее Александр I привлек его к законодательной деятельности, но “плешивый щеголь, враг труда” (Пушкин) был далек от мысли использовать Радищева всерьез, а сам мыслитель понимал, что “либерализм” очередного тирана недолговечен. Видя тщетность своих попыток что-либо изменить в России и не желая заплатить за освобождение из ссылки отказом от своих убеждений, 11 сентября 1802 г. Радищев покончил с собой. Перед смертью он написал записку: “Потомство за меня отомстит”.

РАЗДЕЛ III

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ РОССИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

ЛЕКЦИЯ 1. Концепция русского легитимизма Н.М. Карамзина

Первая половина XIX века характеризуется углублением кризиса феодально-крепостнической системы, развитием капиталистических отношений, зарождением либеральных теорий и революционного движения. Важным международным фактором, повлиявшим на политическую обстановку и юриспруденцию России, стала Французская буржуазная революция. На этом фоне самодержавие меняло идеологические ориентиры. Приспособление охранительной идеологии прослеживается не только в либеральных мечтаниях времен Александра I, но и в дополнении идей просвещенного абсолютизма принципом легитимизма, согласно которому правящая династия зиждется на русском праве и действует в его рамках, выражая коренные национальные интересы россиян, в разработке многочисленных проектов реформ государственного строя и отмены крепостного права, систематизации законодательства. Начинается постепенная эволюция дворянской монархии в сторону буржуазной.

Господствующим течением русской юриспруденции этого периода стал легитимизм. Последний — не только русское, но и западное течение, объясняющее события наполеоновских войн и их последствий в послереволюционной Европе, когда наше самодержавие испытывало потребность в обновлении идеологии, особенно после Тильзитского мира 1807 года, непосредственно перед угрозой наполеоновского нашествия в 1812 году.

В легитимизме сделана попытка найти идейный компромисс между Просвещением, защищавшим интересы революционно настроенного третьего сословия, и архаическими представлениями феодального дворянства — компромисс, основанный на превратном толковании и использовании просветительского принципа “естественного закона” и одновременно на признании жизнеспособности династических притязаний монархов. Тем самым буржуазный принцип неизбежности порядка, основанного на естественном праве, приобретал значение охранительного начала феодально-монархических режимов. Именно на этой идее было замешено реакционное сотрудничество монархов Европы после поражения Наполеона.

Вождь легитимизма Жозеф Мари де Местр, французский политический деятель и религиозный философ, был длительное время послом сардинского короля в Петербурге, много писал о священном праве монарха на власть и не раз беседовал с ним с глазу на глаз с Александром II о “священном праве” монархов на власть. Ему вторил популярный в то время в России французский писатель

Ф.Р. Шатобриан, сравнивая монархию со старым деревом, сохраняющим жизнеспособность.

Легитимисты звали народ к национальному единению и созданию "государства национального облика". Выдвинутая Французской буржуазной революцией мысль о единстве нации в сочинениях легитимистов приобретала иное значение. Она спрягалась с охранительной идеологией и с официальным казенно-государственным патриотизмом. Наиболее четко эта идея выражена у прусского канцлера Г. Штейна: "...Мы исходили из основной идеи — поднять в нации нравственный религиозный и патриотический дух, внушить ей снова мужество, доверие к себе, готовность ко всякой жертве, чтобы отвоевать свою независимость и восстановить свою честь". Под влиянием освободительного движения в Испании и нарастающего протеста в других странах против завоевательной политики французского императора Штейн выдвигал план организации общеевропейской войны с Наполеоном. Внутренняя противоречивость этого замысла сочетала в себе дух возрождения с пафосом защиты старины.

Для легитимизма характерны, таким образом, трудно сочетаемые начала национально-освободительного движения и официально понятой народности. Обновленная охранительно-патримониальная теория явилась результатом нарастающего кризиса старой феодально-абсолютистской системы в масштабе всей Европы. Явления кризиса определяли противоречивость и неустойчивость новых принципов. С одной стороны, принцип легитимизма был тесно сплетен с оправданием союза монархов, подавлявших революционные и национально-освободительные движения, с другой — этот же принцип питал идею национальности и, хотя и явно ограниченного, народоправства. Легитимизм был созвучен нараставшему протесту против цезаризма. Речи И.Г. Фихте, обращенные к германскому народу, провозглашавшие абсолютную силу и абсолютное право нации, встретили одобрение не только Штейна, но и легитимистов Франции и Австрии. "Политическое завещание" Штейна (1808), признанное *habeas corpus* Пруссии в канун великих потрясений эпохи 1812—1815 годов, содержало требование национального представительства. Штейн принял неофициальное участие в работе Венского конгресса, на котором не без его влияния был провозглашен принцип "свободно-законных" представительных органов власти для вновь создаваемых государств.

Наиболее четко русская модель легитимизма представлена у Н.М. Карамзина (1766—1826) — выдающегося русского писателя и историка. Родился он в Симбирской губернии, в усадьбе отца, воспитывался в пансионе профессора Шадена, где получил хорошее образование и светское воспитание. Восемнадцати лет Карамзин поступил на военную службу, как и полагалось дворянскому юноше, в один из лучших гвардейских полков. Однако вскоре вышел в отставку и уехал в Симбирск, где поражал провинциалов столичными туалетами и необыкновенной образованностью. Легкомысленный образ жизни Карамзин прекратил после знакомства с масонами, которые пригласили его в Москву и представили Новикову. В масонском доме — своеобразном монастыре — Карамзин много читал, расширяя свой кругозор, а затем сам стал писать стихи и прозу, участвовать в книгоиздательской деятельности.

Проведя у масонов 4 года, Карамзин пресытился их жизнью, ему наскучили мистические увлечения "братьев", эффектные обряды, атмосфера тайны, своеобразная рыцарская романтика ритуалов. А главное, Карамзина смущал конспира-

тивный характер масонской оппозиции, он не хотел участвовать в прямых политических действиях, да и деловой размах предприятий Новикова ему не нравился. Он уехал за границу, оставив в Москве любимую женщину и друзей; это был разрыв с масонами и начало новой жизни. На путешествие Карамзин истратил свои последние деньги.

В "чужих краях" он пробыл год и четыре месяца (с мая 1789 по сентябрь 1790 года), объездив Германию, Швейцарию, побывав в Париже и Лондоне, откуда морем вернулся на родину. Во время путешествия Карамзин наблюдал природу и нравы чужих стран, ближе познакомился с европейской культурой, встречался с выдающимися писателями, учеными, философами и старался разобратся в своих впечатлениях. Теперь дальнейший жизненный путь для Карамзина прояснился: он твердо решил не служить и не заниматься хозяйством, а целиком посвятить себя литературному труду, для чего основал в 1791 году "Московский журнал".

Важная веха его биографии — работа над российской историей. В 1803 году Александр I назначил Карамзина придворным историографом и дал ему пенсию. Карамзин передал свой журнал в другие руки и с рвением принялся за работу. Он читал, изучал, рылся в старинных рукописях в течение 23 лет, до самой смерти. Жизнь его была спокойной, заполненной трудом, семейными радостями и горестями, беседами с друзьями. К старости Карамзин все более укоренялся в консервативных воззрениях. Но он остался человеком независимым и не желал сам участвовать в государственном управлении. В 1811 году он лично познакомился с царем и подал ему "Записку о древней и новой России", в которой смело и невзирая на лица критиковал политический курс правительства с легитимистских позиций.

В 1816 году Карамзин переехал в Петербург, а через 2 года появились первые 8 томов "Истории государства Российского". Успех книг был неслыханный. Все хотели прочесть историю своей страны, впервые научно и увлекательно написанную.

Летом Карамзин жил в Царском Селе, недалеко от дворца, где постоянно встречался на прогулке с царем и стал его личным другом, хотя нередко оспаривал его мнения и даже действия весьма решительно. Он не хотел и не получал ни чинов, ни денег. Умер он в 1826 году, не успев закончить 12-й том своей "Истории", посвященный описанию событий Смутного времени.

Карамзин испытал на себе явное влияние легитимизма. С разной степенью последовательности им разделялись в разные периоды его жизни принципы незыблемости закона, народоправства, официального патриотизма, воспитательная функция церкви, новая роль дворянства — то, что провозглашали легитимисты и что составляло, по их мнению, "кровь монархии", "централизованную аристократию". Карамзин выдвинул теорию охраны господствующей политической системы самодержавия. В новых условиях он стремился сочетать патримониальную идею, основанную на покорности Богу, царю и помещику, с некоторыми понятиями просветительской юриспруденции, необходимостью просвещения, укрепления и развития национального достоинства и утверждения ценности человека как личности. Созданная им теория, несомненно, напоминала европейскую модель легитимизма, однако она была русским порождением: Карамзин исходил из идеи сохранения крепостного права и незыблемости самодержавия.

Признавая, что “самодержавие — палладиум России”, он не отрицал, что “просвещение — палладиум благоденствия народа”. Соотношение этих двух опор в его юриспруденции менялось на протяжении всей его жизни, но сама формула единения монарха и народа оставалась неизменной. Не отвергая версии о добровольном призвании князей, он укоренял мнение о желании народа пожертвовать вечевым строем ради установления монархической власти. “Славяне российские, признав князей варяжских своими государями, хотя отказались от правления общенародного, но удерживали многие его обыкновения”. Главным в этой юриспруденции, исходящей из принципа поступательного хода истории и смены государственных форм от республики к монархии, был тезис о том, что московские “князья, истребив остатки древней республиканской системы, основали истинное самодержавие”.

Карамзин был недоволен политикой Александра I накануне войны с Наполеоном. Именно этим объяснялось его нетерпимое отношение к планам М.М. Сперанского, о которых несколько раздраженно говорилось в “Записке”. Ученый усматривал опасность в ограничении самодержавия, якобы исходящую от самого Александра I, взявшего под свое покровительство государственного секретаря. Отвергая принцип представительного правления, увязываемый для полной его компрометации лишь с олигархическими тенденциями, автор “Записки” обрушивался на саму идею представительства в государственном управлении: “Две власти государственные в одной державе суть два грозные льва в одной клетке, готовые терзать друг друга, а право без власти есть ничто”.

В “Записке” Карамзин высказался как противник парламентаризма даже в самых ограниченных формах. “С переменою “Государственного устава” Россия гибла и должна погибнуть”, — предостерегает он. Голос историка повышается до патетических нот, когда он восклицает: “Государь! Ты переступаешь границы своей власти: наученная долговременными бедствиями Россия перед святым алтарем вручила Самодержавие Твоему предку... Можешь все, но не можешь законно ограничить ее...” (самодержавную власть. — Н.А.).

Обосновывая программу “истинного самодержавия” как естественной формы для России, соответствующей духу русского народа и его традициям, автор “Записки” считает нужным ввести ее немедленно, покончив с либеральными колебаниями молодого царя и недовольством в стране: “Россия наполнена недовольными: жалуются в палатах и хижинах, не имеют ни доверенности, ни усердия к правлению, строго осуждают его цели и меры”. Доказывая необходимость самодержавия в России, Карамзин ссылается на идеи французских просветителей, истолкованные в духе легитимизма. Он широко пользовался понятием закона: “Россия получила Уложение, скрепленное Патриархом, всеми значительными духовными, мирскими чиновниками и выборными городскими. Оно, после хартии Михайлова избрания, есть донныне важнейший Государственный завет нашего Отечества”.

Смешивая два противоречивых принципа: с одной стороны, монарх — помазанник Божий на земле (принцип патримониальный), с другой — закон как авторитет (принцип буржуазный), Карамзин доказывает правомерность династии Романовых на русском престоле. Он обнаруживает знакомство с изложением принципа “естественных законов” у Гольбаха, Гельвеция и Монтескье, соглашается с принципом примата закона. Карамзин использовал в своей концепции также представления последнего о зависимости политического устройства госу-

дарства от величины его территории. Если форма народоправства была приемлема для древнего Новгорода, то для обширного Российского государства, по его мнению, возможна и правомерна лишь монархия.

Автор "Записки" соединял в одной формуле просветительский принцип "естественного закона", превратно истолкованный легитимистами, и патримониальную идею неограниченной монархической власти: "В России государь есть живой закон: добрых милует, злых казнит, и любовь первых приобретается страхом последних". Логика полемики со Сперанским привела Карамзина к решительному отрицанию буржуазной кодификации. "Для того ли существует Россия как сильное государство около тысячи лет? Для того ли около ста лет трудимся над сочинением своего полного Уложения, чтобы торжественно перед лицом всей Европы признаться глупцами и подсунуть седую нашу голову под книжку, слепленную в Париже 6-ю и 7-ю экс-адвокатами и экс-якобинцами?"

Пересматривая в духе легитимизма идеи юридического мировоззрения, Карамзин нуждался в дополнительных доказательствах для обоснования своей программы. С этой целью он обращался к эпохе позднего Возрождения. Методы государственного управления, захвата и сохранения политической власти, пропагандируемые Макиавелли, переносились автором "Записки" на русскую почву начала XIX столетия. Задача удержания власти в руках господствующей группировки допускает, считал Карамзин, использование приемов лисицы и льва, в свое время предложенных итальянским мудрецом. "Кто знает человеческое сердце, состав и движение гражданских обществ, тот не усумнится в истине, сказанной Макиавелли, что страх гораздо действеннее, гораздо обыкновеннее всех иных побуждений для смертных. Сколько агнецов обращалось бы в тигров, если бы не было страха!" Этот довод повторен Карамзиным и в "Мыслях об истинной свободе" в 1819 году: "Дайте волю людям — засыплют вас пылью, скажите им слово на ухо — они лежат у ваших ног". Сила и хитрость — вот средства, без которых государство не может сохраниться в безопасности. Макиавелизм — свидетельство слабости и нарастающего кризиса политического режима в России на этапе позднего средневековья. Вводя его в свой идейный арсенал, Карамзин был вынужден признать недостаточность прежних аргументов просвещенной патримониальной теории.

Важнейшим компонентом обновленной концепции автора "Записки" стал тезис о самобытности России, особом историческом пути ее. Он сопряжен с уже укоренившимся представлением Карамзина о значении идеи национального достоинства. В поисках исконно русских начал историк резко отрицательно оценивал реформы Петра I и превозносил "народный дух" как некую реальную субстанцию, призванную обеспечить особый, исключительный путь развития страны. "Петр не хотел вникнуть в истину, что дух народный составляет нравственное могущество государств... Сей дух и вера спасли Россию во время самозванцев; он есть не что иное... как уважение к своему народному достоинству. Искореняя древние навыки, представляя их смешными, глупыми, хваля и вводя иностранные, государь России унижал россиян в собственном их сердце". С позиций самобытных начал российской государственности критической оценке подвергаются также методы тиранического правления Ивана IV, Павла I за произвол, унижение национального достоинства россиян, забвение основных начал русского права и отеческого правления.

Карамзин советует Александру I покончить с либеральными колебаниями и дать свободу исконно русским явлениям в общественно-политической жизни. "Русское право, — считает он, — так же имеет свои начала, как и Римское, — определите их, и вы дадите нам систему законов".

Опорой самодержавия является православие. Бог и государь соединены Карамзиным в одной формуле. Тем самым он закладывает фундамент для классической триады: самодержавие, православие, самобытность (народность), на которой базировалась официальная идеология XIX века.

Легитимистские аргументы использует Карамзин и в крестьянском вопросе. Крепостное право — результат патриархальных, самобытных черт русского народа. В силу национального характера крестьяне не смогут самостоятельно вести хозяйство, они нуждаются в попечительстве помещика, который олицетворяет "отеческое, патриархальное" правление на селе. Поэтому любые предложения об отмене крепостного права вредны для России. "Для твердости бытия государственного, — пишет Карамзин, — безопаснее поработить людей, нежели дать им не вовремя свободу". От многих недостатков крепостнической системы можно избавиться, обуздывая "господ жестоких".

Стремление объяснить черты крепостного быта исконно русскими началами определяет и отношение Карамзина к месту и роли дворянства в России. Традиционный взгляд на дворянство как опору самодержавия слит у него с рассуждениями Монтескье об "истинной монархии": "...права благородных суть не идеал монаршей власти, но ее главное, необходимое орудие, двигающее состав государственный". В подтверждение он приводил высказывание французского мыслителя: "Нет монарха — нет дворянства; нет дворянства — нет монарха".

Считая необходимым сохранение крепостного права в его нетронutom виде, Карамзин поднимал авторитет дворянства, "коего блеск можно назвать отливом царского сияния". С другой стороны, с той же целью доказательства неизбежности существующего порядка вещей он опирается на макиавеллиевскую теорию страха перед народным бунтом.

Оценивая "Записку" как политико-юридический документ, едва ли можно согласиться с высказываемой в литературе точкой зрения, характеризующей Карамзина как посредственного деятеля, не поднявшегося над уровнем обывательских рассуждений о вреде конституции, освобождения крестьян и других "уновлений". Острота и обнаженность его концепции в рассматриваемом трактате не дают оснований согласиться с этим суждением. То обстоятельство, что принципы сохранения существующего строя вылились в оформление классической триады — православие, самодержавие, самобытность (народность), на которой базировалась охранительная идеология в течение XIX века, свидетельствует о Карамзине как о наиболее последовательном мыслителе позднефеодального Российского государства.

Все, что в творчестве Карамзина было после "Записки о древней и новой России", лишь развивало и дополняло его политические представления. "История государства Российского" стала своеобразным итогом его юридической концепции. Проблема национального достоинства вылилась в этом труде в художественное воссоздание русского национального характера. На эту особенность сочинения Карамзина обращали внимание и современники, и позднейшие критики, и исследователи. Там же нашли полное завершение принципы неизбежности самодержавия и единения государственной власти с православной церковью.

“История государства Российского” может считаться выполнением определенного правительственного заказа. Об этом свидетельствуют документы, обнаруженные в личном архиве Карамзина, по поводу ассигнования денег на издание “Истории Российской империи” и разрешения печатать “Русскую историю” без предварительной цензуры. Переписка его с министром народного просвещения и духовных дел А.Н. Голицыным в марте—октябре 1816 года показывает степень доверия к историку со стороны двора.

Вышедшие в 1818 году первые восемь томов исторического труда Карамзина рассеяли сомнения относительно позиции автора. И в ходе подготовки к публикации IX тома “Истории государства Российского” последовало уже частное разрешение председателя Департамента гражданских и духовных дел Министерства народного просвещения В.П. Кочубея: “Печатать этот том без предварительной цензуры”.

В одном из последних публицистических набросков Карамзин с откровенно легитимистских, скептических позиций критикует все известные ему государственно-правовые формы: “Аристократы, демократы, либералисты, сервилисты! Кто из вас может похвалиться искренностью? Все вы авгуры и боитесь заглянуть в глаза друг другу; чтобы не умереть со смеху. Аристократы и сервилисты хотят старого порядка, ибо он для них выгоден. Демократы и либералисты хотят нового беспорядка, ибо надеются им воспользоваться для своих личных выгод... Либералисты! Чего вы хотите? Счастья людей, но есть ли счастье там, где есть смерть, болезни, пороки, страсти? Для существа нравственного нет блага без свободы, но эту свободу дает не государь, не парламент, а каждый из нас самому себе с помощью Божией”.

В преддверии нашествия Наполеона Карамзин выступил с юридической теорией, призванной укрепить феодальную монархию в России. Патримониальная теория права в условиях общеевропейского кризиса архаических государственных порядков не могла быть признана им удовлетворительной. Обогадив свои юридические представления идеями европейского Просвещения и легитимизма, Карамзин представил собственное решение сложной задачи сохранения феодально-крепостнической монархии в новых условиях.

На службу русской юридической мысли позднего феодализма историографом были поставлены некоторые положения западной идеологии компромисса феодальных и просветительских идей, выработана русская модель легитимизма, основанная на сохранении и самодержавия, и крепостного права. С этой целью им были подвергнуты коренной переработке идеи национального достоинства и незыблемости закона. Под его талантливый и мудрый пером выступили контуры доктрины, пронизанной идеей самобытного национального развития, основанного на принципе сохранения крепостного права как патриархальном, исконно русском устое жизни.

Мысли Карамзина о незыблемости самодержавия слиты с легитимистскими представлениями о законе, об историческом праве, оправдывающем правомерность неограниченной власти, освященной “Божией милостью”, что повторяло на русский лад теорию европейского легитимизма.

Положение об изначальном единении монарха с народом, единении, освященном авторитетом церкви, также в значительной степени трансформировалось на основе изложенных в легитимистском духе просветительских представлений о “благе народа”, которые у Карамзина обретали черты будущей официальной народности.

Такая юриспруденция приспособляла государственный строй Российской империи к новому периоду истории, ознаменованному общеевропейским кризисом феодальной монархии и оформлением легитимизма как юридической доктрины эпохи Реставрации.

ЛЕКЦИЯ 2. М.М. Сперанский

Антикарамзинский вариант легитимистской юриспруденции, густо замешанный на этатистской основе, развивал Михаил Михайлович Сперанский (1772 — 1839) — весьма талантливый государственный деятель, выходец из семьи сельского священника. Когда он окончил Петербургскую духовную семинарию, его оставили там преподавателем математики и физики, а затем — красноречия и философии. В поисках дополнительного заработка Сперанский устроился на работу в качестве личного секретаря генерал-прокурора Сената А.Б. Куракина, который заметил недюжинные способности и силу воли юного секретаря и рекомендовал его на государственную службу. Вскоре Сперанский стал сотрудником Министерства внутренних дел.

Его дарования, образованность, энергия привлекли внимание Александра I, и в 1808 году Сперанский становится его доверенным лицом. С этих пор вся работа по составлению проектов, постановлений, записок выполнялась либо Сперанским, либо под его наблюдением, так как в нормотворчестве и государственном управлении ему легко давались самые трудные и причудливые комбинации идей. В 36 лет он приобрел большую известность не только в России, но и за границей. Рассказывали, будто бы во время встречи Александра I с Наполеоном в Эрфурте в 1808 году Наполеон так оценил достоинства Сперанского: “Не угодно ли вам будет, государь, променять этого человека на какое-нибудь королевство?”

Реформистская деятельность Сперанского вызвала против него сильное раздражение реакционного дворянства: напуганное ростом крестьянского движения, оно не желало никаких преобразований. Особое недовольство высказывала придворная знать. Сперанского третировали как выскочку-“поповича”, обвиняли в измене. С резкой критикой проектов Сперанского выступил Карамзин в своей “Записке о древней и новой России”.

В обстановке приближающейся войны с наполеоновской Францией и наметившегося поворота к реакции (аракчеевщина) Александр I уступил настояниям врагов Сперанского: в марте 1812 года он был отстранен от государственной службы, сослан в Нижний Новгород, затем в Пермь. В письме царю из Перми Сперанский оправдывал свои действия, опровергал ложные обвинения. Он также обратился за поддержкой к Аракчееву и добился его содействия. В 1816 году Сперанский был назначен пензенским губернатором, а в 1819 году — сибирским генерал-губернатором. В Сибири он провел ревизию управления и подготовил ряд реформ. В марте 1821 года он был возвращен в Петербург в звании члена Государственного совета. К этому времени он оставил реформаторские планы и стремился вновь добиться расположения царя.

В 1826 году Сперанский был членом Верховного уголовного суда по делу декабристов. Николай I возложил на него подготовку материалов и обоснование юридической стороны процесса. В последующие годы Сперанский принимал

участие в работе секретных комитетов по крестьянскому вопросу. В 1826 году он фактически возглавлял 2-е отделение личной канцелярии царя, осуществлявшее систематизацию права. Под его руководством подготовлены и изданы первое "Полное собрание законов Российской империи" в 45 томах (1830), "Свод законов Российской империи" в 15 томах (1832 — 1839). Помимо официальных проектов Сперанский написал много записок здравствующему и будущим царям: "Записка об основных законах" (1802), "Записка об устройстве правительственных и судебных учреждений в России" (1803), "Записка о крепостных людях" (1819) и др.

Методология Сперанского основана на острой полемике с рационалистической школой естественного права с ее категориями "естественного состояния", "природы человека", с ее всеобщей свободой, равенством сил и прав, общественным договором. Его рассуждения исходят из теологической трактовки, а неравенство людей доказывается ссылками на "божественную правду".

"Силы нравственных существ распределены им от Бога по его правде. Тщетно было бы испытывать сие распределение, в недрах премудрости сокровенное; утверждать, что оно произведено сообразно природе каждого существа или тем вечным понятиям, кои Творец имел о сущности каждого творения, есть утверждать, что природа существ определяется их природою: ибо силы их суть их природа".

Отрицание "естественных законов" (в просветительском их понимании) должно было привести Сперанского к отрицанию и "естественного состояния", и "естественных прав". Неудивительно поэтому, что, рассуждая в "Записке об основных законах" о происхождении государства, о договорах между правительством и народом, он ни словом не обмолвился относительно прав подданных, вступающих в соглашение. Позднее Сперанский прямо писал: "Нет права естественного, но есть положения естественные". О том, что он понимал под словами "естественные положения", некоторое представление дает следующая выдержка из "Правил высшего красноречия": "Гнев вообще есть чувство сильное, жестокое, стремительное. Когда душа колеблется сию страстью, человек разрывает, кажется, все союзы свои... и, одним шагом перешед все расстояние, разделяющее его от природы, он возвращает вдруг все первобытные свои права независимости и свободы". Таким образом, в "естественном положении" люди лишены сугубо человеческих качеств (прежде всего разума), они, в сущности, звери. Понятно, что между "первобытными правами" Сперанского и "естественным правом" просветителей нет ничего общего.

Более чем скептическое отношение ученого к основным принципам естественно-правовой теории обусловило, на наш взгляд, глубокое восприятие им юриспруденции И. Канта. Хотя ему были совершенно чужды просветительские принципы кантовской теории — "немецкой теории французской революции", отдельные ее стороны (защита абсолютизма вплоть до признания суверенитета монарха, отрицательное отношение к революции и т.п.) не могли, как мы далее увидим, не импонировать русскому реформатору.

В ранних работах Сперанского много цитат из трудов английских юристов и либералов У. Блэкстона, А. Смита, Д. Юма, а особенно И. Бентама. Отказ этих мыслителей от абсолютных конструкций и фикций школы естественного права неизбежно должен был привести его к историзму, элементы которого сохранились в произведениях перечисленных авторов. У них же Сперанский мог

найти и критику “естественного состояния”, и развитую правовую теорию. Тем не менее нельзя отождествлять воззрения Сперанского и Бентама, нельзя даже считать реформатора последовательным сторонником либеральных концепций. Методологические позиции консерватора Сперанского и либерала Бентама фактически противоположны в ключевых юридических понятиях, например в принципе индивидуализма и пользы. В 1803 году Сперанский писал: “Движение всех обществ слагается, подобно круговому движению физических тел, из двух различных сил: силы, нудящей волю по известному направлению к общему добру, и силы самолюбия или частного интереса, увлекающей его к натуральному его средоточению — к собственной пользе. Доколе силы сии содержатся в равновесии, доколе общество движется в тишине и все лица, его составляющие, пользуются миром общественным”. Здесь, в сущности, прямая полемика с Бентамом, поскольку обосновывается тезис о противоправной природе “частного интереса”.

Методология Сперанского не укладывается в рамки какого-либо из современных ему юридических учений. Это не исключало, конечно, наличия в теоретических построениях Сперанского модных в его эпоху аргументов “от естественного права” и буржуазно-либеральной школы. Однако конкретные заимствования из произведений того или иного мыслителя в его работах часто приобретали противоположный первоначальному смысл.

Существеннейшей чертой методов познания государства и права Сперанского, объективного идеалиста, была глубокая, доходящая до мистицизма религиозность. Исследователи обычно не обращают на этот факт особого внимания, а между тем юриспруденция Сперанского тесно связана именно с его религиозными убеждениями. Такое представление о роли и значении Бога, какое мы находим у Сперанского, делает невозможным всякое сближение его с теоретиками естественно-правовой школы. “Цель философского учения... — утверждал он, — не в том состоит, чтоб продолжать мрачную систему материализма, на коей вся чувственная философия основана, но чтоб, отвергнув все сие суесловные блуждания разума, призвать его и приуготовить к христианской философии”.

Бог для него создатель и верховный законодатель природы и человека. Законы, данные Богом, Сперанский разделял на три группы: законы природы, разума (законы “физические”) и законы нравственные.

Физические и нравственные законы различаются по характеру и объекту действия. Физические законы действуют в природе (включая сюда и человека) и “определяются самою природой”. Они “неизменяемы и всегда единообразны”, рационально познаваемы (Сперанский вводил даже особый термин — “физический разум”).

Нравственные законы действуют только на человека и не обладают той обязательной силой, какой обладают законы “физической природы”. Они иррациональны, поскольку “в законах нравственных Бог имеет своего представителя в человеке — совесть”. Для выяснения содержания нравственных законов реформатор вынужден был обратиться к рассмотрению “человеческой природы” (именно “вынужден”, так как от просветительской трактовки указанного понятия он настойчиво стремился отгородиться). Для Сперанского “человеческая природа”, хотя и характеризуется рядом конкретных признаков, понятие тоже абстрактное. Это внеисторическое представление о “человеке вообще”, в кото-

ром он находил два взаимопротивоположных начала — самолюбие и любовь. Последняя категория, без сомнения, навеяна православными воззрениями мыслителя. “Самолюбие, — писал он, — все ищет привлечь к себе, любовь сливает счастье наше со счастьем других. Самолюбие всегда исключительно и отдельно, любовь общительна и союзна”. Так как “начало самолюбия и отдельности как совершенно противное нравственному чувству совести не может быть признано законом нравственным”, основная этическая норма (“нравственный закон”) — любовь.

Определением сущности нравственного закона не исчерпывается, однако, значение “природного состояния” в юридической конструкции автора. По его мнению, основное качество “человека вообще” — сила. И хотя “природная отдельная сила каждого лица не есть право, но просто сила”, тем не менее в “состоянии природы” “каждый имел свою волю, свой закон и свое исполнение”. Приведенное определение включает в себя и обладание собственностью, поскольку “личная собственность есть власть человека над собственными его силами”, а “собственность имущества” — “власть над тем, что произведено или приобретено нашими силами”. Уяснение содержания и значения понятия “собственность” в теоретических построениях Сперанского дает возможность говорить о идеологической направленности его учения, поэтому необходимо рассмотреть представления Сперанского о собственности более подробно.

На первый взгляд, цитированная выше формулировка этого понятия имеет чисто руссоистский смысл: предметы составляют собственность тех, кто приобрел их своим трудом. Однако такое прочтение далеко не бесспорно. Сперанский не противопоставлял, подобно просветителям, естественное право собственности сложившемуся в государстве позитивному праву; для него не существовало естественного права, хотя наличие собственности и собственников (сословное неравенство) он считал столь же естественным явлением. Поэтому собственность он определял как власть, а не как право, появление же права собственности связывал с появлением государства. “Собственность лица, — писал Сперанский, — здесь (в обществе. — Н.А.) ограничивается свободой других и приемлет значение состояния. Собственность имущества ограничивается первенством одержания и совершенною независимостью предмета и получает вид и значение владения гражданского”.

“Состояние”, о котором идет речь в приведенном отрывке, — понятие, равноценное понятию “сословие”. Таким образом, личная свобода, по мнению реформатора, возможна только в сословных рамках. Что же касается “первенства одержания”, то оно относится прежде всего к земельной собственности и получает правовое признание только в государстве.

Итак, у Сперанского буржуазное юридическое мировоззрение имеет подчиненное значение, как и у других легитимистов, служит традиционализму и абсолютной монархии, приспособляясь к феодальному правопорядку России. Спор Карамзина и Сперанского не является принципиальным, мировоззренческим, идеологическим и касается частных и тактических вопросов развития Российского государства. Это полемика о средствах, а не целях в нашей юриспруденции. Карамзин в обоснование своих позиций делал упор на своеобразие исторического развития России, поиски ее самобытных и патриархальных начал, апеллируя в проведении назревавших реформ к царю и просвещенному дворянству, дока-

зывая важность приобщения к культуре простого народа. Сперанский же, защищая свою реформаторскую программу, больше апеллировал к западноевропейским юридическим теориям в их консервативных вариантах, считая рычагом назревших преобразований либерально настроенного царя и компетентную бюрократию.

В этом легко убедиться при анализе политико-юридической программы “дерзкого поповича”. В ее центре — борьба против каких-либо стеснений свободы, за предоставление самому человеку права выбора между добрым и худым действием, выбора которой представляет собой “продукт той же человеческой свободы, путем опыта доведенной до сознания, что так лучше”. То, что категория свободы является ядром охранительного по своей сути учения, не должно никого смущать, так как эта категория — ключевая в любом юридическом построении и является общечеловеческой ценностью.

Ответственность человека за свои поступки — это прямое следствие предоставленной ему Богом свободы выбора. Когда поступки людей совпадают с требованиями закона, получается нравственно доброе действие. Свобода, по Сперанскому, “есть признание моральной необходимости, ее торжество над потребностями физическими”. Человеку дана не просто свобода, но свобода признания и выбора обязательств, ограничений, долга. Акцент на долг в трактовке свободы еще раз подчеркивает консервативные корни юриспруденции этого мыслителя.

В государственно-организованном обществе Сперанский различал два вида свободы — политическую и гражданскую. Политическая свобода — это “возможность участия всех государственных классов... в действии законодательной и исполнительной власти”, которая к тому же реализуется на основании закона, принятого “общей волей”. Политическую свободу Сперанский связывал с недвижимой собственностью, так как собственник “в известном размере более способен, в силу собственных интересов, заботиться о доброте законов”. Поэтому не все слои общества должны иметь активное и пассивное избирательное право.

Гражданскую свободу Сперанский определил как независимое существование всех сословных групп в обществе. Она обеспечивается гражданскими правами, гарантирующими “безопасность лиц и имущества”, и предоставляется всем подданным. В соответствии с видами свободы — политическая и гражданская — он сформулировал и противостоящие им понятия: политическое и гражданское рабство. Первое из них Сперанский определил как состояние, при котором воля одного — закон для всех, а второе рассматривал как социальный порядок, позволяющий одному классу “в повинностях личных или вещественных зависеть от воли другого”. Между двумя видами свободы существует прямая связь. Первична политическая свобода, вторична — гражданская. “Никакая сила не может родить в государстве свободы гражданской, не установив свободы политической”, и, напротив, если в государстве “утверждена свобода политическая, гражданское рабство уменьшается само собой”. “Права гражданские должны быть основаны на правах политических, точно так же как закон гражданский не может быть тверд без закона политического”.

Подобные юридические позиции привели Сперанского к выводу, что в России нет истинной свободы. Ее государственный строй — деспотия, не ограниченная “коренными государственными законами”. Даже у дворянства личность, честь, имение зависят исключительно от самодержавной воли, которая может

“возводить и низводить дворянские роды единым своим хотением”. Далее делается принципиальный вывод: “Я нахожу в России два состояния — рабы государевы и рабы помещичьи. Первые называются свободными только в отношении ко вторым, действительно же свободных людей в России нет, кроме нищих и философов”.

Формы правления, в которых гарантированы политическая и гражданская свободы, могут быть созданы общей волей народа. Однако в России вышеназванные “два рода рабов” сводят на нет всякую волю народа. Помещики, порабоощая крестьян, видят в монархе силу, которая помогает им держать крестьян в угнетении. Крестьяне, страдая от помещичьего ига, также обращают свои взоры к трону. Результатом этого является укрепление самовласти. Пока сохраняются крепостное право и сословные привилегии, Россия будет оставаться деспотией, полицейским государством, где нет места законности, народному просвещению, прогрессу.

Выход из деспотического состояния Сперанский связывал с “истинной монархией” при помощи реформ сверху. В противном случае неизбежен “переход от феодального правления к республиканскому”, но этот процесс будет сопровождаться революционными потрясениями, когда “необузданная вольность и безначалие представляются единым средством к свободе”. При всем своеобразии в России действуют те же закономерности всемирной истории, которые заставили страны Западной Европы стать на путь буржуазных политико-правовых преобразований.

“Истинная монархия” Сперанского представлена в его проектах государственных преобразований России и базируется на ряде буржуазных юридических принципов. Основопологающим среди них был принцип законности. В “Записке об основных законах” Сперанский предлагает Александру I сделать коренные законы государства “столько неподвижными и непеременимыми, чтобы никакая власть преступить их не могла”. Коренные законы государства — это воля народа, обращенная к правительству, в условиях, “когда государи перестали быть отцами их народов, когда народы познали, что они отделяют свои пользы от их благосостояния, и силы, им вверенные, не только обращают не для них, но часто и против них...”

Другим принципом “истинной монархии” является разделение властей. “Нельзя основать правление на законе, — пишет Сперанский во “Введении к Уложению государственных законов” (1809), — если одна державная власть будет и составлять закон, и исполнять его”. Поэтому следует прежде всего технически отделить в ней друг от друга законодательную, исполнительную и судебную власти, сосредоточив их в разных, независимых один от другого органах. Сперанский советует организовать законодательную власть таким образом, чтобы она, используя представительный принцип, могла выражать волю народа; исполнительная власть должна быть вручена правительству и поставлена под контроль законодательной, а судебная — под контроль выборного суда присяжных.

Державная власть остается за монархом, наделяется правом общего руководства и рядом прерогатив в реализации всех властных полномочий. Так, законодательная власть при всей дозволенной ей свободе “не может совершать свои положения без державной”. Ее законопроекты должны быть утверждены монархом, который к тому же является “верховным охранителем правосудия”. Власть монарха наследственна и “принадлежит единственно детям законным”. Три вла-

сти и монарх управляют государством, подобно тому как человек — своим организмом, обращаясь к воле, закону и исполнению. Последняя мысль весьма типична для консерваторов.

В соответствии с этими началами формируется система государственных учреждений. Государственная Дума — высший законодательный орган страны. “Никакой новый закон не может быть принят без уважения (одобрения) Думы. Установление новых податей, налогов и повинностей уважается (рассматривается и одобряется. — *Н.А.*) в Думе”. В том случае, если большинство Думы отвергает законопроект, то он “оставляется без действия”. Властно-распорядительные функции на местах осуществляются также выборными органами — волостной, окружной, губернской думами.

Непосредственное управление страной осуществляется министерствами. Министры ответственны перед Государственной Думой за нарушение закона, отчитываются перед ней за свою деятельность. Государственная Дума наделяется правом просить об отмене незаконных действий министра, а также правом начать расследование с целью изобличения министра в злоупотреблениях властью. Постановление о начале расследования подлежит утверждению императором.

Судебная власть реализуется системой судов, состоящих из назначаемых чиновников и выборных присяжных заседателей. Верховным органом “судной власти” является Сенат, назначаемый императором из числа кандидатов, рекомендованных губернскими думами.

Своеобразие интерпретации принципа разделения властей у Сперанского заключается в создании Государственного Совета, который должен соединить все формы власти, и в предоставлении императору общего руководства. В силу этого государь есть “верховный законодатель”, “верховное начало силы исполнительной”, “верховный охранитель правосудия”, а сама концепция приспособляется к нуждам самодержавия.

Важное место занимает принцип гласности, обязательность учета общественного мнения для современного государства. “Общее мнение, или дух народный”, воздействует на правительство в интересах всего общества, становится составной частью “сил государственных”.

В “истинной монархии” нет места для рабства (крепостничества), так как в ней должно быть учреждено такое состояние, “в котором никто не может быть принуждаем к труду единым произволом другого и в коем труд составляет неотъемлемую часть каждого”. Для ликвидации крепостного права Сперанский предложил введение “без всякой постепенности и отлагательства” личной свободы, затем установление четкого законодательного определения размера крестьянских повинностей и объявление крестьянам разрешения на приобретение недвижимой собственности. В коренных законах он предлагал установить “равенство гражданских прав, как личных, так и вещественных, для всех подданных и, следовательно, не допускать никакого в сем разделении состояний”. Помещичье землевладение при этом сохранялось в неприкосновенности.

Заканчивая анализ юриспруденции Сперанского, нужно еще раз подчеркнуть ее противоречивость и консервативно-утопический смысл для тогдашней России. Эта черта объясняется как самим содержанием учения Сперанского, так и субъективным фактором. Он был чиновником, одним из представителей господствующего класса и в то же время выходцем если и не из самых, то все-таки из низов русского общества. В павловской, александровской, а затем

и николаевской России он имел чин и место, получил возможности, о которых сотни его сверстников-поповичей могли только мечтать. Сперанскому — чиновнику, идеологу бюрократии французская и подобные ей революции угрожали непосредственно, как угрожали России крестьянские бунты, как угрожало 14 декабря 1825 года.

Поэтому все содержание его консервативной юриспруденции направлено, в сущности, против основ нового буржуазного строя: он отвергает не только учение о естественном праве, не только индивидуалистическое, учение о пользе, но и теорию, отразившую “спор из-за господства”, — учение о разделении властей.

В то же время близкий по своему происхождению к податным сословиям, Сперанский понимал закономерность событий во Франции и по-своему пытался предотвратить их в России. Поэтому в его проектах появляются Государственная Дума и суд присяжных, появляется ответственность министров, юридические институты буржуазного государства, причем появляются, заметим, со ссылкой на “природу” человека, на “пользы” социальных групп.

Правда, содержание проектируемых органов далеко не буржуазно, более того, реализация преобразовательной программы “Введения” должна была, по мысли Сперанского, предотвратить опасное, с точки зрения чиновника, развитие капиталистических отношений. Однако, стремясь к предотвращению господства буржуазии, реформатор пытался противопоставить ему не патриархальный, “стародворянский” уклад феодальной монархии, а государственную организацию, которая бы учитывала факт развития капитализма в стране.

В данном случае Сперанский пытался соединить несоединимое: он хотел законсервировать планируемую им социально-политическую организацию с помощью тех самых сил, которые неизбежно должны были бы сломать ее при дальнейшем развитии. Поэтому государственно-правовые идеи “дерзкого поповича” не были претворены в жизнь. Царизм выхолащивал из них буржуазное содержание, а протесты и угрозы крепостников привели к отстранению реформатора от активной государственной деятельности.

В условиях николаевской реакции Сперанский уже не выдвигал открыто реформаторских идей и сосредоточил свои силы на борьбе против произвола путем систематизации законов Российской империи.

ЛЕКЦИЯ 3. Теория официальной народности

Господствующим течением в охранительной юриспруденции стала теория официальной народности, целью которой была борьба с революционным движением и антифеодальной идеологией. 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади власть впервые в своей истории столкнулась в открытом бою с революционным движением. Известно, какое впечатление произвело оно на охранителей устоев Российской империи и прежде всего на ее главу — нового самодержца Николая I (1796—1855). Все его тридцатилетнее царствование прошло под знаком борьбы с “декабристским наследством”, в каких бы формах оно ни проявлялось: московские и петербургские кружки, литературно-критические статьи, “вольные” стихи, университетские лекции профессуры.

Едва ли царь и его наиболее дальновидные приближенные верили в то, что движение декабристов, а затем и их наследников было лишь проявлением “злой

воли" кучки безнравственных "мальчишек", оторванных от родной почвы, как это трактовалось в официальных документах. Поручив секретарю Верховной следственной комиссии Боровкову составить свод мнений декабристов по основным вопросам русской жизни, Николай, несомненно, хотел уяснить причины, заставившие его противников выйти на площадь с оружием в руках. Поверив в реальность этих причин, он попытался устранить их — об этом свидетельствуют, в частности, деятельность многочисленных секретных комитетов и усиленная работа по кодификации русских законов.

Нет необходимости говорить о том, насколько слабы, непоследовательны и безуспешны были все николаевские "реформы", направленные не к изменению, а к сохранению старого строя. Девизом их могут служить слова известного царского сановника М. Корфа, сказанные им в ответ на тревожный вопрос своего коллеги по одному из секретных комитетов: "Как же быть? Тронешь часть — ползет целое. Что же нам делать?" — "А не трогать ни частей, ни целого, — отвечал Корф. — Так мы дольше протянем".

Николай I, казалось, самой природой был создан для защиты устоев и борьбы с вольномыслием. Он обладал ясным, холодным, но стандартным умом, органически не принимавшим идей прогресса. Во всех своих действиях царь руководствовался, казалось, врожденным, непреодолимым консерватизмом: он был искренне убежден в упорядоченной неподвижности бытия. Любая мысль о серьезных преобразованиях воспринималась им как крамола, как зловерный зародыш бунта и анархии. Николай, впрочем, вообще не терпел отвлеченных рассуждений, стремясь предельно упростить любой вопрос, решить его в рамках знакомых стереотипов; из всех цветов и оттенков для него существовало лишь два — черный и белый. К тому же царь, обладавший сильной волей и огромной работоспособностью, был чужд рефлексии и не ведал сомнений — во всяком случае всегда решительно гнал их от себя. Не ведал Николай и жалости. И хотя в его поведении не было изуверской жестокости, но он всегда методически и с холодной беспощадностью карал за малейшее отклонение от установленного порядка вещей.

Натура Николая сказалась в его исключительном даже для семейства Романовых пристрастии к фрунту, сиречь военному, войсковому строю. Пристрастие это проявлялось во всем и прежде всего во внешнем облике императора: казалось, он так и родился в мундире. Высокий, рослый, широкогрудый, до конца дней своих сохранявший отличную выправку, царь так и запечатлелся в памяти современников великолепным образчиком офицера-строевика. Холодный, зоркий взгляд его больших серых глаз замечал малейшую погрешность; звонкий тенор был куда как хорош для четкого приказа, для "разноса и распекации". А чего стоила походка, знаменитая "военная походка", увековеченная Н.С. Лесковым: "Голова прямо, грудь вперед, шаг маршевый, крупный и с надачею, левая рука пригнута и держит пальцем за пуговицей мундира, а правая или указывает куда-нибудь повелительным жестом, или тихо, медленным движением обозначает такт, соответственно шагу ноги".

...Стройные, неподвижно застывшие ряды гвардии, над которыми в томительной тишине вот-вот прозвучит звонкая команда. Эхом разносятся голоса офицеров. И вот огромная людская масса приходит в движение, устремляясь в едином порыве, в едином ритме к указанной цели... Эта картина не только услаждала взор самодержца, в ней черпал он уверенность в своих силах, в

своим беспредельным могуществом и безграничной властью. Военные учения, смотры, парады с молодых ногтей неудержимо влекли к себе Николая той предельной простотой и четкостью, с которой определялись здесь отношения между людьми: мудрый отец-командир, возложивший на себя все бремя власти; преданные, на лету ловящие каждое слово приказа исполнители во главе каждого подразделения; покорная масса, как один человек повинующаяся начальству. Здесь, на плацу, закладывались основы той "государственной мудрости", которой определялось все тридцатилетнее царствование Николая.

На охранительные взгляды царя большое влияние оказал поздний Карамзин. Если безнадежная попытка Сперанского придать российскому самодержавию европейский облик встревожила Карамзина, то грозные события 14 декабря потрясли его до глубины души. В этот день историограф был в Зимнем дворце, выходил на площадь. "Я видел ужасные лица, слышал ужасные слова, и камней пять-шесть упали к моим ногам". Глубоко прочувствовав угрозу возлюбленному им строю русской жизни, которую несло в себе восстание, он "алкал пушечного грома". Когда же гром прогремел и горизонт самодержавной России очистился, Карамзин, насмерть простудившийся в этот день (он умер через два месяца), успел-таки дать новому царю несколько уроков политической грамоты.

Можно представить, с каким глубоким вниманием и сочувствием слушал Карамзина Николай I. Умирающий историограф бросал семена на благодатную почву. Благодаря ему плац-парадные "убеждения" самодержца получали историческое обоснование и становились основой целой политико-юридической системы.

Насколько хорошо усвоил Николай I уроки, преподанные Карамзиным, можно судить, в частности, по письму, которым царь в июне 1826 года сопровождал доклад следственной комиссии по делу декабристов, посланный им брату, великому князю Константину. В этом письме царь дважды упоминал "порядок вещей" в России, каждый раз вкладывая в это понятие разный смысл. Он писал здесь об "установленном порядке, освященном веками славы", — о самодержавно-крепостническом строе, вечном, нерушимом, составляющем самую суть бытия русского народа. Писал он и об эфемерном и опасном "порядке вещей", сложившемся в предыдущее царствование, имея в виду непоследовательность внутренней и внешней политики, неоправданные попытки реформ, попустительское либеральным идеям. Подобный "порядок", по словам Николая, неизбежно должен был привести к "подобным результатам" — открытому бунту против власти. Восстание 14 декабря он объяснял прежде всего слабостью Александра I и его окружения; Николаю же это "отвратительное" событие давало "право и преимущество доказывать прочим необходимость мер быстрых и строгих". Вольномыслию, ведущему к смуте, следовало противопоставить силу; "анархическим устремлениям" — коренной порядок русской жизни, который нуждался не в преобразованиях, а, напротив, во всемерном укреплении.

Итак, новый самодержец чрезвычайно четко уяснил себе основную задачу своего царствования: он прежде всего стремился сохранить и укрепить существующий строй. А для этого следовало "всего лишь" навести порядок в "порядке": отладить самодержавно-бюрократический механизм так, чтобы он действовал без перебоев. Нужно было изжить всякую непоследовательность в организации системы управления, придать ей стройность и целесообразность, покончить со злоупотреблениями и добиться на всех уровнях максимальной исполнительности. Средства же к достижению этих целей определялись "фрунтовыми" идеала-

ми государя-императора, стремившегося, казалось, всю Россию превратить в огромный плац-парад.

Инстинктивно испытывая глубокое недоверие к исполнителям всех рангов, от министра до капитана-исправника, Николай I стремился все сферы управления подчинить личному контролю. Недаром каждое утро, в семь часов, в его кабинете уже горели свечи: царь трудился над ворохом бумаг, добросовестно пропуская через себя и журналы очередного комитета по крестьянскому вопросу, и донесения послов, и проект "реформы" обмундирования столичных будочников... Почти не было дня, чтобы царь пренебрег добровольно возложенной на себя обязанностью инспектировать казенные учреждения города Петербурга, — в любой момент он мог нагрянуть с проверкой и в кадетский корпус, и в сиротский дом, и в суд, и в таможню. С той же целью ежегодно, не жалея лошадей, Николай, "смерчу подобно", стремглав носился по всей России с проверками, наказуя и милуя, распекая и награждая, требуя от чиновников всех рангов одного: безупречного порядка в делах.

Все эти инспекции неизбежно имели характер хаотический и произвольный; нерадивая администрация быстро притерпелась к ним, воспринимая стремительные наезды Николая как попущение божеское. Самодержец, впрочем, пытался найти и другие средства для того, чтобы усилить свой личный контроль за ходом дел в Российской империи. Небывалое доселе значение приобрела в годы царствования Николая Собственная Его Императорского Величества канцелярия. Функции этого прежде весьма скромного учреждения теперь становились все обширней. Канцелярия не просто росла, она словно размножалась делением, прибирая к рукам то кодификацию законов, то политический сыск, то кавказские дела. Николай последовательно изымал из традиционной бюрократической системы все новые категории дел, представлявшиеся ему наиболее важными, стремясь подчинить их решение через канцелярию своему собственному постоянному и чрезвычайному надзору.

Среди всех отделений императорской канцелярии особо выделялось Третье: военно-полицейский дух николаевского царствования нашел в нем наиболее полное и яркое воплощение. На Третье отделение возлагались обязанности глобального контроля над всем и всеми. Третье отделение и подначальные ему жандармы должны были не только искоренять вольномыслие, но и следить за ходом дел в центральных и местных учреждениях, бороться с лихоимством и злоупотреблениями, блюсти законность и нравственную чистоту как представителей власти, так и частных лиц, строго преследовать всякое уклонение или отклонение от обрядов православной церкви — короче говоря, обеспечивать все тот же вожденный правопорядок в государстве. Опираясь на агентов Третьего отделения, император как бы стремился преодолеть физическую невозможность абсолютного личного надзора. После создания Собственной Его Императорского Величества канцелярии и государственный чиновник, и мирный обыватель в равной степени должны были ощущать за своими плечами постоянное присутствие верховной власти, контролирующей каждый их шаг и готовой воздать им должной мерой за каждое преступление.

У теории официальной народности имеются не только внутренние легитимистские, но и международные корни. Они уходят в дипломатию Священного союза, консервировавшую монархический принцип в Европе, но при этом обогащены

провозглашением исключительности и абсолютной завершенности русской государственности, идейной оснасткой которой служили начала народности и православия.

Решающий импульс рождению триединой формулы — православие, самодержавие, народность — дали европейские революции 1830—1831 годов и польское восстание. Реакция Европы, оказавшей юридическую поддержку восставшей Польше, возбужденное ожидание антирусской войны со стороны западных стран активизировали национальные чувства в русском обществе, стали питательной средой для кристаллизации доктрины, противопоставляющей русские национально-государственные ценности европейским разрушительным началам. Положенная в основу доктрины идея самобытности и патриархальной сущности Российского государства закрепила фактически утвердившуюся после 1831 года политическую систему Николаевского царствования, его охранительный курс. Заветной целью этой системы явилась крылатая фраза самого императора: “Революция на пороге России, но, клянусь, она не проникнет в Россию, пока во мне сохранится дыхание жизни”. Конституционно-либеральные фразы были отброшены, а все тогдашние “реформы” ориентировались не на изменение, а на сохранение старого строя.

Официальная юриспруденция Николаевской эпохи получила яркую иллюстрацию в работах бессменного управляющего Третьим отделением Л.В. Дубельта (1792 — 1862). Герцен справедливо считал его “умнее всех трех отделений канцелярии, вместе взятых”. От своих собратьев-чиновников Дубельт выгодно отличался умом, тонкой проницательностью и очень редкой по тем временам способностью действовать осознанно, предвидя результаты. К тому же у него была литературная жилка, сказавшаяся и в весьма красноречивых докладах “по начальству”, и в чрезвычайно любопытных рукописных заметках “для себя”, которые Леонтий Васильевич делал время от времени на протяжении всей своей многолетней службы. Эти заметки, не претендуя на звание “системы” или “теории”, предельно четко выражали очень ясную и последовательную жизненную позицию.

В основе ее — хорошо усвоенная “первая обязанность честного человека: любить выше всего свое Отечество и быть самым верным подданным своего государя”. При этом высокая карамзинская мысль об ответственности монарха перед своей страной исчезла напрочь; понятия Отечества и самодержавия у Дубельта сливались совершенно: без царя, по его мнению, не могло быть и России (ее “можно сравнить с арлекинским платьем, которого лоскутки сшиты одною ниткою, — и славно и красиво держатся. Эта нитка есть самодержавие. Выдери ее, и платье распадется”). Все успехи России, весь ее международный авторитет — все заслуга “мудрых правителей”: “дай Бог здоровья и всякого счастья нашим царям, что они так прославили имя русское на земле...”

В своих писаниях Дубельт не жалел славословий Николаю: “Все великое и прекрасное так свойственно нашему государю, что уж и не удивляет! Велик Николай Павлович, чудо-государь, — какая конституция сравнится с его благодеяниями”. Его царствование — апофеоз России: “От времени и обстоятельств не только веси, грады и твердыни исчезают с лица земли, но и царства отжившие, как древа, сгнившие в корне. Между тем не угаснет звезда России, венчающая славные и мудрые дела императора Николая Павловича”.

Под дланью “мудрого и могучего” монарха, взявшего на себя все тяготы государственного управления, “народу российскому” — крестьянам и помещикам — предоставлялось мирно благоденствовать, отправляя свои сословные обя-

занности в соответствии с “внутренним устройством империи”, то есть крепостным правом. Крепостничество наряду с самодержавием — вот основной залог процветания России. “Наш народ, — пишет Дубельт, — оттого умен, что тих, а тих оттого, что несвободен”. Русский “мужичок”, по мнению автора, совершенно счастлив в условиях крепостной неволи: он “живет мирно, обрабатывает свое поле и благодарит Бога за свой насущный кусок хлеба. Не троньте этот народ, оставьте его в патриархальной простоте и во всем природном его величии”. Не дай Бог отменить крепостное право: мужичок сначала, может, и обрадуется, но потом, “потеряв голову от магического слова “свобода”, захочет попытаться счастья в другом месте, пойдет шататься по городам, где потеряет свою святую нравственность, — и погибнет”.

Исход трагический, но совершенно неизбежный, ибо, как выясняется, комплименты в совестливости, честности и прочих добродетелях, которые расточает “мужичку” автор заметок, не мешают ему считать крестьян теми, за кем нужен постоянный надзор, и этот надзор образцово осуществляет помещное дворянство. “Помещик, — пишет Дубельт, — самый надежный оплот государя. Никакое войско не заменит той бдительности, того влияния, какое помещик ежеминутно распространяет в своем имении. Уничтожь эту власть, народ напрут и нахлынет со временем на самого царя” — вот ужасающая перспектива крестьянской реформы. В государственных интересах нужно стремиться к сохранению полной власти помещиков над крестьянами; “дело только в том, чтобы эту власть не употреблять во зло, — ну, а это уже дело правительства”.

Так несколько крупными, но отчетливыми мазками рисует Дубельт картину идеального государственного устройства, открывающего каждому благонамеренному человеку неисчерпаемые возможности для счастливого житья-бытья. “Есть у нас худое, — признает он, — без этого нельзя. Но уж если можно жить счастливо где-нибудь, так это, конечно, в России. Это зависит от себя; только не тронь никого, исполняй свои обязанности, и тогда не найдешь нигде такой свободы, как у нас, и проведешь жизнь свою, как в Царствии Небесном”.

В заключение этой тирады Дубельт иронически замечает: “Такие рассуждения, конечно, нашим журналистам, нашим передовым людям не по нутру”. Вот эти-то люди, изгой, оторванные от родной почвы, не связанные ни с каким словом, и были, в глазах Дубельта, единственным беспокойным, а следовательно, и опасным элементом в Российской империи, застывшей в своем благоденствии. Они одни — и никто другой — были подвержены тлетворному влиянию современного просвещения, столь чуждого всему строю русской жизни.

В заметках Дубельта немало характерных сентенций по поводу просвещения. В принципе он не против него и даже посмеивается над “староверами”, отрицающими просвещение, ибо “не просвещение портит людей, а ложное его направление”. Характерны имена людей “истинно просвещенных”, которые приводит автор заметок: это его непосредственные начальники в прошлом и настоящем — граф А.Ф. Бенкендорф и граф А.Ф. Орлов, министр финансов граф Е.Ф. Канкрин. Во всей России Дубельт не находит никого более достойного подражания, чем эти образцовые чиновники. Именно их он имеет в виду, когда пишет: “Истинное просвещение должно быть основано на религии, тогда оно и плоды принесет сторицею. А когда просвещение религии знать не хочет и только опирается на дикий бездушный эгоизм, так и плоды будут адские, как начала его адские”.

Все эти беспокойные “передовые люди” — журналисты и им подобные — и являются, по мнению Дубельта, “адскими плодами” ложного просвещения; от них же разврат может пойти по всей Руси. Пока положение прочно, пока незыблемо стоят самодержавие и крепостное право, их держать в узде не так трудно. Но не дай Бог свободы — зараза неизбежно перекинется на простой народ: начнет мужичок учиться грамоте, что в крепостной России ему, слава Богу, не угрожает, — “станет развращать свои понятия чтением гадкой нынешней литературы: журналы собьют с толку...”

Впрочем, вся эта “гниль”, по твердому убеждению Дубельта, наносная; она — зарубежного происхождения. Обличая “мерзкий Запад”, автор заметок не стесняется в выражениях. Обращаясь с “заветом” к своим сыновьям, он пишет: “Не заражайтесь бессмыслием Запада — это гадкая помойная яма, от которой, кроме смрада, ничего не услышите. Не верьте западным мудрствованиям; они ни вас и никого другого к добру не приведут. Для нас одна Россия должна быть самобытна, одна Россия должна существовать; все иное есть только отношение к ней, мысль, привидение”. Противостояние России и Запада должно быть полным и безусловным — в этом залог ее благополучия.

От Запада следует отгородиться идейно, установив непроходимый карантин для “чуждых учений”, стремящихся проникнуть в Русское государство и развратить его. Свое отношение к тем, кто изменял “устоям” русской жизни, Дубельт ясно выразил не на бумаге, а на практике — ежедневным и неустанным преследованием инакомыслящих. Но и среди заметок его есть на сей счет весьма характерные. Так, очевидно, уже в начале 1850-х годов, когда Герцен занял свое место в революционной эмиграции, Дубельт записал в гневе, что не знает в своих обширных лесах, пожалованных ему государем, такого “гадкого дерева”, на котором затруднился бы повесить “этого мерзавца”.

Мысль Дубельта ясна: одну из важнейших задач верховной власти он видел в безжалостной борьбе с любыми проявлениями “ложного” западного просвещения. И в то же время вынужденно признавал: без просвещения нельзя, оно необходимо, но в России оно должно принять принципиально иной, нежели на Западе, характер.

Впервые, может быть, за всю историю Русского государства его представители так ясно ощутили необходимость идейного обоснования своего бытия. После первого революционного взрыва стало очевидно, что бороться с “духом времени” путем одних репрессий невозможно. “Людям движения” необходимо было противопоставить идеи о государстве и праве, оправдывающие застой. Эту задачу и должна была выполнить концепция особого, истинно русского просвещения, воплотившаяся в теорию официальной народности.

Ее концептуальная завершенность связывается обычно с именем **С.С. Уварова** (1786 — 1855). Он начал служебную карьеру в коллегии иностранных дел за границей, где познакомился со многими представителями западной культуры. Там же появились его первые литературные произведения по греческой истории и мифологии.

Уваров чутко улавливал дуновения политических ветров возле российского трона. В эпоху Александра I он был настроен очень либерально и в 1818 году, став президентом Академии наук, произнес речь, в которой говорил о политической свободе как о последнем и “прекраснейшем даре Бога”. Тогда он был близок к либеральным писателям — членам известного кружка “Арзамас” и вместе

с ними выступал за просвещение народа, осуждал крепостное право, боролся против реакционеров и консерваторов в области политики.

После восстания декабристов Уваров стал ревностным защитником существующего строя. Будучи назначен в 1833 году министром народного просвещения, он в циркуляре к попечителям учебных округов писал: "Общая наша обязанность состоит в том, чтобы народное образование согласно с Высочайшим намерением Августейшего монарха совершалось в соединенном духе православия, самодержавия и народности". Эта формула была внесена как девиз в графский герб Уварова (1 июля 1846 г. Уваров был возведен в графское достоинство), ею он неизменно руководствовался в своей деятельности.

Для того чтобы примирить непримиримое — страх перед просвещением и сознание необходимости его постоянного развития, нужен был именно Уваров с его холодным расчетливым умом, умением красноречиво говорить и писать и, главное, с его редкими в бюрократической среде теоретическими "дарованиями".

Вместо погромов учебных заведений и упразднения наук Уваров развернул перед императором картину их процветания, невиданного на Руси. Однако, заявлял министр, это будут такие науки и учебные заведения, которые не только не повредят существующему строю, но, напротив, станут одной из самых надежных его опор. Сделать это можно только тогда, когда вверенное Уварову министерство станет "душой административного корпуса" и начнет последовательно возрождать веру в монархические и народные начала "без потрясений, без поспешности, без насилия". Для этого необходима пропаганда государственной идеологии, создание печатного органа "Журнал Министерства народного просвещения", где главным средством воспитания народности и защиты от "европейской заразы" будет изучение и преподавание отечественной истории. "Имел я еще в виду и то, чтобы посредством сего журнала внушить молодым людям охоту ближе заниматься историей отечественной, обратив больше внимания на узвание нашей народности во всех ея различных видах... Не подлежит сомнению, что таковое направление к трудам постоянным, основательным, безвредным служило бы некоторою опорой против влияния так называемых Европейских идей".

Надо сказать, что Уваров в целом отдавал себе отчет в трудностях, стоящих на его пути. Он признавал, что принципы самодержавия и народности могли противоречить друг другу, но утверждал, что, "каковы бы ни были столкновения, которые им довелось пережить, оба они живут общей жизнью и могут еще вступить в союз и победить вместе". Он также обращал внимание на возможные противоречия, заключенные в концепции народности: "Главная трудность, которую она в себе заключает, состоит в соглашении древних и новых понятий, но народность не предполагает движения назад, она даже не предполагает неподвижности. Государственный состав может и должен развиваться подобно человеческому телу; с возрастом лицо человека меняется, сохраняя лишь главные черты. Речь не идет о том, чтобы противиться этому естественному движению, но лишь о том, чтобы не наклеивать на свое лицо чужеродную и искусственную маску, о том, чтобы сохранить неприкосновенным святилище наших народных понятий среди начал нашего государства и, в особенности, нашего народного образования". Уваров снова повторяет свои излюбленные параллели между развитием народа и человека; он рассчитывает, что динамический принцип народности позволит государству изменяться в соответствии с требованиями времени, а кон-

сервативные начала самодержавия и православия послужат якорем, удерживающим его от потрясений.

Без подобного якоря Европа, по мнению Уварова, оказалась беззащитной перед революционными бурями и неотвратимо переходит к народной анархии и власти черни, которую не успели просветить мудрые правительства. Именно поэтому он столь решительно исключает из народности ее основную составляющую — идею народного суверенитета и с восторгом создает образ Гете — литературного самодержца, “неконституционного монарха”, который может служить примером монархам политическим в своем нежелании прислушиваться к требованиям, вкусам и предрассудкам большинства.

Сомнения, мучившие Николая I, Уваров снимал цепью следующих силлогизмов, отчасти уже знакомых нам по заметкам Дубельта. Он не возражал, что развитие просвещения способно подорвать государственную безопасность. Более того, Уваров прямо указывал, что именно “образованность”, неизбежно и закономерно порождающая “разрушительные понятия”, явилась основной причиной “грозных общественных бурь, потрясающих Европу”. Но это касалось Запада, это была западная образованность. В России же “порядок вещей устоял под натиском этих понятий, потому что опирался на неведомые Европе самобытные начала: православие, самодержавие и народность”. До сих пор эти начала проявлялись в России в основном бессознательно, инстинктивно. Но что могло помешать императору с помощью преданного министра вызвать эти начала к сознательной жизни? Необходимо, заявлял Уваров, “собрать в единое целое священные остатки нашей народности и на них укрепить якорь нашего спасения”, положив их в основу самобытного, “истинно русского” просвещения.

Уваров не устал доказывать царю, внимавшему ему до поры до времени весьма благосклонно, что просвещение само по себе не есть зло. Все зависит от его конкретного содержания, от его духа, который может и должен быть различным у разных народов. Просвещение может быть источником зла, революционных потрясений, как то случилось в Западной Европе, а может превратиться в элемент чисто охранительный, к чему и следует стремиться в России.

Сущность этого спасительного для страны просвещения вполне исчерпывалась все той же знаменитой “триединой формулой”: православие, самодержавие, народность. Имелось в виду, что русский народ существует как единое целое лишь постольку, поскольку сохраняет верность самодержавию и подчиняется отеческому попечению православной церкви. Отказ от этих определяющих черт народного бытия неизбежно подрывает самое бытие. Любое выступление против самодержавного строя, любая критика церкви трактовались, таким образом, как действия, направленные против коренных народных интересов, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Всем “служителям просвещения” в России — ученым, писателям, художникам, журналистам — вменялось в обязанность в своей деятельности исходить исключительно из этих несложных соображений. Каждый свой шаг, каждое слово они должны были постоянно проверять “триединой формулой”, не за страх, а за совесть служа православию, самодержавию, народности.

Вот, собственно, и вся “теория”, которую возможно извлечь из писаний Уварова и официальных бумаг министерства просвещения. Ни о какой теоретической глубине и идеологической искренности, которые были столь характерны для взглядов того же Карамзина, здесь не было и речи. Все уваровские “изыс-

кания” носили откровенно прикладной характер; “официальная народность” отнюдь не стала юридической системой: она воплотилась в сумму сугубо бюрократических предписаний. В полном соответствии с духом эпохи Уваров выработал предельно ясный и четкий кодекс поведения — точнее даже, кодекс мышления — для тех, кого более всего опасались власти предрежащие. Во имя этого он и стремился всеми средствами сковать развитие мысли, воздвигая искусственные “умственные плотины” на пути идей, опасных для порядка, господствующего в России.

Разрыв между словом и внутренним убеждением — характерная черта творца “официальной народности”. Уваров, писал С.М. Соловьев, “придумал эти начала, т.е. слова: православие, самодержавие и народность; православие — будучи безбожником, не веруя в Христа, даже и по-протестантски; самодержавие — будучи либералом; народность — не прочтя в свою жизнь ни одной русской книги, писавший постоянно по-французски и по-немецки”. Уваровская теория была не более чем ловкой канцелярской штучкой — лживой, лицемерной и потому лишенной созидательной силы. На практике все сводилось к стандартизации политических лозунгов, русификации, укреплению крепостнических отношений. В этом же направлении были осуществлены университетские реформы.

В целях обособления дворянства от народа Уваров организовал множество специальных дворянских институтов, благородных пансионов с особыми преимуществами для их воспитанников при прохождении службы.

Во времена Уварова усилился духовный надзор, появились специальные цензоры, связанные с Третьим отделением канцелярии императора, самый злободневный для страны крестьянский вопрос совсем был закрыт для прессы. Значительно усилились ограничения в периодике; преследованиям подвергались издания как славянофилов, так и западников, даже ввоз невинных в юридическом отношении французских романов запрещался. На совести Уварова гонения на Пушкина.

Сословное образование насаждалось им организацией реальных классов в гимназиях, куда прием детей лиц податных сословий облегчался с целью “удержать низшие сословия в соразмерности с гражданским их бытом в отношении к образованию их детей”. С той же целью в 1845 году был повышен размер платы с учащихся в высших и средних учебных заведениях. Но после Европейской революции 1848 года эта политика, проводимая Уваровым, уже стала казаться Николаю I нерешительной и недостаточной; теперь нужно было просвещение не направлять, а искоренять, и в 1849 году Уваров получил отставку.

Действительно, как попытка противопоставить европейскому просвещению какое-то свое, “истинно русское” теория Уварова несостоятельна. Зато она удовлетворяла правящую верхушку как незаменимое средство борьбы с буржуазным юридическим мировоззрением. Бюрократическое клише “триединой формулы” не трудно было приложить к любому явлению общественной жизни и безжалостно отсечь все, что в него не укладывалось.

По сути, речь шла о хорошо продуманной культурно-воспитательной функции позднефеодального государства. Будучи не в силах приспособиться к неумолимому ходу истории, остановить его в сфере социально-экономической, самодержавие делало все, чтобы задержать этот процесс в сфере духовной. Воспитывать новые поколения лишенными способности самостоятельно, критически

мыслить, искренне верящими в то, что самодержавно-крепостнический строй есть не только наилучший, но и единственно возможный для русского народа, — такова основная задача “истинно русского” просвещения, за которым стояли мощные консервативные силы.

ЛЕКЦИЯ 4. Государственно-правовая мысль декабристов

С легитимистской юриспруденцией полемизировали представители освободительного движения, которое в первой половине XIX века стало в России реальностью. Дворянская революционность с 1825 по 1861 годы — первый этап этого движения. Ее пионерами были декабристы, идеи которых сформировались под воздействием ряда факторов: патриотического подъема русского народа в Отечественной войне 1812 года, заграничных походов русской армии, усиления крепостного гнета и роста крестьянских волнений, разочарования в “реформах сверху” из-за реакционного курса правительства, аракчеевщины.

Аракчеев, очередной фаворит Александра I, внес свой значительный вклад в бюрократизацию управления. Он как бы создан был для этого: маниакально любил порядок, который носил внешний, формальный характер — единообразие, казармы, монотонности и муштры — и должен был соблюдаться под страхом жестких мер наказания. Он не мог терпеть личной инициативы, “умничанья”, считая главным достоинством подчиненных слепое выполнение приказов.

Наиболее уродливым проявлением реакционного курса Аракчеева стали военные поселения. Содержание огромной постоянной армии стоило очень дорого, и ему пришла в голову выгодная мысль перевести государственных крестьян в разряд военных поселян. Теперь их служба шла по военным уставам, которым подчинялись и их семьи. Подъем, полевые работы, время топки печей, ухода за скотом, солдатская муштра — вся эта каторжная жизнь протекала под присмотром офицеров. Это был худший вид крепостного права — военизированное крепостное право. Даже браки находились под контролем офицеров.

Огромное влияние на декабристов оказали идеи передовых мыслителей Западной Европы, в особенности произведения просветителей, а также события Французской буржуазной революции. С точки зрения глубинных, ценностных и идейно-теоретических основ юриспруденции, декабристы были просветителями — сторонниками знания, свободомыслия. Можно сказать, что декабризм составил одну из самых (если не самую) ярких страниц в истории просветительства в России. По всему складу своей жизни, даже по многим внешним признакам декабристы являли собой ярко выраженный тип радетеля просвещения, энциклопедиста, исследователя-новатора и миссионера культуры. Правовыми эквивалентами декабристского просветительства были достаточно последовательный буржуазный демократизм и решимость заменить феодально-монархические институты у себя в стране “разумными” учреждениями по образцу английской или американской буржуазных конституций.

Разумеется, как просветители декабристы уже не могли целиком походить на своих классических предшественников XVIII века. Передовые русские офицеры должны были учитывать сложный опыт Французской революции и последовавшего за ней периода реакции. Они, в частности, испытали определенное влияние либерализма эпохи Реставрации (Б. Констан), который явился, в общем, логи-

ческим доведением до конца былого просветительства, кристаллизацией его объективного юридического мировоззрения.

С другой стороны, декабризм обладал такой особенностью — общей, впрочем, с просветительством других, более отсталых европейских стран (Германия, Италия, Греция и др.), — как заметный национально-патриотический элемент. Но и этот элемент у декабристов (в отличие, скажем, от последующих славянофилов) был вполне рационален, “разумен”. Чувство национальной гордости органически сплавлялось у них с твердым стремлением пересадить Францию в Россию, поставить Россию на ту степень просвещения, на которую она, с их точки зрения, имела право по своему политическому положению в европейском мире. Короче говоря, просветительство декабристов, несмотря на значительные элементы национально-патриотического облачения, было по преимуществу западническим, а в юридическом смысле полностью укладывалось в рамки буржуазного правопонимания.

Однако, и это следует подчеркнуть особо, круг юридических идей просветительства, ограничивающегося ориентацией на антифеодальные преобразования и создание основ буржуазного правопорядка, оказывается для некоторых декабристов уже тесным. В их воззрениях все более пробиваются антибуржуазные, социалистические тенденции.

Как показывают некоторые материалы, декабристы начинали входить в соприкосновение с представителями утопического социализма в Европе. М.С. Лунин был знаком с Сен-Симоном. В описи книг Ф.П. Шаховского, взятых им в крепость, значилось сочинение Оуэна “О воспитании в Нью-Лэнарке”. Интересные критические соображения по поводу буржуазного государства и права встречаются у Николая Тургенева. Пестель, по меткому выражению Герцена, был “социалистом прежде, чем появился социализм”. Он единственный среди декабристов отчетливо фиксирует, что “в современной борьбе между титулованной аристократией и народными массами... денежная аристократия энергично подымает голову и, опираясь на груды золота, вызывая нищету среди неимущих классов, подготавливает миру новые затруднения”. Социалистическая тенденция проявляется у Пестеля и в критике буржуазных конституций, которые “суть одни покрывала”, и в родстве с мелкобуржуазным радикализмом Ж. Сисмонди. Российский историк Б.Е. Сыроечковский убедительно показал, что в “Социально-политическом трактате” Пестеля тезис об “аристократии богатств” подкреплен положением Сисмонди о том, что показателем истинного богатства страны являются не крупные состояния, но большое число людей умеренного достатка.

Движение декабристов не было однородным. В нем следует различать более радикальное крыло (Южное общество) и крыло умеренное (Северное общество). Демократические тенденции в большей степени присущи Обществу соединенных славян, в 1825 году влившемуся в Южное общество. Декабристы были едины в отрицании абсолютизма и крепостного права, сословных привилегий, в провозглашении равенства всех перед законом и широкого круга прав и свобод личности. Многие из декабристов опасались, что политическая активность народа приведет к потрясениям и кровопролитию типа того, которым характеризовалась Французская революция, и выступали за военно-заговорщическую тактику наподобие дворцового переворота, который передаст власть в руки просвещенных деятелей, знающих подлинные интересы народа.

Наиболее полно и ярко политико-правовые идеи радикального крыла декабристов изложены в “Русской Правде” Павла Ивановича Пестеля (1793—

1826). Он воспитывался в Дрездене, затем учился в 1810 — 1811 гг. в Пажеском корпусе, откуда выпущен прапорщиком в лейб-гвардии Литовский полк. Участвуя в Отечественной войне, Пестель был ранен под Вильно, отличился в сражениях у Лейпцига, Труа. Будучи адъютантом графа Витгенштейна, он ездил в Бессарабию для собирания сведений о возмущении греков против турок и для переговоров с господарем Молдавии (1821). В 1821 году назначен командиром совершенно расстроенного Вятского пехотного полка и в течение года привел его в порядок. Сам Александр I, инспектируя полк в сентябре 1823 года, похвалил: “Превосходно, точно гвардия”, — и пожаловал Пестелю 3000 десятин земли.

Вступив еще в 1816 году в масонскую ложу, Пестель был одним из учредителей Союза благоденствия, составил даже для него устав, но вскоре перенес свою деятельность в тайное Южное общество. Обладая большим умом, разносторонними познаниями и красноречием, он вскоре стал во главе общества. Он стремился к слиянию Северного и Южного обществ, для чего в 1824 году ездил в Петербург. В 1825 году Пестель вел переговоры с представителями Польского патриотического общества о совместных революционных действиях. После поражения декабрьского восстания был повешен вместе с К.Ф. Рылевым, П.Г. Каховским, С.И. Муравьевым и М.П. Бестужевым-Рюминым в Петропавловской крепости.

Происхождение общества и государства Пестель связывает с естественными законами человеческого бытия, которые определяют обязанности людей по отношению друг к другу. Люди познают эти обязанности благодаря изучению “законов природы и нужд естественных”. Всякое общество имеет целью “удовлетворение общим нуждам”, вытекающим из неизменности (“одинаковости”) человеческой природы. Это является объективным основанием того, что “члены всякого общества могут единодушно согласиться в цели”.

Избрание средств достижения цели “зависит от особенного нрава и личных качеств каждого человека”. Поскольку нрав и личные качества людей различны, то столь же различны их мнения о средствах достижения цели. Поэтому для достижения единства в средствах каждый должен “уступить часть своего мнения”. Согласование целей и средств достигается при помощи общественного договора в гражданском обществе, где “все должны быть перед законом равны”.

Пестель считал, что природа гражданского общества предполагает разделение его членов “на повелевающих и повинующихся”. Деление происходит на основе этико-правового превосходства одних над другими или благодаря поручению, которое большинство дает немногим, “распоряжаться общим действием, избирая для этого подходящие средства”.

Цель общественного договора — “благоденствие всего общества вообще и каждого из членов оного общества”, а не только избранных. Если государство заботится о немногих, оно порочно в своей основе. Пестель не хочет, чтобы в России взамен феодальной аристократии установилась “аристократия богатств”, причем не только в политическом, но и в социальном смысле. Чтобы избежать этого, он предлагает оригинальный проект аграрной реформы с частичным обобществлением земли.

Высший нравственный императив государства заключается в том, что “правительство существует для блага народа и не имеет другого основания своему бытию и образованию, как только благо народное, между тем как народ существ-

рует для собственного своего блага..." Пестель определял народ как "совокупность всех тех людей, которые принадлежат к одному и тому же государству, составляют гражданское общество".

Законы должны опираться и на тот постулат, что "личная свобода есть первое и важнейшее право каждого гражданина и священная обязанность каждого правительства". Правительство создается не для ограничения свободы граждан, а для содействия ей. Народ в такой ситуации будет находиться "под властью и управлением общественных законов, а не прихотей личных властителей".

Выступления против опасных злоупотреблений правительства представляют собой защиту народом своих естественных прав. С точки зрения Пестеля, революция (которая "не так дурна, как говорят", и, может быть, "весьма полезна") является радикальным средством прекратить злоупотребления и восстановить свободу. Общество страдает не от революции, а от отсутствия революции. Те государства, в коих не было революции, оказывались лишенными многих необходимых народу "преимуществ и учреждений". Пестель отмечал также опасность анархии и политических реставраций и потому считал необходимой заблаговременную разработку "точных и положительных законов и постановлений, утверждающих будущий порядок в государстве".

Пестель был сторонником диктатуры временного верховного правительства, которая должна была продлиться 10 — 15 лет после победы революции. Его конституционный проект призван был послужить наказом временному правительству, облеченному диктаторской властью, для защиты от "ужасов безначалия" и "народных междоусобий".

Самодержавие в России, по проекту Пестеля, решительно уничтожалось, весь царствующий дом физически истреблялся в самом начале революции и провозглашалась республика, базирующаяся на принципе народного суверенитета. "Народ российский не есть принадлежность какого-либо лица или семейства. Напротив того, правительство есть принадлежность народа, и оно учреждено для блага народного, а не народ существует для блага правительства". Все сословия и сословные привилегии также уничтожались, россияне объявлялись одинаково "благородными", т.е. "рожденными во благо". Объявлялось равенство всех перед законом и признавалось "неоспоримое право" каждого гражданина участвовать в государственных делах. Все граждане мужского пола, достигшие 20 лет, получали избирательные права.

Республика Пестеля представляла собой унитарное государство (в многонациональной России федерация, по его мнению, могла привести к попыткам отделения) и делилась на губернии, или области, уезды, волости. Ежегодно в каждой волости собиралось общее собрание жителей, которое непосредственно выбирало своих депутатов в местные органы власти — "наместные собрания": волости, уезда, области или губернии.

Компетенция наместных собраний была довольно широкой: они заслушивали отчеты исполнительных органов власти — волостных, уездных и земских правлений, принимали и рассматривали жалобы на местное начальство, выбирали новых начальников местного управления и утверждали прежних. Кроме того, губернские наместные собрания выбирали представителей в высший законодательный (однопалатный) орган власти — Народное вече.

Народное вече составлялось из депутатов, выбранных на 5 лет. Каждый год одна пятая часть веча переизбиралась, председатель выбирался ежегодно вновь из членов, пребывающих в составе Народного веча последний год. Только Народное вече имело право издавать законы, объявлять войну и заключать мир. Никто не имел права роспуска Народного веча, так как оно представляло "волю" и "душу" народа в государстве.

Исполнительная власть вручалась Державной думе, состоящей из пяти членов, избранных Народным вечем на 5 лет. Ежегодно один из членов Державной думы выбывал из ее состава ввиду истечения своего срока и заменялся другим. Председателем Державной думы являлся тот ее член, который заседает в ней последний год.

Наряду с законодательной и исполнительной властями Пестель выделял и власть блюстительную, которая должна была контролировать точное исполнение конституции в стране и следить за тем, чтобы законодательная и исполнительная власти не выходили из пределов, поставленных им законами. Центральным органом блюстительной власти был Верховный собор, который должен был состоять из 120 членов, называвшихся боярами и избиравшихся пожизненно. Верховный собор назначал, кроме того, главнокомандующего армией во время войны. Сословный суд отменялся и вводился гласный суд присяжных заседателей, равный для всех граждан.

В конституции провозглашался принцип неприкосновенности права собственности, объявлялась полная свобода занятий для населения, свобода книгопечатания и вероисповедания. Пестель настаивал на необходимости освобождения крестьян с землей, так как "должно крестьянам доставлять лучшее положение противу теперешнего, а не мнимую свободу им даровать". Он видел фиктивность свободы, не гарантированной материальными условиями жизни людей. Для наделения крестьян землей предполагалось изъять половину владений (у богатых помещиков — бесплатно, у других — с денежной компенсацией).

Пестель предлагал в каждой волости земли разделить на две части. Одну из них считать общественной землей; эта часть должна принадлежать коллективу и не может быть ни продана, ни заложена, ее цель — доставление "необходимого всем гражданам без изъятия". Во всех волостях эта земля делится на отдельные участки такой величины, чтобы каждый из них мог доставлять средства существования одной семье — мужу с женой и тремя детьми.

Участки общественной земли членам волостного общества предоставляются не в собственность, а только в пользование. Эти участки переходят из рук в руки в следующих случаях: если кто-то не пожелает более заниматься земледелием или хочет переменить участок на свободный, если пользователь не может быть удовлетворен размером участка по причине увеличения числа членов его семьи, а также если гражданин лишен прав за преступление.

Введению такого порядка обеспечения граждан землей из общественного фонда Пестель придавал решающее значение. Обладая землей и не боясь нужды, "будет каждый гражданин сильнее к целому государству привержен, каждый будет видеть, что он в государстве находится для своего блага, что государство о благоденствии каждого помышляет".

Другая часть земли оставалась в собственности у помещиков и находилась в гражданском обороте.

Умеренную ветвь юриспруденции декабристов представлял член Северного общества **Никита Михайлович Муравьев** (1796 — 1843). Он учился в Московском университете, но, не окончив его, в 1813 году пошел добровольцем на военную службу, участвовал во многих сражениях в войне с Наполеоном, стал капитаном гвардии, дошел до Парижа. Под влиянием чтения, а главное, непосредственного знакомства с западноевропейской жизнью Муравьев рано определил свои юридические взгляды. Вернувшись в Россию, он принял активное участие в организации тайных обществ, был членом Союза спасения и Союза благоденствия, одним из главных руководителей и идейных вождей Северного общества. В самом восстании 14 декабря 1825 г. он участия не принимал, так как находился в это время в деревне, однако, как активный деятель декабристского движения, был арестован и приговорен к смертной казни, замененной каторжными работами. В 1835 году он был переведен на поселение в Иркутский округ, где и умер.

Конституция Муравьева — оригинальная переработка зарубежного опыта, призванная быть примененной к русской действительности. Муравьев разработал три варианта конституции. Наиболее интересным признан второй проект (конец 1824 г.), где прежние республиканские воззрения сменились конституционно-монархическими с оговоркой о возможности введения республики. “Если бы императорская фамилия, — показал он на следствии, — не приняла конституции, то как крайнее средство я предполагал изгнание оной (фамилии) и предложение республиканского правления”.

Законодательная, исполнительная и судебная власти, по Муравьеву, разделены, а будущая Россия представляет собой федеративное государство, состоящее из 13 держав и 2 областей — Московской и Донской. Столицей федерации должен стать, как и у Пестеля, Нижний Новгород — город, славный своим вкладом в борьбу с польской интервенцией в XVII веке.

Верховный орган законодательной власти — двухпалатное Народное вече. Верхняя палата — Верховная дума, нижняя — Палата народных представителей. Последняя состоит из 450 членов, избранных на 2 года гражданами держав. Дума в составе 42 членов избирается правительствующими собраниями держав и областей сроком на 6 лет. Ее состав меняется на треть каждые 2 года.

Исполнительная власть принадлежит императору — “верховному чиновнику российского правительства”, который при вступлении в должность приносит присягу Народному вечу, обязуется сохранять и защищать “Конституционный устав России”. Император назначает глав “приказов” с совета и согласия Верховной думы, ведает дипломатией, командует военными силами.

Палаты Народного веча заседают раздельно. Если законопроект принимается обеими палатами, он представляется на утверждение императору и лишь после его подписи получает силу закона. Император может вернуть неутвержденный ему законопроект в палаты со своими замечаниями, тогда законопроект обсуждается вторично. В случае вторичного принятия законопроекта обеими палатами он получает силу закона и без согласия императора.

Все должностные лица за нарушение законов привлекаются к ответственности народными представителями. В этом случае Верховная дума становится судом. Кроме того, вместе с императором дума участвует в назначениях судей верховных судебных мест, главнокомандующих армией и флотом, верховного блюстителя (генерал-прокурора).

В державах также существует двухпалатная система. Законодательная власть в каждой державе принадлежит Законодательному собранию, состоящему из 2 палат — Палаты выборных и Державной думы. Державы делятся на уезды. Все должностные лица в державах и уездах выборные.

Конституция предусматривает введение суда присяжных и избрание руководителей полиции населением.

Дворянская ограниченность Муравьева прослеживается в крестьянском вопросе. Он объявлял об освобождении крестьян от крепостной зависимости, но на основе принципа: "Земли помещиков остаются за ними". Лишь в последнем варианте своей конституции, после критики другими декабристами, Муравьев сформулировал положение о незначительном наделении крестьян землей: они получали приусадебные участки и сверх того по 2 десятины на двор в порядке общинного владения.

Кроме того, конституция Муравьева характеризовалась высоким имущественным цензом: только земельный собственник или владелец капитала считался полноправным гражданином. Муравьев соизмерял право на замещение должностей с имущественным положением и по этому принципу делил всех граждан на 4 категории.

Муравьев полагал, что его конституцию одобрит Учредительное собрание, которое будет созвано сразу же после победы восстания.

Ряд специфических черт прослеживается в политико-правовых идеях Общества соединенных славян, вошедшего в состав Южного общества в 1825 году. "Славяне" считали своей целью объединение всех славянских народов в одну демократическую республиканскую федерацию. Ее членами должны стать "Россия, Польша, Богемия, Моравия, Венгрия с Трансильванией, Сербия, Молдавия, Валахия, Далмация и Кроация". Все перечисленные страны, кроме России, утратили свою национальную независимость и обретут ее, по мнению "славян", в совместной борьбе за свободу.

При вступлении в Общество соединенных славян члены давали клятву бороться "для освобождения себя от тиранства и для возвращения свободы, столь драгоценной роду человеческому". Революцию "славяне" считали движением народных масс. "...В народе искали они помощи, без которой всякое изменение непрочно, собственным же своим положением убеждались, что частная воля, частное желание ничтожны без сего всемогущего двигателя в политическом мире", — писал в "Записках" **Иван Иванович Горбачевский** (1800 — 1869) — активный член этого общества, подпоручик 8-й артиллерийской бригады. Он происходил из обедневших украинских дворян, учился в витебском народном училище и гимназии. С юных лет Горбачевский испытывал ненависть к крепостному праву и мечтал о его отмене. В отличие от большинства декабристов, он был сторонником осведомления народа о целях декабристов и вел сам энергичную пропаганду среди офицеров и солдат.

Сторонник уничтожения самодержавия, Горбачевский включил себя в число тех участников заговора, которые во время переворота должны были осуществить царевубийство и аресты членов императорской фамилии. После восстания был приговорен к вечной каторге, срок которой в 1839 году был ему сокращен до 20 лет. По окончании этого срока жил на поселении в Петровском Заводе, где и умер.

После победы революции “славяне” предполагали “с точностью определить границы каждого (славянского) государства, ввести у всех народов форму демократического представительного правления, составить конгресс для управления делами Союза и для изменения в случае надобности общих коренных законов, предоставляя каждому государству заняться внутренним устройством и быть независимым в составлении частных своих узаконений”.

Несмотря на принципиальные различия в программных позициях с Пестелем, “славяне” вступили в Южное общество, их привлекли идеи введения “в России русской демократии, уничтожающей не только сан монарха, но и дворянское достоинство и все сословия и сливающей их в одно сословие — гражданское”. Многие из “славян”, а не только Горбачевский дали особую клятву участвовать в царевубийстве.

Свою заветную цель — освобождение и объединение славянских народов — они отложили на будущее и справедливо сочли первоочередной задачей освобождение России от самодержавия и крепостного права, поскольку “Россия, освобожденная от тиранства, будет открыто способствовать цели “Славянского союза” — освободить Польшу, Богемию, Моравию и другие славянские земли, учредить в них свободные правления и соединить всех федеративным союзом”.

Правовые идеи декабризма мы охарактеризуем на основе творчества Пестеля и Муравьева. Общее понятие права дается с позиций естественно-правовой концепции. Оно сформулировано Пестелем в “Записке о государственном правлении” (1818—1819) и в “Кратком умозрительном обозрении государственного правления” (1820). “Законы, — пишет он, — суть правила, выражающие устройство и образование вещей и определяющие порядок и круг их действия. Посему имеет всякий предмет свои законы...” И далее: “Точно так имеет и гражданское общество или государство свои законы, долженствующие отвечать коренным и природным свойствам оногo”.

То, что юридические законы издаются государственной властью, Пестель намеренно опускает. Он подчеркивает, что речь идет не о действующих законах, создающихся в целях существующего угнетения и “зловластия”, а о будущем праве. Развернутое определение права он предполагал дать в рассуждениях, касающихся законодательной власти, которые так и не были им сформулированы или, возможно, не дошли до нас. В “Гражданском судебнике” Пестель указывает на необходимость предпослать будущему Своду законов как главу первую “общие рассуждения”, отмечая, что она “должна быть более умозрительная, нежели положительная”.

Основные требования, которым должны отвечать законы, по мнению Пестеля, — ясность, внятность, справедливость и простота. В “Кратком умозрительном обозрении государственного правления” “замечания, распространяющиеся на законы”, выглядят иначе. На первое место Пестель ставит здесь справедливость. Далее он пишет о “существенности” законов и их “основательности” (то есть правильных основах создания права) и лишь потом — о простоте и ясности норм права. Суть дела состоит, однако, не в словесных изменениях общей формулировки и перестановке ее частей. Главное — как Пестель истолковывает понятие справедливости.

В “Записке о государственном правлении” справедливость законов исчерпывается необходимостью соответствовать “коренным свойствам природы человеческой”. В более позднем “Кратком умозрительном обозрении” она раскрывается

подробнее. Принцип соответствия природе человека, естественным и неизменным правам частных лиц отходит на задний план, а на первом месте появляется требование общественного блага. "Законы должны быть справедливы, — пишет Пестель, — ...только то запрещать или повелевать, что истинно к цели общественного благоденствия ведет".

Эта мысль получила развитие в "Русской Правде". Во введении Пестель обстоятельно предлагал в законах не абстрактные всеобщие интересы, а интересы реального большинства, народных масс. Справедливость он трактовал как идентичность законов для всех членов общества, предоставление всем равных прав, вытекающих из одинаковой "природы" людей. Естественно-правовое обоснование требования ликвидации крепостного права и всех сословных различий было и в "Русской Правде", но над ним теперь превалировало обращение к конкретной действительности.

Интересна постановка Пестелем вопроса о соотношении прав и обязанностей. В отличие от большинства представителей теории естественного права, он делал акцент на первичности обязанностей, а не прав. Он называл права личности следствием ее обязанностей. Первоначальная, исходная обязанность человека определялась им как сохранение своего бытия. "От сей обязанности, — говорилось в "Русской Правде", — происходит право пользоваться для пищи плодами и прочими произведениями природы".

От Муравьева почти не сохранилось теоретико-правовых раздумий. До нас дошли лишь его обоснования принципа законности и обширный проект судебного устава. Выдвигалось требование всеобщего подчинения закону, постулировалось строгое следование его велениям. Никаких изъятий из этого правила не допускалось. "Никакое нарушение Закона не может быть оправдано повелением начальства. Сперва наказывается нарушитель Закона, потом подписавшие противозаконное повеление". В условиях царской России, где частым еще был бюрократический произвол, данное положение имело глубоко прогрессивный характер, воплощало идею достоинства человеческой личности. Декабрист связывал с этими юридическими преобразованиями духовное раскрепощение людей, пробуждение их от "нравственного сна квиетизма". В конституционных проектах нашел четкое и многоплановое выражение принцип неприкосновенности личности. "Никто не может быть обвинен, задержан или заключен в темницу, кроме как в случаях, определенных законом, и в образе, оном учрежденном".

Громоздкая судебная система крепостной России с ее сословными, ведомственными судами, судами чинов полиции, судами помещиков, квартальными надзирателями, творившими вопиющее беззаконие под видом правосудия, решительно критиковалась Муравьевым, который хотел видеть в новой России государство с твердым устройством "судебной части". Если в первых редакциях конституции декабрист почти не касался вопросов судостроительства и судопроизводства, то в последней редакции им уделяется большое внимание. Видимо, для него, находившегося в положении узника крепости и ожидавшего царского суда и расправы, эти вопросы приобрели особую остроту.

Он наметил довольно стройную систему судебных органов, со строго очерченными границами подсудности. Принцип выборности он распространял на судей всех рангов. Конституция предусматривала следующие звенья судебной системы: совестные судьи, уездные съезды совестных судей, областные судилища и Верховное судилище. Для занятия любой из судебных должностей требовалось

обладание собственностью. Муравьев придерживался принципа несменяемости судей. В последнем варианте конституции он предусматривал оставление судьи в своем звании, "буде окажется непорочным, до 70-летнего возраста", полагая, что несменяемость судей, так же как их выборность и солидное материальное положение, обеспечит беспристрастие и независимость в отправлении правосудия.

Большое внимание уделял Муравьев характеристике принципов отправления правосудия и процессуальных форм деятельности судебных органов. Разработке этих вопросов посвящено большинство разделов третьего варианта конституции. Тайному письменному судопроизводству современной ему России декабрист противопоставил гласное, публичное рассмотрение дел в судах. Эти принципы были положены им в основу деятельности всех судебных инстанций. Он предусматривал публикацию материалов судебного разбирательства в печати, слушание дел при открытых дверях.

В отличие от Пестеля, который не был сторонником судебных прений, Муравьев рассматривал состязательность в качестве одного из важнейших принципов судебного процесса. Он подчеркивал, что защиту граждан в суде должны осуществлять только высококвалифицированные юристы, получившие университетское образование. Требование об установлении образовательного ценза для адвокатов диктовалось необходимостью покончить с существующим в России положением, когда нуждающийся в юридической помощи был вынужден принимать услуги полуграмотных ходатаев и челобитчиков. В том случае, если подсудимый не смог пригласить адвоката, обязанности защитника безвозмездно должен взять на себя докладчик (стряпчий казенных дел) — подготовленный в юридическом отношении государственный служащий.

Муравьев считал необходимым наметить в общих чертах процедуру судебного разбирательства, видя в строгом следовании установленному порядку важную гарантию правосудия и законности. В его конституции было записано: "Суд происходит следующим образом: свидетелей одной стороны допрашивают судьи, блюститель (прокурор. — Н. А.), присяжные, адвокат противной стороны и, наконец, с дозволения и под надзором судей и посторонние лица. Потом то же происходит со свидетелями противоположной стороны. Муравьев не исключал возможности участия посторонних лиц в допросе свидетелей в судебном заседании, т.е. возможности активно влиять на ход судебного разбирательства, предоставлял право каждому письменно выражать свое мнение о правильности судебных решений, поддерживать обвинение в суде, обращать внимание судей на незаконное заключение кого-либо под стражу.

Конституцией намечалось ведение дел судом присяжных, который представлял собой важное юридическое учреждение, несовместимое с теорией формальных предустановленных доказательств и ставящее известные пределы судебному произволу. При всех своих несовершенствах институт присяжных был бы несомненным благоприобретением для России того времени. Муравьев распространял юрисдикцию этого суда на все уголовные и большинство гражданских дел.

Все судебные инстанции должны были заседать с участием народных представителей, за исключением совестных судей и их съездов, которые могли разбирать незначительные проступки и гражданские споры и полномочны были приговорить лишь к трехдневному заключению и к небольшому штрафу. Никаких изъятий для дел особой важности предлагаемый Муравьевым судебный устав не предусматривал, тогда как в пореформенной России из подсудности

суда присяжных были исключены многие категории дел, в том числе все дела о политических преступлениях.

ЛЕКЦИЯ 5. Раннелиберальная юриспруденция. Западники и славянофилы

Нельзя не признать, что дню 14 декабря 1825 г. принадлежит исключительная роль в истории российской юриспруденции. Первое открытое противостояние укорененной политической системе оказало сильнейшее воздействие на правосознание общества, положив начало не только революционной традиции. Декабризм дал мощный импульс правоведческой ориентации, включающей в себя широкий спектр взглядов, жизненных позиций и пристрастий, определил исходные постулаты следовавших за декабристами поколений: неразрывность личной судьбы с судьбами России, ответственность за ее будущее.

Крушение движения декабристов произвело шоковое воздействие на юридическую мысль. Прямое продолжение декабристской традиции оказалось тупиковым путем. Юридическая мысль прокладывает себе новое русло, истоки которого — в философско-правовых веяниях первой четверти XIX века (Гегель и другие представители немецкой классической философии). Они сосуществовали с декабризмом, но начиная со второй половины 20-х годов стали полностью определять характер и содержание идейного поиска. Не политическое действие, а философское осмысление исторического пути России, ее самоидентификация, разгадка ее судьбы стали сердцевиной духовной ауры времени. Однако 14 декабря 1825 г. наложило на этот поиск свой отсвет, придав исканиям этой мысли освободительный в конечном счете характер.

На передний план выходит теоретическая работа, сосредоточенная на осмыслении места России в мировом сообществе, поиск типа развития, отвечающего национальным интересам, прежде всего интересам народа, его социальному преуспеянию. Проблема “Россия и Запад” сфокусировала социальные, политические, юридические, религиозно-нравственные искания. Смысл прогресса, свобода и необходимость, государство и личность, соотношение личного и общественного начал в человеческом сообществе — весь этот спектр проблематики, складывавшийся на протяжении второй половины 20-х — в 30-х годах, дает основание рассматривать эти годы как некое целое, заключающее в себе в значительной мере всю содержательную сторону дальнейших идейных поисков до народничества включительно.

Случилось так, что русское раннелиберальное направление подняли на щит почти мальчики, младшие современники декабристов. Не без вызова, с сокровенным смыслом противопоставляя себя французским философам-традиционалистам, энциклопедистам, они называли себя любомудрами, буквально переведя на русский греческое слово. Их первому немногочисленному объединению — Обществу любомудрия суждено было сыграть значительную роль в истории русского правосознания.

Для раннелиберальной юриспруденции характерной чертой, подчеркнем еще раз, стала борьба за свободу, против крепостного права путем реформ, уступок сверху. В условиях кризисного состояния Отчизны первые либералы страстно искали выход из тупика, обращаясь к анализу и сравнению путей и перспектив

развития России в рамках всемирной истории. Поляризация взглядов на эти проблемы привела их к идейному размежеванию на славянофилов и западников. Камнем преткновения стала трактовка принципа свободы личности в политико-юридическом построении “друзья — враги”.

Свободная, независимая личность должна, по мнению западников, находиться в центре всех юридических идеалов и институтов; установка на ее самоценность, достоинства и развитие должна определять движение народов по пути прогресса. Следует, разумеется, принимать во внимание неоднородность западничества. Но социалистические устремления таких западников, как Белинский и Герцен, пропагандировавших подчинение личного общему (вспомним хотя бы “восстание” Белинского против гегелевского “общего” во имя личности), отнюдь не отменяли в их правовых ценностях ориентацию на свободу и независимость личности. Речь шла о возможности на началах социализма найти оптимальное решение проблемы “личность и государство”. Характеристика Бердяевым социализма Герцена как одновременно “народнического и индивидуалистического” далеко не бесспорна, но она оттеняет действительно существенное для Герцена убеждение в том, что свобода личности — величайшее дело, на ней и только на ней может вырасти действительная воля народа.

Принципиально иными были правовые ценности у славянофилов. В их основе — не личностное, а сверхличностное начало (Бог) — верховный закон согласия и любви, имеющий свое оправдание в себе самом, а не в личной свободе каждого. Ориентация на личность для славянофилов порочна, ибо означает ориентацию на начало разобщающее, противоположное началу примирения и единения. К.С. Аксаков утверждал прямо, что личность как принцип есть зло.

Отрицательное отношение к личной свободе как правовой ценности теснейшим образом было связано у славянофилов с критикой рационализма. Рационализм рассматривался как духовная основа индивидуализма, как основание утвердившихся на Западе частной собственности, “искусственных” государственных образований и западных правовых схем. Напротив, ориентация на сверхличностное начало обосновывалась сверхиррациональной цельностью духа, апологией православия и общинного быта русского народа.

Сообща молодые либералы активно выступали против теории официальной народности, критиковали несправедливости общественного устройства России, ратовали за просвещение, очищение нравов, воспитание гражданственности в народе. Но самостоятельного политического движения народных масс они боялись и потому ограничивались борьбой за реформы, то есть искали компромисс между крепостниками и буржуазией.

Первым западником и одновременно первым славянофилом является парадоксальный **Петр Яковлевич Чаадаев** (1794 — 1856). Парадоксальный потому, что его идеи послужили источником споров “друзей — врагов” о путях и судьбах России, причем эти идеи находились в поле зрения как тех, так и других в отстаивании своих взглядов.

Чаадаев — дворянин, его дедом с материнской стороны был князь М.М. Щербатов. У него типично декабристская биография: университет, участие в Отечественной войне 1812 года и заграничных походах, масонство. В 1821 году Чаадаев дал согласие войти в Северное общество декабристов, но затем уехал путешествовать за границу, где находился с 1823 по 1826 год (Германия, Англия, Франция).

В 1826 году он возвращается в Россию и ведет затворническую жизнь до лета 1831 года. Многие факты его биографии остаются загадочными, уже при жизни о нем ходили противоречивые легенды и слухи, чему способствовали характер и образ жизни Чаадаева, человека гордого и замкнутого.

Его "Философические письма" (1829 — 1831) — смелый вызов властям. За первое письмо — "обвинительный акт" против российских порядков (опубликовано лишь в 1836 году) Чаадаев был "высочайше" объявлен сумасшедшим и лишен права издавать свои сочинения. Написанная им в ответ на обвинения в недостатке патриотизма "Апология сумасшедшего" (1837) при его жизни напечатана не была.

Ум Чаадаева, по словам Герцена, ум "декабриста без декабря". Он стремится осмыслить опыт неудачного восстания декабристов, обнаружить ту роковую ошибку, которая привела их к поражению. Эта ошибка видится ему в недостаточной теоретической глубине антифеодальной идеологии. Военное поражение революционеров рассматривается им прежде всего как поражение теоретическое. Ему кажется, что просветительская деистическо-материалистическая юриспруденция, которой они руководствовались, безнадежно устарела и полностью дискредитировала себя. Чаадаев находит несостоятельными и просветительские теории "естественного" прогресса общества, и заговорщические формы борьбы против несправедливости. Ему представляется, что политико-правовые установки и вытекавшие из них практические действия декабристов являлись в своей основе волюнтаристскими, не соответствовавшими направлению действия объективных законов. Именно поэтому восстание обернулось поражением и отбросило освободительное движение на десятки лет назад.

Вновь и вновь Чаадаев обращает внимание соотечественников на необходимость серьезной научной подготовки назревших преобразований. Легкомысленное отношение декабристов к теории, приведшее к трагическим последствиям, вытекало, по его мнению, из особенностей русского национального характера. "...Я теперь ни в чем не убежден так твердо, — пишет он своему другу, ссыльному декабристу И.Д. Якушкину, — что народу нашему не хватает прежде всего глубины... Мы никогда не размышляли, никогда не были движимы какой-либо идеей; и вот вся будущность страны в один прекрасный день была разыграна в кости несколькими молодыми людьми между трубкой и стаканом вина".

Проблема обновления России может быть решена лишь как историко-теоретическая проблема. Поэтому в новых условиях, сложившихся на рубеже 1820 — 1830-х годов, первоочередной задачей прогрессивных людей России Чаадаев считает задачу овладения фундаментальными историко-юридическими знаниями и применения их для решения назревших вопросов государства и права. Только таким путем можно достичь высокой степени развития национального правосознания, высокого уровня "сознания жизни", который даст возможность мыслящей России очнуться от гипнотического сна николаевского безвременья, проникнуться смыслом "разумной жизни" и взяться, наконец, за решение важнейших государственных вопросов. Чаадаев понимает, что выполнение намеченного — задача исключительной трудности. И прежде всего потому, что самодержавно-крепостнический мир стремится согнуть, сломать непокорного человека, любыми способами навязать ему мертвящее официозное правопонимание.

В подобных условиях разумная жизнь может прерываться, ибо “жизнь разумная прерывается всякий раз, как исчезает сознание жизни”.

Именно с философией права связывает Чаадаев свои надежды на успешное и динамичное развитие национального правопонимания, ибо только теория, по его мнению, может помочь русским “выиграть время” и увидеть контуры грядущего. Горячее стремление “извлечь серьезное предчувствие ожидающих нас судеб” вырастает у него до значения общенациональной задачи, в решение которой он жаждет внести свой посильный вклад.

Известно, что для предвосхищения будущего необходимо хорошо знать прошлое и настоящее. Но хорошо ли знают историю родной страны русские? Отнюдь нет, считает мыслитель. “Ни одно из великих событий нашего национального существования не было должным образом характеризовано, ни один из великих переломов нашей истории не был добросовестно оценен”. Даже русских летописцев открыли в конце XVIII века не отечественные, а немецкие ученые, приглашенные в страну, и только талантливый Карамзин внес заметный вклад в изучение русской истории, рассказав “звучным слогом дела и подвиги наших государей”.

Различая историю русского народа и историю царей, в “Философических письмах” автор с горечью указывает на отсталость России по сравнению с Европой. Цари своим произволом нарушили естественный ход политических событий. “Россия шествует только в направлении своего собственного порабощения и порабощения всех соседних народов. И потому было бы полезно не только в интересах других народов, а и в ее собственных интересах заставить ее перейти на новые пути”. В чем же причина столь печального положения России? В крепостничестве, считает Чаадаев, которое насквозь пронизало страну, которое отравляет все. “Эти рабы, — писал он, — которые вам прислуживают, разве не они составляют окружающий вас воздух? Эти борозды, которые в поте лица взрыли другие рабы, разве это не та почва, которая вас носит? И сколько различных сторон, сколько ужасов заключает в себе одно слово раб! Вот заколдованный круг, в нем все мы гибнем, бессильные выйти из него. Вот проклятая действительность, о нее мы все разбиваемся. Вот что превращает у нас в ничто самые благородные усилия, самые великодушные порывы. Вот что парализует волю всех нас, вот что пятнает все наши добродетели”.

В крепостном праве, заявляет Чаадаев, повинно не только государство, но и русская церковь. Все беды России он видел в ее недостаточной христианизации, которая помогла бы преодолеть его. Кроме того, сама форма христианства, утверждавшаяся в России, — православие — обособила страну от других народов. Православие полностью подчинено нуждам государства, насаждавшего рабство в стране. Напротив, католицизм является средством преодоления национальной ограниченности, стремлением к всечеловеческому единству. Он пишет: “Все народы Европы, подвигаясь из века в век, шли рука об руку... Вспомните, что в течение пятнадцати веков у них был только один язык при обращении к Богу, только один нравственный авторитет, только одно убеждение...” А православию соборно лишь на словах, а на деле проводит политику духовной изоляции и нетерпимости к инакомыслию, что обособляет Россию от европейских народов и сохраняет в ней несправедливость.

Мыслитель подчеркивает огромную роль религии в жизни общества и человека: “Окиньте взглядом всю картину развития нового общества, и вы увиди-

те... что в христианстве, и только в нем, разрешалось все: жизнь частная и жизнь общественная, семья и родина, наука и поэзия, разум и воображение, воспоминания и надежды, радости и горести". Сама история видится Чаадаеву как единая и целостная в своем развитии. В основе этого лежит прежде всего духовно-правовое начало. "Народы — существа нравственные, точно так, как и отдельные личности. Их воспитывают века, как людей воспитывают годы".

В России, к сожалению, отсутствует то, что на Западе обеспечила католическая церковь: гражданские права, упорядоченная, устойчивая жизнь. Поэтому главной причиной ее отсталости и застойного существования является отсутствие связи между этапами ее истории, а также недостаток прогрессивных культурных традиций. Все это превратило Россию в государство без дисциплины форм, то есть без дисциплины логики, права, социальных условностей, в страну, где правители мало что знают об "идеях долга, справедливости, права, порядка". В сравнении с римско-католической семьей народов Россия как бы отпала от человеческого рода. Христианство пришло к нам из Византии — "из жалкой, презираемой всеми Византии", которая только что была отторгнута от всемирного братства европейских народов. Вследствие этого мы оказались непричастными к всемирно-историческому прогрессу и сделали жертвой монгольского завоевания. После освобождения эта же непричастность мешала воспользоваться идеями, возникшими за это время у западных соседей, в результате мы подпали под еще более жестокое рабство крепостной зависимости.

В то время, по мнению Чаадаева, как весь мир перестраивался заново, мы по-прежнему прозябали, забившись в свои лачуги, сложенные из бревен и соломы. "Словом, новые судьбы человеческого рода совершались помимо нас". К тому же "мы стоим как бы вне времени, всемирное воспитание человеческого рода на нас не распространилось. Дивная связь человеческих идей в преемстве поколений и история человеческого духа, приведшие его во всем остальном мире к его современному состоянию, на нас не оказали никакого действия". И далее: "Мы живем лишь в самом ограниченном настоящем без прошлого и без будущего, среди плоского застоя". Прервана связь поколений.

"Мы появились на свет как незаконнорожденные дети, без наследства, без связи с людьми, предшественниками нашими на земле, не храним в сердцах ничего из поучений, оставленных еще до нашего появления. Необходимо, чтобы каждый из нас сам пытался связать порванную нить родства... У нас совсем нет внутреннего развития, естественного прогресса: прежние идеи вымываются новыми, потому что последние не происходят из первых, а появляются у нас неизвестно откуда". Жизнь без наследства и преемственности, без перспективы и будущности, по мысли Чаадаева, не имеет большой ценности. Русское правосознание, утверждает он, должно пройти через горькое, но необходимое самоотрицание. "Глядя на нас, можно сказать, что по отношению к нам всеобщий закон человечества сведен на нет. Одинокие в мире, мы миру ничего не дали, ничего у мира не взяли, мы не внесли в массу человеческих идей ни одной мысли, мы ни в чем не содействовали движению вперед человеческого разума, а все, что досталось нам от этого движения, мы исказили".

Новый путь развития русских — это выход из исторического тупика, это единение России и Европы, так чтобы не просто слепо и поверхностно усвоить западные формы, но, впитав в кровь и плоть социальную идею католицизма, от начала повторить все этапы европейской государственности, ибо Запад — "на-

следник, блюститель и хранитель всех предшествующих цивилизаций...” Чаадаев доказывал всем русским людям и прежде всего образованному и мыслящему слою такую мысль: если хотите быть народом историческим, то оставьте всякую надежду на возможность идти каким бы то ни было иным путем, кроме того, которым идет Европа, ибо этот путь единый для христианских народов, желающих пройти его по земле в качестве исторических. Официальная политика изоляции России от Запада ошибочна. “Обособляясь от европейских народов морально, мы тем самым обособляемся от них и политически...” Российскому народу, считал он, еще только предстоит начать политическую жизнь, и передовой опыт Европы мог бы стать для россиян уроком.

Юридический идеал Чаадаева — антипод николаевской России. Главное не в форме правления, а в том, чтобы “человеческий ум приобрел наивеличайшую энергию”, а люди не замыкались в глуповатом благополучии и блаженном самодовольстве.

После критики славянофилами и охранителями его нелестного отзыва о судьбах России, после обвинений в презрительном антипатриотизме и католицизме, серьезного диалога с Пушкиным, который в последние годы жизни все больше становился сторонником православных ценностей и отечественной государственности*, Чаадаев частично признает за собой факт “преувеличения”, и в “Апологии сумасшедшего” слышны некоторые славянофильские мотивы с корректировкой его учения на основе тех реалий, которые произошли со времени “Философических писем” — первого “выстрела в темную ночь” (Герцен).

Были до некоторой степени пересмотрены представления о том, какое место занимают каждый народ и группа народов в достижении единства человечества, его прогресса и братства, в рамках которого признана мессианская роль России в будущем. Результаты революции 1830 года во Франции, приведшей к власти финансовую олигархию, высказывания ведущих европейских политиков, например Д. Гизо, а затем амбиции Наполеона-младшего, не говоря уже о пышных цветах пангерманизма в лице милитаристской Пруссии, проникнутой идеей европейской или национальной исключительности, победное шествие материализма в Германии, где взгляды Гегеля и любимого им Шеллинга об Абсолюте — мировом разуме отступили перед прозой жизни, и многие другие факторы вызвали у Чаадаева некоторый скепсис и разочарование в божественном предназначении европейских народов. Однако основная идея западников — единое шествие человечества и его прогресс, осуществляющиеся по воле Провидения, прежде всего в истории Европы, — остается неизменной. Чего стоит такой пассаж: “В самом деле, взгляните, что делается в тех странах, которые я, может быть, превознес, но которые, тем не менее, являются наиболее полными образцами цивилизации во всех ее формах”.

Вполне славянофильская по форме, разоблачающая лицемерие и фальшь европейских порядков, указывающая на ту пропасть между юридическим и политическим, между словом и делом их правителей, в своей закваске эта идея содержит принципиальное и не изжитое никогда Чаадаевым одно “но”... Это “но” — признание философом, несмотря на очевидное словоблудие европейцев, их истории как “наиболее полного образца цивилизации во всех ее фор-

---

*Хорошо известны строки из письма Пушкина к Чаадаеву, но не грешно привести их здесь еще раз: “Я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; как человек... — я оскорблен, но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков”.

мах". Самобытная православная цивилизация в глазах Чаадаева по-прежнему остается ненормальной, не имевшей по воле Провидения в прошлом истории, требующей в будущем модернизации на манер той, которую осуществил у себя цивилизованный Запад и начал осуществлять на родимой почве Петр Великий. Человечество имеет только одну историю, и она реализуется в единой цивилизации по европейскому образцу, где воля Бога наиболее адекватно понята католицизмом.

Методологические основы чаадаевской юриспруденции, почти ничем не отличающейся от декабристской, не позволили ему мыслить историю России и ее судьбы вне связи с Европой. Справедливости ради нужно сказать, что, лишая наше Отечество прошлого и настоящего, квалифицируя его историю по европейским стандартам как отсталость, называя ее пустыней, он пророчит России высокую миссию в будущем — "обучить Европу бесконечному множеству вещей, которые ей не понять, "как ни странно, без России". Аргумент же для подтверждения этой высокой миссии вполне в духе низкопоклонства перед Западом: "Таков будет логический результат нашего долгого одиночества: все великое приходило из Пустыни".

Последнюю фразу сегодня, после громадных успехов в изучении богатой истории России С.М. Соловьевым и его последователями, можно смело назвать русофобской, но в то время она, конечно, была извинительна для первого западника. Печальнее то, что, лишая Россию прошлого и настоящего и наделяя ее ролью "учителя Европы" в будущем, он не предлагает четкой юридической программы для этого, кроме отдельных красиво звучащих, но ничего не говорящих тезисов: "У меня есть глубокое убеждение, что мы призваны решить большую часть проблем социального порядка, завершить большую часть идей, возникших в старых обществах, ответить на важнейшие вопросы, какие занимают человечество". Этими "важнейшими" вопросами для Европы, олицетворяющей, по Чаадаеву, все человечество, стали вопросы "куска", капитала.

В этих условиях продолжать питать к Европе свои юношеские масонские иллюзии — значит впадать в ребячество и не видеть "слона" в "западном зоопарке". Его уже заметил тот же Пестель, когда писал о европейской "аристократии богатств", которая "гораздо вреднейшая аристократии феодальной".

Будущему спасителю цивилизованного Запада — русскому народу (здесь Чаадаев — провидец, достаточно взглянуть на историю умирающего в преддверии третьей мировой войны XX века) рекомендуется приобщиться как можно более полно к общечеловеческой культуре (читаем — европейской), не самоизолироваться, изжить "черты национального бахвальства" (читаем — патриотизма).

Англия для Чаадаева — "славный остров", ее любит "английский гражданин, гордый учреждениями и высокой цивилизацией своего славного острова". В России же любят свою страну, конечно, иначе, чем английский гражданин свою, "по-самоедски", так же как чукча любит "свои родные снега, которые сделали его близоруким, закопченную юрту, где он, скорчившись, проводит половину своей жизни, и прогорклый олениный жир; заражающий вокруг него воздух зловонием..." Дальше нет смысла цитировать первого русофоба, который кичился: "Я не научился любить свою родину с закрытыми глазами, с преклоненной головой, с замкнутыми устами. Я нахожу, что человек может быть полезен своей стране только в том случае, если ясно видит ее; я думаю, что время сле-

пых влюбленностей прошло, что теперь мы прежде всего обязаны родине истиной. Я люблю мое отечество, как Петр Великий научил меня любить его... Я полагаю, что мы пришли после других для того, чтобы делать лучше их, чтобы не впадать в их ошибки, в их заблуждения и суеверия”.

Субъективно так оно, возможно, и было: Чаадаев по-своему искренне любил Россию и желал ей добра, но у идей, имеющих юридическое значение, существует и своя собственная судьба, так называемая объективная сторона, когда идеи становятся полностью суверенными от ума своего создателя и живут в истории собственной жизнью. Отсюда — высокое значение и цена слова, имеющего гражданское звучание, и необходимость отвечать за него перед самим собой и перед судом истории. Недаром в русском правосознании укоренилась максима: “Слово — серебро, молчание — золото”, а наш настоящий пророк-баснописец Иван Андреевич Крылов, который борзописцу Чаадаеву не чета, советовал: “Великий человек лишь громок на делах и думает свою он думу без шуму”.

Важно различать Чаадаева и чаадаевщину, как Гегеля и гегельянство, Ленина и ленинизм, Горбачева и горбачевщину, Ельцина и ельцинизм и т.д. С объективной стороны парадоксальная, весьма противоречивая концепция Чаадаева, становясь чаадаевщиной в процессе преподавания им своих идей “с подвижной кафедры, которую он переносил из салона в салон” безгласной России, ориентировала правосознание светской молодежи на отказ от своего прошлого, на нигилизм в отношении к настоящему, на приношение в жертву первого и второго вне всякой преемственности к будущему. А будущее наше нацеливала на реализацию абстракции общечеловеческих ценностей, что в конечном счете превращало Россию в заложницу цивилизованной “старухи-процентщицы” (Достоевский) Европы, которая рано или поздно использует русских для решения своих социально-политических проблем.

Как бы споря с таким отношением к России, к ее прошлому, настоящему и будущему, Пушкин писал:

Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
На них основано от века,
По воле Бога самого,
Самостоянье человека,
Залог величия его.

Кстати, уже в то время сформировалась печально знаменитая доктрина Д. Монро в самой “демократической” тогда, да и сейчас стране Запада — США с ее циничным тезисом: “У Америки нет друзей, у нее есть лишь интересы”.

Чтобы окончательно поставить точку в оценке чаадаевщины, приведу еще несколько прекраснодушных маниловских фраз из “Апологии сумасшедшего”: “Любовь к родине разделяет народы, питает национальную ненависть и подчас одевает землю в траур; любовь к истине распространяет свет знания, создает духовные наслаждения, приближает людей к Божеству. Не через родину, а через истину ведет путь на небо”. Сказано громко, но в том же самом духе масонской утопии исправления человечества, где Родине уготована роль “козла отпущения”, — в духе, который так и не выветрился из седой головы Чаадаева вплоть до его смерти.

Эти глубокие строки Пушкина из стихотворения 1830 года, написанного по поводу польского восстания, можно смело отнести как к Чаадаеву и его сторонникам, так и ко всем либералам-западникам более поздних времен:

Ты просвещением свой разум осветил,
Ты правды чистый лик увидел,
И нежно чуждые народы возлюбил,
И мудро свой возненавидел.

Правда, некоторые ученые, например бывший до 1917 года либералом профессор-юрист Е.В. Спекторский, эмигрировавший в Европу и ставший там консерваторм, защитником национальных интересов Родины, но только досоветской, ушедшей в небытие после революции, доказывает, что на закате своей жизни Чаадаев стал православным философом, патриотом своей страны, "поверовавшим в высокое религиозное призвание России". Если это так, то Бог, возможно, и простит ему прижизненное невольное предательство юридических идеалов Родины-матери. Земной же суд истории не имеет сослагательного наклонения. И в памяти потомков Чаадаев был и останется тем, кто посеял в буйных головешках своих современников, еще не сформировавших зрелого национального правосознания, семена нигилизма и радикализма, которые так пышно взошли в России XX века, в том числе и в постсоветское время.

Герцен был прав, когда величал Чаадаева "декабристом без декабря", который "разбил лед 14 декабря", после чего "рабье молчание было нарушено". Вот только в каких целях разбил? Ведь хорошо известно, что молчание не доказывает присутствие ума, но доказывает отсутствие глупости. Одна голая, эффективная, во многом справедливая критика недостатков николаевской России без конструктивной юридической программы преобразований страны, да еще полностью жертвующая ее национальными интересами в угоду всемирного масонского братства, внесла смятение в умы тогдашнего поколения. Не отсюда ли идет череда анархизирующих фрондеров и "лишних людей"?

Почему же тогда выше я назвал Чаадаева "первым западником и первым славянофилом"? Дело в том, что до издания им своих писем не существовало ни западничества, ни славянофильства как юридических течений, Чаадаев — их "отец-основатель". Слушая прилежно салонные лекции маститого профессора, знакомого с легендарными "мучениками" — декабристами и друга самого Пушкина, неоперившиеся студенты, как водится, живо комментировали и развивали меж собой его мысль. Некоторые стали его восторженными поклонниками — это будущие западники. Другие, сомневаясь в аргументах учителя, стали в будущем славянофилами.

Заслуга Чаадаева перед юридической мыслью России не столько в ответах, сколько в постановке ребром ее насущных вопросов. В этой части Чаадаев вторит Карамзину, заставляя в дворянских салонах не болтать о "всякой всячине", а хоть немного задумываться о судьбах своей Родины и ее народа, их исконных юридических ценностях и будущих идеалах.

Западник **Тимофей Николаевич Грановский** (1813 — 1855) превратил кафедру всеобщей истории Московского университета в трибуну общественного протеста против самодержавия. Он родился в Орле в дворянской семье, окончил юридический факультет Петербургского университета (1835), стал профессором всеобщей истории Московского университета (1839 — 1855).

Показывая в лекциях закономерность и прогрессивность исторического процесса, Грановский подводил слушателей к выводу о преходящем характере крепостнических порядков, об их политической обреченности. Он был великолепным оратором, ученым, глубоко разрабатывавшим различные исторические проблемы, не забывая о важности историко-правового опыта для судеб русского народа. Яркие картины феодального быта Западной Европы, рассказы о тяжелой судьбе французских вилланов наталкивали слушателей на аналогию с русской крепостнической деревней.

Его органическая теория человечества трактовала развитие России как составную часть всемирной истории и была направлена против “квасного” патриотизма славянофилов и реакционных националистических построений немецких теоретиков, преувеличивавших роль “германского племени” в возрождении человечества.

Человечество есть единая семья, оно “одушевлено одним духом”, народы относятся к человечеству как индивиды к народу, они взаимосвязаны, происходит распространение “цивилизации” данного народа на другие народы так, что каждый из них вырабатывает непреходящие ценности. Результатом взаимодействия и борьбы народов является “смешение народностей и обмен их умственных сокровищ”. У людей есть общая цель — достижение общественных духовных и материальных благ, и, хотя “в человечестве... народы преходят”, “цель остается”. Достижения стареющего народа переходят к новому, молодому, который в свою очередь разовьет эти достижения и передаст историческую эстафету. Грановский подчеркивал, что если немцы исследовали вопрос о немецкой древности в духе “тевтономии”, то исследования русской древности послужили опорой панславизма и теории единения царя и народа.

В кружок западников входили также П.В. Анненков, В.П. Боткин, И.В. Вернадский, К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин. Они критиковали существующий общественно-политический строй, крепостное право и настаивали на реформах по западному образцу, считая целесообразным установление ограниченной монархии и введение гражданских свобод.

Наиболее известные представители славянофилов — А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, Ю.Ф. Самарин, К.С. Аксаков. Они спорили с западниками о путях отмены крепостного права, о том, какие политико-правовые институты лучше обеспечат народную свободу, какими путями России идти вперед. Ориентацию на западные ценности славянофилы решительно отвергали, доказывая, что у русского исторического развития свой, особый путь. Они восхваляли тишину и спокойствие православной Руси. Славянофилы противопоставляли исконное славянское общество и государство, считая последнее вторичным по отношению к жизни народа.

Эта позиция особенно ярко прослеживается в творчестве **Константина Сергеевича Аксакова** (1817 — 1860) — русского литератора и историка, сына известного писателя С.Т. Аксакова. В 15 лет он поступил в Московский университет на филологический факультет. Там сблизился с кружком Н.В. Станкевича, с которым были связаны многие известные русские деятели: Белинский, Боткин, А.И. Тургенев, Катков, Бакунин. После смерти Станкевича, а также идейных разногласий с Белинским Аксаков примкнул к кружку А.С. Хомякова и стал в 40 — 50-х годах одним из вождей славянофилов.

Поездка за границу, осуществленная Аксаковым в 1838 году, не произвела на него большого впечатления, он быстро вернулся в Россию под родительский кров. В 1841 году Аксаков защитил магистерскую диссертацию о Ломоносове. Она была готова гораздо раньше, но цензура заставила изменить некоторые оценки Петра I и его эпохи.

Государство, по теории Аксакова, есть воплощение “правды внешней”, “принудительного закона”. Оно противоречит самому духу русского народа и всего славянства в целом, изначально вследствие “племенных особенностей” готового для восприятия “великой правды православия”. Аксаков утверждал, что славянские племена сами “составить” государственное устройство “не могли по существу их, не могли и не хотели принести в жертву внешнему закону закон внутренних, не могли и не хотели обратиться сами из общины в государство...” И в то же время “правда внутренняя” могла развиваться только под опекой “правды внешней”. Поэтому русский народ “сознал и понял необходимость государственной власти на Земле и добровольно призвал ее извне” (Земля — одновременно синоним русского народа).

Норманнская теория позволила Аксакову увидеть в истории России две силы — Землю и Государство, находящиеся в “системе взаимного невмешательства”. Государство функционировало по своим законам “правды внешней”, ничем не нарушая внутренней жизни Земли, которая несла неизбежные государственные повинности, но зато имела возможность жить своей самобытной жизнью.

Аксаков абсолютно исключал вмешательство Государства в дела Земли. Земля же имела возможность оказывать определенное, хотя и чисто пассивное, влияние на Государство. “Самостоятельное отношение безвластного народа к полновластному государству, — писал он, — есть только одно: общественное мнение”. У Земли не было политических прав, но она оставила себе “неотъемлемое право духовной свободы, другими словами, свободы мысли и слова”. В истории Руси наиболее яркое проявление этой свободы Аксаков видел в земских соборах, которые государь созывал, когда находил нужным, и на которых Земля, т.е. народ, высказывала свои мнения, “не настаивая на их исполнении”.

В записке “О внутреннем состоянии России”, направленной Александру II, Аксаков утверждал, что реформы Петра I нарушили исконные взаимоотношения между государством и народом. “Государство, — писал он, — совершает переворот, разрывает союз с Землей и подчиняет ее себе, начиная новый порядок вещей”. Тем самым оно отвергло основной принцип своего существования в допетровской Руси, настойчиво вторгаясь во внутреннюю жизнь народа так, что довело народ до “животного состояния”, поставило его “в положение раба”. Необходимо восстановить “духовную гармонию” в России на основе формулы: “Правительству — право действия и, следовательно, закона; народу — сила мнения и, следовательно, слова”.

В выводах славянофилов важная роль принадлежала тезису об историческом праве крестьян на землю, из которого вытекали три положения: 1) о необходимости освобождения крестьян с землей; 2) о наличии двух взаимоограничивающих прав на землю — права владения землею, принадлежащей крестьянам, и права собственности на землю, принадлежащую помещикам; 3) о принадлежности верховного права собственности на землю Российскому государству.

По мнению славянофилов, прошлый уклад русской жизни отличался крепкими религиозно-нравственными устоями, на которых зиждилась не только личная, но и социально-политическая жизнь. Религиозно-нравственный закон, говорили они, и ныне составляет незыблемую основу и “живую душу” крестьянской общины. Ю.Ф. Самарин, споря с Чаадаевым, доказывал, что христианство именно в России нашло для себя благоприятную почву и что русская община, “просветлившись” религиозным сознанием, а именно православием, “стала как бы светскою, историческою стороною церкви”. Вся Россия изображалась славянофилами как одна грандиозная община, совокупность множества “миров”, откуда постоянно распространялись одинаковые понятия, убеждения, обычаи, заменяющие законы. В общинном начале они видели главный источник русской жизни. На его основе, по Хомякову, может развиваться целый гражданский мир.

Для объяснения происхождения государства в России славянофилы прибегали к доводам норманнской теории. Вслед за “норманистами” они доказывали, что государство в России образовалось не в результате закономерного развития общества, а вследствие добровольного договора о приглашении чужого племени извне. Пришельцы принесли готовый аппарат государственной власти, но русский народ остался чуждым его принципам. Между Русским государством и общиной, по мнению славянофилов, создаются особые отношения, при которых они существуют параллельно, сохраняя свою внутреннюю целостность и самобытность. Две силы в России, говорил К. Аксаков, два двигателя — Земля и Государство, где община (Земля) опирается на нравственный принцип, на “внутреннюю правду”, а Государство — на “внешний” и “формальный” закон. Преобладание “внешнего закона” в обществе над “внутренней правдой”, по мысли славянофилов, ослабляет нравственное достоинство человека и опустошает его “душу”. Этим характеризуется положение на Западе: там закон одержал победу над совестью, право — над правдой, форма — над свободой; там человек оказался перед опасностью потери истинно нравственного облика.

В России Государство не вмешивалось во внутренний мир Земли, точно так же как и Земля не претендовала на функции Государства. На Западе — внутренний раздор и борьба породили в низших классах стремление получить политические права, поставить себя на место государства. Но, по мнению славянофилов, народ не может и не должен “выйти из самого себя”, поставить себе задачу перейти в другую, принципиально иную, несвойственную и недоступную ему область государственности. “Огосударствление народа”, то есть стремление к демократическим и республиканским формам правления, где народ может оказывать влияние на политическую власть, славянофилы считали тягчайшим грехопадением.

Для славянофилов характерна идеализация Московской Руси XVII века, которая, по их мнению, представляла собой не что иное, как союз земледельческих общин с самодержавной властью царя (народная монархия). Идеальным государственным учреждением того времени, как они утверждали, был Земский Собор, в котором осуществлялось якобы единение царя с Землей.

Славянофилы стремились учесть интересы всех сословий русского общества: крестьянства, нарождающейся буржуазии и, конечно, помещиков, благосостояние которых должно было быть обеспечено и после крестьянской реформы. Они во многом удачно раскрыли слабые стороны западного либерализма, присущие ему противоречия и несправедливость.

Правомерно поставив вопрос о специфике развития России и о необходимости ее исследования, славянофилы относились к историческому прошлому нашей страны (в допетровские времена) не критически, их мечты возродить московскую систему, которая представлялась им идиллически, оказались пустыми. Отвергнув западный либерализм, они не смогли предложить реальных средств обуздания абсолютизма.

ЛЕКЦИЯ 6. **Народничество. А.И. Герцен**

Споры “друзей-врагов” западников и славянофилов в 40 — 50 годах привели к становлению крупнейшей ветви юриспруденции России XIX века — народничеству. Народничество становится ведущей в оппозиционной мысли в пореформенной России, пройдя ряд стадий своего развития. Первая — зарождение народничества, выработка его теоретического ядра — “русского социализма” — связана в основном с именем бывшего западника Александра Ивановича Герцена (1812 — 1870). Его наследию и будет посвящена эта лекция.

Вторая стадия — расцвет народничества — совпадает с эпохой подготовки и отмены крепостного права, эпохой “великих реформ” Александра II. Ее олицетворяют шестидесятники: Писарев, Добролюбов, Чернышевский.

Третья — революционное народничество 70-х годов, основными теоретиками которого были Бакунин, Лавров, Ткачев. После убийства народовольцами 1 марта 1881 г. императора наступает последняя, заключительная стадия эволюции народничества — либеральное народничество с его концепцией “малых дел”. Идеальным вождем либерального народничества стал Н.К. Михайловский.

К концу века становление России на капиталистический путь развития (“язва пролетариата” — А.И. Герцен) стало историческим фактом, поэтому народники были вынуждены либо переходить на позицию российской социал-демократии, как это сделал Г.В. Плеханов, либо в срочном порядке менять свои идейно-юридические флаги и ценности.

У народнической юриспруденции имеются общие черты и признаки. Главные из них — борьба с крепостным правом и его пережитками в социально-экономической сфере, борьба с самодержавием, с его мощным бюрократическим аппаратом. И это составляло отнюдь не исторический фон идей российских народников, а контекст всей их жизни и деятельности, пронизанной мыслями о воле крестьян, наделении их землей, уничтожении политического насилия. Одновременно это та эпоха, когда в странах Запада буржуазный строй уже обнаружил, что правовое равенство лишь прикрывает органические пороки капитализма: еще более изощренные формы эксплуатации трудящихся, пауперизацию масс населения, распространение морали чистогана и эгоизма.

Революции 1830 года во Франции и 1848 года в Западной Европе по-новому поставили вопросы о путях исторического развития России, широко дебатировавшиеся в кругах западников и славянофилов. А нельзя ли России миновать насыщенный кровавыми столкновениями путь развития, проделанный уже передовыми странами, но тем не менее не приведший — что становилось все очевиднее — к всеобщему благоденствию? Стоит ли повторять печальный опыт Запада? Нет ли иных, особых, соответствующих национальным традициям, внутренним условиям России путей к ее будущему? Поиск своего, третьего пути, в основе которого лежал бы синтез традиционных, самобытных черт с со-

циалистической идеей западных мыслителей, — существенная черта идеологии народников.

Сама попытка приложить к порядкам отсталой, полуазиатской, патриархально-крестьянской России социалистическую идею, конечно, была утопией. Но это была такая утопия, которая явилась идеологическим выражением интересов многомиллионного угнетенного российского крестьянства, его жажды радикального аграрного переворота, его стремления к ликвидации помещичьего землевладения. Это была такая форма “субъективного социализма”, которая оказалась идейным знаменем наиболее демократического направления освободительного движения. В народничестве ярко проявилось стремление связать вопрос о будущем социалистическом обществе с судьбами крестьянства, с ликвидацией крепостничества и самодержавия.

Идею освобождения крестьянства, идею борьбы за свободу человека, сковываемыми его бюрократическими цепями отечественные социалисты-народники пытались соединить, слить воедино с антибуржуазным юридическим идеалом, в соответствии с которым будет уничтожена власть частной собственности и обеспечено не формальное только, а фактическое социальное равенство людей.

Утопичность — другая специфическая черта народнического демократизма. Кризисные явления создавали наиболее благоприятную почву для распространения утопий, т.е. теорий, конструирующих идеальный государственный строй не на основе последовательного изучения реальных возможностей развития, а по принципу должностования: какой, с точки зрения автора, должна быть идеальная схема. Для России того периода утопическое сознание во многом закономерно. Утопии чаще возникают в условиях стагнации, окостенения, когда старый мир начинает гнить и давать трещины, но еще не видны реальные пути его переустройства.

Демократы выступали за уничтожение помещичьей собственности на землю, передачу земли крестьянскому миру. Свое понимание социализма они связывали с уравнительным распределением земли между мужиками. Такое понимание равенства отражало интересы крестьянства, направленные своим острием против помещичьего землевладения. Одновременно народники критиковали эксплуатацию человека человеком. Они идеализировали мелкое крестьянское и кустарное производство, представляя его особым, в корне отличным от капитализма “народным” строем. “Трудовое начало” мелкого крестьянского хозяйства представлялось им чем-то социалистическим, отрицающим отчуждение работника от средств производства.

Как видим, демократы поставили вопрос о некапиталистическом пути развития России к социализму, но в целом его решить не смогли. В действительности их стремление к “иному”, некапиталистическому пути развития России состояло в противоположении двух путей капиталистического развития — прусского и американского.

Народники были просветителями и гуманистами. Они выдвинули на первый план беспредельную веру в народ, народолюбие, особенно в форме “любви к мужику”, при этом фигура самого народника выглядела как фигура кающегося дворянина или разночинца, который осознал свою вину барства и всецело посвящает жизнь тому, чтобы загладить перед мужиком эту вину.

Родоначальником русского народничества, о чем уже сказано выше, стал Герцен после того, как он выехал в 1847 году во Францию, надеясь увидеть

осуществление тех идей, за которые боролся на Родине. Он хотел своими глазами наблюдать борьбу между трудом и капиталом, о которой прежде знал понаслышке. "Тогда я не знал Запада, то есть знал его книжно, теоретически, — вспоминал он впоследствии. — Я любил его со всей ненавистью к николаевскому самодержавию и петербургским порядкам". Вся русская история казалась ему "историей самодержавия и власти", а западная — "историей свободы и права".

Наблюдения конца 40-х годов быстро разочаровали Герцена: он убедился во всевластии денег, отсутствии элементарной социальной справедливости. В жизни европейских народов он не нашел ничего общего с теми идеалами, под знаменем которых совершилась Французская революция 1789 года. И эта действительность настолько потрясла его, что он стал сомневаться в возможности осуществления идеалов вообще. Руссо и его ученики, писал Герцен, верили в то, что их идеалы рано или поздно осуществляются, поэтому они шли против всего, что, по их мнению, тормозило претворение их идей в жизнь. Но если бы они жили сейчас, "им бы пришлось увидеть, что дело их не продвинулось ни на вершок, что их идеалы остались идеалами". Почему же, спрашивал он, мы должны верить в то, что наши идеалы осуществляются там, "где лежит необходимость, чтобы будущее разыгрывало нами придуманную программу?"

Герцен начинает понимать, что история развивается не по заданному плану, что воля одного человека очень мало значит для развития человечества в целом, если она не отражает объективной необходимости, если не соответствует интересам большинства. Особенно полно эти мысли Герцена выражены в первой главе "С того берега", написанной в декабре 1847 года. В ней Герцен доказывает, что будущее человечества зависит не от того, насколько правильно несколько человек поняли, куда движется история и куда она должна двигаться, а от того, насколько широкие массы поняли необходимость изменений. Если несколько социалистов понимают, что буржуазное государство скверно, мерзко, бесчеловечно, писал он, то это вовсе не служит гарантией того, что оно должно уступить место социалистическому обществу. Можно не признавать разумности буржуазных порядков, но от этого они не перестанут существовать. В нем созрела четкая методологическая установка — создавать картину будущей социалистической государственности конкретно-исторически, в тесной связи с движением широких народных масс.

Герцен стал очевидцем Февральской революции 1848 года и рождения Второй Французской республики; был свидетелем реакционных событий в западно-европейских странах — Франции после июньских расстрелов 1848 года и особенно после бонапартистского переворота 1852 года, Германии и Австрии после неудачных революций 1848 — 1849 гг. и даже Англии после поражения чартистов. Последствия этих событий лишь укрепили разочарование Герцена в европейских политико-юридических установках. Это разочарование стало его духовной драмой, которая была преодолена в теории русского крестьянского социализма. В сельской общине Герцен усмотрел, как ему казалось, реальный зародыш социалистического будущего. Он полагал, что "человек будущего в России — мужик, точно так же как во Франции — работник", и ставил в этой связи вопрос о возможности для России миновать буржуазную, "мещанскую" фазу развития.

С августа 1852 года Герцен живет в Лондоне. Здесь он основал (1853) Вольную русскую типографию для борьбы с крепостничеством и царизмом, издавал с 1855 года альманах "Полярная звезда", в 1857—1867 годах вместе с Огаревым выпускал первую русскую революционную газету "Колокол". Вскоре после крестьянской реформы 1861 года Герцен резко выступил в "Колоколе" против либерализма, опубликовал статьи, разоблачающие грабительский характер реформы, напечатал прокламации и другие документы революционного подполья. В период Польского восстания 1863 — 1864 годов, понимая обреченность движения, Герцен вместе с тем считал необходимым выступить в защиту Польши.

В произведениях 50 — 60-х годов "Былое и думы" (1852—1868), "Концы и начала" (1862—1863), "Письма к противнику" (1864) и др., уделяя особое внимание разработке проблем личности и государства, Герцен выступал последовательным критиком как буржуазного индивидуализма ("мещанства"), так и уравнилельных коммунистических утопий (Бабефа, Кабе и др.). Стремясь избежать крайностей фатализма и волюнтаризма, понять историю как "свободное и необходимое дело" человека, Герцен развивает идею единства среды и личности, исторических обстоятельств и человеческой воли.

Пересматривая свое прежнее понимание перспектив развития Европы, он вновь ставит вопрос "о современной борьбе капитала с работой". Теоретическим завещанием Герцена стала последняя его работа — "К старому товарищу" (1869), в которой, адресуясь к М.А. Бакунину, он осуждает крайне экстремистские призывы к немедленному социальному перевороту, уничтожению государства, требование не "учить народ", а "бунтовать его".

В последние годы жизни, разойдясь по ряду вопросов с молодой революционной эмиграцией, Герцен жил в разных городах Европы. Умер он 9(21) января 1870 г. в Париже, похоронен на кладбище Пер-Лашез. Впоследствии прах его был перевезен в Ниццу.

Цельной теории государства и права у Герцена нет. Он был прежде всего публицист и не считал себя ученым-политиком, заявляя о своем просветительстве. Поэтому нам придется по крупицам создавать картину юридического наследия первого вождя народников.

Происхождение государства Герцен объяснял в духе договорной теории и выводил его из необходимости сохранять общественную безопасность. Такая необходимость возникает во всяком "человеческом сожитии, принимающем значительные размеры". Следует отметить, что, оставаясь на позициях договорной теории, Герцен вплотную подошел к пониманию того факта, что возникающие государства служат не общему благу, а задачам социального угнетения. Он справедливо полагал, что появление государства по времени совпадает с развитием рабовладельческих отношений. "Рабством, собственно, началось государство", — отмечал он.

Описывая возникновение государства, он рисовал далеко не идиллическую картину. "Люди отдают долю своего достоинства и своей воли, подчиняясь всякого рода властям и требованиям, вооружают целые толпы туенядцев, строят суды и стращают виселицей, строят церкви и стращают адом. Словом, делают все так, чтобы, куда человек ни обернулся, перед его глазами был бы или палач земной, или палач небесный". Герцен видел в государстве форму без определенного содержания, способную "постоянно изменяться с обстоятельствами и при-

лаживаться к потребностям". Четких характеристик сущности государства он не дает. Государство "служит одинаково реакции и революции, тому, с чьей стороны сила". Комитет общественного спасения разрушал монархию, революционер Дантон был министром юстиции, самодержавный царь стал инициатором освобождения крестьян. "Этой государственной силой хотел воспользоваться Лассаль для введения социального устройства. Для чего же ломать мельницу, когда ее жернова могут молоть и нашу муку?"

Взгляд на государство как на нечто второстепенное по отношению к экономике и культуре общества в рассуждениях Герцена направлен против анархизма Бакунина, считавшего первостепенной задачей социальной революции разрушение государства. "Экономический переворот, — возражал ему Герцен, — имеет необъятное преимущество перед всеми религиозными и политическими революциями". Государство, как и рабство, идет к свободе, к самоуничтожению, однако государство "нельзя сбросить с себя, как грязное рубище, до известного возраста".

В такой постановке вопроса проявились одновременно и слабость, и сила юриспруденции Герцена. С одной стороны, представление о государстве как форме без определенного содержания неоднократно толкало его на апелляцию к верхам, порождало надежды на реформы сверху; с другой — эта же постановка вопроса позволила ему преодолеть влияние Бакунина и увидеть в государстве мощное средство будущих глубоких преобразований. В полемике с Бакуниным у Герцена читаем: "Из того, что государство — форма преходящая, не следует, что это форма уже прошедшая. С какого народа, в самом деле, может быть снята государственная опека, как лишняя перевязка, без раскрытия таких артерий и внутренностей, которые теперь наделают страшных бедствий, а потом спадут сами?" Представляя себе социализм как общество без государства, Герцен в то же время не требовал ликвидации государства сразу же после победы революции, отрицал "скорую неминуемость безгосударственного устройства".

Сомневаясь в выводах народников-анархистов, он справедливо вопрошает: "Будто какой-нибудь народ может безнаказанно начать такой опыт, окруженный другими народами, страстно держащимися за государство, как Франция, Пруссия и проч. Можно ли говорить о скорой неминуемости безгосударственного устройства, когда уничтожение постоянных войск и обезоружение составляют дальние идеалы? И что значит отрицать государство, когда главное условие выхода из него — совершеннолетие большинства?"

Вместе с тем реалистический анализ политических событий, особенно революции 1848 года, очевидцем которой стал Герцен, позволил ему быстро преодолеть идеализацию западных юридических институтов, иллюзий "надклассового" демократизма и увидеть в европейских государствах силу, стоящую на страже основных интересов буржуазии. Государство на Западе служит буржуазии, которая полностью господствует в мире капитала. Герцен указывал не только на сосредоточение всех богатств, нравственных и вещественных, в руках среднего сословия, но и на то, что "оно захватило в свои руки церковь и правительство, машины и школы, что ему повинуются войска, что в его пользу судят судьи".

Буржуазии государство необходимо не ради внешнего могущества и блеска, а для поддержания коммерческих дел. "Буржуазия управляет, но не царствует".

В такой ситуации любое правительство является у нее “приказчиком”, при помощи которого “эксплуатация пролетариата была приведена в систему, окружена всей правительственной силой; нажива делалась страстью, религией; жизнь сведена на средство чеканить монету, государство, суд, войско — на средство беречь собственность”.

Хотя республиканское устройство имеет, по мнению Герцена, определенные преимущества перед монархическим, однако и республика не отменяет угнетения трудового народа, господства капитала и не гарантирует трудящимся полного освобождения. Поэтому буржуазная республика во многом “формальная”, где свободы носят мнимый характер, поскольку массы не могут воспользоваться ими из-за своей материальной необеспеченности. “Неприкосновенность личности разбивалась об абсолютное покровительство собственности государством. Право человека разбивалось о римское право”. Нет равенства при неравенстве развития между верхами, залитыми светом, и массами, погрязшими во мраке. Нет братства между хозяином, перед которым открыто “употребление и злоупотребление” своим имуществом, и рабочим, который сам является объектом “употребления и злоупотребления”, ибо ничего не имеет.

Любое государство на Западе несовместимо с понятием свободы, равенства и братства, поскольку “всякое осуществление этих идей будет отрицанием современной европейской жизни”. Герцен резко критиковал парламентаризм, вскрывая закулисные махинации, угрозы, подкуп и другие формы давления на избирателей. Он считал, что подлинное освобождение трудящихся масс невозможно в условиях как государственных порядков, существовавших в России, так и тех, которые были установлены буржуазными революциями на Западе. И те и другие государственные порядки основаны на монархическом принципе, суть которого заключается в отрыве государственной власти от народа, в противопоставлении ее как какого-то высшего начала народу.

Герцен полагал, что лживость и ограниченность буржуазной демократии присущи не только “мещанской” Европе, но и США. Он решительно отвергал легенду о демократии и свободе в Америке, о якобы социалистическом характере ее развития и указывал на бесправие народа, прикрытое личиной демократических свобод. “В Северо-Американских штатах перехватывают письма и журналы, секут граждан на площадях и продают с аукциона вольных негров”. Герцен разоблачал американских рабовладельцев, хвастающихся своей демократией, и подчеркивал, что своим открытым цинизмом “свободная” Америка превосходит самодержавную Россию. За вывеской американского демократизма скрываются господство насилия, культ наживы, произвол капитала, бесправие черных и белых рабов.

Неприятие результатов политических революций на Западе и их правовых форм сделало Герцена сторонником новой революции, социалистом, глубоко убежденным в том, что только уничтожение экономического неравенства приведет к установлению справедливого общества. Смена правительств, политические преобразования без экономических не изменяют жизни народных масс и поэтому бесплодны.

Возможна ли социальная революция на Западе? По мнению Герцена, невозможно. Любая насильственная революция, а в Европе она может быть лишь политической, независимо от результатов принципиально не может приблизить к социализму. Победивший социализм непременно опять превратится в тривиаль-

ное буржуазное общество, так как "передовые демократии" Европы превратятся в бюрократические государства, жертвующие интересами личности в интересах организованного "социального муравейника". Рационализированный экономический строй, рождающийся там, опирается на мертвенную, "китайскую" стабильность. Буржуазный порядок, раз он уже установился, неизменен.

Западные социалисты, отрицающие институты буржуазной государственности — армию, церковь, бюрократию, — борются с миражами. Эти институты невозможно уничтожить, они неизбежны. Предлагаемые же ими идеи коллективной собственности и общественной солидарности нереальны, поскольку весьма неопределенны. Старый порядок коренится прежде всего в признании его, в сознании, в психике, а уж затем в поддерживающей его материальной силе. Поэтому новый порядок, приходящий ему на смену, должен учитывать все это, сохраняя большинство жизнеспособных элементов старого.

Трагедия сторонников социализма на Западе заключается в том, что их поиски методов преобразования только усиливают и делают особенно отталкивающими психологические черты той самой буржуазности, с которой они борются. В этой борьбе, полагает Герцен, по одну сторону баррикад стоит буржуазия, владеющая собственностью и отказывающаяся делиться своими монопольными правами с кем-либо. Но и по другую сторону — тоже буржуазия, только собственности не имеющая и желающая отобрать ее у первой. На одной стороне — скупость, на другой — зависть. Каждый раз, когда к власти приходит оппозиция, она приобретает деньги и должности; завистники превращаются в скупых. Круг замыкается, и все начинается сначала.

Европейский социализм Герцен оценивал как симптом упадка жизненных сил и политической инициативы в Европе, связанного с "обуржуазиванием" системы ценностей. Буржуазная мысль проникала глубоко в низшие слои населения, на помощь которых при совершении социалистического переворота рассчитывают сторонники социализма.

Герцен не верил в западную социалистическую перспективу, так как на всем европейском, считал он, лежат две глубокие черты, явно идущие из-за прилавка: с одной стороны, лицемерие и скрытность, с другой — показуха. Продать товар лицом, купить за полцены, выдать дрянь за дело, форму за сущность, казаться вместо того, чтобы быть. Парламентаризм рассматривается им как фикция, позволяющая политическим партиям создавать видимость социальной активности и извлекать из этого личные выгоды. Протестантизм оценивается как идеологическое примирение христианства с этикой лавочника и ростовщика. "Народы, как царские дома перед падением, тупеют, — говорит Герцен. — Мещанская Европа изживает себя в сумерках тупоумия, в злых чувствах без убеждений... Слабые, хилые, глупые поколения потянутся как-нибудь до взрыва, до той или другой лавы, которая их покроет каменным покрывалом и предаст забвению летописей". И тогда молодое, неустроенное, но здоровое варварство заменит варварство старческое. Кто придет на смену?

Западники, начиная с Чаадаева, уже обратили внимание на молодую провинциальную Америку — страну находящуюся в благоприятных условиях, не знавшую ни французских войн, ни английского обычного права, не вступившую еще на путь межклассовой борьбы. Она имеет все, о чем мечтала Европа, — федерацию, республику, демократию. Но, считает Герцен, страна, свободная от вмешательства собственного правительства, подпадает под власть другой

силы — толпы. Динамичная и инициативная, лишенная европейской бюрократии, Америка все же не обладает притягательной силой для других народов. Довольство и озабоченность исключительно материальными вопросами не могут сделать Америку образцом для народов, ищущих духовное обновление.

И тогда приходит черед России. Преимущество России в том, что ей нечего терять, нечего охранять. Герцен пишет: “В отношении к идее ближнего будущего мы поставлены свободнее Запада. Мы в некоторых вопросах потому дальше Европы, свободнее ее, что так отстали от нее. Европа идет ко дну оттого, что не может отделаться от своего груза: в нем бездна драгоценностей, набранных в дальнем опасном плаваньи. У нас это — искусственный балласт, за борт его — и на всех парусах в широкое море!” В этой ситуации идея социализма может приобрести положительное значение. Герцен полагает, что она внутренне присуща сельской общине и рабочей артели в России, кроме того, она привлечет к работе по обновлению страны западнически настроенную интеллигенцию. Это будет гуманный социализм, а не идеал технократического общества.

Начинать же преобразования необходимо с отмены крепостного права. Герцен писал, что вопрос об освобождении крестьян “неразрешим ни с точки зрения петербургского правительства, развившего зло и воспользовавшегося им, ни с точки зрения того либерализма, в основе которого лежит религия собственности, безусловное и неисторгаемое признание ее вовеки нерушимой”. Он последовательно отстаивал интересы крестьян, борясь за ликвидацию помещичьего землевладения, за полную передачу земли крестьянам, выступал против постепенности в освобождении крестьян, за волю сразу, без переходных стадий.

Такое освобождение на основе крестьянского “права на землю”, общинного владения землей будет началом “великого экономического переворота, в который Россия вступает”, началом перехода к социалистическому обществу. Герцен видел в русской общине предпосылку преобразования общества на социалистических началах, так как она ограждает русского крестьянина от нужды, “язвы пролетариата”, произвола государства. “Итак, — заявлял он, — элементы, вносимые русским крестьянским миром... состоят из трех начал, из: 1) права каждого на землю; 2) общинного владения ею; 3) мирского управления. На этих началах, и только на них, может развиваться будущая Русь”.

Экономический переворот необходимо дополнить политическим, в результате которого в России после свержения самодержавия установится демократия, народная власть. “Сохранить общину и освободить личность, распространить сельское и волостное самоуправление на города, на государство в целом, поддерживая при этом национальное единство, развить частные интересы и сохранить неделимость земли — вот основной вопрос русской революции — тот самый, что и вопрос о великом социальном освобождении, несовершенные решения которого так волнуют западные умы”.

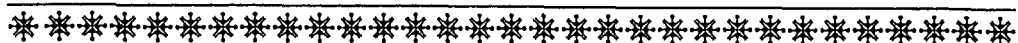
Демократическая, народная власть будет иметь форму социальной республики, отличной как от монархии, так и от политических республик. Коренное отличие социальной республики от других форм государства — в преодолении отчуждения человека от власти в процессе управления. Это антипод “безнравственного монархического принципа, который основывается на священном неприкосновенном авторитете иерархии” и подавлении личности, на антагонизме между правительством и народом, на религии.

Социальная республика имеет следующие признаки: самоуправление народа; свободная артель людей — основная ячейка общества; уничтожение всякого иерархического авторитета, убивающего “независимость разума”; самобытность и свобода всех людей; уничтожение власти религии (религией общества становится сам человек); высокие нравственные начала, обусловленные общежитием свободных людей.

Герцен допускает, что в будущей республике представительная демократия сохранится, но депутаты и поверенные не могут “представлять верховной власти, они творят волю пославших, они не выше народа, над головою свободных людей ничего нет”. Завершая свои размышления, он утверждает: “Управление в республике — это волостное правление, народная контора, канцелярия общественных дел, регистратура народной власти, полицейский порядок, исполнение...”

Форма государственного устройства социальной республики — федерация с единым центральным правительством, в рамках которой будет осуществляться самоуправление общин, уездов и областей. Федеральное правительство должно состоять из выборных министров во главе с президентом, в свою очередь выбираемым министрами.

Герцен учитывал многонациональную природу российской государственности и последовательно выступал за дружбу народов, их совместную борьбу против социального и национального гнета, за отстаивание права наций на самоопределение и создание самостоятельного государства.

РАЗДЕЛ IV

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ

ЛЕКЦИЯ 1. Общая характеристика. Русский консерватизм

Юриспруденция пореформенной России хронологически развивается во второй половине XIX века, являясь логико-правовым отражением отечественной истории этого периода. Условно ее эволюцию можно разделить на два этапа — до и после 1 марта 1881 года — дня гибели Александра II от рук народовольцев.

Для нее типична идейно-юридическая полемика русских мыслителей при подготовке и проведении “великих реформ”, связанных с отменой крепостного права и постепенным переходом от дворянской монархии к буржуазной. Основные темы сложились под влиянием судьбоносных для России событий. Прежде всего, это Крымская война 1853 — 1856 годов, вскрывшая многочисленные недостатки, даже гнилость дворянско-абсолютистского государства, поставившая его перед необходимостью модернизации.

Много споров вызвала крестьянская реформа. В 1859 — 1861 годы в стране сложилась революционная ситуация: число выступлений крестьян против помещиков росло с каждым днем. Крестьянские бунты заставили императора признать, что лучше освободить сверху, чем ждать, пока свергнут снизу.

В 1857 году был организован Особый комитет по крестьянскому делу, который в принципе признал необходимость освобождения крестьян, но освобождения постепенного. Наряду с этим правительство разрешило ставить вопрос о крестьянской реформе и на местах. В том же 1857 году на имя виленского генерал-губернатора последовал рескрипт об открытии в подчиненных ему губерниях особых комитетов для улучшения быта крестьян, после чего правительство дало всем губернаторам предписание начать обсуждение вопроса об улучшении быта крестьян, если помещики этого пожелают. В ряде губерний были учреждены губернские комитеты. Проекты из этих комитетов поступали в главный комитет, выделивший для их рассмотрения редакционные комиссии. В сентябре 1860 года эти комиссии закончили свою работу и приступили к составлению Общего положения о крестьянах, которое было окончательно утверждено Александром II 19 февраля 1861 года. Отмена крепостного права объявлялась в особом манифесте.

Затем был проведен ряд других реформ, относящихся к управлению, суду, финансам. Первой такой реформой была земская реформа 1864 года. Дополнением к ней явилась городская реформа 1870 года. В 1864 году была проведена судебная реформа, а в 1874 году — военная.

И Крымская война, и череда реформ бурно обсуждались в русском обществе, кружках и салонах, на страницах книг и журналов. Анализ этих событий привел к ревизии теории официальной народности и к тому, что на ее основе начал складываться молодой русский консерватизм. Первым его течением стал реформистский консерватизм, представленный самим Александром II и его ближайшим окружением (Погодин, Катков и др.). Со временем, по мере усиления борьбы правительства с революционным движением, неудовлетворенности теми результатами, которые дали реформы, и после нескольких покушений на императора это течение отходило на задний план, уступая инициативу этатистскому консерватизму. Окончательно последний утвердился после убийства императора 1 марта 1881 г., когда правительство официально отказалось от курса реформ и стало проводить контрреформы. Идейным вождем этатистского консерватизма стал К.П. Победоносцев, о юриспруденции которого лекция впереди.

Борьба мнений о Крымской войне привела к дальнейшему идейному размежеванию в стане оппозиции. Ранние либералы, "друзья-враги" западники и славянофилы окончательно порвали друг с другом. Западники желали поражения России в войне, чтобы ускорить вожделенные реформы на европейский манер. Славянофилы же стали еще большими патриотами, сотнями записывались в народное ополчение, стремясь к победе России. Теоретически их пыл выразился в полном разочаровании в западных юридических ценностях, поддержке с позиций панславизма борьбы с Европой и поддержке тех реформ, которые проводил "царь-освободитель". В конечном счете это привело их в лагерь консерваторов, где поздние славянофилы сформировали оппозиционное, но вполне лояльное к правительству почвенническое течение, не подвергающее сомнениям традиционные юридические ценности России. Почти рядом с этим течением, тоже консервативная в своей основе, выстроилась теософская концепция Вл. Соловьева, уже протягивающая руку "серебряному веку" русской юриспруденции начала XX века.

Крестьянская реформа и ее результаты привели к расколу в среде и самих западников-либералов. От них отделились народники, И до реформы дворянская революционность эпизодически перерастала в революционную демократию в лице Белинского, Бакунина, Герцена. Однако в 60-е годы народничество становится свершившимся фактом, самостоятельно оформляется идейно и организационно как движение шестидесятников, признанными вождями которого стали Чернышевский, Добролюбов, Писарев.

В свою очередь русский либерализм также не был единым. До 1881 года существовало два его крыла — этатистский (кружковый) либерализм и правительственный (сановный) либерализм. Первый — порождение дум и чаяний отечественной профессуры и салонных разговоров праздных дворян и богатых купцов. Кстати, в этом течении особенно много представлено ученых-юристов (Кавелин, Чичерин, Градовский, Кони и др.). Второй — плод либеральной фронды русских сановников, занимавших высокие посты в правительстве (братья Милютины, Валуев, Лорис-Меликов и др.).

С конца 70-х годов эти течения русского либерализма утрачивают свое значение в отечественной юриспруденции. Контрреформы Александра III поставили точку на либеральных мечтаниях и прожектах членов правительства. Этатистский же либерализм, видя тщетность своих надежд на "просвещенное" правительство и "царя-революционера", постепенно меняет свои идейно-юридические

ориентир, дрейфуя в направлении земского либерализма. Благо земская реформа немного расширила весьма узкую социальную базу для либеральных идей и оставляла либералам надежду увенчать со временем здание местного самоуправления "крышей" — общероссийским представительным органом на основе выборов от земств.

Что касается народничества, то оно тоже в пореформенную эпоху не было однородным, хотя уровень идейной сплоченности среди демократов был на порядок выше, чем у консерваторов и либералов. Сказалась обстановка постоянной травли и преследований народников со стороны полицейского государства. Вся пореформенная эпоха пестрит непрекращающимися судебными процессами над ними. Отсюда и постепенная радикализация этого направления в отечественной юриспруденции.

В 60-е годы сложилось народническое течение шестидесятников, которое если и звало к топору, то только в самом крайнем случае, если царь не прислушается к голосу мужика и не проведет реформы с учетом интересов широких масс народа. В нашей литературе в последнее время справедливо пишут, что вождь шестидесятников Чернышевский был скорее просветитель, чем революционер, который не раз указывал демократической молодежи на бессмысленность и жестокость русского бунта. Реформистский путь преобразований России для него был предпочтительней и продуктивней. Насилие, на его взгляд, откуда бы оно ни исходило, заведет Россию в исторический тупик.

Реальность же была такова, что правительство усмотрело в народниках своих заклятых врагов, обрушило на их молодые головы вал репрессий, как бы вынуждая их на ответные меры. Над самим Чернышевским был инспирирован судебный процесс, в основе которого лежали ложные обвинения в государственной измене. Все это, а также очевидный провал как крестьянской, так и других реформ, учитывающих в основном интересы лишь господствующего класса и ставящих страну на особенно трудный и болезненный прусский путь развития, заставили вождей народничества переоценить свой идеологический арсенал в сторону радикализации.

В 70-х годах возникло революционное народничество в лице Бакунина, Лаврова, Ткачева. Эти мыслители отказались от просветительских планов и стали на позиции революционных мер в преобразовании страны. Но и революционные народники зачастую признавали насилие как крайнюю, вынужденную меру, а революцию мыслили не столько как политическую, сколько социальную, которая будет осуществлена самим народом с наименьшими противоправными издержками.

После убийства Александра II народники-революционеры, подавленные жесткими карательными мерами и малой эффективностью своего дела, прекращают террористическую деятельность. Одни из них обращают взгляды на русского рабочего и с ним связывают свои надежды в борьбе с царизмом за интересы демократии, формируя, по существу, новое направление политико-правовой мысли — русский марксизм (Плеханов, Засулич, Ленин). Другие начинают легальную борьбу за народные интересы в рамках либерального народничества (Михайловский, Даниэльсон, Воронцов).

Дав краткий обзор основных направлений пореформенной юриспруденции, дальнейший их анализ проведем на примере углубленной характеристики русского консерватизма, памятуя о том, что он в то время был господствующей идеологией и диктовал свои выводы не только царю и правительству, роль которых

в России всегда была главенствующей при выборе тех или иных политико-юридических решений, но и оппозиционным силам.

Пореформенный консерватизм имеет тесную преемственную связь с идеологами легитимной монархии Карамзиным и Сперанским. Их тезисы, а также основные постулаты теории официальной народности были тем фундаментом, на котором возводилось здание консервативной юриспруденции. Ее социальной базой были дворянство, духовенство, чиновничество. Но не только. Консервативные идеи были привлекательны и для других, тогда политически бесправных слоев: крестьянства, мещан, купцов, монархически настроенной интеллигенции. В России всегда была сильна относительная самостоятельность государства. Ее особую национальную миссию в тесной связи с интересами всего русского народа описывали ученые-консерваторы. Русская монархия нравилась многим, вызывала в душах живой отклик на фоне вековой патриархальной веры в доброго царя, народного защитника от притеснений лихоимцев в лице помещиков и должностных лиц госаппарата.

Вместе с тем нужно прямо сказать, что в пореформенную эпоху произошло сужение социальной базы консерваторов из-за ухудшения положения как крестьянства, так и дворянства. Великий русский поэт Некрасов верно оценивал результаты реформ: они ударили "одним концом по барину, другим по мужику". Началась перманентная маргинализация населения традиционной России.

Сужение массовой опоры консервативной мысли сделало ее мобильнее, боевее. Ее представителям пришлось вести в условиях провозглашенной гласности открытую и жесткую идейную борьбу. Споря, консерваторы иногда вынуждены были и соглашаться со своими оппонентами, заимствуя от них некоторые принципы, черты, идеи. В спорах, как известно, рождается истина. Труды консерваторов становились научнее, аргументированнее, строже. Они пестрят выдержками из писаний славянофилов, либералов и даже революционных демократов, так что нынешнему читателю порой трудно без специальной подготовки и усилий увидеть грань между консерватором Погодиным и славянофилом Аксаковым, либералом Чичериним и консерватором Катковым. Даже грань между демократом Герценом и первым дворянином России Александром II на отдельных стадиях подготовки крестьянской реформы становилась невидимой из-за яркого употребления таких тезисов, как "самодержавная революция", восшествие на престол не просто царя, а "царя-революционера" и т.д. Или, например, идея о "надклассовости" самодержавия у консерваторов и бланкиста Ткачева.

Отход от прежнего монолита теории официальной народности, взаимодействие и борьба с другими направлениями отечественной юриспруденции обусловили характерную именно для того времени дифференциацию охранительного правосознания. Ее диапазон прекрасно иллюстрируется сопоставлением взглядов "апостолов" консерватизма. Если Каткову в конце его творчества недостаточно последовательными и твердыми в своей приверженности к самодержавию казались даже Победоносцев и граф Д. Толстой, то К. Леонтьев (жаждавший "подморозить" Россию, чтобы уберечь ее от распада, "высворить" народ по типу собачьей своры) воспринимал непоследовательным и жалким самого Каткова с его "умеренным европеизмом". Сформировалось, как минимум, три ветви русского консерватизма: реформистский вариант Александра II, Погодина (в историко-политических письмах после Крымской войны), раннего Каткова; этатистский — в деятельности Александра III и его духовного наставника Победо-

носуева; почвеннический — Данилевского, Леонтьева, Достоевского. Теософский вариант консерватизма, который весьма трудно отнести к какой-либо из вышеперечисленных ветвей, представлен в теократии Вл. Соловьева.

Программным законодательным документом русского консерватизма является “Положение о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости” (1861). В нем представлена типичная идея консерваторов о монархии как силе, возвышающейся над обществом и пекущейся с одинаковым усердием о всех верноподданных. Обращает на себя внимание, в частности, что начальные строки Манифеста от 19 февраля 1861 г. содержали назидательные слова о том, что сердцу царя близки люди “всякого звания и состояния” и монаршие любовь и попечение не делают различия между “благородным”, владеющим мечом, и человеком, “скромно работающим ремесленным орудием”, между проходящим “высшую службу государственную”, и лицом, проводящим “на поле борозду сохою или плутом”. Вместе с тем Манифест не упустил удобного случая для напоминания о “бескорыстии” дворянства, охотно будто откликнувшегося на призыв, исходящий с высоты престола, и “добровольно” отказавшегося от крепостных прав, показав тем самым свою готовность к “пожертвованиям на пользу Отечества”. Бросается, между прочим, в глаза и то, что словам Манифеста о важности “взаимного доверия” сопутствует полное глубокого смысла указание о незыблемости закона, строго обязывающего “всякую душу повиноваться властям предержащим”.

Хотя консервативная юриспруденция ориентируется на прошедшее и идейно стремится к нему, она много думает в пореформенную эпоху о будущем, правда, с тем чтобы сохранить существующее положение вещей. Она не против реформ, изменений, социальных компромиссов, уступок в форме, во второстепенном с целью защитить status quo, наличные политико-правовые порядки.

На содержание охранительной мысли, как ни странно, большое влияние оказали либеральные и демократические идеи. Более того, консерватизм — это реакция на рост их популярности. Особенно много спорили защитники российских традиций с теорией народного суверенитета, с нигилистами, которые ставили под сомнение исторически образовавшиеся в стране политико-правовые институты и готовы были их отбросить или разрушить, если они не совпадали с их утилитарно-материалистическими и социалистическими представлениями. Поскольку нигилист не только спорил, но и делал, т.е. активно участвовал в революционной борьбе с самодержавием, постольку эта фигура для консерваторов олицетворяла собой все зло и произвол европейской юридической культуры вообще и русского западничества в частности. В целом русский консерватизм после 1860 года можно смело назвать теорией антинигилизма, где создана альтернатива страшному призраку “нового человека” Чернышевского, представленного преобразующемуся русскому обществу.

В теории познания государства и права консерваторы питают отвращение к абстракциям в виде прав человека и правового государства, критикуют рационалистическую и материалистическую линии в юриспруденции. Они согласились бы с Гете, что жизнь соответствует теории так же, как человеческое тело — распятию, всегда помня его тезис против схоластики: “Суха теория, мой друг, но древо жизни зеленеет!”

Успехи науки охранители не отрицают, как и нигилисты, но акцент при анализе юридических проблем делают на достижениях биологии (учение Дарвина и

др.), используя ее язык для анализа государства и права, так же как их оппоненты используют для этой цели язык точных наук — механики, математики.

В гносеологии консерваторы стоят нередко на мистических, иррационалистических позициях отечественного православия, отдают предпочтение тому, что Катков назвал “живым знанием”, перед разумом. Их не устраивает даже рационализм Гегеля, который доказывает расхождение теории и практики, что стало причиной революционно-демократических исканий среди молодого поколения русской интеллигенции.

“Абстракции” привели к резкой пропасти между образованными классами и народом. Но человек будет созидать, а не разрушать, когда у него возникнет тесная связь с народом как залог полноценной творческой жизни. Поэтому консерваторы преобразовали и дополнили принцип народности принципом почвы в значении: земля-кормилица, земля-матушка. По словам Аксакова, “вне народной почвы нет основы, вне народного нет ничего реального, жизненного, и всякая мысль благая, всякое учреждение, не связавшиеся корнями с исторической почвой народной или не выросшие из нее органически, не дают плода и обращаются в ветошь”. Или, как утверждает в своей сильной рецензии на тургеневских “Отцов и детей” Катков, пытаясь вскрыть причины появления на свет такого героя, как Базаров, и одновременно полемизируя с рационалистической трактовкой человека в естественно-правовой концепции, “человека в отдельности нет, человек везде есть часть какой-нибудь живой связи, какой-нибудь общественной организации... Человек, взятый отдельно от среды, есть не более как фикция или отвлеченность. Его нравственная и умственная организация или, говоря вообще, его понятия только тогда действительны в нем, когда он преднаходит их как организующие силы среды, в которой привелось ему жить и мыслить”.

Для консерваторов борьба революционеров за преобразование государства и права по отвлеченным схемам — это не только самонадеянность или наглая гордыня (греховные страсти, по православию), как таковая всегда обреченная на поражение, — это разрыв всех связей с источником созидания — Богом, дело антихриста. Это хуже, чем безумие, это духовная смерть. По Достоевскому, западное образование неизбежно ведет русского человека к преступлению. Он считает, что Грановский и Белинский породили Нечаева, и поэтому в “Бесах” проводит аналогию между Грановским и отцом сбитого с толку террориста.

Консерваторы отвергали с неистовой страстью взгляд части народников на интеллигента (“критически мыслящую личность”) как на главную движущую силу истории. Большинство из них не были согласны с тезисом о том, что человек сам творит свою историю. Творцом истории у консерваторов выступает Бог.

Консерваторы тоже призывали интеллигенцию “идти в народ”. Но в их устах этот лозунг имел совсем не то значение, которое придавали ему народники. У консерваторов этот призыв не подразумевал просвещения и подъема масс до уровня интеллигенции; имелось в виду слияние, единство образованных людей с народом, отказ от интеллектуальной самоуверенности (гордыни) ради нравственного смирения. Первостепенным долгом интеллигенции является обретение ею утерянной почвы; надо идти в народ, но не в том буквальном смысле, в каком за это ратовали Бакунин с Лавровым, а в духовном, как призывали ранние славянофилы. Интеллигенция должна погрузиться в народную толщу и

стремиться к растворению в ней. Более того, интеллигенция есть отравя в теле России, и единственным противоядием от нее является "народность".

Идея народа, простого, необразованного, но пронесшего через века свою духовную чистоту, исповедующего христианство в православной форме, а значит, также пронесшего через века заповеди Христа в их первоначальной чистоте, без всяких реформаций и субъективных наслоений, — эта идея становится ведущей у консерваторов. Они поглощены идеей народа в такой же мере, как народники — идеей интеллигенции.

Однако не все консерваторы разделяли наивное восхищение мужиком. Для некоторых величие мужика было только потенциальным. Сказанное относится к Самарину и более всего к Ивану Аксакову, которому невежественный, неграмотный, пассивный народ представлялся только бесформенной глиной. Чтобы стать настоящим народом, стать самим собой, эта не сознающая себя масса должна подняться до уровня сознательного общества. Для этого необходимы свобода и образование, просвещение народа. И Аксаков горячо защищал, часто дорогой для себя ценой, свободу печати, выборность местных органов самоуправления, независимость суда, доступность книги для простого народа.

Консерваторы — монархисты. Для них монархия — естественная форма правления в России, соответствующая ее традициям, духу русского народа, истории, климату, территории и другим факторам. Это не значит, однако, что их удовлетворяла тогдашняя монархия в настоящем своем виде. Большинство консерваторов ненавидело петербургский правительственный аппарат и особенно чиновничество, по их мнению, отравленное западничеством и чуждое жизни народа в той же мере, что и радикальная интеллигенция. До конца XIX века отвращение к бюрократии оставалось типичной чертой консервативных теорий.

Тем не менее охранители поддерживали существующую монархию, так как любая альтернатива казалась им гораздо хуже. Так, Катков однажды сказал, что упразднение русской монархии приведет к деспотизму. Либеральное решение их тоже не устраивало. Во-первых, такое решение привело бы к образованию политических партий, к постоянной межпартийной борьбе, к обеспечению эгоистических интересов под маской интересов общенародных, к расколу единства народа. Во-вторых, либеральное решение проблемы усилило бы влияние интеллигенции, оторванной от русской почвы, которая посредством руководства партиями добилась бы преобладания в представительных учреждениях и стала бы диктовать народу свою волю. Перспектива же революции, конечно, пугала консерваторов еще больше. Следовательно, поддерживая самодержавие, консерваторы руководствовались не только роялистскими чувствами, но и страхом перед переменами, которые они всегда представляли себе как деспотизм "нигилистической" интеллигенции.

Консерваторы были едины в пессимистическом взгляде на природу человека в той полемике, которая развернулась между ними и оппонентами. Последние нередко считали человека совершенным от природы. Человеческие недостатки они полностью или в основном относили на счет социально-политического строя, при котором человек вынужден жить. Если общество будет "рациональным" образом переустроено, то человек сразу же обнаружит свою настоящую, благородную сущность. Выражаясь словами тургеневского Базарова, "в хорошо устроенном обществе совершенно неважно, глуп человек или умен, зол или добр".

Консерваторы считали иначе, выдвигая в противовес тезису либералов и народников концепцию человека как существа, от природы испорченного и антиобщественного. Эту концепцию они иногда мотивировали христианским догматом о первородном грехе, а иногда — биологическим фактом животной агрессивности людей. Кульминационное развитие эта мысль получила в произведениях Достоевского. Центральной темой творчества великого русского писателя является утверждение, основанное на глубоком, далеко опередившем свое время проникновением в человеческую психологию, согласно которому под цивилизованной внешностью человека скрываются могучие иррациональные, разрушительные инстинкты. По природе человек склонен не к любви, а к ненависти, и единственное, что удерживает его от воплощения этой ненависти в убийстве, — вера в бессмертие души и страх перед Божьим наказанием после смерти. “Если Бога нет, то все позволено”.

Пессимистический взгляд на человеческую натуру укреплял веру в необходимость сильной власти и воспитывал отвращение к любым реформам. Если источник несчастий кроется в природе человека, что толку тогда вмешиваться в устройство государства, права человека, общественную жизнь? Чтобы изменить что-либо в этих сферах, прежде всего нужно изменить самого человека. А этого одним махом сделать невозможно, необходимы еще многие годы для дальнейшего эволюционного развития государства и права.

По многим вопросам консерваторы спорили друг с другом, приводя различные аргументы и факты, строя оригинальные модели в защиту своего видения юриспруденции.

ЛЕКЦИЯ 2. Александр II. Реформистский консерватизм

Реформистский консерватизм связан с жизнью и деятельностью Александра II (1818 — 1881). Под влиянием поражения в Крымской войне 1853 — 1856 годов, в условиях сложившейся революционной ситуации он вынужден был отменить крепостное право и провести ряд реформ, содействовавших развитию капитализма в стране. Юриспруденция его сложилась под непосредственным влиянием отца — Николая I, воспитателей — Жуковского и Сперанского. Как и Николай I, он не доверял “книжникам”, но воспитатели старались закрепить в его сознании юридино-консервативное видение мира. Так, в своем “Плане учения” Жуковский внушал своему воспитаннику: “Истинное могущество государя не в числе его воинов, а в благоденствии народа”. Сперанский, ведя с ним “беседы о законах”, внушал уважение к праву, понятие о “пределах власти”, проводил границу между самодержавием и самовластием.

Первыми реформистскими шагами нового царя были Парижский договор и Манифест 19 марта 1856 года, закончившие Крымскую войну. В этих документах высказывалась необходимость совершенствовать внутреннее благоустройство в России на базе законов, “для всех равно справедливых”. Этого неопределенного заявления хватило, чтобы насторожилось и взволновалось дворянство. Отвечая на распространившиеся и дошедшие до него тревоги, Александр II 30 марта 1856 года, обращаясь к предводителям дворянства в Москве, сказал: “Слухи носят, что я хочу объявить освобождение крепостного состояния... Я не скажу вам, чтобы я был совершенно против этого, мы живем в таком веке, что со вре-

менем это должно случиться. Я думаю, что и вы одного мнения со мною. Следовательно, гораздо лучше, чтобы это произошло свыше, чем снизу”.

В конце концов, “великие реформы” стали в России реальностью, но стремление Николая I видеть в сыне деятеля, “военного в душе”, дало свои плоды. Не “улучшение быта” подданных, как это официально провозглашалось, а дальнейшее расширение и усиление империи было заветной целью Александра II. В письмах брату Константину эта цель называется всепоглощающей, над всем доминирующей — восстановить престиж и величие “дорогой нашей России” после поражения в Крымской войне.

Продворянский характер крестьянской реформы не скрывался императором, а недовольство крестьян ее условиями — уменьшением наделов, высокими повинностями и выкупными платежами — подавлялось не только силой, но и такими хлесткими фразами: “Ко мне доходят слухи, что вы ожидаете другой воли. Никакой другой воли не будет, как та, которую я вам дал. Исполняйте, чего требуют закон и Положение. Трудитесь и работайте. Будьте послушны властям и помещикам”. Жесткость позиции Александра II уживалась с его патриархальными представлениями об органической связи царя с народом: “Вы мои дети, а я вам отец и молю Бога за вас, так же как и за всех, которые, как и вы, близки моему сердцу”, — говорил он в 1863 году депутации старообрядцев к “царю-освободителю”.

Великий акт отмены крепостного права не поколебал царских представлений о народе как источнике силы и средств для славы монархии, расширения империи, укрепления ее могущества. Духовное родство Александра II с его предшественниками на российском престоле проявляется и в представлении о незыблемости, вечности, неограниченности верховной власти в России. Несмотря на то, что император признал неизбежность введения юридических начал всесословности, выборности, представительства, ограниченного законом государства, он последовательно отклонял даже намеки на конституцию. А в 1863 году Александр II оставил без внимания представленный ему Валуевым проект, которым предусматривалось проведение незначительных преобразований в системе высших законосовещательных органов.

Устойчивая традиция авторитарно-патриархальной трактовки власти в сознании царя рельефно отразилась в беседе Александра II с прусским послом Бисмарком 10 ноября 1861 года. На вопрос о возможности в России конституции и либеральных учреждений Александр II ответил: “Народ видит в монархе посланника Бога, отца и всевластного господина. Это представление, которое имеет силу почти религиозного чувства, неотделимо от личной зависимости от меня, и я склонен думать, что я не ошибаюсь. Корона дает мне чувство власти; если им поступиться, то понесет ущерб национальный престиж. Глубокое уважение, которым русский народ издревле, в силу прирожденного чувства, окружает трон своего царя, невозможно устранить. Я безо всяких сократил бы авторитарность правительства, если бы хотел ввести туда представителей дворянства или нации. Бог знает, куда мы вообще придем в деле крестьян и помещиков, если авторитет царя будет недостаточно полным, чтобы оказывать решающее воздействие”.

Реформизм Александра II в крестьянском вопросе сочетался с самодержавной неприязнью к нарождающейся гласности, к инакомыслию, с готовностью поставить преграду “необузданности нашей литературы, которой давно пора было положить узду”. И это не вспышка минутного раздражения. Внутреннее

неприятие либерализма пробивается наружу, когда император дает себе волю. Брату — наместнику Польши — в момент подавления там восстания он предлагает “не обращать внимания на критику заграничных журналов и мнимых прогрессистов”. На пути к отмене крепостного права он своей волей, своим суверенным словом вынуждал к принятию необходимых решений Секретный и Главный комитеты, подавляя оппозицию крепостников. Но точно так же, как самодержец, он закрыл либеральные редакционные комиссии — неожиданно для их членов, собравшихся на свое очередное заседание, более того, иногородним было предложено покинуть Петербург.

Консервативные начала в устремлениях императора стали усиливаться по мере роста конфронтации политических лагерей в стране, активизации революционного экстремизма, нигилизма, ослабления либералов. Он оставил без внимания записку Н.А. Милютина “О нигилизме и мерах, против него необходимых”, написанную К.Д. Кавелиным. В ней доказывалось, что только последовательные реформы могут остановить в России революционное движение. В рескрипте от 13 мая 1866 г. на имя председателя Комитета министров князя П.П. Гагарина царь объявил своей задачей “охранять русский народ от тех зародышей вредных лжеучений, которые со временем могли бы поколебать общественное благоустройство”. Вопрос о дальнейших реформах замалчивался, провозглашались чисто охранительные цели, сформулированные шефом жандармов П.А. Шуваловым.

Последующие события и факты вплоть до гибели Александра II в результате террористического акта революционных народников подтвердили преобладание охранительной идеологии в его деятельности. Император и самодержец, генетически и исторически связанный со своими предшественниками, от Петра Великого до Николая I, возвышался над освободителем. “Великие реформы” оказались в действительности подчинены не экономическому процветанию, не “улучшению быта” народа, не развитию выборного представительного начала и созданию основ правового государства, а укреплению единовластия, усилению военной мощи, расширению империи во имя величия России, как понимали его Александр II и его ближайшее окружение.

Управляя Россией, император, в отличие от своей прабабки Екатерины II, непосредственно не участвовал в политических дискуссиях, не издавал журналы и не писал юридических статей и трактатов. Эту миссию за него довольно успешно осуществили его единомышленники М.П. Погодин (1800 — 1875) и М.Н. Катков (1818 — 1887). На анализе их политико-юридических взглядов мы поэтому остановимся подробнее.

Михаил Петрович Погодин выходец из простого народа, в 1821 году окончил Московский университет, затем в “alma mater” преподавал сначала всеобщую, а с 1835 года русскую историю. С 1841 года он — академик Петербургской академии наук.

Погодин один из творцов и защитников теории официальной народности. Основой его юриспруденции было признание самобытности русской политики и русского права. Он полагал, что “вечное начало — русский дух” лежит в основе отечественного государства, в нем полностью отсутствует внутренняя борьба между классами и социальными слоями России. Эта борьба признавалась им как отличительная черта стран Западной Европы. Источником внутренней борьбы на Западе, соглашаясь по этому вопросу с французскими учеными Гизо, Тьери, Минье, Погодин считал завоевания, которых не видел в своей стране,

так как полагал, что Русское государство основано без насилия, путем добровольного призвания варягов. По-своему трактовал академик и составные части уваровской триады, не раз проявляя самостоятельность суждений, зачастую во вред своей карьере.

Стойкость своих убеждений Погодин наглядно продемонстрировал в годы Крымской войны, когда выступил с серией политических писем, адресованных правительству. Увлекаемый ходом своих рассуждений и патриотическим пылом, не стесненный цензурными условиями, он высказывает много горькой правды, обосновывает необходимость судьбоносных изменений в России.

Первые его письма посвящены перемене внешнеполитического курса. С панславистских позиций, когда еще трудно было предвидеть поражение в Крымской войне, он призывает "возвратить святой Софии ее вселенский крест" и объединить славян "под сенью двуглавого орла". Для достижения этих целей Россия должна осознать свои национальные интересы и перестать поддерживать реакционные правительства Запада, прежде всего Австрию. Погодин убежден, что "нет врага России столь лютого, как Австрия. С Англией мы можем торговаться, с Францией сговориться; с австрийцами можно кончить дело в бою, то есть смертью". Он считает Австрию "лютейшим, жесточайшим врагом России, упорнейшим противником всякого нашего успеха". Такой взгляд на Австрию означал как критику легитимистских принципов "Священного союза", так и косвенную поддержку национально-освободительных движений западных славян, осознание национальных интересов России.

Россия должна отказаться от незавидной роли жандарма Европы, "отложить ту систему, которая привела нас на край гибели", объявить о невмешательстве в европейские дела с целью обезоружить "главного нашего врага, общественное мнение" Европы и поставить под угрозу существование Австрийской империи. Нужно любыми средствами, не исключая и войны, ускорить распад Австрии и взять под свое покровительство "имеющие образоваться" на ее развалинах "единокровные" государства.

Более того, Погодин осмеливается высказать "еретическую" мысль, что в борьбе против Австрии не следует пренебрегать даже помощью "революционеров": "Маццини, Кошут, Бруно, Бауэр пишут и говорят против союзников. Тем лучше. Хоть бы пес, да яйца нес!" Результатом такой политики должно быть образование "Союза Дунайского, Славянского, Юго-Восточного, Европейского со столицей его в Константинополе", а Россия должна сделаться главою Славянского Союза. В состав этого Союза, по мнению Погодина, войдут все страны Восточной Европы от Болгарии до Польши, включая не только славянские государства, но и Грецию, Венгрию, Молдавию, Валахию, Трансильванию, которым выгодно опираться на Россию.

Под впечатлением военных неудач Погодин постепенно переходит к критике николаевской системы, правительства в целом. Он призывает царя слиться со своим народом, не верить придворным льстецам, которые, будучи зачастую иноплемениками, тебя обманывают. "Ложь тлетворную отгони далече от твоего престола и призови суровую, грубую истину. От безбожной лести обрати твое ухо и выслушай горькую правду. Поверь нам, мы все твои дети, и мы тебя не обманем..."

Академик, подчеркивая идею незыблемости самодержавия ("конституция нам не нужна"), рисует правдивую картину полицейского гнета, когда инициатива

талантливых людей подавляется бюрократической системой, где сам Николай I решает "все подробности управления военного и гражданского, осматривая все петли и пуговицы". В результате в России "ум притуплен, воля ослабела, дух упал, невежество распространилось, подлость взяла верх, слово заостенело, мысль остановилась".

Полицейский гнет, губящий русских людей, усугубляется цензурой, которая дошла до того, что "во всяком незнакомом человеке предполагается шпион, и печатью молчания запечатались все уста". Мы имеем теперь "легион цензур", и при настоящем положении вещей "нельзя теперь употреблять выражение "общего блага", нельзя держать "вольный дух даже в печке". "Братия" — цензура не пропустит ни за что выражений этого рода, потому что ими проповедуется якобы равенство, а "в печати и не встречается ничего, кроме гнусной лжи и поносной лести". Результат подобного царствования прямо противоположен цели — приближение революции, а сама "нынешняя цензура есть вернейшая прислужница революции и первый, самый опасный враг правительства". К тому же свободная печать, гласность необходимы для того, чтобы царь знал истинное положение дел в России: "Страна должна высказаться сполна, так или иначе, а без этого проку не может быть".

Погодин указывает на отсталость России в области образования, науки, техники, которая ясно обнаружилась в ходе войны с более развитыми европейскими государствами. Нужно снова браться за просвещение русского народа, распространение образования. Мы начали останавливать их у себя из боязни революций, которые произошли на Западе, но которые не могли, подчеркивает консерватор, произойти у нас. Специфика России касательно революции в том, что "переворот государственный... начинается у нас первый император... консерватизм выражается народом". Отсутствие образования, по словам Погодина, "никогда не было столь ощутительно и вместе столь чувствительно, как в наше время: наши пушки не хватают так далеко, как иностранные; наши штуцера бьют на 200 шагов ближе французских; наши корабли оборачиваются медленнее; медиков недостает нигде..."

С негодованием пишет он об уваровском ограничении числа студентов в университетах, которое "произвело самое тяжкое впечатление во всех образованных лицах и занимает, без сомнения, гнуснейшую страницу царствования". При этом ученый предлагает ввести "образование основательное, пространное, прикладное, деловое, благочестивое... без всяких исключений, стеснений по званиям..." Против бедствий, которые угрожают и ослабляют Россию, первое лекарство — гласность, второе — образование. Далее следует характерная для охранителей цитата из Священного Писания: "Не свет опасен, а опасна тьма. Духа не угашайте, изрек Апостол".

Реформистско-консервативные черты Погодина ярко выразились в его трактовке крестьянского вопроса. Он намного раньше других мыслителей открыто поставил перед страной перспективу крестьянской войны. Уже в октябре 1854 года он писал: "Мирабо для нас не страшен, но для нас страшен Емелька Пугачев. Ледрю Роллен со всеми коммунистами не найдут у нас себе приверженцев, а перед Никитой Пустосвятом разинет рот любая деревня. На сторону к Маццини не перешагнет никто, а Стенька Разин лишь кликну клич! Вот где кроется наша революция, вот откуда грозят нам опасности, вот с какой стороны

стена наша представляет проломы, — перестаньте же возиться около западной, почти совершенно твердой, и принимайтесь чинить восточную, которая почти без присмотра валится и грозит падением!”

Увлечшись логикой доказательств, Погодин договорился даже, на манер Радищева, до оправдания выступлений крестьян против крепостного права: “Но несчастные крестьяне, которые, выведенные из терпения, берут нож в руки и подвергаются за то кнуту и каторжной работе в сибирских рудниках, неужели не заслуживают лучшей участи? Ведь это те же самые люди, что теперь священнодействуют в Севастополе с таким мужеством, с таким самоотвержением, и спасают не только русскую честь, но даже наше значение, нашу будущность! Когда-нибудь терпению будет конец, попадет одна несчастная искра, и все вспыхнет!”

Несмотря на молчание правительства, обсуждение вопроса об отмене крепостного права приобретало все больший размах. И в январе 1856 года Погодин опять берет на себя смелость в очередном открытом письме посоветовать правительству объявить “твердое намерение освободить постепенно крестьян, определяя ежегодно известную сумму из государственных доходов для выкупа их по жребию или в награду за хорошее поведение. А исполниться оно может в неопределенное время, без малейшего ущерба дворянству, по любовным соглашениям”.

Предложения Погодина являлись сверхумеренными. Сам вопрос о крестьянской свободе отодвигался на неопределенное время. Обходилась жгучая проблема — с землей или без земли освобождать крестьян. Эти высказывания академика как бы предопределили проекты высокопоставленных “реформистов” — членов секретного комитета 1857 года.

В последних письмах, адресованных уже новому царю — Александру II, Погодин призывает монарха возглавить преобразование всех сторон жизни, расстаться с прежним политическим курсом и режимом, которые не соответствуют воле Бога и авторитету царя. Аргумент, весьма типичный для многих консерваторов, начиная с Э. Берка, у русского консерватора-реформиста звучит так: “Только не останавливайтесь в старых колеях, с прежнею системою. Прежняя система отжила свой век. Сам Бог, взяв с поприща действий покойного государя, показал нам, что для России нужна теперь другая система. Если бы достаточно было прежней, то он оставил бы покойника управлять так, как он управлял уже тридцать лет. Передав управление в другие руки, он сам явил очевидно свою волю. Нам остается внять высшему глаголу и исполнить высшее повеление, ясно выраженное”.

Знаменем же преобразований должна была стать, по Погодину, свобода. Это “вожделенное” слово на Западе потеряло свой высокий смысл и значение, “износилось, обветшало, опошлело, осквернилось”. В Германии оно “стало отвлеченностью, во Франции — шуткою, в Англии — юродством”. И только в России для этого святого принципа-слова есть благородная почва “во всяком благородном сердце!” Поэтому “Свобода! — вот слово, которое должно раздаваться на высоте самодержавного Русского престола! Вот слово, которое соберет под знамя Русского царя всю усталую и расстроенную Европу”.

Под этими строками поставили бы свои подписи не только консерваторы-реформисты, но и либералы, различные круги придворной знати и даже такие народники, как Герцен. Эти строки были направлены на консолидацию усилий

всех слоев российского общества для решения задач развития страны, защиты ее национальных интересов, осуществления долгожданных реформ под эгидой самодержавного царя.

Реформистско-консервативный путь в условиях начавшихся преобразований чаще теоретически обосновывал и корректировал **Михаил Никифорович Катков**, ставший со временем другом царя и находившийся с ним в таких же близких отношениях, как Александр I и Карамзин. Подводя итоги своей деятельности, он не без гордости писал уже Александру III, что его газета "Московские ведомости" "была не просто газетой, а невольным органом государственной деятельности. В ней не просто отражались дела, в ней многие дела делались". Не любивший, но ценивший Каткова Победоносцев признавал, что "были министерства, в коих ничто важное не предпринималось без участия Каткова".

М.Н. Катков — выходец из семьи бедного чиновника. Усилием воли и с большим напряжением окончил в 1838 году Московский университет. С ранних лет был вынужден доказывать свое право находиться среди тех, кто благодаря своим происхождению и богатству имел возможность получить хорошее образование за чужой счет. Упорство, трудолюбие в учебе помогли ему решить эту задачу.

На становление взглядов Каткова большое влияние оказал один из лучших лекторов университета того времени профессор Н.И. Надеждин. Его друзьями были Станкевич, Белинский, Бакунин. Странно выглядит близость последнего будущего идеолога анархизма и Каткова, которая существовала между ними в период совместной работы в журнале "Отечественные записки". В дальнейшем жизнь разведет этих людей по разные стороны баррикад.

Работая в "Отечественных записках", Катков почувствовал, что ему не хватает теоретических знаний, которые в то время можно было приобрести в стране философов — Германии, куда он и отправляется в 1840 году. В Берлине Катков буквально впитывает в себя все, что можно было услышать в университетских аудиториях или прочитать в библиотеках. Он слушает лекции ведущих ученых, в том числе и Шеллинга. Годы жизни и учебы в Германии были для Михаила Никифоровича очень тяжелым временем: безденежье буквально преследовало его, но цель была все-таки достигнута. Он возвратился на Родину с огромным багажом знаний. Систематическое образование, сторонником которого Катков оставался всю свою жизнь, было получено.

В 1856 году Катков начал издавать журнал "Русский вестник", получивший право публиковать статьи по политическим вопросам, что было явлением исключительным для тогдашней литературы. Этого права не смогли добиться ни "Современник", ни "Отечественные записки". Исключение, сделанное для "Русского вестника" как органа Московского университета, рассматривалось в качестве гарантии благомыслия и само по себе было определенной привилегией. Цель, которая преследовалась Катковым при создании этого журнала, заключалась в желании объединить русскую интеллигенцию под общими знаменами обновления страны на основе изменения экономического быта через активизацию частно-предпринимательской деятельности.

Катков и его соратники из "Русского вестника" твердили о том, что прогресс в истории не может совершаться посредством насильственных перемен и что представителями "истинно прогрессивного направления" являются лишь те, кто бережно относится к старому и преисполнен уважения к существующему.

Революция объявлялась величайшим злом. Всякая общественная деятельность должна осуществляться только в пределах закона (что не исключало катковских требований либерализма в сферах экономики и политики, но достигаемых при помощи реформ "сверху"). На практике это означало отмену крепостного права в России и переход от крепостного труда к наемному. Решить вопрос предлагалось правительственными мерами без нарушения прав собственников. Обосновывались также требования чистки административно-бюрократического аппарата и формирования нового правительства, способного провести все необходимые преобразования.

Реформы в России, считал Катков, предполагают ее прогресс, но истинный прогресс должен быть консервативным, ибо цель прогресса — это не разрушение на манер Бакунина, а прежде всего созидание. Поэтому, уравнивая желание быстрого разрушения старого, консерватизм способствует необходимой общественной гармонии. Истинным объектом консерватизма, по Каткову, должны быть начала жизнедеятельности, которые придают определенный смысл существованию данного общества. Плох тот консерватизм, при котором сохраняется в неизменности существующая система, а воззрения изменяются только вместе с изменением господствующей политики. Поэтому так важна для него оппозиция, которая на основе гласности позволяет высветить негативные черты российской действительности для их изживания. Но деятельность оппозиционных сил по отношению к правительству должна не переступать границы, определенные законом, и избегать всякого радикализма. Таким образом, главный тезис, которым руководствовался Катков, заключался в умеренности во всем, в том числе и в юриспруденции.

Катков был сторонником свободы, имеющей свои пределы в рамках исторически существующего российского права. Одно время он зачитывался работами А. Токвиля и положительно их оценивал: "Начало, которому предан французский автор, более всего имеет прав на сочувствие и ценится выше всего; это свобода, которой принадлежит будущее и которой вся история служит лишь постепенным осуществлением".

Будучи сторонником исторически определенной для каждого народа совокупности свобод, он выступил в эти годы противником жесткой централизации в лице полицейского государства. Историческое призвание централизации должно ограничиваться установлением единого государства, дальнейшее развитие которого предполагает децентрализацию государственной деятельности на три вида — законодательную, исполнительную и судебную. Разделение властей, по Каткову, — это средство борьбы с произволом чиновников, бюрократизмом аппарата, подавляющим всякое свободомыслие. Вмешательство государства по каждому поводу в общественную и частную жизнь недопустимо, ведет к огосударствлению этой жизни и лишает русских людей свободного развития. Такое вмешательство оправданно лишь в том случае, если государство реформами меняет сферу жизнедеятельности общества.

Идея децентрализации государства сложилась у Каткова под влиянием политического опыта Англии. Его большой интерес к государственному обустройству этой страны объяснялся тем, что она сумела в бурный, полный потрясениями для Европы XIX век избежать революции и с честью вышла из всех кризисных ситуаций. Россия, по мнению Каткова, должна поучиться у Англии проводить реформы без революций. Он отрицал все обвинения в англomanии, считая не-

возможными любые попытки перенести чуждые формы на иную почву, будь то конституция или новые институты власти. Развитие всякой страны должно происходить на основе особенностей ее народа, его исторических традиций, создавая гармонию действительного созидания. Англия интересовала Каткова "историческим духом своих учреждений, в которых все выражено естественным путем и нет ничего по шаблону сделанного".

Будущее России Катков видел в переходе ее от существующей сословной структуры к корпоративной организации землевладельцев, включая крестьян, консервативные начала которых смогут обеспечить добросовестное исполнение задач местного самоуправления. Дворянство, по его мнению, отличалось стремлением сохранить сословные привилегии и, следовательно, было не в состоянии действовать с учетом политических интересов всего государства. После этих критических стрел в адрес дворянства Каткова обвинили в проповеди парламентаризма и стремлении разрушить основы России. На эти обвинения он ответил, что парламентская деятельность есть только одна из форм проявления политической жизни и что лишь в результате политических дискуссий в государстве складываются зрелые убеждения. В качестве необходимого условия этого процесса он видел гарантии личной свободы всех граждан, которые появятся после уравнивания всех сословий в государстве.

В начале 60-х годов активизируются споры о конституции. Позиция Каткова была двойственной. Будучи сторонником английского пути развития, он не решился открыто заявить о необходимости принятия конституции и ограничился требованием местного самоуправления. В это же время он открыто пишет о возможности представительства в России, которое в состоянии существовать при любой политической организации общества, являясь катализатором его развития на пути к прогрессу. А в 1862 году Катков даже опубликовал статью, раскрывающую программу федеративной партии в Польше. Согласно этой программе нельзя было ожидать успехов от деятельности местного представительства, если она не сочетается с деятельностью центральных органов.

Много думая о земской реформе, Катков всегда был за единую и неделимую Россию, видел ее унитарным государством. Он яростно спорил по этой проблеме с народниками, многие из которых были федералистами, например Герцен или Чернышевский. В федеративном (сложном) государстве, считал Катков, его граждане попали бы в странную ситуацию, когда они жили бы помимо национального государства еще и в каком-то более крупном государственном образовании. У гражданина не может быть две Родины, два государства, выражающих одновременно его державную душу, защищающих в одной и той же степени его интересы. Федеративное устройство России ухудшит права и статус русских на территории окраин, получивших свою национальную государственность. По этому злободневному для России вопросу Катков фактически оказался в одиночестве. Даже славянофилы Аксаков и Страхов ратовали за волеизъявление польского народа для окончательного решения данного вопроса. Но Катков, считая себя истинным защитником Отечества, обвинил их в предательстве национальных интересов.

Консерватор Катков стремился к тому, чтобы в государстве учитывались естественно-исторические традиции и особенности национальной психологии. Нужно не выдумывать новые формы жизнедеятельности, а выявлять их, исходя из уже существующей реальности. Основная черта, которая, по его мнению, отли-

чала историю отношений между верховной властью и народом в Российском государстве, заключалась в их взаимном доверии, таком доверии, которое существует в семье между родителями и детьми, что полностью соответствует монархической форме правления. Полновластие царя есть органический продукт отечественной истории, переживающей после Крымской войны определенный кризис. Кризис необходимо преодолеть при помощи реформ, политической организации общества, не меняющих, однако, принципиальных основ такой организации. Поэтому всякое представительство в Российском государстве, по Каткову, возможно лишь под скипетром монарха. Разделение же властей на практике должно лишь подтверждать жизнеспособность монархии. Притязание на власть, следовательно, изначально устранялось из арсенала оппозиции. "Как бы ни было организовано представительство, — писал он, — в нем не должно быть и тени мысли, что оно имеет власть издавать законы или что согласие его необходимо верховной власти".

Другим важным направлением проводимых преобразований была судебная реформа. Катков много сделал для ее осуществления и открытие новых судебных учреждений в Петербурге 17 апреля 1866 года связывал с утверждением в России законности и правопорядка. Он исходил из того, что подлинная законность и господство права становятся действительностью лишь в той стране, где суд является силой независимой и самостоятельной. "Только в настоящее время, — писал он, — зарождается перспектива политического развития, когда суд происходит гласно с участием присяжных".

Под впечатлением неприглядной практики реформ и неоправданных ожиданий Катков постепенно переходит на позиции этатистского консерватизма, идеи реформирования Российского государства отходят на задний план. Смена веков началась в 70-е годы, когда Россия оказалась как бы на перепутье своего развития. В правительстве происходила борьба двух течений, одно из которых стремилось продолжить курс реформ, начатых в 60-е годы, а другое желало остановить этот курс, усиливая власть губернаторов и других административных органов, хотя сами по себе попытки повернуть развитие страны назад были еще нерешительны.

В это время стали особенно популярны социалистические идеи, которые дали обильные всходы на благодатной почве, расчищенной нигилизмом. Ожидания грандиозных изменений в обществе и скорого наступления "земного рая" захватили не только российскую молодежь, но и интеллигенцию, которая главную свою задачу увидела в разрушении существующего общества, на обломках которого созидание нового общества представлялось ей не такой уж трудной задачей. Эти перемены оказали существенное влияние на изменение взглядов Каткова. Социализм, нигилизм, либерализм, полонизм (политическое течение в России, ратующее за суверенитет Польши. — Н.А.) — все слилось у него в единый "клубок зла", и он повел с ним последовательную идейную борьбу.

По Каткову, интеллигенция, которая раньше рассматривалась им в качестве опоры проводимых реформ, увлеклась западными идеями социализма, потеряла почву под ногами — русскую почву, то есть связь с подлинными интересами России, ее народом, поэтому стала другой. Он высказывает положение о том, что существуют принципиальные различия в результатах труда народа и интеллигенции: народ всегда создает что-то позитивное, а интеллигенция это позитивное приводит в состояние упадка. В ряде статей русская интеллигенция определялась как "панургово стадо, бегущее на всякий свист, покорное всякому хлыс-

ту... мыслители без смысла, ученые без науки, политики без национальности, жрецы и поклонники всякого обмана". Поэтому Катков все более тяготеет к дворянству, которое к тому же активно поддержало его патриотические призывы во время польской кампании и оставалось верным самодержавию.

Большим ударом для Каткова стали результаты судебной реформы. Он, в частности, увидел, что не закон, а хороший адвокат может решить исход любого дела. Примером тому был оправдательный приговор Вере Засулич. Подобная судебная практика, считал Катков, — это гибель гражданского общества в России, где суд оправдывает террористов, а народ приветствует их как национальных героев.

Не вызывал энтузиазма у Каткова и ход земской реформы. Призванная способствовать эффективному местному самоуправлению, объединить все усилия представительной и исполнительной властей для решения конкретных задач, она этого предназначения не выполняла. Объяснялось это, с его точки зрения, отсутствием взаимодействия земских органов с полицией, волостным управлением и сельскими общинами. Не имея властных полномочий, местные органы самоуправления так и не стали властью. Они превратились в частные общества, которые решали свои внутренние проблемы и в лучшем случае изредка занимались починкой дорог, мостов, строительством школ, больниц.

Убийство Александра II окончательно приводит Каткова к отказу от поддержки реформ. Он как бы начинает сводить счеты с периодом своего увлечения реформизмом, называя представителей этого течения, а также либералов легальными служителями крамолы, которые только по форме деятельности, а не по цели расходились с революционерами. "Теперь, — писал Катков, — настало время исправить эти промахи, которые могут быть объяснены только пылом увлечения". Он круто меняет свой взгляд на государственную власть и ее назначение в России.

За несколько дней до вступления на престол Александра III Катков писал: "...предлагают много планов, но есть один царский путь. Это не путь либерализма или консерватизма, новизны или старины, прогресса или регресса. Это не путь золотой середины между двумя крайностями. Трон затем возвышен, чтобы пред ним уравнивалось различие сословий. Единая власть, и никакой иной власти в стране, и стомилионный, только ей покорный народ, — вот истинное царство".

Теперь его юридическая программа — защита самостоятельности государства и его прав, но, по существу, Катков пытается сохранить неизменным самодержавие, рассматривая Россию как органическое единство живущих в ней людей. "Россия, — уверял он, — выросла и окрепла не мненьями, не большинством голосов, не интригой партий, вырывающих друг у друга власть, а исполнением священного долга, связующим воедино все сословия народа".

Катков много пишет о растратах и коррупции, которые царили в земских учреждениях. Обличая эти нарушения, он обосновывал мысль, что даже в таких находящихся под контролем царя представительных органах имеется благодатная почва для злоупотреблений. А что будет, если эти органы получают верховную власть? Будет всеобщая распродажа интересов России! Поэтому император должен в соответствии с российскими традициями сконцентрировать в своих руках всю полноту государственной власти, чтобы сохранить и приумножить богатства России, обеспечить ее стабильность и целостность. Это была уже совсем иная консервативная теория, рассчитанная на полную самостоятельность государства,

программа этатистского консерватизма, получившая свою реализацию в царствование Александра III, а политико-юридическое обоснование в трактатах его сподвижника Победоносцева.

ЛЕКЦИЯ 3. К.П. Победоносцев

Победоносцев — представитель этатистского консерватизма. Эта платформа сформировалась в рамках охранительной идеологии в основном после 1881 года, когда правительство, доведенное до отчаяния радикалами, пришло к заключению, что без твердой верховной власти не обойтись, даже если это будет власть бюрократии. Более того, именно с просвещенной властью, а также с православием представители этой платформы связывали сохранение и укрепление государственности. Происходило как бы новое обращение к теории официальной народности Николая I в конкретно-исторических условиях пореформенной России.

На практике этатистский консерватизм проявился в усилении роли государства (прежде всего царя и чиновничества), отказе от реформ и проведении контрреформ, активизации православной церкви, использовании полицейских мер руководства обществом и контроля за ним. Апогеем этой политики стала зубатовщина с ее концепцией полицейского социализма. Она состояла в создании под надзором полиции легальных профессиональных и просветительских рабочих организаций в целях “воспитания” в пролетариате преданности самодержавию, отвлечения от борьбы с ним. Инициатива создания таких организаций принадлежала С.В. Зубатову — начальнику московского охранного отделения, убежденному стороннику самодержавия, который считал, что император должен поддерживать “равновесие” в обществе, нейтрализуя в нем противоречия для укрепления собственных позиций.

Нужно сказать, что это была здравая идея, и на первых порах зубатовская инициатива получила поддержку среди рабочих. Однако фабриканты, ставившие превыше всего интересы своего кошелька, потребовали ликвидации вмешательства полиции в фабрично-заводские дела. Их поддержал министр финансов С.Ю. Витте. В результате зубатовским организациям было запрещено решать трудовые споры, посредничать в отношениях между хозяевами и рабочими, а их популярность упала.

Назначение на пост министра внутренних дел фон Плеве явилось кульминацией этой политики. При фон Плеве госаппарат и его карательные органы постоянно использовались для непосредственного управления страной. Россия перестала быть самодержавной в любом смысле и обратилась, по словам П.Б. Струве, в полицейское государство, управляемое с помощью “вездесущего тайного надзора, ведущегося по секретным инструкциям и циркулярам”. Бюрократически-полицейский аппарат, кровно заинтересованный в сохранении своей безграничной власти и вытекающих из нее привилегий, в целях самосохранения вообще отрицал всякую свободу.

Идейным вдохновителем этатистского консерватизма стал Константин Петрович Победоносцев — последний из могикан старых государственных воззрений, разбитых Манифестом 17 октября 1905 года. Он внук простого сельского священника и сын заурядного преподавателя словесности в Московском университете. С немалым трудом устраивает отец своего младшего сына Константина (в семье было одиннадцать детей) в привилегированное Петербургское училище

правоведения. Окончив его, молодой юрист возвращается в первопрестольную и начинает работу в восьмом департаменте Сената. Одновременно он собирает архивные материалы по истории судопроизводства в России, некоторые из них публикует и комментирует в официальных журналах. Вскоре работу в Сенате и архиве Победоносцев начинает совмещать с чтением курса гражданского права в университете. Здесь на него обращает внимание куратор — граф С.Г. Строганов и рекомендует его Александру II в качестве преподавателя правовых дисциплин цесаревичу Николаю Александровичу, а в 1866 году, после смерти Николая, Победоносцев начинает занятия с его братом Александром и другими молодыми членами царской семьи.

Цесаревичу Александру читали лекции такие прославленные ученые и достойные люди, как С.М. Соловьев, но именно Константин Петрович становится его сердечным наставником и конфиденнтом. Простодушный, по словам некоторых, даже простоватый наследник проникается к московскому юристу особенным доверием и любовью. Сложилось так, что Александр III, по сути, всегда оставался учеником Победоносцева, но и последний на всю жизнь сохранил заботу о своем воспитаннике, любовь к нему.

Известно, сколь натянутыми были отношения между Александром II и наследником в последние годы жизни царя-освободителя. Поэтому любовь цесаревича вряд ли могла способствовать придворной карьере Победоносцева. Однако в 1868 году он становится сенатором, в январе 1872 года — членом Государственного совета и, наконец, в 1880 году, по рекомендации министра внутренних дел М.Т. Лорис-Меликова, — обер-прокурором Святейшего Синода. На этом посту Победоносцев оставался четверть века.

После “кровавого полдня” — 1 марта 1881 года, учитель наследника превращается в ближайшего наставника молодого императора и становится, по мнению многих, “всесильным фаворитом”, направляющим политику России. Народник самарского кружка Лаговский, стрелявший в обер-прокурора, в своем показании на следствии говорил, что “хотел истребить” его “как главного виновника всяких стеснений, мешающих свободе и прогрессу”. Сам же Победоносцев рассматривал ту исключительную роль, которая ему выпала в Российском государстве, как волю Божию, как тяжкий крест.

“Бог меня так поставил, — пишет он через несколько дней после вступления Александра III на престол, — что я мог говорить Вам близко, но верьте, счастлив бы я был, когда бы не выезжал никогда из Москвы и из своего маленького домика в узком переулке”. В этих словах нет ни поэзы, ни лицемерия. То же самое он говорил и своим самым близким друзьям и родственникам. Екатерине Тютчевой, единственному человеку, которому и Победоносцев, и его жена доверяли свои сокровеннейшие чувства, он признавался: “О, подлинно страшное дело — власть, и те, кто желают ее, не ведают, что глаголят. Я всегда смотрел на нее как на бедствие, зная, что во власти надо потерять свободу и быть всем слугою”.

С православных позиций рассматривает обер-прокурор сущность государства, точкой отсчета которой он считает библейскую историю грехопадения людей, приведшую к порче их природы. “С тех пор, как пало человечество, — писал он, — ложь водворилась в мире, в словах людских, в делах, в отношениях и учреждениях. Но никогда еще, кажется, отец лжи (т.е. дьявол. — Н.А.) не изобретал такого сплетения лжей всякого рода, как в наше смутное время, когда

столько слышится отовсюду лживых речей о правде. По мере того, как усложняются формы быта общественного, возникают новые лживые отношения и цели учреждений, насквозь пропитанные ложью”.

Со временем, считает Победоносцев, ситуация забвения людьми Божьей правды углубляется, усиливается из-за утраты веры в Бога, они все более проникаются сугубым интересом дел “мира сего”. Человек утратил в себе “истинную силу”, когда стал говорить не от Бога, а от себя. Ведь когда человек говорит от себя, то он предполагает себя “мерилом всех вещей”, высшим авторитетом и тем самым льстит себе, обольщается на свой счет. Но “всякая истинная сила есть у нас от Бога, и всякую силу Бог указал нам носить в хрупком “глиняном сосуде”. Поэтому людям нужно заботиться “не столько об улучшении быта, сколько об улучшении духа”.

Государства — это прежде всего духовные общности и даны людям от Бога, но их формы predeterminedены изначальным грехопадением и состоянием духа среди людей. Победоносцев выделяет три типичные формы: древнее народовластие, монархию, вторичное народовластие (современную демократию).

Изначальной формой государства было древнее народовластие, когда каждый делал то, что ему казалось справедливым. Пример такой формы — древний Израиль. Такие же проявления запечатлены в мифах и легендах других народов. Это было судейское правление, требовавшее высокой личной духовности общинников. Ведь чтобы подчиняться добровольно судье или пророку, имевшему весьма ограниченные возможности для принуждения, каждому члену общины нужно было твердо сознавать и ясно видеть присутствие в них “духа Истины” и силы Божьей. Победоносцев отмечает, что уже в близкие к нам времена в русской истории элементы такого “сакрального народоправства” проявились в вечевых порядках Новгорода и Пскова, в их процессуальных кодексах и юридических институтах. Но судейская власть, именно в силу своей высокой “спиритуальности”, не стабильна и легко замещается намного более прочной и сильной властью — монархической. Как только внутренний закон совести перестает твердо звучать в каждом члене общины, он утверждается извне, мечом царя.

Монархия более стабильная форма правления. Сверху она держится за счет сознания достоинства и долга власти, присущего царю и его должностным лицам. Деграция монархии возможна только при утрате властью своих духовных качеств, когда забывается долг служения народу и власть сама по себе начинает упиваться своим достоинством. По мере того “как бледнеет сознание долга, сознание достоинства, расширяясь и возвышаясь не в меру, производит болезнь, которую можно назвать гипертрофией власти. По мере усиления этой болезни власть может впасть в состояние нравственного помрачения, в коем она представляется сама по себе и сама для себя существующею. Это уже будет начало разложения власти”.

Подданные также способствуют деграции монархии тогда, когда народ, далекий по своей греховной природе от совершенства, утрачивая совсем видение Бога, стремится к самовластью, то есть, утрачивая в себе подлинную силу, начинает “безумно мнить о наличии в себе силы и мудрости неограниченной”.

Народ и власть в учении Победоносцева взаимно определяют друг друга. Но на государстве лежит сугубая ответственность, так как в его руках сила, врученная свыше. Власть даруется, ниспосылается Провидением, уклониться от нее — значит восстать против воли Божьей, принять ее — принять

крест. Следовательно, принятие власти как креста, как бремени есть жертва Богу. Только такая власть будет полезна душе властвующего и плодотворна для подвластных.

Причины падения монархий Победоносцев анализирует на примере крушения монархии во Франции. "Роковой день революции дал страшный урок монархам, урок, до сих пор не утративший всей своей силы: он показал, как рушится власть, утратившая веру в свое призвание и вместе с верою утратившая свежесть сил и безграничную способность к обновлению. Он показал, что власть сама в себе разлагается с той минуты, как начинает отделять свою личность от бремени правления, сливая ее с одним блеском правления, и что вместе с тем начинает разлагаться народная вера во власть..."

Таким образом, началом распада монархии, по Победоносцеву, оказывается утрата ею понимания своей жертвенной (божественной) природы. Дальше — постепенный отказ от креста ("бремени" правления) и "гипертрофия" блеска правления. Власть забывает о своей священной природе, о том, что она есть материализованная воля Божья, выраженная обществу в тот момент, когда сугубо теокюрическое правление из-за упадка духовности становится невозможным. Меч власти царской из защитника закона Божьего становится защитником самой власти. А монархия из духовно правильного состояния "жертвы власти" извращается в лживое состояние греха "похоти власти". Это же ускоряет разложение народной веры во власть. Монархия теряет свое божественное назначение, обесмысливается и в результате гибнет. Причем особая опасность утраты веры во власть состоит в том, что, "когда утрачена одна вера и уверенность, трудно создать себе новую и в ней утвердиться и устояться". Во Франции "тайна законной власти была уже утрачена", по крайней мере с Людовиком XVI, а может быть, и раньше, "и с тех пор — вся история Франции превращается в борьбу партий, политических учений и претендентов".

Для Победоносцева истинная царская власть не рациональна, но "таинственна" и основана на вере и жертве. Он не стремится дать светское юридическое объяснение самодержавию и с презрением отверг бы саму мысль о том, что такое объяснение необходимо или по крайней мере полезно. Для него государство — выражение "абсолютной Правды, на которой строится мир". Оно несет ответственность не перед обществом, а только перед Богом.

Православное видение сущности государства Победоносцевым особенно четко выразилось в одном из писем Александру III: "Во всяком случае и во всех обстоятельствах власть повсюду и в особенности у нас, в России, имеет громадную нравственную силу, которой никто не может отнять или умалить, если сама не захочет. Это право и сила — отличать добро от зла и правду от неправды в людях и действиях человеческих. Эта сила, если постоянно употреблять ее, сама по себе послужит великим рычагом для нравственного улучшения и для подъема духа в обществе... Мне казалось всегда, что основное начало управления — то же, которое явилось при сотворении мира Богом". "Различие Бога между светом и тьмою" — вот где начало творения вселенной. Там, где нет этого различия, один хаос. Чтобы выйти из него, необходимо иметь ясное око, различающее свет и цвета, и твердую волю, неуклонную в различении и в действовании".

На смену истинной монархии со временем приходит вторичное народовластие. К этой форме Победоносцев относится критически. "Учреждение, основанное на ложном начале, не может быть иное, как лживое. Одно из самых

лживых политических начал есть начало народовластия, та, к сожалению, утвердившаяся со времени французской революции идея, что всякая власть исходит от народа и имеет основание в воле народной". Для православного сознания лживость этой идеи в том, что, по слову Писания, "нет власти не от Бога, сущие же власти от Бога установлены".

В первичных народовластиях не было и следа идеи о главенстве в государстве "воли народной". Присутствие этой идеи в вечевом Новгороде, например, смогло привидеться романтически настроенному Карамзину и закрепиться у читателей "Марфы Посадницы", но неизмышленные "потомки Вадима", подлинные новгородцы при любом мало-мальски значительном выборе стремились прежде "сыскать воли Божьей", а потом уже действовать. Так, при выборах должностных лиц обязательно метался жребий, дабы определить из нескольких претендентов, выдвинутых гражданами, того, кто "желателен Богу". Причем метание жребия было священнодействием, совершавшимся иереем на престоле в храме, а в случае избрания архиепископа, "владыки Новгородского", — в кафедральном Софийском соборе. В процессуальном праве Новгорода и Пскова широко употребляется метод ордалии — "суда Божьего", как правило, в форме "судебного поединка" — боя ответчика и истца или представляющих стороны лиц — "послухов". Люди жили в постоянном ожидании знаменья, готовности к чуду. Причиной такого настроения практичных новгородцев и псковичей было интенсивное религиозное переживание мира как дара Божьего, вселенной — как совершенного построения, которое свободная воля человеческая не должна нарушать грехом своеволия.

Вторичное народовластие является как бы антитезой народовластия первичного, его "обезьяньим лицом". Оно существует только там, где религиозное переживание мира утрачено и человек, каков он есть, а не каким должен стать, превращается в высшую совесть, последнюю инстанцию истины. Потребность сыскать Божью волю при этом исчезает, и возникает иное желание — выяснить "глас народный", который и начинает рассматриваться как "глас Божий". Вторичное народовластие — следствие обожествления человека. "Много зла наделали человечеству философы школы Ж.Ж. Руссо. Философия их завладела умами, а между тем вся она построена на одном ложном представлении о совершенстве человеческой природы и о полнейшей способности всех и каждого уразуметь и осуществить те начала общественного устройства, которые эта философия проповедовала", — писал Победоносцев.

Итак, "лживость" и "ложность" вторичной демократии в том, что как раз тогда, когда совесть людей наиболее отвратилась от источника света и затемнилась грехом, они решили положиться на нее в "великом и ужасном деле правления". Отсюда, считает обер-прокурор, и присутствие лжи в каждом из узлов парламентской системы: в выборах, в партиях, в их агитации, в ответственном министерстве и т.д.

В избирательной системе Победоносцеву претит, что "честолюбивый искатель сам выступает перед согражданами и старается всячески уверить их, что он более, чем всякий иной, достоин их доверия". Ведь "кто по натуре своей способен к бескорыстному служению общественной пользе в сознании долга, тот не пойдет заискивать голоса, не станет воспевать хвалу себе на выборных собраниях, нанизывая громкие и пошлые фразы... Такие люди если и идут в толпу людскую, то не затем, чтобы льстить ей и подлаживаться под пошлые ее влечения и

инстинкты, а разве затем, чтобы обличать пороки людского быта и ложь людских обычаев". Напротив, кандидат в депутаты "не может и не должен быть скромным, ибо при скромности его не заметят, не станут говорить о нем. Своим положением и тою ролью, которую берет на себя, он вынуждается лицемерить и лгать с людьми, которые противны ему, он поневоле должен сходить, брататься, любезничать, чтобы приобрести их расположение, — должен раздавать обещания, зная, что потом не выполнит их..." Выборы, в представлении Победоносцева, — это как бы все большее накопление лжи. Но может ли из лжи родиться нечто доброе? Может ли человек, изолгавшись в "похоти власти" на выборах, вдруг стать потом честным и бескорыстным представителем своего округа?

Победоносцев отрицает "плюралистические" демократии Запада, когда отдельный кандидат превращается лишь в безликую единицу той или иной партийной платформы из предлагаемых на выбор обществу. Поскольку подавляющее большинство людей способны самостоятельно решить только самые простые вопросы, а "политические вопросы, требующие крайнего напряжения умственных сил у самых способных и опытных мужей государственных", принадлежат "к числу самых сложных", то масса избирателей вводится в заблуждение относительно их сути "громкой фразой, в нее бросаемой". "Толпа быстро увлекается общими местами, облеченными в громкие фразы, общими выводами и положениями, не помышляя о проверке их, которая для нее недоступна: так образуется единодушное мнимое, призрачное, но тем не менее дающее решительные результаты".

Именно из подобных высказываний о "массовом сознании" делают часто вывод о презрительном отношении Победоносцева к человеку, о неверии в его силы, разум. Но при этом забывается, что ученый говорит тут не о человеке вообще, но о гражданине "новой демократии", утратившем религиозное правосознание. Ведь, по его мнению, только встречные процессы упадка духовности власти и ослабления веры народной могут породить представительные учреждения как наиболее соответствующие секуляризованному обществу, уже разъединенному ложью самообольщения. В народе, глубоко религиозном, тоже нет рационального осознания политики, но он к ней и не стремится, а потому и не может обмануться "громкой фразой". Вера формирует нечто более важное, чем изощренный ум, она рождает нравственное чувство правды, сквозь призму которого тут же становятся видными каждое лживое слово и действие.

Нравственное сознание, "разумный смысл народный", как называл его Победоносцев в статье о Франции, столь же необходимый элемент здорового государства, как и жертвенная власть. Этому смыслу дикой и абсурдной кажется идея контроля над властью из-за постоянного недоверия к ней. Так же как и повелевание, подчинение в православной культуре — это жертва не царю, не повелителю земному, но Богу Небесному. "Будьте покорны всякому человеческому начальству для Господа", — опять приводит он в подтверждение своих выводов евангельскую истину. Вот почему "разумный смысл народный", считает Победоносцев, готов многим пожертвовать ради "твердости законной власти", а не ради контроля над ней, как делает смысл неразумный, который ищет путей для реализации собственной воли, для навязывания ее. Там — жертва, тут — похоть.

Обращаясь к истории государства и права, Победоносцев с большой симпатией пишет об Англии, но считает ее порядки соответствующими лишь ее политико-правовой специфике и традициям. Там они естественно выросли из народного самоуправления и слабой королевской власти, сохраняя донныне (речь шла о викторианской эпохе) некоторые элементы первичной сакральной демократии. От общин выбирались достойные люди, которым доверяли как личностям, "долженствовавшим представлять мнение страны в собрании, но не связанным никакой определенной конституцией от массы своих избирателей". Доверие к личности — это особенность религиозной юриспруденции. В ней человек воспринимается как целостность. Выборщики не требовали отказа депутата от своей личности, но, напротив, ждали от своего представителя наиболее полного проявления всех тех личных качеств, которые ценили в каждом общиннике, а кроме того — и государственного опыта, которым большинство не обладало.

Но в конце XIX века, считает Победоносцев, "представительные учреждения вступают в критическую эпоху своей истории" даже в Англии. Это происходит из-за изменения принципа делегирования депутатов. "Из личности, представляющей личностей", депутат все больше превращается в носителя отвлеченного идеологического принципа, который в момент выборов завладел умами большинства избирателей округа. "Это уже не представитель от страны или народа, но делегат, связанный инструкцией от своей партии". Теперь требуется, чтобы "доверенные от народа лица устранились вовсе от своей личности", чтобы "на парламентских скамьях сидели механические исполнители данного им наказа" от большей части избирателей округа. Так извращается духовный смысл народовластия.

Ложь новой демократии Победоносцев усматривал в том, что своим идеалом она видит уничтожение личности правителя, министра, депутата, поскольку неизбежно искажает их волю. При сакральной демократии народ искал себе духовно наилучшего представителя, возлагал на него бремя власти, сам давал клятву совершать жертву повиновения и не сомневался, что, если выбор сделан правильно, интересы государства будут находиться в согласии, симфонии благодаря духовной мудрости, опытности и святости избранного. Вторичное народовластие, напротив, безличностно и строится не на единстве, но разделении на партии и фракции, не на мире, но на соперничестве. "Здравый смысл народный" не может вынести такой лжи. Он или отбрасывает изолгавшиеся формы, или же сам окончательно развращается и ниспадает. В Европе процесс духовной деградации шел параллельно с извращением сути монархической власти. В Англии и, возможно, в Скандинавии, полагал Победоносцев, он был связан с упадком священной демократии и, минуя сильную царскую власть, с непосредственным развитием из первичного народовластия десаκραлизованного вторичного.

Характеризуя Российское государство, Победоносцев активно исследовал состояние духовности и ряд других особенностей русского народа. Для него народ — это "единственная среда, в коей хранятся зиждущие инстинкты и зиждительные начала народной и государственной жизни". Для стабильности и благополучия государства крайне важно не только сохранить, но и развернуть, проявить вовне эти "инстинкты" и "начала".

"Основное условие природы русского человека" — первобытная детскость. Но и человек, многое понявший в христианской вере, должен остаться или вновь стать ребенком. Известно евангельское пожелание "будьте как дети". Та-

кое состояние русской души Победоносцев считает наиболее правильным. Как ребенок доверяет во всем матери и полагается на нее во всех обстоятельствах, так истинно мудрый “отлагает свое попечение” и предлагает себя промыслу Божьему. Только такое, “возвращенное в духе детство” является гарантией от “праздного слова самообольщения, от себя сказанного”, т.е. от гордости и себялюбия, “наглости и спеси”, на которых, по убеждению Победоносцева, воздвигается здание демократий.

Русский дух сначала формируется в российской семье. Ребенок не может воспитываться “сам по себе”. Не вырастет он полноценной личностью и в том случае, если сам будет подыскивать себе воспитателей, ибо здесь необходимы родительские любовь и наказ. “Под кровом родительским приют наш и наша ограда, — переводит Победоносцев Т. Карлейля, — тут отец — и пророк, и священник, и царь наш, и в послушании находим мы свободу”. Семья — гарант стабильности любого государства, так как она предвосхищает и напоминает Царство Божие. Родительская власть, “единственная установленная Богом в Десяти Заповедях, — это власть наивысшая”, где “добровольное подчинение — единственная добродетель ребенка”. Верности, любви, жертвенности и повиновению государю будущий гражданин должен быть научен в семье.

Поэтому правильная монархия, по Победоносцеву, должна уподобляться семье, моделировать ее на макроуровне. Русское государство должно стать большой семьей с абсолютным отеческим авторитетом и отеческой заботой, с одной стороны, и невопрошающим подчинением и любовью — с другой. В таком государстве народ смог бы жить детской жизнью, подлинной, наиболее близкой к Богу.

Отсюда и главная забота государства — правильное воспитание народа. Победоносцев был инициатором создания разветвленной системы церковно-приходских школ, которые должны были воспитывать детей в вере, любви к Отечеству, учить их честному отношению к труду и семье. В этих школах, двух- и четырехлетних, преподавалось немного предметов: русский и церковно-славянский языки, Закон Божий, церковное пение, арифметика, немного отечественной истории и географии. Считалось, что для человека, трудящегося на земле, этого достаточно. Только для наиболее способных должен быть открыт путь к продолжению образования.

Но в необъятной России церковно-приходское воспитание могло дать ощутимые результаты очень не скоро. Победоносцев надеялся лишь заложить первые основания будущей православно-русской образованности в народе. Однако со всех сторон он видел наступление сил, враждебных этим замыслам. В Европе и в интеллигентской части русского общества усиливались антицерковные и атеистические настроения, рос интерес к внешней, материальной и рациональной, жизни. Советник же Александра III был убежден, что “народ-дитя” следует уберечь от этих влияний.

Последние годы и месяцы царствования Александра II Победоносцев переживал очень тяжело, считая его “роковым падением в какую-то бездну”. Только что назначенный обер-прокурором Священного Синода, он со страхом смотрел на то, как тысячелетняя монархия готова сама выпустить власть из своих рук. “Бедная, бедная Россия! Недаром упал московский большой колокол при восшествии на престол Александра II”.

Гибель императора тяжело поразила Победоносцева. В ночь с 1 на 2 марта 1881 года он писал Тютчевой: "Вот до какого дня, до страшного дня мы дожили! Я был в Зимнем Дворце, видел эти ужасные сцены. Бог наказал нас таким горем, таким позором!" Теперь неважно уже было, как относился он к личности Александра II, — важно и страшно другое: убит царь, убит своим подданным. Дети убили отца, пусть далеко не лучшего, но отцов не выбирают. Смерть отца — это страшное горе, но такая смерть — это и тяжкий грех, и позор. Грех отцеубийства, страшнейший из грехов, лег на Россию. Но случившееся не только горе и позор, это еще и наказ Божий, в горе и позоре совершающийся. И наказ этот надо понять, чтобы спасти Россию. "Неужели все пойдет по-прежнему? То есть опять будут разговоры о парламентском "громоотводе", о либерализации, конституции? — восклицает Победоносцев в том же письме. — Такой ужас во мне, что кажется, какой-то кошмар случился, и как будто еще не верится".

В сложившихся обстоятельствах Победоносцев видел только один путь к спасению страны — в консолидации, упрочении верховной власти, а это был путь жертвования, часто даже жертвования собственной кровью. "Дьявольским словом соблазна" звучало предложение либералов-конституционалистов ослабить ответственность, разделить власть, отказаться от жертвенного пути и забыться в "блеске правления" монарха, "царствующего, но не управляющего". Но в мае 1882 года эта идея готова была войти в плоть государственной политики с подачей графом Н.П. Игнатьевым, министром внутренних дел, проекта манифеста о созыве Земского Собора для "великого единения царя и земли: единения в любви, уже не только властной и покорной, но и советной".

Вопрос о Земском Соборе — одна из важнейших юридических тем, обсуждавшихся в среде интеллигенции с начала века. Ее приверженцами были некоторые славянофилы, особенно братья Аксаковы, видевшие в созыве законосовещательного органа возможность восстановления непосредственной связи царя с народом, сыскания монархом "воли Земли". Многие либералы рассматривали Земский Собор как первый шаг к ограниченной монархии в России. Поэтому в предложении министра не было ничего нового, неожиданным было лишь то, что предложение на этот раз исходило от должностного лица и было сделано в момент острого политического кризиса.

Александр III передал проект манифеста Победоносцеву, и тот, "прочитав эти бумаги... пришел в ужас при одной мысли о том, что могло бы последовать, когда бы предложение графа Игнатьева было приведено в исполнение". Для обер-прокурора Земский Собор — исторически отживший, анахронический институт. "Простые люди не имеют об этом понятия, серьезные люди этому не верят, а пустые фантазеры не иначе поймут это и примут как в смысле конституции". Но главное, с кем будет в Соборе совещаться царь? По мере упадка духовности русский народ утрачивает даже элементарные способности к самоуправлению, о чем свидетельствует упадок общины. "Местное крестьянское управление или самоуправление до того расстроено, что повсюду иссякает правда. Власти, разумно действующей, нет, слабые не находят защиты от сильных, а силу захватили в свои руки местные капиталисты, то есть деревенские кулаки-крестьяне и купцы, кабатчики и сельские чиновники, то есть невежественные и развратные волостные писари". Крестьяне в таких условиях потеряли интерес к самоуправлению и начали стихийно отказываться от него. Они не имели ника-

кого уважения к тем, кого сами выбирали и наделяли властью, уважая только ту власть, которая от них не зависела.

Победоносцев видел в этой идее прежде всего потерю правовых душевных начал. Разложение первичной демократии на самом низшем, общинном уровне бесспорно свидетельствует о развращении душ, о росте эгоистических наклонностей в одних, полного равнодушия к интересам коллектива в других общинниках.

Только школа, только просвещение и воспитание “в истинном духе, в простоте мысли” способны спасти и поднять русский народ, раскрыть в нем инстинкты, заглушенные развратом, идущим из городов, кабаков, от корыстного эгоизма сельских нуворишей. Упадок самоуправления поэтому — видимое проявление духовной деградации русского народа, с которой власти, сознающей правильные начала общественного бытия, необходимо бороться всеми силами. А как раз эту власть и стремятся ослабить, ограничить в возможностях энтузиасты созыва Земского Собора. Причем ограничить волей того самого народа и образованных людей (интеллигенции), которые сами духовно тяжело больны и не могут самоуправляться даже в малых коллективах. Слепым и ослепленным предлагается вести зрячих. “В моих мыслях — это верх государственной бессмыслицы. Да избавит нас Господь от такого бедствия!” — обращался Победоносцев к императору.

Далее приводились аргументы из русской истории. “Древняя Русь имела цельный состав в простоте понятий, обычаев и государственных потребностей, основанных на крепкой и глубокой вере в Правду Божию”. На таком основании законосовещательный орган, быть может, и мог эффективно действовать, но в конце XIX века времена земских Соборов XVI — XVII веков и даже царствование Николая I — уже легенда по цельности сознания в народе и правительстве. С тех пор “река весьма изменила свое течение, а птицы летание переменили” и борьба с правонарушениями стала несравненно сложнее.

Победоносцев считал, что “для крепости правления нет ничего важнее, нет ничего дороже веры народной в своего правителя, ибо все держится на вере. Но как раз эта вера, уже не раз колеблемая правительством, будет окончательно подорвана созывом Собора. В истории бывают моменты, когда народ оказывается святее власти, и тогда он выправляет власть по образу своей души, но единственное спасение России в реальной ситуации конца века Победоносцев видит в том, чтобы власть “окрепла духовно” и подняла народ, уже неспособный к самостоятельному созиданию, но хранящий в своей среде “зиджительные начала”, для страны необходимые, и еще верящий в силу царской власти. Исчезни это последнее — вера в святость власти — рухнет власть и окончательно погибнет народ русский.

Поэтому обер-прокурор твердо заявил Александру III в письме о проекте Игнатьева: “По истинной правде и по долгу совести и присяги, по здравому смыслу, по любви к Отечеству обязываюсь сказать, что считаю это дело безумным!” Двумя днями позже, вновь обращаясь к императору, он заявил о готовности уйти в отставку, так как, если манифест будет подписан, “ни один серьезный человек в составе министерства не решился бы оставаться и продолжать свою деятельность, ибо всякая разумная деятельность оказалась бы при этом невозможною”.

Казалось, сбывались слова, написанные Победоносцевым Тютчевой в последние дни предыдущего царствования, когда он опасался стать “противником правительства”, выступая “за крепкие и здравые начала Правды”.

Но судьба распорядилась иначе. Победоносцев оказался хорошим педагогом. Его царственный ученик, "воссев на престол Отцов Своих", решительно повернул руль государственного корабля. Реформы закончились, и наступили контрреформы, идейным вождем которых стал Победоносцев.

Успех обер-прокурора в борьбе со сторонниками продолжения реформ, по мнению либеральных историков, на четверть века отодвинул в России создание конституционной монархии, и в этом они видят главную вину Победоносцева. Они в большинстве своем полагают, что революция 1905 года произошла в России из-за того, что демократические формы организации власти были допущены слишком поздно.

Но позиция самого консерватора в этом споре прямо противоположна: по сути своей антидуховные, а часто и исторически чуждые русской культуре политические нововведения, если будут приняты, считал он, не спасут, а вконец погубят Россию, вызвав "размягчение власти". "Обновить общество... можно... только применением к гражданскому обществу христианских начал", а они не реформами вводятся, но развиваются, выращаются долгим воспитанием. "Мы хотим механически раскрыть и расправить лепестки грубою рукою, — подчеркивает свою убежденность красивой метафорой обер-прокурор, — и раскрытые нами лепестки засыхают без здорового цветения, без надежды на плод здоровый! Не безумное ли это дело?"

ЛЕКЦИЯ 4. Почвенничество

После отмены крепостного права славянофильство вынуждено было трансформировать свои идеи до такой степени, что превратилось фактически в новое течение уже не либеральной, а консервативной мысли — почвенничество. Его основными представителями стали А.А. Григорьев, братья М.М. и Ф.М. Достоевские, Н.Ф. Федоров, Н.Я. Данилевский и К.Н. Леонтьев. Последние двое и будут в основном в зеркале нашего анализа, так как в их трудах больше всего рассуждений о юриспруденции.

Почвенники придали более четкую определенность лозунгам ранних славянофилов. Из оппозиционных они превращаются в лояльные по отношению к официальному курсу. Снимается аграрно-крестьянский вопрос, признанный решенным Манифестом от 19 февраля 1861 года, выражается поддержка другим делам Александра II, в том числе касающимся администрации, суда, просвещения, военного дела и армии. Почвенники больше озабочены вопросами внешней политики. Отношения России со странами Запада и ее роль в делах пробуждающегося Востока становятся центральными вопросами в их геополитических рассуждениях. Особое значение в этой связи приобретает национальный вопрос.

Интересно их обоснование третьего пути для России. Почвенники были против "крайностей" официальной политики в лице консерваторов-реформистов и этактистов, но боялись также и "крайне левых" революционно-демократических идей "Современника" Чернышевского и "Русского слова" Писарева. Их "нейтральная" программа имела целью объединить все юридические течения на базе идей о самобытном пути России. "Не тронутые" еще буржуазной (западной) цивилизацией основы "народного быта", "народного духа", "народной культуры" и "христианская связь в среде народной" объявлялись ими залогом справедливого будущего русской нации.

Организационной формой “слияния” “просвещенного общества” с народом почвенники считали общину и земство, а духовной — “русскую идею”. Религиозное чувство смирения, самоотречение, стремление к Царству Божьему на земле выдавались ими за необходимые элементы “русского духа” или “русской идеи”. В прямой связи с этими положениями почвенников находились идеи об особой миссии русского народа, который “призван спасти человечество”.

Главный источник почвенничества — святоотеческая литература. Именно они открыли ее для российской интеллигенции, а вместе с ней — православную традицию с ее византийскими корнями. Они первыми поддержали традицию как достояние, в меньшей степени — как проблему. Кроме того, они осознали необходимость “достройки” российской традиции, т.е. углубления в ней индивидуального начала. С этим связан их интерес к исихазму и старчеству. Наметилась плодотворная тенденция сближать светскую и религиозную культуру, получившая свое полное воплощение уже в другом течении консерватизма — теократическом учении Владимира Соловьева.

Апелляция к прошлому, к традиции является ключевой идеей любого консерватизма. Однако у почвенников архаические трактовки государства и права нередко домысливались, доводились до абсурдных крайностей. Например, Леонтьев, прославляя наше “варварство” как звено истинной традиции, открыто провозглашал: “В России еще много безграмотных людей; в России еще много такого, что зовут “варварством”. И это наше счастье, а не горе. Не ужасайтесь, прошу вас; я хочу сказать только, что наш безграмотный народ более, чем мы, хранитель народной физиономии, без которой не может создаться своеобразная цивилизация”.

Домысленная и дописанная историческая традиция России, другими словами — почва, в концепциях почвенников стала той целью, ради которой существовали все социально-политические институты — государство, общество, семья, право, религия, мораль. Эти институты имели лишь сугубо функциональные задачи. Исключение было сделано только для общины, которая считалась венцом народного творчества и в определенной степени сама олицетворяла собой своеобразие русской почвы.

Еще больше, чем у других русских консерваторов, у почвенников критикуются западноевропейские теории рационализма и прогресса. Последний нередко воспринимался как упадок, декаданс. Прогресс есть “истинный ад, и истинно божественное, истинно человеческое дело заключается в спасении жертв прогресса, в выводе их из ада... Прогресс как отрицание Отечества и братства есть полнейший нравственный упадок, отрицание самой нравственности” — так писал Н.Ф. Федоров. Запад виделся этими мыслителями как тупик в историческом развитии. Он уже прошел высший цикл своего расцвета, а теперь стал “гниющим”, “больным”, старым”, заражающим своим тлетворным влиянием молодую страну. Спасение виделось в изоляции от Европы, обращении к культуре предков, к единению поколений, что позволило бы оградить настоящую и будущую Россию от вредного иностранного влияния. Акцентировалась идея национальной обособленности: “...нужно теперь не славянолюбие, не славянопотворство, не славяноволие — нужно славяномыслие, славянотворчество, славяноособие...” (Леонтьев).

“Славяноособие” у этих консерваторов неразрывно связано с императорским престолом и церковью, творцом и охранителем которых объявляется сам народ.

Расцвет государства приходится на периоды существования сильной монархической власти, а упадок ассоциируется с республиканским и конституционным строем. Поэтому еще раз следует подчеркнуть неприятие почвенниками демократических ценностей западного общества и ориентацию на русские обычаи в вопросах государства и права.

Почвенники считали Россию великой державой, которая не принадлежит ни Западу, ни Востоку. Она, по их мнению, наследовала во всемирной истории роль и место "второго Рима" — Византии. Поэтому "царь-град есть тот естественный центр, к которому должны тяготеть все христианские нации, рано или поздно, а может быть, и теперь уже предназначенные составить с Россией во главе великий восточно-православный союз". И тогда в ближайшей перспективе появятся "две России, неразрывно сплоченные в лице государя: Россия — империя с новой административной столицей (в Киеве) и Россия — глава Велико-го Восточного Союза с новой культурной столицей на Босфоре" (Леонтьев).

Идея национальной замкнутости в этом течении причудливо сочеталась с политическим мессианизмом России, с лозунгом установления русского мирового порядка. С одной стороны, активная внешняя политика России на европейском континенте нуждалась в дополнительных усилиях в деле сохранения и укрепления "специального кордона" с Европой. С другой стороны, России отводилась почетная роль всемирного миссионера. "Итак, нет вражды вечной, устранение же временной составляет нашу задачу, задачу России, как задачу, долг и всех народов... задачу России, которая поздно вступила в европейский союз (правильнее было бы сказать — в раздор), вступила в качестве посредницы, в качестве миротворца" (Федоров).

Заметной фигурой почвенничества стал **Николай Яковлевич Данилевский** (1822 — 1885), труды которого в наши дни переживают как бы новое прочтение и весьма актуальны, несмотря на вековую давность. Родился он в селе Оберец Орловской губернии в дворянской семье. С 1837 по 1842 год обучался в Царскосельском лицее, затем стал вольнослушателем Петербургского университета. В 1847 году получил степень кандидата, а в 1849 году — магистра ботаники. Учась, будущий почвенник увлекся модными в то время идеями утопического социализма, сблизился с членами кружка М.В. Петрашевского, по делу которого в 1850 году был арестован и более трех месяцев провел в каземате Петропавловской крепости. После процесса был сослан в Вологду, где приступил к научной работе. Диапазон ее был довольно широк: от статистики, этнографии, политической экономии до истории, политики, юриспруденции.

В историю юриспруденции Данилевский вошел благодаря своей работе "Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому". В 1871 году было осуществлено ее первое издание, встреченное публикой весьма прохладно. Однако последующие ее издания разошлись почти сразу, что было обусловлено как изменившейся социально-политической атмосферой России 80-х годов, ее пошатнувшимся международным авторитетом, так и оригинальными идеями автора, находившими все большее подтверждение на практике. Книга Данилевского с ее попыткой дать ответ на возникшие в русском обществе вопросы о дальнейших судьбах России, ее взаимоотношениях с европейским миром, с оригинальной концепцией всемирной истории, перевертывавшей устоявшиеся представления, обрела популярность.

Данилевский отличился своей концепцией культурно-исторических типов во всемирной истории. Он стоит у истоков цивилизационного подхода к типологии государств, получившей свое последующее развитие уже в XX веке в трудах Шпенглера, Тойнби, П.А. Сорокина.

Цель этой концепции — развенчание евроцентризма, опирающегося на идею политического, экономического и культурного превосходства европейцев над другими народами мира. Европа стремится предписывать зависимым от нее народам несвойственные им цели и задачи и расценивает любые проявления самобытного, не подчиняющегося ей национального развития как исторический пережиток, как нечто “гигантски лишнее”, мешающее осуществлению общечеловеческих идеалов, которые рассматриваются как бесконечно превосходящие любые другие. Подчинившиеся ее нажиму государства, принявшие подобную доктрину в качестве оправдания утраты своей собственной культуры, обречены на духовное банкротство под личиной внешнего космополитизма, поскольку чувство любви к своему Отечеству неискоренимо даже в случае признания своего бессилия и несовершенства.

Россия, и эту идею Данилевский делает основополагающей в своих построениях, ни по корням своим, ни по истории и традициям, ни по духовно-культурным связям не принадлежит “ни европейскому добру, ни европейскому злу”. Но далеко идущие замыслы европейских политиков заключаются в том, чтобы навязать ей распространение европейской цивилизации в качестве чуждой ей “священной исторической миссии” и тем самым обрекать ее на утрату своей самобытности и использовать россиян как орудие для решения проблем европейских государств.

Славянский же мир имеет силу и притязание жить самостоятельной, суверенной жизнью и, несмотря на внешнюю податливость и подверженность влияниям, крепнет и разрастается, хотя и претендует только на то, “что по всем божественным и человеческим законам принадлежит этому миру”. Этим обусловлено недоверчивое, предосудительное отношение Европы к России, ибо она “видит в России и в славянах вообще нечто ей чуждое, а вместе с тем такое, что не может служить для нее простым материалом, из которого она могла бы извлекать свои выгоды”. В результате нашей стране приписывается агрессивный, завоевательный характер, она оценивается по меркам европейской цивилизации как отсталая, неразвитая, которая должна стремиться достичь социально-политического уровня Европы путем модернизации государства и права.

Сохранению этого сложившегося на протяжении десятилетий стереотипа способствуют и современные теории (истоки которых — у французских просветителей и особенно у классиков немецкой философии Гегеля и др.), ориентированные на поиск эталона общечеловеческого развития, “государства разума”, на понятие прогресса, на сравнительный анализ стран и народов. Прямое или косвенное признание того, что история есть прогрессивное неуклонное шествие вперед, где одни государства обгоняют другие, связано с делением наций на совершенные и несовершенные.

Для того чтобы уничтожить этот предрассудок, необходимо отрешиться в первую очередь от общепринятой в настоящее время группировки политических явлений и событий по принципу отнесения их к периодам древней, средневековой и новой истории. Такая группировка изменяет реальный смысл истории, ибо оставляет в тени как якобы не стоящие внимания целые регионы планеты —

Индию, Китай, Египет, так как они “выпадают” из прогрессистской схемы, нарушают стройность искусственной систематики, превратившей Европу в некий идеальный образец, достойный подражания и поклонения.

Данилевский уверен, что подобная периодизация связана с нарушением принципов классификации, поскольку в основу ее положена идея временного синхронизма, или одновременного сравнения государств и регионов, с целью выявления общих, характерных для данного периода тенденций и особенностей развития. Сопоставляются не одинаковые, а различные ступени развития народов, ибо зарождаются, расцветают и дряхлеют они не одновременно, и делается не имеющий ничего общего с реальностью вывод о превосходстве одних народов и неразвитости других.

Традиционное деление истории на периоды содержит в себе ошибочное смешение ступеней и типов развития. Вместо того чтобы проводить параллели между народами, для которых одна и та же эпоха имеет совершенно разное значение — ибо одни только начинают формироваться, другие же, увенчанные плодами тысячелетнего развития, уже завершают свой жизненный цикл, — гораздо целесообразнее было бы выделять реальности культурно-исторических типов, т.е. “самостоятельных, своеобразных планов религиозного, социального, бытового, промышленного, политического, научного, художественного, одним словом, исторического развития”. Как равнозначны и одинаково важны для сохранения естественной гармонии разнообразные виды растительного и животного мира, так же эквивалентны всевозможные проявления человеческого духа, формы искусства, языки, порожденные тем или иным народом.

Ядром культурно-исторического типа нужно сделать национальное, а не интернациональное (космополитическое) начало, обладающее определенным запасом энергии и способностью к саморазвитию. Связывая появление наций и народностей мира с действием сверхъестественной силы, Данилевский дает им, однако, научное определение и оперирует им в своих рассуждениях: “...что такое национальность, как не накопившаяся через наследственность сумма физических, умственных и нравственных особенностей, составляющих характеристические черты народных групп, — особенностей, которые кладут свой отпечаток на их политическую, промышленную, художественную и научную деятельность и тем вносят элемент разнообразия в общую жизнь человечества и в сущности обуславливают возможность продолжительного прогресса?”

Данилевский подчеркивает значение единых традиций, быта, социально-экономического уклада жизни, языка, являющихся для него признаками национальной целостности. Он считает, что консолидации нации способствует развитие торговли, транспорта, но все же в качестве основного фактора государственного единства для него выступает национальное правосознание. Нация должна быть способна постигать самое себя как целое, так же как личность осознает себя таковой в сравнении с другими личностями. Лишь сознанием людей, обнаруживших, что они составляют единое целое, связавших мыслью стадии эволюции культуры, к которой они принадлежат, принявших эти стадии как свою собственную историю, укрепляется национальная целостность, лишь при наличии такого сознания культура существует как таковая.

По мнению Данилевского, человечество — это абстрактное понятие, в истории же действуют отдельные народности. Поэтому он выступил с обоснованием “естественной системы истории”, предложив считать главным основанием ее пери-

одизации деление на обоснованные замкнутые национальные государства или культурно-исторические типы с присущими им специфическими чертами в духовной, политической и экономической сферах. Историю этот консерватор интерпретировал как циклический процесс возникновения, расцвета и упадка поочередно сменяющих друг друга разнообразных национальных государств и их культур.

Таким образом, история представлялась им чередованием локальных, мало-связанных друг с другом культурно-исторических типов: египетского, китайского, ассирийско-вавилонско-финикийского, халдейского, или древнесемитического, индийского, иранского, еврейского, греческого, римского, новосемитического, или аравийского, романо-германского. С небольшими оговорками Данилевский включал в число мировых цивилизаций мексиканскую и перуанскую культуры, разрушенные в результате испанского вторжения раньше, чем они смогли окончательно сформироваться. Продолжение этой цепи он видел в создании восточнославянского культурно-исторического типа, обосновывая тем самым свои панславистские мечтания (идеи об объединении всего славянского мира, вовсе не связанные им, впрочем, с какими бы то ни было гегемонистскими притязаниями славян или мыслями о территориальном расширении славянского мира за счет европейцев или мусульман).

Кроме народов, составляющих культурно-исторические типы, существуют народы, которым не суждено "ни положительной, ни отрицательной исторической роли", они (как, например, финские племена) составляют так называемый этнографический материал. Кроме них, в истории действуют народы — "бичи Божии" — гунны, монголы, турки, которые помогают гибнуть умирающим цивилизациям, затем "скрываются в прежнее ничтожество".

Данилевский сформулировал основные законы функционирования культурно-исторических типов, вытекающие из предложенной им системы. Во-первых, самобытный тип составляют племя или семейство народов, ощущающих внутреннее родство и способных по своим задаткам к историческому развитию. Во-вторых, для возможности зарождения и развития самобытной цивилизации народ и входящие в его состав drobные национальные единицы должны обладать государственным суверенитетом. В-третьих, каждый тип вырабатывает самостоятельные и не передаваемые другим начала цивилизации; влияние других культур на него очень ограничено. В-четвертых, "цивилизация, свойственная каждому культурно-историческому типу, только тогда достигает полноты, разнообразия и богатства, когда разнообразны этнографические элементы, его составляющие, — когда они, будучи поглощены одним политическим целым, пользуясь независимостью, составляют федерацию или политическую систему государств". В-пятых, культурно-исторические типы в своем развитии проходят стадии, аналогичные жизненному циклу организма, — рост, цветение и увядание: "Народы... рождаются, достигают различных степеней развития, стареют, дряхлеют и умирают".

Развитие и изменение в рамках отдельных национальных государств (где прогресс, движение к совершенству вовсе не избавляют от последующей деградации) и есть реальная история. Но ученые, ослепленные европоцентризмом, как бы не замечают трагической ее красоты, произвольно фиксируя и выстраивая в единую преемственную линию моменты восхождения различных народов и "забывая" о периодах упадка и разрушения культур, считая их случайным, противостоестественным вкраплением в фатальную прогрессивность.

Каждый исторический народ проходит несколько стадий развития: длительный этнографический период, когда формируется душевный облик народа; государственный; наконец, период цивилизации, в котором народ становится культурно-историческим типом. "Период цивилизации каждого типа сравнительно очень короток, истощает силы его и вторично не возвращается".

На стадии цивилизации развиваются те стороны духовной деятельности народов, "для которых есть залог в их духовной природе". После этого народ, истратив все силы, возвращается в этнографическое состояние. Уровень развития той или иной цивилизации определяется степенью развития "общих категорий" — религии, культуры (включая науку и искусство), политики, права, социально-экономических отношений.

Данилевский пытается наметить особенности культурно-исторических типов. Первые цивилизации — египетскую, китайскую, вавилонскую, индийскую и иранскую — он характеризует как первичные, или автохтонные; в них "общие категории" были не развиты и еще не обособлены друг от друга. Последующие цивилизации достигли более высокого уровня во всех сферах деятельности, но каждая из них достигла наивысшего развития, недоступного другим народам, в какой-либо одной сфере. Так, еврейская цивилизация выработала идею единого Бога, греческая — создала непревзойденные шедевры искусства, римская — развила государство, политику, право. Эти цивилизации, по определению Данилевского, "одноосновные". Европейская же культура, которая развила политическую организацию и достигла блестящих высот в науке, — "двухосновная".

Наивысшего развития достигли греческая и европейская цивилизации. Европа находится в "апогее своего цивилизационного периода", но ее расцвет — предвестник близкого заката. Отсюда почвенник делает вывод, что на смену Европе идет славянская цивилизация с самобытной юридической культурой. Поскольку каждый тип народа развивается независимо от других типов, на основе заложенных в нем природой начал, попытки перенять европейскую цивилизацию для России не только не плодотворны, но и вредны, потому что задерживают естественный ход развития. Поэтому "Европа не только нечто нам чуждое, но даже враждебное".

Данилевский выступает против "европейничания", заимствования таких вредных и чуждых русскому духу теорий, как материализм, нигилизм и т.п. Русский народ в его изображении мягок, покорен, почтителен к властям предрержащим, "одарен в высшей степени консервативными инстинктами". Это является причиной того, что "Россия есть едва ли не единственное государство, которое никогда не имело (и, по всей вероятности, никогда не будет иметь) политической революции".

Консерватор характеризует славянский тип как высший, "четырёхосновный", в котором все "общие категории" достигают наивысшего развития. Он отводит особую роль России и славянству в защите православия; в духе провиденциализма говорит о миссии России и славян быть "главным хранителем живого предания религиозной истины", "быть народами богоизбранными". Оригинальную черту славянского типа Данилевский видит в решении жизненно важного интереса народа через крестьянский надел и общинное землевладение.

Из теории культурно-исторических типов Данилевский делает вывод о политической миссии России по отношению к славянским народам, о необходимости

освобождения славян и создания единого государства на основе федерации с центром в Константинополе.

Юриспруденция Данилевского обосновывала противоположность России и Европы, самобытность основ русской жизни, особые черты русского характера, гарантирующие социальный мир, гармонию интересов народа и эксплуататорских классов.

Почвенничество нашло свое завершение в творчестве **Константина Николаевича Леонтьева** (1831 — 1891). Выходец из дворян Калужской губернии, он получил образование на медицинском факультете Московского университета (окончил в 1854 году). В качестве врача Леонтьев принимал участие в Крымской войне. В 1861 — 1874 годах находился на дипломатической службе. Выйдя в отставку, сотрудничал в консервативных изданиях того времени — “Русском вестнике” Каткова и “Гражданине” В.П. Мецкерского. В 1880 — 1887 годах был цензором. В 1887 году поселился в монастыре Оптиной Пустыни, где принял монашество.

В литературу Леонтьева ввел и долго помогал ему, поддерживал его творчество И.С. Тургенев. В 1878 году знакомства с Леонтьевым ищет молодой Вл. Соловьев и потом уже до конца его жизни поддерживает с ним дружеские отношения. Публицистику Леонтьева хорошо знали Л.Н. Толстой и Ф.М. Достоевский и тоже встречались с ним. На его произведения писали рецензии М.Е. Салтыков-Щедрин, Н.С. Лесков. Знали Леонтьева также в официальных кругах, например Победоносцев, Игнатьев.

Юриспруденция Леонтьева создана под влиянием теории культурно-исторических типов Данилевского, “учеником и ревностным последователем” которого он себя считал. Книга “Россия и Европа” стала для него настольной. В центре его построений, так же как и у Данилевского, жизнь национальности, народа. Каждый народ, по аналогии с жизнью отдельного человека, проходит три стадии:

- 1) “первоначальной простоты” (детство народа, когда набираются силы и закладываются основы социальной и культурной жизни);
- 2) “положительного расчленения” — “цветущей сложности” и многообразного гармонического творчества. Эта стадия соответствует периоду расцвета человеческого организма;
- 3) “вторичного смесительного упрощения”, когда народ дряхлеет, клонится к естественному концу, т.е. к превращению в этнографическое состояние.

Вместе с тем из чтения книги Данилевского он делает свои собственные выводы, нередко входящие в противоречие с тем, что утверждалось в “России и Европе”. Леонтьев признает существование “славянского типа”, но не как исторической реальности, а только как отвлеченного идеала. Действительность, с его точки зрения, доказывает, что славянский мир разобщен, а его народы, мало похожие один на другой обычаями, традициями, государственным устройством, в разное время переживали тяжелые времена. Когда болгары боролись за независимость, чехи спокойно, без особых волнений онемечивались, русские горячо обсуждали грядущие реформы, пугавшие многих своей неопределенностью. Леонтьев принимал идеи Данилевского в виде некоей перспективы создания “славянского типа”, которое потребует больших усилий. Сам по себе этот тип не существует и без целенаправленной работы не образуется.

Перспективы создания “славянского типа” зависят от практической формы, которую следует найти для него, от юридической идеи. В поисках последней

Леонтьев обращается к русской истории и приходит к серьезной и интересной теории, которая и создала ему репутацию тонкого и оригинального мыслителя. Это был ставший вскоре широко известным византизм, который сплавил в единое удивительное интеллектуальное образование катковские воззрения на самодержавие, культурно-историческую типологию Данилевского и славянофильские идеи о русской национальной исключительности.

История России, считает Леонтьев, своим началом и основополагающими политико-правовыми принципами неразрывно связана с Византией. Будущее России может быть понято из ее внутреннего исторического развития, из тех основ, на которых возникли ее государственность, религия, традиции и уклад народной жизни. Основание же России составляют три исходных начала: византийское православие, византийское самодержавие и византийские нравы. Византийский дух образует сложную ткань нервной системы, связывающую и пронизывающую весь организм страны. Н.А. Бердяев, полемизируя с Леонтьевым, едко замечал, что Константин Николаевич "не обратил внимание на то, что соединение византийских начал с русской народной стихией было браком старика с молодой девушкой. Такие браки редко бывают счастливы". Написано красиво, но Бердяев забывает, что на этот брак "молодая девушка" очень настойчиво напращивалась сама и не раз "ходила на Царьград", пока, наконец, своего не добилась. Если судить по летописям, выбор у нее был, поэтому совершенно непонятно, откуда у "девушки" такое постоянство страсти.

Слов нет, Леонтьев нередко произвольно обращается с историческими фактами, но в данном случае он достаточно точен, утверждая, что фундаментальные принципы России были заимствованы у Византии, которая дала России также национальный характер и культурную идею. Если все разговоры о русском характере не лишены действительных оснований, то, без сомнения, византийский православный дух с его упованием не на земную, а на будущую жизнь определенно отразился в пассивно-трагическом мирозерцании нашего народа. В этом мирозерцании Леонтьев видел доказательство своих антипрогрессивных выводов, ибо Византия "отвергает всякую надежду на всеобщее благоденствие народов", является антитезой к идее всечеловечества в смысле "земного всеравенства, земной всесвободы, земного всесовершенства и вседовольства".

Византизм для Леонтьева — это реальный исторический символ "принудительного начала" в российской жизни, возведенный в принцип охранительной политики. То, что составляло византийские начала, укоренилось в русском самодержавии, православной церкви, национальных нравах и привычках. Идею "византийского самодержавия" на "русской почве" Леонтьев подает в эволюции: показывает, как оно превратилось вначале в великокняжеский патриархальный легитимизм, а позднее, сохранив эту особенность, — в отеческую родовую монархию. Со временем именно это "родовое чувство" выразилось в идее русской монархии и приобрело государственные признаки. Характерным ценностным атрибутом российского самодержавия Леонтьев считает "порядок", который обеспечивается "самодержавным деспотизмом и централизмом".

Если Чаадаев назвал византизм коренной причиной русского застоя, то Леонтьев считает его якорем спасения. Во внутренней политике эта концепция требует ритуализма, устойчивости форм, обрядовости, предпочтения государственных интересов личным, семейным, корпоративным, во внешней политике — лукавства. Целостная формула византизма такова: 1) государство должно быть пе-

стро, сложно, крепко, сословно, подвижно, сурово до свирепости; 2) церковь — независимее, иерархия — смелее; 3) быт — поэтичен, разнообразен в национальном, обособленном от Запада единстве; 4) законы, принципы власти — строжее, люди должны стараться быть лично добрее, одно уравнивает другое; 5) наука должна развиваться в духе глубокого презрения к своей пользе. Ядро этой формулы — государство, оно как солнце, все остальное вращается по законам этого светила. А в государстве главное — насилие. “Без насилия — нельзя. Неправда, что можно жить без насилия. Насилие не только побеждает, оно и убеждает многих; когда за ним, за этим насилием, есть идея. Надо уметь властвовать беззастенчиво!”

Свободы нет и никогда не будет в государстве, потому что государство, по Леонтьеву, — это организация, неизбежно подчиняющая себе людей с помощью насилия. Государство нельзя рассматривать как человеческое произведение, оно полностью принадлежит природе, слепой и безличной стихии. Почему мы не спорим и не возмущаемся, что нет свободы в природе? Почему мы, например, не возражаем против смерти по старости? Будь у нас свобода, мы вполне могли бы, скажем, продлевать бесконечно собственную жизнь. Но увы! Относя государство к органическим природным явлениям, Леонтьев подчеркивает, что оно существует в соответствии с законами природы, неумолимыми, неотвратимыми и непреодолимыми. Утрата этих природных свойств ведет государство к развалу и уничтожению.

Леонтьев настаивает на принудительном характере государства и объясняет это следующими причинами. Во-первых, так исторически сложилось, такова традиция. Что мы можем изменить в прошедшем? Во-вторых, в государстве может господствовать лишь одна воля; сложение многих волей как следствие свободы и демократии разрушает государство, ведет прямо к анархии, стихии и беспорядкам. Консерватор называет еще и третью причину, так сказать, производную, — это народ, его национальные особенности и характер. Он предупреждает, что народ, тысячелетие живший под сенью могучего государства, поколениями впитывавший в плоть и кровь страх, ненависть, скорбь, — такой народ без принудительного начала опасен для всех, в том числе и для самого себя. “Если бы монархическая власть, — пишет Леонтьев, — утратила свое безусловное значение и если бы народ понял, что теперь уже правят им не сам государь, а какими-то неизвестными путями набранные и для него ничего не значащие депутаты, то, может быть, скорее простолудина всякой другой национальности русский рабочий человек дошел бы до мысли о том, что нет больше поводов повиноваться”.

Не стройте радужных демократических надежд, взывал он к русскому обществу, не тащите идей с Запада, посмотрите на свою историю и поймите, что вся ваша свобода — это свобода принять свой единственный естественный удел, каким бы убогим и суровым он ни казался. Буржуазный либерализм только расшатывает устои общества. Даже революционеры вызывают у мыслителя известное уважение, потому что они знают, какую ставят цель, либералы же просто “путают жизнь”. Если победят нигилисты, то, по словам Леонтьева, “все существенные стороны охранительных учений им самим понадобятся”.

Не было у русского либерализма более блестящего и непримиримого врага, чем Леонтьев. Он его обличал, восхваляя авторитаризм, но был не против всякой свободы, а именно в ее либеральном понимании. Леонтьев в понимании прав и свобод человека постулирует первенство целого над частями: только тог-

да имеется гармоничный (включая асимметрию и контрасты), сильный и жизнеспособный социум, а сами индивиды, его составляющие, "исполняют" смысл своего бытия. Если общество в целом хиреет и чахнет, то же самое происходит и с людьми.

Создание на земле царства свободы и равных возможностей для всех, кто имел счастье родиться человеком, совсем не гарантирует того, что эти возможности реализуются. С самого начала возможности человека будут ограничены притязаниями других, точно таких же людей. Уровень развития личности тем выше, чем более он отличается от среднего. Сравнять всех, хотя бы по рождению, значит установить некоторый предел. Достижение высот свободы и духовного бытия людей предопределено особым общественным положением. Оно должно быть устойчиво и наследственно; благородство гораздо более наследуется, чем приобретается.

В статье "Византизм и славянство" Леонтьев опять доказывает, что государство естественнее, натуральнее, чем отдельный человек, как дерево естественнее растительных клеток. Не надо бояться признать первенство объединяющей государственной идеи, ибо общее благо государства пойдет на благо и его элементам.

Либералы полагают, что цель общественного развития и наилучшего политического устройства — обеспечить каждому человеку свободу распоряжаться собой и достигать своих субъективных целей. Такая свобода индивида является отрицательной. Она совершенно не совпадает с действительной субъективной свободой. Даже в самом примитивном виде последняя заключается в наибольшей возможности преодолеть разницу между целями (потребностями) и их осуществлением (удовлетворением). Можно ли сказать, что человечество хотя бы немного к этому приблизилось? Маловероятно, что современный человек чувствует себя свободнее и счастливее какого-нибудь древнего египтянина. Отношение между потребностями и возможностями остается неизменным не только на протяжении тысячелетий, но и при сравнении отдельных стран в современном мире. Поэтому говорить о том, что западные общества дают наибольшую свободу личности, бессмысленно. Объективно она ограничена, субъективно не поддается оценке.

Тем самым Леонтьев понял ограниченность рационалистической концепции прав человека, ее абстрактность, антиисторичность. Развитие государств строго по этой концепции приведет людей в состояние серой и скучной энтропии, уравниловки, казармы. Поэтому он выбрал для своего идеала другой критерий свободы. Нужно добиваться свободы для всего общественного организма в целом. Свобода может быть осуществлена только через свободу верховной власти в монархии, выражающей интересы всех.

В реализации охранительных задач Леонтьев существенное место отводил православной церкви. Именно она сплотила Русь в единое и огромное целое, дала силу противостоять многочисленным врагам в бесконечных войнах. В "смутные времена", когда внутриполитическая борьба поставила Россию на край гибели, православие возбуждало патриотизм, спланивало народ и прекращало внутренние гражданские распри. Как считал консерватор, православие выполняло роль дополняющего основания для самодержавия, способного спасти и восстанавливать его силы. Оно придавало монархическому началу отеческий, душевный, сокровенно-интимный характер, связывая и освящая его религиозной верой.

Пытаясь найти противовес социализму в России, Леонтьев обращался к теме “сближения с народом”. Русский народ, считал он, не любит интеллигенцию. В деле национального творчества она оказалась бесплодной. Он предлагает интеллигенции быть схожей с народом “в основах”. Здесь он опять настаивает на стихийном монархизме русского народа. Идея царя — единственно государственная мысль у простого русского человека.

Особенность консерватизма Леонтьева заключалась и в том, что он никогда не был русским националистом. Данное положение необходимо особо подчеркнуть, поскольку нация является стержневой ценностной ориентацией любого консерватизма. Тонкий, содержательный анализ национализма приводил Леонтьева к тому, что в русификации он видел прямое следствие ненавистной ему “европейской демократизации”. Национальное единство России, по его мнению, должно строиться не на силовом навязывании русских обычаев и языка, а на основе православия, общего религиозного опыта. Он считал, что всем народам России необходимо сохранять в неприкосновенности национальные традиции, обычаи, уклад жизни, согласовав их, насколько это возможно, с православием. Только по отношению к православию народы России должны находиться в подчиненном положении. Российское государство обязано оберегать национальные особенности. Для Леонтьева национализм находится в одном ряду с такими ненавистными ему политическими “ценностями”, как свобода, конституция, либерализм, демократия. Опасность национализма он видел в его направленности к государственной независимости, стремление к которой является иллюзией обманчивого движения к свободе и равноправию, которое при более серьезном взгляде оказывается “либерально-демократическим разложением”.

В области внешнеполитических ценностных ориентаций Леонтьев не оригинален. Он выдвигал идею создания “славяно-греческой цивилизации”, для осуществления которой предлагал занять Константинополь, начав войну с Австрией, Англией и Турцией, создать здесь центр “вселенского византизма” как примерную государственно-правовую систему, в рамках которой лечилась бы заблуждавшаяся эмансипацией Россия.

ЛЕКЦИЯ 5. Ф.М. Достоевский

Федор Михайлович Достоевский (1821—1881) оставил глубокий след в русской юриспруденции. На большой картине известного художника М.В. Нестерова “На Руси” (“Душа народа”), созданной в 1916 году, изображен крестный ход — шествие огромного множества ищущих справедливости, правды, права людей, представляющих Русь от древних времен. И в этой символической массе мы видим только три реальных лица: Льва Толстого, Владимира Соловьева и Федора Достоевского. По словам самого художника, картина “без этих лиц была бы неполна, незаконченна. Толстого, Достоевского и Соловьева нельзя было выкинуть из жизни народа... Особые тропы народные... шли к ним и от них”.

Взгляды на политику, государство, право у писателя сформировались с возрастом. Будучи молодым, он увлекся поисками правовых начал в трудах французских социалистов-утопистов, особенно Фурье, своих товарищей Белинского и Герцена, петрашевцев. Он полон сочувствия к обездоленным и несчастным, униженным и оскорбленным соотечественникам. Арестованный за пропаганду соци-

алистических идей по делу петрашевцев, заключенный в Алексеевский равелин Петропавловской крепости, Достоевский был затем среди приговоренных к расстрелу выведен на Семеновский плац 22 декабря 1849 года, выслушал смертный приговор и, с уже завязанными для приведения приговора в исполнение глазами, услышал о помиловании. Ему предстояла каторга на 4 года и пятилетняя ссыльная солдатская муштра. Все это приобщало его к лику тех, кто почти наяву, духовно пережил смерть (Голгофу) — и воскресение.

Другая идейно-формулирующая вежа Достоевского — 1865 — 1871 годы, когда он часто вынужден был жить вдали от Родины, за границей, спасаясь от тюрьмы за неуплату долгов — своих и брата. Он постоянно просит друзей помочь ему деньгами и тем спасти его от голода, но в это же время внимательно изучает жизнь, думает и напряженно работает. В этот период увидели свет ряд его лучших романов: “Преступление и наказание” (1866), “Идиот” (1868), “Бесы” (1870), “Подросток” (1871). В 1867 году Достоевский женится во второй раз — на Анне Сниткиной и обретает в ней преданного соратника. С ее помощью он постепенно выплачивает все долги, а затем достигает материального благополучия.

Последний период жизни писателя — с 1872 по 1881 год — возвращение на Родину и неопровержимое признание его гения; многочисленные трудности остались позади. Начиная с 1873 года и с перерывами до самой смерти Достоевский издает “Дневник писателя”, пользующийся широкой популярностью, где он чаще всего излагает свои юридические взгляды.

Самый идейно насыщенный и лучший из своих романов — “Братья Карамазовы”, где в художественной форме изложены почти все дискуссионные проблемы пореформенной России, Достоевский опубликовал в 1879 — 1880 годах. Роман сразу был признан шедевром. А знаменитая Пушкинская речь, произнесенная в 1880 году, за шесть месяцев до смерти, вознесла Достоевского на самую вершину славы. Речь оценивалась его друзьями и противниками как пророческое описание будущего нашей страны.

К этому же периоду относится дружба мыслителя с Владимиром Соловьевым, который произвел на Достоевского глубочайшее впечатление; в значительной степени и сам Соловьев испытал его идейное влияние. В 1879 году Достоевский и Соловьев посетили Оптину Пустынь, один из величайших центров русского монашества, демонстрируя тем самым свою приверженность к православию и его неувядаемым истинам и ценностям.

28 января 1881 года после непродолжительной болезни Достоевский умер. Похороны его вылились во всенародное горе. Ни одного русского писателя не оплакивали так, как Достоевского, хотя его вера в христианскую правду не получила полного признания в волнуемом, противоречивом русском обществе.

При жизни Достоевского творчество его было практически неизвестно за пределами России, и всемирная слава пришла к нему только в XX веке.

Зрелый Достоевский в пореформенной юриспруденции — консерватор, активно развивавший почвенническое течение. Более того, все его творчество — это непрерывная полемика с радикальными представлениями своей юности о государстве и праве, а также с теми, кто, в отличие от него, продолжал развивать правосознание в рамках русского социализма и народничества. Писатель после каторги не раз говорил о себе как о принципиальном противнике всяких теорий, предусматривающих на основе разума и науки все подробности будущего “рая”

на земле. Для него чем больше тот или другой деятель любит человечество и думает о его грядущем блаженстве, чем усерднее он создает теорию земного счастья, тем менее он способен понимать текущую действительность, замечать вокруг себя живых людей, с их частными, мелочными заботами, утомительно раздражающими нуждами и скорбями, тем равнодушнее он к жизни, все более становясь на макиавеллистские позиции, ведущие в конечном счете к признанию примата политики над правдой, когда цель начинает оправдывать насильственные, антихристианские средства.

Но и в рамках консерватизма Достоевский был весьма оригинален: неоднократно спорил с тогдашними авторитетами Катковым и Победоносцевым, критиковал лживую продворянскую политику Александра II, который не хотел прислушиваться к голосу мужика и допускал отход от "народной правды". Даже со своими единомышленниками — почвенниками он по многим проблемам не был согласен, формулируя свое видение политико-правовых вопросов.

Геополитическая, судьбоносная проблема "Россия и мир", пути исторического развития Отчизны — фокус всех его дум. Обдумывая ее, он шел к истине не путем прямого определения, а путем опровержения всех других истин, уже как-то определившихся. Все его искания — непрерывный спор, спор со всеми, включая самого себя. Характерно, что основных своих идейных противников (либералов и народников) он называл "теоретиками", чем хотел подчеркнуть их оторванность от родимой земли, от русского народа. Писатель призывал отойти от бесплодного теоретизирования, от заморских проектов, оторванных от жизни, от "чужебесия", встать на твердую основу — почву! "Почва вообще есть то, за что все держатся, и на чем все держится, и на чем все укрепляются". В нее включаются "народные начала": народные традиции, понятия, верования, стремления — все то, что в целом составляет "народную правду".

Но и рамки почвенничества явно тесны для Достоевского. Вопреки провозглашенному этим течением единству русских, отсутствию противоречий между ними, его произведения показывали противоречивость политического развития в России. Сколь мало значили эти как заклинания повторяющиеся заявления, что у нас сословия по-настоящему не сложились, что розни между ними нет, перед его "Записками из Мертвого дома", пронизанными мыслью о разъединении высших и низших слоев русского общества, сохраняющих свою резкую полярность даже в заключении, в тюрьме, не говоря уже о его романе "Униженные и оскорбленные", который стал отныне синонимом для обозначения бесправного положения трудящихся.

В программной статье "Два лагеря теоретиков" Достоевский выдвигает важнейшим условием пореформенного развития "облегчить общественное положение нашего мужика уничтожением сословных перегородок, которые заграждают для него доступ во многие места". В отличие от консерваторов и либералов, выдвигавших тезис о всесословности при ведущей роли дворянства, он защищал анти-сословный, народный принцип юриспруденции, с требованием уничтожения неравенства и привилегий.

Русский народ сохранил, удержал, несмотря на вековое крепостничество, чувство братской общности, дух единства. Именно это становилось в глазах Достоевского порукой возможности слияния, соединения сословий, мирного саморазвития и бесконфликтного свершения преобразований. Особый дух единства россиян — залог светлого будущего писатель связывал с вполне материальным

основанием — выработкой “братского, широкого понятия о праве на землю”. Если “западная наука и жизнь доросли только до личного права на собственность”, то “по русскому основному, самородному понятию, не может быть русского человека без общего права на землю”. Это живущее в народе убеждение Достоевский считает значительно выше существующих в европейской науке представлений о справедливости. Не закрывая глаза на темные стороны народной жизни, он считает их легкоустраняемыми. “Народ, как бы ни был он груб, не станет упорствовать в дряни, если только сам сознает, что это дрянь, и будет иметь возможность изменить ее по собственному расположению и усмотрению”. Писатель настаивает, что ничего нельзя навязывать народу извне — ни образа жизни, ни идей, ни науки, народ должен сам ощутить потребность в том, чтобы его просветили. Поэтому попытки народников пробудить демократическое правосознание, открыть народу глаза на его положение, по Достоевскому, были пропагандой, посягательством на “самостоятельность жизни национальной”. Необходимо ждать, когда народ сам “дозреет” до уяснения своих нужд.

Залогом самостоятельности русских, их “народной правды” у Достоевского выступает особый общинный уклад, в котором реальное преимущество перед Европой. Западные мыслители еще только остановились на ассоциации, “видя в ней спасение труда от деспотизма капитала”. Но если в европейских странах “это общинное начало еще не вошло в жизнь, ему ход будет только в будущем”, то в России народ удержал до сих пор, при всех неблагоприятных обстоятельствах, общинный быт и, не зная начал западной ассоциации, он имел уже артель. Коллективные формы русского бытия стоят на реальном жизненном укладе — общинном землевладении. Все это и определило “своеисторичность” развития России и ее особую миссию во всемирной истории.

Иная картина на Западе, где был привит разъединяющий дух скептицизма и эгоизма в лице буржуазного государства и права. Европейцы заняты лишь своими меркантильными интересами, материальным благополучием, служа исключительно Ваалу как жесткому порядку, при котором под дифирамбы о правах человека на деле права человека утрачены и невозможно осуществить на практике начала справедливости. Лозунги свободы, равенства и братства оказались химерой. Разящие противоречия бедности и богатства еще более демонстрируют лицемерный характер этих лозунгов на фасадах западных конституций. Писатель срывает эти лицемерные маски: “Что такое “liberté”? Свобода. Какая свобода? Одинаковая свобода всем делать все, что угодно в пределах закона. Когда можно делать все, что угодно? Когда имеешь миллион. Дает ли свобода каждому по миллиону? Нет. Что такое человек без миллиона? Человек без миллиона есть не тот, который делает все, что угодно, а тот, с которым делают все, что угодно. Что ж из этого следует? А следует то, что, кроме свободы, есть еще равенство, и именно равенство перед законом. Про это равенство перед законом можно только сказать, что в том виде, в каком оно теперь прилагается, каждый француз может и должен принять его за личную для себя обиду. Что же остается из формулы? Братство. Ну эта статья самая курьезная и, надо признаться, до сих пор составляет главный камень преткновения на Западе. Западный человек толкует о братстве как о великой движущей силе человечества и не догадывается, что негде взять братства, коли его нет в действительности”.

В отличие от Каткова, Достоевский не идеализировал и относительно бесконфликтную для того времени Англию. Он нашел здесь такие же порядки, как

и во Франции, считавшейся ее антиподом, обществом политических потрясений и противоречий. В изображении писателя повсюду в Европе господствует капиталистический Ваал, буржуазия бездушна ко всему, что не касается прибыли, и губительно воздействует на окружающий мир. Такое государство антигуманно, ибо в нем “главный князь — Ротшильд”, а деньги — “чеканная свобода”. Достоевский не согласен и с радикальным тезисом, что пролетариат Запада — та сила, которая способна противостоять враждебному натиску капитала, восстать и свергнуть его, освободив не только себя, но и всех угнетенных. По его наблюдениям, рабочие тоже заражены и развращены страстью к стяжательству, лишены того идеала братства, который, в его представлении, изначально свойствен русскому народу с его общинным укладом.

Достоевский глубоко уверен, что Европе не удастся спастись от краха собственными силами. Причиной тому являются два великих, но явно порочных духовных течения, веками оспаривавшие право владычествовать в европейской политике. Первое течение представлено Римом вкупе с часто проявляющей непослушание, но пока еще преданной ему дочерью — Францией, второе — непримиримыми врагами Рима немцами. Дух Рима ассоциируется у Достоевского с отрицанием свободы, жаждой власти и готовностью к компромиссу со злом, сулящим немедленные выгоды. Такой дух ему глубоко чужд, он отвергает его как антихристианский. Случавшиеся в истории Европы бунты против Бога и свободы, по Достоевскому, уходят корнями в римские традиции, требующие от людей твердой дисциплины и беспрекословного подчинения, даже если такое подчинение противоречит голосу совести. Несколько раз Достоевский высказывался в том смысле, что Ватикан может пойти на деловой консенсус с революционерами, желающими установить тоталитарное государство во главе с Великим Инквизитом. В “Дневнике писателя” за 1877 год читаем: “Если папство когда-нибудь будет покинуто и отброшено правительствами мира сего, то весьма и весьма может случиться, что оно бросится в объятия социализма... Папа выйдет ко всем ниц и бос и скажет, что все, чему они (социалисты. — Н. А.) учат и чего хотят, давно уже есть в Евангелии, что до сих пор лишь время не наступило им это узнать, а теперь наступило”.

Оценивая развитие Франции, писатель считает эту страну наиболее законченным продуктом христианства католического образца. Ее буржуазия с присущим ей духом стяжательства, эгоизма и соглашательства, а также набирающий силу безрелигиозный социализм в лице Сен-Симона и его последователей являются уродливым порождением ложного понимания самой сути христианства. Крайности сходятся, поэтому католическая религия, представленная властными структурами Ватикана, основанная на повиновении и дисциплине, подобна атеизму, а если и отходит от него, то лишь на полшага. Более того, Достоевский утверждает, что безбожный коллективизм социалистов — лишь детский лепет в сравнении со злом, которое несет церковь, исповедующая веру в Бога, но не придающая никакого значения свободе и ответственности человека.

Помимо Рима в Европе действует еще одна политико-правовая сила, всецело противостоящая католицизму, — это Германия. Ее предназначение — “это ее протестантство” с духом стяжательства и индивидуализма. Немцы — “великий, гордый и особый народ”, который “с самой первой минуты его появления в историческом мире” выступил против единой Европы, не желая соединяться “со

всеми преемниками древнеримского призвания... Он бился с римским миром еще во времена Арминии. Наконец, протестовал самым сильным и могучим образом, выводя новую формулу протеста. Разрыв был страшный и мировой”.

Достоевский понимал, что Германия после победы над Францией в 1871 году попытается установить собственный порядок в Европе. В то же время он не видит в душах немцев, в их классической юриспруденции никаких конструктивных, объединяющих, сплачивающих европейские народы идей. Вековечное противостояние римскому универсализму всегда носило преимущественно разрушительный, а не созидательный характер. Если бы немцы и сокрушили французов окончательно, то вряд ли бы они могли предложить что-нибудь взамен.

Ни Рим с его концепцией принудительного единства, ни Германия с ее протестантизмом, гордыней и себялюбием не способны спасти Европу и установить доверие и взаимопомощь между народами. Такая задача по плечу лишь богатому духовно русскому народу, душа и гений которого “наиболее способны, из всех народов, вместить в себя идею всечеловеческого единения, братской любви, трезвого взгляда, прощающего враждебное, различающего и извиняющего несходное, снимающего противоречия”.

8 июня 1880 года Достоевский произнес свою знаменитую Пушкинскую речь, где гениальная натура русского поэта названа тождественной божественному предназначению и душе нашего народа, обладающей неповторимым даром проникаться духом любых народов Европы и Азии и выражать присущие им мысли и чувства как бы изнутри. Такая вселенская отзывчивость русского народа коренится и в другой особенности русских — в отсутствии страха перед страданиями. Русские не боятся страданий, поскольку осознают их очистительный смысл. Они принимают как неизбежность это тяжелейшее из всех земных испытаний, ибо страдания для них — залог становления и полноценного развития свободы личности.

Писатель настаивал, что русские способны даже любить страдания и испытывать в них потребность. “Я думаю, самая главная, самая коренная духовная потребность русского народа есть потребность страдания, всегдашнего и неутомимого, везде и во всем. Этою жаждою страданий он, кажется, заражен испокон веков. У русского народа даже в счастье непременно есть часть страдания, иначе счастье для него неполно. Никогда, даже в самые торжественные минуты его истории, не имеет он гордого и торжественного вида, а лишь умиленный до страдания вид: он вздыхает и относит славу свою к милости Господа”. Потребность в страданиях, готовность принять их на себя наряду со смирением и осознанием зависимости человека от воли Божьей — эти черты русского народа позволяют ему тесно сблизиться со всеми народами. Умы и сердца русских открыты потоку новой жизни, исходящему откуда бы то ни было. Русские обладают способностью легко понять других — это свойство присуще тем, кто много страдал и в то же время не поддавался ожесточению и чувству злобы в результате перенесенных страданий.

Все это — залог того, что русский народ способен исполнить миссию по сплочению всех народов планеты в единое свободное братство, и однажды Россия поведет за собой остальные народы к устройению подлинно христианского миропорядка. “Мы убедимся тогда, — подчеркивает Достоевский, — что настоящее социальное слово несет в себе не кто иной, как народ наш, что в идее

его, в духе его заключается живая потребность всеединения человеческого, всеединения уже с полным уважением к национальным личностям и к сохранению их, к сохранению полной свободы людей с указанием, в чем именно эта свобода и заключается, — единение любви, гарантированное уже делом, живым примером, потребностью на деле истинного братства, а не гильотиной, не миллионами отрубленных голов”.

При всех издержках русской идеи Достоевского в ней есть реальные основания. Горящая вера в то, что “русская нация — необыкновенное явление в истории всего человечества”, что именно “русская идея”, возможно, будет синтезом всех тех идей, которые с таким упорством и таким мужеством развивает Европа в отдельных своих национальностях”, — эта вера для того периода, когда Россия сбрасывала с себя путы крепостничества, смотрела в будущее, была оправдана и плодотворна. В уверенности, что нация, “опаленная историческими обстоятельствами”, столько раз спасавшая Европу и в то же время не понятая ею, недооцененная, еще по-настоящему себя не проявила, что она, подобно Илье Муромцу, только начинает осознавать свою силу богатырскую, — в этой уверенности больше национального самоутверждения, стремления к праву на самоопределение, нежели национального высокомерия, а тем более национализма, который так часто приписывается Достоевскому зарубежными критиками его творчества.

Ключом для понимания юриспруденции Достоевского является различие им в терминологии двух понятий — социализм политический (иначе — практический) и социализм теоретический (собственно утопический). Политический социализм — это реальная и грозная для всей Европы сила, знамя четвертого сословия — пролетариата, обманутого ранними буржуазными революциями, превращенного победившими капиталистами в эксплуатируемую рабочую силу. Факт классовой борьбы пролетариата и буржуазии очевиден. “Грядет четвертое сословие, стучится и ломится в дверь, и если ему не отворят, сломает дверь”. Поэтому революция и социализм в Западной Европе — дело ближайших лет. “Работники” создали “Интернационалку”. Такое объединение в сплоченной организации “всех нищих мира сего” фактически уже означает начало установления социализма неслыханной еще всемирной революцией. Парижская Коммуна — ее первая ласточка.

Политический социализм неизбежно приведет к кровавому насилию и актам несправедливости в результате пролетарских революций по отношению к буржуазии. Такой социализм уже “проел Европу”, так как в среде рабочих он находит для себя благодатную почву. Видя неизбежность революций, Достоевский, однако, с негодованием отвергает их насильственные цели и средства. По его мнению, программы насильственного единения человечества без Христа — роковое, страшное последствие католической идеи и ее практики. В современной Европе произошел синтез христианства с продуктом нового времени — социализмом. Католицизм изменил истинному учению Христа, принял советы-искушения дьявола, обратился к демосу и сомкнулся с политическим социализмом, фактически перейдя — по целям своим — в социализм. Последний может воспользоваться любым знаменем, даже самым деспотическим, в том числе и средствами, выработанными опытом католического движения, во имя насильственного государственного объединения людей.

Потребность вселенского объединения людей в одно целое — объективная закономерность человеческого бытия. Древний Рим первый выдвинул эту идею

и попытался ее осуществить в виде всемирной монархии. Рим, однако, пал пред христианством. Идея же продолжала жить в "европейском человечестве", но уже как идеал духовного "всемирного единения во Христе". В дальнейшем идеал раздвоился на восточный (греко-православный), сохранивший нравственные основы первоначального христианства и идею духовного братства людей, и западноевропейский, римско-католический, папский, противоположный восточному и замешанный на антихристианских ценностях.

Католическая цель единения людей во имя счастья достигается при помощи чуда, тайны и авторитета. Только с помощью этих средств можно объединить людей, управлять ими, вести их за собой, строить "новый мир". Однако эти средства ведут к порабощению живого духа человека насилием или авторитетом, властью или тайной, чудом или хлебом насущным и противоречат евангельским истинам. Христос, по Достоевскому, отвергает слепое преклонение и рабские восторги, он оставляет человеку свободу выбора, свободное решение сердца, свободную любовь к Себе и провозглашает, в противовес "сытому брюху" и "знанию кормящему", "знание просвещающее", окрыляющее человека, открывающее ему идею, согласно которой "не хлебом единым жив человек". Католичество, прикрываясь именем Христа, рассчитывает водворить рай на земле несправедливыми средствами, уничтожением свободной воли и совести людей соблазнами сытости, земных вожделений и т.п.

Но оказывается, что и политический социализм, это логическое следствие католичества, его естественный фазис, также ведет к утрате людьми свободы, поскольку в содержательном плане построен "по католическому шаблону, с католической организацией и закваской". Программа социалистов в романе "Бесы" является крайне грубым следствием воплощения в жизнь тех же самых заповедей Великого Инквизитора, наместника дьявола на земле ("все рабы и в рабстве равны"). Социализм политический тоже начинает, как был убежден Достоевский, с "хлеба земного" и "хлебом" порабощает человеческую личность, ее духовную свободу, превращает каждого в "органный штифтик", в "клавишу", а государство — в "послушное единое стадо", в "муравейник". Справедливое государство нельзя создать без Христа.

Кроме того, политический социализм планирует перестройку человечества не с того конца, не с нравственности и духовности, а с вопросов материальных, с вопросов нового перераспределения собственности ("куска"). Но "зло таится в человечестве глубже, чем предполагают лекаря-социалисты", — не в устройстве общества, а в душе человека. Вся "формула политического социализма", утверждает писатель, состоит в "желании повсеместного грабежа всех собственников классами неимущими, а затем будь что будет". Ибо пока "по-настоящему ничего еще не решено, чем будущее общество заменится, а решено лишь только, чтобы настоящее провалилось". Праведная сторона устройства будущего государства предана социалистами забвению и заменена наукой и пользой, кровавой битвой и палкой, истреблением во имя счастья человечества ста миллионов буржуа, которые не могут стать братьями трудящихся.

Под таким социализмом писатель понимает чаще бакунинский анархизм, так как в его поле зрения были преимущественно факты, характеризующие стратегию и тактику борьбы за социализм представителей именно этого движения (например, нечаевское дело). По Достоевскому, "весь социализм вышел и начал с

отрицания смысла исторической действительности и дошел до программы разрушения и анархизма”.

Социализм же в “русской переделке” писатель отождествлял с нигилизмом, с учением о необходимости “встряхнуть все”. Похоже, научный социализм ему не был известен, хотя у него и встречаются упоминания об Интернационале и о Марксе. Не понял он до конца и различия между социализмом Герцена и Чернышевского и современным им мелкобуржуазным социализмом, а потому остался как бы “с глазу на глаз” с разнообразными формами последнего. В них почти всегда были сильны анархизм, нигилизм, казарменное, “механическое” реформаторство.

Весь спектр европейского и русского социализма без различий он характеризует как мечту о рае на земле; когда же социалисты от мечты переходят к делу, то обнаруживается их бессилие сказать миру праведное слово, а потому все ограничивается “сечением голов”. Антихристианская суть политического социализма коренится в западноевропейской буржуазности, “жидовстве” всех: капиталистов и работников, верующих и атеистов, либералов и социалистов. Все раннебуржуазные революции на Западе не принесли торжества справедливости, “радости общего соединения”. После Французской революции восторжествовал ненавистный Достоевскому строй, похоронив под камнями священные идеи свободы, променяв их на Наполеона и Ротшильда.

Другие революционные потрясения его века также кончались наступлением реакции, великим предательством, перекожевыванием “революционеров” и “социалистов” в лагерь “обагряющих руки в крови” (Некрасов). Это все дальше отодвигало человечество от идеала всеобщего счастья, ставило его в зависимость от эгоистической, “жидовствующей” политики. Достоевскому потому и казалось, что вся западная цивилизация после 1789 года — тяжкое заблуждение и ложь, что она неспособна решить юридические вопросы человеческого бытия. Это относится в одинаковой мере и к буржуазии, и к пролетариям. Они готовятся к новым неизбежным битвам между собою (Парижская Коммуна — лишь один из эпизодов), — и оба страшно неправы, так как в одинаковой мере следуют одной и той же поговорке: “Убирайся, а я на твоё место”. Она была знаменем буржуазии в борьбе с феодализмом. Пролетарии, когда грянет час, под тем же знаменем силой “сковынут” своего антипода. Естественно, что их лозунги и действия, декларации и цели преследуют не задачи созидания, а задачи разрушения и уничтожения, насилия и господства. И провозглашаются они вновь (как это в свое время делала борющаяся буржуазия) во имя счастья человечества. Такая ситуация, согласно Достоевскому, исключает всякую надежду на торжество свободного братства и ведет к тому, что борющиеся стороны “погибнут во грехах своих”.

В противовес этой катастрофе западного мира Достоевский предлагал “русское решение вопроса”, которое спасет Россию от навязанных ей по европейским стандартам буржуазных реформ и исцелит от всеобщего “жидовства” Западную Европу. Решение это базируется на трактовке второго ключевого понятия юриспруденции Достоевского — “теоретический, или утопический, мечтательный социализм”. В политическом социализме, как и во всей буржуазной цивилизации (где все — убежденные собственники и эгоисты, живущие особняком), он, конечно, ничего не мог позаимствовать для своего “русского решения вопроса”. Иное дело — социализм теоретический. В нем содержалось нечто,

что дорого писателю. В теоретическом социализме его всегда увлекали устремленность в будущее, к подлинному христианству, общечеловечность, мирные пути к осуществлению братской любви и гармонии. Это была какая-то своеобразная гуманизированная религия, аполитичная в своей основе, где "символом веры" назван образ Христа. В Христе писатель видел "идеал человечества вековечный" и "высочайшую красоту Божию", слившиеся воедино.

Достоевский связывал идею обновления человечества и его прогресса с поисками "Божественной правды" под знаменем Христовой истины. Западные учения — католичество, протестантизм, социализм — исказили, затемнили лик Христа, отказались от Его слова, сомкнулись с атеизмом и переросли в него. Тем самым "западноевропейское человечество" лишило себя возможности найти истинные пути к совершенствованию, оно заблудилось, зашло в тупик. Образ Христа, все его праведное могущество, верность сохранились во всей чистоте лишь в православии. Хранителем же Христовой истины, этой величайшей божественно-справедливой нравственной и эстетической ценности, является русский народ, который слился с православием и вне его не может быть понят и любим. Важно подчеркнуть, что писатель понятием русского народа обозначает "великорусса, малорусса, белорусса — это все одно".

Подлинная вера в Христа определяет юридический статус и общечеловеческое предназначение русского народа. Пусть он плохо знает Евангелие и совсем не знает "правил веры". Но "идеал народа — Христос". Народ русский и вне веры носит Христа в своем сердце. Это иррационалистическое, "сердечное знание" Христа противостоит рационалистическим западным идеям и особенно драгоценно в плане понимания движения людей к своему конечному идеалу. Решающим фактором этого движения являются русские. Они призваны разъяснить миру неведомого ему русского Христа. В этом и состоит, как пишет Достоевский в одном из писем Н.Н. Страхову (1869), "вся сущность нашего будущего цивилизаторства и воскрешения хотя бы всей Европы и вся сущность нашего могучего будущего бытия".

Народы западные, конечно, превосходят народ русский в экономической, научной областях. Но у нашего народа есть решающее преимущество, составляющее его неотъемлемую национальную черту, — его нравственное превосходство, справедливые начала, вытекающие из знания им истинного Христа. "Русская душа", гений народа русского, может быть, наиболее способны из всех земель вместить в себе идею всечеловеческого единения, братской любви, а значит, и указать путь к будущему "золотому веку". Это краеугольная идея Достоевского о русском социализме. Он ее выразил в своем "Дневнике" за 1881 год. Отвечая тем, кто говорит о предрассудках русского народа, о его атеизме или безразличии к религии, писатель указывал на ошибочность подобных взглядов, так как их выразители "не признают в русском народе Церкви". И далее почвенник так разъясняет свою мысль: "Я не про здания церковные теперь говорю и не про причты, а про наш русский "социализм" теперь говорю (и это обратно-противоположное Церкви слово беру именно для разъяснения моей мысли, как ни показалось бы это странным), цель и исход которого — всенародная и вселенская Церковь, осуществленная на земле. Я говорю про неустанную жажду в народе русском, всегда в нем присущую, великого, всеобщего, всенародно-го, всебратского единения во имя Христово. Не в коммунизме, не в механических формах заключается социализм народа русского; он верит, что спасется

лишь в конце концов всесветным единением во имя Христово. Вот наш русский социализм!"

Свое понимание "мужичьего православия" и исторической миссии русского народа Достоевский обосновывает реальными фактами отмены крепостного права и политического развития России. На Западе трудящиеся были освобождены на "пролетарских началах", т.е. без земли: "Ступай, милый брат наш, на свободу, в чем мать родила. Да еще за честь почитай". И "освобождение" это сопровождалось "восстанием и бунтом, огнем и мечом и реками крови". В России же освобождение крестьянства совершилось без крови, под главенством царя и во имя "народных начал" — народ был освобожден с землею. В силу этого уцелел "нормальный закон" человеческого бытия — жизнь землею. Земля для народа все. Из нее происходят и его Бог, и его труд, и его семья, и его мораль, и его политико-правовые идеалы. Поэтому в России удержалась община. Правда, Достоевский не мог не заметить, особенно на закате своего творчества, что общинная демократия все более становится каким-то административным органом, "начальством". Но он лелеял надежду, что самоуправление крестьян все-таки уцелеет как начало мирское, как демократия снизу и явится заслоном от надвигающегося западного тоталитаризма, от "язвы пролетариата", от классовой борьбы и взаимной вражды, от политического социализма и русского нигилизма.

Мужичье коллективное землевладение определяет в России все и вся, весь характер нации, ее политические и правовые формы. Державное могущество народа Достоевский символически воплотил в образе земледельца Марее, имеющем краеугольное значение в его "философии жизни": "Кто обрабатывает землю, тот и ведет все за собою". Суть и соль Русского государства — земледельцы, мужики. Русский народ достойно вынес все выпавшие на его долю тяжкие испытания — и татарское иго, и крепостничество — по той причине, что никогда не забывал своего великого "православного дела". На земле как реальном фундаменте зиждется и государство, и православие.

Другой краеугольный камень теоретического социализма Достоевского — церковь, понимаемая как будущее свободное нравственное единение всего человечества на основе добровольного всеобщего признания истины Христа. Это будет неполитическая, идеальная самоуправленческая организация во имя Христова, пришедшая на смену обезумевшему от зла обществу и несправедливому государству. В этих размышлениях писателя видны контуры оригинального христианского социализма, в основе которого лежит нравственное самосовершенствование или самоочищение личности. В противном же случае явится теория, согласно которой из "гадкого общества" можно выбиться только с ножом в руках. Но мы, предупреждает писатель, имея в виду русских людей вообще, "революционеры не для разрушения только".

Созидание нового, "золотого века" должно начаться не с кровавого разрушения старого мира и массовых насилий, не с преобразования социально-политических устоев общества, не с дележа собственности и т.п., а с другого конца — с нравственного перерождения личности. Эту сокровенную мысль писатель вложил в уста персонажа из "Братьев Карамазовых" — "таинственного посетителя" Зосимы: "Рай в каждом из нас затаен". И "чтобы переделать мир по-новому, надо, чтобы люди сами психически повернулись на другую дорогу", т.е. стали бы друг другу братьями. В этом и состоит весь секрет борьбы против разье-

динения людей, этого главного зла современной писателю жизни, во имя торжества их любовного единения.

Разумеется, говоря о двух понятиях социализма, двух путях к идеалу, Достоевский не просто отвергает один и избирает другой. Он сопоставляет их, выставляет все аргументы за и против “рая” с Христом и “рая” без Христа. И эти аргументы у него идут от жизни, от почвы, от конкретных политических фактов. И только показав эту исчерпывающую “борьбу” противоположных начал, писатель избирает теократию христианского социализма. Она оказывается не чем-то совершенно чуждым политическому социализму, а лишь “заходом” к решению проблемы о будущей гармонии “с другого конца”.

Без сомнения, такая программа Достоевского была очередной консервативной иллюзией. Ее суть с позиций официального православия хорошо выявил соратник Достоевского по почвеннической мысли К.Н. Леонтьев в статье “Наши новые христиане”. В ней он угрожающе спрашивал: куда может завести любовь к человечеству наших “новых христиан” — и Достоевского, и Толстого? Эта любовь шаг за шагом может привести к “бездне”, к отказу от христианства, к отрицанию покорности и смирения, страха и воздержания, т.е. к “кровавому нигилизму”, к “антихристианским результатам”. Поэтому тот, “кто пишет о любви будто бы христианской, не принимая других основ вероучения, есть не христианский писатель, а противник христианства, самый обманчивый и самый опасный, ибо он сохранил от христианства только то, что может принадлежать к так называемому демократическому лжепрогрессу”.

Леонтьев со свойственной ему прямотой “напоминает”, что Христос “не обещал нам в будущем воцарения любви и правды на этой земле”. А проповедники нового христианства Достоевский и Толстой только и озабочены тем, как привести людей к правде и любви на земле, забывая о том, что их “своевольная” и уж слишком демократическая любовь, “основанная только на порывах собственного сердца”, может дойти и “до любви к революции”, может сомкнуться с “розовым христианством”, т. е., в понимании Леонтьева, с общеевропейским сентиментальным лжехристианством — с социализмом, который у Достоевского фигурирует под термином “политический социализм”.

Сказано даже резко, но суть юридического кредо писателя подмечена верно. Достоевский, к огорчению Леонтьева, трактует христианство как инструмент пересоздания мира и человека не в русле православной традиции, не в смысле веры, мистического чувства, обрядов, готовых форм жизни и поведения, а в смысле просветительского гуманизма, выражающегося чаяния русского мужика, широких народных масс. А значит, программа Достоевского была своеобразным выражением юридических аспектов народного движения пореформенной России.

Это особенно видно в идеях Достоевского о лучшей форме правления для России. Критерием для ее выбора у писателя было благо народа, которое в его правопонимании нечто высшее по сравнению с государственной пользой. Цель государства — гарантировать безопасность народа от наступающего капитализма, защитить живущие в нем идеалы добра и справедливости, “народной правды”, способной противостоять натиску “золотого мешка”. Более того, сама монархия — многовековой продукт народного творчества. “Царь для народа — не внешняя сила, — доказывает он неустанно, — а всенародная, всеединяющая сила, которую сам народ восхотел, которую вырастил в сердцах своих”. В Рос-

сии истинная монархия может быть только в виде патриархальной монархии, когда царь, как отец, заботится о народе. В этом тезисе фактически озвучивается народная мечта и одновременно не изжитая народом иллюзия о царе как мужиком-заступнике. Так роль царя понималась лишь в Разинских "прелестных письмах" и Пугачевских "манифестах".

Отсюда и конкретные предложения Достоевского по реформированию государственного строя империи: "увенчать здание" предлагалось "снизу" путем всеобщего опроса на базе институтов прямой демократии. Это был путь "органической" реформы с всеобщим определением мнения "серых зипунов" для "народосоветия" с царской властью. В таком подходе, считал писатель, залог получения правовой истины для России, способ нанести удар по "лжеевропеизму", различным либеральным и радикальным планам о конституции, парламентаризме, республике. Прямой совет мужиков с царем дает новое течение русской юриспруденции в традиционном духе, от которого страна отстранилась в пореформенное время. Мужики своим волеизъявлением спасут себя и Россию, став как один под знамена самодержавия и православия.

Это убеждение — своеобразная попытка утвердить некую антитезу западным формам государства. Другой антитезы им писатель не знал, уповав, по сути, на форму власти, феодальную по своей природе, отжившую, заявлявшую о несовместимости своей даже с теми ограниченными и непоследовательными преобразованиями, на которые власть решилась во имя собственного сохранения. Представления Достоевского о монархии, поистине полуфантастические, по-своему могут быть выражены стихами его единомышленника Ф.И. Тютчева, в которых запечатлелась мечта

"О той семье народной,
Где с властью высшая живая связь слышна,
И где она закреплена
Взаимной верностью и совестью свободной".

Это своего рода призыв к власти стать такой, какой ее хочет видеть народ. И Достоевский, и Тютчев верили, что "высшая живая связь" власти с народом скорее осуществится в традиционных формах русского правления, нежели в представительных, европейских, буржуазных.

Обращение писателя к верховной власти оказать доверие народу, призыв его к императору "не в идее только, не в надежде лишь", а "на деле" стать народу отцом противоречил классовой природе власти Романовых, в своем величии недостижимой для мужика и одновременно усиливающей свой авторитет подобной недостижимостью и недоступностью. Но это обращение одновременно свидетельствует о национальном и народном содержании консерватизма Достоевского, его предвидении, устремленности в грядущее, в ту эпоху, когда в России все же будут изжиты остатки несправедливых политических структур и на повестку дня встанет задача созидания демократической России.

Эти аспекты юриспруденции Достоевского как раз и предопределили неуываемость его идей во времени, более того, их постоянную злободневность, особенно в те моменты всемирной истории, когда человечество делает очередную и не последнюю попытку вырваться из "царства необходимости" в "царство свободы".

Если же оценивать программу писателя с другой стороны, конкретно-исторической, то можно убедиться, что поддержкой реформ, антибуржуазной направленностью, критикой либералов и народников, отстаиванием гласности и, нако-

нец, пониманием народа как решающей силы развития страны позиция Достоевского близка крестьянской демократии. Однако демократизм писателя лишен боевого характера, последовательности, критического отношения к народу, свойственного идеологам революционной демократии. В его взглядах демократическая струя зачастую осложнена консервативными элементами. Выступив сторонником реформ, Достоевский ожидал их сверху, но связывал эти преобразования с активным участием низов. В его представлении социально-политические преобразования осуществляют все сословия России — в едином дружном порыве. Писатель как бы не желал замечать противоположности их “материальных текущих интересов”, определявших в конечном счете и разное отношение к реформам.

Отвергая “кровь по совести”, Достоевский в своей юриспруденции задавал важные и актуальные вопросы: о допустимых пределах насилия, о соотношении нравственности и политики, о цели и средствах достижения справедливости. В стране, которая всем ходом развития приближалась к междоусобной войне, особую значимость обретала та правовая культура, которая не позволила бы следовать к “Новому Иерусалиму” по пути Раскольникова. Уже в то время писатель верно подметил порочность и безнравственность принципа “поневоле” в политике, опасность великой идеи, заставляющей подменять праведность целесообразностью, использовать непозволительные средства ради достижения якобы большой и справедливой цели. Феномен “бесовства” — пореформенного российского макиавеллизма с его беспринципностью, вседозволенностью, “правом на бесчестье” Достоевский описал задолго до его расцвета в тоталитарных государствах XX века с их принципом “кто не с нами, тот против нас”. “Бесовство” — это не только и не столько критика русского анархизма и нигилизма, сколько реальная картина той политики, которая утверждалась капитализмом сначала в Западной Европе, а теперь и в России.

Опасность всемирной капиталистической “бесовщины” для существования человечества и россиян, считал он, заключается не столько в новых формах угнетения и эксплуатации народа, появлении капитала как экономической силы (“золотой мешок” существовал и прежде в виде купца-миллионера), сколько в победном утверждении его в “общественной иерархии”, в той вседозволенности, том аморализме, которые он несет в массы: “деньгами все куплю”. Именно в этой части юридическая программа Достоевского-пророка бессмертна, звучит набатным колоколом, вызывая к разуму и совести каждого гражданина, юриста и политика, ставя вновь и вновь перед ныне живущими вечный и трагический гамлетовский вопрос: “Быть или не быть?”

ЛЕКЦИЯ 6. В.С. Соловьев

Юриспруденция Владимира Сергеевича Соловьева (1853—1900) сложилась в последней четверти XIX века, когда социально-экономические перемены после освободительных реформ 60-х годов шли невиданными темпами. Теперь капиталистический путь развития не вызывал ни у кого сомнения. Но что ждет Россию за этим порогом?

С работ Соловьева юридическая тематика начинает излагаться как составная часть концепции русского космизма. Автор не ограничивается задачами совершенствования российской государственности: он осмысливает духовно-правовые

проекты единой планетарной теократии, активность которой выйдет за пределы Земли, в Космос. Речь шла о человечестве, ставшем сотворцом демиурга.

Творчество Соловьева — рыцарский подвиг служения гуманизму, идее высокого призвания человека в мире. Он признавал и неумолимо отстаивал неисчерпаемый духовный потенциал человека, божественное (культурно-воспитательное) начало в сущности государства, примат нравственности над политикой, дух соборности в строительстве Русского государства, понимаемого как живое органическое национальное единство россиян, основанное на исторической связи всех поколений.

Владимир родился в семье знаменитого русского историка Сергея Михайловича Соловьева, автора 29-томной «Истории России с древнейших времен». Прадед и дед его по отцовской линии были священниками, а со стороны матери среди предков будущего мыслителя был известный украинский философ Г. Сковорода. Дед-священник рано приохотил внука к чтению Священного Писания, которое тот со временем досконально изучил и знал блестяще. Влияние отца обеспечило глубокие исторические знания сына. В семье царила суровая и набожная атмосфера, но она не помешала юноше Соловьеву заразиться «типичным нигилизмом 60-х годов» во время учебы в гимназии. Здесь он читал все подряд, но атеизм и материализм все же взяли верх. Соловьев перестал ходить в церковь, выкинул из окна своей комнаты иконы. Позднее он с чувством стыда вспоминал это свое увлечение атеизмом, которое он преодолел, учась в Московском университете.

Соловьев поступил на естественное отделение физико-математического факультета, но вскоре охладел к естественным наукам и пришел к выводу, что достойны изучения сами по себе только человеческая природа и жизнь. Это не значит, что не надо изучать «реальные науки», напротив, с этого и нужно начинать, однако «важная, истинная цель жизни другая — нравственная (или религиозная), для которой и наука служит одним из средств».

Перейдя на историко-философский факультет, Соловьев стал интенсивно изучать религиозно-философскую литературу, даже провел один год в стенах Московской духовной академии. Здесь в процессе знакомства с идеями Спинозы, Гегеля, Канта, Шеллинга, научно-теоретическими спорами славянофилов и западников постепенно складываются основы его будущей юриспруденции.

В 1874 году в Петербурге Соловьев защитил магистерскую диссертацию на тему «Кризис западной философии против позитивизма», которая широко обсуждалась в среде русской интеллигенции. Лев Толстой после ее прочтения сказал следующее: «Это еще один человек прибыл к тому малому полку русских людей, которые позволяют себе думать своим умом». Затем молодой магистр читает лекции в Московском университете, стажирруется за границей и опять возвращается в столицу, где в 1880 году защищает докторскую диссертацию под названием «Критика отвлеченных начал».

Преподавательская и научная деятельность Соловьева оборвалась неожиданно в 1881 году, когда после убийства народовольцами Александра II он выступил публично с лекцией о русском просвещении, в которой призвал сына убитого царя ради «христианского идеала всепрощения» помиловать убийц его отца, говоря, что «государственная власть отречется от Христова начала, если она произвольно вступит в круг обоюдных убийств».

Началась вплоть до самых последних его дней жизнь Соловьева как отшельника, странническая, бездомная, не устроенная ни семейно, ни материально. Но именно в этот период он создает все свои основные произведения: "Великий спор и христианская политика" (1883), "История и будущее теократии" (1885), "Россия и Вселенская церковь" (1889), где закладывает основы своей теократической концепции. Сама концепция в то время не была принята большинством русской интеллигенции, воспринималась как некое чудачество мудреца-отшельника.

К концу жизни теократические идеи Соловьева отходят на второй план, он начинает разрабатывать духовно-правовую проблематику ("Оправдание добра", 1899), ставит вопрос о судьбах человеческой цивилизации в преддверии мировой катастрофы. Умер он в 47 лет, похоронен на Новодевичьем кладбище. Личный облик В. Соловьева, его скитальчество, подвижничество, мистические настроения и пророчества рождали вокруг него легенды, художественно описанные затем А. Блоком и А. Белым.

Юриспруденция Соловьева — составная и неразрывная часть его объективно-идеалистического, теософского понимания мира, в основе которого лежит "всеединство", сверхприродное духовное начало — Абсолютно-Сущее (Бог). Богу противостоит материя как его извращенное, опрокинутое изображение, обманчивый лик "всеединства". Материя, или призрачный мир (лжемир), возникла в результате деятельности Мировой души — Премудрости Божией (Софии), Божественного присутствия на фазе грехопадения, отпадения от Абсолютно-Сущего. Этим и объясняется переход идеального Космоса к реальному Хаосу, распад материи на противоборствующие элементы, атомизм в природе и "атомистическая" раздробленность жизни людей.

Однако Мировая душа развивается во времени, проявляя богатство своего содержания в колоссальной космической мистерии и становясь в какой-то мере "другой" для Бога, постепенно проникается началом единства и, одухотворенная, снова устремляется к Нему. София, таким образом, — это материя, прошедшая путь, на котором она максимально реализовала свойственное ей многообразие и вместе с тем одухотворилась, проникаясь началом единства, обожествилась.

В Софии как Божественной представительнице в материальном мире, устремленной от Хаоса к Космосу, к единству и одухотворению, значительное место отводится человечеству. Оно столь существенно в бытии Софии, что Соловьев вводит для нее еще одно определение: "София есть идеальное, совершенное человечество". Но София — часть Бога, она — его вечная взаимодействующая связь и сопричастность с человечеством. Отсюда высокая миссия людей. Без них нет деятельности Бога, ее не на что направлять. В понимании Соловьева человек совечен Богу. Говоря так, он подразумевает как "человека идеального", так и вполне реального, конкретно-исторического. В каждом из нас заключается бесконечное богатство духовных, божественных сил, скрытых до поры до времени за порогом нашего теперешнего сознания. Именно в этой идее следует искать истоки безграничной веры Соловьева в возможности людей на пути самосовершенствования, эволюции к богочеловечеству.

Наше сознание, способное вместить в себя все, уже содержит форму всеединства. Однако другая реальность — телесность человека в материальной стихии бытия. Таким образом, человек оказывается посредником между Хаосом и Космосом, землей (материальной природой) и небесами, и его божественное

предназначение состоит в том, чтобы изменить свою материальную природу, одухотворить ее и тем самым спасти ее и себя.

Из этих идейных позиций следовали совершенно сознательная юридикация действительности, примат духовного начала в мире. Все подвергается у Соловьева нравственной оценке. А сама идея всеединства включает в себя Добро (Благо) как один из модусов (образов) Абсолютного. Идея Добра пронизывает природу, общественно-исторический процесс, его социальные и политические институты, все сферы общественного сознания и практической деятельности, создавая своеобразную систему юридического космоса. Нравственность тотальна, она пронизывает все.

Духовно-этический взгляд на Вселенную Соловьев распространяет и на социальную жизнь, история которой делится на два этапа. Первый этап — естественное состояние людей, т.е. природное состояние, в котором они находятся длительное время. В этом состоянии нет юридикто-духовной жизни; люди по природе чужды и враждебны друг другу, между ними идет борьба за существование. Обладая различными силами, одни из них подчиняют себе других; отсюда возникает неравенство.

Для того чтобы достичь правовой жизни, человечество должно перейти от природного состояния к духовному. История призвана подготовить этот переход. В постепенном одухотворении, нравственном совершенствовании человечества посредством усвоения и осуществления им божественных начал и состоит, по Соловьеву, смысл истории как богочеловеческого (духовного) процесса.

Идеальным воплощением Бога в человеке, центром всемирной истории он считал Христа, а задачу христианства видел в том, чтобы объединить мир в богочеловечестве. Если началом истории является становление абсолютного всеединства в хаосе бытия, то конец истории — в создании Царства Божия на земле. Здесь достигается полнота бытия людей и замыкается круг “развития”: происходит соединение “становящегося” Абсолюта, Софии с абсолютным первоначалом — Богом.

Ясно, что при такой методологической архитектонике юриспруденция Соловьева является лишь частью философии всеединства, ее многие целевые и содержательные параметры уже заранее определены, заданы всеобщими юридикто-божественными категориями и смыслом.

Государство основано на божественном суверенитете, определяется Божьей волей и возникает на определенном этапе развития Софии в рамках человеческого общества. Последнее имеет тройную структуру: экономическое общество (земство), государство, церковь. При этом церковь и государство не отдельные и независимые сферы, а лишь две грани одной и той же сферы — практической, нравственной или общественной — “сферы деятельности жизни”. Между ними возникает внутреннее отношение, синтез, в котором значение высшего и безусловного начала принадлежит одному из элементов — церковному, духовному, божественному. Другой, государственный, мирской элемент находится в свободном подчинении первому как совершенно необходимое средство, орудие для осуществления единой божественной цели.

Государство есть воплощенный минимум нравственности, которая находит в праве необходимые условия для своего действительного осуществления. В этом смысле государство является учреждением, лицом, но не юридическим, а скорее органическим, с определенной организацией, включающей в себя как позитивное

право, так и единую верховную власть. Государство основывается на равновесии многих социальных сил, выраженном в законе — этом “общем для всех борющихся сторон пределе”. Задача закона — быть уравнивающей силой, играть роль опоры человеческого общежития, противостоящей натиску стихийных сил, как внешних, так и внутренних. При этом государство обязано нести в себе сверхзадачу — должно быть деятельно нравственным и свободно подчиняться духовному началу (церкви). Государство (как и закон) в системе Соловьева есть только внешнее равновесие. Высший же идеал лежит в основе свободных внутренних нравственных взаимоотношений живых сил общества. Таким образом, общество (организованная нравственность) противопоставляется государству как воплощенному закону.

Мерилом совершенства форм государства является степень проникновения их той идеей, выразителем которой считалось государство, т.е. степень идеальности, нравственного достоинства. Государство и в этом случае перестает быть юридической категорией, сливаясь с “церковной общинностью”, имеющей определенную социальную иерархию. Последняя зависит от того, как усваивает тот или иной человек божественную идею. От степени ее усвоения, понимания зависит влияние людей друг на друга и их социальный статус. “Степенью идеальности должна определяться степень значимости и власти лица. Объем прав должен соответствовать высоте внутреннего достоинства”.

С нравственной точки зрения все общество является “объективно-осуществляемым содержанием разумно-нравственной личности”. Поэтому суть дела, по мнению Соловьева, не во внешних структурных изменениях или стабильности общественных форм, “а только в искреннем и последовательном старании улучшить внутренне все учреждения и отношения общественности, могущие стать хорошими, все более и более подчинить их единому и безусловному нравственному идеалу свободного единения всех в совершенном добре”.

Иерархия нравственного начала организуется прежде всего в церкви, откуда оно сходит на другие, низшие ступени общественной системы. Этот путь, “путь священного преемства и предания”, независимо от конкретных духовных и социальных форм, всегда идет сверху вниз. Союз между церковью и государством в понимании Соловьева зиждется на признании за вселенской церковью принадлежащего только ей духовного авторитета. Церковь обеспечивает и намечает (в духовном плане) “направление доброй воли человечества” и окончательные цели его исторического действия, а государство предоставляет церкви всю полноту власти для согласования мирских интересов с этой высшей волей и “сообразования политических отношений и дел” с требованиями окончательных целей. При этом церковь не должна иметь никакой принудительной власти, а принудительная власть государства не может вторгаться в сферу религии.

Соловьев критикует различные концепции народного суверенитета, заявляя, что только наличие высшей нравственной истины оправдывает власть. Количество же людей, заявляющих притязания на власть (отдельный человек, большинство народа или большинство всего человечества), само по себе не представляет никакого значения. “Масса сама по себе не представляет никакого внутреннего преимущества”. По сути, это была духовно-аристократическая позиция, идущая еще от Платона.

Соловьев полагал, что государство не может подменять высшую божественную власть. Государство, видящее цель лишь в самом себе, — бесцельно и

бессмысленно: таким было древнее языческое государство. В современной философии науки было несколько точек зрения на проблему соотношения церкви и государства. На Востоке христианство отодвигает государственную жизнь на второе место, ставя на передний план жизнь духовную или религиозную. На Западе христианство признает за государством положительную роль и деятельно-прогрессивный характер. Это христианство не только призывает государство к борьбе под знаменем церкви против злых сил мира, но и требует от него также, чтобы оно проводило в политике и международных отношениях нравственные начала, поднимая мирское общество до высоты церковного идеала.

Западное христианство (особенно католичество), по Соловьеву, ближе к истинному пониманию социального назначения и роли государства в социальной жизни. Дело в том, что в своем учении он различает процессы совершенствования человека и сознания. Совершенствование человека еще не означает совершенствования общества (сознания), так как последнее не обеспечивает тотального равенства и независимости своих членов — иерархичность есть неотъемлемый признак любой общности, так как законом природы является борьба человека за существование, а фундаментальным фактом людской природы — эгоизм.

Простая ориентация людей на закон не гарантирует, однако, создание идеального общества. В Риме была превосходно развита юриспруденция, подмечает мыслитель, но его общество было основано на силе, а не на любви. Многие другие дохристианские государства Востока и Запада проявили себя как аппарат подавления, и лишь в христианских государствах Запада они стали прогрессивно-дейтельно воздействовать не только на индивида, но и на общественное сознание, что сделало их олицетворением всех человеческих достижений и истин. В таких обществах государство стало всепоглощающей силой, а его строительство — высочайшей целью в жизни человека.

Идеалом Соловьева стала вселенская христианская теократия, “цельное общество”, где на государство возлагается задача борьбы под руководством церкви против внешнего нехристианского мира, причем цели и идеалы постепенно смещаются от секулярных к чисто христианским. При этом церковь, будучи высшим началом социальных отношений, не должна вмешиваться в государственные и экономические дела. Она дает им высшую цель и безусловную норму их деятельности. Таким образом, Соловьев сразу отмежевался от тех вариантов теократического устройства общества, которые уже имели место в истории и показали свою бесперспективность. Его теократия особая — свободная. Власть в ней реализуется по поручению теократически устроенного общества. Подчинение — не результат рабства, но атрибут согласия, свободы и взаимных усилий. Существуют права, но они уравниваются адекватными обязанностями и основываются не на “ограниченном человеческом эгоизме, а на нравственном определении человечества как реальности”.

Власть в христианском государстве — это особая форма служения божественной воле. Должностные лица не являются просто обладателями всех прав, как языческие цезари: “...они подчиняются всем обязанностям христианского общества, налагаемым церковью, считая это работой для Бога на земле”. Государство добровольно подчиняет свою деятельность высшим религиозным интересам: пропаганде христианства в мире; сотрудничеству людей под эгидой церкви; созданию общества, основанного на христианском идеале объединенного человечества.

От церкви государство принимает ее высокие цели, в свете которых преобразуется христианское общество: “До тех пор, пока государство было всем, общество было ничем”. Как только цели жизни были поставлены над государством, высвободились живые силы общества, подчинившие его себе.

Для Соловьева общество не простое механическое соединение людей. Оно имеет собственный организм и собственное личностное бытие; христианская солидарность и братство — суть жизни этого организма. Влияние католической доктрины о “мистическом теле Христа” постоянно прослеживается в политических построениях Соловьева (как и влияние Шлитермахера и Фихте с их идеей ограниченности религиозной и социальной жизни). Однако Соловьев стремится опустить всю сферу собственно социально-политической жизни на землю, определить ее материальную экзистенцию, вдохнуть в нее природную жизнь. Общество должно овладеть материальными средствами, позволяющими изменить его жизнь, развивать его силы и управлять ими. Условия такого движения, развития и прогресса вырабатывает цивилизация. Социальный прогресс, чтобы стать эффективным и действительным, должен вести людей к безусловным, тотальным и идеальным целям. Обществу недостаточно быть живым и подвижным, оно должно быть целеполагающим и духовным.

Теократическое общество Соловьева состоит из трех классов, похожих на платоновские сословия: земледельческий, городской и класс лучших людей (в основе своей состоящий из воинов, чиновников и пророков). В древнем языческом обществе все классы были объединены посредством государства. Христианство освободило их от этих пут и предложило взамен иной способ связи — “легитимный союз церкви и государства”. Такой союз базируется в первую очередь на классе “лучших людей”, являющихся лидерами религиозных общественных групп.

Низший класс, земледельческий (“люди в узком смысле”) обязан аскетически сдерживать свои хаотические и неосознанные порывы, которые могли бы угрожать церкви и государственным институтам. Он должен постоянно ощущать свое предназначение в качестве земледельческого производственного класса и подчинять свою материальную деятельность высшим религиозными гражданским интересам.

Средний (городской) класс всегда следует, по мысли Соловьева, примеру высшего класса как связующее звено между последним и земледельческим сословием.

Высший класс (“лучшие люди”) в стратификационной системе мыслителя играет ответственную роль — работает для достижения высших целей общества, вовлекая в орбиту строительства два других класса. На его деятельности лежит печать высшей духовности.

Концепция свободного теократического переустройства современного ему общества сложилась у Соловьева в процессе осмысления тех социально-политических процессов, которые происходили в Европе и в России. В “Чтениях о Богочеловечестве”, рассматривая итоги развития западной цивилизации, он подчеркивает, что любой общественный строй должен опираться на какое-нибудь положительное основание, принадлежащее сверхприродной сфере, воле Божией или воле людской, народной. Первый член дилеммы был отвергнут западным миром, и Французская революция решительно установила демократический принцип —

волю народа или волю “совокупных лиц, составляющих народ”, где все люди равноправны.

На деле же все оказалось гораздо сложнее, ибо революция, утверждая в принципе демократию, в конце концов произвела на свет только плутократию, власть денежного мешка. Фактически вся верховная власть стала принадлежать ничтожной части народа — буржуазии, капиталистам. Свобода и равноправие в подобном обществе для большинства только отвлеченная возможность. А сосредоточение собственности в немногих руках создает поработенный класс пролетариев и общество, “в котором равенство есть равенство нищеты, а свобода очень часто является как свобода умирать с голоду”. Понимая шаткость и невозможность обоснования справедливого общества “условной сферой человеческой природы”, мыслитель далее обращает свои взоры к возникшим социалистическим теориям, развиваемым в России Герценом и Чернышевским, но и там не находит искомого юридического идеала.

Социализм, считает он, сила исторически оправданная, которой на Западе бесспорно принадлежит ближайшее будущее, но она имеет только условное оправдание и не способна быть высшей нравственной силой, хотя и притязает на осуществление безусловной правды в области политических отношений. Соловьев обосновывает несостоятельность русского социализма в реализации равенства материального благосостояния, которое в качестве абсолютной ценности не может иметь никакого нравственного значения, так как “провозглашать восстановление права материи как нравственный принцип — все равно что провозглашать восстановление прав эгоизма”. Социализм, на его взгляд, существенно отличается от христианства, ибо “христианство требует отдать свое, а социализм требует брать чужое”.

Придя к выводу о несостоятельности “условной правды” капитализма и социализма, базирующихся в конечном счете на насилии, консерватор заключает свои рассуждения выводом о том, что свободное подчинение каждого человека всем возможно при таком устройстве, когда все подчинены безусловному началу, по отношению к которому они равны между собой. Таким началом является София, Божественная сущность. На основании нравственного начала как безусловного и божественного возможно осуществление правды на земле, а значит, и теократического общества для современного ему человечества.

Соловьев критикует также русских либералов с их ориентацией в идеале на правовое государство, когда безрелигиозное государство является высшей формой общества, а универсальное царство права — апогеем человеческой истории. Порочность позиции либералов, считает он, в придании верховного значения при характеристике человека и общества формальному и рациональному началам. Однако человек по своей природе не исчерпывается этими началами. Ему свойственно также стремление к иррациональному началу, “к безусловному, то есть стремление быть всем в единстве или быть всеединым”. Воплощением же этого в обществе может быть лишь религиозная инстанция — церковь.

Соловьев осуждает либеральный принцип полного отделения государства от церкви, духовной власти от светской, или принцип “свободной церкви в свободном государстве”, называя общество, где действует такой принцип, “ложной теократией”. Если признавать разделение светской и духовной властей, то на каждом шагу, считает консерватор, общество будет впадать в противоречия. “Пришлось бы в каждом частном случае определять свою волю двумя несовместимы-

ми началами... к одному и тому же человеку относиться в качестве христианина по принципу безусловной любви, а в качестве гражданина по принципу формальной справедливости; нельзя же в самом деле допускать, чтобы я мог действительно любить по-христиански того самого человека, которого я в качестве судьи послал на виселицу”.

Теократическое учение Соловьева получило свое завершение в работе “Россия и Вселенская церковь”, где уже в деталях изображаются формирование церковной монархии и роль нашей страны в этом процессе. Христианской теократией во вселенском масштабе стала теократия, выросшая из монархии Древнего Рима — города, который везде воспринимался как центр мира. Увлеченный в эту пору католичеством, Соловьев подчеркивает, что одна только Римская католическая церковь сохраняет и утверждает во всем мире начало вселенского социального единства, выступает против эгоизма индивидов и партикуляризма наций. Эти идеи во многом навеяны западником Чаадаевым. Католическая церковь, по Соловьеву, в современном мире одна “охраняет и утверждает свободу духовной власти против абсолютизма государства”.

В католицизме и основанной им церковной римской монархии он усматривает базис для дальнейшего свободного развития общества, основанного на принципах богочеловеческого союза. Но, к сожалению, исторические судьбы этой монархии сложились так, что христианская власть в ней была либо слабой, либо совсем отсутствовала. Папство, лишенное светского органа, не смогло дать своим верующим истинно христианской организации общества. На взгляд Соловьева, церковь, лишенная солидарности светской власти, не может водворить на Земле христианские отношения и справедливость. Еще не поздно, думал он, поискать в современном мире власть, способную содействовать церкви. Такую государственную власть Вселенской церкви способна дать Россия, ее глубоко верующий народ. Эта мысль обрела следующую формулу: “Глубоко религиозный и монархический характер русского народа, некоторые пророческие факты в его прошлом, огромная и сплоченная масса его империи, великая скрытая сила национального духа, стоящая в таком противоречии к бедности и пустоте его теперешнего существования, — все это указывает, по-видимому, что исторические судьбы судили России и дать Вселенской церкви политическую власть, необходимую ей для склеения и возрождения Европы и мира”.

Предвосхищая упреки в утопизме, мыслитель отмечает, что дело такого объединения носит в первую очередь смысл “моральной и интеллектуальной связи” между религиозным сознанием России и Вселенской церкви. Здесь противопоставлены какие бы то ни было насильственные мероприятия.

В этом же произведении окончательно рисуется картина свободной теократии, когда единство светской и духовной властей приведет к возникновению на Земле истинной социальной справедливости, чуждой языческому государству. Каждая составная часть великого целого — нация, общество, индивид — обладают внутренней ценностью, не позволяющей обращать их в простое средство к достижению всеобщего благосостояния. На вершине реализации богочеловеческого идеала происходит слияние ранее разделенных трех теократических служений. Осуществляется “спасение всех людей без различия, преображение всего этого мира в одно царское и пророческое священство, в одно Божественное общество, в котором люди находятся в непосредственном отношении с Христом и не нуждаются ни в солнце (то есть особом первосвященстве), ни в луне (то

есть в особой царской власти), ни в звездах (то есть в пророчестве как общественном учреждении)".

Концепцией теократического государства и права Соловьев наносил серьезный удар различного рода этатистским теориям, предлагая духовно-правовое начало в качестве стержня государственности, в корне отвергая идею просвещенного и легитимного абсолютизма. Появление его концепции среди консерваторов сигнализировало о внутреннем кризисе прежних монархических идеалов, о "кризисе умов" российских политиков и юристов.

Консервативная заостренность учения своеобразно сочеталась у Соловьева с мистическими и одновременно с либеральными элементами. Создавая свою теорию теократической монархии, мыслитель полемически выступал против монархии реальной, самодержавной и бюрократической. Выступая с позиций примата нравственности над политикой, он последовательно противопоставлял духовно-правовые начала "натуралистическому" деспотизму русского царизма и, рисуя свою картину Вселенской церкви (теократически организованной), подвергал основательной критике официальное православие и церковную иерархию.

Теократическая концепция Соловьева является своеобразным предвосхищением тенденции мира к единству. Это единство мыслится им лишь при условии обращения человечества к Богу. Никакие экономические, политические и социальные процессы сами по себе не могут его обеспечить.

Дальнейшее развитие этих идей было осуществлено в творчестве таких представителей русского "Серебряного века", как П.А. Флоренский и С.Н. Булгаков.

Вне контекста идей, сформулированных Соловьевым, не могут быть в полной мере поняты консервативно-богоискательские поиски веховцев, сменовеховцев, а также русская эмигрантская юриспруденция XX века.

ЛЕКЦИЯ 7. Русский либерализм и его основные течения

Либеральная юриспруденция как составная часть политико-правовой культуры Отечества сформировалась в пореформенную эпоху. Конечно, можно связывать возникновение нашего либерализма с более ранней эпохой, например со временем просвещенного абсолютизма и деятельностью Екатерины II, как это делает В. Леонтович, один из авторитетных знатоков этого направления, в своей книге "История либерализма в России (1762—1914)". Можно его связывать и с более поздней эпохой Александра I и М.М. Сперанского, как это делает ученый И. Осипов в своей книге "Философия русского либерализма XIX — начала XX вв." Можно с позиций обыденного понимания либерализма как любви к свободе (первый либерал — Прометей) признать его постоянной чертой и свойством русского народа, как это делал Н.А. Бердяев, относя в этом случае истоки либерализма к душе русского народа. В истории же ни один народ не защищал так свою свободу, как наш, ведя бесчисленные войны с врагами за независимость своей Родины.

Однако не подлежит сомнению, что либерализм тесно связан с юридическим мировоззрением "третьего сословия", и потому его историческая почва — буржуазное общество, что делает именно пореформенную эпоху с ее быстрой эволюцией в сторону капитализма колыбелью отечественного либерализма. Именно эта эпоха сделала либеральную юриспруденцию постоянным и закономерным явлением в духовной жизни страны.

Как явление буржуазного, а не традиционного общества либерализм сначала возник в Западной Европе, там же впервые появились его многочисленные концепции и понятия. Либерализм имеет как минимум два основных значения. Одно из них, более широкое: доминирующий ныне на Западе тип правовой культуры с присущим ему стремлением к обеспечению индивидуальной свободы в рамках законов, понимаемых как обобщение естественных потребностей нормальных цивилизованных людей. В этом значении он составляет основу всех главных идейных течений и государственных институтов современного Запада; он как бы растворен в крови европейских людей и потому не имеет нужды проявлять себя всегда как самостоятельно оформленное политическое течение.

В более узком значении либерализм — это теория и практика (политическое движение) максимального ограничения вмешательства государства в сферу экономики и социальных отношений. В этом значении он имеет ряд характерных признаков: в экономике это сторонник промышленного капитализма и экономической свободы (принцип *laissez faire*); в социальных отношениях — выразитель интересов среднего класса (буржуазии); в политике — парламентарная демократия; в культурной жизни — свобода мысли и слова, гласность; в религии — антиклерикализм; в морали — индивидуализм; в национальном вопросе — национализм. Политико-юридическим выражением либерализма является конституционализм — система институционально-правовых условий, необходимых для обеспечения в государстве национального суверенитета, свободы личности, демократии и права.

Своеобразие либерализма состоит не только в отслеживаемой им модели социально-политического устройства, но и в способах ее воплощения в жизнь. Либерализм — это еще и этика терпимости, уважение к традициям, философия консенсуса и компромисса. В этом смысле либерализм не противоположен консерватизму, а, скорее, может рассматриваться как его иная версия, обращенная к будущему, а не к прошлому.

Либерализм в Западной Европе возникает в тесной связи с многовековым процессом становления гражданского (буржуазного) общества, утверждения частной собственности, конкуренции, влиятельного третьего сословия — “среднего класса”. Его юридические истоки — в религиозных и политических конфликтах эпохи Возрождения и Реформации, периода первоначального накопления капитала и великих географических открытий.

Подобного историко-цивилизационного контекста при формировании либерализма в России либо совсем не было, либо его черты были представлены незавершенными процессами. Отсутствие благоприятных условий для либеральных ростков обусловило тот факт, что в России идеи либерализма зачастую были чужеродным элементом, привнесенным в страну европеизированной частью русского общества — верховной властью, административной элитой, помещичьим дворянством, интеллигенцией. Исследователи хором указывают на так называемые волнообразные процессы “вестернизации”, иными словами, модернизации России, то усиливающиеся, то замедляющиеся с конца XVII века.

В рамках этих процессов выдвигались целые программы преобразований, как, например, во времена просвещенных монархов Екатерины II и Александра I, но сравнительно самостоятельным направлением юриспруденции наш либерализм стал только в пореформенную эпоху.

Он возник в результате дифференциации правосознания оппозиционного царизму движения 1830—1850-х годов, представленного прежде всего двумя группами раннелиберальной мысли — западниками и славянофилами. Их дискуссии о Русском государстве и его будущем, отягощенные спорами о Крымской войне (западники во имя обретения Россией свободы хотели ее поражения, славянофилы — победы), привели к полному разрыву и идейному размежеванию прежних “друзей-врагов”. Славянофилы все больше склонялись к охранительным теориям, а западники развивали либеральные мотивы прежней оппозиции, создав новое идейное направление — русский либерализм. Последние стояли и у истоков замены дворянской оппозиции разночинной, начав новый этап освободительного движения.

Западники еще до реформы не смогли выработать единую платформу борьбы за российскую свободу и раскололись на две группы: умеренную и радикальную. Первая стремилась достичь поставленных целей путем сотрудничества с царем и правительством, а вторая рассматривала их радикальную трансформацию или свержение как важнейшее исходное условие достижения свободы и демократического преобразования общества (Чернышевский и народники). Поэтому в пореформенную эпоху понятие “либерал” применимо лишь к представителям первой группы, а вторая зачастую под тем же лозунгом борьбы за свободу выступает как инородное тело, идейно-враждебное по отношению к русскому либерализму.

Пореформенные либералы имели узкую социальную базу. Большая их часть принадлежала к верхним слоям так называемых “образованных классов”; как правило, это были выходцы из дворян или даже носители аристократических фамилий, получившие прекрасное образование, хорошо знакомые с образом жизни Западной Европы и основными достижениями ее юриспруденции. Этим объясняется, между прочим, их традиционная ориентация на Европу. Русский либерализм, в отличие от своего западного аналога, опиравшегося на средние слои города и деревни, только мечтал о том, что ему в обозримом будущем (на марше реализации своей программы) удастся создать (подвести под себя) адекватную политическую основу при помощи государства. Последнее они так и не смогли привлечь на свою сторону, отчего оказались между двух огней: с одной стороны, правительство и поддерживающие его консерваторы, усматривавшие в них чуть ли не самых опасных претендентов на власть, а с другой — радикалы, считавшие их представителями господствующих классов и, следовательно, чуждыми интересам русского народа.

Либералам пришлось столкнуться не только с политической косностью авторитарного режима, не желавшего добровольно реформироваться, но и с менталитетом россиян, видевших в них интеллигентов, а нередко просто тех же “бар”, которые проповедуют оторванные от жизни идеи. Все их попытки “переплавить” массовое традиционное сознание в новое, юридическое мировоззрение не увенчались успехом. Крестьяне, а затем и рабочие оказались гораздо большими реалистами и прагматиками, чем теоретики-интеллигенты, мечтавшие “мирком да ладком” уговорить чиновника-бюрократа поделить с ними властью, помещика-латифундиста поделить с русским мужиком “священной” земельной собственностью, крупного фабриканта и купца поделить с пролетариями частью своей прибыли.

Парадокс также в том, что сторонниками либерально-юридической идеи в нашей стране оказались и передовые дворяне, которые, например, во Франции всегда были оплотом роялистских сил. Видимо, этот факт сыграл немаловажную роль в обосновании нашими либералами своеобразной концепции об особой роли дворянства в реформировании Российского государства в буржуазное.

К началу XX века в России "верхи" и "низы" оказались в остром противостоянии, разведенными по разные стороны политических баррикад. В этих условиях уговорить тех и других стать "социальными партнерами" было просто невозможно. Попытка наших либералов, как свидетельствует дальнейшая история, встать между двумя враждебными лагерями окончилась для них трагично. Они оказались "перемолотыми" между этими двумя жерновами.

Итак, российский либерализм представлял собой, особенно в пореформенную эпоху, элитарное, далекое от народных чаяний интеллектуальное течение, не имеющее прочных корней в различных структурах российского общества. Либералы создали проект переустройства России, который, безусловно, отражал мировые тенденции прогресса, но не всегда учитывал национальную специфику России. Они конструировали свою модель исходя из желаемого и в гораздо меньшей степени принимали во внимание жесткую реальность, которую намеревались преобразовать по уже апробированным западноевропейским образцам. Однако пропасть между желаемым и действительным была так велика, что созданные ими юриспруденция и программы переустройства России не могли адекватно восприниматься тогдашней исторической средой.

Узость социально-политической основы отечественного либерализма привела к тому, что он оказался слабым, идейно размытым на множество течений и толков. Всякие попытки его идейной и организационной консолидации в некое общее целое, придания ему теоретической и программной стройности, завершенности потерпели крах. Свою партию либералы так и не создали в пореформенную эпоху, хотя у радикалов партийные формы организации сложились уже в 60-е годы.

Оппозиционность либералов была пассивной, нелегальная борьба с царизмом почти не велась. Верноподданнейшие адреса императору, беседы за чашкой чая, выступления в легальной печати и на земских собраниях, застольные тосты на товарищеских пирушках, созданных во время губернских или уездных собраний, — вот почти весь арсенал либеральных средств, применявшихся для защиты выдвинутых идеалов. В течение долгого времени пореформенный либерализм оставался сугубо персонифицированным. Так, во время отмены крепостного права его никак иначе, как кружковым, не назовешь. В дальнейшем, после буржуазных реформ, появляется земский либерализм, несколько расширивший свою социальную базу, но и его деятелей можно пересчитать по пальцам, среди них преобладали владельцы наиболее крупных поместий.

Русский либерализм эпохи освобождения крестьян нашел отклик и в среде высшей бюрократии (сановный либерализм. — *Н.А.*), не раз в 60-е — начале 80-х годов XIX века выступавшей с идеями реформирования центрального государственного управления путем введения в него представительных начал и создания "кабинета" во главе с первенствующим министром. Парадокс заключается в том, что с инициативами ограничения императорской власти путем созыва выборных представителей и создания солидарного правительства с кабинетом министров на этот раз выступали лица, максимально приближенные к царю, в

число первейших служебных обязанностей которых входила защита верховной власти от всяких на нее посягательств (министр внутренних дел П.А. Валуев, шеф жандармов и начальник Третьего отделения П. Шувалов, министр внутренних дел М.Т. Лорис-Меликов). И это было не случайным совпадением, а проявлением глубокой закономерности, присущей авторитарной системе, в рамках которой “правом голоса” при обсуждении с императором вопросов формы правления обладали прежде всего руководители охранительно-репрессивных органов. Монопольное право самодержавия на всякую политическую деятельность превращало их “по долгу службы” в единственных легитимных глашатаев назревших государственных потребностей перед лицом монарха.

В такой ситуации у сановных либералов наблюдалось политическое двуличие, что неизбежно отталкивало от них потенциальных союзников из широкой общественной среды, а также из салонов “хозяев земли Русской”. Рок “лишних людей” тяготел и над этими либералами, а не только над кружковцами и земцами. В целом же, если использовать классовый критерий для классификации либералов пореформенной эпохи, всех их — и кружковцев, и земцев, и видных сановников — можно смело отнести к представителям дворянского либерализма, уже имевшего в истории России знаменитых предшественников в лице Щербатова, Панина, Сперанского. И только к концу века все более влиятельным носителем либеральных ценностей в стране становится внесловная интеллигенция, во многом благодаря которой в начале XX века либерализм обретает интеллектуальный облик, политическую широту и организационную оформленность. Но это уже качественно иная фаза, ставшая новым этапом развития российского либерализма.

Пореформенный либерализм, постепенно утрачивая аристократические цели и средства, по своему объективному содержанию становится дворянско-буржуазным. Ему присущи такие общие программные требования, как ликвидация феодальных пережитков в экономике, тормозящих развитие капитализма; свобода частного предпринимательства; невмешательство государства в экономическую сферу; обеспечение минимума гражданских свобод; ограниченная монархия. Осуществление этой программы расчистило бы путь для капитализма, но оставило бы значительные политические права у дворян.

Требования пореформенных либералов сводились к отмене крепостного права с сохранением земель и привилегий у помещиков, введению местного самоуправления, суда присяжных, гражданских свобод. Принятие конституции они считали необходимым только после соответствующих преобразований общественного строя. Либеральные шаги правительства они горячо приветствовали, усматривая в них стимул к сплочению всех прогрессивных сил. На примерах событий 50-х годов либералы стремились доказать, что одни только репрессии вызывают сопротивление народа, ведут к росту оппозиционных настроений, изолируют правительство; в свою очередь, выступления масс с “неумеренными” требованиями “ожесточают” власть, делают ее неустойчивой. Целью их программы было постепенное, мирное превращение самодержавия в ограниченную монархию.

Свои надежды либералы связывали с Александром II, правительство которого в осторожной форме заявило о намерении провести преобразования с целью ослабления последствий николаевской реакции. По мере активизации радикальных движений либералы скатывались в консервативный лагерь, дрейфовали от фронды к охранительству.

Молодой российский либерализм оказался уязвим со стороны практически всех классов и государства. Для низших классов он был непонятен и недостаточно радикален; для дворянства он был неприемлем как течение, выступающее за отмену сословных привилегий и, следовательно, слишком радикальное (для буржуазии, как ни парадоксально, неприемлем был лозунг свободного рынка, ибо она не выдерживала конкуренции с иностранным капиталом и зависела от государственных монополий); наконец, само государство в лице большинства правящей бюрократии было совершенно косо и не способно к либеральным реформам. В таких условиях российские либералы вынуждены были создавать очередные утопии или работать для будущих поколений.

Политическая слабость отечественного либерализма как комплекса ценностных целевых установок с лихвой компенсировалась высоким теоретическим уровнем его юриспруденции. Для того времени возникшая либеральная мысль выгодно отличалась глубиной теоретического исследования, стремлением к объективному научному анализу политических явлений, высокими культурными, этическими и правовыми идеалами. Русские юристы либеральной ориентации меньше всего исходили из стремления выразить чьи-либо классовые интересы. В их задачи входило создать разумный общественный порядок, способный мирным, ненасильственным путем преодолеть существующие общественные противоречия или хотя бы примирить их таким образом, чтобы интересы общества в целом не были принесены в жертву эгоистическим интересам отдельных классов или социальных слоев. Российский либерализм поэтому стремился максимально заимствовать, дополнить, развить и практически применить лучшие достижения европейской цивилизации, парализуя в то же время деструктивные силы, делающие ставку на эскалацию социальных конфликтов.

С пореформенным либерализмом связано становление конституционализма — требования господства права в социально-политических отношениях, юридического оформления полномочий и деятельности государственного аппарата, представительного правления, сменяющего собой вседозволенность бюрократии, соблюдения законности, предоставления населению гражданских и политических свобод. Постепенно складывался идеал русского правового государства, где институт монархии сохранялся, но ориентировался на служение не только дворянству, но и буржуазии, а в конечном счете всему народу. О высоком уровне либеральной юриспруденции нужно судить не столько по числу ее последователей, сколько по ее интеллектуальным достижениям. Они были очень высоки, возможно, слишком высоки для того, чтобы быть понятыми и стать популярными в широкой публике, включая порой даже людей, называющих себя либералами.

В теоретическом плане тогдашние либеральные учения делятся на неогегельянство (К.Д. Кавелин и особенно Б.Н. Чичерин), юридический и социологический позитивизм (С.А. Муромцев, М.М. Ковалевский, Н.М. Коркунов).

Отрицанию права как способа разрешения социальных противоречий русские либералы противопоставили отечественные варианты широкого, многоаспектного подхода к праву с постепенным возрождением доктрины естественного права или обоснованием совсем новых для того времени юридических школ (психологической, социологической).

Зарождение и становление этой доктрины и этих школ в пореформенной России означало тенденцию демократизации юридической мысли, сближения ее с теми общественными запросами, которые выдвигало время. Правда, речь зача-

стую шла о подходе к праву с позиций космополитических учений, выработанных прежде всего западной цивилизацией, где русская православная традиция умаялась. На основе единых гуманистических юридических ценностей корректировалось создание российского идеала справедливого общественного устройства. Первостепенное значение при этом придавалось положению о том, что природе человека изначально присущи определенные духовные принципы, играющие в организации общества регулиющую роль, своего рода исконные правовые начала. Отсюда — дальнейшее углубление отечественных представлений о правде как тесной связи права и этики, о праве как справедливости.

Либеральный идеал правового государства, где защищены и гарантированы естественные права и свободы российского гражданина, и в первую очередь право собственности и политические свободы индивида, в перспективе выгодно отличался от аполитичной теории народников и теории диктатуры пролетариата социал-демократов, а также от тех прав и свобод, которые обещал или затем даровал своим подданным император. Это во многом объясняет, почему либералы не были заинтересованы в крутых социальных (революционных и контрреволюционных) изменениях, требующих радикального вмешательства государства в жизнь россиян. Либеральные концепции объясняют и определенную слабость и узость социальной базы либерального движения, так как основным признаком правового государства признавалось верховенство закона (принцип законности) в жизни русского общества, что было несовместимо как с действиями революционеров, так и с другими нелегальными формами борьбы. В отличие от партий, ставивших своей целью противозаконные перемены и подчинивших этому свою структуру, либерализм сознательно отстаивал принцип минимума организации, а потому его программа носит не столько социальный, сколько чисто правовой характер, причем главное в ней — борьба за права человека.

История пореформенного либерализма дает неожиданно четкий рисунок завещанного нам наследства, слагаемые которого — гражданское подвижничество, мудрые нравственные, правовые заповеди и политические нормы. Их непреходящую ценность мы только начинаем сознавать в полной мере на пороге XXI века.

Итак, русский либерализм заслуживает того, чтобы ему было уделено большее внимание, чем это делалось раньше в лекциях и учебниках по истории политико-правовой мысли. Его актуальность резко возрастает в связи с тем, что сегодняшняя официальная политика, хотя ее курс так нигде толком еще и не сформулирован, кроме Конституции 1993 года, похоже, строится на либеральных лозунгах, особенно в сфере экономической политики. Надо только прямо сказать, что теория либерализма и его практика в российских условиях зачастую антиподы друг другу. Но это не значит, что будущему юристу знания о русском либерализме не пригодятся. Либеральное общество на Западе создавалось веками. Будем надеяться, что трудности переходного периода в XXI веке останутся в прошлом и наша страна в конце концов сможет успешно выйти из той катастрофы, которая образовалась в результате пропасти между словами и делами нынешних правителей — либералов-реформаторов.

В дальнейших лекциях остановлюсь на трех течениях пореформенного либерализма: кружковом (60 — 70-е годы), земском (70-е годы — до конца века), сановном (60 — 80-е годы).

ЛЕКЦИЯ 8. Кружковый либерализм

Идейными центрами либерализма стали собрания столичной интеллигенции. Петербургский кружок, нареченный современниками "Партией петербургского прогресса", имел многочисленные связи в политических кругах России и за границей (А.И. Герцен). На собраниях кружка встречались столичная профессура (М.Н. Катков, В.Д. Спасович, М.М. Стасюлевич, Б. Уткин), министерские чиновники (братья Н.А. и Д.А. Милутины, Н.И. Стояновский), писатели и журналисты (И.С. Тургенев, Н.А. Чернышевский и др.). Его признанным лидером постепенно становится К.Д. Кавелин.

В московский кружок входили А. Станкевич, Е.Ф. и В.Ф. Корш, С.М. Соловьев, К.П. Победоносцев (в ту пору еще не консерватор, как и Катков). Сначала это кружок возглавлял Т.Н. Грановский, а после его смерти видную роль играл Б.Н. Чичерин.

Кружки контактировали друг с другом, выдвигали общие требования законности и гласности. Главное средство осуществления этих требований, так же как и опору реформистских сил, они видели в просвещенной и легитимной монархии. Скрытое здесь противоречие между постулируемыми политическими целями и способами их реализации разрешалось путем ограниченной трактовки самих понятий законности и гласности. Законность должна была восторжествовать как результат "укрощения" помещичьего и административного произвола просвещенной, стоящей на почве закона властью, воплощением которой служило самодержавие, а гласность в понимании кружковцев была призвана помочь включению всех "одномыслящих людей" — сторонников реформ в процесс их осуществления, не более того.

С годами после некоторого ослабления цензурного гнета кружковый либерализм концентрировался вокруг журналов "Русский вестник", "Отечественные записки", "Вестник Европы". Новое идейное размежевание и раскол в оппозиционном лагере, последовавшие вскоре после отмены крепостного права, привели к тому, что главной публичной идейно-политической трибуной кружкового либерализма стал журнал "Вестник Европы", основанный в 1861 году группой профессоров, покинувших Петербургский университет в знак протеста против политики правительства в сфере образования (Кавелин, Спасович, Стасюлевич, Уткин).

Политическая программа кружкового либерализма представлена наиболее полно в совместной работе Кавелина и Чичерина "Письма к издателю", написанной после окончания Крымской войны и опубликованной в сборнике Герцена "Голоса из России". Заявив о том, что они "не разделяют образа мыслей" Герцена и не сочувствуют его "деятельности с отъезда за границу", Кавелин и Чичерин затем изложили свои планы: об освобождении крестьян без потрясения всего государства, о введении свободы совести, об отмене или по крайней мере об ослаблении цензуры.

Авторы были готовы поддерживать любое "сколько-нибудь" либеральное правительство, поскольку были твердо убеждены, что "только через правительство у нас можно действовать и достигнуть каких-нибудь результатов". Они осуждали Герцена за его революционную агитацию, подчеркивая, что для них революционная теория не только неприменима — "она противна всем нашим убеждениям и возмущает в нас нравственное чувство". Кавелин и Чичерин

призывали Герцена переменить тон, направление его пропаганды и “даже принести в жертву свои убеждения, если хотите принести Отечеству какую-нибудь пользу”.

Кавелин и Чичерин совместно обосновали этатистский подход к прошлому и будущему России. В основе его лежали следующие постулаты: 1) утверждение государства как движущей силы русской истории; 2) обоснование его ведущей роли в судьбах России ее географическими и природными условиями; 3) противопоставление истории России истории других народов, прежде всего Западной Европы.

Основное содержание политико-правовой истории Отечества либералы видели в “закрепощении и раскрепощении сословий государством”. Всесилие государства объяснялось суровой, специфической естественной средой: степь препятствовала образованию прочных социальных связей; русские люди изображались “одиночными, блуждающими лицами”, “затерянными в необозримом, едва заселенном пространстве”. Организатором жизни общества стало государство, оно создало сословия и побуждало их служить национальным интересам.

Солидаризируясь в некоторых вопросах со славянофилами, кружковцы пришли к решительному противопоставлению истории России и народов Западной Европы, которые сами строили свои государства: на Западе все вырастало “снизу”, в России все насаждалось государством “сверху”.

В рамках этого подхода стержневой стала проблема “государство и личность”. Выделение личностного начала, анализ государствоведческих вопросов в тесной связи с субъективными правами людей напрямую затрагивали ту тематику, которая изначально присуща либерализму как юридической идеологии. Причем рассмотрение статуса личности в государстве велось этими учеными с привлечением большого материала (не только отечественного, но и всемирно-исторического) и в прогностической перспективе. Внимание к личности, ее свободному выбору составляет общую черту кружкового либерализма.

Между вождями этого течения существовали теоретические разногласия. Поэтому имеет смысл изложить политико-правовые взгляды разных ученых.

Константин Дмитриевич Кавелин (1818 — 1885) родился в Петербурге, в семье, принадлежавшей, по определению Достоевского, к “средне-высшему кругу” русского дворянства. Поступил в Московский университет, сначала на историко-философский, а затем на юридический факультет. Окончил его с золотой медалью, сдал магистерские экзамены, защитил диссертацию на тему “Основные начала русского судоустройства и гражданского судопроизводства” и приступил к чтению лекций по истории русского права в Московском университете.

В 1848 году Кавелин переезжает в Петербург, служит чиновником в различных ведомствах. А затем становится профессором кафедры гражданского права Петербургского университета. В 1857 году он был приглашен преподавателем к наследнику престола, несмотря на то что он в это время уже слыл “самым отчаянным либералом”. В Петербурге Кавелин и завершил свой жизненный путь. Многие русские люди пришли поклониться праху этого крупного ученого и политического деятеля, имя которого в истории Отечества до сих пор должным образом еще не оценено. Но надпись на венке “Учителю права и правды” не осталась забытой и взывает к памяти современного юриста.

Как либерал Кавелин исходит из того, что “индивидуальность есть почва всякой свободы и всякого развития, без нее немислим человеческий быт”. Более того, личность — та точка отсчета, которая дает единство мировому прогрессу.

В основе русской и европейской истории лежит одно начало — человек. Различие лишь в том, что в истоках отечественной истории у русско-славянских племен личностного начала не было, в отличие от германских племен. Отсюда и различные задачи: западным народам предстояло развить историческую личность в личность человеческую, а славянским — создать личность. Образование сильного Русского государства вполне объясняется этим историческим обстоятельством. В работе “Крестьянский вопрос” (1881) Кавелин утверждает, что “у нас консерваторы — народные массы, а историческое движение испокон века сосредоточивалось в верхних наслоениях русского общества”. Это не только теоретический постулат, но и основание для политико-юридических выводов.

По Кавелину, через распадение родового быта, укрепление семейного быта, последующий его распад и возникновение из него государства зарождается в России начало личности: “Появление государства было вместе и освобождением от исключительно кровного быта, началом самостоятельного действия личности”. Петра I он считал первой свободной личностью в России.

Сущность Русского государства он определяет как “тип двора или дома”, где царь, являясь безусловным господином, осуществляет свою власть как владелец усадьбы, а все подданные — от самых низших слоев до высших сановников — обязаны нести какую-либо службу. Подданные становятся “сиротами” царя, а потому слуга — это высший титул и награда. Такой государственный строй, считал Кавелин, охватывая собой все общество — от царя до последнего подданного, — представляет собой удивительное единство, а “вся русская история, как древняя, так и новая, есть по преимуществу государственная, политическая, в особенном, нам одним свойственном значении этого слова. Областная провинциальная жизнь еще не успела сложиться, когда стало начинаться и расти государство”.

Державной русская история становится не сразу. Первоначальным историческим элементом на Руси была патриархальность (как и у многих других народов). Она характеризуется преобладанием естественных, прирожденных, “на кровном родстве основанных отношений” над юридическими и личными, неопределенностью взаимных отношений между людьми и “страшным произволом, бессознательностью и необеспеченностью всех и каждого”. Это противоречит природному стремлению человека к определенному, известному, постоянному быту. Последнее и выводит с необходимостью патриархальное общество в юридический и гражданский быт. Вся ранняя история представляет собой постепенное вытеснение родовых отношений государственными.

В тесной связи с обеспечением прав личности государством стоит и вопрос об отмене крепостного права в концепции Кавелина. Его существенным вкладом в разрешение этой злободневной проблемы явилась знаменитая “Записка об освобождении крестьян в России” (1855). Он резко осуждал крепостное право, заявляя, что оно поражает промышленную деятельность народа “в самом ее зародыше”, убивает “всякий нравственный и моральный успех в России”. “Вольная работа по договору во всех отношениях лучше подневольной и даровой”. Кавелин утверждал, что из-за крепостного права Русское государство несколько раз стояло на краю гибели. Выступления Разина и Пугачева — “все эти разрушительные элементы восставали и поднимались из мутных источников крепостного права”. Кавелин предупреждал, что при неблагоприятных обстоятельствах

и сейчас “может вспыхнуть и разгореться пожар, которого последствия трудно предвидеть”. По мнению либерала, сохранение крепостного права мешает проведению других преобразований: реформ судопроизводства, судостроительства, полиции, администрации и цензуры.

“Записка” встретила полную поддержку со стороны кружковцев и явилась одним из первых и довольно смелых проектов по крестьянскому вопросу, вышедших из среды либералов.

Признавая необходимость отмены крепостного права в России, Кавелин предостерегал от революционных, насильственных изменений в политико-правовом строе. В той же самой “Записке” он советует вести либеральные преобразования эволюционным путем, медленно и мирно. Залогом этих преобразований должны быть царь и вера в него народа. Значительно позже, в 1875 году, Кавелин еще раз доказывает, что политическая революция у нас невозможна в принципе, а причина этого — в отсутствии в основе Русского государства взаимно враждующих элементов. Реальную угрозу он видит не в революции, а в смутах, вызываемых бессмысленным управлением, беспомощностью невежественных, полудиких масс, задавленных поборами и бесправием, а также раздраженностью имущих и образованных слоев, которая сближает их в недовольстве с массами.

Логическое и моральное осуждение революций Кавелиным сводится в самом общем виде к указанию на стремление любой революции к безграничной индивидуальной свободе. Но ни одна идея или мысль, по его мнению, как бы они ни были верны и правильны сами по себе, не могут осуществляться вдруг, сразу и насильственным путем, так как насилие порождает ответное насилие. Для него любая политическая программа всегда есть лишь ответ на самый ближайший вопрос, а отнюдь не безусловная, вечная истина. Отсюда и его приверженность к реформистскому пути развития усилиями просвещенного царя и его правительства, действующих в рамках русского права.

И, наконец, остающийся спорным в нашей литературе вопрос о форме правления, по Кавелину. Некоторые ученые полагали, что этот либерал желал постепенной эволюции монархии из самодержавной в конституционную. Однако в хронологических рамках кружкового либерализма (до конца 70-х годов) Кавелин считал введение конституционных порядков не только несвоевременным, но и опасным. В мае 1861 года он написал работу “Дворянство и освобождение крестьян”, изданную затем нелегально за границей, в которой заявлял о неготовности России к представительным учреждениям. К ним стремится, писал он, только дворянство, но дворянская конституция невозможна. Дворянство изолировано от других классов, и вынудить конституцию у правительства в одиночку оно бессильно. Но даже если бы дворяне и получили желаемое, то удержать его, ввиду своего материального расстройств и враждебности к ним остальных классов, они не смогли бы.

Кавелин не верил в осуществление планов аристократической оппозиции, но боялся, что ее намерения дойдут до крестьян и они поднимутся на защиту самодержавия, выступив против дворян за “батюшку-царя”. Для него важнее были судебные реформы, реформы цензуры и свободы печати, хорошо проведенная земская реформа. “Ими бы следовало заниматься вместо игры в конституцию”.

Либерал различал, в духе Сперанского, “обширный и тесный смысл” конституции. Под первым он понимал легитимистскую государственность, которая может быть и в монархии, и в республике. Под вторым смыслом понимается мо-

нархия, ограниченная представительными учреждениями. На сегодняшний день, считал профессор, нужна легитимная монархия, где законный порядок совмещается с абсолютизмом. Кроме того, в России нет противоборства между государем и высшими слоями. Следовательно, здесь не нужна и конституция. Такова логика Кавелина. Более того, конституция даже вредна: "Сама по себе, помимо условий, лежащих в строе народа и во взаимных отношениях различных его слоев, конституция ничего не дает и ничего не обеспечивает, она без этих условий — ничто, но ничто вредное, потому что обманывает внешним видом политических гарантий, вводит в заблуждение наивных людей".

Оценивая настоящее России, Кавелин характеризует его как "самодержавную анархию". В этом определении выразилось все его недовольство существующим порядком вещей, в особенности же засильем централизованной бюрократии, которая нигде не находит ни малейшего сопротивления (в этом и заключается "анархичность" бюрократического управления). Ей на смену должна прийти "самодержавная республика", где воплотится единство интересов государя, высших слоев общества (либералов), ведущих его вперед по пути прогресса, и основной массы населения, представленной крестьянством.

Издание закона о земской реформе Кавелин воспринял с энтузиазмом. В земстве, писал он, "громкая целительная сила всех наших недугов". Выступая в принципе за бессословное земство, Кавелин считал, что ввиду розни сословий пока это пожелание неосуществимо. Но он не оставлял надежды на то, что совместная работа сблизит сословия и это станет будущей основой нового порядка, с возможными представительными элементами в его устройстве.

Если конституционализм в тот период не волновал Кавелина, то, напротив, планы административных реформ сильно увлекали его. Он доказывал, что реальная власть находится не у царя, а у придворной клики. Необходимо создание такого учреждения, которое доводило бы до императора подлинные факты. Получая сведения из различных источников, он лучше бы представлял себе существо дела. Прообраз такого учреждения Кавелин видел в петровском Сенате. Подчеркивая, что создание Сената было сильным ударом по боярству, Кавелин писал, что при преемниках Петра он был сведен на нет дворянской олигархией.

Для исправления положения ученый предлагал учредить Административный сенат, который положит конец бюрократическому произволу, обеспечит единство в государственном управлении и будет систематически доводить до сведения царя нужды и потребности страны. Третий Сенат должен состоять из лиц, назначаемых царем. Другая треть выбирается губернскими земствами и, наконец, последняя треть — самим Сенатом. Кавелин даже оговаривается, что от земства в административный Сенат должны входить не председатели земских управ, а люди, специально избранные для работы в нем. Ежегодно Сенат обновляется на одну треть. Каждый сенатор, предлагает Кавелин, избирается на три года и может быть переизбран. Находясь в Сенате, он не имеет права состоять ни на какой службе, не несет ответственности за проводимые им мнения и подлежит удалению из Сената только в случае уголовного преступления. Председателем Административного сената является царь. На время своего отсутствия он назначает первоприсутствующего из числа двух-трех кандидатов, избранных Сенатом.

Признавая существовавшие в то время Комитет министров и Первый департамент Сената учреждениями бесполезными, Кавелин требует их упразднения.

Из Государственного совета он предлагает изъять все административные дела и оставить ему только законодательные. Таким образом, Административный сенат, писал Кавелин, становится высшим административным государственным учреждением. В нем сосредоточиваются все дела, которые были разделены между Комитетом министров, Государственным советом и Первым департаментом Сената. Кроме того, отчеты высших чиновников, включая министров, должны передаваться сначала на рассмотрение Административного сената. Он может требовать от них разъяснений по любым вопросам. Ему предоставляется право ревизии министерств и других учреждений. Административный сенат направляет царю свои соображения о состоянии государственного управления, о необходимости законодательных и административных мер, касающихся внутреннего положения страны. Последняя прерогатива Административного сената представляется Кавелину одной из важнейших. Либерал особо подчеркивал, что Административный сенат — это совещательный орган. Его решения могут проводиться в жизнь только в случае утверждения их монархом. Более того, утвержденные царем, они проводятся в жизнь не Административным сенатом. Его задача — наблюдать за их претворением в жизнь и настаивать на этом.

Обеспокоенный тем, чтобы Административный сенат не расценили как замаскированный зародыш парламента, Кавелин подчеркивал, что планируемое им учреждение не ослабит царскую власть. Монарх не может один вести все дела, не может пресечь все интриги, ведущиеся якобы в целях государственной пользы. Каждый министр делает доклад так, как это выгодно только ему. Располагая же отзывами Административного сената, царь правильнее разберется в поставленных вопросах.

Как бы заранее отвечая своим критикам, почему он не наделяет Административный сенат политическими правами, Кавелин писал, что ограничение самодержавия в России немыслимо. Даже если бы сегодня удалось вырвать у царя конституцию, завтра она превратилась бы в пустой звук или же была взята назад при полном равнодушии, а возможно, и радости огромного большинства народа. Не исключал Кавелин и того, что его Административный сенат, даже при всех сделанных им разъяснениях, будет воспринят как антисамодержавное учреждение. Это будет означать, что необходимость государственных преобразований такого рода не осознается царем. Но рано или поздно под влиянием естественного хода событий он принужден будет создать такой орган.

Этатистский подход к российским политико-правовым явлениям приобретает более стройную либерально-доктринальную форму во взглядах **Бориса Николаевича Чичерина** (1828—1904). Он типичный представитель тогдашней профессуры, отличавшейся высокой эрудированностью и порядочностью, чуткой к запросам и нуждам русского народа, но считающей, что удовлетворение этих запросов и нужд возможно только на почве закона.

Родился Чичерин в семье богатого и родовитого тамбовского помещика. Далее — юридический факультет Московского университета, лекции Грановского, Соловьева, Кавелина. Сохранившееся на всю жизнь увлечение гегелевской философией права, магистерские экзамены, работа над диссертацией "Областные учреждения России в XVII веке", которая явилась новым словом в русской юриспруденции.

Ядро юриспруденции Чичерина базируется на гегельянской трактовке государства как основного двигателя и творца истории. Государство для него — по-

казатель высшего развития человеческого прогресса и воплощение нравственности, единства народа, территории и верховной власти. Еще большая роль государства в отечественной истории. Русское государство выступает не только надклассовой, но и надсословной организацией. Оно возникло из средневековой неурядицы и должно было требовать от подданных посильной службы для того, чтобы учредить правильное управление, водворить благоустройство, создать силу и могущество России. Государство возложило на все сословия обязанности, общие для всех, не делая исключения ни для кого. "И сословия покорились и сослужили эту службу". Но когда государство достаточно окрепло и развилось, чтобы действовать собственными средствами, оно перестало нуждаться в этом тяжелом служении. В результате в конце XVIII века изменилось положение дворянского, а также городского сословий. Жалованными грамотами 1785 года были предоставлены разные права и преимущества дворянству как высшему сословию в награду "за долговременное служение Отечеству", а также определенные льготы городскому сословию. Теперь "уничтожается, наконец, и... последняя принудительная связь" — пожизненная служба крестьян помещикам и государству.

Во времена Чичерина не было трудов, в которых государство возвеличивалось бы до такой степени. Народная стихия, предоставленная самой себе, проявлялась, по его мнению, лишь в бесплодном анархическом разгуле. С юношеских лет он испытывал острую неприязнь к "толпе", ему в равной степени были чужды и широкое революционное движение, и то учение, которое претендовало на самое полное выражение чаяний масс — русский социализм. Видимо, не последнюю роль сыграло усвоенное с детства патрицианское презрение к демосу как к стихийному, слепому, разрушительному началу.

Но, кроме психологических, существовали и рациональные основания, сказавшиеся на всем мироощущении мыслителя. Раньше, чем кто-либо из его идейных соратников, Чичерин осознал, насколько глубока пропасть между программными требованиями "передовой общественности" и реальными интересами народа. Из этого он сделал соответствующие выводы: ей не приходилось мечтать о массовой опоре, а всякие попытки опереться на демократию опасны и даже преступны; подлинной силой, способной провести преобразования в нужном духе, выступает власть, посему либералы должны настойчиво искать подходы, позволяющие направить усилия правительства в нужное русло. Только "либеральной партии" (так Чичерин обозначал свободомыслящую часть общества) дано возвысить свой голос, подсказывая правительству самые разумные, законосообразные, безопасные способы претворения программы партии в жизнь. Поэтому, думается, расхожее представление о Чичерине как апологете абсолютизма не соответствует действительности: будучи противником власти "толпы", т. е. демократической республики, он неизменно отстаивал монархию, основанную на законах. Приверженность к легитимной и просвещенной монархии определялась в той мере, в какой она споспешествовала реформам и развитию прогрессивных отношений в стране, закладывая тем самым основы будущего правопорядка. Совершенно очевидно, что его этатизм ("государственничество") был выражением тогдашних социально-политических реалий.

Отмена крепостного права также обосновывается мыслителем с позиции государственной школы. Пришла пора, пишет он, сделать решительный шаг по стезе освобождения народа, "искупившего свои анархические стремления" мно-

говековым подчинением железной государственной дисциплине и тем доказавшего “способность к политической жизни”. Необходимо окончательно “раскрепостить сословия”, провозгласив свободу от крепостного положения, а также другие свободы: совести, книгопечатания, общественного мнения (гласности).

Такие идеи соответствовали духу времени. Вместе с тем в них отражаются убеждения их автора: единственным созидательным орудием предстает самодержавно-бюрократическое государство, к которому и обращены главные надежды. Все намеченные реформы рассматриваются как “предмет попечения просвещенного правительства”, проводящего их “сверху”, под своим строгим контролем. Народу же вменяется сохранять покой, поддерживать дисциплину, не проявляя чрезмерной самостоятельности.

Свой этатизм Чичерин ярко продемонстрировал в 1858 году, выступив против герценовского “Колокола”, находившегося на вершине популярности и вызывавшего одобрение у многих русских либералов. Познакомившись с Герценом во время заграничной поездки, он с первой же встречи затеял с ним спор о предстоящих в России реформах, о том, по какому образцу их нужно готовить и к чему они должны привести. Этот спор, в процессе которого Чичерин произвел на Герцена сильное впечатление (и, кстати сказать, получил от него прозвище “Сен-Жюст бюрократии”), продолжался в частной переписке. Когда же Герцен в одной из статей, не указывая имен, повел разговор о “прямолинейных доктринах” и “либеральных консерваторах”, Чичерин почувствовал себя задетым и ответил резким письмом (“Колоколом” же опубликованным), обвиняя оппонента в разжигании нездоровых страстей, требуя от него “обдуманности, осторожности, ясного и точного понимания вещей, спокойного обсуждения цели и средств”. Это было первое в эпоху реформ публичное выступление либерала против “революционных крайностей”.

“Обвинительный акт” (так называлось письмо) вызвал волну протестов, в том числе и в либеральном лагере — со стороны Кавелина, Анненкова, А.И. Тургенева и других, которые корили Чичерина за “искажение истины” и за резкость тона. Лишь пережив кризисную ситуацию начала 60-х годов и восстание в Царстве Польском 1863 года, тогдашние критики заняли по отношению к революции и демократии позицию, очень близкую той, на которой изначально находился их более дальновидный соратник.

Чичерин сформулировал основной принцип, который называл “охранительным либерализмом” и считал его исключительно плодотворным для России: “либеральные меры и сильная власть”. Обстановку же, сложившуюся после отмены крепостного права, он оценивал диаметрально противоположно большинству либералов: “стеснительные меры и слабая власть”, а это неизбежно порождает анархический разгул.

И, наконец, отношение Чичерина к вопросу о форме правления в Русском государстве. Ранее, особенно в советское время, взгляды Чичерина по этому вопросу интерпретировались как откровенная защита самодержавия, затем появились публикации, где Чичерин подавался как сторонник конституционной монархии в России. И та, и другая позиция впадают в крайность и не учитывают, что Чичерин как ярый последователь Гегеля всегда отстаивал принцип историзма при исследовании любого явления, в том числе и государственных форм.

Через несколько месяцев после отмены крепостного права Чичерин высказывает мысль, что нужно постепенно подключать весь русский народ к государственной деятельности, не ограничиваясь правительством. Была пора, когда правительство делало и направляло все. Этим достигались целостность и могущество империи, общественный порядок и благосостояние. Но так дальше идти не может. Для большего могущества, для высшего развития и благосостояния нужны новые силы, нужна энергия целого народа. Ссылаясь на опыт европейских держав, Чичерин подчеркивает, что в его время условием сохранения и развития всякого государства является привлечение к участию в политической жизни общественных сил. Это усложняет задачи правительства, требует пересмотра взглядов, применения новых способов правления, которых не было в прежнем правительстве. "Но в настоящее время без этого обойтись невозможно".

Чичерин, однако, высказывает ряд опасений. Общественное мнение может быть "разумным", и тогда оно составляет первое условие свободы и плодотворного развития. Но оно бывает и "безрассудным", вызывающим только реакцию и бросающим тень подозрения на свободу. В России ученый видит именно второе. Либерализм дошел до неразумных пределов: "... у нас слышится только нестройный говор едва пробудившейся мысли". К тому же "просвещенный абсолютизм, дающий гражданам все нужные гарантии в частной жизни, содействует развитию народного состояния гораздо более, нежели республики, раздираемые партиями". Поэтому он призывает ждать тех времен, когда в результате "упорной работы мысли" и воздержания от "кипучих стремлений" в России разовьется "разумное" общественное мнение, а гражданами станет все население.

Сейчас в стране к участию в политической жизни способно не все население. Русские крестьяне — львиная доля всех подданных империи — не способны к управлению государством, так как их мысли и деятельность не выходят за пределы сельской сферы. Среднее, городское сословие имеет "городовое и государственное" назначение. Город не только средоточие торговли, но и культурный центр. А вот назначение дворянства — управлять государством, быть "руководителем остальных сословий". Таким образом, по мысли Чичерина, и в пореформенный период сохраняется ведущая роль дворянства в российской политике при возрастающем участии в государственной жизни купечества и разночинной интеллигенции, которые в дальнейшем будут составлять "цвет труда и образования". Большинство же населения, крестьянская масса, по-прежнему остается вне политики.

Равноправие сословий Чичерин видит не в установлении одинаковых прав, а в распределении деятельности, в "преобладающем влиянии" в соответствующих сферах: крестьянства — в сельском управлении, среднего сословия — в городском, дворянства — в областном. При этом дворянству принадлежит право участия в сельском и городском управлении. Оно должно также преобладать в учреждениях, где представлены разные сословия, что может быть выражено в количественном перевесе членов от дворянства и в председательствовании; это последнее право особенно важно, ибо председатель оказывает огромное влияние на ход дел в учреждении.

Чичерин допускает народных представителей к "законосовещательству", ссылаясь на опыт Европы и России (Земские соборы, Уложенная комиссия при Екатерине II). С самодержавной властью совместимы 4 способа учета мнения сословий в правительстве: 1) вызов экспертов по частным вопросам, 2) вызов в

отдельных случаях депутатов от сословий, 3) постоянное присутствие депутатов в Государственном совете во время прений, 4) совещательное собрание из представителей от сословий.

Но идея единого собрания (парламента) даже сословных представителей не удовлетворяет Чичерина, ибо опять-таки крестьяне, с его точки зрения, не способны к роли законодателей. Вдобавок он высказывает сомнение в наличии такой способности и у купечества (возможность участия "городского сословия" в государственной жизни, ранее признанная Чичериным, видимо, относится им к будущему, когда установятся "известные условия"). На первых порах очевидно, что единственное сословие, которое может иметь "голос и вес", — все то же дворянство. Однако Чичерин высказывает опасение, что при таком исключительном преобладании дворянства в законодательстве государственные интересы будут принесены в жертву сословным интересам. В результате Чичерин, как и Кавелин, все более склоняется к легитимному и просвещенному самодержавию, ограниченному своими собственными законами, возрождая в новых исторических условиях проекты Сперанского, согласно которому гражданские свободы обеспечиваются всем в первую очередь, а политические — остаются в руках русского дворянства.

ЛЕКЦИЯ 9. Сановный либерализм

Сановный либерализм — результат правительственных кризисов, возникших из-за поражения в Крымской войне и революционных ситуаций накануне и после освобождения крестьян. Ряд европейски образованных чиновников решили преодолеть политический кризис за счет внедрения либеральных идей и реформ.

Одним из крупных представителей этого течения был **Петр Александрович Валуев** (1814—1890), в 1861—1868 годах возглавлявший Министерство внутренних дел, в 1872—1879 годах — Министерство государственных имуществ, а в 1880—1881 годах — Комитет министров. Он начал государственную службу в 1832 году, участвуя в законодательных работах под руководством Сперанского.

Это был умный, широко образованный деятель, имевший свою государственную программу, которую он неоднократно представлял монарху, видя необходимость либеральных уступок. Он был верным слугой Александра II; благосклонность монарха была для него самым важным, он беспрекословно повиновался царю и выполнял все его распоряжения. Однако он слышал и неотвратимый ход часов, а потому считал, что самодержавие должно "обновить формы своего проявления". Отсюда его внутреннее несогласие с Александром II и консерваторами, которые отвергали самую мысль о каких-либо политических реформах.

Важнейшая черта либерализма Валуева — прагматизм, понимание резко изменившихся условий внутренней жизни страны, требующих приспособления к ним государственных форм и структур. Он считал себя "европейцем", одним из немногих министров, способных "работать по-европейски", причем из западных стран его наибольшими симпатиями пользовалась Англия с ее системой правления. На русской почве эта черта получила странную мимикрию, которую весьма

удачно описал крупный русский публицист А.К. Толстой в своем памфлете "Сон Попова":

Министр меж тем стан изгибал приятно.
"Всех, господа, всех вас благодарю!
Прошу и впредь служить так аккуратно
Отечеству, престолу, алтарю!
Ведь мысль моя, надеюсь, вам понятна?
Я в переносном смысле говорю:
Мой идеал — полнейшая свобода,
Мне цель — народ — и я слуга народа!
Прошло у нас то время, господа, —
Могу сказать: печальное то время,
Когда наградой пота и труда
Был произвол. Его мы свергли бремя.
Народ воспрял — но не вполне — да, да!
Ему вступить должны помочь мы в стремя,
В известном смысле сгладить все следы
И, так сказать, вручить ему бразды".

Образ Валуева, а значит, и коллективный портрет сановных либералов, дан здесь "не в бровь, а в глаз". Разносторонне образованный, "просвещенный консерватор", как его называл Д.А. Милютин, на деле оказался демагогом, краснобаем, беспринципным мастером политического лавирования периода пореформенного либерализма.

Квазиконституционные идеи сановных либералов, в рамках которых сделана попытка подкрепить "силу власти силой мнения", ярко отразились во "Всепопданнейшей записке статс-секретаря Валуева" и составленном им проекте учреждения нового Государственного совета от 13 апреля 1863 года, поскольку это единственный из известных планов, который был разработан в форме законопроекта, готового к немедленному обсуждению у императора. Его цель — заключить царскую власть в рамки законности, а также расширить ее социальную базу путем привлечения к участию в политической жизни представителей земств и окраин.

Проект был разбит на 201 статью; из них 85 повторяли статьи прежнего "учреждения Государственного совета", 42 были несколько изменены и 74 статьи, касающиеся введения в Государственный совет выборных представителей, составлены заново. Вельможный либерал предусматривал создание при Государственном совете своего рода нижней палаты — Съезда государственных гласных.

Большую часть Съезда (101 депутат) должны были составлять представители земств, избранные на губернских земских собраниях. 32 депутата представляли окраины, на которые Положение о земских учреждениях не распространялось: Прибалтику, Сибирь, Кавказ, Землю Войска Донского и другие районы казачьих войск. По мысли автора, представительство окраин в общероссийском учреждении должно было скрепить единство страны, противостоять сепаратистским тенденциям. Порядок избрания гласных от этих областей в проекте определен не был, относительно него должно было последовать особое решение. Самую небольшую группу гласных — 18 человек — составляли представители наиболее крупных городов страны, избранные либо городскими думами, либо собраниями городских обществ из среды домовладельцев или не владеющих домами купцов, ведущих не менее 3 лет торговлю по свидетельствам 1-й гильдии.

Но не только выборные депутаты должны были представлять Съезд государственных гласных. Стремление иметь возможность правительственного влияния на состав и деятельность Съезда привело к введению в проект принципа

назначаемости депутатов: 1/5 от общего состава выборных (30 человек) могла быть назначена "высочайшей властью", при этом император не был стеснен в своем выборе условиями ценза. Этой же цели служило и назначение императором председателя Съезда из числа членов Государственного совета.

Гласных "нижней палаты" предполагалось избирать сроком на 3 года, за исключением первого созыва, когда гласные должны были избираться на один год. Задумывалось, что Съезд гласных будет собираться ежегодно на одну сессию, созываемую по указу царя. К началу сессии должны были быть подготовлены вопросы, подлежащие обсуждению Съездом.

Съезд гласных участвовал в рассмотрении всех законодательных вопросов (как введение новых, так и любые изменения или отмена старых законов), штатных расписаний, ходатайств сословий и земских учреждений, даже вопросов железнодорожного строительства с правительственной гарантией. Кроме того, император по своей воле мог предложить на обсуждение Съезда любой вопрос. Последний обладал и финансовыми правами, участвуя в рассмотрении — правда, в качестве низшей законосовещательной инстанции — государственного бюджета и чрезвычайных финансовых мер. Вне сферы ведения Съезда оставались вся внешняя политика, чрезвычайные меры внутри страны, сверхсметные кредиты, бюджеты городов, сметы городских дум, учреждение акционерных комиссий, возведение в дворянство, утверждение почетных званий и др.

Общее собрание Государственного совета становилось своего рода "верхней палатой", продолжавшей функционировать на прежних основаниях, однако в заседаниях, рассматривавших дела, поступившие из Съезда государственных гласных, должны были принимать участие (с правом голоса) 2 вице-председателя Съезда и 14 его членов, избираемых Съездом для каждого из таких случаев. Эти гласные должны были представлять и отстаивать точку зрения Съезда. Министры и главноуправляющие имели право принимать участие в работе Съезда и его прениях (но без права участия в голосовании) и являлись членами Общего собрания.

Один из важнейших вопросов — состав Съезда гласных. Притом, что гласные должны были избираться земствами и городскими думами, а следовательно, представлять все сословия, все же фактическое "народное" представительство виделось Валуеву преимущественно дворянским. "Во время составления этого проекта, — признавался Валуев уже в 80-х годах в своем "Дневнике", — положение о земских учреждениях еще не было окончательно обсуждено в Государственном совете. Прямых представителей дворянства не предполагалось в числе государственных гласных потому, что в среде земских собраний предполагено было дать дворянству более мест. Но число гласных в этих собраниях было впоследствии определено, в противность мнению министра внутренних дел, по расписанию, составленному Государственной канцелярией и военным министром. Когда мысль о государственных гласных вновь заявлялась (в 1879 и 1880 годах), предполагалось изменить расписание 1863 года".

Александр II отнесся к проекту холодно. Валуев ошибался, когда считал, что он готов к реформе и утрате части своих прав. Император был принципиальным противником каких-либо важных изменений в государственном строе, и готовность рассмотреть такого рода предложения была у него лишь проявлением колебаний личной воли или тактической уловкой. Он далеко не всегда считал возможным прямо заявлять о своих консервативных взглядах. К тому же, пока Валуев разрабатывал свои предложения, политическая ситуация изменилась: революционный натиск был

отбит, крестьянское движение шло на убыль, восстание в Литве и Белоруссии было подавлено, близилась ликвидация Польского восстания, революционные кружки 60-х годов были разгромлены, их руководители арестованы. При обсуждении в апреле 1863 года записки Валуева о привлечении выборных представителей земств и сословий к участию в работе Государственного совета "государь, ввиду большинства, решил, что теперь ничего не следует делать". В декабре царь "забыл", что сам говорил о преобразовании Государственного совета, и заявил, что вообще с самого начала отвергал эту мысль. Правительство отложило валуевские проекты и решило ограничиться реформой местного управления.

Новая попытка сановных либералов несколько ограничить абсолютную власть была предпринята в 1865—1866 годах, после того как усилилась оппозиционная деятельность не только в дворянских, но и во вновь созданных земских учреждениях. Наиболее крупными идейными вехами этой деятельности были адрес московского дворянства в январе 1865 года, выступления петербургского губернского земского собрания в декабре 1865 года, рязанского губернского дворянского собрания в январе и петербургского губернского дворянского собрания в марте 1866 года. Рупором сановной оппозиции на этот раз оказался генерал-адмирал, великий князь **Константин Николаевич Романов**, представивший Александру II Записку по созданию общероссийского представительства при Государственном совете.

Брат царя играл большую роль в государственной жизни. За ним утвердилась репутация лидера либеральной группировки в правительстве. Основанием для этого были поддержка им предпринятых в 60-е годы преобразований и деятельное участие в разработке крестьянской реформы. Он был членом Секретного комитета по крестьянскому делу, в октябре 1860 года возглавил Главный комитет по крестьянскому делу. В 1862—1863 годах он был наместником в Царстве Польском. Его участие в разработке реформы по отмене крепостного права и деятельности Главного комитета по крестьянскому делу снискало ему в дворянских кругах репутацию "красного", "мужикофила", ненавистника помещиков и т.п. Его деятельность в Царстве Польском в период волнений 1862 года и восстания 1863 года признавалась многими сторонниками жесткого курса недостаточно энергичной и порицалась. Поэтому при его возвращении в Петербург в 1864 году перед великим князем встала задача восстановления в дворянских салонах своей популярности, чему и могла способствовать роль инициатора политических реформ.

Мотивы, которыми руководствовался Константин Николаевич при составлении своей Записки, были чисто охранительными и выражали его озабоченность "живыми раздражительными порывами" общества к "ближайшему участию в делах, выходящих из пределов местных интересов", — порывами, чаще всего проявляющимися в дворянских и земских собраниях. Беспокоясь за судьбу самодержавия, отстаивая его неприкосновенность, великий князь все же считал, что "до Государя правда не доходит", что более разумно не прямолинейно отвергать любые требования дворян и земцев, а успокаивать их незначительными уступками.

Вся вводная часть Записки имела целью "реабилитировать" автора, уверить императора в лояльности его намерений. Этим и объясняются прямолинейные ссылки Константина Николаевича на выраженное императором намерение сделать что-нибудь для дворянства, его суждения о губительности для России конституции, о необходимости сохранения самодержавия, а также упоминание о существующем в стране праве заявления своих нужд, предоставляемом сословиям.

Эти верноподданные заверения, впрочем, отнюдь не были только камуфляжем, но отражали подлинные взгляды члена царствующего дома, озабоченного “допущением известной степени либеральности” притом, что “сущность (самодержавия. — *Н.А.*) сохранена и удержана в надлежащей неприкосновенности”. Лучшее доказательство искренности клятв Константина Николаевича в верности принципу самодержавия — его предложения.

По плану великого князя, общероссийское представительство создается в виде двух депутатских собраний при Государственном совете — дворянского и земского. Депутаты избирались дворянскими и земскими собраниями (по 2—3 депутата от каждого), причем проект обходил молчанием цензовые ограничения. Депутатские собрания становились как бы низшими палатами Государственного совета, заседающими периодически. Предварительно они обсуждали вопросы и вносили свои заключения в общее собрание Государственного совета. Депутатские собрания во многом зависели от правительства: оно решало вопрос о “полезности” созыва собраний, о созыве всего состава или части депутатов, определяло круг рассматриваемых ими вопросов, назначало председателей собраний.

Константин Николаевич в Записке не раз убеждает императора в безопасности для самодержавия предлагаемой меры и в ее необходимости, считая возможным таким образом “удовлетворить действительно всеобщему желанию, чтобы голос сословий прямо доходил до самодержавия”. Однако после неудачного выстрела в царя Каракозова и на гребне верноподданных адресов с выражением радости по поводу “чудесного спасения” Александра II не удалось убедить в необходимости уступок, царь выбрал предупредительные и карательные меры. Началась реакционно-охранительная пора, олицетворяемая верховенством в российском правительстве Шувалова — главы печально известного Третьего отделения, шефа тайной политической полиции.

Новая волна идей реформирования государственного строя России среди санных либералов поднялась на рубеже 70—80-х годов в результате жестокого кризиса “верхов”, вызванного плачевными итогами Русско-турецкой войны 1877—1878 годов. Русское общество было буквально ошеломлено катастрофическими для страны-победительницы результатами Берлинского конгресса, обнаружившими международную изоляцию царизма. И.С. Аксаков публично обвинил правительство в неспособности отстаивать интересы страны и славянского мира. Свою лепту в дестабилизацию ситуации внесли революционные народники. Их террористическая деятельность создавала в правительстве настроения растерянности и ставила вопрос о поисках союзников в либеральном лагере. Хотя крестьянское движение было слабее, чем накануне отмены крепостного права, но налицо был факт брожения деревни, выражавшийся, в частности, в слухах о “черном переделе” земель, что также беспокоило правящие круги.

Этот период примечателен множеством предложений политических реформ. Согласие Александра II на их обсуждение было обусловлено обстановкой и давлением таких правительственных деятелей, как Валуев, Константин Николаевич, Милютин и др. Исторический парадокс заключается в том, что наиболее близким к осуществлению и наиболее известным оказался проект М.Т. Лорис-Меликова (1825—1888), человека для внутренней политики случайного, профессионального военного, никогда не занимавшего крупных административных должностей (за исключением кратковременного пребывания на губернаторских постах

в 1879—1880 гг.), не связавшего ранее своего имени с какой-либо программой реформ. Выдвижение Лорис-Меликова сначала на пост министра внутренних дел было одним из проявлений растерянности императора, искавшего чрезвычайщины в борьбе с кризисом и новых людей для этой борьбы.

28 января 1881 г. Лорис-Меликов представил Александру II доклад об образовании двух временных комиссий (финансовой и административной) из чиновников и назначенных правительством представителей земств для выработки проекта преобразования губернского управления, пересмотра земского и городского положения, а также законопроектов по отдельным экономическим и финансовым вопросам. В этом докладе он и развил свою идею выборных представителей. Создание комиссии не было новой идеей, но предложение об Общей комиссии, куда бы передавались разработанные в подготовительных комиссиях законопроекты, было оригинальной идеей Лорис-Меликова. Принципиально отрицая целесообразность народного представительства в любой его форме (западного и древнерусского образцов), а также введения представителей земства в состав Государственного совета, Лорис-Меликов одновременно защищал идею привлечения дворянства, земства городов к обсуждению вопросов, “близко касающихся местных нужд”, но не в форме выборного представительства, а в виде развития института экспертов.

В состав Общей комиссии предполагались быть включенными: члены подготовительных комиссий, депутаты, избранные губернскими земскими собраниями и городскими думами, и лица, назначенные правительством в качестве представителей тех районов, где не введены земские учреждения. Эта комиссия становилась, таким образом, нижней палатой, над которой находилась верхняя — Общее собрание Государственного совета, окончательно рассматривавшее законопроект. Состав Общего собрания мог быть дополнен 10—15 “представителями от общественных учреждений”.

Особое совещание, назначенное Александром II, одобрило эту меру. Заключение совещания от 17 февраля 1881 г. было утверждено царем, назначившим на 4 марта 1881 г. обсуждение плана Лорис-Меликова о создании Комиссии выборных от земств с правом совещательного голоса для разработки законопроектов, указанных “высочайшей волей царя”. Этот план получил название “конституции Лорис-Меликова”.

Обсуждение проекта Лорис-Меликова состоялось 8 марта 1881 г., т.е. уже после убийства Александра II. С резкой критикой проекта выступил граф П.А. Строганов, заявивший, что этот проект ведет “прямо к конституции”. Строганов поддерживал Александр III. Победоносцев обрушился не только на представленный Лорис-Меликовым проект, но и вообще на все реформы 60—70-х годов, особенно на крестьянскую, земскую и судебную, назвав земства и суды опасными “говорильнями”. Проект Лорис-Меликова был отвергнут, точнее, был передан на рассмотрение в Особую комиссию, которая затем ни разу не собиралась.

Последней попыткой сановных либералов склонить верховную власть к политическим реформам оказались идеи министра внутренних дел Н.П. Игнатьева (1832—1908). Его планы подогревались как неизжитым страхом перед деятельностью революционеров, так и не остывшими еще намерениями “благонамеренной” части общества модернизировать государственный строй.

Игнатьев в воспоминаниях представил себя человеком, для которого попытка реформировать самодержавие носила не спекулятивный, а программный харак-

тер. Он был связан с кружком московских почвенников-славянофилов, пользовался их поддержкой и ориентировался на их помощь в будущем. И.С. Аксаков часто наставлял Игнатьева в его планах созыва Земского собора, обосновал многие его идеи, дал совет соединить Собор по времени с коронационными торжествами. Тем самым если предшествующие документы сановных либералов были продуктом чисто бюрократического творчества, то проект Игнатьева был скорее созданием московских панславистов, ибо министр держал его до последних дней в строгом секрете не только от своих коллег, но и от канцелярии. Все его надежды строились не на поддержке коллег, а на иллюзии так называемой "народной политики" и соборных симпатий Александра III.

В течение апреля 1882 года документы о созыве Земского собора были подготовлены. Было намечено несколько вариантов состава Земского собора. Общая численность представителей сословий колебалась в пределах от 3 до 4 тысяч человек. Здесь должны были присутствовать делегаты от дворянства, духовенства, купечества, крестьянства и ремесленников.

Созыв Земского собора отчасти преследовал демагогическую цель — демонстрацию всеобщей поддержки нового царствования. Такое назначение Собора давало Игнатьеву надежду на то, что Александр III согласится на его созыв. Другая основная его цель — положить начало созданию Общероссийского совещательного представительства. В преамбуле будущего манифеста, где провозглашался созыв Земского собора, говорилось: "Так и отныне да будет". Игнатьев предполагал, что на самом Соборе будет поставлен вопрос о реформе местного управления, а перед закрытием из его среды будет избрана комиссия в составе 30—40 человек, которая затем будет участвовать в разработке законопроектов до их представления в Государственный совет. Деятельность таких комиссий должна была стать постоянной. "Таким образом, — пояснил позже Игнатьев свои мысли, — сложилась бы без потрясения устоев русская самобытная конституция, которой позавидовали бы в Европе и которая заставила бы умолкнуть наших псевдолибералов и нигилистов".

29 мая 1882 г. Игнатьев представил царю проект созыва совещательного Земского собора к коронации Александра III в 1883 году. Однако и на этот раз либерально-сановные планы были разрушены усилиями консерваторов в лице Победоносцева и Каткова. Последний особенно отличился, поместив жесткую передовую статью в "Московских ведомостях" против проектов министра внутренних дел, где отмечал, что требование Земского собора исходило всегда из революционного лагеря. "Когда известного преступника Нечаева, по произнесении над ним приговора, выводили жандармы из зала судебного заседания, — говорилось в этой статье, — он кричал неистово: "Земский собор! Земский собор!" Того же требовал и Желябов. Спрашивается, кто в своем смысле оказал-ся бы вернее своему делу, Нечаевы и Желябовы или те фантастические предполагаемые нами блюстители государственных интересов, которые тоже крикнули бы "Земский собор!"?

Несмотря на то, что фамилия Игнатьева здесь названа не была, все точки над "i" были поставлены. Сам Игнатьев тоже прибегал к печатному слову, опубликовав статью "Пропущенный юбилей" в Суворинском "Новом времени". Основная мысль этой статьи, посвященной двухсотлетию с года, последнего Земского собора в истории России (1682), заключалась в доказательстве, что эти органы Русского государства ни в коем случае не означали какое-либо ума-

ление царской власти. “Ненадобно, однако, думать, — подчеркивалось в ней, — что практика Земских соборов была определена в какие-нибудь точные юридические формы. Прочные юридические определения были не в духе людей Московского государства. Цари нуждались в содействии Русской земли, они пользовались им в форме соборов, но никто не думал закрепить это содействие в какие-либо определенные нормы закона”.

Последнюю, решающую точку над “i” поставил сам Александр III, заявив на совещании 27 мая 1882 г., что “согласия своего на созыв собора он не дает”, а “кто из министров не согласен с разработанной программой, тот должен, очевидно, оставить свой пост”. Отставка Игнатьева последовала незамедлительно.

Подведем некоторые итоги темы. Сановный либерализм, его характер и судьбы — яркое отражение подхода самодержавия к превращению абсолютистской монархии в ограниченную, буржуазную. Течение сановного либерализма, наиболее ранние проявления которого относятся к 1861 году, а наиболее позднее — к 1882 году, было представлено мыслителями, наиболее готовыми идти на модернизацию государственного строя, но и они не ставили вопрос о введении конституционного режима. Поэтому всякие разговоры в нашей отечественной литературе о наличии правительственного конституционализма, даже в кавычках, в пореформенный период грешат страшным для любого историка грехом — модернизацией идеи или факта. Самой крупной фигурой этого течения был Валуев, которому принадлежал наиболее последовательный проект организации представительных учреждений. Но и его проект предусматривал введение лишь законосовещательной палаты с ограниченной компетенцией. Другими представителями этого течения в разное время выступали: В.А. Долгоруков, К.Н. Романов, П.А. Шувалов, М.Т. Лорис-Меликов, Н.П. Игнатьев, А.А. Абаза, Д.А. Милютин и др. Все предложения о введении законосовещательного представительства, даже самые умеренные, были отвергнуты Александром II и его преемником.

Отношение лиц из бюрократической верхушки к переменам в форме государства определялось внутривластной борьбой сословий, а также способностями самодержавия противостоять оппозиции только мерами насилия. Характерно, что лидерами сановного либерализма были главы Министерства внутренних дел и Третьего отделения — лица, наиболее осведомленные в политических настроениях, ежедневно принимавшие репрессивные меры и убеждавшиеся в их недостаточности.

При известном диапазоне предложений о политических реформах существовал тот предел, дальше которого сановные либералы не заходили. Общими во всех предложениях были: сохранение в руках императора верховной власти и всех вопросов военной и внешней политики, сохранение за Государственным советом с его бюрократическим составом верховенства над депутатами, ограниченность компетенции представительства, возможность правительственного влияния на его состав. Споры в среде сторонников представительных начал велись вокруг второстепенных проблем: участие депутатов в разработке или только обсуждении законопроектов, предоставление дворянству привилегий, выборность состава Совета, его права и обязанности.

Независимо от того, ставился ли проектом вопрос об особом представительстве дворянства, его верховенство в представительном органе автоматически

обеспечивалось преобладанием его в земских учреждениях. Poleмика шла лишь о масштабах этого преобладания.

Сановные либералы, как правило, сулили укрепление абсолютизма, вывод его из состояния изоляции, получение поддержки широких слоев народа в борьбе с революционным движением, успешное решение национального вопроса, улучшение порядка обсуждения законопроектов, повышение качества законов и их эффективности, эволюционное политическое развитие страны, модернизацию, "европеизацию" ее государственного строя.

Решающую роль в судьбах сановного либерализма играла позиция императора. Александр II в политической сфере являлся консерватором, а его некоторые реформистские шаги навстречу сторонникам представительных начал были вынужденными из-за сложной внутривластной ситуации в стране. Ему были свойственны и обусловленные обстановкой колебания, достигшие наибольшей амплитуды в 1874—1881 годах. Заставить его пойти на какие-либо преобразования могла только сила революционного движения. Что касается Александра III, то он был таким же противником политических реформ, только позиция его была еще жестче и он никогда не прибегал к "дипломатии", к обещаниям или камуфляжу.

ЛЕКЦИЯ 10. Земский либерализм

Земский либерализм как идейное течение является логическим следствием кружковой мысли в новых исторических условиях, сложившихся после реализации буржуазных реформ 60—70-х годов. Последние были заметным шагом вперед на пути превращения России в легитимную просвещенную монархию. Освобождение крестьян от крепостного ига, установление независимости суда от административных властей и института присяжных, провозглашение университетской автономии, цензурная реформа, переход от рекрутчины к всеобщей воинской повинности и, наконец, создание всесословного местного самоуправления в лице земств, городских дум — все это за десять с небольшим лет коренным образом изменило политико-правовой облик страны, оставляя, однако, неизменной самодержавную монархию.

Здесь и таился один из парадоксов истории. С одной стороны, именно самодержавное правительство осуществило эти "великие реформы". С другой стороны, образование на местах выбранной всеми сословиями законной корпорации в лице земств объективно создавало предпосылки к созыву всероссийского парламента, то есть к ограничению монархии. Положениями от 1 января 1864 года земства были введены лишь на уровне уездов и губерний, без низшей земской единицы (так называемой всесословной волости) и без общероссийского представительства, что давало основание современникам прозвать их "зданием без фундамента и крыши". Стремление "увенчать" это здание посредством распространения принципов всесословного самоуправления на оставшиеся в неприкосновенности верхние этажи государственного устройства России, передать земствам всю полноту власти на местах и гарантировать тем самым свободы личности, слова, печати, собраний и т.д. лежали в основе земской юриспруденции, возникшей в конце 70-х годов.

У земского либерализма была более широкая социальная база. Хотя в его составе сохранились аристократические элементы (помещики, ставшие на путь

капиталистического ведения хозяйства), но они были дополнены городской буржуазией (купцы), а главное — земской интеллигенцией. Именно последняя составляла самодержавие подозрительно относиться к местному самоуправлению. В дальнейшем, с расширением деятельности земств в области врачебной и агрономической помощи населению, народного образования численность земской интеллигенции стала резко расти за счет статистиков, врачей, агрономов, ветеринаров, педагогов, техников. Среди них было немало лиц, которые пошли на земскую службу, движимые горячим сочувствием к народу. В земской интеллигенции было много народнических элементов, подвергавшихся в прошлом репрессиям за революционную деятельность, а к концу века на службу в земства стали поступать и отдельные марксисты.

В земском либерализме активную идейно-просветительскую работу вели русские юристы. Уже на первом съезде русских юристов в Москве (1875) звучали требования продолжения реформ. Последовательную агитацию за политические свободы вело Московское юридическое общество и его печатный орган “Юридический вестник”. Председателем общества с 1880 по 1892 год (вплоть до его закрытия) постоянно избирался С. А. Муромцев. Редактором же “Юридического вестника” был М.М. Ковалевский. На юридических идеях этих активных участников земского либерализма мы остановимся подробнее.

Сергей Андреевич Муромцев (1850—1910) родился в Петербурге, в старинной дворянской семье. Учился он на юридическом факультете Московского университета, который окончил в мае 1871 года. Но профессора тогдашнего университета, после того, как подали в отставку Б.Н. Чичерин и его окружение в знак протеста против бюрократического произвола администрации, не произвели и не могли произвести благоприятного впечатления на либерально настроенного студента. На его мировоззрение большое влияние оказали лекции выдающегося историка С.М. Соловьева, которые он слушал там же, на Моховой.

По окончании факультета Муромцев готовится к профессорскому званию и с этой целью уезжает в Германию, где слушает лекции основоположника юриспруденции интересов Рудольфа фон Иеринга. Он знакомится с ним лично и становится приверженцем его теории. После защиты в 1875 году магистерской диссертации “О консерватизме римской юриспруденции” он занимает кафедру римского права на родном факультете, где к тому времени преподавательский состав обновился. На факультет пришли ученые “нового направления”, двинувшие вперед развитие юридической науки, ратовавшие за конституционно-либеральные преобразования России.

В юриспруденции Муромцев выступил с концепцией права как живого правопорядка, создаваемого правотворческой деятельностью судей и администраторов, практической жизнью и потребностями самого общества часто в противовес и вопреки “мертвой” норме, выраженной в законе. Получался мирный, довольно длительный эволюционный путь империи к “увенчанию” государственного здания, к созданию “живой”, фактической конституции снизу, а не сверху.

В основе таких построений лежал социологический позитивизм, который, в отличие от юридического позитивизма, бывшего официальным направлением в тогдашней философии права, не ограничивался познанием догмы права, а стремился решить проблему возникновения и функционирования права (“динамика” права) во взаимосвязи с другими многообразными социальными факторами, отношениями и т.п.

Задача “научно-объективной теории” права заключается не в систематизации и классификации, т.е. формально-догматической обработке действующего права, а в открытии социологических законов развития, преемственности и сосуществования (динамики и статики) права как определенной группы социальных явлений.

Догма права, рассуждает Муромцев, “составляет отрасль юридического искусства”, а не науку в “объективном” и “строгом смысле”. Поэтому юриспруденция не может ограничиться догмой права, а сама она представляет собой прежде всего социологическое изучение юридического явления, выступая как часть социологии в широком смысле, т.е. как совокупность наук об обществе и человеке, в которую входят общая социология и частные социологические науки (правоведение, этика, психология и т.д.).

Исследуя право эмпирически, как опытный факт во взаимодействии с другими социальными явлениями, Муромцев исходит из господствовавшей среди позитивистов теории множественности факторов, отрицая определяющую роль экономики по отношению к праву. Сама эта теория — база для создания прикладной дисциплины — политики права, задача которой заключается в том, чтобы выработать “предложения об исправлении недостатков существующего строя”.

Рассмотрение права Муромцев начинает не с нормы и статьи, а с лежащей в их основе простейшей социальной связи — общественного отношения. Господствующие в обществе отношения нуждаются в защите, которая может быть организованной и неорганизованной. Организованная защита — это юридическая форма защиты, осуществляемая при помощи специальных (государственных) органов и заранее установленным способом. Тем самым общественные отношения включают в себя два компонента: фактические отношения и юридические отношения защиты. Вместе они составляют субъективное право, т.е. право в субъективном смысле. Совокупность всех прав, существующих в определенное время в данном обществе, есть правовой порядок, или “право в собирательном смысле”. Для Муромцева право — это прежде всего порядок общественных отношений, где в основу понятия права положена не юридическая норма, а правоотношение. Норма для него есть лишь “некоторый атрибут порядка” и “один из факторов образования правового порядка”.

Фактический правопорядок, в данной теории, и есть реальное право, которому должны соответствовать юридические нормы. Если норма не соответствует праву как порядку общественных отношений, то она становится “мертвой”. Когда же такое соответствие существует, то норма становится “действующей”. Фактический правопорядок — критерий эффективности законодательства как совокупности юридических норм. Зная “действительные фактические интересы”, суд и администрация должны применять только те нормы, которые соответствуют этим интересам. Если норма противоречит праву (“справедливости”), то юристы должны уклоняться от ее применения или (как в римском праве преторы) “искусственно интерпретировать” ее применительно к новому содержанию. Отсюда, считал Муромцев, не законодателью, а суду и администрации предназначена роль действительных творцов правовых норм.

Теория Муромцева резко расходилась с господствовавшими в пореформенную эпоху воззрениями на право как совокупность установленных государством норм и предвосхитила основные положения новейшей буржуазной социологии права. Ее политический смысл — трансформация абсолютистской России с полufeодальными пережитками в буржуазное правовое государство. Воспитанные

в либеральном духе чиновники и судьи должны были постепенно превратить в “мертвые” те юридические нормы, которые противоречили “господствующей” в обществе идее справедливости, то есть правосознанию земских либералов.

Широкое понимание права с позиций социологического позитивизма в противовес легизму царских юристов демонстрирует другой активный участник земского либерализма — **Максим Максимович Ковалевский** (1851—1916). Родился он в Харькове, в состоятельной дворянской семье. Научную карьеру начал в родном городе, где в 1872 году блестяще окончил юридический факультет и представил в качестве дипломной работу “О конституционных опытах Австрии и чешской национальной оппозиции”. Эта работа стала аргументом для оставления Ковалевского при университете на кафедре государственного права европейских держав. Подготовку к магистерским экзаменам он проходит в высших учебных заведениях Берлина, Парижа, Лондона.

Докторскую диссертацию Ковалевский защищает в Московском университете в 1880 году, читая там курсы государственного права европейских держав и истории иностранных законодательств. Лекции Ковалевского отражали его свободололюбивые настроения. В них молодой ученый высказывал критическое отношение к самодержавию, сравнивая его с конституционным строем стран Западной Европы.

Постепенно вокруг Ковалевского сложился кружок юристов, историков и экономистов, отличавшихся, по словам его участника — крупного историка Н.И. Кареева, “более либеральным, чем у старой профессуры, конституционализмом, дополненным социальным реформаторством”. В этом кружке была задумана и написана земская “Записка о внутреннем состоянии России весною 1880 года”, представленная Лорис-Меликову. В ней содержались предложения о созыве центрального земского представительства и о предоставлении ему законных гарантий и определенных свобод.

Оппозиционность молодого ученого обратила на себя внимание властей. За лекциями Ковалевского было установлено жандармское наблюдение, агенты которого представили настолько “крамольный” текст лекций, что горячо любимый студентами профессор был уволен из университета за “отрицательное отношение к русскому государственному строю”. Ковалевский вынужден был уехать в 1887 году за границу, превратившись надолго в “полуэмигранта”, изредка наезжавшего в Россию. И только после революции 1905—1907 годов он вновь возвращается на Родину и работает профессором Петербургского университета, вплоть до самой смерти.

Научные работы Ковалевского охватывают историко-правовую и этнографическую тематику. Сюда относятся: “Очерки истории распада общинного землевладения в кантоне Влادت” (1876); “Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения” (1879); “Общественный строй Англии в конце средних веков” (1880); “Очерк происхождения и развития семьи и собственности” (1890); “Происхождение современной демократии” в 4 томах (1895—1899).

На формирование взглядов Ковалевского повлияли наследие просветителей, прежде всего Вольтера, Монтескье, Руссо, “Курс положительной философии” О. Конта, труды его современников — видных социологов и юристов Дюркгейма, Дюги и др., общение с Марксом и Энгельсом. Для Ковалевского характерны

стойкое стремление рассматривать политико-правовые явления в тесной связи с социальными факторами, а также исторический подход к государству и праву.

Беря за основу контовское понимание социологии как науки, примиряющей принципы порядка и прогресса, и ее деление на статику и динамику, Ковалевский конкретизирует эти положения, заменяя понятие "порядок" понятием "организация", а "прогресс" — понятием "эволюция". Суть этой замены в том, что "порядок", в понимании русского ученого, присущ лишь правильно и гармонично организованному обществу, основанному на началах "солидарности", образующему "замиренную среду".

Развитие многих обществ протекало не идеальным путем, оно сопровождалось конфликтами различных групп населения, подавляемыми силой государственной власти. Последняя вносит в общество необходимую организацию, которую никак нельзя назвать порядком. Примером государства с такой организацией была Россия.

Реальные причины лежат и в основе замены термина "прогресс" более широким понятием "эволюция". Прогресс, на взгляд Ковалевского, предполагает усовершенствование, изменение к лучшему, тогда как эволюция говорит о всяком изменении. Русское общество, продолжает мыслитель, развивалось в пореформенную эпоху, но это развитие не было прогрессивным, так как его результатом стало обострение противоречий в обществе, притупляемых силой полицейского порядка. И то, и другое не отвечало его идеалам земского либерализма. Поэтому чреватой социальными взрывами "организации" россиян, противоречивому, непоследовательному "развитию" страны Ковалевский противопоставлял "порядок" как гармоничное единение "солидарных" классов и социальных групп, "прогресс" как последовательную реализацию либеральных реформ в России.

Основным понятием социологического подхода к государству и праву, опираясь на принципы эволюционного развития, Ковалевский провозглашает "солидарность". Противоречие как факт действительности не отрицается, но оно оценивается как препятствие поступательному движению вперед. На место борьбы противоположностей как источника развития он вводит понятие "замиренная среда". Она возникает на ранних ступенях развития, в родовом обществе, где отсутствуют элементы борьбы, вместо них — сознание общности интересов и взаимной зависимости. "Замиренная среда" обеспечивает развитие гражданского оборота, а затем играет решающую роль в возникновении государства.

Идея "солидарности" в концепции Ковалевского отражала интересы русской буржуазии, мечтавшей о "плавном историческом процессе", без социальных конфликтов и взрывов классовой борьбы. Ее реформистская направленность не вызывает сомнений. Вместе с тем эта идея, особенно в условиях самодержавной России, могла быть использована для критики существующих порядков и обоснования необходимости дальнейших реформ. С позиции идеи солидарности не только осуждалась классовая борьба (в этом суть идеи), но и выдвигалась программа социально-политических преобразований, смягчающих социальные конфликты.

Важным средством обеспечения солидарности и, следовательно, "замиренной среды" Ковалевский считал право. Именно в праве в первую очередь закрепля-

ются, по его мнению, успехи "прогресса" в смысле "согласия интересов" общества и личности, различных классов и социальных групп.

Право существовало еще в доклассовом обществе, оно меняется по мере развития общества в соответствии с модификациями требований "справедливости". Право первично по отношению к государству. Называя, как и другие позитивисты, теорию естественного права метафизической, Ковалевский вместе с тем считает верным в научном и политическом отношениях вывод представителей этой школы о том, что право возникает раньше государства. Вывод лишь, по его мнению, нуждается в углублении и уточнении с двух точек зрения: во-первых, априорные суждения о "догосударственном праве" и "естественном состоянии" должны быть заменены конкретно-историческим изучением реального процесса становления права (отсюда — ряд ценных размышлений Ковалевского о первобытном обществе и его чертах), во-вторых, надуманную категорию "изолированного индивида", "робинзона" следует заменить реальными понятиями "социальной группы", "союза", "общества".

Одновременно ученый подверг острой критике юридический позитивизм, считая его наиболее уязвимым звеном невозможность обосновать с позиций этого течения "связанность" государства правом. Критикуя юридический позитивизм на российской почве, Ковалевский одновременно поддерживает ряд идей "школы свободного права", которая оправдывала решения судей, противоречащие закону. Он указывает на общественные отношения, не предусмотренные в русском праве, но требующие судебной защиты, на возможность использования судом "нравственных критериев" при решении ряда дел. "В каждый данный момент, — пишет ученый, — нравственность опережает право и, следовательно, находится с ним в частичном столкновении. Я считаю это явление нормальным и не могу представить себе эволюцию общества без постепенной выработки новых правил, регулирующих новые общественные отношения". Ковалевский как исключение допускал возможность судебных приговоров, вступающих в коллизию с существующим юридическим строем, а наличие таких коллизий отмечал как очевидный симптом нужности реформирования системы права. Применительно к России того времени это звучало как требование очередного витка правовой реформы, как защита тех противоречащих самодержавным законам решений суда (порой более подверженного либеральным влияниям, чем государственные аппарат), которые соответствуют духу времени.

Постепенно у Ковалевского кристаллизуется дуализм в понимании права. Право — это отражение требований солидарности и порождаемой ею идеи долга, которая заставляет индивидов брать на себя обязанности с целью сохранения "интереса группы". Это право, как и естественное, предшествует государству и является основой позитивного права. Последнее носит нормативный характер, обеспечивается принудительной силой государства, выражает волю всего народа и содержит правила, призванные либо расширить, либо ограничить свободу индивида (в зависимости от того, в какой степени государство переносит на себя функции, ранее исполняемые общественными союзами). Законодательство тесно связано с другими социальными регуляторами, особенно с моралью и обычаями, которые в процессе исторического развития опережают право, закрепляющее уже сложившиеся отношения. Право на стадии "всесословного" общества, по Ковалевскому, обеспечивает гражданское и политическое равенство, права и

свободы личности, их юридические гарантии, выражая тем самым свой “общенациональный характер” в соответствии с “социальной солидарностью”.

Не меньшую роль в обеспечении солидарности Ковалевский отводил государству. Оно связано с историческим процессом развития “солидарности”, служит ей, обеспечивая создание “замиренной среды”. Он видит в государстве “одну, и далеко не первичную, форму общежительного союза, при котором народ-племя находит возможность политического самоопределения под властью признаваемого им общего правительства”. Государству предшествовали союзы, опиравшиеся на представления о действительном или мнимом родстве входящих в состав их семей. До возникновения государства существовали общежительные родовые и тотемистические союзы. Признаком отличия государства от этих союзов является политическая власть с ее непроемкостью, самоопределяемостью и бесконтрольностью, т.е. суверенитетом.

Ковалевский признает наличие классов, их борьбы, влияние этой борьбы на формы государства. Но борьба классов, по его мнению, должна завершиться неким компромиссом, решающую роль в достижении которого должно играть государство. Он спорил с выводами социалистической доктрины о государстве “как о политическом владычестве господствующего экономического класса”. Марксистский тезис об угнетении, насилии одного класса над другим в государственно-организованном обществе явно противоречил солидаристскому духу Ковалевского, пониманию им государства как миротворца, создателя “замиренной среды” в классово-стратифицированном обществе. Если государство — орудие владычества и подчинения, то, по его мысли, оно становится деспотическим, “якобинским сверху донизу”, что противоречит “порядку и прогрессу”, гарантиям “солидарности”. В политике это означало отрицание Ковалевским как абсолютизма, так и революционной диктатуры типа якобинской.

Умеренный либерализм земского толка получил четкое воплощение в проекте преобразования государственного строя России, предложенном Ковалевским в одной из статей, опубликованной в “Вестнике Европы” в 1886 году. Он заявляет: “Всемогущая народная палата так же мало составляет мой идеал, как и не ограниченный в своем произволе восточный деспот”. Под последним, разумеется, мыслится русский монарх. И тем не менее с монархической (традиционной) формой правления Ковалевский советует не порывать, так как “форма правления не предмет свободного выбора, она должна отвечать порожденным историей верованиям и желаниям народных масс”.

Каким же должен быть парламент, который вместе с наследственным монархом призывается к управлению государством? Парламент в “демократической монархии” — двухпалатный, подобно английскому. Верхнюю палату составляет умственная аристократия — “люди знания и практического опыта”. Они назначаются монархом и представляют собой нечто вроде академии. Верхняя палата не должна зависеть от правящей партии и меняться с ее сменой. Она должна решать вопросы, связанные с научным и техническим прогрессом. В мыслях о верхней палате видно большое влияние на Ковалевского социократических идей Конта.

Нижнюю палату составят различные социальные группы: промышленники, торговцы, сельские и городские рабочие. Эти люди хорошо знают производство, местные особенности и своими предложениями улучшат проекты ближайших ре-

форм. Их роль, как и представителей верхней палаты, быть компетентными советниками при царе, сохраняющем за собой в соответствии с исторической традицией законодательную власть.

Опасаясь усиления нижней палаты, Ковалевский предлагает провести децентрализацию власти путем предоставления дополнительных прав местному самоуправлению (земствам). Общие решения нижней палаты не должны противоречить решениям органов местного самоуправления. Их число Ковалевский расширяет, вводя целую систему местных парламентов и земств, задачи которых состоят прежде всего в ограничении общенационального парламента. Все это и представлялось осуществлением идеи децентрализации государственных функций, ведущей якобы к расширению подлинной демократии и устранению недостатков современных конституционных систем Запада, где в парламентах отнюдь не выражается воля большинства населения страны и утвердился партийный диктат.

Юриспруденция Ковалевского в земский период его творчества (до начала XX века) не выходила за пределы дворянско-либеральной идеологии. Этим обусловлена его историческая ограниченность, но где-то демонстрируется и научный реализм, вытекающий из соответствующей расстановки социально-политических сил в стране. Отсюда и постоянное стремление служить по-своему понимаемому "прогрессу" страны, упование на "эволюцию", медленный, постепенный "исторический процесс", движимый реформами сверху, просвещением — снизу.

Ковалевский рыцарски отстаивал "солидарность классов", видя путь к ее достижению в постепенной модернизации русского права, в частичных уступках купцам и крестьянству в том, что называется гражданскими свободами, в некотором смягчении экономического положения пролетариата.

Между тем в России все более обострялись классовые противоречия, нарастала революционная волна. "Солидаризм" Ковалевского в таких условиях выглядел с позиций радикалов как выпад против нарастающей революции, как соглашательство с царским режимом, предательство интересов народа. Отсюда и то типичное раздвоение между Ковалевским-ученым и Ковалевским-либералом, выросшее в противоречие, замеченное еще К. Марксом во времена их дружбы и все более бьющее в глаза по мере расхождения либеральной профессорской доктрины с исторической логикой политических процессов.

Поэтому вряд ли верна позиция некоторых современных исследователей, желающих увидеть отечественную концепцию правового государства уже в трудах земских либералов, в том числе у Муромцева и Ковалевского. Последние, в отличие от нас, грешных, всегда твердо стояли на позициях историзма и опирались на реальную политическую почву пореформенной России.

ЛЕКЦИЯ 11. Шестидесятники. Н.Г. Чернышевский

В истории России, богатой неожиданными поворотами и зигзагами, не так много периодов, которые сравнимы по своеобразие и юридическим последствиям с 60-ми годами XIX века. Кризис государственности, основанной на анахронизме крепостничества, вызвал к жизни революционную ситуацию.

Народничество — движение русской интеллигенции, возникшее в то время. Стимулом к нему явилась неудовлетворенность реформой 1861 года, давшей крестьянам свободу, но не землю. Если либералы из помещиков и буржуазной среды приветствовали реформу, крестьянство ее не поняло и не приняло, больше того, откликом на реформу явились стихийные бунты. Либералы были убеждены, что все необходимое уже сделано, но народничество продолжило борьбу за интересы крестьянства. Для него было характерно скептическое и даже враждебное отношение к реформизму. Никчемность результатов реформы, исчерпавшей потенциал правительства, по мнению народников, должна была привести к тому, что народ сам начнет добиваться осуществления своих прав. В условиях самодержавия единственное средство, к которому он может прибегнуть, — революция. Крестьянская революция, призванная дать народу землю, подлинную свободу и посредством укрепления общинных традиций не допустить развития в России капиталистических отношений, стала целью народников.

У истоков движения стояли Герцен, Огарев, Чернышевский. Они же были его идейными вдохновителями. Именно Герцен в 1861 году обратился к русскому студенчеству с призывом идти в народ, чтобы воспитывать его и готовить к сознательной борьбе за свои интересы. В 1861—1864 годах действовала подпольная организация — так называемая первая “Земля и воля”, созданная Огаревым и его единомышленниками. Однако она была раскрыта и обезврежена, так и не успев развернуть реальной работы. Тем временем революционная ситуация, складывавшаяся в стране накануне реформы, миновала.

Народники, развивавшие оппозиционную юридическую мысль в 60-х годах, получили затем название “шестидесятников”. Объединившись вокруг журнала “Современник”, они выступили как истинные выразители и истолкователи коренных крестьянских интересов. Они много сделали для разоблачения широко распространенных иллюзий в отношении правительства царя-“освободителя” Александра II, беспринципных компромиссов либералов с крепостниками.

В их деятельности впервые правосознание приобретает форму прокламаций, которую не применяли дворянские революционеры. Эта форма неизбежно вытекала из понимания шестидесятниками роли народных масс как творцов истории и имела целью дать средство связи с народом, возможность поднять его политическое сознание, организовать борьбу народа против крепостничества и самодержавия.

Новым было и то, что в освободительной мысли шестидесятники являлись представителями разночинного слоя. Дворян среди них почти не было. Кроме того, в идейном наследии шестидесятников происходит окончательное слияние в юриспруденции демократической и социалистической идей, упрочивается организационная связь с западным социализмом, складываются революционные кружки и партии.

Находясь под заметным идейным влиянием концепции русского социализма Герцена, шестидесятники развивают ее дальше с учетом конкретно-исторических особенностей пореформенной России, преодолевая ее иррациональные, противоречивые дворянские черты. Идейное наследство шестидесятников в нашей литературе в целом характеризовалось глубокими антифеодальными и просветительскими чертами, имеющими революционно-демократический смысл:

1) горячая вражда к крепостному праву и всем его порождениям в экономической, социальной и юридической областях;

2) горячая защита просвещения, самоуправления, свободы, европейских форм жизни и вообще всесторонней европеизации России;

3) отстаивание интересов народных масс, главным образом крестьян, искренняя вера в то, что отмена крепостного права и его остатков принесет с собой общее благосостояние, и искреннее желание содействовать этому.

Признанным вождем шестидесятников стал Николай Гаврилович Чернышевский (1828—1889). Родился он в Саратове. Во время обучения в Петербургском университете (1846—1850) происходило формирование его народнических взглядов. Большое влияние на его мировоззрение оказали идеи Белинского, Герцена, знакомство с петрашевцами. Он изучает труды Фурье, Оуэна, Сен-Симона, Луи Блана, Прудона, высоко оценивает идеи критически-утопического социализма. В 1848 году он считает себя "партизаном социалистов и коммунистов и крайних республиканцев".

Критически анализируя идеи утопического социализма Западной Европы, идеи русского социализма Герцена, он создает свою теорию, ближе всех социалистов-утопистов подходя к историко-материалистической концепции государства и права.

Важной стороной формирования взглядов Чернышевского было изучение истории, классовой борьбы и народных движений. Познакомившись с трудами Тьерри, Гизо и других историков, внимательно следя за ходом политической борьбы в Западной Европе, изучая историю России, он стремился делать выводы и обобщения на основе анализа конкретно-исторических фактов.

В мае 1861 года Чернышевский организовал тайное общество, которое осенью 1862 года стало именоваться "Земля и воля". Важное идейно-политическое значение имел шахматный клуб, созданный Чернышевским и его друзьями в 1861 году. Это был замаскированный политический клуб, где обсуждались злободневные вопросы Отечества; более того, там инструктировались члены "Земли и воли". Клуб просуществовал менее полугода, так как власти, внедрившие в число членов клуба агентов Третьего отделения, закрыли его на том основании, что в клубе "происходят" и из него "распространяются неосновательные суждения".

Видя тупики и рифы крестьянской реформы, в романе "Пролог" (1867—1869) Чернышевский, будучи уже на каторге, изложил свой вариант крестьянской реформы, который исключал саму возможность выкупа крестьянами земли и воли. Помещики не имеют права и на грош вознаграждения, а имеют ли они право "хоть на один вершок земли в русской стране, это должно быть решено волею народа".

В 1862 году Чернышевский пишет свои знаменитые "Письма без адреса", в которых умело проводит мысль о том, что для получения "настоящей воли" необходимо свергнуть самодержавие — главное препятствие, мешающее радикальному обновлению России. Это произведение стало своеобразным призывом ко всем живым силам помочь назревавшему всенародному восстанию. Для своего реального освобождения народ должен взять власть в свои руки и сделать ее демократической.

В это же время, после ареста, Чернышевский, находясь в Петропавловской крепости, написал роман "Что делать?" (1862), на идеях которого воспитывались многие русские революционеры. В нем Чернышевский обращался с призывом: "Будущее светло и прекрасно, любите его, стремитесь к нему, работайте

для него, приближайте его, захватывайте из него в настоящее, сколько можно захватить, — настолько будет света и добра, полна радости и наслаждения ваша жизнь”.

Проблему происхождения и сущности государства Чернышевский решает с материалистических позиций. В его статье “Экономическая деятельность и законодательство” (1859) генезис государственности связывается с недостаточностью средств внешней природы для удовлетворения потребностей людей и с возникшими на этой почве противоречиями между ними. “Столкновение интересов приводит к необходимости установить с общего согласия правила, определяющие отношения между людьми в разных сферах их деятельности. В каждом обществе необходимы правила для государственного устройства, для отношений между частными лицами, для ограждения тех и других правил. Таким образом возникают законы политические, гражданские и уголовные”.

Ученому присущ исторический подход в трактовке государства. Он выделял догосударственное общество, когда первичными занятиями человека были охота и скотоводство. В этот период люди жили коллективно, не зная частной собственности. Его Чернышевский называл периодом “общинного владения землей”. В дальнейшем переход к земледелию обусловил оседлый образ жизни и появление частной собственности на землю, поскольку земледелие “делает необходимостью личную поземельную собственность”.

Генезис государства Чернышевский связывал с фактом возникновения частного землевладения и с необходимостью защиты права собственности. Первоначально существовала общинная собственность на землю, но со временем земля превратилась в полную собственность частных лиц, а среди свободных землевладельцев-общинников произошло социальное расслоение. Обедневшие землевладельцы или продавали свои участки, или прибегали к помощи богатых соседей, отдаваясь под их покровительство и теряя тем самым свои гражданские права.

С появлением частной собственности и выходом из общинного быта “народ распадается на различные подразделения, из которых каждое отличается от остальных степенью образованности, образом жизни и т.д., власть поэтому сосредоточивается в руках незначительного слоя собственников и становится государственной”.

Пока отсутствовали частная собственность и классы, не было и государства. Оно появилось, по Чернышевскому, в связи с переходом земли в частную собственность, с разделением общества на класс свободных граждан-землевладельцев, обладающих политическими правами, и класс рабов, лишенных всяких гражданских и политических прав. С течением времени в результате расслоения среди свободных граждан сложился класс колоннов, или крепостных, которые также лишились своих политических прав. Лишь впоследствии, после ликвидации феодализма, не только землевладельцы, но и “остальные классы народа приобрели участие в государственных правах, которые перестали быть неразрывно связаны с землею”.

Чернышевский ясно различал признаки публичной власти в первобытном обществе и государстве. В племени власть тесно связана с народом. Там “каждый принимает личное и активное участие во всех делах, касающихся того общественного круга, к которому принадлежит”. И в суде, и в войске участвуют все соплеменники. Нет ни отдельного сословия судей, ни военного сословия. Связь между людьми основана на родстве и сохраняется органами самоуправления.

Иное дело государство. Здесь общность людей основана на территориальных союзах. В общественных делах всем заведует бюрократия, и “житель округа по отношению своему к администрации есть лицо чисто пассивное. Имеет место обязанность отдельного человека подчиняться правительственным распоряжениям, хотя бы он и не был согласен с ними, принудительное право правительства”. Суд становится “монополией особенного сословия”, возникает профессиональное регулярное войско. Для осуществления публичной власти правительству “нужны известные экономические средства... Средства эти оно получает посредством налогов”.

Иногда в раздумьях Чернышевского о сущности государства видны следы договорной концепции, бывшей в XIX веке по-прежнему популярной в русской оппозиционной юриспруденции, но в таких случаях договор трактовался ученым объективно обусловленным социально-экономическими причинами: несоответствием удовлетворения людских интересов, ведущей к столкновениям между людьми, противоречиям, раздорам.

Договор прекращает эти раздоры, а целью государства становится безопасность каждого в условиях стихийной и злобной борьбы людей за ограниченные средства потребления, чтобы регулировать потребление в соответствии с количеством и качеством труда каждого члена общества.

Как социалист Чернышевский много критиковал тогдашние государственные-правовые порядки, видя связь между экономикой и политикой. Он считал, что государство отстаивает интересы экономически сильного класса. Вот, например, одно из его высказываний: “Политическая власть, материальное благосостояние и образованность — все эти три вещи соединены неразрывно. Кто находится в нищете, тот не может развить своих умственных сил; в ком неразвиты умственные силы, тот не способен пользоваться властью выгодным для себя образом; кто не пользуется политической властью, тот не может спастись от угнетения, то есть от нищеты, то есть и от невежества”. Поэтому политическая власть — это монополия имущих классов, а простой народ — только орудие для среднего и высшего сословий в их взаимной борьбе за власть.

В странах Западной Европы, освободившихся от феодализма, публичная власть служит буржуазии, над всей общественной жизнью в цивилизованных странах господствуют хозяева промышленных заведений и купцы. Повсюду как в абсолютистских, так и в буржуазных государствах, “государственная машина... по необходимости должна была действовать против элементов, не согласных с интересами господствующих сословий или кругов”.

Осуществляя господство над народными массами, которые отстранены от управления государством, современные ему государства взяли на себя функции “полицейского и военного надзора для усмирения и наказывания”. Трактуя государство как диктатуру, осуществляемую капиталистами над народными массами, Чернышевский подчеркивал, что “ни одно из государств Западной Европы не могло бы сохранить своего настоящего устройства, если бы не опиралось на вооруженную силу”. Существующий в государствах общественный порядок держится на “вооруженном господстве избранного меньшинства”. Поэтому здесь “правительство держит войска как опору против врагов не столько внешних, сколько внутренних”.

Чернышевский хорошо понимал, что западная демократия с ее атрибутами (парламентом, избирательной системой, принципом равенства всех перед зако-

ном, свободой печати и пр.) является по сравнению с абсолютизмом прогрессивной (в качестве примера он приводил Швейцарию). Но в то же время он видел ее формальный характер и критиковал негативные стороны парламентаризма во Франции, Англии, США.

Ограниченный и формальный характер буржуазных свобод обстоятельно показан Чернышевским на примере свободы печати, хорошо ему известной по его журналистской деятельности. Он считал, что буржуазные газеты и журналы находятся в полной зависимости от определенных политических партий и служат рупорами капиталистических групп. Тон газетам задают заправилы этих партий, использующие газеты в своих пропагандистских целях. Когда партия идет к власти, она обещает провести самые радикальные реформы, однако уже на другой день после выборов газеты бьют отбой. "Мудрено, конечно, — иронизировал он, — газете с программой "Times'a", допускающей всяческие уклонения от всего того, что говорила она не дальше как накануне, извиняющей всякие отступничества, остаться газетою честной". Свобода печати в Европе существует только на бумаге, на деле же все правительства изобрели "всевозможные средства для ее стеснения", чтобы она не обратилась против них самих.

С гениальной проницательностью Чернышевский разглядел сущность хваленной двухпартийной системы, сложившейся во многих буржуазных государствах. Различия между партиями, представляющими отдельные группы эксплуататоров, исчезают в условиях существования решающего противоречия между эксплуататорами и эксплуатируемыми. Но двухпартийная система позволяет господствующим классам лучше одурачивать массы. Чернышевский считал, например, совершенно несущественными разногласия между партиями роялистов и либералов: "Та и другая одинаково хотели подчинения народа немногочисленному сословию". Еще меньше различия между тори и вигами в Англии, поскольку и те и другие выражают интересы различных групп аристократии. Во всех наиболее важных вопросах внутренней политики тори и виги сходятся между собой. "Нынешние виги те же тори". То же самое он писал о республиканцах и демократах в Соединенных Штатах.

Показывая фактическое отстранение трудящихся от участия в политической жизни, вскрывая хитрую "избирательную механику" с ее подкупам, шантажом, угрозами, Чернышевский хорошо знал, что даже всеобщее избирательное право при сохранении собственности в руках капиталистов не сможет изменить сущности буржуазного государства как орудия угнетения народных масс.

В Русском государстве Чернышевский усматривал узурпацию власти знатью, которая стала использовать его аппарат в своих эгоистических интересах. Он не соглашался с этатистскими подходами Кавелина и Чичерина, которые считали самодержавие надклассовым инструментом, используемым в целях претворения в жизнь национальных интересов русского народа и "достижения всеобщего блага". По Чернышевскому, монарх есть "только завершение аристократической иерархии, душой и телом принадлежащий к ней. Это все равно, что вершина конуса аристократии". На примере Франции, но имея в виду Россию, он показал абсолютизм как организацию классового господства дворянства, где короли "устраивают целое государство таким образом, чтобы весь народ жил исключительно для содержания двора и придворной аристократии... Одни дворяне имеют значение,

они одни пользуются покровительством государственной власти. Французский король есть представитель и глава аристократического принципа”.

В статье “Лессинг” (1856) Чернышевский резко критикует русское самодержавие, доказывая, что оно знает “только фискальные и полицейские средства”. Однако, несмотря на свое внешнее всесилие, оно крайне недостаточно “для упрочения народного благосостояния”. Прочным может быть лишь то благо, “которое не зависит от случайно являющихся личностей, а основывается на самостоятельных учреждениях и самостоятельной деятельности нации”.

Размышляя о будущем России, Чернышевский показал, что на смену самодержавию должна прийти демократическая республика. В ней “народу лучше бывает жить, народ богаче бывает”. Эта форма правления способна обеспечить оздоровление государственного аппарата и предотвратить образование бюрократии как особой касты, стоящей над обществом. “Демократия требует полного подчинения администратора жителям того округа, делам того общества, которое поручает ему известные дела”.

Депутат отчитывается перед контролирующими его избирателями: “...необходимость отдавать отчет мирской сходке и в важнейших случаях действовать с ее утверждения пресечет в самом начале могущие произойти злоупотребления”. Должностные лица, не оправдавшие доверия избирателей, могут быть отозваны и лишены своих полномочий. Поскольку их деятельность будет протекать на виду у всех граждан, то легко будет обнаружить и недочеты в их работе. Уличенные в злоупотреблении привлекаются к юридической ответственности. Граждане должны понять, что люди, ими избранные, не могут быть слепыми и безответными орудиями в руках вышестоящих представителей власти. В случае коррупции избранники будут отвечать за мир “спиной или карманом”. Они должны “управлять мирскими делами для общей пользы”.

В отличие от народников-анархистов, Чернышевский признавал необходимость государства для перехода к социализму. Все новое и прогрессивное, все, что затрагивает самые важные стороны жизни, “не может утвердиться в обществе без предварительной теории и без содействия общественной власти: нужно же объяснить потребности времени, признать законность нового и дать ему юридическое ограждение”.

Социалистическое государство установит и упрочит коллективную собственность, организует общественное производство и потребление. Только на этой основе и возможно обеспечить основные потребности всех граждан: улучшить материальный быт масс, расширить просвещение, увеличить индивидуальную самостоятельность. А когда укрепится общественная собственность, то, полагал Чернышевский, исчезнет необходимость в государстве для ограничения свободы трудящихся и охраны безопасности, так как исчезнут силы, заинтересованные в нарушении общественного порядка.

У Чернышевского много высказываний о природе права, поэтому есть глубокий смысл на примере его творчества осветить правопонимание шестидесятников. В основу анализа происхождения и сущности права ученый, как и при анализе государства, взял естественно-правовую концепцию, но изменил ее с позиций своего антропологического материализма. Права человека он выводил из “неотъемлемых потребностей человеческой натуры”. “Пока эти потребности какой-нибудь личности не удовлетворены, личность не получила удовлетворения своих прав”. “Говорить о правах человеческой личности — значит говорить об

удовлетворении потребности человеческой природы". Он писал: "По натуре своей человек склонен к доброжелательству относительно других людей; но себя каждый любит более всего на свете. Каждый хочет удовлетворить своим потребностям; а средства, предлагаемые природой, для удовлетворения всех людей не окажутся достаточными; из этого возникает вражда между людьми, расстройство лежащего в человеческой природе взаимного доброжелательства". Из этих причин вытекает необходимость в определенных гражданских и прочих законах, без которых общество, основанное на таких противоречиях, существовать не может.

Резюмируя эти рассуждения, можно сделать вывод, что позитивное право вытекает из договора, из "общего согласия людей" в целях устранения раздоров и противоречий, связанных с несоразмерностью между потребностями людей и средствами их удовлетворения.

Правопонимание шестидесятника по сравнению с концепцией представителей школы естественного права отличается оригинальными чертами, главная из которых та, что Чернышевский признавал право не вечной, логической, а исторической категорией, которая возникает на определенной стадии развития людей и на высшей стадии становится ненужной.

Кроме того, школа естественного права устанавливала вечные, неизменные принципы, лежащие в основе всякого права. Чернышевский утверждал изменчивость законов, подчеркивая исторический характер правовых систем. В разных обществах существуют разные законы, "дух и размер этих законов могут быть, при различных состояниях общества, чрезвычайно различны", поскольку право изменяется "сообразно с обстоятельствами". Чернышевский, в частности, решительно отвергал неизменность и святость права собственности на всех ступенях исторического развития, которое школа естественного права относила к числу основных "естественных и неотчуждаемых" прав человека. Он указал на существование общественной собственности в первобытном обществе и подчеркнул необходимость замены системы, построенной на частной собственности, системой "союзного пользования и производства" в будущем обществе.

При характеристике конкретно-исторических правовых систем Чернышевский видел их классовую или сословную направленность. В частности, он подчеркивал, что раб не только не мог иметь собственности, но и сам являлся собственностью своего владельца. Невольники не обладали и политическими правами. В условиях рабовладельческого строя значительная часть населения являлась собственностью своих господ и была полностью отстранена от участия в государственных делах. Естественно, что она не могла участвовать в создании права, вытекающего из "общего согласия". Тем самым Чернышевский с материалистических позиций уточнял предложенную им теоретическую схему происхождения и сущности права.

Материалистический подход к праву особенно проявлялся у вождя шестидесятников, когда он прямо указывал на тесную внутреннюю связь между экономикой и правом. "Возьмем, например, случай, относящийся к вопросу о личной юридической самостоятельности, — писал он. — В уничтожении крепостного состояния дело идет коренным образом о возвращении гражданских прав людям, которые до сих пор не признавались самостоятельными членами общества. Сомнение тут невозможно: сущность дела состоит в приобретении гражданских прав, в приобретении самостоятельности бывшими крепостными крестьянами; основание вопроса чисто юридическое. Но что же мы видим? С переменю

юридических отношений неразрывно соединена экономическая перемена; в юридическом вопросе является экономическая сторона и оказывается столь важной, что совершенно заслоняет собой юридическую сторону от внимания общества”.

С этих позиций Чернышевский подверг сокрушительной критике выдвигаемое либеральными юристами требование политической свободы и равных для всех прав. Он показал, что либерализм, формально провозглашая эти принципы, на деле приходит к совершенно противоположному результату — к закреплению фактической эксплуатации человека. В нем “права личности” представляют собой абстрактное равенство перед законом; свобода — лишь формальное отрицательное понятие, а личность есть не живая конкретная личность в ее конкретной обстановке и конкретных связях, а отвлеченный субъект права.

Буржуазия, провозглашая формальное юридическое равенство всех перед законом, на деле этого равенства не обеспечивает. Чернышевский подчеркивал, что формальная свобода и формальное право — ничто при отсутствии равной возможности их использования. “Либерализм понимает свободу очень узким, чисто формальным образом, она для него состоит в отвлеченном праве, в разрешении на бумаге, в отсутствии юридического запрещения. Он не хочет понять, что юридическое разрешение для человека имеет цену только тогда, когда у человека есть материальные средства пользования этим разрешением”.

Для трудящихся, по Чернышевскому, “фактические средства к пользованию правом” имеют более важное значение, чем отвлеченное отсутствие юридического запрещения. Только житейское благосостояние масс “дает возможность к реальному осуществлению права”. Подтверждает эту мысль Чернышевский на примере заключения рабочими договора найма на труд. Пролетарий не для себя собирает плоды, не для себя добывает полезные ископаемые, поскольку все это находится в частной собственности. Заключить же с владельцем этих богатств выгодный для себя трудовой договор он не может, потому что собственник выдвигает кабальные требования. Но и не заключить выгодный для собственника договор пролетарий тоже не может, так как иначе он умрет с голоду. “Найдется ли у меня сила, — продолжал спрашивать он, — восхищаться тем, что у вас называется уничтожением произвольных стеснений... когда я безуспешно борюсь с условиями жизни? Буду ли я свободен, когда подвергнусь рабству голода? Право работать будет ли казаться мне драгоценно, когда мне придется умирать от беспомощности и отчаяния при всем моем праве?”

Чернышевский считал, что “естественные права личности” следует трактовать гораздо шире по сравнению с тем, как это делают представители либеральной юриспруденции. Эти права должны включать в себя в качестве фундамента всех остальных прав право на материальное обеспечение, они должны быть экономически гарантированы.

Высказываясь по общим вопросам права, Чернышевский решительно отвергал логический формализм так называемой догматической юриспруденции. Он осуждал “пристрастие к чистой форме”, которая рассматривается независимо от конкретного жизненного значения в данной исторической обстановке. Он предостерегал и от догматического отождествления формальных постановлений с действительным порядком: “От формальных постановлений до действительного порядка дел очень далеко”.

Самодержавный режим Чернышевский считал несовместимым с правовым режимом и тем самым развивал юридические аргументы Радищева и декаб-

ристов. По его мнению, в условиях крепостнических отношений невозможно последовательное проведение "принципов разумности и права", "идеи справедливости в праве", начал законности в практике. Причины беззакония, взяточничества и других подобных явлений в абсолютистских государствах не зависят от отдельных личностей. Они заключаются в беспорядке и неравенстве граждан перед законом, в отсутствии свободы слова и печати, в господстве произвола.

Ученый видел прогрессивность буржуазного права по сравнению с феодальным. Вместе с тем, как уже отмечалось, он подчеркивал, что если феодальное право охраняло привилегии одних землевладельцев — феодалов, оставляя крепостное крестьянство совершенно беспорядком, то буржуазное исходит из принципа формального равенства, которое фактически узаконяет угнетение и эксплуатацию людей, не имеющих собственности. "Человек, зависимый в материальных средствах существования, не может быть независимым человеком на деле, хотя бы по букве закона и провозглашалась его независимость".

Чернышевский указывал, что защитники буржуазного права "говорят свобода, свобода и эту свободу ограничивают тем, что сказали это слово да написали его в законах, а не вводят в жизнь, что уничтожают законы, говорящие о неравенстве, а не уничтожают социального порядка, при котором 9/10 народа — рабы и пролетарии; не в том дело, будет ли царь или нет, будет конституция или нет, а в общественных отношениях, в том чтобы один класс не сосал кровь другого".

Ситуация коренным образом может измениться лишь при социалистическом праве. Чернышевский указывал, что социализм, или, по его терминологии, система "союзного пользования и производства", выдвигает и новые принципы права. "Подле понятия о правах отдельной личности, — писал он, — возникла идея о союзном пользовании и производстве между людьми... Это новое стремление к союзному пользованию и производству является продолжением, расширением, дополнением прежнего стремления к обеспечению частных прав отдельной личности". Это расширение частных прав отдельной личности он подтвердил на примере права на труд, указав, что "право на труд", как и другие личные права, получает свое реальное, а не формальное осуществление только "при системе взаимного обеспечения", или социализме.

В условиях частной собственности государство через право осуществляет мелочный контроль личности, ограничивает ее жизнь на каждом шагу. Чем проще гражданские отношения, "тем менее предлогов для мелочного контроля" и стеснения жизни. Выясняя судьбу права во время народной революции, Чернышевский указывал, что такая революция не может иметь осторожный, "законный" характер. В ней он усматривал взрыв возмущения народных масс, накопленного в течение целых веков, а возмущение масс не может вылиться в какие-либо "допустимые", "законные" формы.

В результате революции должна произойти такая перемена в отношениях труда к собственности, которая бы соответствовала нравственному и юридическому освобождению личности, т.е. работник должен одновременно стать и хозяином. Касаясь судьбы права в условиях высшей фазы коммунистического общества — коммунизма в собственном смысле слова, Чернышевский указывал, что тогда для общественной жизни возникнут "совершенно новые условия и, между прочим, прекратится нужда в существовании законов для экономической

деятельности". При этом он имел в виду законы, издаваемые государством в порядке регламентации деятельности людей, т.е. имеющие только юридическую силу.

ЛЕКЦИЯ 12. **Общая характеристика революционного народничества. П.Л. Лавров**

Революционное народничество — идейно-политический отклик на протест трудящихся масс против антинародной сущности царских реформ. Отмена крепостного права для многих помещиков оказалась просто выгодной сделкой. Участки земли доставались крестьянам в 3,5—4 раза дороже их действительной стоимости. Вера Фигнер рассказывала о крепостных графа Нессельроде — министра иностранных дел, которых их сиятельство отпустил на даровой, или, как говорили в народе, нищенский, надел. В результате Нессельроде сохранил 18 тысяч десятин земли, но и при этом не побрезговал обсчитать своих крестьян на 25 десятин.

В целом по России на крестьянскую семью в среднем приходилось по 6,2 десятины земли, на дворянскую — по 2 333 десятины. Дело не ограничивалось малоземельем. Крестьяне шли на поклон к помещику по поводу пастбищ, леса, мест для рыбной ловли, так как по реформе их не получили. К непомерному выкупу земель у помещика присоединялись и подати в пользу государства, которых крестьяне платили в 15 раз больше, чем помещики. Это составляло половину того дохода, который крестьянин получал от своего надела, а зачастую и превышало его.

Попытки крестьян найти защиту от произвола помещиков и чиновников ни к чему не приводили. Петр Кропоткин рассказывал, как в 1862 году во время церковного праздника старый крестьянин протолкался сквозь двойную цепь солдат и упал на колени перед царем, протянув ему прошение. "Батюшка-царь, заступись!" — крикнул он со слезами... Но Александр II... прошел... мимо, не обратив внимания на мужика. Я шел за Александром и заметил в нем только легкое содрогание испуга, когда мужик внезапно появился и упал перед ним".

К концу 70-х годов бедствия деревни еще более усилились. Арендная плата за землю, равнявшаяся 25 копейкам за десятину, теперь поднялась до 3 рублей серебром. Крестьянин, деятельный и трезвый, имеющий в семействе кроме себя самого двух или трех работников, не в состоянии был есть круглый год чистый хлеб, а принужден был в течение нескольких месяцев мешать его с мякиной.

Голодные годы в России становились привычными и повторялись со зловеющей периодичностью — 1871, 1875, 1880 — 1881. Они уносили от сотен тысяч до миллиона жертв непосредственно от голода и от роковых его спутников — тифа, динги и прочих болезней. Власти оказались бессильны помочь деревне. Крестьяне трех волостей Смоленской губернии, распродав свое имущество, переселились в другие места. Дома жить нечем: малоземелье, безысходная нужда, голод. Их ловили и возвращали назад, а они с тупым, отчаянным упорством твердили: "Убегем! Все равно пропадаты!"

Еще больше подлила масла в огонь русско-турецкая война 1877—1878 годов. 500 тысяч человек, призванных в армию, были в основном крестьяне —

работники и кормильцы семей. Обычные для военных лет тяготы — реквизиция лошадей для нужд армии, повинности, неурожай — легли дополнительным грузом на плечи трудящихся.

В 70-е годы по сравнению с 60-ми неизмеримо выросли число участников революционно-демократического движения, его размах и действенность. Весной и летом 1874 года началось массовое “хождение в народ” демократической интеллигенции, произошло первое сближение революционной молодежи с народом. Однако в конце 1875 года “хождение в народ” было остановлено полицией, его участники арестованы и осуждены по “процессу 193-х” (1877—1878).

“Хождение в народ” выявило организационную слабость народнического движения и определило необходимость единой, централизованной организации. Такая организация была создана в 1876 году и вновь получила название “Земля и воля”. Землевольты стали создавать среди крестьян оседлые деревенские поселения. Однако их надежды поднять крестьянство на революцию не оправдались.

Разочарование в результатах пропаганды, усиление правительственных репрессий, с одной стороны, общественное возбуждение в ожидании новой революционной ситуации в стране — с другой, способствовали обострению разногласий внутри организации. Большинство революционеров убеждались в необходимости перехода к непосредственной политической борьбе с самодержавием.

Одним из основных средств революционной тактики постепенно становится террор. Вначале это были акты самозащиты и мести за злодеяния царской администрации. В январе 1878 года Вера Засулич стреляет в обер-полицмейстера Петербурга Трепова. Однако постепенно успехи террористической борьбы, вызвавшие растерянность в верхах, породили у народников иллюзию особой эффективности этого метода. В августе 1879 года в результате конфликта “политиков” с “деревенщиками” произошел раскол “Земли и воли” на две самостоятельные организации — “Народная воля” и “Черный передел”. “Народная воля” еще более усилила принципы централизации и конспирации и начала прямой штурм царизма. 26 августа 1879 года исполком “Народной воли” вынес Александру II смертный приговор, который народовольцы привели в исполнение 1 марта 1881 года. Первые недели некоторые народники все еще надеялись, что крестьянство, пробужденное взрывом на Екатерининском канале, возьмется за топоры. Но крестьянской революции так и не последовало.

Оказавшись не в состоянии осуществить переворот, лишенные поддержки масс, народовольцы в письме к Александру III выдвинули своего рода программ-минимум. В случае провозглашения в стране политических свобод они обещали прекратить террористическую деятельность при условии “общей амнистии” и созыва “представителей от всего русского народа” для пересмотра существующих форм государственной и общественной жизни. Либералы не отважились на активную поддержку народовольцев. Но правительство игнорировало обращение революционеров и продолжало полицейские облавы. В неравной борьбе они потерпели поражение. Большая часть исполнительного комитета попала в руки жандармов. Серия судебных процессов 80-х годов (“процесс 20-ти”, “процесс 17-ти”, “процесс 14-ти” и др.) довершила разгром организации.

Теоретическое обоснование революционного народничества 70-х годов было дано в трудах его главных идеологов — Бакунина, Лаврова и Ткачева.

Общими чертами их платформы были непримиримая враждебность к абсолютистскому государству, самодержавно-бюрократическому строю, помещицкому землевладению, убеждение в необходимости революционной борьбы против существующих порядков, преданность интересам крестьян. Они были не только революционными демократами, но и носителями идей русского крестьянского социализма. Отстаивая возможность особого, некапиталистического развития России, народники отрицали какой-либо положительный смысл капитализма в нашей стране.

Одна из коренных черт этого направления — идеализация крестьянина и сельской общины, хотя некоторые теоретики народничества, в частности Бакунин, и видели симптомы разложения общинных устоев. Именно с общиной в первую очередь связывалась вера в возможность особого пути развития России.

Общей чертой революционного народничества было некоторое пренебрежение проблемой конституционных преобразований, свойственное в законченной форме анархистскому типу политического сознания. В зарождении и временном упрочении такой позиции заметную роль сыграли наблюдения над историческим опытом Западной Европы. Там политические революции привели к господству буржуазии в социально-политической жизни, и это вызывало опасения, что политические перемены, не сопровождаемые коренным социальным переворотом, приведут в России к аналогичным последствиям и к ускоренному разрушению общины. Известное распространение получило мнение о более или менее безразличном отношении самих народных масс к вопросу о политической свободе. Следует также подчеркнуть тесную связь аполитичности народников с верой в близкую крестьянскую революцию, которая, по их мнению, даст народу полное экономическое освобождение, а попутно разрешит и проблему политической свободы.

Все это вместе с презрительным отношением к дряблomu русскому либерализму объясняет, почему народники, чье движение имело серьезное политическое значение, в своем большинстве сравнительно долго избегали выдвижения политической борьбы в качестве самостоятельной и первоочередной задачи. Жизнь заставила, в конце концов, отказаться от этого заблуждения, но остатки анархистского предубеждения против "политики" сохранились у части даже тех народовольцев, которые на практике прямо и смело перешли в конце десятилетия к политической борьбе.

По другим политическим и в особенности тактическим проблемам теоретики народничества спорили друг с другом. В революционном народничестве выделяется 3 течения: пропагандистское (Лавров), заговорщическое (Ткачев) и бунтарское (Бакунин).

Пропагандистское течение в революционном народничестве связано с именем Петра Лавровича Лаврова (1823—1900). Ученик знаменитого русского математика академика Остроградского, Лавров рано выдвинулся как подающий большие надежды ученый-математик. Однако он предпочел академической карьере полную опасностей жизнь революционера. Еще в предреформенное время он принял активное участие в общественной деятельности, сблизился с Чернышевским (1859). За участие в "Земле и воле" был сослан в Вологду, переписывался с Н.П. Огаревым. Г.А. Лопатин помог Лаврову бежать за границу (февраль 1870), где он был принят в одну из парижских секций I Интернационала, а в

1871 году стал участником Парижской коммуны. В это время Лавров познакомился с К. Марксом и Ф. Энгельсом, с которыми еще более сблизился в последующие годы. Вершина революционной деятельности Лаврова — издание в эмиграции журнала и газеты “Вперед!” (1873—1877), пытавшихся возродить традиции герценовского “Колокола”. В 1882 году Лавров примкнул к “Народной воле”, видя в ней единственную в России революционную партию, которая “умела выработать нечто похожее на общественную силу”.

Юриспруденция Лаврова основывается на субъективной социологии. Он исходит из решающей роли критически мыслящих личностей в историческом процессе. Задаваясь в своей наиболее известной работе “Исторические письма” вопросами, как шла история, кто ее двигал, Лавров отвечал: “Одинокие борющиеся личности”. История разворачивалась таким образом, что массы не оказывали существенного влияния на ход событий. По вине эгоистического меньшинства (эксплуататоров) они были отстранены от сколько-нибудь существенного влияния на прогресс в обществе. Поэтому интеллигенция, а не массы была до сих пор главным действующим лицом исторической драмы. Настало время вернуть долг народу, который забит и придавлен, но все же способен понять свои права. Интеллигенция должна разъяснить их народу и возглавить его борьбу за землю и волю. В крайнем случае интеллигенция может сыграть прогрессивную роль, “незвизрая на пассивность народа”. Но это в крайнем случае. Вообще интеллигенция должна вызвать в народе стремление к сознательной борьбе, прежде всего стремление к сознательной постановке целей. Таким образом, интеллигенция, проникнутая глубоким чувством долга и сознанием общественной цели (социализм), является главным двигателем исторического прогресса.

В эпоху, когда “народ безмолвствовал”, признание могущества личности не могло не импонировать революционно настроенной интеллигенции. “Исторические письма” стали “евангелием” революционной молодежи.

Субъективно-социологический метод Лавров использовал и в трактовке государства. Правда, в этом вопросе он не был столь последователен, допускал элементы эклектики, не раз менял свои воззрения под влиянием текущих политических событий и споров со своими оппонентами. Государство, по Лаврову, есть следствие общественного договора, который требует “принудительной силы, наблюдающей за соблюдением договора”. Эта принудительная сила, или власть, есть государство с его насилием, с его “административной организацией и силой оружия”.

Вполне отождествлять взгляды Лаврова на происхождение государства с договорной концепцией Руссо вряд ли правомерно. Лавров, например, полагал, что Руссо смешивал понятия государства и общества, что его знаменитый трактат правильнее называть “О государственном договоре”, а не “Об общественном договоре”. Он отмечал тенденцию к смешению понятий также у Лассалю, поскольку его определение государства как “единства личностей в одном нравственном целом” подразумевает в действительности не государство, а общество. В действительности государство есть форма общественной организации, и форма отнюдь не высшая, а низшая, хотя представляющая “солидарную совокупность личностей или, что точнее, одну из форм такой совокупности”.

В других случаях он соглашается с критикой представителями исторической школы концепции общественного договора, считая немыслимым, чтобы дикари,

“полузвери, не имевшие никакого сношения между собой, вдруг придумали: как лучше будет составить договор и жить в государстве”.

“Сознательное” возникновение государства им исключается. По мнению народнического идеолога, государство возникает не вместе с классами, а до классов: “Государственный строй коренился в первых родовых и родо-человеческих группах... Всюду, где человек, не рассуждая, подчиняется условиям жизни, им не выбранным, он подчиняется государственному началу”. Государство возникает из подчинения — сначала природным, а затем природно-общественным условиям.

В развитии общества государство — институт насилия одних над другими — эволюционирует, проходя стадии физического господства (древние и средневековые государства), экономического господства (буржуазные государства нового времени) и нравственного господства (социалистические государства будущего).

На всех трех стадиях развития государства основанием для его существования является безопасность, в которой нуждаются все члены общества. Здесь Лавров высказывал соображения, которые в зародыше уже содержали представления о надклассовом характере государства. Представления эти были в ходу среди некоторых революционных народников, особенно ярко они выражены в известном открытом письме Ткачева Ф. Энгельсу.

Лавров вносит в трактовку государства свой собственный мотив, отмечая, что государство укрепляется за счет нравственных сделок людей со своей совестью. Его субъективизм проявляется в том, что он допускает толкование государства как идеального принципа, который в своем реальном воплощении может удовлетворять “условиям развития личности и воплощения истины и справедливости в общественные формы”.

Вместе с тем, не рискуя впасть в преувеличение, нужно сказать, что учению Лаврова о государстве в большей мере, чем взглядам других теоретиков революционного народничества, присущи известная глубина воззрения, историзм. Лавров решительно выступает против, как он говорил, двух теоретических крайностей: против идеализации исторического предназначения государства (“Гегель требовал, чтобы человек заколол свою личность на алтаре государства”), а также против нигилистическо-анархистских установок, согласно которым государство — это вчерашний день истории и подлежит немедленному слому.

Полемика с ложными концепциями государства, естественно, предполагает уяснение того, что из себя представляет “настоящее государство”. “Неизбежность государственного элемента”, по Лаврову, вытекает из необходимости “общего блага”, из того, что всякое общество, всякая страна, если они желают существовать в системе других обществ, стран, должны обеспокоиться организацией войн (оборонительных для социалистического строя), посылкой агентов к противнику, военным наступлением на врага, а в мирное время — организацией внешних сношений.

Политический прогресс в обществе заключается в уменьшении государственного элемента в общественной жизни: государство как “охранительный элемент” общества заключает в себе самом “стремление постоянно спускаться к минимуму”. Если “снижения к минимуму” не происходит, значит, государство не удовлетворяет своему назначению и должно быть заменено.

Лавров видел, что современное ему государство содействует “увеличению обязательного насильственного элемента общественной жизни”, подавляет “нравственное развитие личности и свободу критики”, защищает интересы одних в ущерб другим. “Касты, сословия, классы в среде общества — вот источники государства”. Его сущность — не что иное, как заговор “одной доли общества против другой, заговор сильных, имеющих в виду воспользоваться своею силою для эксплуатации всего общества в свою пользу”. Поэтому “критически мыслящие личности” не должны обманывать себя мишурой западных демократий, которые есть лишь относительный шаг вперед в прогрессе народовластия, но лишь сравнительно с менее демократическими или вовсе не демократическими предшествующими формами правления. Западные демократии нужно использовать в легальной борьбе за социальную демократию, направляя их “на выработку прогресса”.

Для свержения самодержавия Лавров призывал русскую молодежь идти в народ, “вооружившись основательным знанием и усвоив народные потребности”, требуя отказаться “от всякого участия в государственном строе России”. Народную революцию можно готовить и легальными средствами, сотрудничая с либералами, русскими конституционалистами. Главное — принести народу “выработанную мысль, накопленное знание”, придать “его порывам цельность и организацию”, вызвать “из его среды представителей интеллигентного революционного крестьянства”, а затем сойти со сцены, “отдав народное дело в руки народа”.

Революционная интеллигенция, по Лаврову, должна выступить лишь застрельщиком, инициатором, организатором социального переворота. В союзе “интеллигенции и силы народных масс” он видел единственное условие победы социальной революции в России. Лавров справедливо отмечал, что успех может быть достигнут лишь при широком участии в революции трудящихся классов, которые осознают причины своих бедствий и соединят неосознанный протест отдельных личностей в единую могучую силу всеобщего протеста против существующего строя. Он не отрицал наличия в русском народе инстинктов “общинной и артельной солидарности”, “недоверия к высшим классам и ближайшим властям”, но не соглашался с бунтарями-бакунинцами, которые связывали переворот в России именно с этими пресловутыми инстинктами.

Важным условием подготовки революции Лавров считал создание партии революционной интеллигенции. Это должен быть союз единомышленников, для которых “критическая мысль нераздельна от дела”. Вокруг партии формируются группы сочувствующих. А в общинных и артельных центрах России, “представляющих готовые и традиционные элементы народной солидарности, должны быть образованы группы, ясно понимающие задачи рабочего социализма”. Эти группы и есть тот костяк “энергетических личностей”, которые составят ядро революционной организации. Лавров придавал большое значение поселениям революционеров непосредственно в самих общинах и в рабочих артелях. Находясь в гуще народной жизни, революционеры, как мыслил Лавров, “приобретут солидарность и для своего союза”. Но самое главное то, что, объединенные “крепкой практической организацией”, они создадут революционную партию, соединят “в одно дело революционеров рабочего класса со всех концов России и тем самым положат начало теперь отсутствующей в народе солидарности всех русских рабочих”.

Партийные группы “как естественные руководители всех разделяющих их убеждения” после победы революции станут основой социалистического государства в виде “народной федерации русских революционных общин и артелей”. Сразу же новая власть должна взять в свои руки “общественное достояние, находящееся в руках государственных и частных хищников”, организовать “всеобщий труд на общую пользу”, оборону от внутренних и внешних врагов, стать преградой на пути “собственных своих членов, которые захотели бы внести в новый строй привычки и влечения старого порядка”.

Государство, по Лаврову, сохранится и на втором этапе социальной революции — переходном периоде построения рабочего социализма. В работе “Государственный элемент в будущем обществе” (1876) Лавров спорит с бакунинцами и обосновывает тезис о необходимости государства для решения внутренних и внешних задач переходного периода. Однако это государство будет постепенно отмирать при социализме, его сохранение в виде диктатуры большинства — мера временная. Зрелый социализм, по Лаврову, не знает государственности, управления человека человеком “в смысле принудительной власти одной личности над другой”. Образец социалистического государства он видел в Парижской коммуне. Признавая необходимость революционного насилия в социальной революции, Лавров требовал сведения его к минимуму. Принудительность даже в отношении враждебных элементов может быть доведена до минимума, если все материальные, общественные силы перешли в руки победившей партии, если она составляет громадное большинство населения и если враги нового строя располагают лишь умственным и нравственным влиянием.

Ряд рассуждений Лаврова о путях становления государственной власти “на второй день революции” и ее будущем носит противоречивый характер. Создается впечатление, что он пытается обосновать необходимость как можно более быстрого “растворения” государственной власти во всем народе. Здесь сказались и издержки его договорной концепции происхождения государства, и рудименты отношения ко всякой власти как явлению безнравственному, не способствующему торжеству всеобщей солидарности человечества.

ЛЕКЦИЯ 13. М.А. Бакунин

Михаил Александрович Бакунин (1814—1876) вошел в историю юриспруденции не только как идеолог бунтарского направления в народничестве, но и как родоначальник и крупнейший представитель анархизма.

Распространению анархистских идей в нашей стране способствовал ряд факторов. Прежде всего, это глубокий и длительный кризис самодержавного крепостнического государства, ставший очевидным в середине века и не преодоленный до его конца в ходе непоследовательных буржуазных преобразований. Государство не пользовалось в русском обществе уважением. От критики его неэффективности, коррумпированности, оторванности от общества до свойственного анархизму полного отрицания государства всего лишь один шаг.

Мелотоварное производство, характерное для России второй половины XIX века, с его психологией автономии и недоверием к государственному вмешательству, общинные устои крестьянства, казачьего самоуправления, уклад жизни раскольников, называвших государство орудием антихриста, свидетельствовали о наличии в народе традиции негосударственной организации. Обшир-

ность территорий и пестрота национального состава России были таковы, что государственное устройство не было особенно прочным и глубоко проникающим. Под флагом единой и неделимой России многие земли и народы, не обладая суверенитетом, все же во многом продолжали жить по своим обычаям. Изменение социальной структуры страны в результате развития капитализма, образование значительных по численности маргинальных слоев в лице неразвитого городского пролетариата, люмпен-пролетариев и беднейшего крестьянства, резко критическое по отношению к властям настроение разночинной интеллигенции создавали атмосферу нестабильности и революционных ожиданий.

В этих условиях анархизм не только находил социальную опору, но и приобретал более радикальные, непримиримые формы в сравнении с западными образцами. Была у русского анархизма и еще одна особенность. Ориентируясь на социальную революцию с опорой на общину, он приобрел ярко выраженное коллективистское содержание.

Бакунин был сыном тверского помещика, принадлежавшего к древнему дворянскому роду, что сулило ему блестящую карьеру. Однако молодой Бакунин избрал для себя путь профессионального революционера, разрушителя тогдашних государств. Он участвовал во Французской буржуазной революции 1848 года, в борьбе славян за свое освобождение от ига Австрийской империи с целью создания федерации славянских народов. В конце жизни активно участвовал в деятельности I Интернационала, стремясь, теперь уже с анархистских позиций, создать на его основе заговорщическую организацию, способную установить безгосударственный строй в Европе. За раскольническую деятельность и отход от Устава и Программы I Интернационала решением Гаагского конгресса 1872 года Бакунин и его сторонники были исключены из этой организации.

В последующие годы Бакунин предпринимает еще ряд попыток принять личное участие в организации русского и международного революционного движения. Осенью 1873 года появилась его книга "Государственность и анархия" со специальным приложением, содержащим программу практической деятельности для русских революционеров. В ней прозвучал призыв "идти в народ". Необходимо, считал Бакунин, использовать то революционное настроение, которое присуще русскому народу. Роль агитатора от анархизма заключалась только в прояснении народного сознания и в организации народа на стихийный бунт.

Бакунин скончался в швейцарском городе Берне. Споры о его месте в истории продолжают и сейчас. Анархисты рисовали портрет "революционного гиганта", называли его "мощной личностью", "гигантом духа". Противники Бакунина, наоборот, подчеркивали его ошибки и недостатки, зачастую пренебрегая мерой. Бакунину еще при жизни пришлось познать не только справедливую критику, но и жестокую обиду, оскорбления, когда его публично называли "правительственным агентом", "старым интриганом", мечтающим установить "деспотическую диктатуру в русском духе", зачисляли в "панславистский сброд" и т.д.

В 30-е годы, увлеченный идеями Гегеля, Бакунин мало интересовался политико-правовой проблематикой и в целом разделял монархические взгляды своего окружения. В 40-е годы под влиянием идей левого гегельянства и утопического социализма он переходит на революционно-демократические республиканские позиции. Анархистскую концепцию Бакунин создал только в начале 60-х годов. Идейных предтеч этой концепции было много. Среди них идеалисты Фихте, Шеллинг, Гегель, материалист Фейербах, анархист Прудон, утописты Сен-Си-

мон, Фурье, Фейтлинг. Основные работы Бакунина, посвященные безгосударственному социализму: "Федерализм, социализм и антитеологизм" (1867), "Кнуто-Германская империя и социальная революция" (1871), "Государственность и анархия" (1873).

Происхождение государства Бакунин рассматривает с идеалистических позиций. Природа человека двойственна. Лучшие ее черты и инстинкты — зародыш вольной безгосударственной организации будущего. Худшие — основа для возникновения государства. На дурных инстинктах и страстях, на предосудительных свойствах ума и характера людей замешено, по Бакунину, государство. Так, возникновение государства в Германии он связывает с тем, что "в немецкой крови, в немецком инстинкте, в немецкой традиции есть страсть государственного порядка и государственной дисциплины". Идиотизм, глупость людей он считает главным условием рабства. Но не единственным. Государство исторически возникает "во всех странах от союза насилия, опустошения и грабежа".

Кроме того, он проводил четкую грань между обществом и государством. Первое существует благодаря "инстинкту солидарности", тогда как второе обязано своим бытием "инстинкту власти". Бакунин доказывал, что государство противостоит свободе личности, ибо возникло в результате насилия и войн, являясь временной политической формой общества, с которой связаны экспансия, привилегии, несправедливость, возведенные в систему. "До настоящего времени, — отмечал он, — вся история человечества была лишь вечным и кровавым приношением миллионов бедных человеческих существ в жертву какой-либо безжалостной абстракции: Бога, Отечества, могущества государства, национальной чести, прав исторических, прав юридических, политической свободы, общественного блага".

Бакунин соглашался с тем, что государство возникло не случайно. "Это — зло, — писал он, — но зло исторически неизбежное в прошедшем, как рано или поздно будет необходимо его полное уничтожение, столь же необходимое, как была необходима первобытная животность и теологические пустосплетения людей".

В известном противоречии с этим признанием находится его видение государства как искусственной организации, "навязанной народу" из-за неисправимой глупости людей, их наивной доверчивости к действиям пронырливых шарлатанов и надуval. Тем самым формировалось сознательное построение государства.

Отвергая концепцию общественного договора, Бакунин считал, что Гоббс, Руссо не видели существенных различий между обществом и государством, смотрели на политическую организацию общества, как всегда, адекватную интересам граждан. Будучи прав в критике буржуазно-просветительских трактовок государства, Бакунин был неправ, рассматривая его в качестве абсолютного врага общественных интересов. И в то же время он считал, что, раз возникнув, государство превратилось в самую могущественную политическую силу, которая определила деятельность различных общественных институтов и ход истории. Он переворачивал, таким образом, реально сложившиеся социальные связи и зависимости с ног на голову. Оказывалось, что не частная собственность и классовая борьба были причиной появления государства, а, наоборот, государство было причиной их возникновения.

Государство означает "насилие, господство посредством насилия, замаскированного, если можно, и, в крайнем случае, бесцеремонного и откровенного". В других работах это понятие Бакунин дополняет: "Если есть государство, то непременно есть господство, следовательно, и рабство; государство без рабства, открытого или замаскированного, невысказано". "Кто говорит *государство и власть*, тот говорит *господство*".

Для него государство было настоящим жупелом. Оно развращает всех, кто в какой-то мере пользуется им как орудием. Категорическим императивом личности является поэтому решительное противодействие государству независимо от того, кто является носителем власти. Личность должна бороться против государства, чиновничества, против всякой "авторитарности", включая и "авторитарность Бога", церкви, и "авторитарность человека", — против всех, кто претендует на власть.

Бакунин не смог оценить государство исторически, смотрел на него не как на исполнительный орган определенного класса, а скорее как на форму подавления личности вообще. По отношению к буржуазной демократии Бакунин занимал примерно ту же позицию, что и Прудон, который выдвинул формулу, что "всеобщее избирательное право — контрреволюция". Современные ему политические институты он рассматривал как вполне созревшие для уничтожения и пригодные для дискредитации государственной идеи вообще; республика, например, "не имеет другой цены, кроме чисто отрицательной".

В своей речи на Бернском конгрессе Лиги мира и свободы (1868 год) Бакунин, аргументируя против современного ему буржуазного государства, доказывал необходимость его "взрыва", с тем чтобы покончить с государством раз и навсегда. "Именно потому, — говорил он, — что республика окружена демократическими формами, она гарантирует в гораздо более сильной степени хищному и богатому меньшинству спокойную и безопасную эксплуатацию трудящегося народа... Никогда деспотизм правительства не был так ужасен и так силен, как в то время, когда он основывался на мнимом представительстве мнимой народной воли".

Критикуя буржуазную авторитарность, Бакунин отрицал и социалистическую авторитарность, пролетарскую государственность, приходя к нелепому выводу, что любая диктатура — и революционная (пролетарская), и государственная (буржуазная) — одинаково реакционны.

Государство (любое государство и в любой форме) всегда будет помехой трудовым коллективам, в то время как свободные люди без него станут более активно помогать друг другу строить социалистические отношения. Государство должно быть отменено, иначе оно погубит революции руками бюрократов. Аргументируя в пользу немедленной отмены государства, Бакунин восклицал, что истинно свободные люди не нуждаются в нем.

Работнику после революции легко превратиться в бюрократ. Как только выходы из народа перейдут в сферу управления, они "перестанут быть работниками и станут смотреть на весь чернорабочий мир с высоты государственности; будут представлять уже не народ, а себя и свои претензии на управление народом. Кто может усомниться в этом, тот совсем не знаком с природой человека". Метафизическое представление о "природе человека" выступает здесь *ultima ratio* (решающий довод) бакунинского требования немедленного слома существующей государственной машины.

Вместо государства Бакунин помышляет создать после социальной революции новый строй, основанный на “идее свободы”. Свобода индивидов и ассоциаций выступает при этом как некий априорный принцип, определенным образом сочетаемый в его умозрительной концепции с принципом равенства, справедливости, солидарности, а также с требованиями анархистской программы. Важнейшими среди них стало в конечном итоге требование разрушения государства, а также всякого опирающегося на принуждение авторитета, которые, как считали анархисты, в принципе несовместимы со свободой и равенством людей и коллективов. Но это не означает распада общественных связей. Государство заменяется федерацией свободных самоуправляющихся общин в духе Прудона.

Будущее общество — союз свободных людей, организованных по принципу “снизу вверх”. Власть в этом случае растворяется в коллективах благодаря тому, что ее субъект оказывается тождественным объекту. Всеобщая воля совпадает с волей каждого, и человек повинуетя лишь потому, что от него требуют то, что соответствует его собственным желаниям. Далее “инстинкт солидарности” должен создать качественно иной, неполитический тип социальной связи, соотносящийся с потребностями организации самого общества на основе сознательной дисциплины.

Свобода индивида, по определению Бакунина, есть не что иное, как “отражение его человечности или его человеческого права в сознании всех свободных людей, его братьев, его равных”. Со всей определенностью он указывал на тесную взаимосвязь свободы с реальной возможностью удовлетворять материальные и духовные потребности индивида, а также на тесную взаимосвязь свободы индивидуальной и свободы коллективной. “Коллективная свобода и благосостояние реальны лишь тогда, — утверждал Бакунин в работе “Кнута-Германская империя”, — когда они представляют собой сумму индивидуальных свобод и процветаний”. Сопоставляя индивидуальную и коллективную свободу, Бакунин склонен был видеть в достижении реальной свободы для каждого подлинную цель истории, а в уважении достоинства личности — высший нравственный закон.

Все это свидетельствует о том, что анархизм Бакунина имеет коллективистские корни. Он стремится к организации общества и коллективной собственности “снизу вверх” посредством вольного объединения, ассоциирования людей, которые во взаимоотношениях друг с другом будут руководствоваться нормами естественного права. Бакунин считает, что только таким образом можно будет достичь свободы каждого. “Я становлюсь действительно свободным лишь благодаря свободе других, так что чем больше количество свободных людей, окружающих меня, чем глубже и шире их свобода, тем распространеннее, глубже и шире становится моя свобода”. Свобода нужна для полного развития индивидом всех своих способностей и полного пользования ими путем воспитания, научного образования и материального благополучия. Отсюда следует, что свобода, по Бакунину, есть не самоцель, но то обязательное условие, наличие которого обеспечивает реализацию идеала будущего — анархо-коллективистской организации общества.

С высоты своего идеала Бакунин опять возвращается к анализу сущности государства, его природы. Свобода никогда не уживается с политической властью, поэтому все властное, все построенное на принуждении должно безоговорочно отвергаться. Всякое государство по условиям и цели своего существования

составляет диаметрально противоположность человеческой справедливости, свободе и нравственности. И поэтому нет большой разницы между полуварварской Российской империей и самым цивилизованным государством Европы.

Суть всякой государственной власти, всякого правительства в порабощении народа. Для народа, для трудящихся государство всегда останется тюрьмой, "хотя бы оно десять раз назвало себя народным и было разукрашено наидемократическими формами". Следует иметь в виду, что бакунинский пафос отрицания государственности во многом основывался на анализе действительных противоречий и антагонизмов современного ему буржуазного общества. "Граждане и рабы — антагонизм, существовавший в древнем мире и в рабовладельческих государствах нового типа. Граждане и рабы, т.е. принужденные работники, рабы если не по праву, то на деле, — вот антагонизм современного мира. Подобно тому, как древние государства погибли от рабства, так современные государства погибнут от пролетариата".

Вред государства проистекает, согласно Бакунину, из его эксплуататорской роли по отношению к обществу и личности. Государство "всегда гарантирует... одним — их богатство, другим — их бедность; одним — свободу, основанную на собственности, другим — рабство, неизбежное следствие их нищеты; и оно заставляет нищих вечно работать и в случае надобности умирать для увеличения и сохранения богатства, которое является причиной их нищеты и их рабства. Такова истинная природа и истинная миссия государства".

Резкие контрасты наблюдаются и в правовых взглядах Бакунина. Все позитивные законы являются внешне навязанными, а потому деспотическими установлениями, они порабощают человека и одновременно развращают самих законодателей. Они враждебны свободе и противоречат естественному (человеческому) праву. В работе "Кнута-Германская империя" Бакунин провозглашал: "Одним словом, мы отвергаем всякое привилегированное, лицензионное, официальное и легальное, хотя бы и вытекающее из всеобщего избирательного права, законодательство, власть и воздействие, так как мы убеждены, что они всегда неизбежно обращаются лишь к выгоде господствующего и эксплуатирующего меньшинства в ущерб огромного порабощенного большинства. Вот в каком смысле мы действительно анархисты". В "Революционном катехизисе" (1868) Бакунин выдвинул требование отмены всех действующих в европейских странах гражданских и уголовных кодексов на том основании, что они противоречат "общечеловеческому праву".

Праву политическому, официальному Бакунин противился в не меньшей степени, чем, скажем, навязыванию догматов религии и церкви, оправданию привилегий богатства, знатности. За всеми этими явлениями он видел скрытое насилие и политическое принуждение, т.е. антигуманную порабощающую власть. Поскольку всякая власть, в представлении анархиста, зиждется на насилии, на пренебрежении к человеческой воле, то для того, чтобы уцелеть, она стремится расширить свои полномочия и свое воздействие путем подавления инициативы личности, группы и вообще любого объединения людей при помощи закона — закона собственного изготовления.

Свобода человека должна соизмеряться, подчеркивал Бакунин, не с той свободой, которая отмерена и пожалована государством и его законами, а с той свободой, которая есть отражение "человечности" и "человеческого права"

в сознании всех свободных людей, относящихся друг к другу как братья и как равные.

Что же противопоставлял теоретик анархизма юридическому закону? В этом пункте его программа была расплывчата и лишена концептуальной завершенности. Он ратовал, как всегда, за абсолютную неприкосновенность и неотчуждаемость личной свободы и обращал свой мысленный взор на "рациональное", т.е. разумное, естественное, человеческое право. "Необходимо проводить четкое различие между историческим, политическим и юридическим правом и рациональным или просто человеческим правом. Первое правит миром вплоть до сего часа, заставив его смириться с кровавой несправедливостью и угнетением. Второе право станет орудием нашей эмансипации".

Ополчаясь против права — привилегии, возникающей из насилия над людьми, Бакунин вслед за многими социалистами в основу правовых отношений идеального общества положил труд. "Труд — основа достоинства человека и его права. Ибо лишь свободным разумным трудом творит человек цивилизованный мир, сам, как творец, отвоевываая у внешнего мира и у собственной животной природы свое человеческое естество и свое право".

Свои мечты о свободном безгосударственном обществе, основанном на социальной справедливости, об анархистской федерации, столь напоминающей прудоновский идеал, Бакунин надеялся осуществить посредством народного бунта, носящего массовый и в немалой мере стихийный характер. В этом особенность бакунинской тактики, специфика этого направления в народническом движении.

Бакунин отрицал основную идею программы Лаврова — о необходимости пропаганды социализма "в народе". Он считал, что в силу своего невежества, забитости, набожности и веры в царя русский крестьянин не в состоянии усваивать социалистические теории. Однако Бакунин отмечает практическую сметку русского крестьянина, его природный ум и выделяет его особое свойство — готовность к бунту. В подтверждение этой мысли он обращается к истории восстаний Пугачева и Разина, которых объявляет первыми революционерами, к распространенности и популярности в народе явления разбойников. Разбой назывался им "почетнейшей формой русской народной жизни". В работе "Постановка революционного вопроса" читаем: "Разбойник — это герой. Защитник, мститель народный, непримиримый враг государства и всего общественного и гражданского строя... боец на жизнь и на смерть против всей чиновно-дворянской и казенно-поповской цивилизации".

Да и сам "народ наш глубоко и страстно ненавидит государство, — продолжает Бакунин. — Ненавидит всех представителей его, в каком бы виде они перед ним ни являлись". Он отгородился от государства общиной и признает над собой только власть местного самоуправления. Исторический облик народов, по Бакунину, проявляется в их отношении к социальной революции (народы, "способные" к революции и "неспособные" к ней). Наш народ способен к социальной революции, он "бунтарь по натуре", из глубины народного духа в стране возникнут "новые формы свободной общественности". Эта идея о революционной избранности русского народа импонировала многим народникам.

Русское государство Бакунин рассматривал как институт, противостоящий народу. В пореформенный период, отмечал он, государство в полной мере рас-

крыло свою антинародную сущность, "окончательно раздавило, развратило русскую общину, уже и без того развращенную своим патриархальным началом". Единственным выходом из создавшегося положения объявлялся для отдельных лиц разбой, "а для целого народа — всеобщий бунт, революция". Перед грядущим бунтом Бакунин ставил две задачи: в экономической сфере — социальная революция, в политической — разрушение государства.

Политическая борьба, выставление общедемократических требований не нужны, ибо в русских условиях такое направление борьбы выгодно одной буржуазии. Социальный переворот автоматически принесет с собой политические свободы. Добиваться же политических свобод до социального переворота — это значит играть на руку еще неокрепшим капиталистам. Поскольку единственно реальной политически сознательной революционной силой является интеллигенция, постольку именно российский "умственный пролетариат" должен поднимать на революцию мужика, этого "прирожденного бунтаря", должен выступить "приготовителем, то есть организатором, народной революции".

Все попытки бунтарей осуществить немедленно всеобщую социальную революцию без политики окончились неудачей и послужили горьким уроком для русских социалистов. Тем не менее в "Прибавлении А" к "Государственности и анархии", полемизируя с Лавровым и его программой "Вперед!", Бакунин доказывал, что ставка на предварительное разъяснение идей социализма ошибочна, ибо народ имеет свой давно выношенный идеал. "Первая и главная черта — это всенародное убеждение, что земля, вся земля, принадлежит народу, орошающему ее своим потом и оплодотворяющему ее собственноручным трудом. Вторая столь же крупная черта, что право на пользование ею принадлежит не лицу, а целой общине, миру, разделяющему ее временно между лицами. Третья черта одинаковой важности с двумя предыдущими — это квазиабсолютная автономия, общинное самоуправление и вследствие того решительно враждебное отношение к государству".

Народный прогрессивный идеал не мог быть осуществлен до сих пор потому, что мешали такие черты русской жизни, как патриархальность, поглощение лица миром и вера в царя. Что касается православия, веры, то они в России не имеют такого значения, как католицизм и вообще религия в Западной Европе. Все эти негативные явления не могут сдерживать русской социальной революции, ибо в стране присутствуют два важных ее условия — нищенское положение народа и его забитость, рабство. Чем хуже условия жизни масс, тем вероятнее взрыв. Надо лишь добиться истинной социально-революционной комбинации — соединить революционный инстинкт мужика с идейностью интеллигенции, которая, "проведя между общинами живой ток революционной мысли, воли и дела", заинтересовав революцией "лучших крестьян", сможет "поднять вдруг все деревни". Задача интеллигенции — вызывать эти бунты, не ожидая, когда пропаганда социалистических идей приведет к благим результатам и сознание мужика окончательно просветится.

В действительности народникам-бакунинцам не удалось поднять не только "все деревни", но хотя бы отдельные районы. Их волевые импульсы мало влияли на общинно-патриархальное сознание русского крестьянина. Бакунизм не смог из теории стать революционной практикой и привести к победе революции. Хотя влияние анархизма сохранялось еще долго.

ЛЕКЦИЯ 14. Русский бланкизм. П.Н. Ткачев

Корни русского бланкизма уходят в глубинные пласты радикальных заговоров, восстаний и войн за волю и лучшую долю народа. Генетически он не связан непосредственно с историческим бланкизмом как таковым. Наш бланкизм — явление самобытное. Его зарождение и последующее развитие находятся как бы за пределами внешней связи с концепцией революционного действия и преобразования государства, которая развивалась коммунистом-утопистом, деятелем революций 1830 и 1848 годов, членом Парижской Коммуны Луи Огюстом Бланки.

В то же время связь между русским бланкизмом и бланкизмом историческим присутствует в том смысле, что освободительный процесс в России шел под постоянным воздействием идейных импульсов и революционных уроков Запада. У них общие формы заговорщичества и идейные предпосылки: оба порождены в конечном счете кризисом просветительской мысли, которая питала общеевропейскую борьбу за "государство разума". Этот кризис в своем преломлении на русской почве обнаружил себя уже в сознании первого русского революционера Радищева — отказом в результате кровавого опыта якобинского террора от ставки на народ, сомнением в его готовности к политическим действиям. Это относится и к декабристам.

Бланкизм обладает двумя атрибутами: идея заговора и идея диктатуры революционного меньшинства. Сфокусированные в концепции военной революции декабристов, они исключали народ из непосредственного политического действия исходя из сознания его неподготовленности для этого и, с другой стороны, из убежденности, что откладывать на неопределенное будущее судьбу страны невозможно, что народ должен быть освобожден от ига крепостного права и гнета самодержавия. Иными словами, революция, совершаемая во имя народа, но помимо народа. И именно потому чем более радикальной была программа, тем антидемократичнее становились способы ее реализации: радикализм находился в обратном соотношении с реальными предпосылками, фактическими условиями. В своем истоке демократическая идея не была напрямую связана с реальным народом. Идея народного благоденствия, воодушевлявшая декабристов, могла быть практически реализована только помимо народа, которому были абсолютно чужды их политические планы.

Декабризм выявил противоречивые начала просветительской юриспруденции, согласно которой постулат "миром правит разум" санкционировал право мыслящего меньшинства вершить историю по своей воле. Волевое начало становилось доминантой политики, обозначался разрыв между объективными возможностями и возможным разрешением осознанных политико-правовых проблем. В этом корни бланкизма как модели преобразований: опережение революционной практикой реальных предпосылок для выдвигаемых справедливых целей. Все это явно обозначилось, но, конечно, только как тенденция уже в декабризме.

Расцвет же русского бланкизма связан с народничеством, когда произошло соединение социализма с революционным действием. Неоправдавшиеся надежды на стихийную крестьянскую революцию в 60-е годы породили новую волну русского бланкизма как теоретической догмы и политической практики. Его ранним манифестом стала прокламация "Молодая Россия" (май 1862). Она дает основание впервые ставить вопрос о непосредственном воздействии на ее провозглашение идей самого Бланки. Но скорее автор прокламации Петр Заичневский

может быть охарактеризован как якобинец, ибо горячую приверженность французской революции, санкюлотам, Робеспьеру он пронес через всю жизнь. И в самой прокламации, в отличие от бланкистской модели революции, нет явно выраженной идеи заговорщической организации, идеи революции-заговора.

Присутствующая в "Молодой России" несомненная непоследовательность в трактовке движущих сил революции связана с сохранившимися представлениями о революционности народа; в то же время делается решительный шаг в сторону организации заговорщического типа и установления диктатуры меньшинства. Установка на заговорщичество уже отчетливо проявила себя в обществе ищутинцев, в создании внутри ее узкой, крайне законспирированной группы "Ад" с ее установкой на террор. Это была прямая реакция на "молчание народа", во всяком случае на отсутствие сколько-нибудь твердых расчетов на его инициативу.

После всего сказанного мы хронологически и логически подошли к тому моменту в истории, когда русский бланкизм начинает в ней четко выкристаллизовываться, питаясь уже определившейся методологией и тактическими идеями, убеждениями. В том, что все эти исходные данные сработали на бланкизм, "повинны" были само время, русская действительность, соотношение борющихся сил.

Появление русского бланкизма как течения революционного народничества, его теоретическая разработка и введение в ткань революционного движения настолько неотделимы от имени П.Н. Ткачева, что синонимом этого понятия стал термин "ткачевизм" (введен Плехановым). Все те процессы, которые происходили в сфере идеологической и практической, отмеченные тенденциями бланкизма, как бы персонифицируются в нем. Петр Никитич Ткачев (1844—1885) вошел в революционное движение, будучи студентом столичного университета. Его имя связано со многими оппозиционными выступлениями молодежи 60-х годов. Он был также одним из членов тайного общества "Народная расправа", где первую роль играл С.Г. Нечаев. Ткачев принял участие в разработке вместе с Нечаевым "Программы революционного действия". Это был документ русского якобизма, в котором социальная революция провозглашалась историческим законом и целью, а политическая революция — средством.

Однако союз с Нечаевым оказался недолгим из-за разгрома организации. Будучи осужден и сослан в имение матери близ Великих Лук, Ткачев сумел бежать за границу (1873). За рубежом он вначале сотрудничал в журнале "Вперед!", но вскоре отошел от этого и стал со своими сторонниками издавать журнал "Набат" (1875). Он становится одним из влиятельных публицистов, направляя стрелы своей критики, с одной стороны, против анархизма, с другой — либерализма. Радикализм, бланкизм и некоторые организационные принципы Ткачева дали повод отдельным западным политологам изображать его "основателем большевизма". Подобные оценки вульгаризируют действительное соотношение взглядов Ткачева и Ленина. Выявляя некоторые черты сходства, они пренебрегают существенными различиями.

Ткачев утверждал, что воспитательно-пропагандистская работа должна начинаться не до революции, а после. Пропаганда только тогда станет действенной, целесообразной, когда власть будет сосредоточена в руках революционной партии, не останавливающейся перед диктаторскими средствами. Следовательно, не пропаганда предшествует социальному перевороту, а, напротив, социальный переворот предшествует пропаганде. В пылу полемики Ткачев прибегал к резким

и не всегда справедливым оценкам, называя, например, единомышленников Лаврова — сторонников предварительной пропаганды в народе “революционерами-реакционерами”.

Своеобразие момента заключается в том, убеждал он народников, что крестьянская революция, которую давно ожидают русские революционеры, пока не наступает. В то же время самодержавие в стране не имеет прочной социальной базы, “висит в воздухе”. Создается исключительное, редчайшее в истории положение, когда сравнительно небольшая группа заговорщиков может, устранив самодержца и его окружение, захватить политическую власть и осуществить революцию. Он убеждал русских социалистов: “Наша единственная задача — терроризировать правительственную власть, весь вопрос сводится к приобретению силы власти, которая теперь направлена против нас”.

Ткачев в “Набате” сводил революционное движение во многих странах главным образом к деятельности различных тайных обществ, организации заговоров. Поэтому и наши революционеры, считал он, должны направить свои основные усилия на заговорщическую деятельность. Неудачи заговорщической тактики французских социалистов (“заговор равных” под руководством Бабёфа и Буонаротти, многочисленные заговоры О. Бланки) он рассматривал не как противоречие своим взглядам, а как недостаток их подготовки и организации. Если бы революционеры сосредоточили на заговоре все усилия, это неизбежно принесло бы плоды.

Ткачев признавал, что в России развивается капитализм и, вероятно, будет развиваться через какое-то время еще более бурными темпами. Но пока (т.е. в 70-х годах) капитализма как общественной системы в России не существует. Самодержавие, осуществив реформу 1861 года, поссорилось с крепостниками и не нашло опоры в буржуазии, которая все еще немногочисленна. Поэтому теперь оно является надклассовым образованием. Абсолютистское государство, писал русский бланкист, только издали кажется силой. Оно, в сущности, не имеет прочных корней в экономической жизни народа, не воплощает в себе интересы сословий. Такие минуты нечасты, писал Ткачев в “Набате”. Пропустить их — значит добровольно отсрочить возможность победы социальной революции надолго, а быть может, и навсегда. “У вас, — обращался Ткачев к западному читателю, — государство вовсе не мнимая сила. Оно обеими ногами опирается на капитал, оно воплощает в себе известные экономические интересы... Наша общественная форма обязана своим существованием государству, которое, так сказать, висит в воздухе, не имеет ничего общего с существующим общественным строем и корни которого находятся в прошлом, а не в настоящем”.

Общие контуры своей тактики революции применительно к российской действительности Ткачев изложил в “Открытом письме господину Фридриху Энгельсу”. Отсутствие городского пролетариата, свободы печати, представительных учреждений, условий для легальной пропаганды и ряд других факторов делали невозможным использование в России тех средств борьбы, которые практиковались на Западе.

Ткачев доказывал, что, несмотря на забитость и невежество русского народа, он обладает такими преимуществами, которые свидетельствуют о том, что Россия “стоит гораздо ближе к социализму, чем народы Западной Европы”. К этим преимуществам он относил отсутствие “средних классов”, наличие общинного владения землей, в результате чего народ якобы представляет собой комму-

ниста по традиции. Следует подчеркнуть, что уже в письме к Ф. Энгельсу Ткачев выступает "государственником", требует от "партии действия" строгой дисциплины и организации.

В ряде статей журнала "Набат" Ткачев завершил формирование своей юриспруденции. Он определил ближайшую цель революции как захват политической власти путем государственного заговора и создание революционного государства. Эту цель осуществляет революционное меньшинство. "Но захват власти, являясь необходимым условием революции, не есть еще революция. — писал Ткачев. — Это только ее прелюдия".

Социальная революция осуществляется со временем революционным государством, которое предварительно должно подготовиться для этой миссии. Во-первых, оно должно укрепить свою власть, окружив себя органами народного представительства, и "санкционировать их волей свою реформаторскую деятельность". Последняя должна быть революционно-разрушительной и революционно-устроительной. Первая "уничтожает консервативные и реакционные элементы общества, упраздняет все те учреждения, которые препятствуют установлению равенства и братства"; вторая "вводит в жизнь учреждения, благоприятствующие их развитию". Первая опирается на насилие, требует строгой централизации, дисциплины, единства действий, решительности. Вторая, напротив, опирается на силу нравственности, убеждения, апеллируя к народной воле. Во-вторых, революционное государство должно широко развернуть революционную пропаганду и благодаря ей втянуть в революционный процесс широкие народные массы, переведя тем самым политический переворот в социальную революцию.

Душой революции, ее организатором и идейным вождем у Ткачева выступает революционное меньшинство. Народу он отводил только разрушительную роль, да и то с большими оговорками. Это вполне согласовывалось с его пониманием степени консерватизма русского мужика. Однако он предполагал, что крестьянство не откажет революционному меньшинству "в своей пассивной поддержке", поскольку революционный идеал интеллигенции "в своих общих чертах есть тот же консервативный идеал народа, только полнее и всестороннее развитый в известном, определенном направлении".

В целом формула социальной революции Ткачева такова: "Революционное меньшинство, освободив народ из-под ига гнетущего его страха и ужаса перед властью предрержащею, открывает ему возможность проявить свою разрушительно-революционную силу; опираясь на эту силу, искусно направляя ее к уничтожению непосредственных врагов революции, оно разрушает охраняющие их твердыни и лишает их всяких средств к сопротивлению и противодействию. Затем, пользуясь своею силою и своим авторитетом, оно вносит новые, прогрессивно-коммунистические элементы в условия народной жизни, сдвигает эту жизнь с ее вековых устоев, одухотворяет ее очолевшие и заскорузлые формы".

Ткачев отмечал, что эта формула является выводом о характере и возможных пределах действительной революционности русского народа, сделанным на основе изучения реальных фактов. Тут он явно спорил с бакунинцами-бунтарями. При этом он верно считал, что в общине наряду с чувством мирской солидарности в пореформенный период стали быстро вызревать индивидуалистические тенденции. Опыт "хождения в народ" убедительно показал, что крестьянин весьма смутно понимает идеалы социализма и даже враждебно относится к его пропагандистам. Такой крестьянин, и в этом Ткачев был прав, меньше всего

будет думать “на второй день революции” о реализации социалистического идеала, а постарается максимально закрепить свои личные блага и, не переступив границ своих консервативных представлений, вернуться в “святая святых” — “в свой мир, в свою общину”.

Орудием захвата власти является подпольная организация революционеров, а главным средством осуществления преобразований — революционное государство. Это был существенный удар по анархизму народников. Революционное государство у Ткачева существует на протяжении целой исторической эпохи и осуществляет “социальную революцию рядом реформ в области экономических, политических и юридических отношений общества”. В переходный период мыслилось преобразовать русскую общину в общину-коммуну, постепенно ввести новые общественные учреждения, постепенно экспроприировать частную собственность и передать ее в общее пользование, развить общинное самоуправление и затем постепенно упразднить принудительные функции государственной власти.

Продолжая традицию шестидесятников, Ткачев произвел прорыв в их доктрине, провозгласив необходимость политических преобразований как самостоятельных и первоочередных. Тем самым были выявлены противоречия между социалистическими идеалами народников и действительностью, сделан шаг вперед и в теории, и в самом движении концепции русского социализма. Но Ткачев свел смысл концепции русского социализма до революции-заговора, что обусловило сужение в ней понятия самих движущих сил революции. В итоге началось антидемократическое перерождение.

При всей близости платформы народников и платформы Ткачева с соратниками они не идентичны. Суть различия — в отношении к народу. Ткачев как мыслитель выразил крайний предел радикализма в истории оппозиционной юриспруденции — предел, который, по существу, оказался для движения тупиковым.

Отступление от демократической первоосновы идеи социализма, его гуманистической сущности, заложенное в концепции Ткачева, находило питательную почву в исторических условиях России, порождавших трагическое противоречие между идеалом и действительностью.

И тем не менее русский бланкизм, несомненно, наложил свой отпечаток на идейное формирование большевизма, на осуществленную им модель революции и социалистического переустройства России.

ЛЕКЦИЯ 15. **Либеральное народничество.** **Н.К. Михайловский**

Либеральное (легальное) народничество — не очень строго оформленное, но совершенно определенное течение, исповедующее последовательный крестьянский демократизм без тяготения к революционности, — начало складываться в первые пореформенные годы вследствие расслоения народнических рядов из-за разной оценки реформы 1861 года и ее последствий. Те из народников, кто приветствовал реформу, считая ее основой достижения русского социализма, стали первыми легальными народниками.

Несмотря на неоднородность, это течение все же имело определенные типологические черты, которые формировались постепенно. Именно наличие этих

черт и проявление их в позиции того или иного представителя народничества толкали к объединению. Это объединение, в конце концов, и произошло — сначала вокруг газеты “Неделя” на одной платформе и в одном составе сотрудников, затем вокруг обновленной редакции журнала “Русское богатство” на другой платформе и в другом составе.

Процесс этот был сложным и противоречивым, и некоторые его моменты могут показаться просто парадоксальными. Например, неопровержимым является тот факт, что одним из первых, кто решительно восстал против появившихся в прессе программных деклараций либеральных народников, был не кто иной, как Михайловский — будущий вождь и главный идеолог либерального народничества. Но парадоксальность этого факта немедленно исчезает, если посмотреть на него через призму историзма. События происходили во второй половине 70-х годов, когда Михайловский, как свидетельствуют многие исследования, стоял ближе к революционным, нежели к либеральным, народникам.

Для возникновения либерального народничества имелись основательные предпосылки в самой действительности. “Хождение в народ”, на которое народники очень рассчитывали в своих революционных помыслах, с весны 1874 года терпело одну неудачу за другой. Народ вопреки ожиданиям самоотверженных “ходов” оказался не готов не только к бунту, но и к восприятию их пропагандистских увещеваний. Довольно реалистическую картину встречи “ходов” с народом нарисовал бывший народник, ставший консерваторм, Л.А. Тихомиров. Народник, писал он, “нашел массу, только что освобожденную царем, наделенную землей массу, сплоченную в общество, которое твердо сознавало, что оно и политически организовано — величайшею силой общего повелителя и попечителя — царя. Мужик даже и “барина” не отрицал по существу как слугу царского. Мужик этот серьезно верил в Бога, был в значительной степени идеалист и лучшие свои думы направлял не на комфорт житейский, а куда-то туда — в непонятную пропагандисту небесную высоту... Мужик, источник “коллективной мысли”, встречал “расстройщиков” чересчур нелюбезно и “представлял” их “куда следует” так неукоснительно, как еще и не видывала интеллигенция ни в одном дотоле известном ее слое населения”.

Народники-ходы встречались не только с неожиданным для себя сопротивлением крестьян их революционным призывам, но и со столь же неожиданной прочностью существующего самодержавного строя, который представлялся находившейся в угаре революционных иллюзий молодежи прогнившим и дышащим на ладан. Результат известен: народничество раскололось. Одна часть ушла в еще более глубокое подполье, стала исповедовать тактику заговора, переворота, политического террора. Другая часть, убедившись в безрезультатности и бесполезности затеянной кампании, решила, что народ сначала надо просветить, а кое-чему и поучиться у него. Для выполнения такой миссии можно было больше не испытывать судьбу и полностью легализоваться. Так появилось на свет либеральное народничество.

Окончательно оно сложилось в атмосфере 90-х годов, когда шли бесконечные ожесточенные полемические турниры между народниками и марксистами. Со времени знаменитых споров между западниками и славянофилами русское общество еще не переживало такого острого пароксизма идейной борьбы. Но если полемика между западниками и славянофилами велась в свое время в четырех стенах немногих салонов, в среде избраннейших кружков передовых мыс-

лителей, то споры между нынешними оппонентами захватили самые широкие общественные круги и одно время, можно сказать, почти всецело наполнили собою содержание политических дебатов. Доходило до того, что любому интеллигенту, где бы он ни появлялся, прежде всего предлагали вопрос: вы марксист или народник?

Длительное время в науке замалчивалось это течение юриспруденции, а если и шел о нем разговор, либеральное народничество оценивалось однозначно отрицательно с помощью цитат из антинароднических произведений молодого В.И. Ленина. До спокойного анализа правосознания представителей этого направления дело не доходило. Между тем идеи либеральных народников нашли значительный отклик в среде русской интеллигенции: сформировался так называемый третий элемент в земствах, а земские учителя, врачи, статистики много сделали для просвещения крестьянства, для защиты его интересов, улучшения жизни, быта, здоровья.

Либеральное народничество развивалось вплоть до 1918 года. Poleмика марксизма и этого течения в 90-х годах вряд ли окончилась победой первого, как утверждала официальная историко-партийная наука в советское время. Уже после его "полного идейного разгрома" марксизмом, по версии известного курса истории ВКП(б), либеральное народничество продолжало существовать в виде партии народных социалистов, а в I и II Государственных думах именно либеральные народники имели особенно большое влияние на крестьянских депутатов.

Основным вопросом для них был крестьянский, а именно — положение русского мужика, в те годы подвергаемого нестерпимым поборам, притеснениям и даже телесным наказаниям. Именно из отношения к главному кормильцу страны проистекала оппозиция либеральных народников к правительству, к наступающему в деревне капитализму в виде кулака, ростовщика и... к марксизму. Русские марксисты в то время постоянно клеймили мелкобуржуазную сущность крестьянства в целом, цитировали слова "Коммунистического манифеста" об "идиотизме деревенской жизни". В распространении подобных оценок либеральные народники видели опасность не только для самого крестьянства, но и для всей страны.

Авторы "новых слов" в народничестве — П. Червинский, И. Каблиц, Я. Абрамов, В. Воронцов и др. — выражали разные оттенки либерально-народнической мысли, которая с самого начала никогда не была теоретически однородной. Но в целом эта мысль имела одно общее свойство: она больше не подталкивала интеллигенцию на разжигание крестьянского бунта. Одни считали революционные теории вообще явлением чужеродным, заимствованным с Запада, несовместимым с национальным характером и духом русского народа, прежде всего крестьянства, и призывали интеллигенцию прекратить смотреть на Отечество сквозь "европейские очки". Другие видели выход в том, чтобы мирным путем добиваться для интеллигенции тех свобод, которые уже имелись на Западе, чтобы с их помощью (в первую очередь свободы печати) добиваться различных благ для народа. И те, и другие провозглашали основой своей деятельности "малые дела".

"Малые дела" — это путь кооперации, создания ссудно-сберегательных касс, организация артельной формы хозяйства, устранение препятствий для процветания общины, забота о местном самоуправлении, земская деятельность в деревне врачей, статистиков, учителей, помощь в организации сбыта крестьянами

и кустарями их продукции, в приобретении ими агрономических знаний и сельскохозяйственной техники, юридическая, организационная и материальная помощь переселенцам, борьба со злоупотреблениями местной власти. Все эти и многие другие дела, которыми легальные народники занимались, якобы должны были приблизить Россию к социалистическому идеалу. В основе программы "малых дел" лежала кооперативная теория развития человечества Михайловского, имеющая много общих черт с концепцией Прудона, о чем речь ниже.

Характерная черта этого течения — ставка на определяющую роль интеллигенции в преобразовании России. Революционное народничество тоже страдало от этого изъяна, но оно при этом рассчитывало, что усилия интеллигенции в освободительном движении будут поддержаны крестьянскими бунтами, а затем, разуверившись в потенциале крестьянской массы, стало надеяться на собственные силы, на действия своей заговорщической организации.

В легальном народничестве руководящую роль разночинцев предполагалось реализовать мирными действиями, направленными на укрепление общины, артельных кустарных промыслов и прочих атрибутов, ячеек будущего социалистического строя. При этом, в отличие от революционного народничества, легальное все больше апеллировало к царской власти, полагая, что только из-за ее политики благоприятствования капитализму он развивается в России. А следовательно, если объединить усилия передовой интеллигенции и правительства в его сдерживании, то развитие России по иному, самобытному пути будет обеспечено.

Восприятие государства как надклассовой силы было свойственно и другим народникам. Но комплименты в адрес власти, апелляции к престолу с призывом сдерживать наступление капитализма, помочь интеллигенции "тащить историю" в другом направлении — это было уже характерной чертой либерального народничества. Так, Воронцов с особой настойчивостью утверждает, что настоящим обладателем богатства в России является государство, а не привилегированные классы, что последние обязаны своей силой и влиянием только ему. Поэтому, считает он, демократическая интеллигенция при осуществлении своих практических требований "будет иметь успех, лишь насколько заинтересует в этих требованиях государство".

Либеральные народники не питали интереса к политическим преобразованиям. Они всячески подчеркивали своеобразие русской юриспруденции, считая, что каждое государство должно идти национальной дорогой, что элементы парламентаризма "не выработались нашей историей" и нельзя ожидать их появления в скором будущем. Конституция для них тоже не была самоцелью. Всею свое время! Главное — не буква, а дух закона, который определяется оригинальным социальным устройством деревни (община, мирские порядки), чистотой правосознания народа. Интеллигенция должна не столько учить народ, как надо жить, сколько учиться у него общности, коллективизму, нравственности. Интеллигенция должна прекратить "трепать" заграничные формулы, "мудрить над русской жизнью по иностранным образцам и книжкам". Ибо Россия несет в себе черты большого своеобразия, и эти черты — производное вовсе не ее отсталости — они объясняются "своеобразным складом общества" в ней.

Вдали где-то маячил социализм, который либеральные народники считали возможным построить в России, минуя капитализм, с помощью крестьянской общины и живых традиций мирского самоуправления. Среди способов осуществления желанных целей революционное насилие привлекало их гораздо меньше,

чем путь постепенного мирного преобразования действительности. Они не могли не впитать скептицизм их идейного учителя-кумира Михайловского, периодически выражаемый им по отношению к результатам революционных бурь, к "безоблачно радостным прогнозам" на этот счет. Более того, Михайловский предупреждал, что "русское народное восстание может выставить гениального честолюбца Цезаря... перед которым покорно склонит голову несчастная Родина".

В целом либеральные народники выражали устремления крестьянской массы в борьбе против остатков крепостничества в пореформенной деревне. Они хотели подтолкнуть правительство к преобразованиям в интересах народа, обосновать переход с прусского на американский путь развития сельского хозяйства, хотя и при сохранении, защите общинных порядков.

Что касается оценки их идеала, то здесь основные оппоненты легальных народников — Плеханов и Ленин где-то были правы. Это был утопический (мелкобуржуазный) социализм, в корне противоречащий тогдашней расстановке политических сил. Ведь их главная ставка — на общину — в той действительно была иллюзорной, так как община разлагалась, в ней выделялись кулаки, середняки, бедняки со своими позициями и интересами. Эту тенденцию видели не только марксисты, но и консерваторы, о чем свидетельствуют работы Победоносцева, Леонтьева. Что касается других черт их идеала: ставка на развитие кооперации, трудовую основу частной собственности, солидарность и гармонию интересов всех социальных групп, гуманизм, справедливость, долг и честь (этику), — то они, без сомнения, в нынешнем временном ракурсе выигрывают по сравнению с негативными чертами реального социализма, существовавшего в России после 1917 года. Но ведь все утопии правы во всемирно-историческом смысле, опрокинутые в будущее, а не настоящее, и здесь этико-гуманный социализм либеральных народников не представляет никакого исключения.

Признанным идейным вождем либерального народничества был **Николай Константинович Михайловский** (1842—1904). Происходил он из небогатой дворянской семьи, получил хорошее естественнонаучное образование в Петербургском институте корпуса горных инженеров, где учился два года, но в 1863 году был исключен оттуда за участие в студенческих волнениях, поэтому в дальнейшем вынужден был пополнять свои знания путем самообразования, что было весьма характерно для многих деятелей того времени.

Михайловский — одна из крупнейших фигур в пореформенной юриспруденции. Эрудит в общественных науках, талантливый публицист, он оказывал заметное влияние на идейную жизнь общества. Свои важнейшие работы он опубликовал в народнических изданиях, а с 1892 года до конца своих дней являлся редактором органа либеральных народников "Русское богатство". Его труды ("Теория Дарвина и общественный прогресс", "Что такое прогресс?", "Записки профана", "Борьба за индивидуальность", "Герои и толпа", "Философия истории Луи Блана", "Письма о правде и неправде" и др.) пользовались широкой известностью среди образованных людей 70—90-х годов.

Он выступал с критикой западных мыслителей, защищавших капитализм (Спенсер), в защиту свободы личности и человеческого достоинства, разоблачал самодержавие, различные формы неравенства, отстаивал интересы людей труда. Большой популярностью среди демократической интеллигенции пользовались его яркие выступления на темы о правде (справедливости), важности осознания гражданского долга за судьбы страны, о роли социалистического идеала, о пред-

назначении интеллигенции в борьбе за свободу и демократию. Имя Михайловского по праву вписано на обелиске у Кремлевской стены в ряду выдающихся социалистов всего мира.

Славу Михайловскому принесла статья "Что такое прогресс?" (1869), принятая молодежью в качестве теоретического манифеста вместе с "Историческими письмами" Лаврова. Прогресс в его учении связан с правами и свободами личности или борьбой за индивидуальность, что было в корне противоположно ставшей тогда модной в России концепции Спенсера, где личность сведена на положение простой части от государства, а прогресс понимался как переход от однородного к разнородному, как восхождение от простого к более сложному, как развитие от общего к частному путем дифференцирования или расчленения. Михайловский оспаривает такое понимание прогресса, заявляя, что оно верно лишь в отношении к органическому (растительному и животному) миру, но его нельзя распространять на государство, на личность как целостный индивид.

Михайловский отвергает органическую теорию Спенсера с ее аналогией государства с теми или другими биологическими существами низшего или высшего порядка. Спенсер, на его взгляд, игнорирует то обстоятельство, что в истории прогресс общества в целом не всегда сопровождается прогрессом личности, что между прогрессом общества и развитием индивида нет тождества, которое отстаивает английский мыслитель. "Эти два вида прогресса не всегда безусловно совпадают и в сумму цивилизации входят иногда неравномерно".

Чтобы показать несостоятельность концепции Спенсера, Михайловский рассматривает положение личности в различных типах обществ, возникших в результате разделения труда и кооперации между людьми. Он выделяет простую и сложную кооперацию. Простая кооперация однородна в социальном отношении. Это общественный союз равных, в котором все люди выполняют одинаковые функции, имеют одни и те же интересы независимо от разнообразия профессий. Ее главный признак — солидарность. Совершенно иное образование — сложная кооперация. Она предполагает развитое разделение труда и, следовательно, существенные различия людей по их роли и месту в государстве. В ней объединяются разнородные социальные группы и царит не солидарность, а политическая борьба.

Первый тип общества — доисторический. Это первобытное общество, где все его члены представляют почти совершенно однородную массу, занимаются одним и тем же делом, обладают одними и теми же сведениями, имеют одинаковые навыки, нравы и обычаи. Однако здесь индивид разнороден в том смысле, что он может быть и рыбаком, и охотником, и пастухом, и пахарем, и воином; может сам строить себе жилище, изготавливать лодки, оружие, обрабатывать землю, пасти скот. При таком положении первобытный человек автономен и универсален, выступая для своего времени всесторонне развитой личностью.

Второй тип общества, присущий цивилизации, основан на сложной кооперации с разделением труда, с превращением человека в подчиненный и деградирующий придаток, с дифференциацией на управляющих и управляемых, на землевладельцев и крестьян, на рабов и господ. Такое общество делает шаг от однородности к разнородности, тогда как члены (неделимые) общества, наоборот, переходят от разнородности к однородности, где одни функции развиваются за счет подавления других, одна деятельность — за счет заглушения других. Раньше человек как член однородного общества был цельной личностью и развивался гармонически. С разделением труда и узкой специализацией цельная лич-

ность начинает развиваться в одностороннем плане, неделимое от разнородности переходит к однородности, т. е. личность не прогрессирует, а регрессирует. И хотя общий уровень развития общества достигает высокой степени совершенства, общий уровень развития личности, неделимого, падает: личность из универсала далекого прошлого превращается в узкого специалиста, из коллективиста в индивидуалиста, из целостного индивида в частный орган.

Третий тип общества — социализм, где со временем возродятся отношения простого сотрудничества. Индивидуальность как “совокупность всех черт, свойственных человеческому организму вообще”, достигнет высшего своего проявления. Человек снова, но теперь уже, в отличие от первого типа общества, сознательно станет мерилom вещей. Прогресс и есть движение к этому типу общества, это “постепенное приближение к целостности неделимых, к возможно всестороннему разделению труда между органами и возможно меньшему разделению труда между людьми. Безнравственно, несправедливо, вредно, неразумно все, что задерживает это движение. Нравственно, справедливо, разумно и полезно только то, что уменьшает разнородность общества, усиливая тем самым разнородность его отдельных членов”.

Беда Спенсера, согласно Михайловскому, заключается в том, что он механически перенес объективный метод из биологии на политико-правовые явления. Поэтому объективный метод в юриспруденции должен быть заменен методом субъективным, который сможет, в конце концов, дать положительные результаты в понимании внутренней природы человека, его правосознания, тогда как “объективный метод самым грубым и топорным образом уклоняется от оценки внутреннего смысла явлений и скользит по их внешности”.

Субъективный метод необходим потому, что юриспруденция имеет дело с целесообразными явлениями и процессами и, чтобы понять их, должна принимать во внимание цели людей, подчиняясь которым они делают свою историю. Цель же представляет собой нечто желаемое, должное, т. е. категорию субъективного порядка. А это значит, что наше признание, обращенное к политическим событиям, сопровождается духовно-правовой оценкой; юрист, являясь сторонником известного идеала, исследует историю с точки зрения этого идеала и отыскивает нужные условия осуществления желательного и устранения нежелательного.

С гуманистических позиций Михайловский критиковал социал-дарвинистов в юриспруденции, которые пытались перенести на нее принципы естественного отбора и борьбы за существование, открытые Дарвином в природе. Человек как живой организм вышел из природы, и ему, как всему живому, свойственны питание, приспособление, размножение, старость и смерть. “Но человек, — указывает Михайловский, — растит в себе древо познания добра и зла не для того только, чтобы созерцать его плоды, а для того, чтобы вкушать их. Ему нужны правила поведения. У него есть идеалы, стремления, желания, цели. Ему нужна санкция их. В нем борются мысли и чувства, ища ответа на категорический вопрос: что делать?” Последовательные представители дарвинизма отвечают разное: “Приспосаблийся к условиям окружающей тебя жизни, дави неприспособленных, ибо из этого произтечет вящая выгода для общества”. В этой позиции русский мыслитель усматривает черты регресса, антигуманизма, эгоизма. Он категорически протестует против учения Дарвина применительно к государству и выдвигает свое положение в защиту прав человека. “Из предыдущего следует

заключить, что возможен совершенно противоположный ответ: приспособляй к себе условия окружающей тебя жизни, не дави неприспособленных, ибо в борьбе, подборе и полезных приспособлениях заключается гибель и твоя, и твоего общества”.

Отношения между людьми имеют не столько биологическое, сколько юридическое измерение, в отличие от окружающего их мира. “Как бы мы ни смотрели на явления природы и общественной жизни, — заключает русский гуманист, — но старик Вико во всяком случае прав: история природы отличается от истории человечества тем, что первую мы не делаем, а вторую делали и делаем” и, стало быть, “не можем безропотно отдаваться на волю благодетельной борьбы, подбора и полезных приспособлений”. Человек должен не приспособливаться к окружающей среде, а приспособлять эту среду к себе, борясь против слепых законов, установленных Дарвином, так, чтобы парализовать “невыгоды индивидуальной изменчивости, сохраняя ее выгоды” путем объединения людских сил кооперацией или другими социальными установлениями.

Сильной стороной концепции Михайловского является критика существовавших тогда несправедливых отношений, при которых, считал он, абсолютное большинство трудящихся угнетены, поработены, обречены на изнурительный труд, полуголодное, нищенское существование и не только не могут развить заложенных в них от природы внутренних задатков, но и преждевременно гибнут от нечеловеческих условий жизни. Это положение вызывало у Михайловского негодование, протест и осуждение. Отсюда и его выступления за “целостность неделимого”, права и свободы личности, права человека.

Социал-дарвинистской апологии сильных Михайловский противопоставляет теорию солидарности и борьбу за индивидуальность. Человек живет среди равных, подобных себе по природе людей, борется за свое счастье, которое достигается не в одиночку, а в результате коллективных, объединенных усилий, в результате выработанной солидарности. И как личность, как неделимое целое, как человек он является ядром нашего бытия, за что и следует бороться, всячески противодействуя раздроблению личности и поработению ее.

Обращаясь к государственным деятелям, Михайловский призывал их создавать благоприятную среду для всестороннего и гармоничного развития личности, ограждения ее от произвола сильных мира сего. Любая политическая организация рассматривалась им как нужная, полезная только через призму человеческого измерения эффективности ее деятельности. Общий итог размышлений под стать Канту: “Личность никогда не должна быть принесена в жертву, она свята и неприкосновенна. И все усилия вашего ума должны быть направлены к тому, чтобы самым тщательным образом следить в каждом случае за ее судьбами и становиться на ту сторону, где она может восторжествовать”.

Гражданский и демократический пафос звучит в трактовке Михайловским проблемы роли народных масс и личностей в истории. Русский народник увидел существенный недостаток большинства тогдашних историко-юридических исследований, которые за своим бортом оставляли народ, “громадное большинство серого, труждающегося, обремененного люда”. Верно он подметил и то, что в его время не найдены еще “нити причин и следствий”, связывающие жизнь простого люда с общим ходом истории. А между тем всякий раз, вырываясь на арену истории, народ коренным образом меняет ее направление.

Политические выступления народа, считал Михайловский, имеют два вида: “вольница” и “подвижничество”. “Вольница” — это активный протест против существующих правовых отношений, это возмущение, идущее напролом и готовое смести все препятствия, стоящие на пути. Программа такого выступления ясно не осознана, поэтому преобладает желание вернуться к старым добрым временам, когда жили лучше: господствует извечная ностальгия людей о “золотом веке” и мечта повернуть историю назад, пойти по изведанным тропам, так спокойнее. Напротив, протест “подвижников” пассивен и проявляется в самоотчуждении людей от государства. Это сектанты, раскольники, отшельники, старцы, которые покидают общество, где не могут жить. Но как первые, так и вторые нуждаются в руководстве, в вождях, героях, которые способны увлечь за собой массу “на хорошее или дурное”, “благороднейшее или подлейшее, разумное или бессмысленное дело”. Герой — это не только выдающаяся личность с высокими душевными и природными задатками. Им может сделаться обычный человек, даже ничтожный, “первый встречный”, если создадутся благоприятные обстоятельства для возвышения его авторитета в глазах толпы.

Связка “герой — толпа” у Михайловского скорее биологическое, чем социальное явление. Здесь все основано на подражании, массовом гипнозе или даже психозе. Это “патологическая магия”, рожденная однообразием впечатлений, узостью интересов, недоразвитостью духа. Созданная такой средой глина толпы весьма восприимчива, мягка для рук героя, являющегося необычным внешним раздражителем, своеобразным ваятелем событий. Опустошенное сознание и обессиленная воля людей могут чисто психологически толкнуть их на любое необдуманное действие под первым впечатлением призыва, исходящего все равно от какого героя: авантюриста, чудака, больного, выскочки или человека, бескорыстно служащего народу и зовущего его к высоким идеалам. Таковы, например, крестовые походы под лозунгом освобождения Гроба Господня, “охота за ведьмами”, религиозный фанатизм, расизм, шовинизм. С другой стороны, мир знает и такие проявления стихийной народной энергии, как революции, изгнание тиранов, разрушение тронов, борьба за свободу.

Почему толпа слепа? Михайловский считает это ее патологией, обусловленной ненормальным состоянием общества, основанного на разделении труда. В будущем люди в результате “борьбы за индивидуальность” преодолеют эту болезнь. Полнокровное гармоническое развитие личности превратит каждого в цельное “я”, свободное от односторонности, тогда и толпа будет действовать осознанно, превратится в совокупность личностей. Вышеописанная связка “герой — толпа” совсем исчезнет в результате ликвидации разделения труда, гармонизации правоотношений.

Общество социальной гармонии Михайловский проектировал, ставя во главу угла “человеческую личность, ее судьбы, ее интересы”. Главное в нем — деятельность самой личности, ее труд. Видя в труде “сознательный, целесообразный расход сил”, он отождествляет интересы личности с интересами труда, а народ определяет как “совокупность трудящихся классов общества”. К народу он относил всех, кто зарабатывает хлеб своим собственным трудом. Из этого постулата выводится всеобщая обязанность “служения народу”. Русская интеллигенция имеет гражданский долг перед угнетенными массами. Далее ученый разъясняет: “Служить народу значит работать на пользу трудящегося люда. Служа этому народу, вы не служите никакой привилегии, никакому исключительному

интересу, вы служите просто труду, следовательно, между прочим, и самому себе, если только вы вообще чему-нибудь служите". Если государственные деятели сделали интересы народа "краеугольным камнем политического мышления", если решились следовать "голосу деревни", то они обязаны в "народной правде" научиться отличать дурное от хорошего. А для этого надо выработать собственные принципы. "Служить народу не значит потакать его невежеству или прилагиваться к его предрассудкам, а значит — стоять на страже интересов народа, охранять их от поползновений заведомых врагов и тех лицемерных друзей, которые желают держать его в темноте невежества". Справедливое и гармоническое общество будущего достигается у Михайловского не революционным насилием, а просвещением, кооперированием трудового народа, повышением культурного уровня.

Хотя Михайловский и поддерживал тесные связи с народническим подпольем, но он не верил в конечный успех революционеров, связывая свои надежды с "революцией сверху", с "широким государственным вмешательством", как у Петра I, но без его варварства.

Государство же для него — организация, служащая всем людям, безотносительно к их классовой принадлежности. Поскольку именно государство при поддержке либерального дворянства и чиновничества осуществило "великие" реформы 60-х годов, которые Михайловский в какой-то мере идеализировал, постольку делался вывод, что оно и в будущем способно защищать справедливость, в том числе оградить Россию от "ужасов" капитализма.

Правда, такое понимание государства как общенациональной ценности у Михайловского было непоследовательным. Он то доказывал, что правительство можно убедить в необходимости назревших реформ, то бросался в другую крайность, требуя террористического воздействия на царя и чиновников, если они отказываются служить интересам личности. Но и в последнем случае Михайловский на террор смотрел не как народоволец. Если деятели "Народной воли" покушались на царя в расчете вызвать революцию в народе или, как полагал Ткачев, захватить государственную власть, то Михайловский одобрял теракты как средство подталкивания к мероприятиям в пользу народа.

Реформистская и просветительская тенденции легко обнаруживаются и в его трактовке путей развития России и Европы. Исходя из своей теории прогресса и типов обществ, он делал вывод о том, что крестьянская Россия хотя и отстает от буржуазного Запада по степени технического развития, но зато превосходит его по типу общества, ибо масса трудового люда в ней сохраняет в себе начала простой кооперации, оставаясь "землевладельцами-земледельцами", тогда как на Западе в результате глубоко проникшего в правоотношения разделения труда, отчуждения производителя от средств производства сложилось вредное для природы человека поглощение личности обществом, а само государство приняло тоталитарный характер.

Для того чтобы этот высокий тип общества сохранился в России, нужно защищать сельскую общину как основу будущего социализма. А его созидание Михайловский связывает с развитием кустарных промыслов, производственных артелей, народного кредита. Все эти меры рассматривались как гарантии ограждения мужика от "бурь промышленной конкуренции" и других "грядущих бед капиталистического порядка". Главное — не допустить пролетаризации страны, сохранить орудия труда в руках собственника — крестьянина или кустаря. То-

да не будет в России “рабочего вопроса”, который так остро, по-революционно-му стоит на Западе, требуя “передачи условий труда в руки работника, экспроприации теперешних собственников”. Это, по существу, и означало, что Михайловский выступал как защитник существовавшего в России крестьянского мелкотоварного хозяйства, ориентируя его на демократический американский путь развития без его буржуазных крайностей при сохранении российского самобытного начала — общины.

Вряд ли верна его оценка реформаторских планов как защиты интересов кулачества, на что упирали в своей полемике с либеральными народниками Плеханов и Ленин. Конечно, процесс дифференциации в русской деревне был, и Михайловский видел его, но он хотел его нивелировать посредством гармонизации правоотношений в городе и селе при помощи кооперации. И субъективно, и объективно его планы глубоко народны. И, как свидетельствует нынешняя история кооперативного движения, они могли бы осуществиться в рамках Российского государства, будь оно гибче и ближе к чаяниям народа. Однако правительство не прислушалось к голосу Михайловского, охраняло прежде всего интересы помещиков, а общину хотело не столько реформировать, сколько законсервировать в ней патриархальные, отжившие черты, чтобы использовать ее как полицейское средство в борьбе с крамолой. А когда это ему не удалось, оно, прибегнув к столыпинским мерам, вообще встало на путь ликвидации общины, но об этом более подробно — в следующем разделе.

ЛЕКЦИЯ 16. **Зарождение русского марксизма.** **Г.В. Плеханов**

Русский марксизм как юриспруденция, выражающая интересы прежде всего российского пролетариата, возник в 80-х годах прошлого века. Он использовал готовую и проверенную практикой рабочего движения Западной Европы теорию коммунизма немецких ученых Маркса и Энгельса для ответа на все вопросы государства и права.

С марксизмом как одной из теорий перестройки общества на справедливых принципах, которыми был так богат Запад в XIX веке, в России познакомились еще в 40-х годах, но лишь в годы царствования Александра III эта теория приобретает в русской мысли самостоятельное значение. Столь длительный предварительный период знакомства с марксизмом в России свидетельствует о том, что его внедрение в правосознание нашей страны не было случайным явлением или внешней “прививкой”, а определялось историческими условиями, наличием для него объективной почвы, когда старые доктрины обнаружили свою недееспособность и для объяснения происходящих процессов обращение к марксизму сделалось необходимостью.

Весьма примечательно, что народнические теоретики, не видя и не принимая марксизм как учение, годное для России, все же использовали его отдельные выводы в своих построениях. Поэтому нельзя не признать, что у народников есть заслуга в ознакомлении русских с марксизмом, несмотря на всю сложность их отношения к идеям Маркса и Энгельса. С одной стороны, народники видели в марксизме родственную революционную теорию, которой отдавали дань уважения и которой пользовались в своих интересах, с другой стороны, отстаивая

самобытность своей страны, они объективно, а со временем и сознательно воздвигали преграду на пути проникновения в нее марксизма.

Среди факторов, создавших для марксизма благодатную почву оппозиционной юриспруденции, является сам неумолимый ход истории — развитие капитализма, шедшее быстрыми темпами и ставшее необратимым процессом. За десятилетие (1879—1889) число крупных предприятий, насчитывающих не меньше тысячи рабочих, увеличилось на 26%, число занятых в них рабочих — на 43%, а объем выпущенной ими продукции — на 58%. Примерно за тот же срок мощность паровых машин, применявшихся в промышленности, поднялась в 3 раза. К середине 80-х годов были построены крупнейшие железнодорожные магистрали страны. В результате к концу века Россия превратилась в средне-развитую капиталистическую державу.

Капитализм привел к глубоким сдвигам в социальной структуре. Все более многочисленным становится рабочий класс. К 1890 году на предприятиях крупной обрабатывающей и горнозаводской промышленности насчитывалось 1039 тысяч рабочих. Условия труда и быта рабочих в России были невероятно тяжелыми, хуже тех, которые описывали Маркс и Энгельс в своих трудах о первоначальном накоплении капитала на Западе. Продолжительность рабочего дня не регламентировалась и составляла в среднем 13—14 часов, а в текстильной промышленности доходила до 17 часов. В 1877 году в своей знаменитой речи на суде рабочий Петр Алексеев — организатор Морозовской стачки обличал: “17-часовой дневной труд — и едва можно выработать 40 копеек! Это ужасно!”

Возник рабочий вопрос, а вслед за ним и российское рабочее движение стало фактом. Ответить на этот вопрос с позиций русского социализма, где центральным пунктом был аграрный вопрос и судьбы общины, а крестьянин — главной политической силой, стало невозможно. Не удалось и попытки соединить рабочий вопрос с аграрным и решать его вместе с общими проблемами защиты трудящихся России, как это делали Михайловский и либеральные народники. Уж очень это был специфический вопрос, что стало понятно даже правительству, которое в июне 1886 года приняло закон “О надзоре за заведениями фабричной промышленности”. Закон делал уступки рабочим, признавал необходимость регулярной выдачи им зарплаты, запрещалось расплачиваться товарами или купонами, штрафы за нарушения дисциплины, прогулы не могли быть выше одного рубля и должны были идти не в карман фабриканту, а на общие нужды рабочих. В то же время запрещались стачки и другие формы коллективного протеста. Рост рабочего движения также явился тем фактором, который ускорил приживание на российской почве марксистской теории.

Третьим фактором утверждения марксизма стал кризис народнических идей. Мало того что народники не могли верно решить в России рабочий вопрос, но и иные проблемы у них не находили адекватного ответа. Не подтверждался опытом их главный тезис о возможности России, минуя капитализм, идти к социализму на базе сельской общины. 20 лет капиталистических по своей сути реформ сделали буржуазный строй реальностью не только в городе, но и в деревне. Более того, процесс “раскрестьянивания”, разложения крестьянства как класса, т. е. распада его на сельскую буржуазию и сельских “пролетариев с наделом”, к началу 80-х годов ускорился.

Не оправдались также надежды народников на мужика как главную силу предстоящей социальной революции, их затея с хождением в народ закончилась крахом. Выше мы уже писали о том, как встречал консервативный русский мужик незваных проповедников социалистической идеи. К этому можно добавить: отношение крестьян к "бродячим" пропагандистам было различным, но в целом быстро выявлялась невозможность осуществления бунтарских идей бакунизма на практике. Призывы к бунту встречали настороженное, часто враждебное отношение крестьян. Более того, крестьяне сами нередко сдавали таких проповедников в полицию.

Российская действительность устроила тем самым суровую проверку доктринам народников, которые, отправляясь в народ, воображали, что социальную революцию сделать очень легко и что она очень скоро свершится (иные надежались — года через два-три). Неудачными были и попытки ведения длительной, "осадной" пропаганды, когда революционеры под видом учителей, писарей, фельдшеров селились в деревне. Местные власти арестовывали таких пропагандистов.

На фоне тяжелых неудач народников и их идей особенно впечатляли торжество марксистской идеологии в западноевропейском рабочем движении, создание I Интернационала, массовых социал-демократических партий, II Интернационала. Опыт Европы показывал, что все крупные битвы за справедливость, в том числе и Парижская Коммуна, связаны с активным участием новой политической силы — пролетариата, класса наемных рабочих. Да и свой, отечественный опыт много говорил народникам, пропагандировавшим в городе, в рабочей среде потенциальные возможности этого класса, его особые цели и интересы, противоречащие крестьянскому социализму.

Промышленный кризис начала 80-х годов привел к резкому ухудшению положения рабочего класса, на что последний ответил активизацией выступлений. В 1883 году журнал "Дело" констатировал: "Долго замалчиваемый у нас рабочий вопрос как будто вырос из земли и предстал перед нашими глазами". Возникла острая необходимость теоретически обосновать решение этого вопроса, выяснить роль молодого российского пролетариата в освободительном движении. Идеология народников не содержала ответы на эти проблемы, поэтому русская мысль все больше поворачивалась лицом к учению пролетарского социализма, созданному Марксом и Энгельсом.

Первоначально (60—70-е) марксистские идеи не имели в России своей социальной базы, широкого круга приверженцев среди революционно настроенной части русского общества. Они были достоянием одиночек. Затем, в 80-е годы, марксизм стал идейным знаменем группы "Освобождение труда" — кружка бывших народовольцев, эмигрировавших в Западную Европу. И только к концу века русский марксизм становится зрелым течением, имеющим свою социальную базу в лице социал-демократического рабочего движения.

Группа "Освобождение труда" возникла в 1883 году в Женеве во главе с Г.В. Плехановым. В состав группы, кроме него, входили П.Б. Аксельрод, В.И. Засулич, Л.Г. Дейч, В.Н. Игнатов. Это была первая российская организация, которая объявила о своем разрыве с народническими идеями и о присоединении к теории научного социализма и международному социал-демократическому движению. Группа "Освобождение труда" еще до формирования широкого рабочего движения теоретически обосновала русский марксизм. На произве-

дениях Плеханова воспитывалось целое поколение марксистов. Его по праву называют первым русским марксистом.

Георгий Валентинович Плеханов родился 12 декабря 1856 года в селе Гудаловка Тамбовской губернии в семье мелкопоместного дворянина. Еще во время пребывания его в Воронежской военной гимназии, куда он поступил в 1866 году, Плеханов познакомился с вольнолюбивой русской литературой, с идеями Белинского, Чернышевского и Добролюбова. По окончании гимназии молодой Плеханов переехал в 1873 году в Петербург и был принят в Константиновское юнкерское училище. Но, передумав относительно военной карьеры, он поступает в Петербургский горный институт, где и начинает участвовать в народническом движении, постепенно становясь профессиональным революционером. Именно поэтому он вынужден в 1876 году покинуть институт. Вначале он примкнул к бакунинскому течению в народничестве, проводя работу по преимуществу среди петербургских рабочих. В декабре 1876 года на первой рабочей демонстрации у Казанского собора Плеханов произнес свою знаменитую речь, в которой, говоря о тяжелом положении народа, о политическом гнете и несправедливости в стране, призвал народ к борьбе с самодержавием.

Разделяя в этот период взгляды народников, Плеханов был вместе с тем противником террора. Когда возник кризис в народнической организации "Земля и воля", он вместе со своими немногочисленными сторонниками организовал группу "Черный передел" для продолжения революционной работы в деревне среди крестьян. Но сомнения в народнической теории глубоко запали в его сознание уже в тот период. События после 1 марта 1881 года ускорили переход Плеханова и его соратников к марксизму.

В январе 1880 года Плеханов выезжает за границу, знакомится там со многими марксистскими работами, с рабочим движением передовых европейских стран. Вместе с вождями французских рабочих П. Лафаргом и Ж. Гедом он посещает рабочие митинги, участвует в дискуссиях — одним словом, живет полнокровной политической жизнью. Важным событием явилась его работа по переводу на русский язык "Манифеста Коммунистической партии" (1882). В конце 1882 — начале 1883 года полностью завершается переход на позиции марксизма.

Плеханов был первым среди русских социалистов, кто увидел и доказал применимость марксизма к условиям России. Он обосновал буржуазный характер русских общественных отношений, указал на объективные условия для выдвижения пролетариата в качестве ведущей политической силы страны, выработал иную революционную программу на основе анализа новой расстановки классовых сил.

Основная его заслуга — критика теоретических основ народничества и его программных установок, осуществленная в глубоких и ярких работах 80—90-х годов. В 1883 году он опубликовал брошюру "Социализм и политическая борьба", а в 1885 — "Наши разногласия". В этих работах, обобщая новые явления социально-экономической жизни России, Плеханов убедительно доказывает идеалистический характер взглядов народников, утопический смысл их социалистической теории. Критике народничества и вместе с тем обоснованию марксизма посвящена также одна из лучших книг Плеханова — "К вопросу о развитии монистического взгляда на историю" (1895). Овладевая марксистской теорией, Плеханов пришел к выводу о несостоятельности народнических воззрений на

политическую борьбу и государство, тезиса народников о примате социального над политическим. Он прямо ставит вопрос о захвате рабочим классом политической власти, указывая, что “представители угнетенного класса или классов будут стремиться выбить из рук противников и обратить против них это страшное оружие. Сама логика вещей выдвинет их на путь политической борьбы и захвата государственной власти, хотя они и задаются целью экономического переворота”.

Недооценка роли государства народовольцами, которые в своей практике уже признали необходимость политической борьбы, чревата успехами контрреволюционных сил. Угнетенный класс только тогда закрепит свою победу, когда перестроит государство, заставит его служить своим целям, “только тогда и будет в сравнительной безопасности от ударов реакции, когда направит против нее могучее орудие государственной власти”. Политическая власть в руках господствующего класса на различных исторических этапах может выступать в качестве могучего орудия прогресса или реакции. Сама логика событий обуславливает политическую борьбу и захват государственной власти. Плеханов раскрывает ступени и пути постепенного осознания угнетенным классом роли политической борьбы в своем освобождении. Осознав эту роль, рабочий класс начинает понимать, “какая связь существует между обществом и государством, и не апеллирует на притеснения своих эксплуататоров к тем, кто представляет собою политический орган той же эксплуатации. Он знает, что государство есть крепость, служащая оплотом и защитой его притеснителям, крепость, которой можно и должно овладеть, которую можно и должно перестроить в интересах своей собственной защиты, но невозможно обойти, полагаясь на ее нейтралитет”. Плеханов пришел к выводу, что освобождение трудящихся — это путь длительной и суровой борьбы, а не дело 2—3 лет, как думали народники, тогда как революция станет последним актом в многолетней классовой борьбе, которая становится сознательной лишь постольку, поскольку делается политической борьбой.

Известно, как сильны были позиции анархических теорий в русском народничестве, как активно его теоретики использовали идеи Штирнера, Бакунина, Прудона в обоснование своего идеала — русского социализма. Поэтому в 1894 году Плеханов пишет брошюру “Анархизм и социализм”, где разоблачает эту мелкобуржуазную утопию с марксистских позиций, выявляет социально-классовые и экономические причины анархизма, особенно прудонизма, который стал весьма популярным в среде легальных народников. Он верно определил истоки прудонизма как “раздробленное мелкое производство” и не без основания считал, что свою теорию Прудон построил на заимствовании идеи Сен-Симона, согласно которой цель социальной организации есть производство, а следовательно, политическая наука должна свестись к политической экономии, искусство “править людьми” должно уступить место искусству “управлять вещами”. На основе этой идеи, а также созданной Прудоном “конституции стоимости” была построена “анархия”. А между тем, замечает Плеханов, Сен-Симон “первый в ужасе отшатнулся бы от того, что сделал из его политической теории социалистический мелкий буржуа”. Только марксизм, указывая Плеханов, сумел должным образом развить теорию Сен-Симона, рассматривая государство с исторической точки зрения, видя его классовое начало и конец.

Концепция Прудона, по Плеханову, двойственна, эклектична. С одной стороны, Прудон стремится “навсегда разрушить” государство, а с другой — он “в теории вновь созидает государство, едва успев его разрушить”. На месте одного большого государства возникает множество мелких; вместо одной большой “фикции” — много маленьких. В конце концов, анархия у Прудона превращается в “федерализм”, где успех революционных действий достигается труднее, чем в “централизованном государстве”. Именно этим и заканчивается “всеобщая идея революции”.

Плеханов доказал, что индивидуализм Штирнера и Прудона коренным образом противоположен марксизму, он не может стать знаменем рабочего движения. Поэтому, считает Плеханов, сторонники Прудона стали прикрываться его коллективистским вариантом, разработанным Бакуниным. Но бакунизм утопичен вдвойне, так как его программа лишь “утопия свободы, прицепленная к утопии равенства”. Сопоставляя взгляды Бакунина и Прудона, он пришел к выводу об их сходстве во всем, что касалось “отрицания государства и будущего идеала — коммунизма, но к этому первый добавлял еще и отрицание наследственной собственности”.

В разделе “Эпигоны” Плеханов подверг критике взгляды другого представителя анархизма — бывшего народника П.А. Кропоткина. Он вскрыл теоретическую несостоятельность его попыток обосновать необходимость уничтожения государства, планов создания некоей народной организации, которая будет призвана бороться с антиобщественными элементами в будущем обществе путем насилия. Плеханов соглашался с марксизмом в том, что государство отомрет лишь после исчезновения классов.

Русский марксист выступал и против народовольческой теории революции, их главного тезиса — возможности государственного переворота силами “революционного штаба без армии”. Даже если бы такой переворот удался, то “экономическое равенство”, которого при этом хотят добиться революционеры, считал он, в условиях товарного производства (предоставленного естественному ходу вещей) неизбежно сменится новым социальным расслоением; если же они попытаются организовать производство “сверху”, то из-за частнособственнических привычек трудящихся и отсутствия практического опыта у самих революционеров им придется искать спасение в “авторитетном коммунизме”, при котором производством будет заведовать “социалистическая каста”.

Очевидно, что и деформации, и крах реального социализма, полученного в результате октября 1917 года, — не только случайность, а необходимость, генетически заложенная в преждевременном захвате власти. “Обновленный царский деспотизм на коммунистической подкладке” предсказан Плехановым за полвека до культа личности Сталина. Более того, уже в 1904 году Плеханов, говоря о последствиях захвата власти большевиками, исповедующими к тому же принцип демократического централизма, писал: “В ее (большевистской партии. — Н.А.) рядах очень скоро не осталось бы места ни для ученых людей, ни для закаленных бойцов: в ней остались бы лягушки, получившие, наконец, желанного царя, да центральный журавль, беспрепятственно глотающий этих лягушек одну за другой”.

Преждевременный захват власти, по Плеханову, — революция без будущего, поскольку она не имеет резервов и ей нечем жить на другой же день после победы, ибо “декретами не создашь условий, чуждых самому характеру совре-

менных экономических отношений". Решая вопрос о преждевременности или своевременности захвата власти, Плеханов опирался прежде всего на Маркса, согласно которому социализм будет необходимым результатом объективного экономического развития, он детерминирован самим развитием материальных производительных сил. Поэтому далеко не во всякое данное время возможен переход от одного способа производства к другому, высшему. В таком экономически отсталом государстве, как Россия, "о социалистическом перевороте не могут говорить люди, хоть немного усвоившие учение Маркса".

Подобная расчетливость демонстрируется Плехановым и в его учении о диктатуре пролетариата. Маркс представлял себе такую диктатуру сначала довольно-таки расплывчато, а затем лишь несколько конкретизировал ее образ на историческом опыте Парижской Коммуны. Плеханов более конкретен: диктатура пролетариата нужна не только и не столько для разрушения политического господства эксплуататорских классов, но главным образом для устранения анархии производства и "сознательной организации всех функций социально-политической жизни". Вместе с тем, предупреждал мыслитель, она не должна иметь ничего общего с диктатурой группы революционеров (партии), ибо речь идет о диктатуре достаточно развитого в политическом отношении класса, имеющего необходимые опыт и воспитание, осознающего свою силу и уверенного в победе. "До тех пор, пока рабочий класс не развился еще до решения своей великой исторической задачи, обязанность его сторонников заключается в ускорении процессов его развития, в устранении препятствий, мешающих росту его силы и сознания, а не в придумывании социальных экспериментов".

Когда-то Достоевский метко и точно отразил глубочайшую суть русского нигилизма: стремление немедленно, "на всех парах" (как говаривал революционер Верховенский в "Бесах") создать на земле рай без Бога. Подобным нигилистам-революционерам некогда было ждать. Такая же спешка, констатировал Плеханов, демонстрируется Лениным и его сторонниками. "И неудивительно, — пишет он, — что Ленин коренным образом разошелся с группой "Освобождение труда" в таком важном вопросе, как захват власти революционерами... Уже в начале века Ленин приурочивал все свои тактические соображения именно к захвату власти". На Стокгольмском съезде (1906) Плеханов в своем выступлении отметил, что проект Ленина тесно связан с захватом власти революционерами и поэтому против него должны высказаться все те, кто не имеет вкуса к подобным утопиям. Здесь же Плеханов указал на постепенное воскрешение Лениным народофильских традиций.

Много внимания уделил Плеханов проблеме русской крестьянской общины, ее характеру и исторической судьбе. Община, как известно, была краеугольным камнем всех сторонников русского социализма, начиная с Герцена и кончая Михайловским. На основе анализа конкретных данных Плеханов показал, что сельская поземельная община не представляет собой антипода капитализма, как об этом твердили народники, — она развивается не в сторону социалистических, а в сторону капиталистических отношений.

Идеализация общины у народников сочеталась с отрицанием прогрессивности русского капитализма. Народники утверждали, что его победа не только принесет с собой всеобщее разорение народа ("язву пролетарства"), но и ликвидирует социальные условия, необходимые для совершения социалистической революции. Высмеивая эти "страхи" народников, Плеханов подчеркивал историче-

ски прогрессивный характер буржуазного способа производства. Социал-демократы, т. е. русские марксисты, писал он, “должны поддерживать капитализм в его борьбе с реакцией и быть непримиримыми врагами того же капитализма в борьбе его с рабочей революцией будущего”.

Несмотря на скудость статистических источников, Плеханов сумел дать в своей книге “Наши разногласия” сравнительно широкую картину роста товарно-денежных отношений в России. Особо подчеркивалась мысль, что промышленный прогресс создавал уже в то время реальные предпосылки для социальной революции пролетариата. Проникновение капитала в деревню шаг за шагом подрывало патриархальные устои общинного землевладения, разделяя крестьян на два противоположных класса — кулаков и бедноту. “Все принципы современного хозяйства, — делал вывод русский марксист, — все пружины современной экономической жизни находятся в непримиримой вражде с общиной. Вследствие этого надеяться на ее дальнейшее самостоятельное “развитие” так же странно, как странно надеяться на долговечность и дальнейшее размножение вытянутой на берег рыбы. Дело не в том, на какой крюк посажена рыба, а в том, приспособлены ли ее дыхательные органы к окружающей атмосфере. Атмосфера же современного денежного хозяйства убивает архаическую форму землевладения, подкапывает ее в самом корне”.

Эта книга нанесла сильнейший удар по теоретическим построениям народников. Всем ее содержанием автор подводил читателя к следующим выводам:

а) социалистическая революция не может вырасти из отсталых, утопических теорий, проповедуемых народниками, — она является результатом объективных противоречий социального развития при капитализме, поэтому идейные построения и программа народников обречены на полное поражение;

б) сельская община, разлагающаяся под воздействием капитала, не может служить оплотом против капитализма и начальным пунктом эволюции к социализму — развитие общины идет не в сторону социалистических, а в сторону буржуазных отношений;

в) капитализм в России не случайное явление, а закономерный процесс ее социально-экономического развития — вступление страны на буржуазный путь является уже бесспорным фактом;

г) развитие капитализма порождает пролетариат, который может взять на себя борьбу за свободу, освобождение же рабочего класса должно явиться результатом его собственных сознательных действий;

д) задача русских социалистов — использовать противоречия капитализма в интересах рабочего класса; их усилия должны быть направлены к созданию социалистической рабочей партии, к устранению всех условий, неблагоприятных для ее роста и развития.

От вопросов тактических, критики политической программы народников в дальнейшем Плеханов переходит к полемике с ними по вопросам стратегическим, основополагающим в их юриспруденции. В этой связи особое значение приобретает цикл работ Плеханова, посвященных критическому анализу субъективной методологии народников. Субъективному методу Михайловского он противопоставляет объективный, диалектический метод марксизма. Плеханов отмечает, что народники в методологических вопросах всецело следовали за взглядами Бруно Бауэра, Штирнера и с этих субъективистских позиций решали проблему героев и толпы. Противоположение “героев массе (“толпе”) перешло от

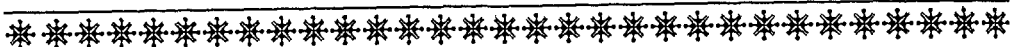
Бруно Бауэра к его русским незаконнорожденным детям. И мы имеем теперь удовольствие созерцать его в статьях Михайловского”.

Решая проблему роли личности в истории, русский марксист на конкретном материале выступает как против субъективистского, так и против фаталистического понимания этого вопроса. В России путь прогресса необходимо связан не столько с революционной борьбой интеллигенции, сколько с борьбой самих народных масс (пролетариата) против царизма и буржуазии. “История, — пишет Плеханов, — показывает, что грубые руки народа нужны также и для завоевания политической свободы. Это неоспоримый вывод”. Не отдельные герои, а массы, классы играют решающую роль в социальном переустройстве России. Героем истории является народ. С его активной деятельностью происходят все социально-политические перевороты в истории.

Фаталистическую концепцию в духе квиетизма (пассивности, смирения) развивал немецкий историк К. Ламп्रेхт — весьма популярный среди русской интеллигенции, утверждавший, что естественный ход вещей необходимо определяет деятельность великих людей при любых обстоятельствах. Плеханов с этой позицией тоже спорит, не принимает абсолютизации исторической необходимости, считая, что роль личности определяется организацией общества, но не фатально. Он приводит примеры (смерть Мирабо, нерешительность Бутурлина в войне против Фридриха II), показывающие серьезное влияние личностей на последующий ход политических событий. “Выходит, что судьба государства зависит иногда от случайностей, которые можно назвать случайностями второй степени”. Тем самым Плеханов признавал возможность серьезных изменений в событиях в результате действия видных личностей (героев), но для него не было сомнений в том, что это относится к конкретным частным, может быть, и крупным событиям, а не к вопросу о направлении развития общества в целом, который решается в конечном счете способом производства.

Итак, видно, что процесс зарождения русского марксизма утверждался Плехановым посредством сплошного отрицания всей суммы господствовавших среди народников идей. В отличие от Ленина, он не боролся за “наследство” и подверг его критике до самых корней, даже сам признавался позднее, что “перекритиковал” Чернышевского как основной источник народнических предрассудков. На место абсолютизированной Чернышевским и народниками русской самобытности пионер русского марксизма поставил чисто западническую модель, которую понимал как альтернативу русскому социализму. Это был полный переход в противоположность, а западническая, или, как считал Плеханов, универсальная, модель оказалась неадекватной для России и, следовательно, неприложимой к ней. И напротив, марксизм, соотнесенный затем Лениным с конкретными условиями России (крестьянская страна и т.д.) и вобравший в себя соответствующие выводы предшествовавшей мысли, является более истинной теорией русской революции.

Возглавляемая Плехановым группа “Освобождение труда”, теоретически обосновав программу российской социал-демократии, сделала лишь первый шаг навстречу рабочему движению. В середине 90-х годов в России с активизацией рабочего движения сложились дополнительные предпосылки соединения марксизма с российской юриспруденцией. Но с этого времени в историю русского марксизма входит новая фигура — В.И. Ленин и начинается еще один виток развития этого течения.

РАЗДЕЛ V

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ РОССИИ НАЧАЛА XX ВЕКА (ДО 1917 ГОДА)

ЛЕКЦИЯ 1. **Николай П. Консервативный реформизм С.Ю. Витте**

Хронологические рамки этого раздела курса — 20 лет. Период по историческим меркам небольшой, но он впитал в себя всю суть споров о судьбах России, которые велись на протяжении веков. Специфика периода и в том, что история как бы решила устроить строгий экзамен отечественным думам о справедливости и тех путях, которые предлагали мыслители. Россия вступила в эпоху потрясений государственно-правовых основ, которые создавались веками. Она походила на огромный корабль, не плывущий по воле стоящей у штурвала команды, а дрейфующий по воле случайных и непредсказуемых течений, определяющих и меняющих его курс. Были потеряны ориентиры в будущем, исторические цели, и мощная государственно-иерархическая машина часто работала на холостом ходу.

Уже к концу столетия отчетливо проступили признаки того, что принято называть кризисом власти. Как надо было управлять необъятной империей, чтобы внести успокоение в сердца и души ее подданных, чтобы прекратить волнения и возмущения различных ее социальных классов, племен и народов, чтобы обеспечить их динамическое развитие и процветание? Фактически ответить на эти вопросы не смогли ни консерваторы, ни их оппоненты — либеральные и радикальные критики монархии.

Самодержавие существовало века и способствовало организации и укреплению империи. Однако такая форма правления отвечала историческим задачам тогда, когда общество было достаточно простым, а поступательное развитие можно было обеспечивать указаниями и директивами из единого центра. Когда же внутренняя структура общества усложнилась, а задачи времени потребовали перехода к иным методам управления, к развитию полицентризма во всех сферах жизни, передаче власти и ответственности от авторитарного руководства к новым, свободно возникающим структурам, быстро выяснилось, что этот традиционный для европейских стран эволюционный путь в силу различных причин не может быть калькирован в России.

Конец прошлого — начало нынешнего столетия — это время, когда Россия балансировала на грани между реформой и революцией, когда сталкивались самые разные представления о справедливом развитии страны. Было бы чрезвычайным упрощением назвать эти столкновения противостоянием либералов или консерваторов или спором охранителей и ниспровергателей. Реальность была намного сложнее.

Либеральные и консервативные тенденции зачастую переплетались; из их сочетания вырастали оригинальные юридические концепции; из совмещения этих концепций с действительностью, из компромиссов, случайных предпочтений и случайных шагов рождались стратегия и тактика государственной власти. Конкретные политические шаги определялись, таким образом, и теоретическими построениями (более или менее убедительными), и практическими потребностями (более или менее осознанными). Не нужно забывать, что на характер действий властей в чрезвычайно сложных обстоятельствах начала века воздействовали убеждения, взгляды, индивидуальные свойства людей, причастных к принятию политических решений. Для России с ее традиционной относительной самостоятельностью государства зачастую этот фактор был решающим.

У руля государства стоял Николай II (1868—1918). Сам он — воплощение противоречий эпохи, начисто лишенный тех качеств, которыми необходимо обладать государственному деятелю, чтобы совершить прорыв из прошлого в будущее: видения перспективы, сильной воли, умения переступить через традиции и привычки. Николай II, безусловно, понимал, особенно в последние годы, — и в этом вопросе должна быть полная определенность, — что изменения необходимы и неизбежны, но не имел представления о том, как и куда должна двигаться Россия.

Широкие политико-правовые преобразования, как он убедился в годы первой российской революции, не вели к стабильности и благополучию государства, а скорее, наоборот, усиливали брожение и хаос. Революция со всей очевидностью обнажила для него трагическую дилемму: свобода или империя. Николай выбрал второе, упорно не желая хоронить то, что создавалось столетиями. Он, например, всегда неприязненно относился к идее образования ответственного правительства, справедливо считая, что формирование “кабинета общественного доверия”, к чему его призывали со всех сторон, разрушило бы основы авторитарной государственности.

Более терпимо относился император к идее улучшения положения многомиллионного крестьянства. “Правильное и постепенное устройство крестьянства на земле, — писал он в октябре 1905 года графу Витте, — обеспечит России действительное спокойствие внутри на много лет”. Однако при этом он категорически возражал против хотя бы частичного отчуждения помещичьих земель.

С позиции исторического опыта очевидно, что шанс на спасение монархии давали реформы социально-экономических институтов и структур, намеченные председателем совета министров и министром внутренних дел П.А. Столыпиным. Курс перемен, предложенный “сильным премьером”, был одобрен Николаем. Высокого мнения какое-то время был царь и о самом Столыпине. Однако этот курс встретили улюлюканьем даже те, кого он должен был спасти, — спесивое российское барство, не принимавшее никаких изменений и никоим образом не желавшее поступиться ни толикой своих, часто призрачных привилегий и благополучия. Реформы застопорились не в последнюю очередь из-за отсутствия у царя тяги к глубоким преобразованиям. Полумеры и паллиативные решения, которыми столь богата история последнего царствования, вновь показали безуспешность попыток сохранить в ущерб здравому смыслу привычные формы существования.

По складу натуры, по мироощущению последний царь был консерватор. Все изменения и новации он принимал с большой неохотой и часто лишь под напором обстоятельств. Император так и не осознал до самого своего отречения, сколь глубока та бездна, на краю которой стояла Россия в начале века. Студенческие, рабочие и крестьянские выступления он не рассматривал как действия, направленные против политического строя и венценосного правителя, не чувствовал их нарастающей грозной силы.

С юных лет Николай был убежден, что императорская власть есть благо для страны, а предназначение монарха заключается в том, чтобы, опираясь на свои волю и чувства, править во имя счастья подданных. Самодержавие и Россия, по его мнению, неразрывны. Этот важнейший мировоззренческий принцип укрепился в душе и сознании царя с ранних пор, и он всегда был ему верен. Николай II целиком разделял точку зрения ревностного охранителя незыблемых основ абсолютизма князя В.П. Мецкерского, писавшего монарху в 1914 году: "Как в себе ни зажигай конституционализм, ему в России мешает сама Россия, ибо с первым днем конституции начнется конец единодержавия, а конец самодержавия есть конец России". Подобная убежденность, конечно же, мешала увидеть и учесть происходившие в стране и мире изменения. У Николая II как сторонника неограниченной, "исконной" монархии не было никаких новых идей, реализация которых могла бы модернизировать государственный организм. Сформулированный еще в первой половине XIX века теоретический постулат "православие, самодержавие, народность" служил для декоративного украшения архаичного абсолютистского фасада и в силу своей отвлеченности и неопределенности не мог стать вдохновляющим ориентиром для будущего.

Николай II стал фактически заложником унаследованных им структур и принципов власти, отход от которых воспринимал как предательство интересов России, как надругательство над священными основами, заветными предками. Самодержавие он принимал как благо, как божественное установление, подтвержденное всем ходом русской истории, которой Николай всегда живо интересовался. В истории России его особую симпатию, помимо отца, вызывал второй царь из романовской династии — Алексей Михайлович ("Тишайший"): его время представлялось последнему царю Романову золотым веком России. Николай был привержен идее "народного царства", которое никогда не существовало в действительности.

Внутренние противоречия в России, необъятной, полной контрастов стране, были так глубоки и остры, имели столь давнюю историю, что создание государства всеобщего благоденствия под монаршим скипетром было еще одной безнадежной иллюзией, за которую самодержцу пришлось дорого заплатить. До самого конца наперекор всем очевидностям, реальностям окружающего мира Николай II сохранял непоколебимую веру в "народ-богоносца" и молился за благополучие своей горячо любимой Родины. Он ведь и от престола отрекся, когда приближенные убедили физически и нравственно уставшего царя, что именно такой шаг необходим для спасения и счастья России и ее народа. Все это и позволило религиозному философу Г.П. Федотову назвать Николая II "православным романтиком".

Верховная власть была цементирующим началом общества, и ее ослабление или отбрасывание неизбежно вело к потере силы или даже распаду многоликой империи, волею исторических обстоятельств соединявшей часто несоединимое: существование в рамках единой территории самобытных национальных окраин и

центра, переплетение новейших достижений цивилизации и культуры с невежеством и отсталостью, роскоши и изысканности с нищетой и дикостью, величия духа и веры с корыстью и цинизмом. Именно на почве этого невероятно сложного и удивительного феномена, называемого Российской империей, формировалось специфическое мировоззрение Николая II, суть которого точно сформулировал почвенник, известный русский поэт Ф.И. Тютчев в знаменитом четверостишии:

“Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить.
У ней особенная стать.
В Россию можно только верить”.

Вера и чувства в России зачастую доминировали над трезвым расчетом, разумом — эти качества были присущи и последнему императору. Уже в день смерти отца, когда естественное горестное сыновнее чувство перемешивалось с ужасом от осознания той новой ответственности, которую Николаю надлежало теперь взять на себя, он взмолился: “Да поможет мне Господь служить горячо любимой Родине так же, как служил ей мой покойный отец, и вести ее по указанному им светлomu и лучезарному пути”. И хотя власть была для него несомненной жизненной тяготой, Николай обязан был нести “свой земной крест” вопреки собственным желаниям, настроениям, колебаниям. Он всегда считал, что власть царя — от Бога и отказаться от великого испытания — от своего “креста” он не может и не имеет права.

Вера освобождала от рабства земных обстоятельств, позволяла спокойно переносить многие житейские потрясения и со временем сделала монарха фаталистом, считавшим, что “все в руках Господа и надо со смирением подчиниться Его святой воле”. Незадолго до революции 1917 года, когда приближение развязки ощущалось всеми, он с какой-то уже потусторонней обреченностью заметил: “На все воля Божья. Я родился 6 мая, в день поименования многострадального Иова. Я готов принять мою судьбу”.

Консерватизм Николая II отнюдь не означал, что монарх изначально и навсегда был противником всяких новаций, изменений и преобразований, — если он убеждался, что та или иная акция будет способствовать укреплению силы и престижа империи, то почти всегда ее поддерживал. Он не мог не видеть, что улучшения нужны в различных областях жизни, но в то же время до самого конца был уверен, что важнейший и основополагающий принцип — самодержавие является неперменным для российской государственности. Никакие реформы не должны были касаться этой Богом данной власти.

В иных же случаях отношение его было совершенно другим. Он, например, однозначно поддерживал реформаторские предложения своих ближайших сподвижников С.Ю. Витте (1849—1915) и П.А. Столыпина (1862—1911).

Сергей Юльевич Витте — один из крупнейших преобразователей в истории России — родился в Тифлисе 17 июня 1849 года. Отец его — бедный немецкий дворянин, выходец из Голландии, лютеранин, принявший в России православие. Мать — русская, принадлежавшая древнему русскому роду, в числе дальних предков которой был Михаил Черниговский, замученный в татарской Орде и причисленный к лику святых.

Витте окончил курс наук в Новороссийском университете по математическому факультету со степенью кандидата. Написав диссертацию “О бесконечно малых величинах”, молодой математик помышлял остаться при университете для

подготовки к профессорскому званию. Но юношеская любовь отвлекла его от научных занятий и написания очередной диссертации по астрономии. К тому же против ученой карьеры Витте восстали мать и дядя — известный генерал и публицист Р.А. Фадеев, заявив, что “это не дворянское дело”.

Духовный мир Витте складывался под влиянием дяди, который в середине 1870-х годов боролся против либеральных реформ Александра II в книге “Русское общество в настоящем и будущем. Чем нам быть?”. Генерал выступал за строго сословную политику, обвинял Петра I в заимствовании западных идей, не прижившихся на русской почве, в дворянстве же автор видел единственную силу (“культурный слой”), способную противостоять наступлению нигилизма. Воцарение Александра III привело к блистательной карьере Фадеева при дворе, а его работы стали своеобразной программой нового царствования и выдержали в 1881—1882 годах четыре издания.

Витте-младший был человеком практического ума, который особенно проявился с 1892 года, после назначения на влиятельный пост министра финансов России. Вчерашний почвенник, убежденный сторонник самобытного пути развития страны в короткий срок превратился в индустриализатора европейского образца, заявившего о своей готовности в течение двух пятилетий вывести Россию в разряд передовых держав, обеспечив ей “такое же промышленное совершенное-летие, в какое уже вступают Соединенные Штаты Северной Америки”. Это стремление “догнать и перегнать Америку” — воспользуемся терминологией иной эпохи — было во времена Витте отнюдь не беспочвенным. Россия тогда переживала промышленный подъем, чему способствовало крупномасштабное железнодорожное строительство. Страна имела широкую банковскую и налоговую системы, обеспеченный золотой рубль, была сравнительно хорошо включена в мировые хозяйственные связи.

Для реализации курса промышленной модернизации Витте считал необходимым изменить соответствующие гражданско-правовые условия: ввести государственную монополию на внешнюю торговлю, обеспечить золотом валюту, снизить таможенные пошлины на ввоз иностранной техники, урезать права военного ведомства “на закрытие зон для иностранцев”, а главное — разрешить иностранным компаниям и банкам получать в частную собственность недвижимость, т.е. здания и землю (как гарантию сохранности вложенных капиталов).

Привлекая одной рукой в страну иностранный капитал, другой рукой Витте проводил политику протекционизма. Например, русский хлебный экспорт облагался высокими таможенными пошлинами. Витте был инициатором закона, согласно которому тарифные ставки были объявлены минимальными для стран, придерживавшихся режима наибольшего благоприятствования по отношению к России.

Большинство влиятельных чиновников выступили против столь “рискованных” начинаний. Многие обвиняли Витте в стремлении “распродать Россию”. Царь попытался пойти на компромисс, разрешив продажу недвижимости иностранцам за пределами “военно-стратегических районов”. Однако в целом идеи Витте были отвергнуты.

Интересно, что при НЭПе большевики использовали отдельные предложения Витте: достижение конвертируемости рубля, привлечение иностранных займов и прямых инвестиций с правом приобретения недвижимости в концессию и др. У Витте и творцов НЭПа оказались даже общие экономические советники.

В частности, идеи конвертируемости советского червонца разрабатывал Н. Кутнер, ставший одним из основателей Госбанка СССР; при Витте он был директором департамента российского министерства финансов.

Витте был и одним из первых в стане реформаторов, кто с либеральных позиций выступил с антиобщинной платформой. Он усмотрел в общине причину крестьянского оскудения и предмет поклонения как реакционеров, интриговавших против него у Николая II, так и социалистов, учения которых были враждебны всему тому, что он отстаивал. Он требовал сделать из крестьянина "персону" путем уравнивания крестьян в правах с другими сословиями. Речь шла при этом обо всех правах, в том числе и имущественных, иными словами — о выходе из общины с выделом земли. "Общинное владение, — писал Витте в мемуарах, — есть стадия только известного момента жития народов, с развитием культуры и государственности оно неизбежно должно переходить в индивидуализм — в индивидуальную собственность; если же этот процесс задерживается, и в особенности искусственно, как это было у нас, то народ и государство хиреют".

В декабре 1904 года Витте издал "Записку по крестьянскому делу". Здесь его взгляды на общину и индивидуальное крестьянское хозяйство были вполне явно выражены и доведены до всеобщего сведения. "Местные комитеты настойчиво утверждают, — говорилось в "Записке", — что временность владения является неодолимым препятствием для улучшения земельной культуры... воспитывает самые хищнические приемы эксплуатации земли; все сводится к тому, чтобы вспахать побольше, хотя и как-нибудь; нерасчетливой вспашкой уничтожаются кормовые угодья, а те, что остаются, лишены всякого ухода, и необходимое для успешного хозяйства соотношение площади кормовой и пахотной нарушается в угрожающей прогрессии".

По мнению Витте, для крестьян община была "не источником выгод, а источником споров, розни и экономической неурядицы". Переделы общинной земли рассматривались им как мера, выгодная "тем, которые запустили хозяйство по неумению и нерадению... или являются послушным орудием в руках кулаков", стремятся "пожиться за счет более хозяйственных, пустив их наемные полосы в передел". А это, в свою очередь, вело к тому, что вообще "в крестьянской среде развивается апатичное и небрежное отношение к своему хозяйству".

Общность земли давала общине сторонников из числа приверженцев "теоретических построений социализма и коммунизма". Но они были для Витте совершенно неприемлемы. "По моему убеждению, общественное устройство, проповедуемое этими учениями, совершенно несовместимо с гражданской и экономической свободой и убило бы всякую хозяйственную самостоятельность и предприимчивость". Решительно отвергал он и взгляд на общину как на образование, прокладывающее путь к кооперации. "Кооперативные союзы возможны только на почве твердого личного права собственности и развитой гражданственности".

Отрицал Витте и то "указываемое теорией" преимущество общины, что она якобы способствует сохранению земли в руках мелких собственников и предотвращает образование латифундий. "Наоборот, — писал он, — по свидетельству местных комитетов, в общинной среде происходит дифференциация: большинство беднеет, а самая незначительная часть богатеет путем хищнической эксплуатации земли и своих однообщественников и сосредоточивает в одних руках значительную и лучшую часть надела". Подобное же крестьянское владение в западных губерниях, "где капиталистическая энергия значительно выше", не имеет

тенденции к неустойчивости и сосредоточению земли в одних руках. Мало того, успешно охранять мелкую крестьянскую собственность можно путем запрета как продажи земли за долги, так и покупки ее лицами из некрестьянских сословий, установлением предельной нормы сосредоточения земли в одних руках, организацией льготного сельскохозяйственного кредита.

В то же время, сокрушив аргументами уравнилельное землепользование, он допускал, что община может быть и выгодна для крестьян — “при неистощенной почве, примитивной культуре и дешевизне сельскохозяйственных продуктов”. И поэтому предлагал предоставить право судить об этом самим крестьянам, которых “нельзя насильственно удерживать в условиях общинного землепользования”. Им следовало предоставить право свободного выхода из общины с отводом надела в подворное пользование. Витте требовал, чтобы община была частноправовым союзом, утверждал, что “при современном положении она имеет многие черты публично-правовой организации, невольно напоминаящие о военных поселениях”.

На революционные события первых дней октября 1905 года Витте отозвался речью о том, что “нужно сильное правительство, чтобы бороться с анархией” и запиской царю с программой либеральных реформ. Он предлагал либо учредить диктатуру, либо — свое премьерство на основе ряда либеральных шагов навстречу обществу в конституционном направлении. И после нескольких тяжелых дней колебаний царь согласился издать составленный под руководством Витте документ, получивший известность как Манифест 17 октября. Российским подданным этим Манифестом предоставлялись политические свободы, а будущая Государственная дума, созыв которой был провозглашен еще 6 августа, наделялась законодательными правами вместо законосовещательных, обещанных 6 августа. Добился Витте и опубликования наряду с Манифестом всеподданнейшего доклада с программой реформ.

При всех разногласиях между учеными относительно оценки Манифеста 17 октября именно с этим актом связываются переход от самодержавной формы правления в России к конституционной монархии, а также либерализация царского режима и всего уклада жизни в стране. К заслугам Витте перед старой Россией, выразившимся в экономических преобразованиях и только что заключенном мире с Японией, добавился теперь и Манифест 17 октября, вызвавший надежды на политическое обновление государства. 19 октября появился указ о реформировании Совета министров, во главе которого и был поставлен Витте.

В полугодовой деятельности его кабинета большое место отводилось преобразованиям, связанным с осуществлением провозглашенных 17 октября политических свобод: законам об обществах и союзах, о собраниях и печати. Витте сознавал неизбежность этих реформ, в частности, решительно отстаивал необходимость ликвидации гражданского бесправия крестьян.

Политические партии, считало правительство, “являются совершенно необходимым последствием допущения, в той или иной форме, населения к участию в управлении”. Элементы правового порядка Витте хотел использовать для развития нового строя, противоречивый характер которого современники выражали парадоксальной формулой “конституционная монархия с самодержавным царем”. Витте и сам был готов в случае тактической необходимости следовать этой формуле. Однако в середине февраля 1906 года он встал перед царем и сановниками в позу сторонника неограниченной царской власти и принялся доказывать,

что Манифест 17 октября не только не означал необходимость принятия конституции, но и может быть “ежечасно” отменен.

В конце апреля 1906 года, перед открытием Думы, Витте заявил об отставке, считая, что он обеспечил политическую устойчивость режима, возвращение войск с Дальнего Востока и получение большого займа в Европе. Царь неожиданно для Витте не стал препятствовать его отставке, так как связывал события ненавистной ему революции прежде всего с его именем. Император не мог простить ему унижений, пережитых в трудные дни осени 1905 года, когда Витте вынудил его сделать то, чего он внутренне не хотел и что противоречило прочно сложившимся в его сознании представлениям о самодержавной власти.

Среди государственных деятелей последних лет существования Российской империи Витте выделялся необычным прагматизмом, граничившим с политиканством. Неославянофильское воспитание в консервативном духе не помешало ему провести либеральную программу ускоренного промышленного развития России с привлечением иностранных капиталов. Из убежденных сторонников общины он перешел в лагерь ее непримиримых противников. Вступив на пост министра финансов, Витте исполнил то, что не удавалось его предшественникам: стабилизировал денежное обращение и ввел золотую валюту. Провалив в 1899 году попытки министра внутренних дел И.А. Горемыкина учредить земство в Западном крае и обвинив его чуть ли не в конституционализме, Витте подготовил Манифест 17 октября — акт гораздо более значительный по своим политическим последствиям.

Прагматизм Витте был отражением не только свойств его личности, но и, скорее всего, явлением времени. Витте проявил недюжинные способности в латании расплывшегося по всем швам политического режима, ограждая его от радикального обновления. Он многое сделал для того, чтобы продлить век самой власти, однако и этот мощный ум был не в силах приспособить отжившую свою систему государственного управления к новым капиталистическим отношениям и противостоять естественному ходу вещей.

ЛЕКЦИЯ 2. Государственно-правовые идеи Л.А. Тихомирова

Заметной попыткой обновить монархические идеи, создав, по существу, новую теорию “прогрессивной эволюции самодержавия”, стало творчество Льва Александровича Тихомирова (1852—1923).

Родился он в Геленджике в семье военного врача, служившего на Кавказе. Окончил с золотой медалью керченскую гимназию. В 1870 году поступил в Московский университет на юридический факультет, затем перешел на медицинский. В университете и началась общественно-политическая деятельность будущего пропагандиста — исповедника “народной”, а затем “самодержавной” воли.

За революционную деятельность в ноябре 1873 года Тихомиров был арестован, судился по “процессу 193-х”. С лета 1878 — член центра “Земли и воли” и редакции ее печатного органа. С 1879 года — член Исполнительного комитета, Распорядительной комиссии и редакции “Народной воли”. В 1882 году эмигрировал. Издавал вместе с Лавровым “Вестник народной воли”. В 1888 году отрекся от революционных убеждений, напечатал брошюру “Почему я пере-

стал быть революционером”, испросил у Александра III помилование и в 1889 году вернулся в Россию. Стал монархистом. В 1909—1913 годах редактировал известную консервативную газету “Московские ведомости”. В 1914 году отошел от политической деятельности. Умер в Загорске.

Л.А. Тихомиров — дальновидный и реалистично мыслящий ученый. Наблюдая аналогичные меры правительства в начале XX века, непрекращающуюся смену его ключевых фигур, военные неудачи с Японией, нарастание революционного движения, он уже за год до первой русской революции сделал характерный вывод (запись в дневнике от 31 декабря 1904 года): “Монархия, организованная Александром III, распалась вдребезги и обнаружила свою полную несостоятельность”. Для него все очевиднее становилось, что “Россия на всех парах мчит к революции”, а “старая управительная система” не способна ее сдерживать и неизбежно будет разрушена. В этих условиях, считал он, все усилия охранителей должны быть направлены на то, чтобы спасти саму идею самодержавия, внедрить в сознание народа мысль, что царящие теперь неполадки в управлении, стеснения свободы и произвол вовсе не вытекают из существа монархии и могут быть вполне устранены без перехода к конституционному строю, что самоуправление, народное представительство, личные свободы, законность и т.п. не только не противостоят интересам и целям самодержавия, но даже служат вернейшим залогом его прочности и наилучшим обеспечением против всякого рода революционных устремлений.

Подобный реализм был продемонстрирован Тихомировым и накануне падения самодержавия, когда он одним из первых в консервативном лагере понял историческую обреченность царизма, постепенно эволюционировавшего в сторону буржуазной монархии и всем ходом событий подвигаемого на грань окончательного крушения. Еще в 1914 году он оставляет тонущий корабль российской монархии и отходит от активной политической деятельности, объясняя этот шаг следующими аргументами (запись в дневнике от 13 января 1914 года): “Было бы стыдно поддерживать власть, явно ничтожную, чуждую мельчайших признаков идеального, а потому способную только гнить и развращать народ”. Но и выступать против этой власти консерватор не может. Оставалось одно — “выйти в полную отставку”, признав тем самым свое банкротство как политического деятеля и теоретика самодержавия.

Первым монархическим произведением Тихомирова стала книга-исповедь “Почему я перестал быть революционером” (1888). В самых черных красках изображая жизнь революционеров, схожую с жизнью “травленного волка”, ренегат критиковал своих бывших товарищей за кружковщину, идейный застой, нежелание считаться с действительной волей народа и реальным положением дел в России. Заявляя вместе с тем, что он “не отказался от своих идеалов общественной справедливости”, которые будто бы стали “только стройней, ясней”, Тихомиров обосновывал невозможность, ненужность революционного пути, противопоставляя ему путь “мудрого прогресса”, путь реформ, которые “нужно стараться получить, как это делают во всякой другой стране, то есть сообразно с существующими законными путями политического воздействия”. Поэтому он призывал оппозицию признать “установившуюся в России власть и, думая об улучшениях... думать о том, как их сделать с самодержавием, при самодержавии”.

Не отрицая наличия серьезных ошибок в деятельности правительства, Тихомиров объяснял их неразвитостью русского общества, отсутствием в нем “государственно мыслящих деятелей и подлинно народных планов, сообразных с действительностью страны”. Крайне необходимо поэтому, доказывал консерватор, “выработать ядро зрелых умов, достаточно сильное для того, чтобы дать тон остальной массе образованного класса, и наметить собственной работой, собственной мыслью и исследованиями главнейшие пункты устройства России”. Выполнение этой “ответственной и главнейшей” задачи времени он возлагал на “старшие поколения” национальной (т.е. монархически настроенной) интеллигенции, включая, надо думать, в первую очередь самого себя.

По существу, повторив в экономическом разделе книги “пожелания” либерально-народнической теории “малых дел”, Тихомиров более подробно останавливается на обосновании некоторых паллиативных мер политического характера, выступив, в частности, за смягчение цензуры, упорядочение студенческой жизни, расширение “области ведения земства”, придание ему значения “низшего органа правительства”. Он не оставил и своих планов создания некоей “партии прогресса”, которая, признав самодержавие и сознательно встав на почву союза с ним, должна всегда иметь наготове практическую программу, “приспособленную к нуждам положения”. Тихомиров надеялся, что, увидев благонадежность такой партии, рациональность ее программы, царь не найдет ничего лучшего, как призвать ее к управлению страной.

Но право окончательного решения всех вопросов русской жизни неотделимо принадлежит императору. Только при наличии в стране единой, прочной и неделимой верховной власти могут быть решены те гигантские национальные задачи, которые стоят перед Россией. К тому же, замечал мыслитель, самодержавие — это вообще такой результат русской истории, который не нуждается ни в чьем признании и никем не может быть уничтожен, пока существуют в стране десятки и десятки миллионов, которые в политике не знают и не хотят знать ничего другого”.

Критикуя революционеров, не желающих учитывать этот фактор, Тихомиров заявлял, что лично он не считает “ни справедливым, ни разумным, ни полезным такое высокомерное отношение к многомиллионному народу”. Здесь он верно подчеркивал приверженность большинства русского народа (прежде всего крестьянства) монархической идее и считал насилием над мужиком попытки революционеров навязать России республику.

Главными объектами критики Тихомирова в дальнейшем все более становятся либерализм и идущий ему на смену “социальный демократизм”, вытекающий из учения Маркса. В серии очерков “Начала и концы. Либералы и террористы” он подмечает тесную связь, существующую между либерализмом во всех его проявлениях (“начала”) и революционным движением (“концы”). Именно либерализм с присущими ему чертами (материализм, космополитизм, парламентаризм, постоянное фрондирование) объявлялся Тихомировым главным виновником революционизирования русского общества.

Особенно резким нападкам со стороны Тихомирова подвергалась марксистская теория. Он рисовал будущее социалистическое государство как тоталитарное, строящееся на “закрепощении всех граждан под знаменем целого общества”, руководить которым будет “правлящий класс политиканов”, “партийная бюрократия”. Она уже теперь воспитывается в социал-демократических партиях

(например, в германской), а “в социалистическом государстве получит полный простор дойти до окончательного развития, распространив свое влияние на экономическую область жизни, подобно тому как этим кончали все правящие классы в истории, каким бы путем ни возникали они”.

Производство при социализме рисовалось Тихомирову как “громкая организация крепостного труда”, новое издание феодализма. Тезис же Маркса об отмирании государства вообще объявлялся им пустой фразой, необходимой для обмана рабочих. Государство, верховная власть, классы, известная иерархия общества — все это “вечно одинаковые и неизменные по существу” основы всякой жизни, уничтожить которые человек не в силах. “Люди могут делать сколько им угодно революций... но они так же бессильны выйти из социальной неизбежности, как из-под действия закона тяжести. Что бы они ни хотели сделать, но могут воспроизвести в своем строе лишь те основные формы, какие даны самой природой социальной жизни”.

В марксизме Тихомиров видел отрицание свободы личности, инициативы и творчества человека и в итоге присоединился к мнению “левых” критиков Маркса, находя его учение “неслыханно реакционным”. Главную ошибку оппонентов Маркса — народников, как революционных, так и либеральных, Тихомиров видел в том, что они не умеют “рассмотреть в нашем крестьянстве живого национального слоя, а все думают видеть в нем оторванный класс”. Отсюда — стремление интеллигенции “пересоздать Россию” не на общенациональных, а именно на классовых (крестьянских — у народников, пролетарских — у марксистов) основах.

По мере возрастания активности либерально-конституционных элементов (как в обществе, так и в правящих сферах) все большее звучание в трудах Тихомирова приобретали призывы к самодержавию “защитить русское дело” и “уничтожать зло” “всеми средствами, какими держится общественное строение”, “держат силу грозную для измены и послушников”.

Кульминационный пункт этой кампании пришелся на конец 1894—1895 годы — время болезни и смерти Александра III и начала царствования Николая II. Именно тогда в “Московских ведомостях” появились очерки Тихомирова под общим названием “Конституционалисты в эпоху 1881 года”. Проводя в них идею опасности либерализма, Тихомиров подчеркивал, что эта опасность может превратиться в прямую угрозу для самодержавия, стать причиной катастрофы “русского дела”, если конституционные идеи возобладают в правящих сферах. Именно так, по его мнению, было во времена диктатуры Лорис-Меликова, подготавливавшего своими проектами “торжество революции”.

Это напоминание Тихомиров адресовал Николаю II, воцарение которого вызвало оживление земского движения в пользу продолжения реформ Александра II. Очерки Тихомирова оказались ко времени. “Для возможности дальнейшего развития страны, — писал он, — необходимо прежде всего уничтожить всякие попытки государственного переворота, откуда бы они ни шли”. Многие страницы очерков напоминали скорее полицейское донесение с указанием “наиболее опасных” либералов из числа живущих. Не случайно эти очерки Победоносцев послал Николаю II как “верную картину того, что мы пережили в 1881 году. Пережили, но увя! — не погребли окончательно... Вот почему теперь более, чем когда-либо, необходима твердость воли верховной власти”.

“Великой лжи нашего времени” — конституционализму и парламентаризму Тихомиров противопоставлял самодержавие — “лучшее наследие всей истории человечества”. В многочисленных статьях конца 1894 — начала 1895 года он прославлял Александра III как идеального самодержца, сделавшего “из тринадцати лет своего царствования эпоху неслыханного благоденствия, тишины, довольства и славы”, доказывая, что тот своим примером показал, что “монархия — не диктатура, не простой абсолютизм”, что сущность ее “состоит в примиряющей силе высшей правды”, дающей нации “то единство, которое тщетно искали в представительстве, а ныне безумно решаются достигнуть в самоубийственной уравнительности”. Обращаясь к Николаю II, Тихомиров призывал его отвергнуть чуждые национальному идеалу поползновения либеральной реакции, быть верным заветам своего отца, продолжить его политику.

Монархическая альтернатива проектам либералов и радикалов обновить Россию представлена в четырехтомной книге Тихомирова “Монархическая государственность”, изданной в 1905 году. В книге постепенно разворачивается картина будущего “национального царства, венчающего православную жизнь народа и содержащего наибольшие залогов для развития личности и братского социального строя”, царства, в котором “монарх пребывает в общении и единомыслии с народом” и совместно с ним “влагает в государственные управительные власти должное содержание и направление их деятельности”; царства, где все старое, отжившее будет неизбежно заменяться назревшим новым (“путем добровольной уступки требованиям новых условий”), где “энергично действует личность и общественность”, где утвердилось “общее благо”, “прочное благосостояние сословий”, “право и свобода всех и каждого”, где реализованы, таким образом, “разумные требования” всех современных направлений юриспруденции.

Тихомиров не ограничился выдвиганием подобных декларативных, часто теоретических построений и предложил примерную программу “первоочередных практических реформ, намеченных самой жизнью”, и способов их осуществления. При этом он утверждал, что вся нация находит потребность в таких реформах, а “для их проведения нарастают даже необходимые средства”. Как на одно из таких средств Тихомиров указывал на надвигающуюся революцию. Более того, он признавал определенную закономерность этой революции, отмечая, что, хотя она и является “частным, исключительным случаем эволюции”, все же возникает отнюдь “не с целью создания чего-либо такого, что эволюционно уже не заключается в обществе”.

Революция — это “самый худший, убыточный способ реформы”. Судьба всех революций одна: “В результате беспорядочности действий и гибели лучших людей... они производят не только необходимое изменение, а еще больше совершенно ненужной и вредной ломки и так запутывают дело реформы, что вслед за тем является реакция, по мере возможностей уничтожающая все сделанное революцией”.

Призывая самодержавие обезоружить надвигающуюся революцию, осуществив мирным путем ее “разумные требования”, Тихомиров указывал, что правильная политика реформ должна при этом “считаться с ранее созданным положением, действовать в его рамках, пользоваться теми средствами, которые в нем имеются”; другими словами — реформы не должны подрывать “проверенных исторических основ” России (православие, самодержавие, народность).

В то же время Тихомиров не мог не признать (тому была посвящена вся III часть его книги), что “исторические основы давно уже начали хиреть” и переродились в “принципы, лишь по названию связанные с этими основами”, и ставил задачу возратить им их истинное содержание. Сделать это может и должна только сама российская монархия. Именно эта форма правления, наиболее обеспечивающая силу власти, интересы личности и общее благо, непричастная духу партий, уравновешивающая в себе консерватизм и прогрессивность, наиболее способна к “совершению крупных преобразований” при одновременном удержании нации “на ее историческом пути развития”. Правда, никаких более или менее убедительных доказательств “реформаторских способностей” современной ему монархии он привести не смог, утверждая, что де “само собой ясно, что государь не может иметь ничего против полезных преобразований”.

Толкуя о сильных и слабых сторонах различных форм правления, Тихомиров доказывал далее, что у монархии лишь одна слабая сторона — “опасность к переходу в абсолютизм”. Для устранения этой опасности необходим целый ряд условий и, в частности, “выработка достойных носителей верховной власти”. Сюда относятся: правильное воспитание наследников престола (главное — воспитание их в близости к народу и подальше от придворной среды); “проникновение самого монарха принципами царского действия”; и, наконец, “наилучшее обеспечение государства непрерывным преемством власти”.

Что же касается “выработки у монарха царственных принципов”, то здесь Тихомиров указывал на такое количество необходимых для носителя верховной власти качеств, что, обладая ими Николай II хотя бы наполовину, его вполне можно было бы причислить к числу величайших представителей династии. Это самообладание, умеренность, строжайшее следование долгу и закону, справедливость, теснейшее и непосредственное общение с нацией, сознание своей необходимости ей, стремление “к чистому самодержавному виду” и многое, многое другое.

Неотъемлемым правом монарха является право действия по царской прерогативе. Оно характеризуется тем, что действие монарха “может совершаться вне законных установленных норм, сообразуясь только с обязанностью дать торжество правде высшей, нравственной, божественной”. Тихомиров исходил из положения, что “правда выше закона”; именно всенародная вера в святость и всемогущество правды, “общественная совесть”, а “не закон, не кара и не власть наблюдающая” составляют “величайшее обеспечение справедливых междучеловеческих отношений”. Царь — гарант этой “общественной совести”; “он есть высший представитель правды, и везде, где эта правда затронута, везде, где человек ее ищет, — он должен иметь доступ к царю со своей нуждой и жалобой”.

Особое значение приобретает царская прерогатива в ситуациях, когда существует известный разрыв, несоответствие законов и учреждений с действительными потребностями страны. В этих случаях верховная власть в лице монарха “должна делать сама и по усмотрению совести то, чего не способно сделать государство”. Именно так поступил в 1861 году Александр III, эту же задачу ставил Тихомиров и перед Николаем II или же перед будущим “идеальным” монархом.

В качестве первоочередных реформ Тихомировым выдвигались: возрождение церковного управления, социальная организация нации, перестройка правительственных учреждений и законодательное оформление прав и обязанностей подданных.

В церковном вопросе программа Тихомирова еще более радикализировалась и свелась, по существу, к требованию отделения церкви от государства, отделения, которое в тогдашних условиях должно было явиться основой для установления в дальнейшем “демократического союза церкви и государства”. Он выступал за восстановление патриаршества, “демократическую реорганизацию прихода”, подчеркивая, что “восстановление правильного строя Русской Церкви может быть... исполнено только Поместным Собором Русской Церкви, правильно составленным, то есть с должным совещательным участием священства и мирян”.

Для обеспечения “возможно большего общения верховной власти с нацией” Тихомиров предусматривал также периодический созыв совещательных Земских соборов. Немного позднее, в августе—сентябре 1906 года, под влиянием бурных событий первой русской революции Тихомиров допускал даже мысль, что предметом обсуждения на таком соборе может быть вопрос о верховной власти: “Какую пожелает собор, такую и установить”. При этом ему хотелось надеяться, что представленные на соборе “люди земли”, а не политиканы будут людьми “созидательного и охранительного слоя” и, конечно же, восстановят самодержавие. Такой взгляд проистекал из убеждения, хотя и основательно подорванного уже, что подавляющее большинство русского народа (подразумевалось крестьянство. — Н.А.) имеет глубоко укоренившиеся “монархические и религиозные инстинкты”.

Санкционированная же народом верховная власть будет в этом случае обладать одним из обязательных признаков всякой власти — силой. Более того, этот признак для Тихомирова — почти синоним власти. Еще в революционный период своей жизни придерживавшийся теории насилия Е. Дюринга, он, став монархистом, не пропускал буквально ни одного случая, чтобы не воспеть дифирамбов силе во всех ее проявлениях. “Как бы ни было благотельно общество, с какой горячей любовью ни относятся к нему его члены, но оно держится прежде всего силою, принудительным поддержанием в нем условий общежития... — подчеркивал консерватор. — Только вечное бодрствование силы предохраняет общество от гибели... Прежде всего, необходимее всего — единая сила”.

Другими обязательными признаками власти, согласно Тихомирову, являются разум и законность. При этом “разумность власти” он выдвигал в качестве необходимого условия ее силы, и наоборот. Рассуждая о необходимости “разумной монархической политики”, правильного строения государства, он призывал не забывать о правах личности. Недооценка этого вопроса неизбежно ведет к борьбе личности и государства, борьбе, в которой “для блага самого государства приходится иногда желать ему как можно больше поражений, так как всякая победа личности над удушающим ее строем служит к развитию и совершенству этого последнего”.

“Борьба за индивидуальность” объявлялась консерватором (вслед за Михайловским) одним из важнейших законов социальной жизни. Но, введя в охранительную программу положение своего, теперь уже давно отвергнутого, революционного мировоззрения, Тихомиров этим и ограничился, заявив, что “из различных форм власти выше та, которая с наибольшим вниманием относится к личности, испытывает наибольшее ее влияние, дает ей наибольший простор творчества”. Он не колеблясь объявлял такой властью монархию, не приведя, однако, в доказательство этого положения ни одного нового аргумента.

Соглашаясь с Катковым, который писал когда-то, что "наша русская конституция" вся заключена в верноподданнической присяге, Тихомиров замечал, что "конституция эта не дописана, ибо в ней не обозначены те права, которые необходимы для исполнения указанных (в присяге. — *Н.А.*) подданному обязанностей". Вину за эту недописанность "монархической конституции" Тихомиров всецело возлагал на абсолютизм, "который повсюду затуманивает истинный смысл монархии". Существование настоящей монархии просто невозможно, по его мнению, без осуществления таких, например, прав и свобод, как "свобода печати, право союзов и собраний, сопротивление незаконным требованиям власти и т.д.". Прогрессивная эволюция монархической государственности, доказывал ученый, должна сопровождаться дальнейшим расширением круга политических прав и личных свобод, вытекающих "(в первичном источнике) из естественного права, прирожденного, связанного с самой природой личности, общества и государства". Законодательное закрепление естественных прав составляет необходимое условие "выработки личности", т.е. ее просвещения и воспитания в монархическом духе.

Программа Тихомирова оказалась несостоятельной в теоретическом аспекте, так как ставила перед собой утопическую цель создания идеальной монархии, соединяющей под эгидой самодержца в гармоничный союз власть, общество и народ. Несостоятельна она и в практическом плане, ибо сама возможность ее претворения в жизнь обставлялась Тихомировым такого рода оговорками и условиями (как, например, наличие некоего "совершенного монарха", воплощающего в себе "общественную совесть", "присутствие в нации живого и общеразделяемого нравственного идеала"), которые заранее обрекали ее на неудачу. Николай II, хотя и одобрил книгу Тихомирова, наградив автора серебряной чернильницей, не смог все же последовать его советам. Под натиском революции он вынужден был сделать еще один шаг в сторону столь ненавистной Тихомирову и противоестественной для самого самодержавия конституционной монархии. Признавая "прекрасными" теоретические рассуждения Тихомирова и даже реализовав в условиях спада революции некоторые идеи его программы, Столыпин трезво замечал при этом, что попытки ее осуществления в полном объеме явились бы "злостной провокацией и началом новой революции". Да и сам Тихомиров все меньше верил в реальность своей утопии, записывая на страницах дневника, что Россия окончательно вступила, очевидно, "на банальный буржуазный путь".

Исторические судьбы и интерпретации учения Тихомирова также представляют определенный интерес. В Советской России его идеи длительное время подвергались остракизму, и только в наши дни очередной виток поиска путей развития страны и ее модернизации вернул интерес к его программе, особенно к той ее части, где трактуется о роли и значении верховной власти в исторических судьбах России. Думается, что не утратили полностью свое значение и те страницы, где консерватор размышляет о национальных основах отечественной государственности.

Диапазон же оценок наследия Тихомирова весьма широк: от "столпа реакции", "обскуранта", "идеолога самодержавия" (революционно-демократическая мысль), "отца русского фашизма" (белоэмигрантские публицисты Маевский, Родзаевский и др.) до встречающихся в мемуарах и публицистике определений типа "монархист-демократ" и даже "тайный враг самодержавия". В то же время

еще при жизни Тихомирова сложилось поддерживаемое им самим мнение об исключительности его "консерватизма", не укладывающегося якобы в рамки ни одной из существующих доктрин и партийных программ. Причину этого большинство авторов видело в странном и сложном сплетении в творчестве Тихомирова двух различных культур со смешением понятий и слоев из двух различных лексиконов. Публицист "Нового времени" И. Гофштеттер отмечал, что в "этическом монархизме" Тихомирова "нет ровно ничего реакционного", что "в порицании дефектов существующей системы правления и в требовании самой неограниченной свободы он идет едва ли не дальше самых крайних западных партий и расходится с ними только в разумении прогресса, который рисуется ему как свободное и логическое развитие национальных этико-политических начал".

Некоторые ученые полагают, что Тихомиров никогда не менял своих взглядов, его идеалом всегда (и в революционный период, и позднее) была сплоченная, сильная и независимая Россия, базирующаяся на национальных традициях, идеях социальной стабильности и справедливости.

ЛЕКЦИЯ 3. Веховцы о государстве и праве

Веховцы — составная, неразрывная часть более широкого течения религиозно-консервативной мысли — богоискательства. Последнее возникло в начале XX века как реакция русской интеллигенции на острейший кризис в стране, на свое политическое бесправие, на утрату влияния среди народных масс.

Некоторая оппозиционность по отношению к самодержавию сочеталась у богоискателей с отрицанием приближавшейся революции; критика официальной церкви и ее версии — христианства — с ожесточенной борьбой против атеизма и материализма в среде социалистических партий; осуждение буржуазной государственности Западной Европы — с обвинениями в "классовом эгоизме" пролетариата и его идейных защитников в "мещанстве", "материальных вожделениях", ведущих к обожествлению грубых, материальных, телесных частей человеческого бытия, в забвении души, где якобы и отражается подлинная божественная природа людей.

Богоискатели хотели не допустить революции в России, дискредитировать радикальные формы борьбы в глазах народа. Их главным идейным оппонентом был русский марксизм, которому они противопоставляли "новую религию" и идею возрождения России на духовной почве, выраженную в ряде программ христианского реформизма.

Богоискательство, или так называемое "новое религиозное сознание", вовсе не являло собой направление, отличавшееся строгой целостностью, последовательностью и внутренней непротиворечивостью. И если, с одной стороны, его классическими выразителями стали З. Гиппиус, Д. Мережковский, В. Розанов, то на другом его полюсе располагались Н. Бердяев и С. Булгаков. Нас будет интересовать второй полюс этого направления, ставший со временем веховством.

России и миру, утверждали все богоискатели, угрожает "хамство" — абсолютизм и официальное православие, "воздающее кесарю божье". Но самым страшным хамством им казалось хамство "босячества", а точнее — "четвертого сословия", или пролетариата. Социализм в радикальной версии они отождеств-

ляли с мещанством и “духовным вырождением”. Главное средство справедливого решения всех проблем они видели в вере в Бога, которая будто бы обеспечит человеку свободу. Роль же разума состоит лишь в том, чтобы подвести человека к вере. Без Бога нельзя открыть смысл своего бытия и определить цели истории человечества и своей страны. Поэтому нужно стремиться к Христу, искать Бога в своей душе, которая бессмертна. В качестве правовых норм общения между людьми богоискатели предлагали смирение, терпение, покорность.

Первым программным сборником богоискателей стали “Проблемы идеализма”, изданные в 1902 году бывшими легальными марксистами, которые в статьях сборника фактически сводили счет со своей ранней идейной зашоренностью, критикуя свои юношеские марксистские воззрения и называя историко-материалистическую концепцию извращенной религией, которая должна быть побеждена новым, “истинным” христианством. Пролетарскому правосознанию авторы противопоставляли систему религиозного правосознания и реформизм.

После поражения революции 1905 года большинство представителей богоискательства забывают о прежней оппозиционности, фронде царскому режиму, становятся на его защиту и окончательно формируют свое консервативное кредо в лице веховства.

Веховство — очередной виток богоискательства, возникший в условиях поражения революции, третьеиюньского переворота и наступившей реакции в стране. Отсюда и отличительная черта веховских идей — контрреволюционность, а их главная цель — суд над словами и делами той интеллигенции, которая вместе с народом активно участвовала в политической борьбе. Теперь это уже явный поворот значительной части в прошлом и либеральной, и демократической интеллигенции в сторону консерватизма. Он осуществлялся в разнообразных формах — отхода “от марксизма к идеализму”, углубления в православное мирозерцание или принятия теократических идеалов христианского социализма.

Программный документ веховцев — книга “Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции”, вышедшая в свет в марте 1909 года и выдержавшая за сравнительно короткий срок пять изданий. Ее авторами были семь широко известных в политических кругах России мыслителей: Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, П.Б. Струве, А.С. Изгоев, С.Л. Франк, Б.А. Кистяковский и М.О. Гершензон.

Появление “Вех” вызвало в буквальном смысле слова сенсацию. Впрочем, это вполне объяснимо, ибо авторы затронули не только самые животрепещущие вопросы действительности, но и, что особенно важно, политические интересы самых широких кругов русской интеллигенции. Менее чем за год после выхода в свет первого издания в периодической печати было опубликовано более 200 статей, рецензий и разного рода откликов. Самым оперативным образом было подготовлено и издано несколько контрвеховских сборников. В полемике вокруг “Вех” приняли участие такие мыслители, как П.Н. Миллюков, В.М. Чернов, А.В. Пешехонов, М.М. Ковалевский, Л.Н. Толстой, В.И. Ленин.

В поддержку их идей и политических оценок высказался идеолог черносотенства А.Л. Волюнский, испытавший в процессе чтения книги “в своей душе праздник” и выразивший авторам признательность за “суворовскую храбрость” и “восторженное мужество”. На защиту “Вех” встали консервативные газеты “Новое время” и “Слово”. В свою очередь либеральная и особенно социалисти-

ческая интеллигенция подвергла “Вехи” беспощадной критике. Такой прием заставил авторов “Вех” отказаться от идеи издать еще один сборник под названием “О национальном лице”, который должен был стать логическим продолжением первого сборника.

Системообразующая сюжетная линия “Вех” сводилась к негативной оценке революции 1905—1907 годов, а в теоретическом плане — к анализу ими проблемы “государство и революция”. Исходной посылкой, в той или иной мере объединяющей веховцев, было отрицание ими социальной революции и признание возможности в России лишь политической революции. Это было явное выступление против марксистской идеи социальной революции, впрочем, и против аполитичности русских демократов XIX века. Так, Струве прямо настаивал на том, что понятие “социальная революция” является “теоретическим псевдопонятием”, которое следует вообще устранить из теории. В российских же условиях, где капитализм только встал на ноги, постановка вопроса о его скорой замене социализмом является очередной утопией. Капитализм в России — это социальная закономерность и неизбежность, поэтому Струве еще до революции 1905 года звал идти к нему на выучку как наиболее оптимальному варианту социального развития на обозримую историческую перспективу.

Эту идею подхватил Булгаков, заявляя, что “в данный момент его (капитализм. — Н.А.) непосредственно нельзя устранить, не подвергая опасности само существование общества”; в истории “социальных катастроф и революций, строго говоря, никогда не было и никогда не будет, бывает лишь социальная эволюция большей или меньшей интенсивности”. Более того, российский прогресс веховцами мыслился только на основе и в рамках капитализма.

Итак, принципиально отвергая идею социальной революции, веховцы не отрицали идею политической революции. Речь шла о расчленении понятия “революция” на социальную и политическую. Политическая революция правомерна постольку, поскольку она берет на себя решение тех объективно назревших исторических задач, которые в силу тех или иных причин не в состоянии решить существующее государство. При таком подходе политическая революция представлялась в качестве некоего автоматического следствия “неразумной” политики правительства, его неспособности своевременно (применительно к России) “увенчать” то “здание”, строительство фундамента которого началось в 1861 году.

Веховцы считали, что реформы Александра II, в корне изменив основу способа производства, фактически в целостности и сохранности оставила политическую надстройку. Такие переходные периоды, когда власть оказывается неспособной ликвидировать “ножницы” между новым социальным базисом и старой надстройкой, чреваты возможностью, а при детальной неуступчивости самодержавия даже необходимостью политической революции. Именно такой революцией, в представлении веховцев, были события до 17 октября 1905 года. Иными словами, до издания царского манифеста они считали политическую революцию правомерной и исторически оправданной. Струве писал в своей статье “Интеллигенция и революция” в “Вехах”: “Актом 17 октября по существу и формально революция должна была завершиться”.

После 17 октября 1905 года, когда произошло “увенчание здания”, о котором на протяжении всего пореформенного периода мечтали наши либералы, веховцы вообще сняли вопрос о политической революции с повестки дня. Более того, учитывая опыт 1905—1907 годов, они пришли к принципиально важному

для себя выводу о том, что в России оказалось практически невозможно отделить революцию политическую от революции социальной. Установив эту неразрывную связь, веховцы предложили вообще выбросить за борт саму идею революции, встав тем самым окончательно и бесповоротно на реформистский путь развития России. Причем из факта поражения революции они пытались вывести некий политологический закон, суть которого сводилась к тому, что всякая революция с логической неизбежностью приводит к реакции. "Всякая революция, — писал Бердяев, — есть реакция на реакцию, после которой наступает реакция на революцию".

Веховцы прилагали немало усилий к тому, чтобы представить революцию в качестве сугубо деструктивного процесса, "издержки" которого превосходят его созидательные результаты, считая, что пафосом революции становится не творчество и созидание, а ненависть и разрушение. Так, Булгаков писал: "Русская революция развила огромную разрушительную энергию, уподобилась гигантскому землетрясению, но ее созидательные силы оказались далеко слабее разрушительных".

Не скупилась веховцы и на обвинения революции в установлении в стране бонапартистской диктатуры Столыпина, контрреволюционного третьиюньского режима. Такой исход революции они считали "наказанием свыше за совершенные преступления, за грехи власти и грехи народа". Резюме всех этих размышлений веховцев о революции сделал Струве, заявив, что самый ошибочный путь — это путь революции, что суть дела не в том, "как делали революцию, а в том, что ее вообще делали".

С яростью "Вехи" обрушились на марксистское и народническое учение о государстве, стремясь доказать несостоятельность тезиса о том, что изменение "внешних" условий жизни общества, под которым разумелось революционное ниспровержение государства, основанного на эксплуатации и угнетении, приводит к достижению поставленной цели — к всеобщему благу. Веховцы смеялись над "человеколюбием" и "народолюбием" революционеров; их прямо-таки выводили из себя тезисы, что "символ веры русского интеллигента есть благо народа, удовлетворение нужд большинства", что "его бог есть народ, его единственная цель есть счастье большинства". Героизм революционеров объявлялся лжегероизмом. "Вехи" осуждали их "одержимость", их "фанатизм", "пресловутую принципиальность", "экзальтированность", "авантюризм". "Пафос революции, — утверждал Булгаков, — есть ненависть и разрушение". Русскому социализму "Вехи" противопоставляли формулу вождя немецкой социал-демократии Э. Бернштейна: "Движение — все, конечная цель — ничто". И особенно возражали они против идеи диктатуры пролетариата и вооруженного восстания.

Отвращение к "внешним жизненным благам" удивительным образом уживалось на страницах "Вех" с самым грубым культом индивидуализма, личного благополучия, волчьего эгоизма и наслаждения жизнью, который они противопоставляли суровым нравам социалистов. Высмеивались их "странный аскетизм", нежелание "эгоистически" радоваться жизни, наслаждаться "свободно ее утехами".

"Вехи" открыто провозгласили в качестве исходного пункта политическую программу и тактику приспособления к царизму и реакции. Струве доказывал, что лозунг радикалов о свержении монархии является "бездонным легкомыслием". Все прежние лозунги и средства борьбы русской оппозиции после Манифеста 17 октября, ставшего "порогом новой русской истории", должны быть остав-

лены. Политику нельзя сводить к борьбе классов, ее надо вести к компромиссу — таков центральный тезис Струве.

С появлением “Вех” поворот части русской интеллигенции к консерватизму, распад и развал среди “попутчиков” революции получили идейное обоснование и программу. Ренегатство было объявлено политическим прозрением, подлое и трусливое приспособление к обстановке — подлинным мужеством. Таким образом, на деле создалось нечто вроде единого фронта — от Столыпина до ликвидаторов в стане русских марксистов, — который своей проповедью отказа от революции способствовал сохранению атмосферы реакции.

Другой важной темой в творчестве веховцев стала проблема соотношения государства и личности, роли интеллигенции в исторических событиях 1905—1907 годов. Многие из них считали, что революция — это род деятельности не народа, а социалистов, русской интеллигенции. Себя же они относили к “образованному классу”, идейно связанному с такими мыслителями, как славянофилы, Достоевский, Вл. Соловьев. “Образованный класс”, считали они, продолжал в новых условиях творчески развивать и обогащать собственную национальную идеологию, генетически связанную с консервативными течениями русской мысли.

Напротив, интеллигенция (народники и марксисты) постоянно занималась трансплантацией вредных и чуждых русскому народу модных западноевропейских идей (материализм, позитивизм, эмпириокритицизм, неокантианство, ницшеанство и т.п.) и приспособлением их без должной критической переработки к собственным утилитарно-политическим интересам, постоянно забывая о необходимости “поклоняться истине”. Революционеры якобы постоянно были поглощены ошибочными демократическими идеями “уравнительной справедливости”, “общественного добра”, “народного блага”. Такое решение проблемы соотношения государства и личности, даже если интеллигенция победит в борьбе с царизмом, в конечном счете приведет к той же авторитарной государственности, жестко подавляющей права и свободы личности, только с противоположным знаком, уже в условиях социалистического государства.

Веховцы отмечали “отщепенчество” социалистов, отчуждение от Русского государства, отсутствие всяких попыток участвовать в державном строительстве вплоть до полного разрушения государства, ибо для них государство — не столько классовый, сколько общенациональный институт. Осуждались идеи о революционном сломе государства и последующем его отмирании. Наряду с “противогосударственностью” для “отщепенчества” закономерны безрелигиозность и космополитизм. Именно в “безрелигиозном отщепенчестве” социалистов от государства Струве видел “ключ к пониманию пережитой и переживаемой нами революции”.

В результате основная масса интеллигенции, по мнению веховцев, проявила в годы революции словоблудие, когда слова и дела не совпадали, конструктивных идей было мало, что свидетельствовало о ее неспособности к позитивному державному творчеству. “Надо иметь, наконец, смелость сознаться, — писал Изгоев, — что в наших государственных думах огромное большинство депутатов, за исключением двух-трех десятков кадетов и октябристов, не обнаружили знаний, с которыми можно было бы приступить к управлению и переустройству России”.

Другой стороной отщепенчества, считали авторы “Вех”, является атеизм интеллигенции как особое отношение к религии вообще и к православию в частности, ибо российская государственность, на их взгляд, содержит в себе значите-

льную долю теократизма. Поэтому атеизм есть специфическая форма отчуждения интеллигенции не только от церкви, но и от государства. Атеизм, указывали веховцы, это то, что объединяло все политические кружки и партии демократов. Исторически наша интеллигенция развивалась как атеистическая социальная группа (правда, не всегда и не для всех атеизм был результатом усиленной работы ума. Порой он имел изрядную долю фанатизма и сектантского максимализма). Неприятие религии авторы "Вех" рассматривали как показатель кризиса интеллигентского правосознания, предлагая пересмотреть его мировоззренческие основы и покаяться. В религии и христианском реформаторстве (Бердяев — в "религиозной философии", Булгаков — в "христианском подвижничестве", Франк — в "религиозном гуманизме") виделись спасение интеллигенции, путь к преодолению отщепенчества от России и ее народа.

Космополитизм интеллигенции, считали веховцы, связан с потерей ее "национального лица" из-за болезненного преувеличения классового начала в сущности Русского государства. Поэтому они предлагали положить в основу юриспруденции "идею нации взамен интеллигенции и классов". Это была явная апологетика так называемого "здорового" великорусского национализма, где поддерживались лозунги Столыпина об укреплении государственности, создании "Великой России".

Критиковали веховцы и другую характерную черту социалистов — забвение универсальных норм и абсолютных юридических ценностей, в основе которого лежал пафос служения земным нуждам народа, как у Великого Инквизитора Достоевского. Эта черта и нигилизм ("жизнь в расколе с окружающей действительностью") породили, с одной стороны, фанатизм и "раскольничью" революционную мораль с ее идейной нетерпимостью, как у римской инквизиции средних веков, с другой — своеобразный интеллигентский максимализм, при котором нравственность подчинялась интересам политики, а целью этой политики объявлялось не созидание, а достижение справедливого распределения собственности после захвата власти революционерами.

Такое решение проблемы соотношения нравственности и политики породило свой тип интеллигента, названный не без сарказма Франком "воинствующим монахом нигилистической религии земного благополучия". Далее, полемизируя с Чернышевским и его учениками, Франк пишет, что "нигилистическая религия земного благополучия" вытеснила "правду-истину" "правдой-справедливостью"; от истины потребовали стать "орудием общественного переворота": "Да сгинет истина, если от ее гибели народу будет лучше житься, если она стоит на пути заветного клича "Долой самодержавие!". Истина раздвоилась на полезную и вредную, философия — на пролетарскую и буржуазную. А "правдоискательство" завершилось построением системы, в соответствии с которой человек стал мыслиться свободным лишь при условии освобождения от политического и экономического гнета — от "внешних форм" рабства; духовное же творчество (основание внутренней, подлинной, связывающей людей с Богом свободы) было отодвинуто на периферию юридических ценностей.

Нигилизм на базе "максимализма целей и максимализма средств", по словам Булгакова, привел революционеров в 1905—1907 годах к порочной склонности творить "тотальное насилие", пренебрегать мнением инакомыслящих. "На наших митингах, — писал Кистяковский, — свободой слова пользовались только ораторы, удобные большинству; все несогласно мыслящие заглушались криками,

свистками, возгласами “довольно”, а иногда даже физическим воздействием”. По мнению авторов “Вех”, духовные вожди русской интеллигенции “никогда не уважали права”, игнорировали “правовые интересы личности или выказывали к ним даже прямую враждебность”.

Ситуация усугублялась, когда интеллигентский нигилизм революционеры сознательно дополнили “темными”, “разрушительными” инстинктами народных масс. Синтез политического радикализма с бунтарскими народными инстинктами, по мнению Струве, совершился “с ошеломляющей быстротой”. И революция поэтому приняла бессознательный, стихийный и сугубо разрушительный характер.

Вместо созидательного разжигания народного буйства веховцы предлагали ввести систематическое правовое воспитание народа в духе разумного компромисса между государством и обществом, помещиками и крестьянами, капиталистами и рабочими.

Обвинив русскую интеллигенцию за произведенный ею синтез “отщепенческих” идей с “народными инстинктами”, веховцы сделали обескураживающий вывод, что массы с “бессознательным мистическим ужасом” ненавидели интеллигенцию, а все ее попытки слиться с народом кончались и будут кончаться крахом. Более того, “ярость народная” во время революции опрокинется и на самих вождей. Здесь веховцы обращали внимание на известную политическую максиму “революция пожирает своих вождей” и делали благодарный реверанс в сторону правительства, которое “одно своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной”.

Заканчивается сборник призывами к падшей интеллигенции покаяться во всех своих заблуждениях и ошибках. “Нужно, — писал Булгаков, — покаяться, то есть пересмотреть, передумать и осудить свою прежнюю душевную жизнь в ее глубинах и изгибах, чтобы возродиться к новой жизни”. В процессе покаяния нужно осознать и, следовательно, признать, что прежние основы юриспруденции социалистов являлись глубоко ошибочными и подлежат замене “новым религиозным сознанием”, конечная цель которого — создание “Царства Божия на земле”.

На основе нового миропонимания предполагалось перестроить все формы гражданского быта, осуществить на принципах свободы и равенства постепенную внутреннюю трансформацию личности, достигнув ее полной автономии от государства. Только на основе духовного и культурного возрождения интеллигенции должно осуществиться и политическое освобождение России. “Мы освободимся от внешнего гнета лишь тогда, — писал Бердяев, — когда освободимся от внутреннего рабства, то есть возложим на себя ответственность и перестанем во всем винить внешние силы. Тогда народится новая душа интеллигенции”. Теоретическое и практическое первенство духовных начал человеческого бытия над “внешними формами общежития” — категорический императив авторов “Вех”.

При этом они рекомендовали интеллигенции раз и навсегда отказаться от “классовой науки марксистов” и “субъективной науки народников” и признать, что буржуазная наука и есть именно настоящая, объективная наука. Причем при разработке юридических доктрин следует стремиться к поиску универсальной истины, синтезу знания и веры, “правды-истины” и “правды-справедливости”. На практике этот призыв означал отказ от демократических идей, разрыв с

многолетними, со времен Радищева, революционными традициями борьбы за свободу, против самодержавия и эксплуатации трудящихся. Дальнейшие пути развития России связывались только с эволюцией и реформами по капиталистическим канонам.

Настаивая на отказе от социалистических идей, веховцы призывали русскую интеллигенцию “обуржуазиться” и “пропитаться” духом буржуазного эгоизма. “Эгоизм, самоутверждение — великая сила, — утверждал Гершензон. — Именно она делает западную буржуазию могучим бессознательным орудием Божьего дела на земле”. Россию, вторил ему Бердяев, “необходимо “обуржуазить”, если под этим понимать призыв к социальному творчеству, переход к высшим формам хозяйства и отрицание домогательства равенства”.

Такая позиция привела бы к формированию “настоящей” интеллигенции, полностью интегрированной в буржуазный строй, задача которой — идеологически обосновывать и политически защищать его основы, искать пути для его мирной эволюции и дальнейшего развития. Только так, по мнению веховцев, можно снять противоречие между “духовными и внешними формами общежития”, преодолеть “отщепенчество” интеллигенции, превратить ее из некоего особого слоя в граждан обновленного Российского государства.

Полностью и детально свою политическую программу исторического развития России веховцы в своей книге не сформулировали. Это подметили многие их критики. Например, Л.Н. Толстой отмечал увлечение веховцев бичеванием недостатков и слабых качеств русской интеллигенции, тогда как традиционный русский вопрос “Что делать?” у них повис в воздухе, конструктивных идей в их размышлениях оказалось мало. Возможно, это было связано с тем, что свои конструктивные идеи веховцы хотели высказать в другом сборнике, который, как мы уже говорили выше, они не осмелились издать из-за неодобрительного в целом восприятия их идей русскими интеллигентами. Даже их вчерашние товарищи по партии — кадеты в контрвеховском сборнике “Интеллигенция в России” в лице своего вождя П.Н. Милюкова призывали интеллигенцию отвергнуть веховский тезис “жить поверх текущего момента” и активнее включиться в политическую жизнь, сохранять и укреплять партию “народной свободы”, создание которой явилось “самым крупным и в высшей степени ценным положительным приобретением только что пройденной нами стадии русского политического развития”.

ЛЕКЦИЯ 4. **Обзор русского либерализма начала XX века.** **П.Н. Милюков**

Начало XX века — это в истории русского либерализма один из самых сложных и драматических периодов, выразившийся во взлете и падении этого течения, качественно новых чертах его эволюции.

Носителем либерального сознания становится интеллигенция, наиболее остро и чутко реагирующая на обострение множества социальных антагонизмов, непредсказуемость исторических судеб страны. Суть перемен — в смене юридических постулатов и ценностей, когда во весь голос исследуются проблемы конституционализма, парламентаризма, связанности государства правом. Все это дает основание говорить о зарождении концепции правовой государственности в России.

Либералы новой генерации открыто заговорили о необходимости очередного витка капиталистической модернизации России (напомним читателю знаменитую фразу П. Струве о том, что следует признать нашу некультурность и пойти на выучку капитализму), о введении в стране парламентских институтов, раскрепощении личности и обеспечении ее гражданских и политических прав, о цивилизованном решении национальных проблем, о генерации культурных предпринимателей, способных стать ведущей политической силой страны. Достаточно четко и зримо прослеживается тенденция к демократизации либерализма и расширению его социальной базы.

Разделяя идеи о создании правового государства и гражданского общества, либералы нового типа рассматривали их в контексте естественно-правовых (чаще неокантианских) представлений о справедливом развитии. С этой точки зрения они, в принципе, не отвергали и этический (юридический) социализм, рассматривая его прежде всего как культурную категорию. Не случайно либералы внесли в новую программу ряд социальных требований, рассчитанных не только на стабилизацию обстановки в стране, но и на реальное улучшение положения масс в условиях модернизации. Тесно связанные с глубинными пластами народа, испытывающие “комплекс вины” за его крайне тяжелое материальное положение и эксплуатацию, бескультурье, неразвитость правосознания, они разработали либеральную альтернативу решения жизненно важных проблем, накопившихся за многие века российской истории. Это была мощная интеллектуальная попытка посредством учета интересов всех сторон российского общества, их гармонизации прорваться к юридическим ценностям и созданию гармонично развитой личности, а в конечном счете — к ускорению освободительных процессов.

Одновременно на фоне мощных попыток демократизма и социального реформаторства наблюдается довольно быстрая “европеизация” русского либерализма, который, с одной стороны, интенсивно “очищался” от славянофильских идей, народнического социализма и максимализма, а с другой — активно впитывал в себя и перерабатывал новейшие идеи мировой политической науки, берштейнианства, других реформистских течений в социал-демократии.

Кардинальным образом изменились организационные формы либерализма. К началу XX века земский либерализм и его деятельность в рамках местного самоуправления полностью исчерпали себя. Либералы стали использовать новые формы борьбы за массы, такие, как собственные корпоративные организации (например, юридические и технические общества, комитеты грамотности и т. п.). В дальнейшем все, кто разделял либеральные ценности, выступили в роли организаторов сначала политических союзов, а затем и партий.

Первые либеральные партии возникли в конце 1905 года, после подписания Николаем II Манифеста 17 октября — своеобразной российской “конституции”. Из этих партий особенно большую роль в развитии юриспруденции играли партии октябристов и кадетов. Это всероссийские массовые партии, стоявшие соответственно на правом и левом флангах буржуазно-либерального лагеря. Разделение единого лагеря на два крыла — левое (либеральное) и правое (консервативное) произошло после октября 1905 года. Кстати, такое деление весьма условно, поскольку границы между этими течениями были подвижными, а в отдельные периоды стирались вообще.

Учредительный съезд самой крупной либеральной партии России — Конституционно-демократической партии проходил 12—18 октября 1905 года. На

съезде в январе 1906 года к ранее принятому официальному названию добавили в виде подзаголовка слова "Партия народной свободы". На первом съезде была принята программа партии и избран ЦК, состоявший из двух отделов — Петербургского и Московского.

В партию кадетов входил весь цвет тогдашней интеллигенции, почти все политически сознательные ученые-юристы. Ее главным вождем был крупный российский историк, ученик В.О. Ключевского П.Н. Милюков. Из юристов активное участие в деятельности партии принимали профессора права С.А. Муромцев, В.М. Гессен, Л.И. Петражицкий, С.А. Котляревский, Б.А. Кистяковский, П.И. Новгородцев. Именно эти ученые стоят у теоретических истоков отечественной концепции правового государства.

Политическим идеалом кадетов была парламентская монархия английского типа. По их мысли, власть в стране должна быть разделена на три части. Одна часть остается за монархом. Другая передается представителям помещиков и буржуазии, получающим в свои руки верхнюю палату, избранную на основе двухстепенных выборов и ценза оседлости. И, наконец, третья часть власти уступается народу, избирающему на основе всеобщего избирательного права нижнюю палату — Государственную думу. Кадеты категорически выступали против созыва Учредительного собрания. Более того, в своей программе они прямо разъясняли использование термина "Учредительное собрание" как "собрание народных представителей с учредительными функциями, созданное для составления основного закона (конституции. — Н.А.), а не собрание, облеченное всей полнотой власти".

Другая крупная политическая организация либералов — "Союз 17 октября" — партия правового порядка возникла в ноябре 1905 года в результате объединения сторонников либеральных реформ, резко выступавших против любых социалистических экспериментов и контактов с представителями радикальных партий. Кроме того, это было правое крыло либеральной оппозиции, недовольное "федералистским течением" в недрах земско-либерального движения и настаивавшее на "единстве и неделимости России". По уставу "Союза 17 октября", в него могли входить "все партии и лица, признающие, что государственное преобразование России должно идти путем развития и укрепления начал конституционного монархизма с народным представительством, основанным на общем избирательном праве, и примыкающие к основным положениям программы". Особо подчеркивалось, что в "Союз" не могут быть приняты лица и партии, выступающие за сохранение неограниченного самодержавия, с одной стороны, и требующие созыва Учредительного собрания и образования демократической республики — с другой.

Во главе "Союза" вначале стоял крупный землевладелец, авторитетный земский деятель Д.Н. Шипов, а с октября 1906 года бессменным председателем ЦК стал отечественный предприниматель, финансист А.И. Гучков, который из политических деятелей того времени больше чем кто-либо выражал идейные традиции русских образованных буржуа. Видными деятелями партии были крупный землевладелец М.В. Родзянко, фабрикант В.П. Рябушинский, адвокат Ф.Н. Плевако, помещик В.В. Шульгин.

Политическая программа октябристов и само название партии полностью базировались на положениях царского Манифеста 17 октября, в котором народу России были "дарованы" отдельные права и свободы. В программе "Союза 17 октября" подчеркивалось, что его целью является оказание содействия "пра-

вительству, идущему по пути спасительных реформ, направленных к полному и всеобщему обновлению государственного и общественного строя России”.

Государственное устройство страны октябристами мыслилось только как конституционная монархия с Государственной думой, с полным отрицанием необходимости Учредительного собрания. В определении статуса монарха прослеживалась общность взглядов октябристов и консервативных партий. Они считали, что император раньше был оторван от народа и поэтому был слаб. Задача же состоит в том, чтобы через Государственную думу добиться единения монарха с народом, которое обеспечит ему действительную роль вождя “свободного народа”.

При обсуждении проблемы о форме государственного устройства страны октябристы выступали за “сохранение единства и неразделимости Российского государства”, за унитарное государство в виде империи, объявив о намерении “противодействовать” всяким попыткам, направленным прямо или косвенно на расчленение империи. Исключение делалось только для Финляндии: за ней признавалось “право на известное автономное государственное устройство при условии сохранения государственной связи с империей”.

Исходной посылкой, объединяющей оба течения в русском либерализме, явилось признание приоритетности эволюционного развития России. Все идеологи либерализма, будучи реформистами и просветителями, выступали против разного рода насильственных экспериментов в переустройстве страны (как сверху, так и снизу), которые оценивались ими в качестве аномальных проявлений “социальной болезни”, отклонений от “нормального” пути исторического прогресса.

Отстаивая идею неизбежности капитализма, теоретики либерализма считали, что само существование российского общества и его прогресс связаны с ускоренным развитием рыночных отношений. Переход к социализму минуя буржуазную стадию развития России они считали утопическим, чреватым гибелью самой страны в результате субъективистского эксперимента, если вдруг радикалы захватят государственную власть и попытаются навязать стране катастрофический путь развития.

Русские либералы не хотели, даже боялись социальных потрясений в неграмотной и малокультурной стране, где движение масс грозит новой “пугачевщиной”. Они желали вести страну исключительно по пути мирной трансформации Российского самодержавного государства в правовое. Вплоть до февраля 1917 года цель либералов была одна — получение реформ из рук монарха и их поддержка. Един был и способ достижения этой цели — создание в стране такого общественного мнения, которое, по их убеждению, смогло бы вынудить правительство встать на путь реформ.

Следует также иметь в виду, что после издания Манифеста 17 октября в либеральной среде на длительное время воцарились иллюзии, что власть рано или поздно будет осуществлять ею же провозглашенные лозунги. К сожалению, этого не произошло, и уже в годы Первой мировой войны либералы снова начали обсуждать проблемы политической революции, как они это делали накануне 1905 года, признавая ее неизбежность, ибо правительство блокировало проведение реформ и демонстрировало полную неспособность справиться с системным кризисом.

Апелляции к правительству со стороны идеологов либерализма во многом объясняются сохраняющейся в начале XX века политической слабостью отече-

ственной буржуазии. Хотя она во время революции 1905—1907 годов заявила о себе как социальная сила, а в последующем ее роль в политической жизни возрастала, права расширялись, все же дееспособность ее намного отставала от экономической мощи государства. Она по-прежнему в громадной степени зависела от правительства экономически и политически. Запоздалое появление на свет делало ее недостаточно конкурентоспособной не только на внешнем, но и на внутреннем рынке, она нуждалась в покровительственных пошлинах, в политике “насаждения” промышленности сверху, активно проводимой тогдашним правительством Николая II.

Отсюда — важное следствие: наша буржуазия очень медленно консолидировалась в класс, предпочитая своим общеклассовым интересам, выраженным в целом в либеральной идеологии, групповые, политике дальнего прицела политику сиюминутной мелкой выгоды. Правда, в то время либералы попытались создать специальные органы, главной целью которых было воспитание русских предпринимателей с целью превратить их в класс, исполненный достоинства, осознающий собственную мощь и отведенную ему историей роль законного преемника измывавшегося, выродившегося “благородного сословия”.

После общей характеристики нового либерализма в России начала XX века перейдем к персоналиям, среди которых наиболее типичной фигурой является **Павел Николаевич Милюков (1859—1943)**, чье имя прочно связано с историей России, ее революциями, с русским конституционализмом.

П.Н. Милюков родился 15 января 1859 года в Москве. В раннем детстве он уже читал в подлиннике “Энеиду”, делал переводы стихотворений Овидия, Тацита. Процесс складывания его правосознания происходил в первые пореформенные десятилетия. Будучи гимназистом последних лет обучения, Милюков становится участником кружка учащихся, сочувствовавших делу освобождения славянских народов из-под турецкого ига. В дальнейшем интерес к отношениям России со славянскими народами сохранится у него на всю жизнь. В 1877 году Милюков — студент историко-филологического факультета Московского университета. Здесь судьба свела его с двумя крупными учеными — П.Г. Виноградовым и В.О. Ключевским. Оба они оказали влияние на правосознание Милюкова, хотя и не в одинаковой степени.

В 1885 году, блестяще сдав магистерские экзамены, Милюков приступил к написанию диссертации. Чтобы остаться при университете, необходимо было выступить с публичной лекцией на тему по собственному выбору. Примечательно, что Милюков взял для своего выступления тему “Юридическая школа в русской историографии”.

В период 1886—1892 годов основным направлением научной деятельности Милюкова стала работа над диссертацией “Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформы Петра Великого”. Обращение Милюкова к изучению реформ Петра отнюдь не случайно. Дело в том, что они, бесспорно, составляют переломную веху истории России, открывшую новый этап, который продлился вплоть до революций начала XX века, а поэтому неизбежно становятся ключевой проблемой всякой историко-юридической теории. Как во Франции каждый новый этап в развитии юриспруденции находит себе выражение в новом пересмотре событий французской революции, так и в России роль пробного камня для проявления того или иного взгляда на государство и право играло отношение к реформам Петра.

Работа диссертанта врывалась в самую гущу споров между западниками и славянофилами, их сторонниками на исходе века. Моя задача была, вспоминать Милокова, объяснить значение Петровских реформ. Но я отвергал старую постановку спора, как он велся в поколениях 40—70-х годов. Славянофилы стояли на принципе русской самобытности, западники — на принципе заимствования европейской культуры. “Мой тезис был, что европеизация России не есть продукт заимствования, а неизбежный результат внутренней эволюции, одинаковый в принципе у России с Европой, но лишь задержанный условиями среды”. С этой точки зрения подход Милокова оказывался своеобразным синтезом двух предшествующих взаимоисключающих позиций славянофилов и западников, означал новое видение реформ. “Меня потом упрекали в умалении роли Петра, — писал ученый в этой связи, — не понимая моей основной цели — стать при оценке реформ над упрощенным противопоставлением неподвижной самобытности и насильственной ломки”.

17 мая 1892 года состоялась публичная защита диссертации Милокова. Слухи о разногласиях Ключевского с его выдающимся учеником распространились в университете, и зал был полон. Студенты были настроены сочувственно к Милокову и враждебно к Ключевскому. Речь Милокова, как отмечали современники, была весьма умеренной по тону и представляла собой короткий обзор исследовательских методов и полученных выводов. Ключевский оценил труд Милокова как сырой материал, нуждающийся еще в осмыслении, обработке и литературной шлифовке, и закончил свое выступление формальным одобрением работы и предложением дать Милокову степень магистра. Друзья Милокова, в частности Виноградов, полагали, что Милоков заслуживает присвоения докторской степени. Однако Ключевский выступил против данного предложения Виноградова, и оно было отвергнуто.

В дальнейшем наблюдается решительный поворот Милокова к западническим идеям и преодоление его прежних славянофильских увлечений. В 1893 году Милоков выступает с программной работой “Разложение славянофильства”, где аргументированной критике были подвергнуты воззрения крупнейших представителей неославянофильства — консерваторов Данилевского, Леонтьева и Вл. Соловьева. Подвергая разбору основные положения старого и нового славянофильства, Милоков приходит к весьма тенденциозному, но последовательно западническому выводу: “Истинное славянофильство... прекратило свое существование... Теперь оно умерло и не воскреснет”. С этого времени Милоков вместе с Виноградовым становится лидером западнического крыла русской профессуры, выступающего против официальной идеализации древнерусских порядков.

После того как Николай II 17 января 1895 года объявил делегации земцев о несбыточности их мечтаний по поводу конституции и сохранения самодержавия в неизменном виде, начались гонения на основной оплот свободной мысли — университеты, что сыграло решающую роль в судьбе Милокова. Как неблагонадежный он был отстранен от преподавательской деятельности, а затем выслан из Москвы на два года.

Годы ссылки не пропали даром, их итогом стала новая крупная работа Милокова “Очерки по истории русской культуры”, имеющая важное значение в юриспруденции будущего вождя кадетов. Эта работа начала печататься с 1895 года в журнале “Мир Божий”, являвшемся органом легальных марксистов во главе с П.Б. Струве и М.И. Туган-Барановским. В “Очерках” Милоков пока-

зал умение связать историю и юриспруденцию в одно целое. Получилось так, что взгляды мыслителя формировались не путем эмоционального восприятия и не из практического участия в жизни, а прежде всего как вывод из научной мысли. Милюков-политик есть точная копия Милюкова-историка.

Суть его метода заключалась в том, что, продолжая магистральную линию юридической школы в понимании отечественной политики, Милюков в то же время по-своему решает поставленные этой школой вопросы, разрушая традиционные парадигмы объяснения фактов нашей истории. Милюков сознательно отбрасывает как устаревшие попытки "философского", точнее, метафизического или телеологического объяснения в духе немецкой философии и ее русских эпигонов. Для познания государства и права используется современная автору социология. Опираясь на ее выводы, Милюков придает решающее значение фактам и их осмыслению. Действительно, основная задача ученого состоит в выявлении и критическом изучении фактов, но следующим этапом должно быть их осмысление, т. е. выявление общего и особенного в них с целью открытия закономерностей.

В "Очерках", кроме того, активно используется многофакторная концепция развития, согласно которой в политико-правовых явлениях нельзя выделить какой-либо один решающий или главный фактор, а следует изучать меняющуюся роль каждого из действующих факторов. Данный подход отразился уже в структуре книги. В отличие от всех предшествующих обобщающих трудов такого рода, труд Милюкова был построен не по хронологическому, а по логическому (проблемно-тематическому) принципу: после характеристики своего общего подхода автор предлагает ряд "очерков", характеризующих последовательно "население", "государственный строй (войско, финансы, учреждения)", "экономический быт", "сословный строй" и др. Он как бы отыскивает основные параметры эволюции, стадии роста отечественной государственности.

Обобщающую роль в "Очерках" играет мысль автора о принципиальном сходстве основных тенденций развития России и Западной Европы. Милюков устанавливает типологически сходные черты политической эволюции России со странами Запада и в то же время показывает ее специфику, подчас весьма ощутимую и наводящую на мысль о значении азиатского компонента (византизм. — Н. А.), отсталости, о необходимости ее преодоления.

Наконец, третья особенность подхода Милюкова к изучению государства и права обусловлена несомненным влиянием на него исторического материализма, вернее, экономического материализма в той его трактовке, которую можно найти в трудах легальных марксистов. Практическое воплощение это влияние нашло уже в диссертации Милюкова о государственном хозяйстве при Петре I, но особенно проявилось оно в "Очерках", где автор рассматривает экономический фактор как один из решающих при изучении Российского государства.

Если сравнить концепцию Милюкова с основными компонентами концепций Чичерина и Кавелина, то обнаружится их фундаментальная общность. Подобно им, Милюков большое внимание уделяет географическому фактору русской государственности, освоению новых пространств, вызванной этими обстоятельствами стадийной смещенности основных этапов развития и, наконец, на этом фоне, особой роли государства в России.

Действительно, как типичный этатист Милюков считает государство главной движущей силой русской истории и в этом смысле противопоставляет ей историю западную, но основными доводами при обосновывании этой позиции оказы-

ваются аргументы историко-материалистической концепции. “Дело в том, — объясняет он, — что в России государство имело огромное влияние на общественную организацию, тогда как на Западе общественная организация обусловила государственный строй. Этот тезис кажется, на первый взгляд, парадоксом. Он как будто противоречит той очень распространенной теории, что политический строй всякого государства должен быть “надстройкой” над экономическим “фундаментом”. Мы, однако, нисколько не отрицаем зависимости политической надстройки от экономического фундамента. Напротив, мы предлагаем лишний раз иллюстрировать эту зависимость на примере России. Именно элементарное состояние экономического “фундамента” вызвало у нас в России гипертрофию государственной “надстройки” и обусловило сильное обратное воздействие этой “надстройки” на самый “фундамент”.

По Милюкову, сила русской монархии есть обратная сторона слабости и аморфности общества. Постоянное расширение территории страны, растущие задачи ее обороны вели к усилению государства, росту его вмешательства в жизнь общества. Отсюда понимание Русского государства как патриархального, где крепостное право — следствие военно-финансовой необходимости. Указанная оценка самодержавия, представлявшая во многом развитие взглядов Ключевского, вела к сосредоточению внимания на экономических факторах государственности, проблеме соотношения экономики и политики, которая, кстати, стала центральной в тогдашней науке. Достаточно в этой связи указать на тот факт, что некто иной, как Макс Вебер, сделал эту проблему предметом своего главного труда — “Хозяйство и общество”. Так что Милюков работал над вполне актуальной проблематикой, используя в своих размышлениях и выводы Вебера, в том числе и по истории России.

В целом же методология Милюкова была не разрывом с предшествующей традицией, восходящей к С. Соловьеву, К. Кавелину, Б. Чичерину, как утверждают некоторые исследователи, а скорее уточнением и верификацией прежней концепции на новом (прежде всего экономическом и этнографическом) материале, попыткой ее осмысления с помощью нового (социологического) научного инструментария.

В дальнейшем, особенно в период эмиграции, который находится вне хронологических рамок нового русского либерализма, основные контуры юридической школы Милюкова проступают еще более отчетливо, а иногда приобретают даже декларативный характер, позволяющий обосновать отдельным западным ученым сближение его позиций в конце жизни с материалистическим этатизмом Сталина.

Отметим, что сам Милюков хорошо осознавал преемственность своих взглядов по отношению к предшественникам. Так, уже в своей вступительной лекции о юридической школе он подчеркивал, что это направление сошло со сцены, не будучи замещенным никаким другим, равным ему по цельности и стройности. В “Воспоминаниях” эта мысль выражена еще более определенно. Резюмируя, можно определить гносеологию Милюкова как социологический позитивизм, который при анализе юридических проблем уделяет большое внимание материальным факторам.

Достаточно в этой связи посмотреть на проблему происхождения и сущности государства. Для Милюкова оно — прежде всего историческое явление, возникшее на определенной ступени. Он выделяет три типичные ступени общественно-го развития. Первая ступень — племя, где “государства еще нет и люди связа-

ны между собой особой кровной связью — родством, либо настоящим, либо придуманным”. На второй ступени вместо кровных связей появляются основанные на силе политические отношения, но они, по Милокову, еще слабые, централизованных государств нет, “общество раздроблено на множество маленьких, в которых господствуют крупные собственники, завладевшие общинными и племенными землями и вооружившие своих слуг, чтобы вместе с ними защищать своих подданных и нападать на чужих”. Такие государства ученый называет феодальными. Третья ступень характерна возникновением национальных государств, которые Милоков чаще именует как военно-национальные. В этот период “один самый сильный и самый ловкий хищник” из числа феодальных предводителей уничтожает или покоряет остальных, подчиняя своей власти “все население одного языка и одной веры, создавая таким образом единую нацию и организуя постоянное войско для защиты государства”.

На этом эволюция государства не заканчивается. Со временем военно-насиловательная функция государства ослабевает, что начинает способствовать и соответствовать “мирному развитию промышленности”. В современных условиях “свободное развитие производительных сил требует и внутренней безопасности, не мирится с произволом и насилием и перестраивает все внутреннее устройство государства на твердой основе закона и права. Таким образом, военно-национальное государство превращается в промышленно-правовое”.

Во всей этой общей схеме четко прослеживается влияние тогдашних крупных авторитетов социологического позитивизма и, в частности, Г. Спенсера. Но заслуга Милокова заключается в том, что он удачно применил их выводы к генезису российской государственности, подчеркивая при этом, что общие закономерности, несмотря на утверждения славянофилов и их последователей начала XX века, проявляются и на русской почве, хотя “все эти перемены в России происходили не точка в точку так, как в других государствах”.

Милоков даже подчеркивает оригинальность российского политогенеза. “У нас феодальный быт был слабее”. На Руси не было таких крупных феодалов, как в Европе, которые стали суверенными властителями “и долго мешали разным частям нации слиться в одно государство”. “Первые русские князья быстро подавили некоторых крупных феодалов-землевладельцев (бояр. — Н. А.), смирили их силой и земли у них насильно отняли, создавая тем самым основы национально-военного государства. Его специфика — сила и продолжительность. Русское государство выросло и укрепилось на более продолжительное время. Но это не значит, конечно, что военно-национальное государство всегда существовало на Руси и что оно должно было сохраниться на вечные времена”.

Постепенно одной силы стало не хватать. Появилась необходимость оправдать и легитимировать возникшую силой власть. В этом вопросе Россия пошла своим, специфическим путем. На Западе для укрепления государственности использовали рецепцию римского права. Легисты вспомнили, что, по римским законам, государь стоит выше всякого закона, что он сам живой закон и поэтому его власть неограниченна. В результате “власть западных государей получила в римском законе твердую опору”.

В России процесс легитимации шел другим путем. Сначала для укрепления государства использовались наследственные права московских великих князей, затем концепция “Москва — третий Рим”. Далее суверенитет стал связываться с православием, что также со временем стало недостаточным. Поиски легитим-

ных основ у нас затаились, о чем свидетельствуют как реформы Петра Великого и Екатерины II, так и либеральные проекты Александра I и его ближайшего сподвижника Сперанского. Их фундаментом стали различные модификации зарубежных теорий естественного права, которые еще считались с правосознанием русского народа. Последнее, однако, после подавления заговора декабристов правительством совсем перестало учитываться. И только Крымская война и ее реальные итоги заставили правительство учесть "требования жизни" и провести "целый ряд важных реформ".

Процесс легитимации нашей государственности затянулся на века и фактически, по Милюкову, по-прежнему остается незаконченным, свидетельством чему стал созыв императором Государственной думы. И хотя "требования жизни и потребности времени все еще не совсем приняты в расчет", но Россия, пусть даже позже, чем государства Запада, пошла в своем развитии "тем же самым путем, которым шли и будут идти все просвещенные государства", то есть путем превращения в "промышленно-правовое" государство.

Путь этот в России, по Милюкову, по-прежнему связан с легитимацией монархии, которая должна превратиться в ограниченную конституцией и в то же время усиленную законом, выражающим волю народа, императорскую власть. Далее необходимо реформами превратить самодержавие в демократическую монархию, основанную на принципах конституционализма, парламентаризма, разделения властей. Конечным итогом такого развития Российского государства и будет превращение его в "промышленно-правовое", учитывающее интересы всех граждан и выражающее их общие интересы.

Сам процесс легитимации мыслился Милюковым весьма длительным, о его конечных формах, датах и результатах он не пытался фантазировать, зная всю непредсказуемость русского политического развития. Начало же связывал в основном с созывом первой Государственной думы и реальными шагами самодержавия в выполнении дарованных российским подданным тех политических и гражданских свобод, которые провозглашались Манифестом 17 октября 1905 года.

Вся дальнейшая деятельность Милюкова была связана с теоретической и практической борьбой за превращение России в современное демократическое и конституционное монархическое государство.

История, однако, распорядилась по-своему: в 1917 году процесс эволюции русской монархии был прерван революционным путем. Для Милюкова это означало идейно-политическую катастрофу, начало новой эры в его жизни и творчестве.

ЛЕКЦИЯ 5. П.И. Новгородцев

Павел Иванович Новгородцев (1866 — 1924) родился на Украине, в городе Бахмут, в купеческой семье. После окончания с золотой медалью екатеринославской гимназии он в 1884 году зачисляется на первый курс естественного отделения физико-математического факультета Московского университета, но уже через месяц учебы переводится на юридический факультет. Научная карьера Новгородцева началась в 1897 году после успешной защиты магистерской диссертации на тему "Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба. Опыт характеристики основ школы Савиньи в их последовательном развитии". Доктором же права Новгородцев стал в стенах Петербургского университета.

после защиты в 1903 году еще одной диссертации, теперь уже на тему “Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве”.

В юридической науке Новгородцев выступал как против исторического, так и против социологического подхода к праву, который он считал продолжением и углублением исторического подхода. Признавая заслуги обоих подходов в рассмотрении политико-правовых явлений во взаимосвязи с другими сторонами общественной жизни, Новгородцев отрицает притязания социологии на роль науки наук, особенно при изучении права, призывая оберегать ее нравственную основу от воздействия мелкой практики и односторонней теории.

Русский юрист считал настоятельной необходимостью восстановление естественной школы права, которая поможет освободить правоведение от допущенных ошибок. Ведь социология является индифферентной по отношению к духу закона. Одно только объективное изучение политико-правовых явлений и форм без изучения их субъективных свойств не может привести к полному их пониманию. Новгородцев выступал также против психологического направления в теории права в лице Петражицкого, который пытался подменить юриспруденцию опытно-психологической наукой.

В своих книгах “История философии права” (1897), “О задачах современной философии права” (1902), “Кризис современного правосознания” (1909), “Политические идеалы древнего и нового мира” (1913 — 1914), “Об общественном идеале” (1917) Новгородцев развивал воззрения русского неокантианства, в рамках которого протекало “возрождение” естественного права. От Канта были восприняты идея автономии воли, нормативно-ценностная методология, критерии естественно-правовой науки. Мыслитель сознательно и последовательно проводил в своих трудах принцип дуализма мира явлений и “вещей в себе”, законов природы и сферы духа. Вместе с тем он критиковал кантовский категорический императив за крайний формализм и индивидуализм.

Значительное влияние на философию права Новгородцева оказали древнегреческие философы (Сократ, Платон). Он прочно усвоил ярко выраженный в платоновской юриспруденции тезис о том, что политическое устройство общества есть лишь часть его общей духовной организации. Оно мыслимо лишь в контексте нравственного сознания, которое является доминантой политико-правовой деятельности. Новгородцев берет у Платона идеи о метафизической соединенности личности и общества.

Исходным стало понятие общественного идеала как вечной и непреходящей абсолютной ценности, связанной с универсальными принципами организации жизни и духовной природой человека. “Личность, — писал Новгородцев, — непреклонная в своем нравственном стремлении, почерпывающая свою силу из веры в абсолютный идеал добра и неизменно сохраняющая эту веру при всех поворотах истории, — вот что берется за основу для общественного сознания”.

Соглашаясь с Кантом в том, что сущностные моменты общества, отличающие его от животного мира, проявляются в нормативной сфере морали и права, Новгородцев подверг глубокой и аргументированной критике позитивистскую методологию за то, что в ней “есть грубая гносеологическая ошибка, состоявшая в наивно-реалистическом утверждении объективного характера изучаемых фактов и связей”. Познание юридических явлений требует учета интересов и ценностей личности, включающих в себя ее духовные идеалы. По Новгородцеву, русские позитивисты, придерживаясь мнения, что государство и право могут рас-

смастиваться как явления общественные, пришли к “удивительному и абсурдному” результату, полагая, что в историзме и социальности состоит суть юриспруденции. При таком подходе неизбежно игнорируется ее обособленность от других наук и автономность ее структур, уже сложившихся в процессе ее развития. Новгородцев поднимал весьма реальную проблему, когда справедливо возражал против сведения государственно-правовых явлений к социально-экономическим факторам.

Государство и право коренятся в человеческой жизни, в наличии “первоначальных задатков” всеобщего долженствования, т.е. в нормах. Нас от животных отличает не то, что наши нормы меняются с ходом времени, а то, что они у нас есть. Это “безусловное долженствование” составляет нравственную основу человека, являющуюся, в свою очередь, основой развития цивилизации. Методология, предназначенная дать критерий для оценки этой цепи явлений, не может черпать свои исходные начала из анализа “вторичного” бытия норм в рамках того или иного исторического типа государства, следует открыть их первичное, трансцендентное бытие. “Здесь необходимо обратиться к априорным указаниям нравственного сознания, которое в своем независимом от всякого опыта существе содержит данные для оценки любого опытного материала”.

Сравнивая процесс образования юридических норм и их реализации с естественно протекающими процессами природы, позитивисты забывают, что если они и “образуются закономерно, то через людей и при посредстве их воли”. Поэтому если и уместно ставить вопрос о закономерностях в юриспруденции, то лишь в смысле закономерности воли. Меньше всего “социальные факты” можно мыслить “по Дюркгейму” как “вещи”, их надо сопереживать как “ценность”, как реализацию идеальных целей.

В свете этого и “становится понятной та формула, — писал Новгородцев, — которую мы противопоставляем позитивно-социологическому направлению: нравственность (как и право) может и должна изучаться не только как историческое и общественное явление, но также как внутреннее, психическое переживание, как норма или принцип личности. Рядом с социологическим изучением должно быть признано индивидуально-психологическое и нормативно-этическое: нравственность должна быть понятна не только со стороны своей исторической изменчивости, но также как явление и закон личной жизни, как внутренняя абсолютная ценность”.

Сведение понятия должного (права) к естественной необходимости так же ошибочно, как и провозглашение человеческого сознания известным свойством материи; между понятиями “сознание” и “материя”, “должное” и “естественная необходимость” — непроходимая бездна. Поэтому юриспруденция нуждается в дополнении и обогащении на путях обращения к “глубоким источникам философии идеализма”. Для этого требуется переход к новой точке зрения, а именно к возрождению конституции “естественного права” с его априорной методой, идеальными стремлениями, с признанием самостоятельного значения за нравственным началом и его нормативным изучением.

Выражая скептическое отношение к социологизму и историзму в правоведении, Новгородцев отмечал, что теория права издавна развивалась на почве естественно-правовых воззрений. Ее главный недостаток в XVIII веке заключался в неумении найти границы для понятия права. Историческая школа юристов не только не устранила этот недостаток, а, напротив, способствовала его утвержде-

нию. Исходной целью этой школы было стремление доказать не действительность идеального, а идеальность действительного, что приводило к тому же расширению рамок существующего.

Центр тяжести поисков и устремлений сторонников этого направления был перенесен в область положительного права. Вместе с тем само существование в праве нравственных начал, по мысли Новгородцева, начинает казаться иным исследователям несбыточной мечтой, идеалом, сияющим издалика. "Однако более внимательное изучение предмета доказывает, что естественное право представляет собой неискоренимую потребность человеческого мышления и исконную принадлежность философии права. Можно даже сказать, что по своей идее это и есть сама философия права".

Естественному праву свойственно стремление оценивать факты существующего с этической точки зрения. В этом Новгородцев видел главную задачу философии права. Все теории и идеальные построения есть не что иное, как попытка критически отнестись к действительности и оценить ее с точки зрения идеала. "Этический критицизм", следовательно, представляет собой саму суть естественного права.

Противопоставление естественного права положительному у него объясняется не только вечным противоречием идеала и действительности, но также некоторыми особенностями законодательства, которое подчеркивает и обостряет это противоречие. Дело в том, что, как бы ни были совершенны положительные законы, с течением времени они устаревают, а жизнь в своем развитии уходит вперед и требует для себя новых определений и новых законов. Так или иначе, положительные законы не могут успевать за движением истории. В силу этого в жизни постоянно возникают конфликты между старыми законами и новыми прогрессивными стремлениями. Из этих конфликтов, по Новгородцеву, "зарождается естественное право как требование реформ и изменений в общественном строе".

Естественное право, по Новгородцеву, возникнув еще в античности, затем меняло свое содержание с каждой эпохой, с каждой цивилизацией. Оно действует и в начале XX века "как идеал положительного права, как требование его реформы, как проявление философской мысли, как сама философия права". Однако теперь речь идет о праве природы, не противопоставляемой более природе истории, поскольку последняя понимается шире, чем понималась прежде, и "в течении исторической жизни открывается зародыш новых отношений, а вместе с тем и основания для построения идеального права". Тем самым Новгородцев развивал концепцию возрожденного естественного права с меняющимся содержанием.

Классические выводы Канта служат в этой концепции лучшим средством ориентирования. Чтобы возвысить нравственное сознание над цепью причин и следствий, над течением времени, над миром опытных явлений, чтобы приблизиться к самой сущности идеальных начал, независимой от их временной оболочки, должен быть проведен особый философский анализ. По Новгородцеву, нравственное сознание "отрекается от той деятельности, которая идет вразрез с этими требованиями, оно протестует и ропщет, оно требует от будущего того, чего нет в настоящем".

Цель современной философии права в связи с этим сводится к ограничению и защите нравственной основы права от воздействия "мелкой практики" и "односторонней теории", к утверждению его (т. е. права) "чистого", идеального значения, его моральной основы. Главный вопрос естественного права — это

вопрос о праве будущего. Но будущее для Новгородцева неразрывно с известными нравственными идеалами. От будущего права ожидается не простой результат действия данных условий, а результат идеальный и желательный; мысль обращается не к тому, что будет в силу естественных причин, а к тому, что должно быть в соответствии с нравственными законами.

Считая, что утопические надежды найти безусловную форму социально-политического устройства претерпели крушение, Новгородцев делает попытку открыть новые горизонты в праве. "Не вера в земной рай, который оказывается, по существу, недостижимым, а вера в человеческое действие и нравственное долженствование — вот что становится здесь перед нами". Он полагает, что именно социализм есть утопическая вера в земной рай, и обвиняет марксизм в отсутствии реалистического подхода к решению задач, стоящих перед рабочим классом. Истину он видит в компромиссе и политике солидарности, соглашательства между различными социальными группами и классами.

Понятие общественного идеала как вечной и непреходящей ценности, связанной с универсальными принципами организации общественной жизни, исследовано еще раз в книге "Об общественном идеале" (1917). Нормативно-телеологическая сущность идеала и его трансцендентность создавали историческую перспективу развивающемуся бытию, позволяли выбирать правильные ориентиры в мире. Исходить из реальности в социальном познании — значит непрерывно приближаться к Абсолюту, по отношению к которому конкретные формы юридических идей могут рассматриваться только как частные моменты социокультурной эволюции человечества. Единственным истинным общественным идеалом, согласно Новгородцеву, может быть только идеал бесконечного развития личности. "Личность, непреклонная в своем нравственном стремлении, почерпывающая свою силу из веры в абсолютный идеал добра и неизменно сохраняющая эту веру при всех поворотах истории, — вот что берется здесь за основу для общественного созидания". Идеал должен быть таким же динамичным, какой является жизнь, и должен изменяться в соответствии с новыми духовными и социальными запросами.

Концепция общественного идеала Новгородцева была направлена против радикальных теорий, а также против буржуазного формального парламентаризма, конституционализма и показывала их относительный смысл. Мыслитель выступал и против узкоклассового понимания политики и права, применяя к последним все тот же критерий естественного права, выражающего общезначимые и вечные стороны человеческого бытия, "беспристрастную и нелицеприятную идею справедливости".

Важнейшую проблему классического либерализма — синтез свободы и равенства — Новгородцев решал в духе "нового" социального либерализма. Разграничивая нравственные и политические идеалы, ученый отстаивал право человека на выбор формы государства, в той или иной мере сопрягающейся с нравственным идеалом. В данном случае предполагалось, что принцип классического либерализма — невмешательство государства в частную жизнь — должен быть изменен и дополнен.

Новгородцев был выразителем либерального правосознания, неразрывно связанного с теорией правового государства. Основной принцип этой теории он видел в том, что существование любого политического организма должно быть связано нормами права, обязательными как для государства, так и для граждан.

Право и правовое государство, считал он, “для настоящего времени являются этическим минимумом, обеспечением элементарных условий общежития”.

По учению Канта, точку зрения которого и в данном вопросе Новгородцев разделял полностью, человек не должен быть средством для достижения каких-либо целей. Человек есть цель в самом себе: признание человеческого достоинства абсолютной целью составляет безусловное требование нравственного долга. Отсюда неотъемлемые права граждан: свобода, ограниченная такими законами, в создании которых они участвовали, юридическое равенство и гражданская самостоятельность, которые заключаются в том, что своим существованием и самосохранением гражданин обязан собственным силам. Эта идея неотчуждаемых прав личности формируется на признании моральной идеи личности, которая, в свою очередь, базируется на автономной воле субъекта.

Правовое государство Новгородцева основано на принципе разделения властей: законодательной, исполнительной и судебной, что не означает их обособления друг от друга, — речь идет о разделении функций, которое обеспечивает возможность взаимного контроля властей, создает правовые противовесы, не позволяющие какой-либо из властей абсолютизировать свои полномочия, в результате чего страдает народная свобода, ущемляются неотчуждаемые права и интересы граждан. Разделение властей трактуется юристом как политический принцип, в высшей степени важный, но не безусловный. В XVIII веке в этой теории видели панацею, “философский камень”, тайну политического искусства, с помощью которой можно превратить дурные формы в хорошие. Жизнь же свидетельствует, констатирует Новгородцев, что правовой идеал, ранее считавшийся “абсолютным пределом общественного устройства”, низведен до “степени относительного блага моральной культуры”.

Теория разделения властей имеет не только политический смысл, но и юридический. Если в политическом смысле теорию интересуют вопросы, кто властвует, кто правит, то в юридическом — вопрос, как правит. А ответ на этот вопрос требует закрепления четких формулировок в конституции, имеющей прямое действие. Исторический опыт показал, что эту теорию следует рассматривать в диалектической взаимосвязи с концепциями гражданского общества, консенсуса различных политических партий и групп, политических институтов.

Новгородцев исходит из того, что обществу необходимо единое право, одинаково обязательное для всех. А единое право требует единой власти. Это выражается в том, что над данной властью нет и не может быть более высокой власти. И единая (верховная) власть призвана защищать “естественные права” граждан на жизнь, свободу, независимость и честь.

Новгородцев полагал, что сама верховная власть и конституция подзаконны, так как над ними существует нравственный суд — “высшая нравственная норма”. В противном случае решения граждан неплототворны, а власть, в конце концов, перестает быть единой и распадается. При внешнем единстве, могуществе в государстве может процветать лицемерие, а внутреннее свободное решение, связанное с убеждением, может отсутствовать. Внутренние разногласия могут разрушить внешнее единство. Внутреннее же единство, допуская внешние расхождения во взглядах, приводит к рождению взаимопонимания в интересах общества и устраняет фракционную борьбу за власть.

Особенность правового государства Новгородцев видел и в том, что в нем существует общественное мнение, порожденное гражданским обществом. Это

мнение “укоренено в гуманитарном знании” и указывает на безусловную значимость народных завоеваний и народного достоинства. “В пределах данного государства, — пишет ученый, — могут уживаться разные веры и могут бороться разные политические воззрения; в нем могут существовать рядом разные народности и наречия; но для того, чтобы государство представляло собою прочное духовное единство, оно должно утвердиться на общем уважении и общей любви к своему общенародному достоянию”.

Новгородцев не устал повторять, что государство существует для человека, а не человек для государства. Человек должен быть уважаем не только как гражданин, но и как личность. Отвергая представление о государстве как машине подавления одного класса другим, где господствующим является принцип силы, а не права, он стремился преодолеть недостатки западных концепций правового государства, их формализм и отрешенность от действительной жизни человеческого духа. Такой формализм изжил себя, ибо не смог преодолеть противоречий между равенством и свободой.

Представляют интерес суждения ученого о функциях правового государства по ограничению произвола с помощью публично-правового регулирования частной жизни, перераспределения национального богатства, исходя из принципа социальной справедливости. Государство обязано создать необходимые условия для достойной полноценной жизни человека. “Речь идет в данном случае, очевидно, о том, чтобы обеспечить для каждого возможность человеческого существования и освободить от гнета таких условий жизни, которые убивают человека физически и нравственно... Обеспечение права на достойное человеческое существование ближайшим образом имеет в виду лиц, страдающих от экономической зависимости, от недостатка средств, от неблагоприятно сложившихся обстоятельств”.

Подобное понимание правового государства существенно расширяло концептуальные рамки либеральных идей. Речь шла, по сути, о социальном государстве, о диалектике политического и правового идеала, обусловленного абсолютными ценностями естественного права. В некотором смысле это уже неполитическое государство. Его невозможно создать с помощью революции и кровопролития. Только постепенная реформаторская деятельность избранных законным и демократическим путем правительства и органов власти могут изменить к лучшему положение в России, считал ученый.

В последние годы жизни Новгородцев пытался синтезировать идею правового устройства социальной жизни с православной тенденцией ее внутреннего преобразования.

ЛЕКЦИЯ 6. Л.И. Петражицкий

Мысль о том, что юриспруденция есть явление, связанное с человеческой психикой, что в душах людей или психологии различных социальных групп формируется или отражается право, — эта мысль не нова. Начиная со времен Платона, представители идеалистического взгляда на мир вынуждены были считаться с состоянием человеческого духа, чтобы рассуждать о праве и сопутствующих ему явлениях.

Но только в начале XX века складывается самостоятельное направление юридической науки — психологическая школа права. В ее недрах психологиче-

ский момент в юриспруденции из второстепенного становится исходным, краеугольным, основным. Право рассматривается как продукт различного рода психологических установок, инстинктов, эмоций, оно вторично и производно по отношению к душевному складу людей.

Союз теории права с психологией лучше всего можно осветить на примере учения Льва Иосифовича Петражицкого (1867 — 1931). Он закончил весьма успешно юридический факультет Киевского университета и был оставлен на кафедре римского права. Продолжил образование в семинарии, учрежденной в Берлине с целью приготовления профессоров римского права для России. Уже в Германии Петражицкий начал свою научную деятельность, написал ряд книг и статей по цивилистике, в которых, однако, сквозил интерес к теоретическим вопросам юриспруденции. Критикуя второй проект Германского гражданского уложения 1900 года, он попытался сформулировать основы цивилистической политики, указывая на воспитательную функцию права, а затем и вовсе решил создать новую юридическую дисциплину — политику права.

Возвратившись в Россию в 1896 году, Петражицкий приглашается для преподавания в столичный университет, быстро защищает докторскую диссертацию по гражданскому праву, но интерес к общетеоретическим проблемам юриспруденции у него усиливается. В 1897 году он с радостью занимает кафедру энциклопедии и истории философии права, на которой работает вплоть до Октябрьской революции. В этот период ученый издает два своих основных произведения — “Введение в изучение права и нравственности” (1905) и “Теория права и государства в связи с теорией нравственности” (1907 — 1910). В них он и осуществил синтез теории права с психологией.

Петражицкий начал с критики юридического позитивизма, не способного, по его мнению, к решению фундаментальных юридических проблем. Ученый обвинил его в примирительном отношении к окружающей действительности, в технико-ремесленной ограниченности, в бесперспективности. Он проницательно предугадал будущий узкий путь развития такого подхода к праву: этой теории ничего не останется, как выводить нормы права опять же из норм. И действительно, спустя десятилетие появился нормативизм Ганса Кельзена — наиболее известного юриста двадцатого столетия, создавшего чистую теорию права, где источником признано только законодательство как совокупность юридических норм, логически вытекающих из гипотетической основной нормы.

Поставив вопрос о создании нового учения о праве, Петражицкий выдвинул идею союза трех наук — логики, психологии и юриспруденции. Традиционную, многовековую связь философии и юриспруденции этот юрист считал для своего времени малопродуктивной. К самой философии он относился исключительно как к отраслевой науке.

Задача новой теории права, считал он, — преодолеть традиционно-ремесленный уклон в юриспруденции при помощи психологии. Это кардинально ломало все прежние традиции юриспруденции. Что касается резервов этой теории, то Петражицкий видит их в веками разрабатываемой теории естественного права, согласно которой имеется два вида права (естественное и позитивное), причем право не сводится только к законодательству.

Главной заслугой естественно-правового направления Петражицкий считал постоянные требования улучшения действующего законодательства, критическое отношение к правотворческой деятельности при создании позитивного права. По

его мнению, следовало возродить идею “правовой политики”, которая родилась в недрах естественно-правового направления, и поставить ее на научную основу. Логика призвана лишь помочь контролировать процесс правильного образования научных понятий.

Современным же научным фундаментом правоведения Петражицкий решил сделать психологию. К самой психологии он отнесся творчески, как самобытный исследователь, и уверенно занял определенную позицию. Ученый проницательно указал на огромный пробел в психологии — отсутствие специального теоретического раздела об эмоциях, а затем создал “эмоциональную психологию”. Именно в таком виде, считал он, психология необходима юриспруденции.

Петражицкий исходит из мысли о праве как психическом феномене. В силу незнания его подлинной природы юристы помещают право в пространстве, над или между людьми, делая из него объективное явление. Для него же право — только субъективное явление, корнящееся в душах индивидов. В то же время оно не вписывалось ни в одну сферу существовавшей тогда психологической науки. Поэтому он разработал собственную концепцию, в которой ключевыми понятиями стали эмоции.

Внутренние переживания (голод, жажда) имеют двойственную, пассивно-активную природу, содержат элементы и чувства, и воли, поэтому их следует объединить в один основной класс психических феноменов, по признаку указанной двусторонней природы, противопоставляя их односторонним элементам, имеющим односторонне-пассивную (познание и чувство) или односторонне-активную (воля) природу. Двусторонним явлениям в психике Петражицкий дает особое условное краткое название — эмоция (импульс).

Сложный, двусторонний состав эмоций Петражицкий показал сначала на тех из них, которые обеспечивают жизнедеятельность, поддержание существования человеческого организма. Это, например, эмоции голода, жажды, потребность в сне. Испытывая такие эмоции, человеческий организм, с одной стороны, претерпевает определенную потребность (пассивная сторона состояния), с другой — “моторное возбуждение” (активная сторона состояния).

Претерпевательное состояние организма (ощущение недостатка в пище, воде, сне) является сигналом, импульсом к приведению человеческого организма в состояние активности, возбуждения (моторности, по словам Петражицкого). Такая эмоция, т.е. “претерпевание — возбуждение” вызывает к действию — к поиску пищи, воды, места для сна. “Вследствие эмоций органы человеческого тела посылают кровь куда нужно, включают деятельность желез, мускулов”.

Эмоциям приписывается огромная роль в жизни человека. Они управляют нашим телом и душой, вызывая определенные телодвижения, представления и мысли. Весь психофизический аппарат перестраивается в зависимости от наличия или отсутствия тех или иных эмоций.

Их особенность в том, что они вызывают особые акции (действия): эмоции голода — течение слюны, поедание пищи, выделение желудочного сока и т. д.; эмоция будительно-вставательная — напряжение мускулов, поднимающих тело, и т.д. Жизнь животных и, в частности, их высшего представителя — homo sapiens в подавляющей массе своих функций управляется не сознательной волей, а незримыми пружинами — эмоциями, которые в подсознательной сфере руководят поведением, давая правильные бессознательные реакции на явления внеш-

ней среды, и выполняют тем самым высшую биосоциальную функцию сохранения жизни и продолжения рода.

Указав на первичные, жизнеобеспечительные эмоции, Петражицкий выделил вид эмоций, более сложных по содержанию и, следовательно, по компонентам. Они отличаются по содержанию тем, что это не потребности физического организма, а особые состояния в социальной среде, направленные на другого человека или социальный организм, — “этические эмоции”. Их активная сторона заключается в том, что человек находится в состоянии моторного возбуждения, переживает побуждение к действию в пользу другого человека или учреждения. Таковы, например, побуждение оказать помощь при столкновении с фактом нищеты или резко отталкивающий импульс, возникающий в организме как отвращение ко лжи.

Если функционирование первичных (специальных) эмоций носит самостоятельный характер (они — своеобразные пружины поведения), то этические эмоции пассивны, бледны. Люди, руководствуясь этими эмоциями, начинают действовать только в том случае, если к ним обращаются с просьбой, приказом, запретом и т. п. Как раз этические эмоции, не имеющие своих predetermined, специфических акций, Петражицкий связывает с нормативным регулированием, называя их бланкетными эмоциями, вызывающими нравственное и правовое поведение. Они обладают своеобразным, мистически-авторитетным характером, переживаются как внутренняя помеха свободе, как принуждение в сторону того поведения, которое соответствует содержанию соответствующей эмоции.

Бланкетные эмоции порождают два вида переживаний, которые ведут к выполнению нравственных и правовых обязанностей. Те обязанности, в связи с которыми человек свободен по отношению к другим, в связи с которыми другим лицам ничего не принадлежит, не причитается со стороны обязанных, являются нравственными. Те же обязанности, в связи с которыми человек сознает себя несвободным по отношению к другим, в связи с которыми то, к чему обязана одна сторона, причитается другой стороне как нечто должное, являются правовыми. Поэтому право и правоотношения не представляют чего-то отдельного и отличного от обязанностей. То, что, с точки зрения одной стороны, называется ее правовой обязанностью, с точки зрения другой стороны, называется ее правом, а с точки зрения третьей стороны, является правоотношением между двумя первыми сторонами.

Если помещик Тамбовской губернии А., поясняет свою мысль Петражицкий, имеет право получить от арендатора Б. арендную плату в сумме 500 рублей, то это не значит, что право находится где-то в Тамбовской губернии. Оно находится в психике третьего индивида — В., который полагает, что помещик А. имеет право получить 500 рублей, а арендатор Б. обязан их уплатить. Петражицкий, таким образом, откровенно отказывается рассматривать право как социальное явление. Он пытается с позиций субъективного идеализма представить юридические явления как разновидность и следствие психических переживаний индивида.

Эмоции, в содержание которых входит переживание “чужого права”, по составу сложнее эмоций боли, голода, жажды. Импульсивно-побудительное состояние включает сознание — интеллектуальное представление о поступке, к которому толкает двустороннее переживание. Таким образом, эти эмоции имеют сложный интеллектуальный состав: переживание порождает в сознании пред-

ставление о поступке. Они отличаются от первичных и результатом. Если эмоции голода, боли, жажды всегда дают предсказуемое поведение — поиск пищи, воды и т.п., то бланкетные эмоции, имея сложный эмоционально-интеллектуальный состав, не порождают автоматически ожидаемого поведения. Оно в силу ряда причин может быть и антисоциальным, т.е. нарушением чужого права, невыполнением своей обязанности.

Сильной стороной предложенного русским юристом подхода стало выделение эмоционального регулятора как самостоятельного и имеющего детальное психологическое обоснование. Это явно расширило горизонты юриспруденции, ведь право как таковое в определенной степени учитывает эмоциональный момент в человеческом поведении с помощью преамбулы в тексте закона. Законодатель стремится воздействовать не только на сознание, но и на психологию тех, кому адресован текст закона.

Указание в законодательстве на низменные мотивы, например при совершении преступления, введение понятия “аффект” — все это факты, показывающие, что душевный мир личности в определенной степени учитывается в управлении человеческим поведением извне с помощью норм. Поэтому сам психофизический мир личности необходимо изучать, чтобы правильно на него воздействовать. Теоретическое вычленение эмоционального компонента поведения наряду с сознательно-волевыми регуляторами, разработка терминов для описания и объяснения эмоционального регулятора внесли новые идеи в юриспруденцию начала XX века.

Постановка проблемы, что происходит с человеком как эмоциональным существом, когда он в качестве члена общества действует в социальной среде, совершая общественно значимые поступки, — вполне закономерна. Однако мало поставить проблему. Следует четко определить границы этой проблемы. В теории Петражицкого открытый им эмоциональный регулятор человеческого поведения принял искаженную перспективу: он был возведен им в степень права и назван подлинной и единственной правовой реальностью.

Те нормы, которые устанавливают по отношению к другим обязанности, авторитетно предписывают нам известное поведение, но не дают другим никаких оснований к притязаниям на исполнение, Петражицкий именует чисто императивными. Это и есть нравственные нормы. Те же нормы, которые, устанавливая обязанности для одних, закрепляют их и за другими, давая первым право притязания, он именует императивно-атрибутивными. Это правовые нормы.

Правовые переживания императивно-атрибутивных эмоций имеют характерные черты: во-первых, “мистико-авторитетный характер понукания к известному поведению”, “твердое давление в сторону соответствующего поведения, переживаемое как состояние связанности нашей воли” (“императивность”), во-вторых, представление о том, что поведение, к которому индивид считает себя обязанным, причитается другому как нечто ему должное, следующее ему от обязанного лица (“атрибутивность”). Последний элемент отсутствует в нравственных эмоциях, в которых “наш долг сознается как свободный по отношению к другим”.

Два десятка веков, писал Петражицкий, в существовании юриспруденции были периодом бесплодных споров между самыми различными теориями потому, что все они искали право там, где его не было. Правом считались нормы, содержащиеся в тексте законов, кодексов, судебных прецедентах в обычном праве. Лишь у теоретиков естественного права были верные догадки относительно уз-

кой, государственно-нормативной трактовки права. Однако естественное право не разработало научного фундамента своих идей, в нем было много метафизики. Лишь при психологической интерпретации права естественно-правовая концепция становится подлинно научной.

Долги одних, закрепленные за другими, как содержание импульсивного психического состояния — такова суть правовых эмоций, и таково само право. Именно способность людей к этим переживаниям сделала исторически возможным затем существование таких явлений, как нормы обычного права, законодательство, т.е. нормативное регулирование человеческого поведения.

То обстоятельство, что задолго до появления внешних нормативных регуляторов наша психика фактически регулировала человеческие поступки, которые являли собой реализацию прав и обязанностей людей относительно друг друга, для Петражицкого было главнейшим доказательством духовной сущности права. Право, существовавшее до появления нормативных регуляторов и помимо них, он предложил для большей точности определить не термином “естественное право”, а термином “интуитивное право”.

Интуитивному праву как первичному внутреннему регулятору человеческого поведения было дано следующее определение: “Человеческой психике свойственна тенденция вырабатывать и давать определенные интуитивно-правовые решения на те вопросы, которые сознаются как вопросы причинения добра или зла другим, или получения известных благ, известных плюсов, или испытания зл, обременения известными минусами со стороны другого”.

Интуитивно-правовой регулятор, считал Петражицкий, охватывает ту область взаимодействия людей как членов общества, в которой решаются вопросы о благах (имущественных и духовных). Он приводит к реальному исполнению прав и обязанностей без каких-либо специальных внешних средств принуждения и сформулированных норм — моделей поведения. Интуитивное право является “бессознательно удачным массовым психическим приспособлением”. Как первичные эмоции голода, боли, жажды являются сигналами, предохраняющими человеческий организм от гибели, сохраняющими его целостность, так атрибутивные эмоции, в которых выражается переживание состояния “связанности” (обязанности) по отношению к другим людям, позволяют человеку приспосабливаться к социальному миру, сосуществовать с другими человеческими особями.

Для психологии такое утверждение приемлемо. Однако прямое перенесение душевных явлений в систему юридических явлений, постановка знака равенства между ними неправомерны. Эмоции личности не являются непосредственно правом, как не является непосредственно правом индивидуальная воля и индивидуальное сознание. Право — надличностное явление, типизированные общественные связи, имеющие психологический аспект, но не исчерпывающиеся только этим аспектом. Существуют и другие — метафизические, социально-исторические, политические — аспекты в праве. В теории Петражицкого нет указаний на вышеназванные аспекты, перед которыми ставит человека естественная и историческая необходимость. Поэтому факт наличия интуитивного права ошибочно объясняется этим юристом как автономное эмоциональное творчество самой личности.

Выдвигая тезис о том, что право в качестве интуитивного явления существовало до нормативных регуляторов и существует наряду с ними и помимо них в современном мире, Петражицкий лишь в абстрактной форме ставил вопрос о

возможной борьбе между людьми и группами людей за это право. "В атрибутивном характере права, — писал он, — при индивидуальном или массовом различии и несогласии кроется опасное взрывчатое вещество, технический источник разрушения, злобы и мести, и несомненно, что многие миллионы людей на земле потерпели смерть и массы человеческих союзов были разрушены и истреблены вследствие диссонансов атрибутивных норм и несовпадения противостоящих правоотношений".

Отсюда, резюмировал Петражицкий, интуитивное право заключает в себе тенденцию к позитивации. "Этим объясняется отчасти инстинктивное, отчасти сознательное, но повсеместно замечаемое стремление людей к выработке, признанию и уважению так называемого позитивного права, права, определяемого по однообразным для всех внешне распознаваемым признакам".

Способы, которыми люди распознают общие для всех признаки прав и обязанностей, оформляются в писаных и неписаных нормах, действующих в человеческом обществе. Эти нормы могут быть самыми разнообразными по источнику: нормы, установленные государством; нормы, действующие в негосударственных общественных союзах; нормы, действующие в небольших группах людей; различные правила игр, этикета.

Если правила вызывают в индивиде двустороннюю эмоцию (переживание чужого права и своей обязанности перед этим правом), то интуитивное право опирается на нормы как на внешний авторитет и превращается в позитивное право.

Позитивное право Петражицкий определил как двусторонне-эмоциональное состояние, вытекающее из требований нормы, существующей в обществе, если индивид следует этой норме. Для него правила поведения, вызывающие позитивное право к существованию, означают внешний авторитет, внешнюю силу, которая заменяет автономность эмоций личности. В соответствии с разнообразными нормами Петражицкий определил виды позитивного права. Обычаи (и правовые, и неправовые) вызывают к действию позитивное право, которое он назвал прецедентным. Правила игр формируют позитивное "игорное право". Право, содержащееся в научных сочинениях, — это "позитивное научное право". Из правил преступных организаций возникло "право преступного мира". Признавалось "светское право" и т. д.

Среди этих совершенно неожиданных, нетрадиционных для юриспруденции видов права Петражицкий выделял особый вид позитивного права — официальное право, то есть право, возникающее под действием норм, созданных государством. К официальному праву он относил нормативные акты, судебные решения. Официальное право называлось самым эффективным видом права среди других разновидностей позитивного права. Петражицкий не идеализировал интуитивное право, в отличие от прежних теоретиков естественного права. Интуитивное право как индивидуальная или массовая реакция при распределении благ и лишений в отношениях между индивидами может быть и исторически отсталым, злокачественным естественным правом, предупреждал он.

Официальное право, рассуждает мыслитель, является таким видом позитивного права, посредством которого государство влияет на эмоциональную сферу в прогрессивную сторону. Однако возможна и другая тенденция: фактические эмоциональные акты населения могут свидетельствовать о более прогрессивном понимании вопроса, что есть право. В таком случае интуитивное право выступа-

ет как правотворческий фактор позитивного права. Но есть также, по Петражицкому, и “неофициальное” право, появляющееся во всех сферах жизни людей, где в их сознании возникают императивно-атрибутивные переживания. Получается, что каждый класс может иметь свое право, что профессиональные союзы тоже формируют свое право наряду с “официальным” правом. Дело доходит у автора до парадоксов, когда признается существование особого “детского” права, складывающегося в психике детей, “разбойного” права, складывающегося в психике разбойников, делящих добычу, и т.п. В выдвинутой идее неофициального, интуитивного права, отличного от официального права, обосновывается существование таких обязанностей в поведении тех или иных лиц, которые не регламентируются непосредственно нормативными актами государства.

Официальное право, по Петражицкому, представляет собой “совершенно микроскопическую величину” по сравнению с тем необъятным множеством житейских случаев, которые регулируются интуитивным (автономным) правом. Последнее, имея широкие масштабы и такие принципы, как “действовать по справедливости”, “без лицемерия”, “по доброй совести”, — явление весьма подвижное, живое, гибко реагирующее на запросы времени. Поэтому его роль в жизни общества все более возрастает.

Для того чтобы способствовать развитию и процветанию общества, официальное право должно вобрать в себя прогрессивные положения интуитивного права, прежде всего аксиомы интуитивного порядка, выраженные в понятии “справедливость”. Последнюю, в духе Канта, Петражицкий определяет как “этические эмоции, эмоции долга, в которых соответственное поведение сознается не как удобное для известной цели, а как должное, независимо от каких бы то ни было целей и расчетов; так что представление или восприятие чужого поступка, представляющегося нам явно и резко несправедливым по отношению к кому-либо, вызывает соответственное, этическое, порицание или негодование; воспоминание о собственном поступке этого рода вызывает соответственные, этические, угрызения совести и т. д.” Он считает, что “переживания справедливости суть интуитивное право”.

Справедливость как интуитивное право, в отличие от официального, характеризуется индивидуальной изменчивостью по своему содержанию, она различна у разных классов и народов, приспособлена к конкретным обстоятельствам, “развивается постепенно и незаметно, без тех осложнений, которые свойственны развитию позитивного права”. В ходе неизбежного конфликта между позитивным правом и правом интуитивным “сознание справедливости оказывает давление на разработку, толкование и применение права и является (мирно или революционно действующим) фактором создания, разрушения и изменения позитивного права”. Отсюда следовал категорический вывод, что официальное право, нарушающее аксиомы интуитивного права, утрачивает справедливый и действительный характер и подлежит отмене.

В этих взглядах отразился критический подход ученого к тогдашнему праву царской России. Для преобразования последнего, считает Петражицкий, необходима особая научная политика — “политика права”, которая включала бы в себя план постепенных государственно-правовых реформ в сфере педагогики правовых эмоций, борьбу за право, высокую юридическую культуру чиновников и простых граждан. Насущные реформы официального права при помощи поли-

тики права помогли бы избежать революционных катаклизмов, очевидцем которых был Петражицкий в 1905 — 1907 годах.

Политика права, используя регулирующие свойства права в жизни общества, призвана служить прогрессу и усовершенствованию правопорядка путем научной, методической и систематической разработки существующих проблем. Ее миссия — “в сознательном ведении человечества в том направлении, в каком оно двигалось путем бессознательно-эмпирического приспособления, и в соответственном ускорении и улучшении движения к свету и великому идеалу будущего”.

Более конкретные задачи политики права заключаются в “рациональном направлении индивидуального и массового поведения посредством соответственной правовой мотивации”, в “совершенствовании человеческой психики, в очищении ее от злостных, антисоциальных склонностей, в насаждении и укреплении противоположных склонностей”. Как видим, право здесь рассматривается не как совокупность вечных и неизменных норм, а как развивающийся процесс, в котором “огромная масса правил упраздняется и сдается в архив по мере достижения соответственных воспитательных успехов”.

Действующая в каждый момент система права, по Петражицкому, является “преходящей ступенью социального воспитания” и должна быть по выполнении своей воспитательной функции заменена другой системой импульсивного и педагогического воздействия, приспособленной к уже достигнутому уровню народной психики. Идеалом является “достижение совершенного социального характера, совершенное господство действенной любви в человечестве”.

Страницы о важности создания политики права как альтернативы идеям возрождения естественного права в работах Петражицкого, без сомнения, носят новаторский характер. Обоснование правовой политики как психологической и юридической науки в тесной связи с правовой педагогикой открывало новые рубежи в развитии этой дисциплины, в познании и использовании социальных функций права и не утратило своего значения и в наше время.

ЛЕКЦИЯ 7. П.А. Кропоткин

Петр Алексеевич Кропоткин (1842 — 1921) происходил из древнего княжеского рода, считавшего своим основателем легендарного Рюрика. Образование получил в привилегированном Пажеском корпусе в Петербурге, где был инициатором выпуска рукописной газеты “Отголоски из корпуса”, в которой доказывал необходимость конституции для России, писал о важности правового порядка.

После окончания Пажеского корпуса Кропоткин служил в Сибири на различных государственных должностях, но, видя ограниченность царских реформ, засилье бюрократии, ушел в 1867 году в отставку и влился в революционное движение. Весной 1872 года он присоединился к народническому “кружку чайковцев”, который вел агитацию среди рабочих в Петербурге. В марте 1874 года Кропоткин был арестован, через два года бежал из тюремного госпиталя и выехал из России. Возвратиться на родину ему удалось лишь в 1917 году.

Четыре десятилетия эмиграции были заполнены анархо-революционной борьбой и пропагандой. В эти годы он создал свои основные произведения: “Речи бунтовщика” (1885), “В русских и французских тюрьмах” (1887), “Хлеб и

воля" (1892), "Взаимопомощь как фактор эволюции" (1902), "Записки революционера" (1902), "Великая Французская революция 1789 — 1793" (1909), "Современная наука и анархия" (1913).

Кропоткин принадлежал к плеяде ученых-энциклопедистов, знакомых со всеми новейшими открытиями как в естествознании, так и в обществоведении, что дало ему возможность сформировать широкий взгляд на мир, признать неразрывную связь природы и общества, экстраполировать идеи о строении и развитии природы на строение общества, попытаться подвести под теорию анархизма естественнонаучную базу.

Кропоткин пришел к выводу, что вселенная (включая человека как ее неотъемлемую часть) — органичное целое, и создал свой метод ее познания, основанный на единстве всего живого, общем для всех законе взаимной помощи и солидарности, определяющем процесс эволюции. Суть этого закона в следующем. Обстоятельства жизни и борьба за существование вынуждают все виды живых существ объединяться во имя общих интересов. Тот вид, который способен организовать свою жизнь на максимально солидарных началах, оказывается в более благоприятных условиях для выживания, долголетия. Прогресс прямо пропорционален уровню организованности данного вида на началах взаимной помощи.

У людей этот закон "работает" на всех этапах исторического развития. Однако, по Кропоткину, формы общественной жизни не всегда соответствовали началам взаимной помощи. Были времена, когда некоторые учреждения (особенно государство) препятствовали дальнейшему развитию начал солидарности, тем самым противодействуя движению человечества вперед. В другие периоды истории, наоборот, максимальное совпадение общественной организации и принципов взаимной помощи обеспечивало выход человечества на ранее недостижимые высоты развития.

В современном ему капиталистическом обществе Кропоткин видел резкий контраст господствующих учреждений, в первую очередь государства и законодательства, с началами взаимной помощи, то есть с основным фактором прогресса, и считал необходимым исправить это положение.

Историю Кропоткин рассматривал как цикличное и прерывистое развитие. Каждый цикл проходит строго определенные фазы: от первобытного племени — через сельскую общину и вольный город — к государству. Само государство выступает как стадия цикличности, повторяющаяся форма развития любой цивилизации вплоть до ее гибели. Вслед за кризисом и гибелью той или иной формы общества наступает новый виток развития, который также через определенный промежуток времени себя изживает.

Цикличное развитие человечества, по Кропоткину, непрерывно, поэтому государства зарождаются у разных народов в разные исторические эпохи. У одного и того же народа государство, возникнув, может исчезнуть и через определенное число веков вновь возродиться, если народ, страна оказываются включенными в историческое развитие разных цивилизаций.

Первобытнообщинный строй и средневековые у Кропоткина в равной мере оказываются предшествующими государству.

Возникновение государства он связывал с формированием централизованной структуры управления, видел постепенность и длительность процесса его становления, подчеркивал глубокую преемственность между догосударственной и госу-

дарственной формами общества. Сходство родовых, общинных форм организации с государственной формой, считал он, показывает ненужность государства, монополизацию этим “спрутом” тех функций, которые до него гораздо успешнее осуществлялись догосударственными органами управления.

Государственная стадия общества, по мнению Кропоткина, является нарушением принципа взаимопомощи и разрушением солидарности людей, базирующейся институционально на общественном договоре. Государство мешает людям осуществлять свое право на свободу, а его деятельность — это “бесконечно длинный ряд преступлений” и “поддержка эксплуатации и порабощения человека человеком”.

Происхождение государства Кропоткин объяснял рядом причин. Первая — экономическая и классовая. “Само историческое развитие государства, — писал он, — было вызвано не чем иным, как возникновением земельной собственности и желанием сохранить ее в руках одного класса, который, таким образом, стал бы господствующим”.

Важное место в генезисе государства мыслитель отводил правосудию. Он рассматривал судебную власть как первоначальную по отношению к другим ветвям власти. Идея правосудия оказала влияние на государствообразующий процесс “в значительно большей мере, чем военные или экономические причины, она послужила основой, на которой развилась власть королей и феодальных владетелей”. Возникновению государства способствовали также следующие причины (факторы): желание меньшинства воинов, законовевов, ученых и священников господствовать над массами; “необходимость обезопасить себя против насилия чужестранцев; церковь, которая требовала повиновения власти; римское право, т.е. византийское право, которое в свою очередь происходит от восточных деспотий”.

Смысл государства заключается в том, чтобы мешать всякому союзу людей между собою, чтобы препятствовать развитию местного почина и личной предприимчивости, душить уже существующие вольности и мешать возникновению новых, и все это для того, чтобы подчинить народные массы ничтожному меньшинству. “Государство — нечто гораздо большее, чем организация администрации в целях водворения “гармонии” в обществе, как это говорят в университетах. Это — организация, выработанная и усовершенствованная медленным путем на протяжении трех столетий, чтобы поддерживать права, приобретенные известными классами, и пользоваться трудом рабочих масс, чтобы расширить эти права и создать новые, которые ведут к новому закреплению обездоленных законодательством граждан по отношению к группе лиц, осыпавших милостями правительственной иерархии. Такова истинная сущность государства”.

Среди основных признаков государства Кропоткин в первую очередь называл взимание налогов, с помощью которого происходит эксплуатация бедных в пользу богатых. Среди других существенных признаков (функций) государства он отмечал: внешнюю торговлю как средство обогащения чиновников; духовное подавление народа; создание образовательной и культурной монополии в пользу богатых. Наконец, Кропоткин выделял такую функцию государства, как содержание армии и право войны. Цель же всех завоеваний заключается в том, чтобы подвергнуть новые народы эксплуатации привилегированных классов.

Как анархист Кропоткин отрицательно относился к любой форме государства, поскольку все они имеют эксплуататорскую сущность. Всякое государст-

во — “это отрицание свободы, абсолютизм, произвол, разорение подданных, казни и пытки”. Он обрушился на буржуазный парламентаризм, всеобщее избирательное право, так как они служат угнетению народа (парламентаризм — специфическая организация власти, “соответствующая обществу, основанному на эксплуатации наемного труда капиталом”). Кропоткин видел основные недостатки парламентаризма в неспособности представительного правления осуществлять возложенные на него функции, иллюзорности представительства народа.

Столь же отрицательно и его отношение к идее диктатуры пролетариата: “...будет ли представительное собрание состоять из рабочих или буржуа, войдут ли в него даже социалисты-революционеры, — оно сохранит все недостатки представительного собрания, так как эти недостатки зависят не от состава данного собрания, а присущи самой системе. Рабочее государство, управляемое выборным собранием, одно из самых зловердных мечтаний, внушенных нам воспитанием, признающим власть и авторитет”.

В знаменитой главе “Государство, его роль в истории” из книги “Современная наука и анархия” делается вывод, что “через всю историю нашей цивилизации проходят два течения, две враждебные традиции: римская и народная, императорская и федералистическая, традиция власти и традиция свободы”. Необходимо избрать одну из этих двух борющихся тенденций истории в рамках следующей альтернативы: “Или государство раздавит личность и местную жизнь, завладеет всеми областями человеческой деятельности, принесет с собою войны и внутреннюю борьбу из-за обладания властью, поверхностные революции, лишь сменяющие тиранов, и как неизбежный конец — смерть! Или государство должно быть разрушено, и в таком случае новая жизнь возникает в тысяче и тысяче центров, на почве энергической личной и групповой инициативы, на почве вольного соглашения”.

Государство как причина всех общественных зол устраняется социальной революцией. Только она может вывести человечество из безнравственного царства насилия, созданного государством, и привести его в царство свободы.

В понятие социальной революции, которая имеет закономерный, неизбежный характер, он включал не только момент разрушения, насилия, но и момент созидательный, прежде всего духовно-нравственный, “новые понятия о равенстве”. “Мы, — писал анархист, — понимаем революцию как народное движение, которое примет широкие размеры и во время которого в каждом городе и в каждой деревне той местности, где идет восстание, народные массы сами примутся за работу перестройки общества. Народ — крестьяне и городские рабочие — должен будет начать сам строительную и воспитательную работу на более или менее широких коммунистических началах, не ожидая приказов и распоряжений сверху”.

Политической программой Кропоткина стала анархия. Согласно этому учению все отношения между людьми регулируются “взаимными соглашениями, свободно состоявшимися, равно как и привычками и обычаями, так же свободно признанными”. В обществе не должно быть никакого владычества человека над человеком, должны быть обеспечены условия для развития личности, для реализации всеобщего равенства в правах. Условием и целью организации безгосударственного строя становится высокоразвитая свободная личность, которая живет и действует без принуждения, только лишь в силу привычки, закона взаимной помощи и солидарности.

Идеал анархии установится не сразу, а после своеобразного переходного периода. На этой стадии допускается временное существование государственного федерализма как частного проявления универсальной закономерности естественного федерализма в природе и обществе. Федерализм — форма объединения, соответствующая закону взаимной помощи. Кропоткин различал несколько видов федерализма: федерации и конфедерации родов и племен у дикарей и варваров, федерации вольных городов, деревень и общин в средние века, современные ему государственные федерации и будущие безгосударственные федерации.

В признании наличия федеративных государств после социальной революции в переходный к анархии период проявился трезвый взгляд Кропоткина, его реализм и умение считаться с историческими фактами. Этим же объясняется и его участие в Государственном совещании в августе 1917 года, где он активно пропагандировал вместе с Плехановым идеи республиканского строя. Кропоткин призвал провозгласить Россию республикой и организовать ее на федеративных началах по примеру США.

Революционный народ при помощи федеративного государства уничтожает, по Кропоткину, частную собственность во всех сферах, проводя экспроприацию, осуществляя “возврат обществу того, что ему принадлежит по праву”. Общественными должны стать не только земля и фабрики, но и все “жизненные припасы”, одежда, жилища. “Общая собственность на орудия производства неизбежно приведет и к пользованию сообща продуктами общего труда”. Народ сам займется распределением продуктов, руководствуясь в этом деле “самым простым чувством справедливости”. В случае же нехватки продуктов их нужно распределять по строгим нормам.

После краткого переходного периода общество вступит в стадию анархии, когда все вопросы организации будут решаться путем свободного соглашения без центрального правительства. Это будет коммуна, состоящая из ряда самоуправляемых общин, которые добровольно объединяются в свободные федерации, так как “стремление к децентрализации” — социальная закономерность. “Человечество, — пишет Кропоткин, — стремится не к усилению власти, а к освобождению личности, к свободе производителя и потребителя, к коммуне, к свободным союзам; оно восстает против частной собственности и мечтает о коллективном производстве и потреблении всех товаров всеми членами коммуны”.

Россия должна превратиться в добровольный, но тесный союз свободных областей и народов. Местное самоуправление, городское и земское, должно быть устроено так, чтобы все отдельные самоуправляемые единицы, вплоть до самых мелких, были возможно более свободными и пользовались возможно большими правами. “Нужно больше веры в людей, в их желание и умение самим устроить свои дела”.

Анархия признавалась как общество, где существуют и дисциплина, и порядок, разумная организованность, но все это идет снизу, а не сверху. Гарантии против возможных злоупотреблений властью виделись в социальных институтах (производственные и научные ассоциации, трудовые коллективы, рабочие союзы, кооперация и др.), в общественных навыках и гражданской позиции граждан. “Организацию коммунистического строя, — подчеркивал Кропоткин, — нельзя поручить парламенту, городскому или мирскому совету. Она должна быть делом всех, она должна быть создана творческим умом самого народа: коммунизм нель-

зя навязывать свыше. Без постоянной, ежедневной поддержки со стороны всех он не мог бы существовать, он задохнулся б в атмосфере власти”.

Отсюда критика государственного социализма — политики большевиков в первые годы Советской власти. Еще до октября 1917 года, споря с Лениным и его единомышленниками, Кропоткин заметил: “Если бы общество, основанное на государственном коммунизме, когда-нибудь возникло, оно не могло бы продержаться и должно было бы под влиянием всеобщего недовольства или распасться, или перестроиться на началах свободы”. В условиях пролетарского государства, говорил он, неизбежно сохранится “наемный труд, только на место частного хозяина становится государство, то есть выборное правительство...”

Кропоткин с большой тревогой наблюдал за послеоктябрьскими событиями, деятельностью большевистской власти. Эту тревогу он выразил в “Обращении к рабочим Западной Европы”, где предупреждал о пагубности строительства коммунистической республики “по принципу строго централизованного государственного коммунизма, под железным правлением партийной диктатуры”. По его мнению, это неизбежно приведет к краху страны, ибо государственная власть испортит даже самых лучших людей и неизбежно выродится в произвол и деспотизм.

Вместе с тем Кропоткин положительно оценивал возникновение Советов, считая, что идея Советов “неизбежно ведет к пониманию того, что эти Советы должны объединить всех, кто на деле, своим собственным трудом участвует в производстве национального богатства”. Однако “до тех пор, пока страной правит диктатура партии, Советы рабочих и крестьянских депутатов не будут иметь значения”. “Уничтожение вольного почина во всей хозяйственной и политической жизни страны, и даже в выражении мысли, неизбежно роковым образом ведет если не к полной реставрации дореволюционного режима, то к злой и, увы, глубокой реакции на несколько десятилетий”.

В правовых взглядах Кропоткина содержатся элементы естественноправового, исторического, психологического, биологического и социологического подходов. Кропоткин обосновывал отрицание государства и его законодательства прежде всего историческими фактами. В этой связи он относил свои взгляды к исторической школе. И все же основным методом анализа правовых явлений стал в его творчестве анархистский вариант права, основанный на биосоциологическом эволюционизме.

Исследуя проявления закона взаимной помощи в животном мире, Кропоткин наблюдал, что между животными устанавливаются естественные, строго определенные, наиболее удобные для того или иного вида сообщества животных правила охоты, добывания пищи, защиты от хищников и грабителей. В поведении животных, в частности в инстинктивном согласовании воли отдельных особей с волей и намерениями целого сообщества (в жизни муравьев, пчел, в стаях птиц, стадах животных и т.д.), Кропоткин видел “зачатки права”.

Всеобщим законом органической эволюции Кропоткин считал закрепление в поведении животных и человека цепи чувств, инстинктов: взаимопомощь — справедливость — нравственность. “Причем, — писал он, — первый из них, инстинкт взаимной помощи, очевидно, сильнее всех, а третий, развившийся позднее первых двух, является непостоянным чувством и считается наименее обязательным”. Все они признавались инстинктами и чувствами самосохранения группы животных, заложенными “в самой основе разума”. “Понятие разума о

справедливости” определялось как равнозначительность, равноправие, равенство всех составных единиц общества. “Ни одно понятие, — писал Кропоткин, — не обладало такою живучестью, как понятие о равноправии. Когда оно было по-
прано законами и обычаем, оно снова стремилось пробиться к жизни, хотя бы силой, путем бунта”.

Законы, установленные государством, мешают развитию взаимной поддержки и равенства, неизбежно порождают злоупотребления. Кропоткин соглашался с постулатом “много законов — много преступлений”. Всякий свод законов — это — “без исключения — не что иное, как собрание формул и понятий, заимствованных у времен экономического и умственного рабства”.

Право и законодательство — два полюса, существующие как бы в разных измерениях. Связь между ними возможна лишь по линии предшествования права закону и механической интеграции законом права при отсутствии преемственности в назначении и сущности — связь в конечном счете негативная. Законодательство как “форма проявления права” в теории Кропоткина — явление переходящее, классовое, причем неизбежно классово-эксплуататорское, а основы права — явление вечное, общечеловеческое, корнящееся в природной, инстинктивной справедливости человека.

Кропоткин хотел избежать крайностей анархической доктрины, придать ей научный характер, сделать ее более гибкой и реалистичной. Удалось это лишь частично. В его наследии наиболее интересны идеи переходного периода, связанные с временным использованием государственных форм и институтов при условии их демократизации и федерализации. Готовность к компромиссу не избавила учение Кропоткина от утопизма, свойственного всей школе анархистов. Указать реальные пути осуществления свободы он не сумел. У него, как и у его предшественников, критическая сторона программы сильнее позитивной.

Кропоткинским завершается эволюция классического западного и русского анархизма XIX века. На смену ему приходят новые формы анархизма (анархо-синдикализм, анархо-биокосмизм, анархизм-универсализм, “новые левые” и др.).

ЛЕКЦИЯ 8. Л.Н. Толстой

Лев Николаевич Толстой (1828 — 1910), один из величайших русских писателей, занял особое положение в общественно-политической жизни лишь после выстраданного им в конце XIX — начале XX века идейного перелома. В это время он порывает со всеми привычками, взглядами и традициями дворянской среды, иллюзиями о возможности союза барина и мужика и решительно становится на защиту интересов крестьянства.

Результатами этого “перелома” в практической плоскости стали оппозиционное движение толстовцев в России и за рубежом, установление Толстым тесных связей с духоворами, другими религиозными сектантами и их поддержка. Формируется христианский анархизм Толстого.

Его последователи активно пропагандировали запрещенные цензурой произведения Толстого этого периода (“Исповедь”, “В чем моя вера?”, “Критика догматического богословия”, “Крейцера соната” и др.), по всей стране организовывались “толстовские колонии” (коммуны), участники которых надеялись постепенно преобразовать общество путем морально-религиозного совершенствования, проповеди “всеобщей любви”, “непротивления злу насилием”. Подобные

колонии возникали и за пределами России. Пожалуй, самой знаменитой из них была "толстовская" ферма М. Ганди под Йоханнесбургом в Южной Африке.

Духоборы как христианская секта существовали в России с XVIII века. На их проповедь и обратил внимание Толстой. Ему импонировала их установка бороться "за дух". Вера объявлялась духоборами делом внутреннего убеждения, совести, отрицались церковные обряды и иерархия. Привлекали Толстого и духоборские идеи общности имущества, организации коммуны на началах равенства в труде и распределении, неподчинения властям, отказа от военной службы ради соблюдения принципа ненасилия. Правительство инспирировало ряд судебных процессов против духоборов и других родственных им по духу сект, отказывавшихся выполнять воинскую повинность. Толстой выступил активным ходатаем по делам сектантов, отдал гонорар за роман "Воскресение" (12 тысяч рублей) на переселение в 1898 — 1900 годах духоборов в Канаду.

В 1901 году Синод отлучил Толстого от церкви, признав опасность толстовства с его антигосударственными, антицерковными и уравнительными требованиями. Впрочем, сам Толстой, не являясь по идейным соображениям сторонником активной общественно-политической деятельности с ее неизбежным насилием и злом, противился вплоть до своей смерти созданию особой толстовской организации и "толстовских колоний", написав в этих целях в 1906 году брошюру "Против толстовства".

Политико-теоретический аспект толстовского "перелома" представлен не столько в крупных художественных произведениях ("Воскресение", "Хаджи-Мурат", "Живой труп", "Отец Сергей" и др.), сколько в небольших публицистических произведениях и статьях ("Христианство и патриотизм", "Не убий", "Царю и его помощникам", "К рабочему народу", "Царство Божие внутри нас", "Письмо студенту о праве" и др.).

Основой общественно-политических взглядов Толстого служит христианство, но не официальное русское православие, а принципы, вдохновлявшие первых христиан. Учение Христа должно быть очищено от всех тех наслоений и искажений, которые накопились за двухтысячелетнюю историю, доказывал Толстой, освобождено от влияния людей, выступавших от его имени и скомпрометировавших великую идею связью с государством и насилием. Смысл жизни — в христианской любви к ближнему и самоотречении.

Эксплуататорский, несправедливый строй установился вследствие того, что люди забыли о своем высшем религиозном предназначении. Когда они вновь усвоят смысл своего бытия, заключенный в истинах нового, "очищенного" христианства, с несправедливостью будет покончено. Вот как Толстой выражает свое кредо: "Нельзя не признать того, что, если бы люди делали то, что им предписывали тысячи лет назад не только Христос, но все мудрецы мира, то есть хотя бы не только любили других, как себя, но не делали бы хоть другим того, чего не хотят, чтобы им делали, что если бы люди вместо эгоизма предались альтруизму, если бы склад жизни из индивидуалистического переменялся в коллективистический, как на своем дурном жаргоне выражают ту же самую мысль люди науки, то жизнь людей вместо того, чтобы быть бедственной, стала бы счастливой".

Толстовское христианство имеет сильный критический запал, от него веет духом протеста угнетенных масс против существующих порядков. Толстой рисует правдивую картину духовного кризиса общества, обличает его фальшь, лице-

мерие, равнодушие. Однако суть учения Христа Толстой видит в непротивлении злу насиліем. "Непротівление, подставление другой щеки не есть преувеличение и иносказание, а закон, закон непротівления, без которого нет христианства", — пишет он. Этот принцип, став "основой жизни людей", поможет "избавить человечество от зла, наносимого им самому себе". Зло нельзя победить злом, а всякое насиліе есть зло, поэтому злу нужно противопоставить отношения, основанные на любви. "Не противьтесь злу, но и сами не участвуйте во зле, в насилиях администрации, судов, сборов податей и, главное, войска, и никто в мире не поработит вас". Для Толстого словно не существует ставшая крылатой фраза митрополита Филарета (Дроздова), современника Пушкина: "Любите врагов ваших, сражайтесь с врагами Отечества, гнушайтесь врагами Божиими".

Проблема насилия полностью переводится Толстым в плоскость нравственности. Насиліе несовместимо ни с буквой, ни с духом ранних проповедей христианства. Доказательству этого положения посвящены многие страницы его трактата "Царство Божіе внутри нас". Христианство, видящее Христа прощающим, не воюющим, есть прямое отрицание насилия. Это вытекает из всеобщего закона христианской любви и братства и из невозможности точно определить, что есть зло. Учение о непротівлении не следует понимать как отказ от всякой борьбы со злом. Оно лишь запрещает в этой борьбе прибегать к насилію. Ведь любое насиліе вновь порождает новое зло, и процесс этот прервать невозможно. Ненасиліе же дает возможность человечеству разорвать порочный круг зла.

Толстой отвергает любые формы насилия — религиозного, духовного, экономического и политического, т.е. приходит к учению анархизма. Одновременно с протівлением злу насиліем, т.е. с борьбой между людьми, возникают властные отношения, говорит он. Государственная власть есть насиліе, которое применяется меньшинством общества по отношению к большинству. Основа государства есть телесное, или физическое, насиліе. Смена типов и форм государства не означает уменьшения насилия и не изменяет сущности власти.

Толстовский анархизм нашел выражение в критике идеи об извечной необходимости государства. Государство — искусственный продукт привилегированных классов, объект собственности властной элиты. Оно возникает путем насилия и охватывает принуждением всех людей. В то же время государство в историческом ракурсе явилось формой жизни общества более высокой, чем жизнь "дообщественная". При последней господствовало животное, эгоистическое отношение людей к жизни. Хотя они и жили семьями, родами, племенами, но все же постоянно враждовали между собой, разоряя и убивая друг друга. Насилия эти происходили в малых и больших размерах: личность боролась с личностью, семья с семьей, род с родом, племя с племенем, народ с народом. Большие, сильнейшие совокупности людей завладевали меньшими, слабыми, и чем больше и сильнее в результате завоеваний становилась совокупность людей, тем меньше происходило в ней насилій. Когда же этот процесс завоеваний завершился образованием такой большой совокупности людей, как государство, власть завоевателя посредством законов положила конец междоусобицам.

Толстой признает известное "преимущество государственности над отсутствием ее" на том этапе всемирной истории, когда при низком уровне этики и при всеобщем духе насилия среди людей "существование власти, ограничивающей

эти насилия, было выгодно", ибо "насилие государственное было меньше насилия личностей друг над другом".

С развитием нравственности все более смягчались нравы людей, на смену эгоизму пришло общественное понимание жизни. Власть же тем временем все более деградировала и развращалась, поэтому преимущества государственной жизни постепенно сходили на нет. Как считал Толстой, современная европейская цивилизация настолько созрела в нравственном отношении, что вполне может обойтись без всяких правительств и приступить к упразднению государственной власти.

Вместе с государством возникли и другие отрицательные явления: частная собственность, экономическое неравенство, различные формы эксплуатации, власть имущие получили возможность с помощью политического насилия "устанавливать выгодные для себя узаконения".

Государство, по Толстому, — организация, при помощи которой "богатые и властвующие классы" ("малое меньшинство") могут угнетать и эксплуатировать "большое большинство" трудящегося народа. Это своеобразная пирамида, основанием которой является угнетенный народ, а вершиной — все более уменьшающаяся властная элита (венцом ее в России является сам император). Смысл такой организации в том, чтобы снять с должностных лиц персональную ответственность за "совершаемые злодеяния" ссылкой на выше- или нижестоящего чиновника. К тому же со временем эта организация власти освящается "преданием и обычаем учреждения".

Обязательным признаком государства является постоянное войско, без которого "нет ни одного государства и при уничтожении которого неизбежно рушится весь экономический строй каждого государства". Не случайно все властители озабочены более всего войском, зная, что если войско с ними, то власть в их руках.

В понимании форм государства Толстой стоит на позициях историзма, считая, что они меняются и многообразны в зависимости от конкретно-исторических условий. Однако сущность государства неизменна на всем протяжении истории: "Человечество перепробовало все возможные формы правления, и везде, от самой усовершенствованной республиканской до самой грубой деспотической, зло насилия остается то же самое... Нет произвола главы деспотического правительства, есть линчевание и самоуправство республиканской толпы; нет рабства личного, есть рабство денежное; нет прямых поборов и даней, есть косвенные налоги; нет самовластных падишахов, есть самовластные короли, императоры, миллиардеры, министры, партии".

Постепенно правящие классы совершенствовали организацию государственного насилия. Они использовали четыре основных средства подавления людей. Первое ("самое старое средство") — устрашение. Оно заключается в том, чтобы "казнить самыми жестокими казнями" всех противников строя. Второе средство — подкуп. Отобрав у народа посредством денежных податей, налогов его богатства, государство распределяет часть награбленного между чиновниками, обязанными за это вознаграждение поддерживать и усиливать порабощение народа. Третье средство — гипнотизация народа, когда правительство задерживает духовное развитие людей и различными идеологическими методами держит их "в отжитом уже человечеством понимании жизни". В этом деле активно используются религия, философия, наука, искусство и даже "физические средства оду-

рения, как-то: табак, водка, составляющие главный доход государств; поощряется даже проституция, которая не только признается, но организуется большинством правительств". Самым могущественным является четвертое средство — воинская повинность. Этим средством замыкается круг насилия, в результате которого эксплуатируемые становятся как бы угнетателями самих себя.

Толстой не верил в различные концепции правового и демократического (в том числе пролетарского) государства, замешенные на теории народного суверенитета Руссо, хотя великолепно знал все написанное этим мыслителем и по ряду вопросов находился под его влиянием. Аргументом служила все та же доктрина непротивления злу насилием. Даже в демократическом государстве совершается насилие большинства над меньшинством, а это ведет к неизбежной и быстрой порче властвующих. Новое государство станет деспотичнее прежнего, так как пришедшим к власти классам придется изобретать новые формы борьбы с господствовавшими ранее слоями. Об этом, по мнению Толстого, свидетельствовал опыт Парижской Коммуны 1871 года.

Отрицание государства обосновывалось Толстым и с христианской точки зрения. "Государство, — писал он, — есть насилие, христианство есть смирение, непротивление, любовь, и потому государство не может быть христианским. И человек, который хочет быть христианином, не может служить государству". Исходя из идеи установления Царства Божия как гармоничного общественного и нравственного состояния, Толстой приходил к выводу о необходимости ликвидации государства, власти и насилия, нарушающих эту гармонию.

Отрицание государственности может идти двумя путями: это, во-первых, уклонение людей от всякого участия в государственной жизни (что реализовывалось, например, в образе жизни таких религиозных сект, как духоборы и толстовцы, в социально-политической практике беспоповского старообрядчества), во-вторых, распространение в обществе антиэтатистских идей. При этом отвергалась любая политическая деятельность, ибо она есть изменение одних лишь внешних форм человеческой жизни и не затрагивает внутренней сути отношений между людьми. "Неделание" рассматривалось Толстым в качестве одной из форм массового ненасильственного действия. Оно включало в себя отказ от добровольной уплаты податей, службы в полиции, армии и на флоте. Призыв Толстого "Долой государство!" представлял прямую угрозу правительству.

Взгляды Толстого на государство во многом совпадают с идеями европейских анархистов, таких, как Прудон. Но, подобно Бакунину и Кропоткину, Толстой ставил анархизм не на индивидуалистическую, а на коллективную основу. При этом, разумеется, он отрицательно относился к политической программе русских революционеров-анархистов с их ориентацией на революционное насилие. Толстой проповедовал "мир всех людей между собой" на основе христианских ценностей.

Вместе с государством, по Толстому, должно исчезнуть и право, ибо право как совокупность "узаконению" опирается исключительно на государственное насилие и не имеет ничего общего со справедливостью. Узаконения никогда не устанавливаются с общего согласия и для общей пользы.

С анархистских позиций обличает Толстой и юридическую науку, считая ее главной целью лицемерное оправдание существующего зла. "Есть насилующие и насилуемые, и насилующим хочется оправдать свое насилие". Отсюда и такие черты правоведения, как схоластический характер, формализм, игнорирование и

фальсификация действительного положения исторических фактов, беспочвенность и маниловщина.

Анархо-христианская программа Толстого включает в себя цель — идеал и средства его осуществления. Цель — состояние всеобщей любви и братства — описана Толстым в самых общих чертах со ссылками на священные писания христианства и иных религий, особенно индуизма.

Намного конкретнее изложение путей утверждения на земле христианских заповедей. Это целый комплекс “непротивленческих” мер, с конкретными предложениями по социальному реформированию России.

Ближайшая задача — предупредить “братоубийство”, не допустить взрыва насилия в раздираемом противоречиями русском обществе. Толстой много раз писал о своей эпохе как о времени социальных потрясений: “Это времена революции”. Предвидя “еще худшие страдания и преступления”, Толстой предложил программу примирения общества, раздираемого противоречиями. Обращаясь к верхам как “к невольным единомышленникам, сотоварищам нашим и братьям”, он убеждал царя, что хорошо может быть только тогда, когда “хорошо самому сильному, трудящемуся большинству, на котором держится все общество”.

“Самые скромные” желания “огромного большинства русского общества” заключались, по его мнению, в свободе и просвещении. Для устранения революционного брожения нужно сделать “очень мало”. Прежде всего, “уравнять крестьян во всех их правах с другими гражданами и потому уничтожить... нелепый институт земских начальников, отменить те особые правила, которые устанавливаются для определения отношений рабочих к нанимателям”, освободить крестьян от квартирной, подворной, сельской, полицейской повинностей (сотские, десятские), освободить их от несправедливого обязательства “платить по круговой поруке долги других людей, а также и от выкупных платежей, давно уже покрывших стоимость выкупаемых земель”, и, главное, “уничтожить бессмысленное, ни на что не нужное, оставленное только для самого трудолюбивого, нравственного и многочисленного сословия людей, позорное телесное наказание”. Писатель решительно высказывается и за отмену режима усиленной охраны ряда мест, где под предлогом борьбы с революционерами законы не действовали. “Эта приостановка действия общих законов развивает доносы, шпионство, поощряет и вызывает грубое насилие”.

В области просвещения “нужно уничтожить все преграды”: “...не делать различия в доступе к образованию между лицами различных положений и потому уничтожить все исключительные для народа запрещения чтений, преподаваний и книг”, “почему-то считаемых вредными для народа”; “...разрешить доступ во все школы для лиц всех национальностей и исповеданий”, не препятствовать учителям вести преподавание в школах на национальных языках; главное — разрешить устройство и ведение “всякого рода частных школ, как низших, так и высших, всем людям, желающим заниматься педагогической деятельностью”. Разрешение частных школ уничтожило бы постоянно возникающие волнения среди недовольной порядками учебных заведений учащейся молодежи.

Самым важным Толстой полагал уничтожение “всех стеснений религиозной свободы, то есть уничтожить все те законы, по которым всякое отступление от признанной правительством церкви карается как преступление; разрешить открытие и устройство старообрядческих часовен, церквей, молитвенных домов баптистов, молокан, штундистов и др.; разрешить религиозные собрания и рели-

гиозные проповеди всех исповеданий; не препятствовать людям воспитывать своих детей в той вере, которую они считают истинной”.

Вопрос о передаче земли крестьянам, основной вопрос приближающейся русской революции, в письмах к царю Толстой не ставит, понимая, что согласия на это правительства и землевладельцев не будет, но для его решения пишет новое обращение — “К рабочему народу” (1902). В нем он провозглашает принцип трудового владения землей: “Земля должна принадлежать лишь тем, кто ее обрабатывает”. А для того чтобы помещики передали землю трудящимся, он советовал крестьянам отказаться от всякой работы у землевладельца на земле, от участия в войне.

Толстой отвергает “теории социалистов”, которые намеревались уничтожить насилие эксплуататорских классов “через новое организованное насилие”. По его глубокому убеждению, “все попытки уничтожения правительств насилием до сих пор всегда и везде приводили только к тому, что на место сверженных правительств устанавливались новые, часто более жестокие...” Социальная революция в России может победить ненасильственным, мирным путем. Всем людям нужно прекратить “давать правительствам солдат и деньги... сам собой уничтожится обман, поработавший людей”.

Каждому христианину Толстой советовал “не принимать на себя никакой должности, связанной с насилием”, “не давать добровольно правительствам податей” и не пользоваться деньгами, собранными податями.

Толстой прекрасно понимал, что ожидает каждого участника гражданского неповиновения: за отказ от исполнения воинской повинности его заключат в тюрьму, за отказ от выплаты податей каждый подвергнется наказанию. Но трудность такого отказа, по его мнению, никак не исключает “возможности все более и более освобождаться от участия” в правительственном насилии.

Толстой признавал “между существующим порядком вещей, основанном на грубом насилии, и идеалом жизни... существование бесконечного количества ступеней, по которым не переставая шло и идет человечество”, признавал, что приближение к этому идеалу совершается только по мере “освобождения людей от участия в насилии, от пользования им, от привычки к нему”. В отличие от “мнимых ученых”, он отказывался гадать, каким образом это будет совершаться. Но единственное средство избавления от рабства Толстой видел в воздержании от участия в правительственном насилии, что совпадало с “нравственным законом каждого отдельного человека”. Успех будет зависеть от ясности сознания людей и от числа отдельных людей, осознавших свое предназначение. Выбор каждого — “идти против воли Бога” или устроить жизнь “по воле Бога” — обусловлен “властным и непререкаемым судьей — голосом совести”.

Христианский анархизм вызвал значительную полемику и идейные споры в среде русских мыслителей. В своих статьях о Толстом Ленин связал его доктрину с противоречивой позицией русского мужика, пробудившегося к активной политической деятельности, назвав мятежного графа “зеркалом русской революции”. Толстой велик, писал Ленин, “как выразитель тех идей и тех настроений, которые сложились у миллионов русского крестьянства ко времени наступления буржуазной революции в России”.

Творчеством Толстого интересовался вождь меньшевиков Плеханов (“Смешение представлений”, 1910; “Карл Маркс и Лев Толстой”, 1911; “Еще о Толстом”, 1911; “Заметки публициста”, 1910). Он высоко оценил талант писателя,

особенно те его страницы, которые “посвящены изображению и разоблачению многочисленных физических и нравственных зол, порождаемых собственностью, основанной на эксплуатации одного общественного класса другим”.

Однако центральное звено доктрины Толстого — непротivление злу насилieм, по Плеханову, — “бесплодная пустыня квиетизма” — религиозно-этического учения, проповедовавшего смирение, покорность, созерцательное, пассивное отношение к государству и праву, с полным подчинением воли человека божественной воле. На практике, считал Плеханов, непротivление злу насилieм оборачивалось тем, что “он, сам того не желая и не замечая, переходил на сторону угнетателей народа”, сохраняя свое “достоинство деликатного барина”. Как “учитель жизни”, считает Плеханов, Толстой не состоялся и уподобился известному персонажу крыловской басни — повару, который, не борясь с насилieм, ограничился известными восклицаниями: “Кот Васька плут, кот Васька вор!”, “Не стыдно ль стен тебе, не только что людей!”

Что касается консерваторов, то они уже к началу XX века забили тревогу по поводу анархистских устремлений графа. Их рупором стал матерый этатист Победоносцев (прототип Каренина), узревший, что взгляды Толстого опаснее революционных теорий, так как грозят распространением атеистических и нигилистических идей не столько среди интеллигенции, сколько среди простого народа. Все это, считал он, если с толстовством не бороться, закончится рождением “в православной России атеизма и нигилизма, то есть страшного типа людей без веры в Бога и без любви к своему Отечеству”. По инициативе Победоносцева Синод отлучил графа от православной церкви.

Объяснение этому факту дал Иоанн Кронштадтский в своем “Ответе пастыря Льву Толстому на его “Обращение к духовенству”. В нем он называет графа “безбожеской личностью”, предпринявшей “ужасное богохульство” при трактовке основных идей христианства, изложенных в Библии. По мнению известного всей России пастыря (в наше время канонизированного) Иоанна Кронштадтского, Толстой вырвал из всего контекста учения Христа Нагорную проповедь и интерпретировал ее так, что “под непротivлением злу разумеет потворство всякому злу — по существу, непротivление греху, или поблажку греху и страстям человеческим, и пролагает торную дорогу всякому беззаконию, и таким образом делается величайшим пособником дьяволу, губящему род человеческий, и самым отъявленным противником Христу”. Проповедь Толстого, заканчивает Иоанн Кронштадтский, невольно сближается с аристократическим учением Ницше, где излагается мечта о “совершенном человеке, или сверхчеловеке”, который способен своим разумом, “без покаяния, без Христа”, достигнуть совершенства. В своем учении Толстой предается “гордыне”, “сам себя он обожает, себе поклоняется, как кумиру, сверхчеловеку”. “Это Лев рыкающий, ищущий кого проглотить. И скольких он проглотил чрез свои лъстивые листки! Берегитесь его!”

Крайности сходятся: левые (Ленин, Плеханов) и правые (Победоносцев, Иоанн Кронштадтский) единодушны во мнении об ошибочности и утопичности концепции Толстого, в его квиетистском подходе к государству и праву, в рамках которого граф хотел мир кулачного права изменить ненасильственными средствами. Одновременно они (и левые, и правые) высоко оценили гений писателя, правдивые картины, обличающие реальное зло.

Но и Толстой прав, считая, что окончательное решение проблемы зла и насилия во всемирной истории лежит не в религиозной и не в политической сфере,

а в гуманистической, в самосовершенствовании человека и его превращении в существо, живущее по законам совести. Или, как писал Кант, в соответствии с категорическим императивом как выражением высшей правды на земле. Впрочем, у истинно православных людей иной взгляд на эту проблему: самосовершенствование человека не может полноценно осуществляться без Бога. Совесть — это и есть Бог.

ЛЕКЦИЯ 9. В.И. Ленин

Владимир Ильич Ульянов (Ленин) (1870 — 1924), блестяще окончив классическую гимназию в г. Симбирске, поступил на юридический факультет Казанского университета. Однако там он проучился недолго. В начале декабря 1887 года Ульянов — активный участник революционного движения казанского студенчества. Это стоило ему исключения из университета. Потом арест, годичная ссылка, возвращение в Казань, изучение трудов Маркса в кружке Федосеева. После нескольких заявлений министру народного просвещения ему лишь в 1891 году было разрешено экстерном сдать экзамены за юридический факультет Петербургского университета.

После завершения юридического образования Ленин некоторое время работал юристом-практиком, однако работал он не на государственной должности в царской юстиции, а в адвокатуре — самодеятельной организации, где после судебной реформы 1864 года сильны были либеральные веяния.

С 1891 года Ленин в Самаре выполнял обязанности помощника присяжного поверенного. В Самарском окружном суде он провел 18 дел: 15 уголовных и 3 гражданских. В 1893 году Ленин переехал в Петербург и тоже стал работать помощником присяжного поверенного, ведя юридические дела, хотя революционная деятельность захватывала его все больше. В 1895 году он был арестован по делу “Союза борьбы за освобождение рабочего класса”, и его адвокатская практика прекратилась. Но и в ссылке Ленин нередко оказывал юридическую помощь населению безвозмездно, был “подпольным адвокатом”, поскольку административно-ссылным заниматься правовой практикой запрещалось.

Ленин внес огромный вклад в развитие идей о государстве и праве. Условно эволюцию его взглядов можно разделить на два периода: до октября 1917 года и после. Первый период определялся революционной борьбой против самодержавия в качестве русского марксиста, а затем и вождя большевистской партии, созданной в 1903 году. Второй — деятельностью Ленина в качестве основателя и руководителя Советской России.

Идейное наследие Ленина огромно. В наши дни это 55-томное собрание сочинений по различным аспектам внутренней и внешней политики первой четверти XX века. Готовилось и 70-томное, но помешал август 1991 года. “Работа над ленинскими рукописями продолжается, особенно над теми, которые прежде были засекречены. Что касается его трудов, посвященных политико-юридической проблематике, то они никогда не представляли секрета. Это такие работы, как “Что такое “друзья народа” и как они воюют против социал-демократов?” (ответ на статьи “Русского богатства” против марксистов) (1894), “Что делать?” (наболевшие вопросы нашего движения) (1901 — 1902), “Две тактики социал-демократии в демократической революции” (1905), “Империализм как высшая стадия капитализма” (популярный очерк) (1916), “Государство и рево-

люция" (учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции) (1917; 1918).

Второй период отмечен такими трудами, как "Очередные задачи Советской власти" (1918), "Пролетарская революция и ренегат Каутский" (1918), "Детская болезнь "левизны" в коммунизме" (1920). Для будущих юристов представляют особый интерес лекция Ленина "О государстве" (1919), статьи о социалистическом праве и законности, в частности работа "О "двойном" подчинении и законности" (1922).

Анализируя ленинские идеи, важно отличать их от официальной интерпретации ленинизма как политической доктрины Советского государства. Юриспруденция Ленина после его смерти зажила самостоятельной жизнью, подобно тому как существуют Макиавелли и макиавеллизм, Гегель и гегельянство, Вольтер и вольтерьянство и т. д.

Ленин олицетворяет собой радикальное течение русского марксизма — большевизм, который, по его собственной оценке, возник в 1903 году. До этого шел интенсивный процесс становления Ленина-большевика в лоне российской социал-демократии. В числе его идейных предтеч называют Чернышевского и деятелей "Народной воли". С марксизмом Ленина впервые познакомил Н.Е. Федосеев, дав ему в руки первый том "Капитала". Молодой Ульянов с благоговением относился к трудам основоположника русского марксизма Плеханова, был очарован его ранними работами: "К вопросу о развитии монистического взгляда на историю", "Наши разногласия", "Социализм и политическая борьба". Последнюю Ленин называл "profession de foi" (кредо) русского социал-демократизма.

Главными источниками ленинской мысли стали труды Маркса и Энгельса. Продолжая работать с ними в русле федосеевских советов, он вскоре стал крупным знатоком марксизма в России, о чем красноречиво свидетельствует его труд "Государство и революция". Более того, Ленин активно развивает это учение в исторических условиях начала XX века с учетом российских реалий.

Впервые такой подход продемонстрирован в его полемике с либеральными народниками, легальными марксистами, "экономистами". Капитализм в России, по Ленину, стал реальным фактом не только в городе, но и в деревне, где крестьянство раскололось на сельскую буржуазию и сельский пролетариат. Отсюда процессы перерождения народничества из революционного в либеральное, программа которого рассчитана на то, "чтобы заштопать, улучшить" положение крестьянства при сохранении основ русского общества.

Негодование у Ленина вызвала верноподданническая мысль легальных народников о государстве и царском правительстве как надклассовых образованиях, способных оказать помощь "экономически слабому" против "экономически сильного". Эта позиция — "филантропическая бессмыслица". Сила "экономически сильного" в том, между прочим, и состоит, отмечал Ленин, что он держит в своих руках политическую власть, без которой не мог бы удержать своего экономического господства. Поэтому задача Российского государства заключается в том, чтобы "охранять только помещиков-крепостников и крупную буржуазию и самым зверским способом расправляться со всякой попыткой "экономически слабых" постоять за себя".

Отвергая "сожаления" либеральных народников об инертности государства, о его бессилии "смягчить отрицательные стороны наступающего порядка", Ленин писал: "Государство ни в каком случае не есть нечто инертное, оно всегда действует, и действует очень энергично, всегда активно и никогда пассивно". Госу-

дарство отнюдь не “волчок, пускаемый провидением”, не “гигантское чугунное колесо”, как его нарекли теоретики народников.

Критикуя либеральных народников, Ленин доказывал, что Россия представляла собой буржуазное общество, выросшее из крепостного уклада, что его политическая суть есть классовое государство и что единственный путь к прекращению эксплуатации трудящихся состоит в борьбе пролетариата. “Друзья народа”, — отмечает он, — являются злейшими реакционерами, когда говорят, что естественная задача государства — охранять экономически слабого”.

Охарактеризовав буржуазно-дворянскую суть русского государства, Ленин отмечал, что это нисколько не устраняет “громадной независимости и самостоятельности царской власти и бюрократии”, от Николая II до любого урядника. Самодержавное государство — самостоятельная сила, организованная в виде абсолютизма как формы правления. Это “такая форма правления, при которой верховная власть принадлежит всецело и нераздельно (неограниченно) царю. Царь издает законы, назначает чиновников, собирает и расходует народные деньги без всякого участия народа в законодательстве и в контроле за управлением. Самодержавие есть поэтому самовластие чиновников и полиции и бесправие народа”.

Обладая юридически неограниченной властью, царь в действительности не может знать ни всех законов, ни всех чиновников. Его волю определяет дворцовая камарилья, составленная из дворянской аристократии. Кучка самых богатых и знатных чиновников сообщает царю лишь то, что считает нужным. Поэтому императорская власть для народа означает полную зависимость от чиновников и от полиции. При самодержавии народ лишен всякого права требовать отчета у чиновников, проверять их действия, обвинять перед судом; чиновники образуют как бы особую безответственную и бесконтрольную касту.

В борьбе с народничеством Ленин считал возможным пойти на временный союз с легальными марксистами, поскольку они защищали тезис о неизбежности и неотвратимости развития капитализма в России и критиковали иллюзорность народнических выводов о государстве и праве. Союз, однако, был недолгим. Легальные марксисты вскоре встали на путь апологии капитализма и призывали идти к нему на выучку. Это заставило Ленина опровергать и их взгляды. Всесторонне проанализировав определение государства, данное их вождем Струве, он подчеркивал, что тот “совершенно неправильно видит отличительный признак государства в принудительной власти: принудительная власть есть во всяком человеческом общежитии, и в родовом устройстве, и в семье, но государства тут не было”. Методологические истоки “ошибок” Струве состоят в отступничестве от марксизма. В этом нетрудно убедиться, сопоставив взгляды легального марксиста на государство с известным положением Энгельса о таком признаке государства, как публичная власть. Признаком государства является не просто принудительная власть, а особая публичная власть, стоящая над народом.

Много усилий приложил Ленин для разгрома “экономизма”. “Экономисты” преклонялись перед стихийным рабочим движением, отказывались от политической борьбы за свержение самодержавия, умаляли роль партии в формировании классового самосознания пролетариата. Занятую ими позицию они оправдывали теоретически с помощью бернштейнианства.

Значительная часть книги “Что делать?”, где дана критика “экономизма”, посвящена учению о партии нового типа как высшей форме организации проле-

тариата. У рабочих нет другого оружия, кроме организации. Организованный — он все, неорганизованный — он ничто. Организованность же есть единство воли и действия.

В ходе своей борьбы, по Ленину, рабочий класс создает различные организации: профессиональные, культурно-просветительные, спортивные и другие. Высшей же формой его сплочения является партия. Она является его передовым отрядом, вооруженным научной теорией, руководит его борьбой за завоевание политической власти, за создание коммунистического общества. В силу этого партия призвана руководить всеми формами борьбы этого класса и возглавлять все его организации.

Идейно-политическая борьба отечественных теоретиков обострилась в ходе Первой русской революции. Меньшевики утверждали, что ее вождем и движущей силой должна быть либеральная буржуазия. Рабочий класс, заявляли они, не должен активно действовать, чтобы “не отпугнуть” ее от революции. Лидеры буржуазии — кадеты, желая подчинить своему влиянию трудовую народ, выделяли в России два политических лагеря — сторонников самодержавия и сторонников конституции.

Возражая меньшевикам и кадетам, Ленин писал: “Неверно, господа. Борются и будут бороться три главных лагеря: правительственный, либеральный и рабочая демократия, как центр притяжения всей вообще демократии... Только поняв неизбежность деления на три основных лагеря, может рабочий класс вести на деле свою, а не либеральную рабочую политику, используя конфликты лагеря первого с лагерем вторым, но не давая себя ни на минуту обмануть якобы демократической фразеологией либералов. И не только себя не давать в обман, но и не давать обманывать крестьян, как главную опору буржуазной демократии, — таковы задачи рабочих”.

Ленин выдвинул идеи гегемонии пролетариата, высвобождения крестьянства из-под влияния либералов, борющихся за уступки, за реформы, но скрытых врагов революции. Революция может победить только под руководством рабочего класса. Поэтому она, будучи буржуазно-демократической по своим ближайшим целям и задачам, является пролетарской в том смысле, что руководитель ее — рабочий класс и на первый план выдвигаются его методы и формы борьбы.

На русском опыте вождь большевиков развивает теорию перманентной революции. Как известно, Маркс полагал, что сначала к власти придет крупная буржуазия, затем она будет отодвинута в сторону более радикальными ее слоями, затем они, в свою очередь, будут устранены демократической мелкой буржуазией, пока, наконец, рабочий класс не свергнет все фракции буржуазии и не установит свою диктатуру. Маркс исходил из слабости пролетариата в революциях XIX века.

Иную расстановку сил, по Ленину, демонстрировала русская революция, где пролетариат с самого начала был ее гегемоном, а буржуазия стала неспособной к активной борьбе, опасаясь своего могильщика. Руководящая роль русских рабочих дает им возможность в ходе революции решать и свои классовые задачи, иными словами, стремиться к перерастанию буржуазно-демократической революции в социалистическую. Подняв на борьбу с помещиками крестьянство, пролетариат закрепляет завоевания крестьянской революции, где его прочным союзником может быть только деревенская беднота, а кулачество (сельская буржуазия) станет потенциальным врагом, средние же слои крестьянства должны быть

нейтрализованы, поскольку неизбежны их колебания между буржуазией и пролетариатом.

Теория перманентной революции была дополнена учением о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства. Политический союз двух классов не может быть длительным из-за того, что сельская буржуазия, добившись свержения помещиков, будет стремиться закрепить свои завоевания, упрочить капитализм, борясь за среднее и даже беднейшее крестьянство. Поэтому внутри революционно-демократической диктатуры разгорится борьба, причем рабочий класс поставит своей задачей превратить власть в социалистическую диктатуру пролетариата, оторвав бедноту от кулачества и привлекая среднее крестьянство на свою сторону в качестве прочного союзника, а буржуазия будет стараться выбить представителей рабочего класса из правительства и заменить эту диктатуру двух классов диктатурой буржуазии. “У революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, — писал Ленин, — есть, как и у всего на свете, прошлое и будущее”. Ее прошлое — борьба с самодержавием, с крепостничеством. Ее будущее — борьба за социализм.

Уже тогда он придавал значение разъяснению политического смысла понятия диктатуры. “Диктатура означает... неограниченную, опирающуюся на силу, а не на закон, власть. Во время гражданской войны всякая победившая власть может быть только диктатурой. Но дело в том, что бывает диктатура меньшинства над большинством, полицейской кучки над народом, и бывает диктатура гигантского большинства народа над кучкой насильников, грабителей и узурпаторов народной власти”.

Диктатура пролетариата неизбежно должна опираться на восстание, а не на старые законы и учреждения. Только посредством диктатуры можно сломить сопротивление царизма, помещиков, а также крупной буржуазии, которая отшатнется от народа и перейдет в лагерь реакции. Вместе с тем Ленин предостерегает против вульгарно-буржуазной точки зрения, будто понятие диктатуры и понятие демократии исключают друг друга.

Тщательно изучая опыт движения масс, и прежде всего рабочего класса, Ленин обратил особое внимание на Советы рабочих депутатов, возникшие в ходе революционной борьбы. Если меньшевики видели в Советах одну из форм местного самоуправления, то Ленин сделал вывод, что Советы являются органом восстания, зачатком революционной власти, что после победы они могут быть формой диктатуры масс. Для того чтобы они смогли выполнить эту роль, Ленин думал включить в Советы депутатов от всего трудового населения, тогда эта организация сможет стать политическим центром страны, провозгласив себя временным революционным правительством.

Хотя государственно-правовая тематика была постоянно в центре внимания Ленина, однако ее цельное изложение с учетом новых исторических реалий дано им лишь в августе — сентябре 1917 года в классическом труде “Государство и революция”. Замысел и сбор материалов для него Ленин осуществил еще в начале Первой мировой войны, в Швейцарии, делая многочисленные выписки в тетрадь, на обложке которой было написано: “Марксизм о государстве”. Кроме выдержек из работ Маркса и Энгельса с авторскими комментариями и обобщениями в нее вошли отрывки из книг и статей “теоретиков” западной социал-демократии — К. Каутского, Э. Бернштейна и др.

В этой книге критикуются как реформистская, так и анархистская ревизии “научного социализма”. Реформисты, а затем и Каутский пытались тезис Маркса об отмирании социалистического государства применить к буржуазному государству. Они отбросили учение о сломе государственной машины, стали говорить о возможности решения пролетарских задач путем простой передвижки сил внутри буржуазного государства при сохранении старого государственного аппарата с его чиновничеством, армией и полицией. Прикрывая эти извращения, оппортунисты старательно затушевывали вопрос о классовой сущности государства.

Ленин защищает марксистское учение о сущности государства. Государство есть продукт непримиримости классовых противоречий, оно возникает там, тогда и постольку, где, когда и поскольку классовые противоречия объективно непримиримы. Он обращает внимание на ложную попытку изобразить государство в качестве органа примирения классов, ссылаясь на слова реформистов о том, что государство “умеряет” столкновение классов, держит их в границах “порядка”.

Государство, по Ленину, — публичная власть, оторванная от общества и все более ставящая себя над ним, а его опорой являются армия, чиновничество, полиция, имеющая в своем распоряжении и такие вещественные придатки, как тюрьмы. Оно не только орудие подавления, но и орудие эксплуатации угнетенного класса посредством налогов и других форм выкачки средств. При демократической республике неравные и несправедливые отношения сохраняются. Более того, “демократическая республика есть наилучшая возможная политическая оболочка капитализма”, и капитал, овладев этой оболочкой, “обосновывает свою власть настолько надежно, что никакая смена ни лиц, ни учреждений, ни партий в буржуазно-демократической республике не колеблет этой власти”.

Демократическая республика сохраняет и совершенствует тот чудовищный аппарат угнетения и подавления, ту государственную машину, которую создал феодальный абсолютизм для подавления трудящихся. Отсюда необходимость слома буржуазной государственной машины. Все прошлые революции лишь усовершенствовали эту машину, а ее надо разбить, сломать. “Этот вывод, — пишет Ленин, — есть главное, основное, в учении марксизма о государстве”. Он развивает Марксову критику теории “свободного народного государства”, которая подкрашивала буржуазную демократию, в то время как наемное рабство есть удел народа и в самой демократической республике. По Ленину, “всякое государство есть особая сила для подавления угнетенного класса, поэтому всякое государство несвободно и ненародно”.

С новой силой лидер большевиков обосновывает учение о диктатуре пролетариата. “Марксист лишь тот, кто распространяет признание борьбы классов до признания диктатуры пролетариата. В этом самое глубокое отличие марксиста от дюжинного мелкого (да и крупного) буржуа. На этом оселке надо испытывать действительное понимание и признание марксизма”. Оппортунисты не доводят признание классовой борьбы до самого главного — до свержения буржуазии и полного уничтожения ее господства, для чего необходима именно диктатура пролетариата. Государство этого переходного периода “неизбежно должно быть государством по-новому демократическим (для пролетариев и неимущих вообще) и по-новому диктаторским (против буржуазии)”. Формы же государства переходного периода могут быть самыми разнообразными. “Переход от капитализма к коммунизму, конечно, не может не дать громадного обилия и разнообразия по-

литических форм, но сущность будет при этом неизбежно одна: диктатура пролетариата".

Диктатура пролетариата должна выполнить задачу подавления сопротивления, а в перспективе и полной ликвидации эксплуататорских классов. Вместе с тем она должна обеспечить демократию для рабочего класса, для всех трудящихся, осуществлять руководство непролетарскими слоями трудящихся в создании социалистического общества. Она призвана вести общество по пути уничтожения эксплуататорских классов, устранения классовых различий между рабочими и крестьянством.

Этим рабочая диктатура отличается от всех ранее существовавших государств. Государство возникло и существовало как орудие подавления угнетенных классов, орудие в руках ничтожного меньшинства эксплуататоров против гигантского большинства эксплуатируемых. Диктатура пролетариата, наоборот, орудие подавления эксплуататоров, оно защитит гигантское большинство трудящихся от кучки эксплуататоров. Все ранее существовавшие государства все более и более отчуждали себя от общества, становились над обществом. Диктатура пролетариата, вовлекая в дело управления самые широкие массы трудящихся, преодолевает это отчуждение. Ранее существовавшие государства имели целью увеличение классового господства эксплуататоров, рабского состояния и угнетения эксплуатируемых. Диктатура пролетариата ставит целью ликвидацию эксплуататорских классов и обеспечение полной и окончательной победы социализма.

Все это дало основание Ленину заявить, развивая характеристику Парижской Коммуны, данную Марксом и Энгельсом, что диктатура пролетариата уже не является государством в собственном смысле, что это полугосударство, переходное государство.

Диктатура пролетариата — диктатура одного класса; лишь рабочий класс способен осуществлять руководство построением социалистического общества. Но подавляет он только буржуазию, причем проводит это подавление вместе со всей массой трудящихся. "Какой же класс надо подавлять пролетариату?" — спрашивает Ленин и отвечает: "Конечно, только эксплуататорский класс, то есть буржуазию. Трудящимся нужно государство лишь для подавления сопротивления эксплуататоров, а руководить этим подавлением, провести его в жизнь в состоянии только пролетариат, как единственный до конца революционный класс, единственный класс, способный объединить всех трудящихся и эксплуатируемых не в борьбе против буржуазии, а в полном смещении ее". Подавление производит громаднейшее большинство народа, и поэтому значение государственного аппарата становится существенно иным: он тесно связан с народом и опирается на народ, на его громаднейшее большинство. В связи с этим государство превращается "в нечто такое, что уже не есть собственно государство". Это — социалистическое государство, "отмирающее государство, то есть устроенное так, чтобы оно немедленно начало отмирать и не могло не отмирать".

Итак, социалистическое государство в переходный от капитализма к социализму период осуществляет подавление эксплуататорских классов. Но каковы будут его функции в первой фазе коммунистического общества, при социализме? Давая ответ на этот вопрос, Ленин опирается на "Критику Готской программы", где Маркс говорит о двух фазах коммунистического общества: о социализме как первой фазе коммунизма и о полном коммунизме. Говоря о социализме, он считает, что "поскольку общей собственностью становятся средства произ-

водства, постольку слово “коммунизм” и тут применимо, если не забывать, что это не полный коммунизм”. Но социализм, уничтожая эксплуатацию человека человеком, еще не дает полного равенства, сохраняя принцип распределения по труду, для чего необходимо сохранить те начала, те внешние формы буржуазного права, которые регулируют обмен эквивалентами. “И постольку, — заключает Ленин, — остается еще необходимость в государстве, которое бы, охраняя общую собственность на средства производства, сохраняло равенство труда и равенство дележа продукта”. Здесь “все граждане становятся служащими и рабочими одного всенародного, государственного “синдиката”.

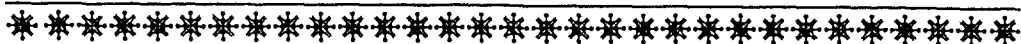
Далее отмирание государства связано с развитием высшей фазы коммунизма. Необходимо гигантское развитие производительных сил, превращение труда в первую жизненную потребность каждого. Необходим высший культурный уровень общества, навык в управлении общественными делами. Нужно, чтобы необходимость соблюдать правила человеческого общежития стала привычкой. Ленин подчеркивал длительность этих процессов, их зависимость от быстроты развития высшей фазы коммунизма и оставлял “совершенно открытым вопрос о сроках или о конкретных формах отмирания, ибо материала для решения таких вопросов нет”.

ЧАСТЬ
ТРЕТЬЯ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ
РОССИИ

XX века
(после 1917 года)

РАЗДЕЛ I

СОВЕТСКАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

ЛЕКЦИЯ 1. И.В. Сталин

Иосиф Виссарионович Джугашвили (1879—1953), известный в истории как Сталин, родился 9 декабря (ст.ст.) 1879 г. в старинном грузинском городе Гори. Сначала он учился в духовном училище этого города, где стал лучшим учеником, прочитав “почти все книги в Горийской библиотеке”. Затем, в 1894 году, он поступил в Тифлисскую духовную семинарию. И здесь Иосиф выделялся своими способностями и послушанием. Имея пытливым ум и хорошую память, он запоминал и легко усваивал все религиозные предметы, прекрасно знал тексты Старого и Нового Заветов, ценил ритм и поэзию литургий. Помимо того, программа обучения включала математику, греческий и латинский языки, а также русскую литературу и историю. Все это вместе, хотя и несколько формально, давало хорошее образование.

Во время учебы под влиянием русских марксистов Иосиф занялся революционной деятельностью, за что в 1899 году был исключен из семинарии. С тех пор он целиком отдался карьере профессионального революционера и стал “Кобой-непримиримым”. Псевдоним “Сталин” Джугашвили взял только в 1912 году, будучи уже членом ЦК партии большевиков, учрежденной как самостоятельная и независимая на Шестой (Пражской) Всероссийской конференции РСДРП.

В это же время Сталин написал первую серьезную работу “Марксизм и национальный вопрос”. Написана она доходчивым языком. В ней в резкой манере противопоставлены два взгляда на национальный вопрос. Сталин писал эту работу с уверенностью, что больше знает о проблеме, чем Ленин, Троцкий или Бухарин. Ленин высоко оценил работу. В партийных кругах Сталина стали считать одним из теоретиков марксизма.

Дебют в качестве политического мыслителя для Сталина оказался удачным. Остальное он додумал в тюрьмах и ссылках, которые для многих революционеров были своеобразными российскими университетами. Последняя Туруханская ссылка Сталина продлилась 4 года, до февральского отречения царя в 1917 году. В ссылке он развил в себе глубокое чувство русского национализма. Сверхъестественно, но, похоже, этот грузин понял Россию, ее исторические традиции и устремления глубже, чем многие русские. Он прочитал много книг по российской истории, изучал политику и методы правления Ивана Грозного и Петра Великого, представляя себя их наследником. Дух мессианства

великого русского народа и интернациональные идеалы марксистов захватили его воображение, проявившись в дальнейшей линии поведения и творчества.

Возможно, в те годы, когда у него было время поразмыслить о ценном опыте общения с Плехановым, Мартовым, “горным орлом — Лениным”, и зародилась, а позднее, когда здоровье Ленина пошатнулось, стала реальной мысль о том, что именно он является человеком истории, которому самой судьбой предначертано руководить партией и Россией, чтобы осуществить высшую задачу превращения ее в мощную, могучую державу, способную русской коммунистической идеей обновить и осчастливить целый мир.

В историю юриспруденции Сталин вошел как своеобразный интерпретатор идей Ленина после его смерти. Именно Сталину принадлежит сам термин “ленинизм”, связанный с канонизацией наследия вождя в Советской России.

Сталин различал мировоззрение Ленина и основы ленинизма. Ленин — марксист, а стало быть, мировоззрение его — марксизм. Ленинизм, напротив, есть “то особенное и новое, что внес Ленин в общую сокровищницу марксизма и что естественно связано с его именем”. Сталина не устраивало ни одно из существовавших определений ленинизма: ни троцкистское — “применение марксизма к своеобразным условиям российской действительности”, ни бухаринское — “возрождение революционных элементов марксизма 40-х годов XIX века”. В первом случае, на его взгляд, ленинизм оказывался “чисто национальным и только национальным, чисто русским явлением”, во втором — выпадала творческая сторона ленинизма, который “не только возродил марксизм, но сделал еще и шаг вперед, развив марксизм дальше в новых условиях капитализма и классовой борьбы пролетариата”.

Сталин определил ленинизм как “марксизм эпохи империализма и пролетарской революции”. Точнее: ленинизм есть теория и практика пролетарской революции, диктатуры пролетариата в особенности. Его сущность он сводил к двум основным моментам: во-первых, к учению о роли “авангарда”, т. е. партии, в рабочем движении и, во-вторых, к теории пролетарской революции.

Значение авангарда обуславливалось тем, что “отмирание старого и нарастание нового” (так представлял себе Сталин “закон развития”) совершается не вследствие “преднамеренной”, сознательной деятельности, а стихийно, бессознательно, независимо от воли людей. Это происходит от того, что люди не свободны в выборе того или иного способа производства, их общественное бытие детерминируется предшествующим строем жизни. Поэтому, даже улучшая орудия производства, они “не сознают, не понимают и не задумываются” над всеми последствиями своих действий, добиваясь лишь “непосредственной, осязаемой выгоды для себя”. Авангард оказывался как бы мозгом, сознанием масс, без которого невозможно построение социализма.

Основными работами, в которых сформировалась сталинская концепция, были “Об основах ленинизма” (1924), “К вопросам ленинизма” (1926), “Национальный вопрос и ленинизм” (1929), “Марксизм и вопросы языкознания” (1950), “Экономические проблемы социализма в СССР” (1952). Основным звеном его концепции является тезис о “возможности социализма в одной стране”, выдвинутый Сталиным в развернувшейся в 1925 году теоретической дискуссии внутри руководства большевистской партии.

1924—1925 годы характеризуются резким спадом революционного движения в Европе, стабилизацией капитализма, наглядно показавшей неопределен-

ность и иллюзорность надежд на скорую мировую революцию. В России в эти годы процветал нэп, бурно росли производительные силы и производительность труда, шло восстановление хозяйства.

Несомненно, тот факт, что на Западе не появлялось никаких признаков революции, порождал у большевистских лидеров резонные вопросы: что делать с завоеванной властью в изолированной отсталой стране? Была ли оправдана революция и какой характер она имела? Какой стратегии и тактики придерживаться для достижения социализма?

Впервые тезис о построении социализма в одной стране был выдвинут Сталиным еще в конце 1924 года в статье "Октябрь и теория перманентной революции тов. Троцкого". В ней Сталин стремится доказать, что взгляды Ленина и Троцкого диаметрально противоположны. По Ленину, революция черпает свои силы прежде всего среди рабочих и крестьян самой России. У Троцкого же получается, что необходимые силы можно черпать лишь "на арене мировой революции пролетариата". В доказательство своего тезиса о построении социализма в одной стране Сталин приводит цитаты из работ Ленина. Он представляет ленинское понимание неравномерности экономического и политического развития капитализма как теоретическое основание концепции социализма в одной стране, даже слабо развитой экономически. Опираясь на вырванные из контекста цитаты: ("Из России нэповской будет Россия социалистическая!"; "... все необходимое для построения полного социалистического общества"; "Мы социализм протащили в повседневную жизнь..."), Сталин приходит к выводу, что у Ленина была теория о победе социализма "в одной, отдельно взятой стране".

Мировая революция превращалась у него лишь во внешнюю и необязательную предпосылку победы социализма. Социализм в нашей стране будет построен и без нее, говорил он, для этого есть все необходимое и достаточное внутри государства, мировая революция не более чем довесок. Перенос акцента с разжигания мировой революции на преимущественное укрепление диктатуры пролетариата вне зависимости от внешних обстоятельств, даже вопреки им — таково изменение доктрины большевиков, предпринятое Сталиным и его соратниками. "Социализм в одной стране" был декларацией независимости от Запада. "Шиш Европе — обойдемся и без них" — так описывалась новая доктрина в опубликованном в Берлине меньшевистском "Социалистическом вестнике".

В социально-политическом отношении теорию социализма в одной стране на первых порах можно было применить с равным успехом в качестве аргумента как в защиту развития аграрного сектора, так и в пользу интенсивной индустриализации. В начале 30-х годов Сталин отдал приоритет вопросам индустриализации в развитии страны, чему оказалась подчинена и его версия о кооперации сельского хозяйства.

В конце января 1926 года Сталин написал сыгравшую важную роль статью "К вопросам ленинизма". Здесь он вновь рассматривает два препятствия на пути строительства социализма в одной стране: техническую отсталость экономики и угрозу со стороны внешнего капиталистического мира. Сталин не считает техническую отсталость непреодолимым препятствием, единственным серьезным препятствием на пути к окончательной победе социализма он признает наличие внешней угрозы.

С публикацией первого сборника выступлений, статей и брошюр Сталина, озаглавленного по названию главной статьи "Вопросы ленинизма" (1926), концепция социализма в одной стране стала краеугольным камнем советской ортодоксальной теории вплоть до XX съезда КПСС (1956). Она подразумевала прежде всего в неявной, а позднее и в явной форме претензию Сталина на то, что лишь он один предлагает стране и партии позитивную и конструктивную политику, в то время как его противникам нечего предложить, кроме отрицания и скептицизма.

Теория социализма в одной стране, без сомнения, вбирает в себя национальную российскую традицию своеобразия отечественного развития с относительной самостоятельностью государства как средства для достижения поставленных целей. Этой теорией Сталин призвал партию и народ стать хозяевами своей судьбы, не зависеть от зарубежных стран и Коминтерна и своими героическими усилиями показать дорогу Западу и всему миру. Это было непосредственное обращение к национальной гордости россиян, их чувству миссионерского призвания, которые пустили глубокие корни в русском характере. Ответом, особенно молодых членов партии, была волна энтузиазма, титанический и бескорыстный труд во имя достижения невозможного. Люди строили социализм в России, чтобы указать путь всему миру.

И еще один важный аспект плана Сталина — фактор времени. Сталин обосновывал немедленные действия по обновлению России, так как был убежден, что в тогдашней внешнеполитической ситуации "промедление смерти подобно", что осуществление его политики жизненно важно, важно для безопасности и существования самого Отечества. Необходимо на всех парах догнать и перегнать промышленно развитые страны Запада. Советская Россия была слаба и будет зависеть от них до тех пор, пока не поднимет свою экономику и не станет индустриально мощной страной.

Импульсивные, колеблющиеся и неординарно мыслящие лидеры "правой" и "левой" оппозиций были побеждены человеком, воплощавшим саму уверенность, спокойствие и огромную волю. Были побеждены, ибо он не обещал, как Троцкий, безумный поход за мировой революцией на Запад, а предлагал, казалось бы, вполне выполнимые задачи, обеспечивающие достижение быстрых результатов в кратчайшие сроки. Всего 10—15 лет отводил "отец народов" на то, чтобы догнать и перегнать капиталистические державы, подчеркивая, что тем понадобится для промышленного прогресса 100—150 лет. Очевидны были в этом плане преимущества Сталина и перед Бухариным, который рассчитывал, что "врастание" советской многоукладной экономики в социализм растянется на 30—50 лет.

Российское традиционное, этатистское начало, по сути своей консервативное, особенно ярко выразилось в реставрации Сталиным принципов бюрократического авторитаризма в управлении государством, воссоздании аристократической структуры — нового класса партийных чиновников, а также в сакрализации власти и использовании дореволюционной военной символики. Все это дало повод Г. Федотову заметить, что "Сталин и есть "красный царь", каким не был Ленин" и "его отношение к народу напоминает самодержавного вожда".

Возможность подобного перерождения преждевременной социалистической революции была предсказана еще Плехановым, который писал, что временному

правительству "Народной воли" предстоит альтернатива: или оно должно будет оставаться равнодушным зрителем медленного разложения созданного им "экономического равенства", или оно вынуждено будет организовать национальное производство. Оно должно будет или решить эту трудную задачу в духе современного социализма, чему помешают как его собственная непрактичность, так и современная степень развития национального труда и привычки самих трудящихся, или же искать спасения в идеалах "патриархального" и "авторитарного" коммунизма. Консерватизм сталинокрации — естественный итог стабилизации отечественной политической системы, осуществляющейся через воссоздание некоторых авторитарных традиций юридической культуры и властных отношений дореволюционной России.

В июле 1934 года Сталиным было написано письмо, адресованное членам Политбюро, "О статье Энгельса "Внешняя политика русского царизма". Автор письма критиковал Энгельса за "русофобство", за его стремление представить внешнюю политику России в XIX веке как более реакционную, завоевательную, чем политика Англии, Франции и особенно Германии. Определился явный поворот руководителя партии от идеологии Коммунистического Интернационала ("лавочки", по его словам) к национально-государственной политике.

Тогда же был объявлен конкурс учебников по истории СССР, за ходом которого Сталин внимательно следил сам, читая макеты подготовленных учебников, делая замечания. Так, прочитав учебник, написанный группой Минца, на полях тех страниц, где в вульгарно-социологическом духе Покровского деятельность ополчения Минина и Пожарского характеризовалась как контрреволюционная, Сталин с издевкой написал: "Что же, поляки, шведы были революционерами? Ха-ха! Идиотизм!"

Член жюри конкурса (под председательством Жданова) Бухарин видел необходимость учебника в показе "образования и развития государства Российского" как "тюрьмы народов". Исходившие же от Сталина указания касались таких вопросов, как недопустимость для историков следовать вульгарно-классовой точке зрения на принятие христианства в древней Руси (игнорирующей исторически-культурное значение этого события), на "собрание Руси", образование и укрепление Московского княжества, значение Петровских реформ, воссоединение Украины с Россией, присоединение Грузии к России и т.д., — во всем этом красной линией проходила идея российской государственности. Утвержденный в июле 1937 года учебник по истории СССР А.В. Шестакова ориентировал на преемственность старой государственности в единстве с социализмом.

Сталин последовательно развивал идею о Советском государстве как одном из элементов политической диктатуры пролетариата, находящемся прежде всего в тесном взаимодействии с коммунистической партией и ее аппаратом. Партия — "руководящая и направляющая сила", владеющая коммунистической (научной) истиной, олицетворяет собой духовную власть (идеологическую силу). Зиждется эта власть теперь не на православной вере, а на атеистических идеях коммунистических манифестов и программ. Советское государство — светская власть, "работающая корпорация", орудие для достижения тех целей, которые провозгласила духовная власть (партия).

Таким образом, вождь восстановил и традиционную для России теорию симфонии двух властей — светской и духовной (в атеистической интерпретации), с тем лишь отличием, что со времени Петра I духовная власть в стране оказалась в зависимости от светской. Церковь довольствовалась участием бедной служанки в доме властолюбивого деспота, чьи приказы надлежит не обсуждать, а неукоснительно выполнять. Такое унижительное положение не позволяло православной церкви не то что вести за собой Россию, но даже защитить ее от произвола властей. Историческая церковь в стране оказалась совсем не такой, какой она должна была быть с учетом роли духовной власти. В условиях же Советской России первенство было закреплено за духовной властью — партией и ее аппаратом. Еще в 1921 году Сталин писал о компартии как своего рода “ордене меченосцев внутри государства”, “направляющем и одухотворяющем” политическую жизнь. Позднее, в 1924 году, он подчеркнул, что основными принципами деятельности партии должны стать “железная дисциплина, общий центр и единая воля”. Генеральный секретарь категорически выступал против всякой фракционности и оппозиций как в обществе, так и в партии.

Юриспруденция Сталина включала в себя некоторые принципиальные положения, заимствованные не только у Ленина, но и у Троцкого и Бухарина, правда, переработанные для непосредственных политических целей. Так, из идей Троцкого была взята доктрина мировой революции, которая стала пониматься как обоснование поэтапного “отпадения” новых социалистических стран от империалистических государств и связываться с теорией строительства социалистического общества в отдельно взятой стране. В этой связи укрепление социализма в СССР оказывалось важнейшей предпосылкой грядущей мировой революции. Сталин считал, что новая мировая война, как и предыдущая, приведет к созданию революционной ситуации в капиталистических странах.

Подобное видение перспектив социалистической революции предопределило и формулировку Сталиным задач, стоящих перед партией и государством. Исходя из наличия противоречий между СССР и капиталистическими странами, он провозгласил концепцию обострения классовой борьбы по мере строительства социализма. В своем выступлении на Пленуме ЦК ВКП(б) в апреле 1929 года Генеральный секретарь разъяснил ошибки группы Бухарина, которая не поняла особенностей политической ситуации в стране, поскольку, по его мнению, обострение классовой борьбы объясняется тем, что строительство социализма сопровождается, “во-первых, вытеснением отрядов капиталистов города и деревни... и, во-вторых, тем, что капиталистические элементы не хотят добровольно уходить со сцены”. Поэтому основой государственной политики должен был стать лозунг “кто кого!” и решительный бой государства диктатуры пролетариата с “сопротивляющимися классовыми врагами”.

Сталин представлял государство по аналогии с машиной. “Рычагами”, “приводами” являлись массовые организации — профсоюзы, советы, кооперация всех видов, комсомол и партия как “основная и направляющая сила в системе диктатуры пролетариата”. Проводя определенное различие между диктатурой партии и диктатурой пролетариата, Сталин на самом деле их отождествлял и возлагал контроль за деятельностью партии на ее руководящие органы. Тем самым власть в государстве и партии оказалась сосредоточена в руках небольшого

числа людей, монопольно принимавших решения по всем ключевым вопросам внутренней и внешней политики.

Политика Сталина была адекватна его замыслам: он ставил своей целью в кратчайшие сроки решить сложнейшие проблемы экономического развития страны. Логика вождя исходила из понимания неизбежности близкой войны со всем капиталистическим окружением и диктовала настоятельную необходимость, не прибегая к помощи Запада, обеспечить высочайшие темпы индустриализации. Очевидно, что модернизация страны могла проходить и по другому сценарию, предложенному, в частности, Бухариным, но для этого требовалось предусмотреть более продолжительные сроки промышленного прогресса. Однако на это Сталин не пошел.

Мобилизационная задача требовала и неординарных методов ее решения. Таковых было использовано несколько. Прежде всего, перекачка средств из села, а по существу, его ограбление. Коллективизация (по словам Сталина, "революция сверху") выявила радикальную сущность сталинотеррора. Репрессивный механизм, созданный в годы гражданской войны, стал использоваться для нанесения ударов по кулакам и середнякам (в начале 30-х годов во многих районах раскулачивалось до 10—15% крестьянских хозяйств, в то время как кулаков числилось гораздо меньше — от 3 до 5%). Сплошная, нередко насильственная коллективизация поставила сельское хозяйство в полную зависимость от государства и позволила Сталину безвозмездно изымать большие товарные массы хлеба у деревни.

Не менее трудной для народа была и индустриализация, проводимая авторитарно-командными методами. Закрепление рабочих и служащих за конкретными предприятиями и учреждениями, введение трудовых книжек и паспортной системы породили формы организации промышленности, похожие на петровские фабрики, использовавшие труд крепостных. И ныне, оценивая несомненно самоотверженный труд советских людей в те годы, выдвинувший страну в число промышленно развитых государств, нужно помнить и о той непомерно высокой цене, которую пришлось заплатить за достигнутые результаты.

Сталинизм может быть понят и оправдан только в контексте своего времени. Сталин руководствовался идеями этатистского радикализма, в основе которых лежали традиционные (консервативные, патриархально-коллективистские) начала русского народа в виде державности, соборности, патриотизма, дополненные также его анархическими (радикальными) чертами, ориентированными на отрицание (разрушение) всего старого мира и созидание нового, справедливого мира.

Консервативное и анархическое начала юриспруденции Сталина, их своеобразное сочетание, синтез и создали в конечном счете ту "гремучую смесь", которая вывела дореволюционную Россию на новую орбиту истории. Но Сталин не Иван Грозный и не Петр Великий, деяния которых он хорошо знал и высоко ценил. Скорее всего, он олицетворял собой в народном сознании их антипод — "мужицкого" царя Емельяна Пугачева.

Все нынешние "вздохи и ахи" по поводу произвола сталинщины ничего не добавляют к тому суду, который уже свершила сама история, не знающая, как известно, слагательного наклонения. В политике же победителей вообще пока никогда не судили. Нам же, живым, остается одно: учиться у истории и постараться из сталинской доктрины взять на вооружение ее рациональные зерна, от-

секая (забывая) ее иррационализм. Это понимали еще в седой древности, ориентируя людскую память на следующий постулат: "О мертвых либо хорошо, либо ничего!"

При оценке Сталина нельзя не вспомнить крылатую фразу его "друга-врага" Уинстона Черчилля: "Он принял Россию с сохой, а оставил с атомной бомбой". Особенно если учесть, насколько остро сейчас стоит вопрос о безопасности, сохранении страны с тысячелетней историей, элементарном выживании в XXI веке граждан России как единой политической общности. Не говоря о том, какое тяжелое наследство, полное долларовых долгов и поражений по всем фронтам, оставляет нынешнее поколение своим наследникам.

Возрождение России может начаться только после смены прозападных, чуждых менталитету русских политических флагов на традиционные, не суррогатные, как в сталинские времена, а православно-консервативные, на фоне которых формальные права человека будут дополнены обязанностями и всеобщим служением России ее граждан.

Гармония между личностью и властью, единоначалием и демократизмом в Русском государстве может исходить только из развитого правосознания и разумного отношения к своим правам и обязанностям как одной, так и другой стороны. А самое главное, необходимо восстановить симфонию православной церкви и государства, предусмотреть истинно демократические процедуры контроля граждан за деятельностью своего президента и правительства, для чего нужны духовное подвижничество и политически активное поведение россиян, их заинтересованность в том, как ими управляют.

Только контроль снизу и диктатура закона могут помешать превращению власти в "людодержство" (Ю. Крижанич).

Юридическое государство, основанное на православных традициях политического общения, нормах русского национального сознания, является необходимым этапом движения России от авторитарного (сталинского) государства к демократической державности.

Наверное, правовой этатизм в такой стране, как Россия, — стране, отягощенной абсолютистским и авторитарным прошлым, — далеко не самая лучшая перспектива. Но, видимо, самая реальная. У жизни — свои права.

ЛЕКЦИЯ 2   Н.И. Бухарин

Биография Николая Ивановича Бухарина (1888—1938) типична для русского марксиста эпохи, по его же характеристике, "все более и более нарастающих гражданских войн, переходящих в организованную классовую войну".

Будучи студентом экономического отделения юридического факультета МГУ, он активно участвует в событиях 1905 года в Москве, в дальнейшем избирается в состав МК РСДРП, и, как следствие, судьба партийного функционера: аресты, тюрьмы, ссылки (в том числе и за рубеж), нелегальная и легальная революционная деятельность. В 1911 году — исключение из университета, эмиграция.

После победы Октября Бухарин — один из авторитетных вождей большевиков, член Президиума ВСНХ, редактор газеты "Правда". Смерть Ленина и борьба за лидерство в партии и вокруг его идейного наследия в 20-е годы при-

вели Бухарина сначала к полемике с Троцким, а затем со Сталиным. Полемика со Сталиным, в конце концов, закончилась осуждением Бухарина и расстрелом по сфальсифицированному процессу 1938 года над участниками “антисоветского правотроцкистского блока”.

Могила Бухарина неизвестна, а его памятником может быть лишь огромное теоретическое наследие.

Перу Бухарина принадлежат многочисленные исследования по гуманитарным наукам, в том числе и по юридической проблематике: “Мировое хозяйство и империализм” (1915); “Экономика переходного периода” (1920), “Теория исторического материализма: популярный учебник марксистской социологии” (1921), “Новое откровение о советской экономике, или как можно погубить рабоче-крестьянский блок (к вопросу об экономическом обосновании троцкизма)” (1924) и др.

Большая эрудиция, изощренная логика, солидная методология позволяли Бухарину длительное время принадлежать к числу главных “производителей” идей о государстве и праве Советской России.

Так, разработка Бухариным теории империалистического государства — вполне оригинальный вклад в русский марксизм.

Он первым из большевиков увидел замену свободной конкуренции монополией, сращивание банковского капитала с промышленным и образование финансовой олигархии, преобладание вывоза капитала над вывозом товаров, переход к территориальному переделу мира между “государственно-капиталистическими трестами” и экономический раздел мира на сферы влияния между союзами капиталистов.

Бухарин создал концепцию “государственно-капиталистического треста”, в которой доказывал, что на национально-территориальном уровне процесс концентрации капитала превращает “народное хозяйство” в один гигантский комбинированный трест, пайщиками которого являются финансовые группы и само государство. “Мы называем такие образования государственно-капиталистическими трестами”. Путь их возникновения — сращивание интересов государства и монополий, в результате чего сначала образуются “трестообразные организации”, а затем “государственно-капиталистический трест”.

В эпоху империализма, по Бухарину, роль государства в экономической политике возрастает. Это выражается в появлении таможенных пошлин, железнодорожных тарифов, государственных заказов, торговых договоров, займов, кредитов, концессий, экспорта капитала и т.п.

Усиление государственной власти сопровождается нарастанием роли военной организации, армии и флота, вооружений, политики агрессии. “Господство финансового капитала, — пишет Бухарин, — предполагает, таким образом, империализм и милитаризм”. Правительство выступает высшим руководителем “государственно-капиталистического треста”. В этом он видел главную причину кризиса буржуазного парламентаризма и превращения буржуазии в “сплошную реакционную массу”.

На методологические основы юриспруденции Бухарина немалое влияние оказали идеи западной социологии, с которой он был хорошо знаком, а также концепция “организационной” науки А.А. Богданова, пытавшегося соединить марксизм и позитивизм Маха и Авенариуса.

Итогом творческих исканий Бухарина стала теория равновесия, преодолевающая, как он считал, противоречие между идеалистической диалектикой Гегеля и механицизмом, диалектикой духа и поступательным движением в природе.

По Бухарину, как живой, так и неживой природе присущи одинаковые процессы: непрестанное столкновение сил, их распад, рост новых сил и создание новых систем.

Согласно теории равновесия, формула прогресса выглядела следующим образом: непрерывное развитие общества, идущего от одного состояния равновесия через его временное нарушение к другому состоянию равновесия (уже на новой основе).

Исследуя виды равновесий, Бухарин выделил равновесие внутреннее — между элементами системы (вещами, людьми, идеями) и внешнее — между обществом и природой.

Внутреннее равновесие вынуждено приспосабливаться к характеру внешнего. Поэтому производительные силы, выражающие собой соотношение между социальной системой и природной средой, определяют процесс развития общества.

“Соотношение между обществом и природой, — писал Бухарин, — количество материальной энергии, за счет которой общество живет и которая может трансформироваться как угодно в процессе общественной жизни, есть всякий раз определяющая величина”.

Из теории равновесия следовали выводы, имеющие отношение и к политической теории. Например, на ее основе можно было оправдать политику “военного коммунизма”, “кавалерийские атаки на капитал” как примеры перерывов равновесия системы. Но можно было доказать и принципиальные положения новой экономической политики.

Бухарин являлся и в обличье “левого коммуниста” — противника Брестского мира, и в роли идеолога эволюционного большевизма — критика троцкизма.

В борьбе с “левым уклоном” Троцкого Бухарин использовал некоторые аргументы Ленина из его последних писем и принципы теории равновесия. Согласно Бухарину, период нестабильности в государстве — гражданской войны, революции, играющий необходимую роль во время ломки устаревшей системы, обязательно должен смениться гражданским миром, постепенной стабилизацией под руководством рабочего класса и его партии, налаживанием социальных связей.

Переходный этап предполагает смягчение кровавых, острых форм классовой борьбы, их перенос в другие сферы — идеологию, культуру, экономику и пр. Все классы — пролетариат, крестьянство и частники — сознательно или бессознательно — могут и обязаны участвовать в строительстве социализма, “всасываться” в него рынком, кооперацией, конкуренцией между разными видами собственности.

Бухарин отказался от наиболее радикальных положений доктрины мировой революции и придумал гибкую формулу, синтезирующую создание политико-экономических предпосылок социализма в отдельно взятой стране и активное распространение коммунистической идеологии в другие страны, координацию в рамках Коминтерна действий, способствующих возникновению революционной ситуации и окончательной победе коммунизма во всемирном масштабе.

Победа “мирового большевизма” в грядущем требовала, по Бухарину, сохранения пролетарской диктатуры до той поры, пока рабочий класс не раздавит всех своих врагов, перевоспитает буржуазию, “переделает мир по своему образу и подобию”.

Экономика переходного периода должна опираться на сильное партийно-классовое государство, сливающееся с обществом и “не связанное даже собственными законами”.

Государство “всасывает” в свой аппарат управление всем народным хозяйством, “крайне обогащая и разнообразя свои задачи все более планового социалистического хозяйства”.

Государство, сконцентрировавшее всю власть в своих руках, является субъектом управления и его объектом (со стороны общества), приобретая тем самым колоссальную политическую и материальную силу.

Бухарин со свойственным ему пылом активно развивал вопрос о советской форме государства в работе “Теория пролетарской диктатуры” (1919). Споря с Каутским, он уверен, что тот не понимает смысла империализма и сменяющей его эпохи социалистических революций и пролетарской диктатуры. Каутский не понимает того, что на пути к бесклассовому обществу предстоит жестокая борьба, а значит, никакие “общедемократические” институты невозможны. “Права меньшинства”, права оппозиции в государстве, которые Каутский защищает как обязательный признак демократии, Бухарин отождествляет с “правами контрреволюции” и утверждает, что в эпоху гражданских войн пролетариат не должен давать буржуазии (меньшинству) никаких свобод, а применять против нее “меры самой крутой репрессии”.

Описывая Советскую республику как форму пролетарской диктатуры, Бухарин относит к ее достижениям принцип соединения властей. В пролетарском государстве законодательная власть соединена с исполнительной. Все рабочие организации: профессиональные союзы, фабрично-заводские комитеты, комитеты бедноты, рабочие кооперативы и другие массовые организации трудящихся — становятся “правлящими организациями”. “Таким образом, советская форма государства, — утверждает он, — есть самоуправление масс, где любая организация трудящихся является составной частью всего аппарата. Это — то основное, что отличает Советскую республику от всех решительно форм государственного бытия”.

В другой работе — “Учение Маркса и его историческое значение” (1933) — Бухарин вновь развивает марксистскую теорию государства и, выходя на проблемы диктатуры пролетариата, еще раз обращается к критике социал-демократии.

Качественные изменения внутри капитализма, считает он, — изменения не того качества, что при переходе от капитализма к социализму. Последнее есть “качество совершенно другого измерения”.

С точки зрения капиталистической структуры вообще новое качество есть только социализм и скачок есть только пролетарская революция”. Так как качественные изменения различны, революция не может превращаться в эволюцию. Она есть разрушительный процесс, в первую очередь по отношению

к буржуазному государству, которое должно быть насильственно разрушено пролетариатом, а не использовано им, как утверждают социал-демократические теоретики.

Возникшая на месте буржуазного государства диктатура пролетариата есть и государство, и не государство. "Это — последняя историческая форма государства, где оно, в конечном счете, погружается в общество и растворяется в нем". Со временем диктатура пролетариата отомрет, ибо она сохраняет отношения господства и подчинения, т.е. политические отношения. С уничтожением этих отношений "классовое господство над людьми превращается в бесклассовое господство над вещами".

Весьма показателен тезис Бухарина о том, что "при пролетарской диктатуре государство сливается с хозяйством", где политические функции будут поглощены функциями административно-хозяйственным и по мере продвижения к бесклассовому обществу.

В работе "Экономика переходного периода" Бухарин много внимания уделил вопросу принуждения. Революционное насилие, считал он, разрушает старое государство, старый тип производственных отношений и одновременно "сцепляет, организует, строит".

Длительность переходного периода зависит от величины насилия: чем оно больше, тем короче этот период. Насилие абсолютно необходимо по отношению к непролетарским элементам. Ибо старые привычки, с их отчасти индивидуалистической, отчасти антипролетарской психологией, воспринимают план общественной целесообразности как грубейшее нарушение прав "свободы личности". Принуждение необходимо и по отношению к правящему рабочему классу для его революционного воспитания. Пестрые внутриклассовые группы пролетариата носят на себе печать товарно-капиталистического мира. Нужна "принудительная дисциплина", которая приведет рабочий класс к ускоренной социалистической самоорганизации. Это же относится и к коммунистической партии, которая устанавливает такую принудительную самодисциплину в собственных рядах.

Не возражает Бухарин и против военно-казарменных методов управления. При определенном сочетании условий классовое господство может находить наиболее адекватное выражение в авторитарном режиме. Гражданская война требует, чтобы советская власть приобрела характер "военно-пролетарской диктатуры". Это означает возникновение в промышленном производстве "новой ткани пролетарского экономического аппарата" — определенного типа производственного администрирования, основанного на принудительной дисциплине, исключаяющего принцип широкой выборности, который заменяется принципом подбора, назначения.

В эпоху военного коммунизма (до начала 20-х годов) Бухарин фактически сконструировал казарменную модель бестоварного, безрыночного, безденежного социализма. Она и должна стать конечной целью переходного периода. Ничего странного, по его мнению, что может возникнуть производственное администрирование, могут применяться меры насилия и другие методы "военно-пролетарской диктатуры". Ведь это временно, а впереди — светлое будущее социализма. Но история нашей страны разворачивалась согласно поговорке "ничто не может быть таким длительным, как временное". Бухаринская модель стала на деле тем "военным коммунизмом", пагубность которого для рабочего класса поняли боль-

шевики лишь на исходе гражданской войны в результате массовых крестьянских выступлений против “чрезвычайщины”.

К чести Бухарина, он сразу принял ленинскую концепцию нэпа. Более того, поверив в важность этой концепции для судеб социализма, он начал ее всестороннюю разработку. Важнейшая работа Бухарина в этом плане — “Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз” (1925). Анализируя причины победы социалистической революции, он особо подчеркивает “крепкий военный союз между рабочими и крестьянами”. После окончания гражданской войны встал вопрос, как обеспечить дело окончательной победы Октября, дело строительства нового общества. Так как крестьянство составляло большинство населения в СССР, рабочему классу необходимо было сохранить и упрочить союз с ним.

В политике крестьянство не может играть самостоятельную роль и неизбежно попадает либо под влияние буржуазии, либо под влияние пролетариата. Рабочий класс и его партия повели за собой крестьянство в революции под лозунгом “Земля — крестьянам!”. Но продрозверстка нарушила рабоче-крестьянский союз. Потребовался переход к новой политике — к “хозяйственной, экономической смывке с крестьянством”. Пролетариат должен поднять промышленность, наладить торговлю и показать всему крестьянству, что государственное хозяйство “в состоянии лучше удовлетворять насущные экономические потребности и нужды крестьянского населения, чем частный капиталист, частный торговец, частный кулак, частный посредник”. Если этого не случится и крестьянин пойдет за частным капиталистом, частным торговцем и т.д., старый режим возвратится “с заднего хода”.

Каков же теперь “столбовой путь к социализму в нашей стране” (так образно назвал Бухарин нэп)?

1. Планомерная организация промышленности и труда на базе “наилучшей техники, наилучших способов обработки почвы, наилучших методов организации труда”.

2. Кооперация крестьянства в самых разных формах — потребительская, сбытовая, кредитная, производственная и др. Сравнивая место крестьянской кооперации при госкапитализме и диктатуре пролетариата, Бухарин отмечает, что в первом случае кооперативные организации вырастают в общекapиталистический механизм, превращаются в своего рода капиталистические предприятия; во втором — вырастают в систему пролетарских хозяйственных органов.

Будучи уверенным в перспективах крестьянской кооперации, Бухарин так видит развитие: организация кооперативных заводов и фабрик по созданию сельскохозяйственных машин и коллективное использование их; по мере развития государственной экономики — усиленная электрификация сельского хозяйства; наконец, кооперативная организация сельскохозяйственного производства “в прямом смысле этого слова”. Крестьянские хозяйства при такой политике переделают свою собственную природу, сомкнутся в единое целое с государственной промышленностью. “А такого рода хозяйственная цепь, которая организована во всех своих частях, по сути дела, и есть социализм”.

В этой же книге представлена эволюция взглядов Бухарина на Советскую власть. Он сравнивает ее функционирование на этапе “военного коммунизма” и на этапе нэпа. Автор убежден, что свертывание пролетарской демократии, командно-приказные методы, отсутствие точно определенных подлежащих стро-

тому выполнению законов, методы конфискации и реквизиций диктовались специфическими условиями гражданской войны. С переходом к нэпу нормы Советской власти должны измениться "в смысле изживания и уничтожения остатков военно-коммунистического периода". Направления таких изменений — переход к "революционной законности"; устранение административного произвола; привлечение к государственным делам широких слоев трудящегося населения, особенно крестьянства; изживание методов команды и приказа, полный и безоговорочный переход к методам убеждения.

Позднее, в 1928 году, Бухарин четче определил историческую ограниченность "военного коммунизма" и универсальность нэпа, напомнив что в России мы начали не с "военного коммунизма", а с нэпа. Интервенция и гражданская война привели к возникновению "военного коммунизма", а затем последовал возврат к нэпу. Что касается неизбежности "военного коммунизма", то она определяется сочетанием внутренних и внешних условий каждой отдельной страны в конкретный исторический момент. Абсолютизировать необходимость казарменных мер нельзя.

По-другому оценивает Бухарин и нэп. Революционный опыт России показал, что совершать прямой переход к социалистическому обмену продуктов без сложных рыночных отношений невозможно. И в других странах придется известное время сохранять рыночные отношения. "Но ведь рыночные отношения — это самый существенный момент в политике нэпа. Если рыночные отношения налицо, значит, у нас есть новая экономическая политика". Следовательно, значение нэпа международно. Однако и в случае с нэпом нужно иметь в виду конкретные общественные структуры. "С точки зрения различия в структурах будут развиваться, так сказать, различные "национальные" типы социализма, и эти варианты будут существовать довольно продолжительный период".

В последний раз Бухарин стойко и аргументированно защищал нэп в 1929 году на Объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б). Там он пытался доказать, казалось бы, очевидную истину: нормальное развитие народного хозяйства не допускает нарушения основных пропорций между индустрией и сельским хозяйством. Соблюсти взятые темпы можно "только при том условии, если мы будем иметь налицо подъем сельского хозяйства как базы индустриализации и быстрый хозяйственный оборот между городом и деревней". Бухарин понимал, что будущее крестьянской страны зависит от "достаточно правильного отношения к основным массам крестьянства". А такого отношения, говорил он, у нас нет, оно заменено политикой "чрезвычайщины".

Он не только мужественно доказывал несостоятельность и надуманность предъявленных ему обвинений, но и пытался предложить взамен "чрезвычайных" мер политику поддержки крестьянства (ускоренное развитие зернового сектора; раскрепощение зажатых производственных стимулов; налогообложение по закону, а не по произволу; разовая закупка хлеба за границей), ибо источники индустриализации за счет крестьянства иссякли. Бухарин вновь и вновь подчеркивает, что нэп не закончен, что "форма рыночной связи будет у нас существовать еще долгие и долгие годы". Задача состоит в том, чтобы суметь диалектически сочетать создание совхозов, колхозов, машинно-тракторных станций и подъем индивидуальных бедняцко-середняцких хозяйств, расширение товарооборота, а не прибегать фактически к новой продрозверстке — "комбедов-

ской идеологии", "чрезвычайщине". Она наносит удар по середняцкому слою крестьянства и в конечном счете ставит под удар индустриализацию. Создаваемая промышленность, "вся эта большая машина с пролетариатом, в ней сидящим, грозит, как аэроплан, подняться немного с земли, и тогда у нее может остановиться мотор. Вот в чем опасность".

Бухарина глубоко волновала проблема перерождения советской власти путем постепенного оттеснения рабочего класса от руководства страной более культурными буржуазными "спецами", а также растущим слоем так называемых "нэпманов", т.е. под воздействием "мелкобуржуазной стихии". Возможность такого перерождения коренится, по его мнению, в "противоречивом положении самого рабочего класса, который, с одной стороны, стоит внизу социальной пирамиды, а с другой стороны, стоит наверху социальной пирамиды". Вынужденный в силу отсутствия навыков управления сотрудничать в переходный период с буржуазной интеллигенцией, рабочий класс рискует быть культурно "съеденным" последней. Ученый приводит примеры из истории, показывающие, как завоеватели в ходе правления зачастую ассимилировались побежденными, но более культурными народами, усваивая их язык, традиции, культуру.

Решая эту проблему, Бухарин различает буржуазную революцию и пролетарскую. Капитализм вызывает внутри феодального общества "целиком", то есть наряду с материально-технической базой вызывает "административная верхушка" капитализма, способная управлять производством. У пролетарской революции таких предпосылок нет, внутри капиталистического общества новые отношения не могут расти "целиком", то есть "административной верхушкой". Дело в том, что капитализм вызывает в лоне феодального общества, не стесняемый никакими ограничениями, как независимый "город" по отношению к "феодалному поместью". Будучи собственником средств производства, буржуазия в этих городах могла не только набирать опыт управления производством, но и развивать себя в культурном плане. Другое положение у пролетариата, который в рамках капитализма является экономически зависимым от буржуазии. Будучи угнетенным классом, он не имеет доступа не только к управлению производством, но и к образованию. Этим, по Бухарину, объясняется культурная отсталость пролетариата, а также отсутствие в нем опытных управленцев, способных эффективно руководить производством. Со временем в рамках диктатуры пролетариата рабочий класс преодолевает эту культурную отсталость и вызывает "как организатор общества" путем решения культурной проблемы, направленной на формирование кадрового состава из пролетарской среды.

Еще более серьезной представлялась ему вторая опасность, а именно возможность возникновения правящей советской элиты из среды самого рабочего класса. Представим себе такое положение вещей, размышляя он, что происходит отрыв от рабочей массы определенной части выходцев пролетариата, которая застывает на монопольном положении в качестве этих выходцев и превращается в своеобразную касту. "Эта каста тоже может превратиться в новый класс!" В этой связи Бухарин серьезно изучал работы политолога Р. Михельса, который доказывал, что всякая организация в своей эволюции подвержена так называемому "железному закону олигархии", ведущему к извращению целей движения, бюрократизации и т.п. От действия этих олигархических тенденций не гарантирована никакая, даже самая искренняя "рабочая" организация. Михельс одним

из первых выдвинул положение о возможности образования нового господствующего класса, основанного не на фундаменте частной собственности, а на монопольном управлении: "...управление громадным капиталом передает администраторам такую же меру власти, как и владение собственным капиталом, частная собственность".

В полемике с Михельсом, Бухарин старается доказать, что при социализме опасность возникновения "руководящего слоя как классового зародыша" будет сведена на нет "грандиозным перепроизводством организаторов", в результате которого "потеряется устойчивость руководящих группировок". Однако ученый не может не признать, что в его время тенденция к такого рода вырождению существует. Вместе с тем он полагал, что "она (тенденция к вырождению. — Н. А.) будет парализована двумя противоположными тенденциями: во-первых, ростом производительных сил, во-вторых, уничтожением монополии образования. От того, какие тенденции окажутся сильнее, зависит и конечный исход борьбы".

Безудержный рост административного аппарата не мог не беспокоить Бухарина, а его размышления по вопросу возникновения нового класса управленцев не лишены оснований. В поисках выхода из создавшегося положения он возвращается к ленинской идее непосредственной власти трудящихся (предложенной Лениным в 1917 году и им же самим позднее отвергнутой). "Мы, — отмечает Бухарин, — слишком все перецентрализовали. Мы должны спросить себя, не должны ли мы сделать несколько шагов в сторону ленинского государства коммуны?" Постоянное прохождение все новых и новых представителей рабочего класса через школу управления, регулярный приток туда свежих сил предотвратит опасность образования особой касты руководителей. Однако предлагаемая Бухариным мера трудно согласовывалась с его же концепцией культурного вызревания пролетариата, ведь последний, согласно его доктрине, в силу своей незрелости, не готов, во всяком случае в переходный период, к управлению хозяйством, вынужден прибегать для этой цели к буржуазным специалистам.

В целом Бухарин предстает, с одной стороны, как певец "железной когорты партии", твердой рукой расправляющейся с буржуазией и с "врагами" трудового народа, а с другой — "защитником революционной законности", научных методов управления и "этического" социализма. Отстаивая "нэповский" путь к социализму, предполагавший плюрализм в сфере экономики, он вместе с тем негативно относится к возможности плюрализма в политической сфере. В этом Бухарин был "твердокаменным" большевиком.

Анализ всего бухаринского наследия показывает, что он отнюдь не был "чистым гуманистом", как стремятся доказать сегодня некоторые исследователи его творчества. То, что Бухарин в 20-е годы выступал за экономические методы воздействия на "кулака", объясняется не его проснувшимся чувством гуманизма, а реализмом политика, понявшего к тому времени, что курс на внеэкономическое принуждение, во-первых, экономически нецелесообразен, а во-вторых (и это главное), таит в себе угрозу для большевистской власти.

Бухарин так и не смог полностью освободиться от "военно-коммунистических" воззрений на человечество как на "строительный материал" большой политики. Тем не менее отстаиваемый им путь к социализму с правобольшевист-

ских позиций имел, несомненно, более гуманистическую направленность, чем та политика, которую он защищал в период военного коммунизма.

Важно в заключение подчеркнуть, что Бухарин не был сторонником так называемого “рыночного социализма”, особенно популярного во времена горбачевской перестройки. Хотя он и провозглашал, что нэп есть “единственно правильная политика”, указывая тем самым на решающую роль рыночных отношений при переходе к социализму, сам социализм виделся ему как строй, исключаяющий товарно-денежные отношения, где господствует прямое распределение продуктов. Нэп же Бухарина был не отказом от коммунистических идеалов, а, напротив, действенным средством их достижения.

ЛЕКЦИЯ 3. **Л.Д. Троцкий**

Лев Давидович Бронштейн (псевдоним — Троцкий) родился в один день с Октябрьской революцией — 25 октября (7 ноября) и в один год — 1879 — со своим будущим непримиримым политическим соперником И.В. Сталиным. Совпадение этих дат чисто случайное. Как шутил впоследствии Троцкий, возможно, в нем мистики и пифагорейцы увидят особый смысл. Сам же он ему не придавал никакого значения.

Лев Бронштейн, подобно многим другим представителям тогдашней молодежи России конца прошлого века, довольно рано — 17-летним юношей — начал знакомство с нелегальной марксистской литературой, а затем примкнул к организованному в 1897 году в г. Николаеве “Южно-русскому рабочему союзу”, который развернул революционную пропаганду в ряде городов Украины. В январе 1898 года Союз был разгромлен, а его участники оказались в одесской тюрьме, где Лев и выбрал свой псевдоним, под которым затем вошел в историю юриспруденции России. Под фамилией Троцкий в тюрьме служил старший надзиратель. На 19-летнего юношу большое впечатление произвели величественная фигура этого человека, властность, умение подчинять себе окружающих и держать, что называется, “в ежовых рукавицах” не только арестованных, но и всю администрацию тюрьмы. Как бы в отместку надзирателю за его диктаторские замашки Бронштейн и взял его фамилию своим псевдонимом, чтобы доказать всем, что фамилия матерого защитника самодержавия может служить и другим целям — революции.

Биография Троцкого делится на 3 фазы, которые соответствуют в определенной мере эволюции его идейно-политических взглядов. Первая фаза (до октября 1917 года) отмечена деятельностью Троцкого как активного профессионального революционера — социал-демократа. Он участвовал в работе съездов РСДРП, в том числе и во II съезде, положившем начало расколу русских марксистов на большевиков и меньшевиков. Сам Троцкий вплоть до 1917 года так и не занял твердой позиции в какой-то из фракций, пытаясь либо примирить враждующих, либо разработать третью линию в социал-демократии, “независимую” идейно-политическую платформу. Объединительная деятельность Троцкого не удалась. Не случайно именно к этому времени относятся негативные характеристики Троцкого со стороны Ленина, в том числе и наиболее уничижительная из них — “Иудушка”. Ничуть не оправдывая политической линии Троцкого тех лет, хотелось бы тем не менее подчеркнуть, что это прозви-

ще-приговор, ставшее спустя два десятка лет знаменитым, сам Ленин в открытой полемике не употреблял. Оно было обнародовано лишь 21 января 1932 года. Именно в этот день "Правда" поместила написанную Лениным в январе 1911 года и им самим ни тогда, ни позже не пущенную в печать черновую заметку "О краске стыда у Иудушки Троцкого".

Вторая фаза (до февраля 1929 года) оказалась для Троцкого политически самой плодотворной. В октябре 1917 года он был одним из вождей вооруженного восстания, затем членом Советского правительства, сначала в должности народного комиссара по иностранным делам, потом — главой Красной Армии. Много внимания он уделял работе Коммунистического Интернационала. После окончания Гражданской войны Троцкий активно участвовал в теоретических дискуссиях о возможности победы социализма в СССР, борясь одновременно за лидерство в большевистской партии.

Третья фаза (до августа 1940 года) — эмиграция, во время которой Троцкий организовал IV Интернационал. Она отмечена ярко выраженным антисталинским характером его идей. Одну за другой он публикует работы, посвященные разоблачению сталинизма, среди них такие известные, как "Перманентная революция" (1930), "Сталинская школа фальсификаций" (1932), "История русской революции" (1931 — 1933), "Преданная революция" (1936), "Их модель и наша" (1939). Именно эти работы завершают формирование течения, которое получило впоследствии название "троцкизм", антисталинизм.

Борьба со Сталиным для Троцкого завершилась трагически. 20 августа 1940 года в своей резиденции в окрестностях Мехико он был смертельно ранен испанским коммунистом Рамоном Меркадером, действовавшим по указанию НКВД.

Трибун революции, герой Октября, организатор Красной Армии, второй после Ленина человек в руководстве партии, пользовавшийся огромной популярностью в массах, — таким знали Троцкого в Советской России вплоть до середины 20-х годов. "Двурушник", "мелкобуржуазный капитулянт", "антисоветчик, прокравшийся в партию с единственной целью — навредить ей", — такой образ Троцкого навязывали народу сталинисты. А он был и оставался практически единственным из ближайших соратников Ленина, кто до конца своих дней не склонил головы перед диктатором русского "термидора". В его жизни были не только политические достижения, но и много просчетов, порой существенных, но в итоге он всегда оставался верен главному, чему посвятил всю свою жизнь, — борьбе за справедливое устройство мира.

Теория перманентной революции, разработку которой он начал еще в 1905 году в работе "Итоги и перспективы" (1906), — идейное ядро наследия Троцкого. Схематически она может быть изображена следующим образом. Российская буржуазия не способна быть активной политической силой и возглавить освободительное движение. Только рабочее правительство, поддержанное крестьянством, в силах разрешить весь комплекс проблем, стоящих перед революцией. Пролетариат должен сам захватить государственную власть и, минуя буржуазно-демократический этап, немедленно начать социалистические преобразования в стране. Революция становится перманентной и непосредственно перерастает в социалистическую: программа-минимум социал-демократии сливается с программой-максимум. Завоевание власти не завершает, а открывает эпоху пролетарских революций, давая мощный толчок междуна-

родной социалистической революции. В конечном счете лишь победа пролетариата на Западе оградит Россию от реставрации капитализма и обеспечит ей торжество социализма.

Социалистический путь развития России поможет сохранить ее суверенитет, достигнуть успехов в конкуренции с западными державами. В условиях же капиталистического развития этой цели невозможно достигнуть, так как более развитые страны Европы не желают российского процветания, ибо сами, “упершись в тупик, цивилизаторы преграждают дорогу цивилизуемого”. Для выхода из варварского состояния отсталым странам следует, не дожидаясь развития своих производительных сил до уровня передовых стран, использовать закон “комбинированного” развития, а именно обобществить и сосредоточить собственность на средства производства в руках государства для того, чтобы затем “догнать и перегнать” Запад.

Концепция, сформулированная Троцким, разумеется, противоречила “классическому” марксизму, не ставившему перед слабо развитыми государствами таких целей. Маркс и Энгельс “немецкой идеологии” связывали с наиболее развитыми капиталистическими странами начало коммунистической революции, охватывающей в последующем и менее развитые в промышленном отношении государства. Но закон “комбинированного развития” давал странам с запоздалым буржуазным развитием уникальный шанс решения задач демократических и национально-освободительных революций посредством диктатуры пролетариата.

Это была программа, в которой, задолго до Ленина, обосновывается не только возможность, но и неизбежность победы социалистической революции в одной стране, причем в стране отсталой, являющейся наиболее слабым звеном мировой капиталистической системы. Вот что Троцкий писал по этому поводу: “В стране экономически более отсталой пролетариат может оказаться у власти раньше, чем в стране капиталистической, передовой... Представление о какой-то автоматической зависимости пролетарской диктатуры от технических сил и средств страны — представляет собою предрассудок упрощенного до крайности “экономического” материализма. С марксизмом такой взгляд не имеет ничего общего; русская революция создает, на наш взгляд, такие условия, при которых власть может (при победе революции должна) перейти в руки пролетариата”.

Концепция Троцкого предусматривала временное, “до окончания классовых битв”, усиление функций рабочей власти для построения социализма. Социал-демократия в своих интересах должна была использовать государственную “рабочую машину” для организации и реорганизации социальных отношений. Главной движущей силой пролетарского государства является классовый интерес, а механизмом — партия, агитация, печать, пропаганда, уличные собрания, петиции и восстание. Передаточный механизм воплощался в законодательной организации, а исполнительный — в администрации с полицией, судом, тюрьмой и армией.

Согласно Троцкому, русский рабочий, находясь у власти, должен отстаивать свои интересы, экспроприруя фабрики и заводы, ликвидируя безработицу. Отсюда идея “вспышки” государственной власти по мере продвижения к социализму. “Как лампа, — указывал он, — прежде чем потухнуть, вспыхивает ярким пламенем, так и государство, прежде чем исчезнуть, принимает форму диктату-

ры пролетариата, т.е. самого беспощадного государства, которое повелительно охватывает жизнь со всех сторон". Концепция же "засыпания", отмирания государства сохранилась у Троцкого только в виде абстрактной цели, но зато моделировалась программа перманентных действий на пути к будущему безгосударственному бытию.

Троцкизм — радикальный большевизм, требующий продолжения жесткого курса, направленного на воплощение утопии бесклассового и нерыночного общества. Как и многие лидеры большевизма, Троцкий считал, что социализм — это общество, в котором существует тотальная организация всего производства и распределения и осуществлена глубокая индустриализация сельского хозяйства. Критерием социалистической политики являлось огосударствление собственности, политическое господство пролетариата в лице его партии и всеобщее планирование. Нужно продолжать ускоренными темпами борьбу с частной собственностью, нэпманами, кулаками, грозящими самому существованию Советской власти, провести ускоренную индустриализацию за счет изъятия средств из села и быстро завершить коллективизацию и первоначальное социалистическое накопление, считал Троцкий. Он критиковал курс на окончательное построение социализма в отдельно взятой стране, который, по его мнению, мог привести к реставрации капитализма.

Увлечение казарменным бюрократическим государством, однако, продолжалось недолго. Троцкий поддержал нэп Ленина и, более того, был одним из соавторов идеи о замене продразверстки продналогом. В дальнейшем он резко критиковал Сталина за удушение нэпа, отстаивая сохранение и развитие социалистических элементов в смешанной экономике, таких, например, как государственная собственность и народнохозяйственное планирование.

Одно время, в начале перестройки, нас удивили заявлением, что государственная собственность не есть в то же время общенародная, т.е. социалистическая, собственность. Но никто вразумительно не мог объяснить различие, кроме того, что, мол, и государственную собственность может узурпировать узкий слой бюрократов. Троцкий уже тогда сказал просто и ясно: "Чтобы стать общественной, частная собственность неминуемо должна пройти через государственную стадию, как гусеница, чтобы стать бабочкой, должна пройти через стадию куколки. Государственная собственность лишь в той мере становится "всенародной", в какой исчезают социальные привилегии и различия, следовательно, и необходимость в государстве. Иначе сказать: государственная собственность превращается в социалистическую по мере того, как перестает быть государственной". Что это могло значить для наших дней, для тех первых лет перестройки, когда еще не так много было потеряно? А то, что государственная собственность есть необходимая стадия развития социалистической собственности, что надо было ее не крушить, а постепенно и осмысленно трансформировать в кооперативные, арендные и самоуправленческие формы. Сегодня это становится все ясней для ученых социалистической ориентации. Но ведь никто (кроме очень узкого числа специалистов-историков) тогда не читал Троцкого, в невежестве своем полагая, что перестройку можно быстро повернуть, не изучая серьезно историю своей страны.

С позиций теории перманентной революции дан отрицательный ответ на горячо обсуждавшийся в 20-е годы вопрос о возможности построения (победы) социализма в СССР в условиях капиталистического окружения. Социализм воз-

можен лишь по достижении страной, где победила революция, высочайшего уровня развития производительных сил (при наличии гарантий от реставрации капиталистических отношений извне), и такой уровень в общих чертах уже известен — это тот самый рубеж, к которому подошли передовые империалистические страны. Что же касается Советской России, то перед нею встает задача как можно быстрее преодолеть разрыв, отделяющий ее от наиболее развитых государств.

Без победы пролетариата в основных странах Европы, подчеркивал Троцкий, прийти к социализму нельзя, ибо, во-первых, мировая буржуазия будет постоянно стремиться к свержению Советской власти вооруженным путем и, во-вторых, мировое хозяйство "в последней инстанции... контролирует каждую из своих частей, даже если эта часть стоит под пролетарской диктатурой и строит социалистическое хозяйство".

Сказанное, разумеется, не означает, что Троцкий отвергал необходимость социалистического строительства в Советском Союзе, в чем обвиняли его оппоненты. "Речь идет... не о том, можно ли и должно ли строить социализм в СССР, — писал он. — Такого рода вопрос равноценен вопросу о том, может ли и должен ли пролетариат бороться за власть в отдельной капиталистической стране. Наша работа над строительством социализма есть такая же составная часть мировой революционной борьбы, как организация стачки углекопов в Англии или строительство заводских ячеек в Германии. Каждый наш хозяйственный успех знаменует приближение европейской революции".

Разумеется, эта позиция Троцкого не могла быть поддержана партийно-правительственной бюрократией, которая абстрактным интересам мировой революции предпочитала реальное укрепление своего политического влияния в самое ближайшее время. Такую перспективу ей давала сталинская теория замкнутого социально-политического развития, реализуя которую, можно было, по словам Троцкого, "заранее назвать социализмом все, что происходит и будет происходить внутри Союза, независимо от того, что будет происходить за его пределами".

Совершенно правильно поставив вопрос о теснейшей взаимосвязи социально-политических процессов в СССР и всего мира, Троцкий вместе с тем допустил в своем анализе ошибку, считая, что современная ему капиталистическая система находится в состоянии прогрессирующего распада, который в ближайшие годы приведет к социалистическим революциям по крайней мере в крупнейших странах Европы. Возможность длительной стабилизации капитализма, а тем более нового бурного развития производительных сил при данном общественном строе он хотя и предполагал чисто гипотетически, однако тут же категорически отвергал, полагая, что такая ситуация не вписывается в марксизм.

К концу 20-х годов Троцкий отказывается от казарменно-милитаристских подходов не только в экономике, но и в политике. Постепенно в его анализе большее место начинают занимать вопросы бюрократического перерождения партийно-государственного аппарата. В книге "Преданная революция" он на фактическом материале показывает перерождение Советского государства в бюрократическое в пользу правящего слоя, который отстранил народные массы от революционного преобразования старого общества, узурпировал власть и под марксистской фразеологической оболочкой предстал как новый господствующий

слой, отбросивший страну с пути социалистического развития. “Социальный смысл советского термидора начинает вырисовываться перед нами, — пишет Троцкий. — Бедность и культурная отсталость масс еще раз воплотились в зловещей фигуре повелителя с большой палкой в руках. Разжалованная и поруганная бюрократия снова стала из слуги общества господином его. На этом пути она достигла такой социальной и моральной отчужденности от народных масс, что не может допустить никакого контроля ни над своими действиями, ни над своими доходами”.

Отметим, что это было сформулировано в начале 30-х годов, то есть задолго до работ Милована Джиласа “Лицо тоталитаризма” и М.С. Восленского “Номенклатура: господствующий класс Советского Союза” о новом правящем классе. Троцкий это явление вскрыл первым, причем проанализировал его значительно более глубоко и выводы сделал более обширные. Например, Троцкий возражал против названия правящей бюрократической верхушки классом, справедливо считая, что бюрократия “не имеет самостоятельного места в производственно-распределительном процессе”.

Троцкому принадлежит прогноз развития бюрократического социализма, который во многом оправдался, если смотреть через призму тех процессов, которые произошли в Советском государстве. Приведем его дословно, воздерживаясь от комментариев и предоставив его оценку самому читателю: “Если правящую советскую касту низвергла бы буржуазная партия, она нашла бы немало готовых слуг среди нынешних бюрократов, администраторов, техников, директоров, партийных секретарей, вообще привилегированных верхов. Чистка государственного аппарата понадобилась бы, конечно, и в этом случае; но буржуазной реставрации пришлось бы, пожалуй, вычистить меньше народную, чем революционную партию. Главной задачей новой власти было бы, однако, восстановление частной собственности на средства производства. Прежде всего потребовалось бы создание условий для выделения из слабых колхозов крепких фермеров и для превращения сильных колхозов в производственные кооперативы буржуазного типа, в сельскохозяйственные акционерные компании... Несмотря на то, что советская бюрократия многое приготовила для буржуазной реставрации в области форм собственности и методов хозяйства, новый режим должен был бы произвести не реформу, а социальный переворот”.

Троцкий с тревогой отмечал формирование бюрократического аппарата, где старые кадры “сменяют новые элементы, заметные единственно своим беспрекословным подчинением”, где идет формирование нового чиновника, который “выделяется полнейшим равнодушием к своим задачам”. Происходит выхолащивание власти Советов, которые “становятся простыми придатками к исполкому и президиуму”. Все это определило процесс “закрытия” общества, бюрократизации, роста подозрительности, концентрации власти в руках исполнительных органов и их аппаратов, ведущей к формированию полицейского государства.

Троцкий подходит к анализу бюрократии как социального явления, отвергая модные тогда “технические” объяснения: “Недостойно марксисту считать, что бюрократизм всего лишь совокупность плохих привычек управляющих. Бюрократизм — социальное явление постольку, поскольку он является определенной системой администрирования в отношении людей и вещей”. Более того, он про-

исходит из “разнообразия общества, разницы между повседневными и коренными интересами различных групп населения. Бюрократизм усложняется отсутствием культуры широких масс”.

Сталинский “термидор” с бюрократизацией всей страны объясняется низким культурным и экономическим уровнем пролетарского государства в России. Корни бюрократического управления — “нищета общества в предметах потребления с вытекающей отсюда борьбой всех против всех”. Длинные очереди за товарами требуют “милиционера смотреть за порядком”. У бюрократии формируется материальный интерес держать общество в нищете: “Никто, у кого есть блага распределения, никогда не забывает о себе”. А чтобы нищета — материальная база бюрократии — продолжалась и дальше, бюрократия становится деспотической, достигает “такой степени социального и морального отчуждения от народных масс, что уже не может разрешить какой-либо контроль над своими действиями или доходами”.

В целом ответом на вопрос о причинах бюрократизации страны была следующая тирада Троцкого: “Не только отмирать, но хотя бы освободиться от бюрократического паразита препятствуют советскому государству не бессильные сами по себе “остатки” господствующих ранее классов, как гласит чисто полицейская доктрина Сталина, а неизмеримо более могущественные факторы, такие, как материальная скудость, культурная отсталость и вытекающее отсюда господство “буржуазного права” в той области, которая непосредственное и острее всего захватывает каждого человека: в области обеспечения личного существования”.

Описав в деталях процесс сталинской бюрократизации, Троцкий в ряде своих произведений предлагает способы борьбы с нею. Они сводятся к защите советского государства посредством его демократизации: “В условиях рационализованной экономики требуется демократия для производителей и потребителей, свобода критики и инициативы — условия, несовместимые с тоталитарным режимом страха, лжи и подхалимажа. Советская демократия — это не требование отвлеченной политики, ни, тем более, абстрактной морали. Она стала вопросом жизни и смерти для страны”.

В число конкретных мер, вытекающих из этих требований, включались возвращение коллективной инициативы и свободы критики на всех уровнях партии; отмена права представителей аппарата “терроризировать” членов партии за критику; недопущение того, чтобы “новый курс” проводился той же бюрократией; признание возможности разномыслия в рамках демократического централизма (имелось в виду следующее: отстаивание собственной точки зрения, подчинение решению большинства, но гарантированное право снова отстаивать свою точку зрения на следующем форуме); отказ от практики несменяемости секретарей; установление максимального срока пребывания на всех ответственных постах в партии и др. Демократизацию предлагалось начать с партии, превращая ее в систему “рабочей демократии в партии, в профсоюзах и в Советах” как противоядие бюрократизму.

Окончательно программу борьбы со сталинским режимом Троцкий изложил за границей в “Переходной программе” IV Интернационала, в основу которой также была положена его перманентная теория. Вот ее основные лозунги:

“Долой привилегии бюрократии! За возрождение и развитие советской демократии!

Вернуть Советам не только свободную демократическую форму, но и их классовое содержание!

Изгнать из Советов бюрократию и новую аристократию! В Советах место только представителям рабочих, рядовых колхозников, крестьян, красноармейцев!

Демократизация Советов немислима без легализации советских партий!

Пересмотр планового хозяйства сверху донизу в интересах производителей и потребителей!

Реорганизация колхозов в соответствии с волей колхозников и в интересах колхозников!”

Кстати сказать, горбачевская перестройка во многом хотела повторить или воспроизвести эти положения. Но есть и существенные различия. Троцкий предлагал начать перестройку с партии, развивать демократизацию сначала внутри партии. Горбачев же тронуть партию не решился, начав с демократизации в обществе. Троцкий разработал теорию десталинизации; Горбачев же товарищи даже не подумал о такой теории, до самого последнего момента пребывая в лоне сталинских подходов к государству и праву.

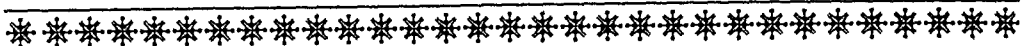
Троцкий верил в возможность социалистического возрождения СССР. С этой точки зрения существенный интерес представляет написанное им за несколько месяцев до гибели “Письмо советским рабочим”, которое можно назвать его политическим завещанием. В письме подчеркивается, что “Октябрьская революция была совершена в интересах трудящихся, а не новых паразитов. Но вследствие запоздалости мировой революции, усталости и в значительной мере отсталости русских рабочих, особенно же крестьян над советской страной поднялась новая антинародная, насильственная и паразитическая каста, вождем которой является Сталин. Бывшая большевистская партия стала аппаратом этой касты... Рабочие и крестьянские Советы давно погибли. Их заменили развращенные комиссары, секретари и чекисты”.

Сталинская клика, однако, не сумела уничтожить все завоевания Октября, считает Троцкий. На сохранившемся фундаменте национализированной промышленности и коллективизированного сельского хозяйства возродившиеся Советы могли бы создать новое, более счастливое общество. Впервые налаженное в СССР плановое хозяйство является гигантским завоеванием всего человечества. Планирование будет служить народу тогда, когда “народ сумеет расправиться со сталинской бюрократией, как он расправился в свое время с царской бюрократией и буржуазией”.

Троцкий даже обосновал идею “дополнительной” революции в СССР, носящей характер политического, а не социального переворота, который понадобился бы в случае свержения диктатуры бюрократии силами капиталистической реставрации. Существо этой политической революции состоит не в том, чтобы заменить одну правящую клику другой, а в том, чтобы заменить кардинальным образом режим бюрократического государства. Такая революция должна начаться с восстановления партийной и советской демократии: права критики и действительной свободы выборов, свободы советских партий, начиная с партии большевиков, и возрождения профессиональных союзов.

Перенос демократии в область экономики будет означать радикальный пере-
смотр планов в интересах трудящихся, повышение роли трудовых коллективов в
решении производственных задач, что снизит накладные расходы бюрократи-
ческих ошибок и зигзагов. В социальной сфере необходимо ликвидировать много-
численные привилегии, насажденные сталинизмом. Это, разумеется, не будет
означать "поравнение населения в бедности и нищете". Ход мысли Троцкого
принципиально иной. Новая, советская власть должна ввести "буржуазные нор-
мы распределения" в пределы строгой необходимости, чтобы затем, по мере рас-
пределения общественного богатства, заменять их социалистическим равенством,
т.е. "уравниванием населения" в относительном достатке, а затем в богатстве и
изобилии.

Такой путь, кстати, не был испробован ни одним из государств, именовав-
ших себя социалистическими. Во всех них, развивавшихся по образу и подобию
СССР, после отмены частной собственности на средства производства через
определенное время возникали новые противоречия, ведущие к возрождению на
иной социальной основе главной функции любого эксплуататорского государст-
ва — охранения имущественных привилегий меньшинства за счет подавляющего
большинства. Этим же определялась динамика все нарастающих антагонизмов,
определившая крушение административно-командных режимов в большинстве
"социалистических" стран.

РАЗДЕЛ II

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

ЛЕКЦИЯ 1. Сменовеховство

Сменовеховство как политическое движение, органично включавшее в себя и соответствующие взгляды на государство и право, получило свое название по сборнику "Смена вех", вышедшему в Париже в июле 1921 года. Авторы — представители русской эмиграции поставили перед собой цель пересмотреть свои идеи в свете опыта революции 1917 года и Гражданской войны, уяснить действительные обязанности интеллигенции по отношению к Отечеству, народу. Объективно же по содержанию сборник воплотил в себе попытку ответить на важнейший вопрос постреволюционной истории. Именно — по какому пути пойдет Россия: упрочится ли в ней "гражданский строй", о котором мечтали либералы, или же там восторжествует "сильная государственность", отстаивавшаяся до 1917 года консерваторами.

Сменовеховцы признали принципиальную целесообразность и прямую необходимость сотрудничества со своими вчерашними врагами — большевиками и Советами. "Да, мы знаем, за нашими бывшими противниками в прошлом много ужасного, трудно прощаемого, много такого, с чем трудно примириться и сейчас, — писал С.С. Чахотин в статье "В Каноссу!", — но, как скоро интересы Родины требуют, чтобы мы забыли старую боль, мы должны ее забыть. Другого выхода нет. Умыть руки, отойти в сторону нельзя. Это, конечно, легче всего, но это преступление перед Родиной. Надо участвовать в поддержке России, надо всем выручать ее, облегчать ей пути прогресса, мира и благосостояния". Чтобы выдвинуть идею общенационального примирения и гражданского согласия — "честный русский всеобщий мир" — в стране, только что вышедшей из братоубийственной войны, чтобы решиться сказать об этом публично, нужно было иметь огромное интеллектуальное и моральное мужество.

Допустимо предположить, что свою роль здесь сыграли православные христианские максимы, по-своему трансформированные сторонниками общерусского согласия. К тому же, считали они, если власть укрепилась, нашла опору в народе, если выполняет свои функции, то она исторически оправданна, следовательно, неприкосновенна. Отсюда вытекало правовое требование: при данных внутренних и международных условиях борьба против существующей власти в России, попытки ее насильственного свержения, новые разрушения и кровопролития неприемлемы, безответственны, преступны.

Концепция гражданского мира сменовеховцев с “активным участием в экономическом восстановлении нашей Родины”, “просвещением народных масс” основана на признании объективно-исторической миссии большевизма, его способности собрать воедино земли бывшей Российской империи. При этом они обосновывали мысль о необходимости для интеллигенции служения не большевикам как конкретным носителям власти, а именно Отечеству, которое в их сознании было тождественно Российскому государству. “Кто бы ни был у власти сейчас, — подчеркивал Чахотин, — но раз он способствует процессу собирания и упрочения России, он должен получить поддержку со стороны мыслящей и патриотически настроенной интеллигенции”. Авторы “Смены вех” выступили тем самым идейными преемниками русского консерватизма с его культом сильной государственности и национальной идеи.

Духовная драма, пережитая сменовеховскими интеллектуалами при осмыслении печальных итогов гражданской войны, обернулась не просто трансформацией их политико-юридических ценностей. В действительности она послужила основанием для рождения в их сознании новой концепции Русского государства. Если оценивать расчеты авторов “Смены вех” на созидательную роль большевистского государства ретроспективно, придется признать, что они оправдались в одном лишь отношении: это государство действительно смогло стать одним из могущественных факторов мирового развития в XX веке, сменив в этом качестве Российскую империю.

Пересмотр прежних идейных во многом либеральных установок сменовеховцами начинался с оценки революции 1917 года и порожденных ею последующих событий и фактов. Революция — детище русской интеллигенции. Поэтому перед ними наряду с фактом самой революции и в неразрывной связи с ним и встала проблема “интеллигенция и революция”. Осмысливается же она с учетом результатов “катастрофы”, с учетом факта происшедшей, а не предсказываемой, как в “Вехах”, революции. Задача в том, чтобы “в свете наших новейших революционных переживаний переоценить нашу предреволюционную мысль; в свете наших старых мыслей о революции познать, наконец, истинный смысл творящей себя ныне революции”. Да, она оказалась не такой, какой ее представляла себе интеллигенция, долго ее ждавшая. Значит, либо ожидания были ошибочными, либо произошла не та революция. Если не та — нужна другая. Однако для другой нет уже сил, нет даже возможности сформулировать ее цели. Зато происшедшая продолжает существовать. Но разве не все существующее истинно?

Отсюда следует однозначный вывод: ошибалась не революция, а интеллигенция. В чем? Предреволюционная интеллигенция была нигилистической, преданной абстрактной идее, явно “неотмирной”. У нее отсутствовала универсальная национальная традиция, которая не должна зависеть от политической конъюнктуры; ей не хватало смирения и чувства греха. Наконец, она всегда оставалась антигосударственной. Обо всем этом уже сказали “Вехи”. Но... (и здесь раскрывается свежий взгляд сменовеховцев) все ее недостатки в предреволюционный период являлись ее достоинствами. Для интеллигента, подготавливающего революцию, других качеств и не надо, их у него и не может быть.

Разразившаяся революция нанесла страшный удар прежде всего по самой интеллигенции. Чем это объяснить — неверностью расчета? Но его и не суще-

ствовало, просто интеллигенция не могла быть другой, не могла жить и действовать по-другому, иначе она не была бы интеллигенцией. И тут делается еще один вывод: интеллигенция — это и есть сама революция (во всяком случае в России).

Тогда почему же произошел раскол двух неразрывных ипостасей единого целого? Революционная интеллигенция всегда мечтала о революции во имя народа, но... без народа. И даже подстрекала к высшему проявлению эгоизма ("все во имя народа"). Но когда народный взрыв произошел, революция не допустила разделения человеческой массы на "чистых" и "нечистых", аристократов и плебеев. Она потребовала тотальности, смешав в огненном тигле все составные элементы общества. Интеллигенция, "соль земли", оказалась простым компонентом революционного "варева" и до сих пор не может этого ни понять, ни простить.

В свое время огромная часть интеллигенции обижалась на "Вехи", столь жестоко развенчавшие идеальный тип русского интеллигента-революционера, указавшие на его обреченность, его патологическую ангажированность революцией. Какую же роль в новой ситуации могут сыграть отмеченные "Вехами" качества русской интеллигенции? Это зависит от ее позиции. Выступая против революции, которую она сама готовила и в которой теперь не хочет участвовать, интеллигенция оказывается вне истории. В этом случае ей остаются лишь эмигрантские дразги, злопахательство и террор. Зацепившись за догму, которую она считает абсолют, интеллигенция проявляет "упрямое политическое однодумство" — еще "Вехи" определили эту позицию как "большевизм".

Но кроме "белых" большевиков есть и "красные", захватившие власть в России. В отличие от первых, они теперь делают революцию. Однако разница между "белым" и "красным" большевизмом — только в направлении. На поверку "большевизм" в русских условиях — всегда экстремизм, ибо действительным революционером в России может быть только экстремист. Таким образом, "большевики" — это и революционеры, и контрреволюционеры, т.е. революционеры наоборот, а вместе и те и другие — интеллигенты.

Такое кровное родство обеих враждующих сторон наводит на размышление: если интеллигенция неотторжима от революции, то логично предположить, что от подготовки революции она должна перейти к прямому участию в ней, принять ее сторону, "сменить прежние вехи". Подобному поведению вовсе не препятствуют "врожденные" нигилистические качества интеллигенции, даже ее "большевизм". Зато страшным грехом становятся некоторые приобретенные и, по сути, несвойственные ей черты, прежде всего интеллигентская нерешительность и половинчатость поведения в создавшейся ситуации.

Революция произошла, с ней необходимо считаться, нравится это или нет. Однако она еще не завершена, задачи ее не решены, а результаты непостижимы. И потому почти все авторы "Смены вех" (Ключников, Устрялов, Бобринцев-Пушкин, Чахотин) поочередно обсуждают одну и ту же гипотезу о свержении в России новой власти и реставрации старой. Что произойдет в таком случае? Прежний режим в его первоначальном, дореволюционном состоянии восстановить невозможно. Враждующие между собой эмигрантские партии и группировки к согласию никогда не придут — на это указывает кратковременный опыт демократии весной—летом 1917 года. Значит, снова террор, кровь, анархия...

Между тем большевистский режим уже не тот. Он отказывается от своих первоначальных идей и лозунгов. Россия, не сумевшая победить мир капитализма, вынуждена к нему приспособливаться. И на нее "уже нельзя смотреть, как только на "опытное поле", как на факел, долженствующий поджечь мир. Факел почти догорел, а мир не загорелся". Революция начала "спуск на тормозах" от великой утопии к обыденной действительности. Конечно, первоначальный пафос утрачивается. Но это пафос излишества. Происходит протрезвление. Власть, не побоявшаяся на первом этапе использовать сокрушающую стихию массы, на втором принимается за наведение жесткого порядка. Поэтому становление пролетарского государства оправданно. Начав с решительного отрицания империи, революционные массы теперь начинают сознавать необходимость диктатуры и государственной власти.

Революция принесла с собой результаты, которые заранее невозможно было предвидеть, но теперь их нельзя игнорировать. Это прежде всего сдвиг в сторону усиления национального государства. Возрождается отечественная Россия с сильной армией, гарантирующей невозвратимость к старому режиму. Столица из космополитичного западного Петербурга переносится в родную почвенническую Москву (явно антиевропейский жест!). Складывается эффективная федерация, стремящаяся восстановить границы бывшей империи. Новая власть приняла форму Советов и тщательно их оберегает. Чтобы спасти Советы, Москва жертвует коммунизмом. "Советская власть при всех ее дефектах — максимум власти, могущей быть в России, пережившей кризис революции. Другой власти быть не может — никто ни с чем не справится, все перегрызутся", — заключает Бобрищев-Пушкин.

Новая Россия спутала все теории и опыт интеллигенции, восходящие к Радищеву и декабристам, где идеалом почти всегда был парламентаризм. Советский же строй противоположен ему. И тут Бобрищев-Пушкин замечает, что любой парламентаризм тяготеет к централизму, тогда как новая система власти стремится к сочетанию централизма и децентрализации и на этом пути оказывается вполне жизненной. Да и опыт показывает, что народные массы в истории никогда не выступали в защиту парламентов, кто бы их ни разгонял — Наполеон или матрос Железняк. А Советскую власть они защищают, так как она затронула их жизненные интересы.

Стало очевидным, что эта власть сохраняет Россию, она оправдана в правосознании народа. Оправдываются ее суровость и диктатура. Ведь они не являются изначально присущими ей, но вызваны только обстоятельствами: изменятся обстоятельства — смягчится режим. Сохранение Русского государства объясняется устойчивостью власти, одно неотделимо от другого.

Для патриотов, будь то генерал Брусилов, выступивший под национальным знаменем против поляков, или рядовой русский интеллигент, вопрос заключается только в одном: чем является Советская власть для России — скрепляющим цементом или разъедающей кислотой? Центробежной анархической силой или центростремительной государственной? И если она призвана восстановить сильное Отечество, ей можно многое простить. И еще. Чтобы иметь право на власть, необходимо быть сильным. В бурные эпохи народ всегда предпочитает сильную и твердую руку, поскольку лишь такая рука способна спасти страну от хаоса. Но когда выбор сделан, то уж дозировать жесткость и твердость власти не приходится. Все это следует принять как

должное. "...Так как власть революции... способна восстановить русское великодержавие... наш долг во имя русской культуры признать ее политический авторитет".

Сменовеховцы выдвинули стройную программу примирения с "октябрьским переворотом", большевизмом. "Итак, мы идем в Каноссу, — писал Чахотин, — то есть признаем, что проиграли игру, что шли неверным путем, что поступки и расчеты наши были ошибочны". Столь крутой поворот объясняется, разумеется, не признанием правоты большевизма, не переменой их взглядов на коммунизм, а как раз наоборот — уверенностью в том, что большевизм сам отступает от своих принципов, переходит на рельсы "русского либерализма" и "пролетарского термидора".

Тем не менее революция была необходима, и к ней недопустимо пренебрежительное отношение. Ошибка русской интеллигенции, считают сменовеховцы, состояла в том, что она не сумела разглядеть "очистительной силы" 1917 года. Россия нуждалась в великой "переделке", обновлении государства и права, что и произошло, "все долги заплачены". Интеллигенцию же революция заставила "с потрясающей силой пережить правоту Тютчева, Достоевского, Соловьева". Теперь она может перейти к своему исконному предназначению — развивать и упрочивать "прогрессивный и устойчивый русский консерватизм".

"Будущая русская интеллигенция, — писал Ключников, — вышедшая из горнила великой революции, наверное, будет такой, какой ее отчасти видели, отчасти хотели видеть авторы "Вех". Интеллигенция уже не захочет больше искусственно заменять народ или принудительно навязывать ему свои воззрения и потому станет скромнее. В ней просто сосредоточится богоискательство русского народа... и, наверное, это богоискательство будет чисто русским... Русская интеллигенция уловит начала мистического в государстве, проникнется мистикой государства. Тогда из негосударственной и антигосударственной она сделается государственной, и через ее посредство государство — Русское государство — наконец-то станет тем, чем оно должно быть: путем Божиим на земле".

Произойдут и другие чудесные метаморфозы: Москва из столицы Третьего Рима превратится в столицу III Интернационала. Русский народ поверит, что он призван убить мировое зло и построить царство вечной справедливости. Преображение жизни будет тотальным: все элементы прошлого исчезнут или неразрывно смешаются с элементами новой жизни.

Отдаленное будущее выглядит несколько иначе и кажется более прозаическим. Если термидор, то, значит, и снятие революционных крайностей, значит, эволюция, то есть то, к чему всегда призывали либералы, — и это им следует объяснить. Не стоит бояться революции, которая подошла к своей критической стадии. Ожидается тотальное преобразование: переделывая все, революция открывает пути и для яркого и могучего русского либерализма, более того, и для "прогрессивного и устойчивого русского консерватизма". С революционным экстремизмом покончено, "большевизм" (в широком и узком смысле слова) исчерпал себя. Открывается перспектива быстрого и мощного эволюционного процесса.

Таким образом, сменовеховство где-то возвращалось к старым веховским принципам и склонностям — мистике, вере в провидение, мессианству. Это

было очередное и не последнее самообольщение русской интеллигенции, как всегда филигранное по словесной отделке, но совершенно бесплодное в приложении к жизни.

Радикальная перемена политико-правовых установок предполагала пересмотр общемировоззренческих ориентиров и личных убеждений. Она повлекла за собой отказ от таких базисных ценностей либерализма, как приоритет идеалов гражданского общества, примат личности по отношению к государству, что привело к обоснованию сменевеховцами идей сильной государственности и русского национализма. Ведущим стал тезис о “великой и единой России” в плане как пространственно-территориальном, так и экономическом и социально-политическом.

В способности восстановить Отечество в качестве могучего государственного образования — неперемennого условия ее дальнейшего социально-экономического и духовного развития — сменевеховцы видели объективную историческую миссию большевизма. Понятие “территория” приобрело у них, кроме обычного — географического или экономического, еще и идейно-политический смысл. Они исходили из наличия некоей мистической связи между территорией государства — главнейшим внешним фактором его мощи и культурой, выражающей его внутреннюю силу. Лишь “физически” мощное государство способно обладать великой культурой. При этом “топографический национализм” дополнялся принципом “государственной лояльности”, выдвиганием на первый план идеи “государственного блага”.

По аналогии с Французской революцией, где после вспышки активности народных масс наступил термидор, сменевеховцы предсказывали “русский термидор”. Вот некоторые его параметры: “Революция перерождается, оставаясь сама собой. Ее уродливые черты уходят в прошлое, ее “запросы” и крайности — в будущее, ее конкретные “завоевания” для настоящего обретают прочную опору”. “Начался отлив революции. Она становится менее величественной, но зато уже не столь тягостной для страны”. Если смысл термидора — “приспособление лидеров движения к новой его фазе”, то “в современной России как будто уже чувствуется веяние этой новой фазы. Революция уже не та, хотя во главе ее — все те же знакомые лица, которых ВЦИК отнюдь не собирается отправлять на эшафот. Но они сами вынужденно вступили на путь термидора, неожиданно подсказанный им...” “Ныне есть признаки кризиса революционной истории. Начинается “спуск на тормозах” от великой утопии к трезвому учету обновленной действительности и служению ей, — революционные вожди сами признаются в этом”.

Обосновав вероятность “русского термидора”, сменевеховцы трактовали НЭП как эволюцию СССР к обществу капиталистического типа, как стремление власти сочетать принципы коммунизма с традиционными “требованиями жизни”. Однако их оценки не были полностью реставраторскими. Они называли их национал-большевизмом — использованием большевизма в национальных целях, высказываясь вместе с тем за ликвидацию элементов коммунизма из жизни общества, за сохранение сильной власти, опирающейся на выдвинутую революцией активную часть общества, за непринятие любых форм монархизма и парламентаризма как сугубо формального принципа. Важнейшими элементами их концепций выступали русская идея, русский мессианиззм.

Сменовеховцы критиковали западный (европейский) капитализм и в качестве юридического идеала выдвигали “государство трудовой демократии”, где реальная власть принадлежит рабочим и трудящейся интеллигенции. Перерождение большевистского режима в интересах народа произойдет спонтанно, считали они, когда более глубинные пласты революции оттеснят пласты внешние, наносные, чуждые русскому духу. Потехин предполагал, что Советская власть “контрреволюционными приемами проведет в жизнь революционно-национальные задачи России”. Трансформация власти будет осуществлена путем “обволакивания эволюционного ядра власти” новыми силами. Интеллигенция же должна помочь ускорению этой метаморфозы, рассматривая советский строй как “базу дальнейшего развития”.

Наиболее обстоятельный “план” преобразования постреволюционной России излагает Чахотин: здесь и призыв к интеллигенции активно участвовать в экономическом восстановлении страны и просвещении масс, и требование внедрять новые начала организации труда (“американизация”), и предложение о создании организационного центра для руководства восстановительной работой — “профессионально-интеллигентского объединения”, и идея открыть двери для создания политических партий, сформированных по профессиональному корпоративному принципу.

Юриспруденция сменовеховцев была явлением неоднородным. Стремление реалистически оценивать историческую обстановку нередко сопровождалось у них абстрактно-теоретическими рассуждениями, решительная установка на признание революции и Советской власти, призыв к сотрудничеству с ней в возрождении России уживались с расплывчатыми конструкциями будущего обновленного пролетарского государства. Позиция, занятая участниками движения, однако, в эмигрантских условиях, подчеркнем это еще раз, требовала личного мужества. Сменовеховцы подвергались резкой критике со стороны непримиримой части русского зарубежья. Но, с другой стороны, под их влиянием тысячи представителей интеллигенции и простых россиян возвращались на Родину.

Политика Советской власти по отношению к сменовеховцам строилась на основе указаний Ленина об использовании того ценного и полезного, что могли дать участники движения для хозяйственно-культурного строительства России, при неприятии всего противоречащего русскому марксизму. Взгляды их освещались в печати, им разрешали читать лекции, устраивать диспуты и собрания интеллигенции. Дважды (в Твери и Смоленске) переиздавался сборник “Смена вех”, газета “Накануне” без препятствий распространялась внутри страны. Ряд лидеров движения (Ключников, Потехин, Бобрищев-Пушкин) по возвращении на Родину заняли ответственные государственные посты. К середине 20-х годов, когда большая часть интеллигенции определила свои позиции, сменовеховство изжило себя.

ЛЕКЦИЯ 2. Евразийцы

Евразийство, оформившееся в 20-х годах в среде русской эмиграции и активно просуществовавшее до начала 40-х годов, принадлежит к числу наиболее самобытных и интересных явлений русской юриспруденции. В его создании приняли участие ученые различных общественных наук. Среди них извест-

ный филолог князь Н.С. Трубецкой, юристы В.Н. Ильин и Н.Н. Алексеев, философы Л.П. Карсавин, Н.О. Лосский, Б.П. Вышеславцев, богословы Г.П. Федотов, Г.В. Флоровский, экономисты П.Н. Савицкий и П.П. Сувчинский, географ Г.В. Вернадский, историк А.А. Шахматов и др. В 1932 году была учреждена Евразийская организация, а чуть позже предпринята попытка оформления Евразийской политической партии. Однако уже к середине 30-х годов евразийство вошло в полосу кризиса. Он был связан с исчерпанием основных идей, падением уровня выпускаемых сборников, поляризацией движения и как результат — его расколом. К 1937 году евразийство как цельное течение прекратило существование, хотя творчество отдельных его представителей продолжалось и позднее.

Первое, что сосредоточило на себе внимание евразийцев, был почти совершившийся в 1918—1919 годах распад России как государства и затем его воссоздание. Однако, считали они, воссоздание было произведено большевиками на основе их большой неправды — коммунистической идеологии. И верили, что такое объединение будет недолговечным. Но что тогда? Новый кризис бывшей Российской империи? Исходя из этого предположения, евразийцы ставили перед собой задачу осознать и обосновать геополитическое единство огромных территорий, получивших пока наименование “СССР”. Надо ли говорить, как актуализировалось их предвидение в наши дни?

Второй аспект евразийской мысли был связан с обнаружившейся в критические годы Первой мировой войны, революции и гражданской войны слабостью старых традиций, нестойкостью выглядевших до этого вековыми жизненных устоев. “Мы, русские, конечно, находимся в особом положении, — писал Трубецкой. — Мы были свидетелями того, как внезапно рухнуло то, что мы называли “русской культурой”. Многих из нас поразила та быстрота и легкость, с которой это совершилось, и многие задумались над причинами этого явления”.

Поражение белого движения некоторые евразийцы объясняли отсутствием у него сильной объединяющей идеи, способной противостоять обманной, “злой”, но все же “огромной” идее коммунизма. “В обстановке, в которую мы попали, может быть плодотворным только то историческое действие, которое подхватят и поддержат крылья огромной исторической идеи”, — писал Савицкий. Деникину не хватало общей идеи, его правда была так сформулирована, что по сравнению с большевистской идеей нового всемирного устройства могла казаться незначительной. Отсюда выдвигалась задача определить “положительную задачу русского духовного делания” во всем его всемирном и вместе с тем национальном значении.

Евразийцы, в отличие от многих русских эмигрантов, не видели выхода в простом восстановлении старого, дореволюционного прошлого и не идеализировали его. Слишком ясна была для них последовательность событий, связь времен XIX — начала XX века, приведшая к “катастрофе”. И даже славянофильская мысль представлялась им слабой и недейственной, тем более что она, на их взгляд, как бы “выдохлась”: русский консерватизм, по словам Сувчинского, “стал только политическим, а не национально-культурным, и стал решительно неубедителен для всей нации”.

Поэтому евразийцы хотели использовать период своей вынужденной эмиграции для нового изучения России и объяснения ее предназначения быть “Евра-

зией" — целостным единением многих народов, населяющих ее "степи и леса". В поисках "духовного самосознания" они обращались с призывом взяться за "делание" к "интеллектуальным предстоятелям народа — его интеллигенции", в первую очередь эмигрантской. Они говорили о возложенной на нее "исторической ответственности". "Основная наша концепция, — писал Савицкий, — где бы ни находились эмигранты — они составляют часть того духовного мира, который именуется Россией; почва под ногами значит далеко не все, иногда значит весьма мало, важнее духовная почва, которая и питает каждого эмигранта — подданного идеи: насыщенная почва культуры российской". Эмиграция продолжает жить в России, которая, хотя материально и охватывает только положенные ей земельные пределы, "духовно обнимает весь мир".

Третий аспект евразийского интереса (весьма тесно соединенный с двумя первыми) определялся той мерой, в какой они действительно руководствовались своим "жизненным опытом", — их крайне низкой оценкой истории нашей государственности от февраля до октября 1917 года. Евразийцы не относились к тем, кто считал, что русскому парламентаризму просто не хватило времени для своего становления. Напротив, они считали, что "просто" Россия сумела за эти короткие месяцы пройти "весь западный путь" — справа налево, до предела: дальше, левее, идти ей некуда. "Проиграна" вся совокупность развития западных государственно-правовых идей. "Европейская идеологическая дорога, прямая линия справа налево, пройдена до конца, — писал Трубецкой. — Не только вся она приводит в тупик, но и нет на ней ни одной точки, на которой можно было бы остановиться. Ее надо бросить всю, целиком, окончательно, — и искать новую. Мы, русские, должны прежде всего отказаться от европейских форм политического мышления, перестать поклоняться идолу (к тому же чужому) "форм правления", перестать верить в возможность идеального законодательства, механически и автоматически гарантирующего всеобщее благополучие; словом, должны оставить взгляд на человеческое общество как на бездушный механизм — взгляд, на котором основаны все современные социально-политические идеологии. Не в совершенном законодательстве, а в духе, создающем и укрепляющем государство через быт и устойчивую идеологию, следует искать грядущий идеал".

Оказавшись на Западе, евразийцы внесли свой вклад в критику "массового общества" империалистического государства и права, зарождающегося фашизма. Вместе с тем для них антизападническая направленность имела еще и прямой заданный сверху смысл — поиск функциональной оригинальности Евразии, подтверждение ее особого миссионерского пути в истории человечества. Отделение России от Европы — но не на фактически происшедшем "низком уровне" большевизма, советскости, а на основе большой евразийской идеи — такова была в общем и целом господствующая настроенность русских эмигрантов этого направления.

Трубецкой в своей книге "Европа и человечество", выход которой в Софии в 1920 году послужил в какой-то мере началом евразийства как движения, ничего не говорил о Евразии, но зато сосредоточенно разрушал представление о благотворности влияния Западной Европы на мир. В этой книге Трубецкой писал о необходимости решительной "переоценки ценностей" в отношении "европейской цивилизации".

Он отрицал эволюционную вертикаль всемирной истории, утверждая, что “момент оценки должен быть раз и навсегда изгнан из этнологии и истории культур, как и вообще из всех наук, ибо оценка всегда основана на эгоцентризме. Нет высших и низших. Есть только — похожие и непохожие”. Соответственно эгоцентрической претензией, не более, была цивилизаторская миссия европейцев, основанная на подмене понятий, на “гипнозе слов” “человечество”, “общечеловеческая цивилизация”, “космополитизм”. Под этими понятиями скрываются не “общечеловеческие ценности”, а политико-правовая экспансия романо-германских народов. Она опасна для других этносов уже потому, что лишает их веры в ценностное достояние собственной юриспруденции, как это происходило в последние века и с Россией. Трубецкой, подобно Достоевскому, называл преклонение перед европеизацией “обезьянничаньем”, доказывал, что подражательная европеизация способствует скорее упадку национального государства, чем его развитию.

Евразийство, поставив своей основной задачей изучение “культурной личности” России — Евразии, органично влилось в одну из стержневых русских традиций — анализ самобытности отечественного государства и права, начатый еще славянофилами и продолженный Данилевским, Леонтьевым, Вл. Соловьевым. Эта традиция, существовавшая на протяжении многих лет, практически прервана в советской теории государства и права. Деятельность евразийцев имеет особую ценность потому, что благодаря их усилиям были вновь поставлены проблемы России и Европы, России и Востока, своеобразия “русского пути” и т. д. Сами по себе далеко не новые, а, скорее, традиционные для отечественного правоведения, эти проблемы приобрели в работах евразийцев особую остроту и иное звучание.

Цивилизационный подход к изучению государства и права, принципы культурологического анализа положены в основу трактовок евразийцами происхождения и сущности Русского государства. Для них Российская империя и Советский Союз (Евразия) представляют собой “континент — океан”, простирающийся от Балтики до границ с Ираном, Индией, Китаем и до Тихого океана. Его начало они видят в монгольском завоевании и владычестве на Руси, длившемся два с лишним века. С тех пор судьба Евразии связана с Востоком, так как азиатский элемент внедрился в многонациональную общность Евразии, ведомую, однако, русскими — православными христианами. Евразийцы отрицали, что Киевская Русь была уже древнерусским государством. Это было княжество, благодаря которому осуществлялась связь между Балтийским и Черным морями через Западную Двину и далее через Днепр. Киевская Русь даже не охватывала территорию всей европейской части России. Наряду с ней существовал иудейский Хазарский каганат, пока в 968 году Святослав Киевский не стер его с лица земли. Однако языческое, а позднее исламское Булгарское царство, находившееся в средневожско-камском регионе, продолжало свою жизнь вплоть до эпохи монгольского завоевания. Наконец, кочевые племена, такие, как мадьяры, печенеги, половцы, держали под своим контролем юг русской степи и распространялись до Черного моря и Кавказа. Таким образом, Киевская Русь представляла собой одно из многих государств европейской части России.

Из того факта, что юриспруденция Киевской Руси была христианской и в ней были усвоены греко-византийские традиции, не следовало, по мнению евра-

зийцев, что русскую историю нужно рассматривать начиная с этого периода. Трубецкой доказывал, что византийская государственная традиция наиболее полно усвоена во времена монгольского ига, а до этого она еще не пользовалась таким престижем.

Недостаток Киевского княжества состоял в том, что оно было ограничено системой рек. Речные государства всегда развиваются в границах своих бассейнов. Только контроль над располагающимися по вертикали полосами степи и леса мог разорвать эти путы и вызвать к жизни огромные империи и государства. Киевская Русь и Булгарское царство развивались, будучи ограниченными, и не могли распространяться дальше.

Монгольская империя Чингисхана не имела ограничений, потому что контролировала сначала степь, а потом, завоевав Россию, и лес. Московское царство зеркально повторило эту судьбу, владея сначала над лесом, а затем над степью. Чингисхан создал Евразийскую империю, а Московское царство стало ее преемником.

Географическая теория происхождения Русского государства впоследствии была дополнена историческим объяснением. Россия представляла собой единственную территорию, на которой Чингисхан мог создать новую империю, и Россия впервые стала единой империей под игом Чингисхана, влившись в каганат Кипчака со столицей в Сарае (или в Золотую Орду — название, под которым это монгольское государство лучше известно в историографии). Территории двух империй (Золотой Орды и Московского царства) почти совпадали, включая даже земли в Средней Азии.

Евразийцы показали роль монголов и степи для русской истории эпохи средневековья и раннего нового времени, представили их создателями России и Российской империи. Особое внимание к средневековой России было вызвано желанием доказать: то, что мы понимаем под Россией, — это многокультурная общность, образованная во время монгольского завоевания, с тех пор она и остается такой независимой общностью. Это не продолжение западной культуры, Россия не является частью Запада, как Польша или Германия. Другими словами, Россия с самого начала своего существования многонациональное и многокультурное государство, главными компонентами которого считались финно-угорский и тюркский элементы, и в дальнейшем она должна развиваться соответственно.

Трубецкой и его коллеги подвергли критике национализм и в его многочисленных теориях, и в практике. Они отвергали притязания мелких наций на суверенитет — главный предмет политических дебатов после Первой мировой войны — как “сложный национализм”. Трубецкой обвинял их за “эксцентризм”, сводящийся к желанию иметь собственную государственность, за претензии на исполнение великой миссии, которые можно расценить только как фарс. Политическая независимость мелких наций не приведет ни к чему иному, как ко злу — к европеизации или поглощению другой культурой, даже если их будут поддерживать интернациональные организации. Нужна творческая деятельность культур, а не политические спектакли — эту точку зрения он неустанно повторял в своих публикациях и в частной переписке. В то же время Трубецкой отвергал политику подавления национальных культур.

Несмотря на то, что евразийцы одобряли Советский Союз, их критика его национальной политики должна быть для нас сегодня очевидна. Советская политика отличалась от русской имперской тем, что она подавляла национальные культуры путем смешивания их в "более высокой" культуре коммунистической доктрины и брежневской единой супернации — советский народ, провозглашенной в 1972 году. Советский Союз, безусловно, явился великой творческой попыткой "решить" проблему национальностей, оставленную нам в наследство имперским режимом, однако лишилась внимания идея плюрализма, взаимодействия культур, столь дорогая сердцу евразийцев.

Их ключевой идеей стало обоснование самобытности Русского государства. "Россия — Евразия — это особый географический и культурный мир", — провозгласили они. Обоснование этой идеи вылилось в целостную геополитическую доктрину.

Россия как государственный и культурный организм занимает центральную, срединную часть крупнейшего на планете материка — Евразии и своими восточными и западными границами равно принадлежит как Европе, так и Азии. В силу этого промежуточного положения она всегда имела альтернативную ориентацию на Запад и на Восток и геополитически была призвана выполнять роль некоего синтеза, социокультурно объединяющего и уравнивающего оба этих начала — восточное и западное. "Весь смысл и пафос наших утверждений сводится к тому, что мы осознаем и провозглашаем существование особой евразийско-русской культуры и особого ее субъекта как симфонической личности".

Россия исторически находилась на пересечении двух колонизационных волн, идущих одна на Восток, другая на Запад. Это предопределило многие особенности русского правосознания, и прежде всего его открытость многообразным влияниям, ту всемирную отзывчивость русской души, о которой писал Достоевский. Уже самим своим географическим положением Россия призвана уравнивать два мира, два исторических антагониста — Восток и Запад, органически совмещая в себе оба начала. В этом полифонизме заключались, по мнению евразийцев, специфические особенности России, которая всегда была и не Западом, и не Востоком, а избирала свой, особый, "третий" путь, совмещающий в себе элементы того и другого государственного строительства, но никогда полностью не совпадающий с ними.

Представление о России — Евразии как о самодостаточном и самовоссоздающемся государстве стало отправным пунктом теории евразийцев. "Надо осознать факт: мы не славяне и не туранцы, а русские... мы решительно отвергаем существо западничества, то есть отрицание самобытности и... самого существования нашей культуры". Они решительно выступали против какой бы то ни было "общечеловеческой культуры". "При пестром многообразии национальных характеров и психологических типов, — писал Трубецкой, — такая "общечеловеческая культура" свелась бы либо к удовлетворению чисто материальных потребностей при полном игнорировании духовных, либо навязывала бы всем народам формы жизни, выработанные из национального характера какой-нибудь одной этнографической особи".

Дальнейшие судьбы России, по мнению евразийцев, будут во многом зависеть от того, насколько она сумеет угадать свое предназначение, данное ей в руки самим жизненным пространством, которое она волею судеб занимает. За-

логом самобытного развития России, способствующего укреплению ее государственной мощи, может стать только национально-государственная идея, цементирующая Россию в единый государственный организм, здоровье которого во многом будет зависеть от того, насколько она сумеет обеспечить полноценное развитие всех его частей. Отсюда идея России как синтеза Запада и Востока, синтеза, являющегося неперенным условием полноценного развития России, гарантом ее экономической и политической мощи. С этой идеей перекликаются многие положения евразийской программы и, в частности, ее "имперский" (назовем его так) геополитический вектор.

Географическая целостность евразийского "месторазвития", а также наличие естественных богатств и огромные пространства Евразии постоянно подталкивали ее к идее и осознанию своего экономического самодовления, превращения ее в "континент — океан". Ограниченная с севера малодоступной полосой тундры, а с юга — труднодоступной горной полосой, Евразия сравнительно мало соприкасалась с Мировым океаном, для нее исключалось активное участие в мировом региональном океаническом хозяйстве, что было характерно для Европы и в особенности для "царицы морей" — Британии, а сегодня — США.

Поскольку Евразии почти не приходилось рассчитывать на океанический рынок, она вынуждена была создавать новые центры производства в собственных пределах. Компенсируя свою известную отстраненность от мирового океанического обмена, евразийская культура, вынужденная выстраивать структуру своего материального производства, ориентировалась на внутреннее производственное районирование.

В стремлении создать "континент — океан" Россия устойчиво тяготела к объединению евразийского пространства, к формированию единого пространственного социума. Ориентированность евразийской культуры на интеграцию была важнейшим признаком материкового, континентального характера этой культуры в противовес океанической (британо-атлантической) модели культуры.

В определении континентального характера евразийской культуры теоретики евразийства во многом отталкивались от новейших достижений европейских школ геополитики и, в частности, от идей немецкого ученого Ратцеля, создавшего теорию динамического понятия пространства, и английского ученого Маккинндера, обосновавшего категорию "сердечной", то есть "центральной, срединной" земли.

Географический детерминизм евразийской концепции тесно увязывается ее создателями с особенностями русского менталитета, доминирующего на очерченном ими культурном пространстве. Русским всегда была свойственна тяга к преодолению пространства — отсюда исторические типы "вольных гулящих людей", "странников", "калик переходящих", а также весьма своеобразный институт казачества. Именно эти люди осваивали огромные пространства материковой Евразии, на протяжении ряда столетий активно продвигаясь на восток. Русские казаки-землепроходцы устремились в глубь Сибири и азиатской части материка, именно они присоединили к Московскому государству огромные пространства Северо-Восточной Азии.

Исторически Россия всегда выступала объединителем земель, и в этом заключалась, по мнению евразийцев, ее определенная геополитическая зада-

ча, которую она решала по отношению ко всему пространству материковой Евразии. С некоторыми нюансами географические и политические границы Евразии совпадали с историческими границами Российской империи, что свидетельствовало об их естественности и устойчивости. Поэтому сопоставление России — Евразии с любым из государств Европы неправомерно по самой своей сути.

Напрашивающиеся аналогии с такими крупными этнографическими “имперскими” образованиями, как империя Карла Великого, Римская империя или империя Наполеона (не говоря уже о Британской империи с ее межконтинентальной разбросанностью), складываются не в пользу последних — в каждом таком случае “имперский” геополитический вектор не совпадал с естественными территориальными параметрами и границами. При таком сравнении оказывались очевидными большая устойчивость и реальное единство Евразии.

Российская империя, территориальные границы которой, повторяем, естественным образом совпадали с пространственными границами срединной материковой Евразии, на протяжении нескольких столетий сосредоточивала в себе усилия многих народов к объединению единого евразийского пространства. Феномен Российской империи был уникальным. Она — единственная империя мира, которая не завоевывала, а обживала свои окраины. Присоединение окраинных земель сопровождалось массовым переселением русских на эти окраины и хозяйственным и культурным их освоением. На протяжении нескольких поколений там происходило тесное взаимодействие этносов.

Включением Туркестана в состав России в XIX веке заканчивается территориальное объединение Евразии. Создается Восточно-сибирская железная дорога, соединяющая всю территорию “континента — океана”. Процесс объединения и укрепления евразийского массива продолжался вплоть до революции и был ею искусственно и насильственно прерван.

И все же из двух сил, совершивших революцию, по мнению евразийцев, народ навязал свою волю большевикам, воспользовавшись ими, чтобы спасти территориальную целостность и возродить политическую мощь своей страны. Большевизм скрепил распадающуюся империю связующей цепью — идеей пролетариата, противопоставив центристским силам народов Российской империи “классовую солидарность” разных национальностей. Вот почему большая часть евразийцев признала преобразования, осуществленные в СССР в 30-х годах, сочтя вновь собранное, пусть даже и под эгидой коммунистической идеократии (идеократия — власть идеи), историческое территориальное единство России за победу “евразийской идеи”, и, отчасти примирившись с ненавистными большевиками, вернулась на Родину.

Вместе с тем евразийцы были убеждены, что предложенный большевиками новый носитель российского единства — пролетариат не может обеспечить единство страны на длительное время. Пролетариат как гарант большого геополитического единства — фигура мифическая. Не говоря уж о том, что национальные чувства рабочих сильнее их классовой солидарности. Классовый подход сам по себе в конечном итоге подрывает единство России, так как разжигает классовую ненависть, а значит, объективно ведет к незатухающей гражданской войне — войне власти с собственным народом.

Если Россия захочет оставаться единым и сильным государством, она должна найти нового идеолога и носителя единства. В этом качестве, по

убеждению евразийцев, могла выступать только евразийская идея. “В настоящее время у коммунизма есть только один серьезный противник — это евразийство”. Взамен абстрактной схемы “классового идеала” евразийская идея ставила во главу угла то, что понятно всем народам России — Евразии, — единое экономическое и политическое пространство, способствующее укреплению государственного, территориального и экономического могущества. Только единая Евразия может противостоять экспансии объединенной трансатлантической Европы и сохранить свою экономическую и политическую независимость.

Евразийская идея, по мнению ее создателей, устраняет одномерный и губительный для России перекося в сторону западничества, который произошел в России с установлением в ней тотальной марксистской идеологии, но который начался задолго до революции, объективно завершившись ею. Россия всегда имела альтернативную ориентацию на Запад и на Восток. Петровская эпоха сделала выбор: Запад с его романо-германской культурной традицией. Однако попытки органически переработать “транспортируемые” культурные ценности далеко не всегда приводили к желаемому результату. Преобладали механическое перенимание и прямое заимствование. Результат петровских реформ — колоссальное расслоение общества на две различные по своему духу и форме культуры. Культура низших слоев оставалась исконно русской, православной и в быту, и во внешнем своем облике (брадобритие и смена одежды их не коснулись), культура же господствующих слоев ориентировалась на западноевропейскую даже в самом своем первоэлементе — языке.

Ни одному из иностранных завоевателей, считал Сувчинский, не удалось до такой степени разрушить основы национальной культуры и формировавшийся веками уклад национальной жизни, как это сделал Петр. До Петра существовала определенная однородность и известная интеграция всех социальных слоев, объединенных общим типом православной культуры. Петровские реформы, следствием которых стала подчеркнута западническая ориентация высших слоев при сохранении допетровских культурных реформ и ценностных ориентиров исконно русской национальной жизни в среде простого народа и купечества, фактически раскололи русское общество на два чуждых друг другу общественных лагеря.

Революция была, по мнению евразийцев, судом над послепетровской Россией. Революция только потому и могла победить, что немалую роль в поддержке массами большевиков сыграло их стремление освободиться от чуждого им помещичьего культурного слоя. По убеждению евразийцев, революция была прямым следствием раскола нации, вызванного насильственной петровской европеизацией России.

Однако, принципиально расходясь с западниками, евразийцы существенным образом отличали себя и от славянофилов. “Нам уже недостаточно того смутного культурного самосознания, которое было у славянофилов, хотя мы и чтим их, как наиболее нам по духу близких”. Соотнося свою концепцию со славянофильской традицией отрицания линейной модели всемирного культурного развития и концепцией русской государственности, евразийцы принципиально расходились со славянофилами в вопросах геополитики и теории.

Славянский мир, по их мнению, был слишком разнороден и обладал большим этнокультурным расслоением внутри себя. Противостояние латинства и

православия раскалывало его, ориентируя на разнонаправленные политико-правовые ценности — католический Запад и православный византийский Восток. Собственно говоря, водораздел между Россией — Евразией и Европой, между Востоком и Западом чаще всего проходил и между русскими и остальным славянским миром, вопреки утверждаемому славянофилами общеславянскому братству. Да и сам панславизм был изобретен поборниками великодержавности в противопоставление пангерманизму.

Главное отличие евразийства от славянофильской традиции заключается в идее, что не славянский мир, а мир туранский стал основой формирования Российского государства. Едва ли не единственным звеном, связывающим славянские и русскую культуры, по мнению Трубецкого, является язык, “другие звенья призрачны”. Не существует и единого славянского этнопсихологического типа. Славянство — понятие не столько политико-правовое, сколько лингвистическое. Константин Леонтьев, которого евразийцы считали своим ближайшим предшественником, также понимал славизм как “идею общего языка”.

Но для России определяющим оказался не столько церковно-славянский язык сам по себе, ведущий начало от первоучителей словенских, сколько духовно-правовая традиция, идущая от Византии. В общем регионе славянских государств Россия стала едва ли не единственной (за исключением Болгарии и Сербии) хранительницей православия по восточному, византийскому образцу. Этот византийский элемент сыграл существенную роль в русском державном строительстве.

Как видим, у евразийцев налицо поворот русского политико-правового сознания к Востоку. Он был вызван теми кардинальными и катастрофическими переменами, которые произошли в мире. Трагические последствия принесли европейские технократические утопии и социалистические идеи. Не оправдывались и славянофильские надежды на общеславянское братство. Просвещенная Европа, частью которой осознавал себя правящий слой России, обнаружила полное равнодушие к нуждам и бедам русского народа. Более того, фактом интервенции, поддержкой сепаратистских движений национальных окраин России, разжиганием братоубийственной Гражданской войны Запад открыто продемонстрировал свою враждебность к Российскому государству, служить которому всей душой желали патриоты-евразийцы.

ЛЕКЦИЯ 3. И.А. Ильин

При всей своей идейно-юридической пестроте и многообразии русская эмиграция состояла в основном (по подсчетам П. Струве, примерно на 85%) из сторонников монархизма. Подобно другим направлениям, они также были разобщены и расколоты на противоборствующие группировки. Главную роль играло старшее поколение монархистов — крайне правые, которые откровенно насаждали “псевдомонархический дух” — “начала вредной централизации, касты, средостения бюрократии, временщичества, бесправия и обскурантизма, словом, извращенной центростремительности” (Ильин). Новое поколение монархистов смотрело на дело иначе. Оно не желало больше “старой лжи и старых ошибок” и ратовало за “идейное творчество” в вопросах русской монар-

хии. Сказывалось влияние социалистических преобразований в постреволюционной России.

К числу виднейших вождей неомонархизма принадлежал Иван Александрович Ильин (1882—1954). Родился он в глубоко религиозной дворянской семье в Москве. После окончания гимназии с золотой медалью поступил на юридический факультет Московского университета, где занимался под руководством профессора П. Новгородцева. В 1906 году окончил юрфак с дипломом 1-й степени и был там оставлен для приготовления к профессорскому званию.

Февральскую революцию 1917 года Ильин поддержал, о чем свидетельствуют его многочисленные брошюры и статьи о правовом государстве. К октябрьским же событиям отнесся резко отрицательно. В апреле 1918 года был арестован по подозрению в участии в контрреволюционной организации “Добровольческая армия”, но вскоре освобожден до суда. Процесс длился до декабря 1918 года, но в результате умелой защиты Ильин был амнистирован и отпущен. За это время благодаря поддержке научной общественности Москвы он защитил диссертацию на тему “Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека”, получил степень доктора государственного права, а также звание профессора Московского университета. Осенью 1922 года вновь был арестован, судим и выслан за границу.

После высылки Ильин оказался в Берлине; активно включился в создание Центра русской культуры, будучи одним из ведущих идеологов Белого движения. Он был тесно связан с Русским общевоинственным союзом (РОВС). В 1934 году его деятельность не нашла одобрения у нацистской власти в Германии. Ильин потерял работу, а в 1938 году был вынужден бежать в Швейцарию, где обосновался в пригороде Цюриха Цолликоне. Швейцарские власти запретили ему всякую политическую деятельность. Под страхом возвращения в Германию он был лишен заработка и сам оценивал свое положение как “раба в демократическом государстве”. В Швейцарии же Ильин завершил свой жизненный путь.

Творческое наследие Ильина огромно. Оно насчитывает более 40 книг и брошюр, несколько сотен статей, более ста лекций и большое количество писем. Среди работ по теоретической юриспруденции следует отметить “Понятие права и силы”, “Учение о правосознании”, “Наши задачи”, незаконченный труд “О монархии и республике” и особенно знаменитую книгу “О сопротивлении злу силою”, вызвавшую острую полемику как в России, так и за рубежом.

Юриспруденция Ильина строится на основе православного мировоззрения. Для него право относится к тем же “вершинам духа”, что и откровение, добро, красота, истина. Он всегда утверждал объективное значение права, категорически отвергая субъективно-релятивистское воззрение на него. Ильин осуждал Петражицкого с его теорией, относившей значение права к области иллюзий, наваждений или фантазий, лишая его тем самым объективного смыслового содержания. “Яркий и отчетливый дескриптивный анализ правового переживания составляет, — пишет он, — непреходящую заслугу его произведения; однако этот анализ совершенно не является исчерпывающим и умалчивает о главном: о переживании объективных элементов права. Автор отстаивает последовательно релятивизм в понимании права и осуществляет личный субъективизм в понима-

нии опыта; в результате этого правосознание превращается у него в эмоциональное воображение о праве; смысл и ценность как самостоятельные предметы не рассматриваются вовсе, и дефекты личного правового и философского опыта получают принципиально-теоретическое истолкование. Все это заставляет признать, что научное преодоление его теории необходимо для верного и творческого развития русского правосознания”.

Ильин различал естественное и положительное право, доказывая, что второе, “по своему существу, остается всегда “видеоизменением” естественного права”. Развитое и зрелое правосознание признает — и соблюдает впредь до отмены — даже несовершенно формулу положительного права как акт борьбы за возобладание естественного права. И впечатляющий “образ Сократа, приемлющего неправый приговор афинских судей и спокойно выпивающего яд во имя торжества неправого права, — останется навсегда глубочайшим призывом к преодолению положительного правопорядка во имя естественного”.

Поставив вопрос о здоровом правосознании, Ильин указывал, что дело тут не только в сознании как таковом. Поскольку право имеет духовный смысл, “в правосознании участвует не только “знание” и “мышление”, но и воображение, и воля, и чувство, и вся человеческая душа”. Правосознание коренится в определенном соотношении инстинкта и духа. “Правосознание есть особого рода инстинктивное правочувствие, в котором человек утверждает свою собственную духовность и признает духовность других людей; отсюда и основные аксиомы правосознания: чувство собственного духовного достоинства, способность к самообязыванию и самоуправлению и взаимное уважение и доверие людей друг к другу. Эти аксиомы учат человека самостоянию, свободе, совместимости, взаимности и солидарности. И прежде всего, и больше всего — духовной воле”. И поскольку “правосознание есть инстинктивная воля к духу, к справедливости и ко всяческому добру”, естественно, что “живой корень его надо искать в религиозном чувстве и в совести”. Ильин подытоживал свой анализ здорового, нормального правосознания в формуле: “Нормальное правосознание есть воля к праву, проистекающая из воли к духу”.

С вопросом о праве и правосознании теснейшим образом связан вопрос о государстве. Государственный образ мыслей, государственное правосознание есть разновидность общего правосознания. Бытие государства имеет не только материально-телесный характер, но и духовно-душевный. “Ибо государство есть организованное единение духовно-солидарных людей, понимающих мыслью свою духовную солидарность, приемлющих ее патриотическою любовью и поддерживающих ее самоотверженною волею”. Государство есть явление “не столько “полезное”, но духовно-правое и духовно-необходимое”, служащее высшей ценности. “Высшая цель и единое и неизменное задание государства состоит в ограждении и организации духовной жизни людей, принадлежащих к данному политическому союзу”. Быть гражданином данного государства значит принять и осуществлять, помимо своих личных интересов и целей, еще одну единую цель и один, общий всем гражданам интерес. Политическая деятельность граждан должна определяться их солидарностью, на которой и держится государство. Политика и патриотизм неразлучны; “государство есть положительно-правовая форма Родины; а Отечество составляет истинное содержание политики”.

Только при взгляде на государство как на разновидность единения и творческого сотрудничества, а не классовой вражды, войны и разброда можно достигнуть того политического единения, которое “превращает государство в живую систему братства и примиряет его с учением Христа о любви”. Ибо глубоко заблуждается не только тот, кто сводит государство к насилию, мечу и страху, но и тот, кто превращает учение Христа в анархизм, непротивление и сентиментальное ханжество. “Упуская из вида, с одной стороны, духовное назначение и идеальную сущность государства, с другой стороны, задачу творческого преобразования жизни, возложенную на последователей Христа, — эти теории видят противоположность там, где ее нет”. Правильно понятые и осуществленные право, государство, правосознание и политика не только не враждебны божественно-правовой воле, но и прямо служат свободе и братству, глубочайше истолкованному Христом и лишь беспомощно провозглашенному Французской революцией. Вот почему “истинный политик имеет все основания признавать себя, — по цели и по духу, — христианином: ибо “кесарево” и “Божие” образуют в нормальном правосознании живое единство”.

По своей основной идее государство, считал Ильин, есть “духовный союз людей, обладающих зрелым правосознанием и властью утверждающих естественное право в братском, солидарном сотрудничестве”. В идеале государство должно было бы свестись к самоуправлению народа. Но в силу человеческого несовершенства история полна примеров больших и меньших расхождений между идеей государства и его реальным обликом. Если исходить из двух видов юридических лиц, которые знает современная наука права, — корпорации и учреждения, то можно сказать, что в действительности проблема сводится к тому, что по своей идее государство есть корпорация, в то время как в действительности оно является учреждением.

В отличие от корпорации, “учреждение слагается обычно не по принципу солидарности заинтересованных, а по принципу опеки над ними; единство не включает в себя множества, но противопоставляет себя ему; одинаковое не восходит к общности; сознание, признание, полномочная воля и действие заинтересованных не слагают правового бытия и правового акта учреждения, но остаются индифферентными и могут отсутствовать”. Исторически же государство совмещает в себе черты учреждения с чертами корпорации, а то и функционирует просто как учреждение. Задача состоит в том, чтобы государство становилось похожим более на корпорацию: государственный строй будет “тем совершеннее, чем выше и сильнее будет уровень правосознания в стране и, соответственно, чем сильнее будет преобладание корпоративного духа над духом опекающего учреждения”.

Проблема правильной организации государственной власти в том и состоит, чтобы найти наилучшую для данного исторического момента комбинацию из “солидарного самоуправления и властвующей опеки”. Для этого необходимо, чтобы власть всегда принадлежала лучшим людям. Это соответствует и той аксиоме, которая остается непоколебимой со времен Конфуция, Гераклита и Аристотеля: государство аристократично и по своей цели, и по своему существу. Самый критерий, по которому к власти выделяются лучшие граждане, “не условен, не относителен и не спорен: это есть способность к бескорыстному служению духу и способность к социальной организации братства: первая составляет этический ценз, вторая — политический ценз аристократии”. Это и

есть, конечно, аристократия воли и правосознания, а не происхождения или богатства, то есть речь идет не о сословном, имущественном, профессиональном или вероисповедном цензе, а о цензе духовном. Поскольку соблюдение аристократического характера государственной власти есть главнейшее условие, "переход от режима государственной опеки к режиму государственного самоуправления имеет смысл лишь постольку, поскольку он не нарушает этого основного условия".

Итоговая формула Ильина по вопросу о соотношении корпорации и учреждения применительно к государству такова: "Исторически государство может быть описано так: по форме — это есть публичное учреждение, медленно приближающееся к корпорации; по духу — это есть самоуправляющаяся корпорация, медленно втягивающая в себя широкие круги и народные массы. Политическая мудрость состоит в том, чтобы поддерживать режим опеки только в меру действительной необходимости и в то же время энергично работать над преодолением политической неспособности масс; или, иначе: воспитывать в массах дух корпоративного самоуправления и закреплять этот дух соответствующей государственной формой". Но правильный путь вовлечения широких масс народа в государственную власть всегда именно такой: сперва через воспитание правосознания, потом — через политическое действие.

Много внимания в своей православно-органической концепции государства Ильин уделял проблемам форм государства. Нужно сразу подчеркнуть, что понятие формы государства по своему содержанию у него не совпадает с той трактовкой, которая дана в нынешнем курсе теории государства и права. У Ильина это понятие, скорее, сущностная характеристика, отвечающая на два вопроса: а) какая форма эмпирически наиболее целесообразна и б) какая форма наиболее совершенна. Ильин утверждает, что единой формы государства, наиболее целесообразной, для всех времен и всех народов в природе не существует. Что же касается наиболее совершенной формы, то ею будет та форма, которая полнее всего соответствует трем названным выше аксиомам правосознания. Это требование можно выразить и иначе: "...наиболее совершенна та политическая форма, которая воспринимает в себя дух христианства и пропитывает ритм политического единения — началами любви, уважения и доверия, началами духовного самоутверждения, бытового-земного самоотвержения и героизма".

Форма государства не есть реализация на практике чисто юридической конструкции, она не учреждается общим сознательно-волевым решением, но вырастает в конкретном единстве "этноса и ландшафта" с иррационально-исторически становящимся правосознанием нации. Очертания государственной формы весьма конкретно привязаны к "земле и крови". Правосознание нации, рассматриваемое не на уровне рассудочно принятых мнений интеллигентного меньшинства (среди этих мнений наименее симптоматичны наиболее поверхностные), но на уровне бессознательных предпочтений, связанных с национальным темпераментом и наследственно-историческим созерцанием идей власти, справедливости и т.п.

Историческое становление и воспитание народов располагает к принятию тех или иных начал устройства верховной власти. Запад, воспитанный на индивидуализме, уважении личных прав, и в том числе права собственности, и рассудочном миропонимании облегчил торжество демократии и "верховенства закона".

Для русского правосознания с душевно-конкретным пониманием справедливости, склонностью к анархии, слабой индивидуализацией и в то же время с персонализированным восприятием власти в исторической перспективе (не только цари, но и вожди, и генсеки, а теперь и президенты) выход на подлинную демократию весьма проблематичен.

Понятия формы государства у Ильина ближе к понятию “политический режим”, признанный в нашей теории государства и права как один из ее элементов. И действительно, в незаконченной книге “О монархии”, опубликованной знатоком творческого наследия Ильина Н.П. Полторацким в 1978 году, речь идет прежде всего о двух типичных формах государства — монархии и республике и свойствах правосознания, типичных для каждого вида. Одновременно Ильин отмечает беспомощность современного ему правоведения в решении вопросов о монархии и республике. Писаных конституций или исторической регистрации внешних политических событий совершенно недостаточно для определения существа монархии. Это существо нельзя свести к таким чисто формальным признакам, как наследственность, бессрочность и пожизненность, а также неотвеченность единоличного главы государства. Единственный верный критерий, позволяющий отличить монархию от республики, — это наличие или отсутствие у главы государства и у его подданных соответствующего — монархического — уклада души или правосознания.

Монархическое правосознание противостоит республиканскому правосознанию как в целом, так и в отдельных своих составных элементах. По словам Ильина, характерному для республиканского правосознания растворению личного начала и власти в коллективе противостоит олицетворение власти государства и народа в монархе; культу уравнивания и равенства — культ верного и справедливого ранга; утилитарно-рассудочному восприятию верховной власти — ее религиозно-мистическое созерцание; взгляду на человеческое изволение как на стоящее выше судьбы и природы — принятие судьбы и природы как ведомых Провидением; восприятию государства как свободного равного конгломерата договорившихся индивидуумов — восприятие государства как великой семьи, спаянной кровью и предками; поискам гарантий против главы государства — пафос доверия к главе государства; пафосу избрания наиболее при создавшихся условиях удобного или угодного — пафос верности; центробежности — центростремительность; тяге к дифференцированной дискретности и атомизму — тяга к интегрирующей аккумуляции; культу независимости — культ чести; культу личного успеха и карьеры — заслуги служения; стихии конкуренции — стихия солидарности; механическому восприятию государственности — ее органическое восприятие; культу новаторства — культ традиции; притязательности политической силы суждения — ее аскеза; личному согласию, инициативе, добровольчеству — культ дисциплины, армия; автономии, отвержению авторитетов — утверждение авторитета; пафосу договора, договорности — пафос закона, законности; координации, выборам — субординация, назначение; восприятию государства как корпорации — восприятие государства как учреждения.

И в монархическом, и в республиканском укладе души или правосознании есть, считал Ильин, свои опасности. Но коренной недостаток республиканской формы власти заключается в том, что она исходит из пафоса отрицания вечных и последних религиозно-органических основ народного правосозна-

ния. Что же касается положительных сторон обеих форм, то в то время как республиканцы отвергают все преимущества монархического строя души, в монархический уклад души, когда он находится на должной высоте, вполне могут вестись и все достоинства республиканизма, в том числе и любовь к свободе.

В конце лекции остановлюсь на знаменитой полемике Ильина с анархо-христианской концепцией ненасилия Л. Толстого в книге "О сопротивлении злу силою", вызвавшей широкий резонанс в юриспруденции России.

Ильин подверг уничтожающей критике толстовское учение о добре и зле с его призывом к непротавлению злу насилием, ведущим к отказу от борьбы со злом. Он отмежеввался одновременно и от Лютера, и от иезуитских соблазнов. Этим трем учениям противопоставлено то решение вопроса, которое содержалось в древнем духе Православия: сопротивляться злу надо всегда любовью — во-первых, религиозным и нравственным самосовершенствованием, духовным воспитанием других — во-вторых, и, в-третьих, когда все другие способы противостояния злу оказываются недействительными, неприменимыми или исчерпанными, — силой и мечом. Положительное решение этой труднейшей для христианского правосознания проблемы ("Смеет ли человек, стремящийся к нравственному совершенству, сопротивляться злу силою и мечом? Смеет ли человек, приемлющий Бога, его мироздание и свое место в мире, не сопротивляться злу силою и, когда необходимо, то и мечом?") достигается у Ильина путем различения между такими актами, как "принуждение", "понуждение" и "насилие" (и как применение силы, и как насилие), и путем противопоставления таких понятий, как "неправедность" и "грех".

Вопреки толстовскому учению государственность, меч и сопротивление злодеям силою (вплоть до применения смертной казни) приемлемы для сознания православного христианства. Но надо при этом помнить, что речь идет именно об обосновании меча, а не о его "оправдании", или "освящении", или "свято-сти". Такое обоснование дано в апостольских Посланиях и в последующей святоотеческой литературе, а также в писаниях великих русских святителей прошлого. Мера применимости меча и смертная казнь для злодея тут вовсе не оправданны, освящены, святы или священны, а именно допущены как необходимость, то есть не воспрещены, и не отвергнуты, и не прокляты и должны быть приняты христианским правосознанием во всех случаях, когда применение силы — физическое воздействие оказывается единственным действенным средством. Применение в этих условиях меча или казни не есть грех, и, поступая так, применяющий силу будет неправеден, но прав. Поскольку, однако, человекоубиение всегда остается делом неправедным, государственная необходимость, требующая применения этого крайнего средства, есть трагедия. Эта необходимость требует определенного духовного компромисса, что в свою очередь возлагает на правителя и на воина обязанность прибегать к покаянному самоочищению.

Выясняя необходимость и пределы государства и его функций, Ильин должен был считаться не только с антицерковным толстовским отрицанием государства, но и с той оппозицией к государству, которая проявлялась в некоторых религиозных кругах. Эта оппозиция так же неправильна, как и обратное явление — смешение государства с церковью. Нельзя смешивать и отождествлять государство и церковь, но нельзя и отрицать государство во имя церкви. Здоро-

вый религиозно-церковный дух не осуждает, но осмысливает и освящает путь кесаря. Правильное соотношение церкви и государства было найдено древним русским православием. Оно состоит в разделении сфер государства и церкви при органическом согласовании их целей и их усилий; в обоюдной независимости их организаций "при духовном руководстве и содействии церкви и лояльном невмешательстве ее в дела земные".

Таким образом, принципиальное отношение Ильина к государству и его многообразным функциям неоднозначно: он видит одновременно и опасности государства, и его совершенную необходимость и обоснованность. Об этом он писал, в частности, в своем ответе Бердяеву по поводу споров, возникших вокруг книги "О сопротивлении злу силою": "Если отрицать государственное дело — нелепо, вредно и фальшиво, то переоценивать государственное дело — недопустимо, опасно и губительно. Дело государства является, по моему убеждению, в полном смысле слова второочередным, предварительно-отрицательным, не абсолютным, не праведным; и все же необходимым, ответственным и могущественным делом. Исследованию этой необходимости и пределов этой мощи и посвящена моя книга".

Основную заповедь христианства, подчеркнем еще раз, — любить врагов и прощать обиды — Ильин трактует в том смысле, что Христос имел в виду личных врагов самого человека и личные обиды. Он согласен с тем, что обиженный может и должен простить свою обиду, и такое прощение считает первым условием борьбы со злом. Однако человек не имеет права "подставлять нападающему злодею и чужую щеку". Никто не имеет права прощать обиду, нанесенную другому, или злодейство, попирающее божеские и человеческие законы.

Такое отношение к библейской заповеди всепрощения, на наш взгляд, прямо перекликается с вопросом, на который искал ответ Достоевский в романе "Братья Карамазовы": "Не хочу я, наконец, чтобы мать обнималась с мучителем, растерзавшим ее сына псами! Не смеет она прощать ему! Если хочет, пусть простит за себя, пусть простит мучителю материнское безмерное страдание свое, но страдания своего растерзанного ребенка она не имеет права простить, не смеет простить мучителя, хотя бы сам ребенок простил их ему".

В своей концепции средств борьбы со злом Ильин внес вклад в дальнейшее развитие одной из "проклятых" проблем русской юриспруденции, особенно остро поднятых Достоевским. Для Достоевского вопрос о допустимости силы в борьбе со злом, о возможности совмещения силы и нравственного закона оказался принципиально неразрешим. Свои внутренние искания и духовные противоречия он отразил в споре Ивана и Алеши Карамазовых. Вся сложность и трагичность этой проблемы воплощены в рассказе Ивана о мальчике, затравленном собаками. Достоевский отразил здесь невозможность праведного исхода из этой ситуации, когда даже Алеша Карамазов, принимая христианские заповеди всей своей душой и жизнью, предлагает расстрелять генерала, виновного в смерти мальчика.

Достоевский не видел справедливого выхода из этой ситуации. Ильин предложил такой выход: применение силы в борьбе со злом юридически несовершенно, но практически оправданно. Однако и он постиг всю сущность этой жизненной трагедии: она состоит в том, что из подобной ситуации нет идеального исхода. Ильин формулирует эту антиномию как великое столкновение между духовным призванием человека и его несовершенством. Сталкиваясь постоянно в

своей реальной жизни с буйством зла, человек имеет только два исхода: либо малодушное безразличие, либо принятие меча во имя Божьего дела борьбы со злом и торжества справедливости. Так Ильин пошел дальше Достоевского, предложив практический выход из этой трагической антиномии.

ЛЕКЦИЯ 4. И.Л. Солоневич

Имя Ивана Лукьяновича Солоневича (1891—1953) — одно из наиболее оригинальных в русской зарубежной юриспруденции. Его книга “Народная монархия”, переизданная теперь и в современной России, заставила многих без социалистического и либерального тумана посмотреть на теорию русской государственности, на монархию как выстраданный народом юридический принцип России. Родился он в крестьянской семье. Учился в гродненской гимназии, затем на юридическом факультете Петроградского университета.

Революцию и советскую власть не принял, даже активно боролся с ними, бежав из красного Петрограда на белый юг в Киев, где участвовал в борьбе с большевизмом. Крах Белого движения застал его в Одессе, тиф помешал эмигрировать с армией Врангеля.

Солоневич скрывал свое белое прошлое в советской России. Как спортсмен-профессионал он вошел в физкультурное движение, занял в нем видное положение товарища Всесоюзного бюро физической культуры в Москве. Это позволило ему много разъезжать по стране, видеть очевидное, участвуя в организации спортивных состязаний, используя удостоверение журналиста газеты “Труд”. Увиденная наяву жизнь трудящихся укрепила его народномонархическое правосознание, рассеяла туман официальной пропаганды строительства “коммунистического рая” в СССР, где на самом деле, по его мнению, быстрыми темпами шло второе издание “крепостного права” в виде “террористического режима социализма — всякого социализма в действии, не встретившего предполагавшихся коллективистских инстинктов человечества”.

Не имея возможности работать на ту Россию, о которой мечтал, Солоневич бежит за рубеж. В 1933 году он с младшим братом Борисом и сыном Юрием попытался нелегально перейти советскую границу, но их выдали: в поезде скрутили агентами, осудили на 8 лет и отправили на строительство Беломорканала. Претерпев всевозможные страдания исправительных лагерей, пройдя Соловки и Свирский лагерь, Солоневичи смогли бежать из последнего в июне 1934 года.

Интересна фабула побега. Иван Лукьянович предложил лагерному руководству организовать всесоюзную олимпиаду ИТУ с привлечением западных журналистов для показа всему миру успехов лагерной педагогики. Начальство “клюнуло” на эту уловку. Он получил право свободно передвигаться по территории лагеря и накапливать припасы. Вскоре план был осуществлен. 14 августа Иван Солоневич с сыном Юрием удачно переходят границу. Брат Борис делает это двумя днями раньше.

Попав в Финляндии в фильтрационный лагерь, Солоневич, взяв взаймы карандаш и бумагу, начал описывать все то, что пережил в СССР. Из этих записок затем составила его первая книга “Россия в концлагере” (1935), принесшая автору известность и финансовую независимость.

После недолгого пребывания в Финляндии Солоневич с сыном переехал в Софию. Переезду способствовал лидер эмигрантского движения во Франции П.Н. Милуков, который надеялся увидеть в нем ученика и соратника. Казалось бы, Милуков и Солоневич должны объединиться в борьбе против Советов. У первого огромный политический опыт и материальные возможности, у второго литературный дар, знание советской действительности, энергия, сила. Однако очень скоро выяснилось, что их позиции принципиально расходятся. Солоневич был убежден, что “во всех бедах России виноваты представители старых правящих классов и либеральной интеллигенции. Они с середины XIX века начали расшатывать государственный строй, нравственно разлагать народ...” Разумеется, подобные взгляды лидеру кадетов импонировать никак не могли.

В Софии Солоневич начал издавать газету “Голос России”. Вместе с братом Борисом он создает “Движение штабс-капитанов”, которое вошло в левое крыло монархических довоенных эмигрантских организаций. Это не осталось незамеченным чекистами из ГПУ. На Ивана Лукьяновича было совершено три покушения, одно из которых закончилось гибелью его жены. Поэтому он перед началом Второй мировой войны вынужден был переехать в Германию.

Подготовка к нашествию на Советский Союз там велась совершенно открыто. Идеологи Третьего рейха убеждали немцев, что победить Россию будет просто, что русские — народ с мятущейся кочевой душой, неспособный самостоятельно построить и отстоять государственность. Фашисты шли на Россию с лозунгом “Заменяем три миллиона евреев тремя миллионами немцев”. Здравомыслящие граждане Германии, особенно ветераны Первой мировой, по словам Солоневича, “буквально лезли на все стены Восточного министерства и заваливали правительство меморандумами — и индивидуальными, и коллективными: только, ради Бога, не делайте этого, не пытайтесь завоевать Россию”. Солоневич много спорил с германскими экспертами по русским делам. Он доказывал, что русский народ вовсе не таков, каким его описывают Розенберг, товарищ Горький и наша классическая литература вообще, что русская действительность вовсе не сплошные “унылые тараканы странствия” и что процент Платонов Каратаевых среди русского народа совсем невелик. Все было тщетно. Его били как хотели — цитатами, статистикой, литературой и философией. Ему говорили: “Существует дилемма: или вы лжете, или вся русская литература набита вздором”. Солоневич мог ответить только одно: “Подождем до конца войны”.

В организованной им “Нашей газете”, утопический пафос которой — надежда на то, что немцы помогут спасти Россию от коммунистов, был опубликован меморандум на имя Гитлера “Нашим друзьям”, где предпринята разработка основных положений Белой идеи в преломлении к условиям постсоветской России и с учетом фашистского опыта. Из-за пацифистской линии, идущей вразрез с официальной идеологией рейха, в 1941 году “Нашу газету” закрывают, Солоневича арестовывают. Два месяца он проводит в берлинской тюрьме, а затем до окончания войны живет под присмотром гестапо в провинции. Так что победу России Солоневич воспринял и как свою личную.

На этом, однако, мытарства его не закончились: он оказывается в английской оккупационной зоне, в лагере для перемещенных лиц, режим которого язвительно квалифицирует как “единственный случай построения социализма без соответству-

ющей надстройки", на основе кулачного права военной администрации. Там была написана злая и остроумная книга "Диктатура импотентов" (1948), где порядки в зоне и социалистические порядки в России расценены как одинаково бюрократические, а "корень революций 1917 года" усматривается в нарушении чисто русской линии монархии, династической преемственности, в чем обвиняются Петр I и дворянство, создавшие вместо народной монархии сословную.

Вырвавшись из "английского оккупационного социализма", Солоневич в 1948 году едет в Болгарию, издает там газету "Наша страна", а затем, передумав возвращаться на Родину, хотя такое заветное желание носил в сердце, переселяется в далекую Аргентину, где в 1953 году скоропостижно умирает, успев выпустить там свою основную научную работу "Народная монархия" (первоначально "Белая империя") (1954).

Солоневич всю жизнь был гоним. Почему? Ответив на этот вопрос, можно почувствовать и осознать всю мощь его личности. Ответ прост. Потому, что он был очень русским, этот Солоневич. Любил он мужика и уважал его. Оберегал как мог в разные периоды своей жизни и штыком, и пером от всего сонмища врагов и злопыхателей, доморощенных и иных, ибо, защищая крестьянина, он защищал Россию.

"Народная монархия" произвела огромное впечатление на западного читателя, так как ему никогда еще не приходилось сталкиваться со столь открытым выражением русскости, как в этой книге. Речь здесь идет о разном восприятии жизни у разных народов.

И тем не менее, оставаясь противником большевизма, Иван Солоневич был неудобен и чужд большинству лидеров белоэмигрантского движения 30—50-х годов. Его неудобство для потенциальных соратников заключалось во взглядах на прошлое, настоящее и будущее России, в нежелании считаться с какими бы то ни было авторитетами, в твердости и непреклонности убеждений. В чем его только ни обвиняли. В клевете на русскую интеллигенцию, на прошлое России, на советскую власть. Солоневич отвечал остроумно, язвительно, резко; подобно мужику-монархисту ненавидел пустую болтовню и заузное теоретизирование. Он спорил, опираясь на самые простые факты, и крыть его противникам было нечем. Связываться с ним было опасно, поэтому о нем предпочитали просто молчать.

И все же часть эмиграции пошла за Солоневичем. Он создал "Народно-имперское движение" — организацию, которая существует и активно действует за рубежом и по сей день. В России же после публикации трудов Солоневича и политических тезисов этого движения в начале 90-х годов его единомышленниками стали представители правого (национального) крыла народно-патриотических сил, преследующего левые цели — защиту свободы и интересов трудового русского народа.

В "Народной монархии" Солоневич выступает как теоретик монархизма, продолжая линии Л.А. Тихомирова и своего современника И.А. Ильина. "Только для России" — такими словами начинает он свою книгу и ставит перед собой три задачи: 1) установить факты; 2) поставить на основании этих фактов диагноз; 3) предложить программу национального возрождения Отечества. "Всякая разумная программа, предлагаемая данному народу, должна иметь в виду данный народ, а не абстрактного человека, наделенного теми свойствами, которым угодно будет наделить его авторам данной программы".

Солоневич отвергает порочную русскую политико-правовую науку, заявляя, что ее мысль “шатается из стороны в сторону, как никакая иная ‘общественная мысль в мире, — от утопических идей второго крепостного права (советская власть) до столь же утопических пережитков первого”. При этом “правые” отождествляют интересы России со своими собственными, а “левые” видят в тысячелетней истории сплошные заблуждения, исправить которые они стремятся, апеллируя к немецкой, французской или английской юриспруденции. Установление же реальных фактов вызывает одинаковое отвращение и у тех, и у других.

Первая часть “Народной монархии” называется “Основные положения”, в центре ее вопрос “что есть империя?” “Каждый народ мира стремится создать свою культуру, свою государственность и, наконец, свою империю. Если он этого не делает, то не потому, что не хочет, а потому, что не может”. Оценивать способность народа к имперской стройке с точки зрения теоретико-правовой бессмысленно. С этой точки зрения можно оценить только методы стройки и ее результаты.

Солоневич считает не подлежащим сомнению фактом, что империя оказывается тем крепче, чем удобнее чувствуют себя в ней все населяющие ее народы. Сегодняшний возраст Российской империи примерно одиннадцать веков, и она продолжает существовать, хотя и больна коммунизмом. Но коммунизм — это не дряхлость. Важным фактором государственного строительства и жизнеустройства является индивидуальность народа, поэтому необходимо идти своим, отличным от других путем. “Тем более, что русская национальность, государственность и культура с чрезвычайной степенью резкости отражают индивидуальные особенности русского народа, принципиально отличные от индивидуальных особенностей и Европы, и Азии”.

Своеобразие русской идеи состоит в том, что она всегда перерастала “племенные”, т. е. этнические, рамки, и в конечном счете она стала сверхнациональной идеей. Поэтому наша держава всегда руководствовалась идеей сверхнациональной государственности, однако при том условии, что именно эта идея являлась “определяющей доминантой всего государственного строительства России”. Важнейшим отличием русской нации является то, что построенное ею государство было одинаково удобно или неудобно для всех народов, населяющих это государство.

Доказывает свой тезис Солоневич путем сравнения истории России с историей других стран. “Нашего национального Я мы не можем понять без сравнения его с иными национальными индивидуальностями”. Вот как трактует Солоневич почти протокольным языком некоторые из “индивидуальностей” — “оставшиеся мировые стройки” империй.

Эллада. Иноплеменники — это варвары, метеки, периеки и илоты — неравноправные гости или побежденные туземцы.

Рим. Граждане Рима, разделенные на две категории, — патриции и плебс, “союзники” самых различных категорий и побежденное население колоний.

Германцы. Завоеванные народы в процессе колонизации превращались в рабов, их земли передавались завоевателям.

Великобритания. Вооруженное или невооруженное ограбление всего, что плохо лежит.

Франция. Полная неспособность к какой-либо колонизационной деятельности, потеря почти всех колоний, предельно выраженный национальный шовинизм.

Испания. Почти полное истребление побежденных народов и полный распад империи.

С последним, однако, трудно согласиться. Англичане свирепствовали ничуть не меньше испанцев. Но дух католицизма, в отличие от протестантизма, позволил вести широкую ассимиляционную политику, результатом которой было возникновение новых наций со смешанной кровью. Этого не произошло в Северной Америке, где “богоизбранные” белые протестанты посчитали для себя невозможным смешение с туземцами и неграми. Туземцев почти не осталось.

Вывод: все стройки мировых империй — в Европе и вне Европы — окончились крахом.

Наконец, Россия. Никаких следов эксплуатации национальных меньшинств в пользу русского народа. Миф о ней как о “тюрьме народов” насквозь ложен, не учитывает уникальности Российской империи, где на протяжении веков мирно сосуществовали сотни этнических и расовых групп, ни одна из которых не была уничтожена, как это случилось, например, с индейцами в США. Те, кто использует термин “империя” применительно к России в бранном смысле, не понимают существа дела, ибо в России отсутствовали эксплуатация и порабощение других народов.

Русская государственность развивалась органически, “своим собственным путем”, отражая индивидуальные особенности народа России, принципиально отличные от тех, которые характерны для населения других стран. “В отличие от Рима и Лондона, которые богатели за счет ограбления своих колоний, центр русской государственности оказался беднее своих колоний. Но оказался и крепче.

Мы не знали ни инквизиции, ни рабства, ни религиозных войн в державном строительстве. На территории Российской империи “были прекращены всякие междунациональные войны, и все народы страны могли жить и работать в любом ее конце”. Мирному сожительству различных народов под единой крышей в процессе непрерывного территориального и географического расширения способствовал “детски простой секрет” — умение уживаться с людьми, которое Солоневич (а до него Достоевский) называл “всемирной отзывчивостью”, психологической доминантой русского человека как народа — строителя империи от Бога.

Эту категорию он берет за основу для понимания происхождения и сущности Русского государства, не соглашаясь в то же время с идущей от учения Монтескье популярной среди либералов теорией факторов, влияющих на “дух народа”. “Факторы, образующие нацию и ее особый национальный склад характера, нам совершенно неизвестны, — утверждает Солоневич, — но факт существования национальных особенностей не может подлежать никакому добросовестному сомнению”. “Дух народа” — это его основные этнопсихологические черты, данные раз и навсегда, скорее всего, Богом в момент рождения данного народа. Ни география, ни климат, ни религия, ни другие факторы, как утверждал Монтескье, не играют решающей роли в процессе формирования той или иной нации при ее государственном делании. “Географические и климатические условия могут помогать строительству, как они помогали Риму, могут мешать строитель-

ву, как они мешают нам. Но эти условия не могут ничего создать и не могут ничему помешать. Из всех культурных стран мира Россия находится в наихудших географических и климатических условиях — и это не помешало стройке империи. Из европейских стран Франция находилась в самых лучших условиях, и у нее не вышло ничего”.

Характеризуя русский дух, Солоневич много внимания уделяет нашей литературе и тем образам “загадочной русской души”, которые в ней представлены. Это не что иное, считает он, как “кривые зеркала”, не сумевшие отразить ни русской почвы, ни русской культуры, ни русского характера. Последний нельзя понять посредством художественного вымысла гениальных мыслителей, а нужно изучать на основе реальных фактов отечественной истории. “Не обломовы, а дежневы, не плюшкины, а минины, не колупаевы, а строгановы, не “непротивление злу”, а суворовы, не “анархические наклонности русского народа”, а его глубочайший и широчайший во всей истории человечества государственный инстинкт”.

Вся пангерманистская, а по сути, европоцентристская концепция завоевания России целиком базируется на произведениях русской литературной классики. Основные идеи партайгеноссе Альфреда Розенберга почти буквально списаны с партийного товарища Максима Горького. Достоевский был “обсосан” весь, толстовское непротивленчество просеяно до последней песчинки. А потом, заключает Солоневич, получилась форменная ерунда: “Унылые тараканьи странствования”, которые мы называем русской историей (формулировка Горького), каким-то непонятным образом кончились в Берлине и на Эльбе... каратаевы взялись за дубье, а обломовы прошли три тысячи верст на Запад”.

Русскую душу, поясняет далее Солоневич, никто не изучал по ее конкретным делам. Ее лепили по “образам русской литературы” — по онегиным, обломовым, маниловым, рудинным. Не случайно в первые годы Второй мировой войны немцы старательно переводили Зоценко: вот вам, посмотрите, какие наследники родились у “лишних” и “босых” людей! Сатира Зоценко в этом смысле “есть не сатира, не карикатура и даже не совсем анекдот: это просто издевательство”.

Наши писатели подарили миру ряд выразительных образов, среди которых “лишние” и “бедные” люди, “идиоты”, “босыки”, “подпольные парадоксалисты” и “кающиеся дворяне”. Они отразили “много слабостей России и не отразили ни одной из ее сильных сторон: ни военной мощи, ни наших организационных талантов, ни наших беспримерных в истории человечества воли, настойчивости и упорства — ничего этого наша литература не заметила”.

Солоневич решил своими силами восполнить этот пробел, на базе конкретных фактов описать державный инстинкт русского народа и созидание им своей государственности. Так, Киевская Русь становится империей практически с момента своего рождения, со времен князя Олега. Основной ее чертой, соответствующей русскому духу, было умение уживаться с другими народами. В результате возникло содружество древлян, полян, тюрков, берендеев, варягов, финнов. Но эти организационные принципы были подвергнуты ревизиям на западноевропейский феодальный лад в эпоху Ярослава Мудрого. Отсутствие впоследствии крепкой центральной власти дало возможность татарам разгромить раздробленные русские княжества.

Подъем национального правосознания начинается на севере — сначала на базе Владимиро-Суздальской Руси, а затем в процессе возникновения Московского государства. В результате татары частично были разбиты, частично ассимилированы. Вновь начинает формироваться империя. Московское государство все дальше выдвигает вооруженные поселения — засеки.

Постоянные нашествия то с запада, то с востока делают жизнь чрезвычайно тяжелой. Каждый человек должен нести тяжкое бремя государственных повинностей. Именно с этим связывается прикрепление крестьян к земле. При этом, подчеркивает Солоневич, правительство заставляло крестьян ориентироваться на перспективу, вести интенсивное, а не экстенсивное хозяйство. Крестьяне оставались полноправными гражданами и с течением времени все больше и больше участвовали в управлении государством. Боярство, то есть вотчинники, постепенно подавлялось и заменялось дворянством — служилыми людьми, не являвшимися владельцами земли.

Воспользовавшись внешними и внутренними, в том числе династическими, неурядицами, боярство и некоторая часть дворянства сначала выдвигает “выборного” царя Бориса Годунова, а затем предает его, разыграв карту Лжедмитрия. Цель — введение на Руси, чуждой русскому духу, польско-шляхетской модели. На помощь приглашаются польские интервенты. “Земля” восстает, возмущенная антирусской политикой властолюбцев-космополитов, тягловое крестьянство “сшибает” поляков с боярами и ставит законного “пресветлого корня Августа Цезаря” русского царя Михаила Романова. Вновь Россия сокрушает своих внешних противников. Внутриполитический расцвет знаменуется такими достижениями, как земские соборы, суд присяжных, неприкосновенность личности (законодательно закрепленная) и т. д.

Солоневич отмечает, что Россия никогда не была закрытой страной по типу Японии во время правления сёгунов (военно-феодальные правители при императорах), наоборот, она жадно впитывала культурные и технические достижения Запада, отбрасывая при этом чуждую ей западную феодальную и религиозную мысль. Европейские порядки Солоневич представляет как “кровавую кашу феодальных войн, в результате которых возникает сильнейший, навязывающий свою волю остальным”. В Европе государственные структуры были тогда запутанны, сложны, неустойчивы и требовали рецепции римского права с его формализмом и бессовестностью закона.

Русское государство тем временем ширится, растет и крепнет. И это весьма относительное, впрочем, благоденствие продолжается до эпохи Петра. Через всю историю Киева и Москвы красной нитью проходит некая доминанта, определяющая национальный характер как мощный государственный инстинкт, который действует не путем разрушения чуждых национальных традиций, а путем постепенной ассимиляции и создания содружества народов.

Петровские реформы видятся Солоневичу как ужасающая ломка русской традиции (неписаной конституции) и соответствующих ей учреждений. Правление Петра пришлось на тот момент, когда Россия меняла оборонительную политику на наступательную. В то же время это был период очередного внутреннего кризиса. Пошатнулось православие, элита вновь потянулась к Западу. У России был выбор между Софьей Алексеевной с повторением семибоярщины, Булавиным с его “новыми ворами” и очень плохим, но все же законным царем — Петром. И Россия выбрала Петра. Итоги его царствования были вполне рево-

людионными, хотя современникам оно казалось лишь рядом нарастающих безобразий и неудач. Был нанесен тяжелейший удар по православной церкви, разрушено просвещение, здравоохранение, достаточно гуманное и передовое законодательство заменено значительно более жестким и косным западным. Правлению Петра сопутствовала почти непрерывная череда военных неудач, закончившаяся бесславным Прусским походом. И, наконец, главное — Петр “подарил” нам крепостное право, разрушил земское самоуправление, отдал землю в собственность дворянству и тем самым поставил между царем и народом слой бездельничающей аристократии, говорившей на каком угодно, но только не на русском языке.

Последующие годы сусального блеска Российской империи, вплоть до правления Павла I, Солоневич считает самыми беспросветными годами жизни русского народа. Страной правила гвардейская казарма. Павел восстановил самодержавие. Николай Павлович сделал первые шаги к освобождению крестьян и для борьбы с поместным дворянством создал бюрократию. Реформы Александра II и Столыпина (освобождение крестьян, судебная реформа, разрушение общины как фискального органа, введение земского самоуправления) возвращали императорскую Россию к идеалу Московского царства.

Но время было упущено. Элита из национальной стала антинациональной. Заговор интеллигенции, технически оформленный русским генералитетом, буквально смел царскую власть. Западная парламентарная система, которую пытались создать некомпетентные в администрировании люди, рухнула, еще не выстроенная и наполовину. Кровавым кабаком в стране воспользовались большевики. Началась гражданская война. Белая сторона, так же как и красная, оторвалась от интересов русского народа. И никому не пришла в голову самая простая мысль: опереться на семейные, хозяйственные и национальные инстинкты этого народа, а в их политической проекции — “на царя-батюшку, на державного хозяина земли русской, на незыблемость русской национальной традиции — и не оставить от большевиков ни пуха ни пера”. Но высшее руководство белого движения в основном состояло из республиканцев, и русская народная масса воевала как против красных, так и против белых.

Изрядную долю вины за крах тысячелетней русской государственности несет национальная элита в России, которая со времен Петра I является для страны “подкинутым слоем”, чуждым народным интересам. Вместо нее имеются: 1) крепостники “польского” типа, которые считают свои собственные интересы интересами России (условно — монархическая группа); 2) революционеры различных мастей (утопическая группа) и 3) профессура, вводящая в оборот российской политической жизни хлам, подобранный со всех помоек Европы (республиканско-буржуазная группа).

Из служилой части первой (монархической) группы лишь в последнее время выделился “штабс-капитанский” элемент, к которому причисляет себя Солоневич. Этот элемент должен создать тот слой, который смог бы покончить с вековой “оторванностью интеллигенции от народа” и стать правящей и культурной элитой, выражающей национальную индивидуальность России, а не случайные находки в подстрочных примечаниях к европейской юриспруденции и не собственные сословные или классовые вождедения.

Из фактов русской истории, из анализа доминанты русского народа делается главный вывод о соответствующем наличии русской государственности: “Поли-

тической организацией русского народа, на его низах, было самоуправление, а политической организацией народа в его целом было самодержавие". Это "исключительно и типично русское явление... это не диктатура аристократии под вывеской "просвещенного абсолютизма", это не диктатура капитала, сервируемая под соусом "демократии", не диктатура бюрократии, реализуемая в форме социализма, — это диктатура совести, в данном случае православной совести". Народная, соборная монархия — "совершенно конкретное историческое явление, проверенное опытом веков и давшее поистине блестящие результаты. Это была самая совершенная форма государственного устройства, какая только известна человеческой истории. И она не была утопией, она была фактом".

Русское государство может быть только монархическим, ибо самодержавие наиболее адекватно менталитету русского народа, географическим и иным условиям России. Солоневич не желает рисовать лишь в розовом цвете и старую, и будущую монархию. Трудности будут и в народной монархии. Во все времена и у всех народов шла борьба между религиями и сословиями, классами и профессиями, группами и интересами. Это борьба будет идти и в соборной России.

Поэтому нужен человек, который стоял бы над этой борьбой, а не являлся бы ее результатом (каким является всякий диктатор) или бессильной случайностью в этой борьбе (какой является любой президент). "Нам необходима законно-наследственная, нравственно и юридически бесспорная единоличная монархическая власть, достаточно сильная и независимая, чтобы: а) стоять над интересами и борьбой партий, слоев, профессий, областей и групп; б) в решительные моменты истории страны иметь окончательно решающий голос и право самой определить наличие этого момента".

Царь нужен как олицетворение общественного равновесия, как справедливый арбитр борьбы различных групп русского общества. "При нарушении этого равновесия промышленники создадут плутократию, военные — милитаризм, духовные — клерикализм, а интеллигенция — любой "изм", какой только будет в книжной моде в данный исторический момент".

Наряду с монархом необходимо народное представительство, отражающее интересы всех слоев населения страны и всех ее народов, причем обе эти формы верховной власти одинаково необходимы. Их существование гарантирует от завоевания внешнего, от революции, то есть от завоевания внутреннего, и, наконец, от бюрократии, которая являет собой страшную опасность. Солоневич не устает повторять, что враг внутренний бесконечно опаснее врага внешнего. "Невооруженная интервенция западноевропейской философии нам обошлась дороже, чем вооруженные нашествия западноевропейских орд". Внешний враг сплачивает все национальные силы, внутренний — раскалывает их. Гарантия от бюрократии может быть достигнута только с помощью народного самоуправления.

Итак, русская монархия — это не "средостение между царем и народом", а своеобразный тип государственности, система учреждений, организующих традиции, мнения и интересы народных масс во всех формах местного, профессионального и национального самоуправления. Солоневич вспоминает старую формулу славянофилов: "Народу — сила мнения, царю — сила власти". Вспоминает и еще одну, афористичную формулировку, принадлежащую перу Вл. Соловьева, — "диктатура совести".

Царь — универсальный арбитр, "средний" человек, профессионально подготовленный для управления государством, не связанный ни с партиями или слоя-

ми, но связанный в своих решениях и действиях традицией и православной совестью. Убивать его или смещать просто бессмысленно. Уничтожение конкретного человека не останавливает действия системы учреждений. Человек выдающихся способностей, сидящий на престоле, способен серьезно помочь государственному строительству, человек неспособный может затормозить это строительство. Но влияние монарха не может изменить общую линию развития государства. Все это необходимо для решения совершенно конкретной задачи — защиты свободы, труда, инициативы и творчества каждого народа и каждого из людей каждого народа.

Солоневич считает своим долгом сказать, что такой меры личной свободы, какую имеют США или Англия, русский народ не будет иметь никогда в силу своего географического и социально-политического положения. При этом он отмечает поистине феноменальный экономический плюрализм самодержавной власти. Проведя основательный анализ экономики Российской империи, он берет на себя смелость сделать следующий вывод: "Царская Россия была самым социалистическим государством мира. Именно в России целый ряд коллективистических предприятий, начиная от казенных заводов и кончая сибирской кооперацией, опиравшейся на мелкую частную собственность, бесконечными "артелями", строившимися по принципу "трудовых коллективов", офицерской кооперацией, опиравшейся на нищенское жалование, проявили большую хозяйственную жизнеспособность, чем где бы то ни было в мире". Самодержавная власть совершенно независимо ни от Оуэна, ни от Маркса искала наилучшие способы хозяйствования и поддерживала все то, что оказывалось лучшим.

Народная монархия — не столько политическая организация, сколько духовная общность народов России на базе русского национализма как идеи, объединяющей нацию и призывающей ее к исполнению исторической миссии на земле — утверждению Божией правды в православном понимании. Поэтому в числе функций русского национального государства, возникшего после падения большевистского режима, Солоневич называет социальные и культурно-воспитательные.

В конечном счете государство русского народа будет обязано ликвидировать сословия, классы и касты, а не заниматься их примирением. И если эта программа-максимум, подчеркивает он, останется недостижимой материально-технически, то во всяком случае государство обязано будет бороться со всяким делением народа на пролетариев и буржуев, на белую и черную кость. Вместо этих понятий нужно выдвинуть принцип государевой службы, подчинения частного интереса интересу общенациональному. Это приведет к замене сословной или классовой основы государства корпоративным строением, при котором каждый занимает в нации то или иное положение "в зависимости от своих личных качеств и своей личной работы — безо всякой оглядки на родословные и на капиталы".

Важно отбирать и возвышать все ценное, талантливое и добросовестное, что имеется в любых слоях всех народов России. Юридически равновелики и русский ученый, и русский мужик, точно так же как ученый и мужик равновелики в глазах православной церкви. Поэтому неписаной конституцией государства может быть только православие, которое, по Солоневичу, не только и не столько религия большинства русского народа, сколько юридический фундамент государственного творчества. В периоды великих потрясений православ-

ная церковь неизменно стояла на страже национальных интересов России и всем своим духовным авторитетом поддерживала власть в минуты ее слабости. История свидетельствует, что сословное разложение всего русского национального строя после Петра I отразилось и на состоянии церкви. Ее традиционная роль в симфонии властей была принижена. Сильная церковь не допустила бы в России рабовладельчества, порнокрапии и цареубийств, крепостного права до и после 1917 года.

Национальному государству нужно поддержать церковь в минуту ее слабости, не допускать на территорию страны иные верования и еретические движения, униатские и прочие организации, которые при падении большевистского "барьера" сразу хлынут в Россию со своими проповедниками, литературой, деньгами и планами. Тогда вместо того, чтобы ликвидировать прежние раскол и унии, придется иметь дело с десятками новых, руководимых из-за границы, где, как известно, подчеркивает Солоневич, "особо искренних друзей России и в заводе не имеется". Мысль, как видно, провидческая, если судить по той ситуации, в которой оказалась православная жизнь после августа 1991 года, а фактически и раньше, со времен горбачевской перестройки с ее плюрализмом и духовной всеядностью, порожденными вседозволенностью, деидеологизацией и так называемой гласностью.

Не обходит Солоневич стороной и национальный вопрос, мысли о котором тоже оказались во многом пророческими. Он выступает категорически против насильственной русификации и настаивает на том, что каждый гражданин и каждая этническая группа имеют право говорить, печатать и учиться на любом выбранном ими языке. Национальное самоуправление должно существовать и вести свою работу на своем языке. Русский язык как общегосударственный должен быть обязателен для внешней политики, армии, транспорта, почты. При таких условиях ни один из населяющих нашу страну народов ни на какой сепаратизм не пойдет. Попытки же раздела России являются преступлением не только против самой России, но и против тех народов, которым удалось бы навязать отделение от их общей Родины. Удача, хотя бы и частичная, этих попыток означала бы, в частности, "ряд войн между разными петлюрами за обладание разными уездами". Кроме того, хозяйство России уже давно хозяйство специализированное, и любой "раздел" повлек бы за собой полную разруху.

О программе национал-имперского движения, созданного Солоневичем, можно говорить много, каждый ее тезис проникнут глубокой мыслью и сохраняет свою свежесть вплоть до сего дня. Если кто-то захочет глубже ознакомиться с ее тезисами, то может обратиться к журналу "Наш современник", № 12 за 1992 год, где она опубликована на 20 страницах убоистого лаконичного текста. Я же под конец прокомментирую правовые идеи Ивана Лукьяновича.

Исходя из русской традиции, он различает право и закон, подмечая, что, в отличие от западного, русский человек не верил и никогда не будет верить в устройство жизни на легистских началах. Для нас внутренние праведные начала выше формального закона. Никто, разумеется, не отрицает значения законов, но они нужны для человека, а не человек для них. Там, где нет доверия и любви друг к другу, где все считают, как в Европе, друг друга жуликами, — там необходим закон. "Тот, кто боится людей, любит законы", — вспоминает Соло-

невич слова французского юриста Вавинара. Жажда справедливости как Божьей правды, совесть русских людей — отличительная черта их правосознания и поступков.

Право — неписаная духовная конституция русских, отражающая их поиск юстиции, “вышей правды — справедливости на земле”, замешенная на христианском православии. Законы — источники права, созданные правящим слоем, несущие в себе следы бюрократического произвола полицейского государства Петра I и диктатуры большевиков после 1917 года. Поэтому нужно вместо либеральной светской концепции государства законов, выросшей на безродном масонстве, космополитизме, интернационализме, возродить концепцию православного государства, соответствующую родимой почве русского бытия.

В этой связи, считает Солоневич, коренным образом, фактически заново нужно переработать русское право в соответствии с Божьей правдой, очистить его “от влияния римского права и тех католических и схоластических элементов, которые проникли к нам вместе с французским правовым сознанием. В правопонимании надо отойти от принципов Кодекса Юстиниана и его рецепции европейским правом, вернуться к принципам Ярославовой “Русской правды”, к принципам крестьянского мира с его обычным правом, к принципам службы и тягла взамен метафизики права человека. Важно ликвидировать раздвоение в правосознании, которое некоторые современные юристы квалифицируют уничтожительно как правовой нигилизм русских, и создать правовую систему, соответствующую и доминанте правосознания, и истории нашего народа.

Нередко взгляды Солоневича расцениваются его идейными противниками как русский фашизм, но именно признание верховенства правового закона в жизни общества — один из веских аргументов против таких поверхностных оценок. Иван Лукьянович сам подчеркивает, что русскому человеку нужна твердая уверенность в дозволенном и недозволенном, нужен строгий режим законности. “Именно в этом пункте, — повторяет он, — наше движение расходится с группировками фашистского типа, недооценивающими ту жажду твердой, но законной и законно действующей власти, которая явилась неизбежным результатом и предреволюционного периода, и тем более революционного”. В возрожденной национальной России придется правовую систему строить законово, на пустом месте, ибо после Сперанского страна так и не смогла получить стабильный свод законов из-за раздвоения русского правосознания, многочисленных реформ и контрреформ, революций и контрреволюций, сопровождавших борьбу за власть в XX веке.

Не менее оригинален Солоневич в области материального и процессуального права. Закон должен быть прост, ясен и доступен пониманию среднеразумного человека. Казуистическое наследие средневекового права (“сенатские разъяснения”), противоречивая правоприменительная практика должны быть упрощены, ибо созданы они в корыстных интересах адвокатского сословия, а затем и вовсе ликвидированы. Ликвидации подлежит и адвокатское сословие вообще, но в этом вопросе Солоневич неоригинален, так как эту мысль после Французской революции, названной многими учеными “революцией адвокатов”, активно пропагандировали в европейской юстиции Сен-Симон, а затем его ученик О. Конт, сделавшие, как и наш соотечественник, в правовой системе акцент не на правах, а на обязанностях человека.

Солоневич лишь добавляет, что нельзя превращать суд в спортивное состязание между двумя крючкотворами или краснобаями. Они должны быть заменены институтом корпоративных или государственных правовых советников. Часть же гражданских и уголовных дел должна быть передана в суды присяжных, решающих их на основе не буквы, а духа законов, “моральной и национальной целесообразности”.

В уголовном праве и уголовной политике, по Солоневичу, необходимо вести реальную борьбу с преступностью, заменив формальные признаки состава преступления на органические. Нужно оценивать субъекты преступления в конечном счете с точки зрения его пригодности или непригодности для общенационального сожительства. Рецидивиста-вора нужно судить не за взлом или отсутствие взлома, а за его профессию вообще, за принадлежность к преступному обществу — мафии. Нации не нужны субъекты с десятками судимостей. Для них на русских просторах можно найти место постоянного жительства. Такое же место можно найти и для пропагандистов всяких новых революционных экспериментов, нужно им предоставить возможность прежде всего попробовать свои замыслы на самих себе — где-нибудь на Новой Земле или на острове Врангеля. В соответствии с русской традицией он выступал против смертной казни, “допуская ее лишь в случаях тяжких государственных преступлений и в особо тяжкие национальные моменты (война и смута)”.

Солоневич был уверен в том, что тяжелая болезнь коммунизма пройдет, империя возродится. Нужно будет строить новую государственность, которая обеспечит русскую правду и русское право, стабильность которой даст гарантии личной и хозяйственной безопасности, свободу в христианской версии каждому гражданину. Такой государственностью в России может быть только народная монархия. Русский народ выйдет из череды потрясений еще более могучим, чем был раньше. Так под молотом стекло дробится, а железо крепнет.

Историческое значение учения Солоневича состоит в том, что, сколько бы он ни отрекся от связей с русской мыслью, идеи его идут от славянофильской традиции. Это очевидно. Многие его идеи совсем не новы. Теоретиков монархизма на Руси было пруд пруди. Оригинальность и достоинства “Народной монархии” состоят в том, что он: 1) провел четкое разделение между монархией сословной и монархией народной и обосновал не только возможность, но и необходимость именно второй; 2) Солоневич не был дворянином или интеллигентом, желающим облагодетельствовать русский народ, он был частью этого народа и в очень многом исходил из своего огромного личного опыта, помноженного на глубокое знание истории отечественной и зарубежной юриспруденции.

Концепция народной монархии в России в XX веке может на первый взгляд показаться архаической и утопической, не уставал доказывать самобытный русский пророк, но история показывает, что это не так. Революция Мейдзи 1867 года в Японии практически осуществила этот проект — конечно, на своей национальной почве. Основной силой этой революции было японское крестьянство, руководимое императором. Ее результаты состояли в переходе земли из рук феодалов-дворян в руки крестьянских общин, во введении широкого самоуправления, в превращении дворянства в служилый слой, вынужденный продавать свою элитарную вычку государству. Императоры из бессильных марионеток стали реально значимыми символами народа и власти. Эффект этих перемен общеизвестен. Переход от сословной к народной монархии за рекордно короткие

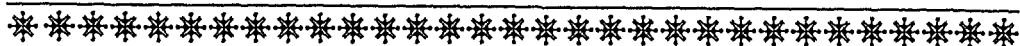
исторические сроки превратил слабую, находящуюся в состоянии кризиса, полуголодную страну в одну из самых мощных в военном и экономическом отношении держав мира.

“Народная монархия” содержит огромный волевой заряд, четкость выводов и целей. Это печатный сгусток юридической энергии мыслителя, любящего Россию всем сердцем. Перед нами позиция автора — бойца до мозга костей, бойца яростного и неустрашимого, патриота и гражданина Отечества. Обладая юридическим университетским образованием в сочетании с воистину уникальным жизненным опытом, “мужик-монархист” выступает против тех, кто десятилетиями говорил от имени народа, писал о народе, управлял им, не зная и не понимая его характера. Время покажет, насколько тот “голос крови”, который пытался уловить Иван Солоневич, отзовется в неразгаданной душе русских, в их судьбе.

Быть может, позволительно сравнить “Народную монархию” для нас со святой водой, которой напоили нищие странники Илью Муромца и которая исцелила его от немощи и наделила неодолимой богатырской силой. “Жидовин”, Батый, Мамай, Карл, Наполеон большой и маленький, Бисмарк, Вильгельм, Гитлер, Черчилль, Трумен... Кто следующий? Клинтон и его величество доллар в лице Сороса? Только помните: кто к нам с мечом придет, от меча и погибнет! Последние фразы Иван Лукьянович при жизни не писал и не говорил, но они органически вытекают из его наследия и лишь произнесены за него автором лекционного курса на злобу дня, под конец, который “делу венец”. Помните сокровенные строки другого, не белого, а красного мужика Твардовского, как и Солоневич, вышедшего из крестьянской, журавлиной России:

Но даром думают, что память
Не дорожит сама собой,
Что ряской времени затынет
Любую боль, любую боль...

Они звучат юридически, в унисон мятущейся русской душе с ее “шестым чувством” и “вертикалью правосознания”.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Закончено изложение курса лекций юридической мысли Отечества. Закономерно встает вопрос: заслуживает ли этот курс, исторический по своей сути, пристального внимания сегодняшнего студента-юриста, и без того загруженного непомерным количеством учебных дисциплин, ориентированных вроде на злобу дня, но имеющих тенденцию плодиться так, что нынешний процесс подготовки правоведа становится поневоле фрагментарным, а его даже дебютная стадия (младшие курсы) — цейтнотной.

По мнению автора, не только заслуживает, нуждаясь в автономном статусе от истории политических учений, но и может стать тем веским аргументом — ядром новой системы юридического образования, который стабилизирует учебный процесс, затормозит лавинообразный рост информации, бесполезной для студента-юриста. Ведь история юриспруденции России ориентирует его подготовку не на букву (количество), а на дух (качество) закона, на фундаментальное знание, которое на родимой почве уже прошло испытание временем и высветило как продуктивные темы, работающие на правосознание будущего юриста, так и те, которые привнесены политической конъюнктурой, не имеют устойчивой преемственности с предшествующим русским правоведением, а значит, являются балластом учебного корабля, плывущего в наш юридический мир.

Достаточно в этой связи обратить внимание на засилье в существующей системе юридического образования цикла общеобразовательных гуманитарных дисциплин (1/3 учебных часов), программы которых мало связаны с решением тех проблем, которые стояли, стоят и еще долго будут стоять перед российской юриспруденцией. Эти дисциплины на фоне изложенной самобытной юридической мысли выглядят “белой вороной”, они ориентированы на изучение студентом пресловутых общечеловеческих закономерностей, а по сути, на идеологию европоцентризма, выступавшую у нас длительное время в марксистских, а сегодня — в монетаристских одеждах. Усвоение их будущими юристами ведет к формированию у них космополитического правосознания, превращает в “иванов, не помнящих родства”, а в конечном счете в специалистов, не способных верой и правдой защищать национальные интересы своей Родины. (Для вящей убедительности приведу мысль великого русского поэта, чей 200-летний юбилей праздновала недавно вся постсоветская Россия: “Уважение к минувшему — вот черта, отличающая образованность от дикости”).

История отечественной юриспруденции в союзе с другими учебными дисциплинами (теория государства и права, философия права, социология права, история отечественного государства и права и др.) способна успешно заменить общеобразовательный цикл, нисколько не умаляя при этом уровень гуманитарной и культурной подготовки российского юриста.

Кроме того, историческое знание, в том числе и юридического профиля, является необходимой предпосылкой теоретического осмысления дел и забот современности, верной ориентации в них. Страна с тысячелетней памятью, базирующейся к тому же на православии как религии большинства проживающих в ней граждан, уходящем своими корнями в седую античность, — такая страна лишь тогда придет к юстиции, построит правовую государственность, когда преодолееет нигилизм по отношению к своему прошлому, откажется от заграничных утопий различного толка, продолжит прерванный в XX веке врагами России крестный путь, заветанный нам мудрыми, свободлюбивыми, справедливыми предками, с которыми нас связывают не только политическое родство, идейно-юридическая традиция, но и единая историческая судьба.

Не вступая “под занавес” в бессмертную по нынешнему политическому безвременью схоластическую полемику о понятии права, отмечу, что с высоты отечественной юриспруденции ясно как в Божий день, что право — не воля, своекорыстная, пролетариата и его союзников, тем паче не воля, своекорыстная, “общечеловеков” с их абстракцией “прав человека” и “узаконенной анархией” при “безвластной власти” (Новгородцев), а воля живых и мертвых россиян (то есть всех поколений), которые беззаветно, не щадя крови и пота, делали и делают нашу историю, оберегали и оберегают, обустроивали и обустроивают всем врагам назло родную землю, передавая созидательную эстафету сыновьям и дочерям.

Отсюда следует, что освященное веками правосознание, “умное делание”, вера предков, то, что чаще именуется русским духом, — фундамент для справедливого позитивного права, лишенного конъюнктуры, словоблудия, “словесной трескотни” (Ленин), любых видов лоббирования в органах государственной власти. Как веский аргумент воскресим мудрость Карамзина: “История в некотором смысле есть священная книга народов, главная, необходимая, зеркало их бытия и деятельности, скрижали откровения и права, завет предков к потомству...”

Недаром кто-то из других авторов сказал как отрубил: “Когда народ выбирает религию, он выбирает судьбу”. Не пристало нам ее выбирать всякий раз со сменой правителей: судьбу нам завещали отцы и деды, и долг наш, наша высокая миссия — хранить православный выбор как зеницу ока. Только тогда мы обеспечим не на словах, а на деле свое право на достойное существование, останемся самими собой и не пойдем по миру с сумой, обезличенные, как американские индейцы.

Кстати, опора на российскую традицию позволит понять друг друга представителям различных идейных лагерей, искренне желающим Отечеству добра, но заплутавшим в дебрях псевдоплюрализма. То же самое можно сказать и о призывах к согласию.

А ведь consensus voluntation (универсальное согласие) считался началом всякого права на родине правоправления — в Древнем Риме. Мы же должны руководствоваться консенсусом в основах нашего бытия, который должен пониматься как уважение к выбору предков, консенсусом в традициях — как неформальной, неписаной конституцией России. Такое согласие снизит накал внутривластного боя — боя, на фоне которой любые очередные выборы в стране означают революцию. Лимита же на это действие у нас нет.

Сегодня русский народ, как загнанный конь, нуждается в отдыхе. Ему архиважно остановиться и припасть к живительному, лекарственному источнику своей матушки-кормилицы земли. Русскому народу после стольких безрассудных, порывающих с родимой почвой "походов" (поди туда, не знаю куда; принеси то, не знаю что), закончившихся все как один крахом, — пора передохнуть и осмысленно оглядеться вокруг. Да и "наезды" заморских завистников, которым столетиями было тесно в границах своих территорий, с их навязчивой тевтонской идеей "drang nach Osten!" стоили русским людям титанических усилий в отстаивании своей правды и суверенитета.

Но завтра, когда наш народ, как атлант Антей, сможет восстановить от земли свою жизненную энергию, подвижничество, добродетель души, выражающуюся, по словам Аристотеля, в способности выбора средств для определения и достижения цели, он сам распряжится и пойдет лучезарным путем к юстиции. По-иному русские жить не смогут.

Оговорюсь, чтобы лишний раз не бесить бесов и не получить ненароком ярлык русского фашиста. Для меня русскими, как и для великого афинянина Исократа — эллинами, "называются скорее те, кто участвует в нашей культуре, чем те, кто имеет общее с нами происхождение".

С этих же историко-юридических координат видно, что цель нашего права — не коммунизм, тем паче не дикий капитализм, ставший, теперь уже ясно, современным Клондайком (на горькое горе потомкам) для таких невинных отродясь на отечественных просторах особей, как "новые русские" нелюди — строители пирамид, которым позавидовал бы сам египетский фараон Хеопс или римский император Диоклетиан с его наглым девизом "Деньги не пахнут!"

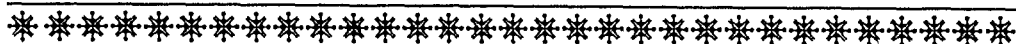
Однако перспектива у этих особей, сколько веревочке ни виться, одна: Рио-де-Жанейро, о котором мечтал небезызвестный Остап Бендер. Сохраняется и другая альтернатива: покаяние и добровольное повторение на новом витке истории добродетелей Третьякова и Дягилева (первый создал русскую художественную галерею, второй — русский балет). Не стоило бы им медлить с выбором, искушать судьбу: может ведь замаячить и сталинский вариант. Превратить же Русь в Латинскую Америку не удастся: помешают современные Степаны Разины и Емельяны Пугачевы; об этом же свидетельствует весь ход русской истории и Нюрнбергский трибунал.

Цель нашего права — в русском Космосе, в защите добра, тишины, здоровья (физического и духовного), русского языка и культуры; цель в том, чтобы "женки наши" (Пушкин) не становились раньше времени вдовами, чтобы хотели и не переставали рожать детей. Короче, цель нашего права — спасение "живой жизни" уникального многоликого этноса в Вечности.

Это та, истинно правая, а точнее, православная цель, которую в жестокой борьбе с чужебесием ставил перед русским государством в трактате “О размножении и сохранении российского народа” наш ясновидящий пророк, один из немногих знатоков отечественной истории, любящий ее не только умом, но и сердцем, Илья Муромец XVIII века, архангельский крестьянский сын Михаил Васильевич Ломоносов. Известными всем нам со школьной скамьи крылатыми, устремленными в будущее России строками (которые смело можно назвать юридическими) он напутствовал в лице студентов всех молодых российских граждан на служение Родине:

О вы, которых ожидает
Отечество от недр своих
И видеть таковых желает,
Каких зовет от стран чужих,
О, ваши дни благословенны
Раченьем вашим показать,
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать.

Сим победиши!

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

(в порядке изложения)

- Повесть временных лет. М. — Л.: Академия наук СССР, 1950.
- Розов Н.Н. Синодальный список сочинений Илариона — русского писателя XI века. Praha: Slavia, 1963.
- Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. Л.: Академия наук СССР, 1932.
- Нил Сорский. Предание и Устав. СПб.: Общество любителей древней письменности, 1912.
- Послания Нила Сорского // Труды. Отделение древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР. Т. 29. Л., 1974.
- Послания Иосифа Волоцкого. М. — Л.: Академия наук СССР (Ленинградское отделение), 1959.
- Вассиан Патрикеев и его сочинения. М. — Л.: Академия наук СССР (Ленинградское отделение), 1960.
- Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л.: Наука (Ленинградское отделение), 1979.
- Курбский А.М. История о великом князе Московском. СПб., 1913.
- Иван Грозный. Послания. М. — Л.: Академия наук СССР, 1951.
- Пересветов К.С. Сочинения. М. — Л.: Академия наук СССР, 1956.
- Собрание писем царя Алексея Михайловича. М., 1856.
- Грибоедов Ф.А. История о царях и великих князьях земли русской. СПб., 1896.
- Крижанич Ю. Политика. М.: Наука, 1965.
- Симеон Полоцкий. Жезл правления // Избр. соч. М.: Академия наук СССР, 1953.
- Житие Аввакума и другие его сочинения. М.: Советская Россия, 1991.
- Бубанов В.И. Разин и разинцы (документы, описания современников). М.: Наука, 1995.
- Письма и бумаги императора Петра Великого. М.: Наука, 1975.
- Прокопович Ф. Правда воли монаршей // Соч. М. — Л.: Академия наук СССР, 1961.
- Татищев В.Н. Произвольное и согласное рассуждение и мнение собравшегося шляхетства русского о правлении государственном // Избр. произведения. Л., 1979.
- Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. М.: Академия наук СССР, 1951.
- Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения. СПб., 1907.
- Щербатов М.М. Путешествие в землю Офирскую // Сочинения князя М.М. Щербатова. Т. 1. СПб., 1896.

- Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей. Вторая половина XVIII века. М.: Госюриздат, 1959.
- Новиков Н.И. Смеющийся Демокрит. М.: Советская Россия, 1985.
- Фонвизин Д.И. Сочинения. М.: Правда, 1981.
- Документы ставки Е.И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений 1773—1774 гг. М.: Наука, 1975.
- Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву // Избранные философские и общественно-политические произведения. М.: Госполитиздат, 1952.
- Пестель П.И. Русская правда. Восстание декабристов. Документы. Т. VII. М.: Госполитиздат, 1958.
- Конституционные проекты Н.М. Муравьева — В кн.: Дружинин Н.М. Декабрист Никита Муравьев // Избр. труды. М., 1965.
- Горбачевский Н.Н. Записки. Письма. М.: Академия наук СССР, 1963.
- Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука, 1991.
- Сперанский М.М. Проекты и записки. М. — Л.: Академия наук СССР, 1961.
- Чаадаев П.Я. Сочинения. М.: Правда, 1989.
- Аксаков К.С. Записка о внутреннем состоянии России // Полн. собр. соч. Т. 1. М., 1889.
- Переписка императора Александра II с великим князем Константином Николаевичем. 1857—1861; Дневник великого князя Константина Николаевича (1858—1861). М.: Терра, 1993.
- Погодин М.П. Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны // Сочинения Погодина в 5 т. Т. 4. М. — Пб., 1874.
- Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издание). М.: Наука, 1978.
- Катков М.Н. О дворянстве. М., 1905.
- Победоносцев К.П. Великая ложь нашего времени. М.: Русская книга, 1993.
- Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1995.
- Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство: философская и политическая публицистика; духовная проза (1872 — 1891). М.: Республика, 1996.
- Достоевский Ф.М. Дневник писателя // Полн. собр. соч. в 30 т. Т. 26. Л.: Наука (Ленинградское отделение), 1984.
- Соловьев В.С. Философская публицистика. Соч. в 2 т. Т. 1. М.: Правда, 1989.
- Соловьев В.С. Оправдание добра. М.: Республика, 1996.
- Леонтович В.В. История либерализма в России (1762—1914). М.: Русский путь, 1995.
- Кавелин К.Д. Наш умственный строй. М.: Правда, 1989.
- Чичерин Б.Н. Философия права. Новосибирск: Изд-во Сиб. ун-та, 1998.
- Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. В 2 т. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961.
- Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 1904.
- Муромцев С.А. Определение и основное разделение права. М., 1879.
- Ковалевский М.М. Происхождение современной демократии. В 4 т. Т. 2. М., 1895.
- Чернышевский Н.Г. Письма без адреса. М.: Сов. Россия, 1986.
- Лавров П.Л. Государственный элемент в будущем обществе // Избр. соч. на социально-политические темы в 8 т. Т. 4. М., 1934.
- Ткачев П.Н. Соч. в 2 т. М.: Мысль, 1975.
- Ткачев П.Н. Открытое письмо Фридриху Энгельсу // Избр. соч. на социально-политические темы в 4 т. Т. 3. М., 1932.
- Бакунин М.А. Государственность и анархия. Кнуто-Германская империя. Философия. Социология. Политика. М.: Правда, 1989.

Михайловский Н.К. Борьба за индивидуальность. Полн. собр. соч. в 9 т. Т. 1. СПб., 1906.

Плеханов Г.В. Наши разногласия // Избр. философские произведения в 5 т. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1956.

Дневник императора Николая II. М.: Полистар, 1991.

Витте С.Ю. Избранные воспоминания. 1849—1911. М.: Мысль, 1991.

Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. СПб., 1992.

Вехи: сборник статей о русской интеллигенции. М., 1990.

Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 3 т. М., 1993.

Новгородцев П.И. О общественном идеале. М.: Пресса, 1991.

Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. В 2 т. СПб., 1907.

Ленин В.И. Государство и революция // Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 33. М.: Политиздат, 1969.

Кропоткин П.А. Хлеб и воля; Современная наука и анархия. М.: Правда, 1990.

Толстой Л.Н. Царство Божие внутри нас // Полн. собр. соч. в 90 т. Т. 28. М.: Гослитиздат, 1957.

Сталин И.В. Вопросы ленинизма. М.: Госполитиздат, 1953.

Бухарин Н.И. Проблемы теории и практики социализма. М.: Политиздат, 1989.

Троцкий Л.Д. Преданная революция. М., 1991.

Смена веков: сборник статей. Прага, 1921.

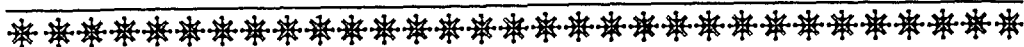
Евразийство. Опыт систематического изучения. Париж, 1926.

Трубецкой Н.С. Европа и человечество. София, 1920.

Ильин И.А. Философия права; Нравственная философия // Соч. в 2 т. Т. 1. М., 1993.

Солоневич И.Л. Народная монархия. Минск, 1999.

СОДЕРЖАНИЕ

Вводная лекция. Роль и задачи истории юриспруденции России в системе юридического образования. Предмет, метод, структура курса	5
---	---

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЮРИДИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ КИЕВСКОЙ И МОСКОВСКОЙ РУСИ

РАЗДЕЛ I. Древнерусская юриспруденция IX — XIII веков	23
Лекция 1. Общая характеристика. "Слово о законе и благодати" Илариона . . .	23
Лекция 2. "Повесть временных лет". Владимир Мономах	31
Лекция 3. "Слово о полку Игореве" и "Моление Даниила Заточника".	41
РАЗДЕЛ II. Юриспруденция Московской Руси	52
Лекция 1. Общая характеристика. Теория "Москва — Третий Рим"	52
Лекция 2. Нестяжатели и иосифляне	59
Лекция 3. Poleмика Ивана Грозного и Андрея Курбского	68
Лекция 4. Иван Пересветов	76
Лекция 5. Русские еретики	81
РАЗДЕЛ III. Юриспруденция России XVII века	88
Лекция 1. Общая характеристика. Царь Алексей Михайлович и его окружение .	88
Лекция 2. Православная концепция власти патриарха Никона	96
Лекция 3. Старообрядчество. Протопоп Аввакум.	104
Лекция 4. Народная юридическая мысль. Степан Разин.	113

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИИ

РАЗДЕЛ I. Юриспруденция России первой половины XVIII века	123
Лекция 1. Общая характеристика. Петр I	123
Лекция 2. "Ученая дружина" Петра I	132
Лекция 3. "О скудости и богатстве" Ивана Посошкова	141
РАЗДЕЛ II. Юриспруденция России второй половины XVIII века	149
Лекция 1. Общая характеристика. Екатерина II	149
Лекция 2. Дворянский конституционализм. М.М. Щербатов. Н.И. Панин . . .	157
Лекция 3. Юридические идеи русских просветителей	165
Лекция 4. С.Е. Десницкий — первый русский профессор права	173

Лекция 5. Юриспруденция русского народа. Е.И. Пугачев	180
Лекция 6. Юриспруденция А.Н. Радищева	187
РАЗДЕЛ III. Юриспруденция России первой половины XIX века	194
Лекция 1. Концепция русского легитимизма Н.М. Карамзина	194
Лекция 2. М.М. Сперанский	201
Лекция 3. Теория официальной народности	208
Лекция 4. Государственно-правовая мысль декабристов	218
Лекция 5. Раннелиберальная юриспруденция. Западники и славянофилы	228
Лекция 6. Народничество. А.И. Герцен	240
РАЗДЕЛ IV. Юриспруденция пореформенной России	249
Лекция 1. Общая характеристика. Русский консерватизм	249
Лекция 2. Александр II. Реформистский консерватизм	256
Лекция 3. К.П. Победоносцев	267
Лекция 4. Почвенничество	277
Лекция 5. Ф.М. Достоевский	288
Лекция 6. В.С. Соловьев	301
Лекция 7. Русский либерализм и его основные течения	310
Лекция 8. Кружковый либерализм	317
Лекция 9. Сановный либерализм	326
Лекция 10. Земский либерализм	334
Лекция 11. Шестидесятники. Н.Г. Чернышевский	341
Лекция 12. Общая характеристика революционного народничества. П.Л. Лавров	351
Лекция 13. М.А. Бакунин	357
Лекция 14. Русский бланкизм. П.Н. Ткачев	365
Лекция 15. Либеральное народничество. Н.К. Михайловский	369
Лекция 16. Зарождение русского марксизма. Г.В. Плеханов	379
РАЗДЕЛ V. Юриспруденция России начала XX века (до 1917 года)	388
Лекция 1. Николай II. Консервативный реформизм С.Ю. Витте	388
Лекция 2. Государственно-правовые идеи Л.А. Тихомирова	395
Лекция 3. Веховцы о государстве и праве	403
Лекция 4. Обзор русского либерализма начала XX века. П.Н. Милюков	410
Лекция 5. П.И. Новгородцев	419
Лекция 6. Л.И. Петражицкий	425
Лекция 7. П.А. Кропоткин	433
Лекция 8. Л.Н. Толстой	439
Лекция 9. В.И. Ленин	447

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ РОССИИ XX ВЕКА (ПОСЛЕ 1917 ГОДА)

РАЗДЕЛ I. Советская юридическая мысль	457
Лекция 1. И.В. Сталин	457
Лекция 2. Н.И. Бухарин	464
Лекция 3. Л.Д. Троцкий	473
РАЗДЕЛ II. Юриспруденция русской эмиграции	482
Лекция 1. Сменовеховство	482
Лекция 2. Евразийцы	488
Лекция 3. И.А. Ильин	497
Лекция 4. И.Л. Солоневич	505
Заключение	519
Список источников (в порядке изложения)	523

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ АЗАРКИН

ИСТОРИЯ
ЮРИДИЧЕСКОЙ
МЫСЛИ
РОССИИ

КУРС ЛЕКЦИЙ

Редактор

В.А. Терехина

Художественный редактор

П.В. Иващенко

Технический редактор

Г.И. Заблоцкая

Компьютерная верстка

Н.В. Шестовой

Корректоры

А.Ю. Буланова, М.А. Макунина

Лицензия ЛР № 010152 от 30 декабря 1996 г.

Сдано в набор 18.06.99. Подписано в печать 29.10.99. Формат 70х100^{1/16}

Бумага офсетная. Гарнитура Академическая. Печать офсетная

Объем: усл. печ. л. 42,57; учет.-изд. л. 44,84. Тираж 3000 экз. Зак. № 2159

Издательство "Юридическая литература" Администрации Президента Российской Федерации
121069, Москва, ул. Малая Никитская, 14

Отпечатано в ГУП ИПК "Ульяновский Дом печати"
432601, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14